

Федеральное агентство по образованию
Департамент образования и науки Ханты-Мансийского автономного округа — Югры
Нижневартовский государственный гуманитарный университет
Гуманитарный факультет
Нижневартовское отделение Российского общества интеллектуальной истории
Кафедра документоведения и всеобщей истории

ИСТОРИЯ ИДЕЙ И ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВА

Материалы IX Всероссийской научной конференции

г.Нижневартовск, 14—15 апреля 2011 года

Издательство
Нижневартовского государственного
гуманитарного университета
2011

**ББК 63.3(0)я43
И 90**

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Нижевартовского государственного гуманитарного университета

Оргкомитет конференции:

доктор физ.-мат. наук, проф. *С.И.Горлов* (ректор НГГУ, председатель оргкомитета),
канд. биол. наук, доц. *Д.А.Погоньшев* (проректор по научной работе НГГУ,
зам. председателя), канд. ист. наук, доц. *С.Н.Васильева* (декан гуманитарного
факультета), доктор ист. наук, проф. *В.В.Степанова* (зав. кафедрой документоведения
и всеобщей истории), доктор ист. наук, проф. *В.Н.Ерохин* (отв. редактор),
Л.Н.Беспалова (секретарь)

И 90 **История идей и история общества:** Материалы IX Всероссийской
научной конференции (г.Нижевартовск, 14—15 апреля 2011 года) / Отв.
ред. В.Н.Ерохин. — Нижевартовск: Изд-во Нижеварт. гуманитар. ун-та,
2011. — 383 с.

ISBN 978–5–89988–807–6

Сборник содержит материалы VIII Всероссийской научной конферен-
ции «История идей и история общества», проводившейся 14—15 апреля
2011 года в Нижевартовском государственном гуманитарном универси-
тете.

Для преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заве-
дений.

ББК 63.3(0)я43

ISBN 978–5–89988–807–6

© Издательство НГГУ, 2011

І. ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ И СТАТЬИ

В.В. Степанова

Нижневартковский государственный гуманитарный университет

ГЕНРИХ ФОН ТРЕЙЧКЕ В НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИИ

«В фокусе современной историографии-человек, и все более — человеческая индивидуальность. История рассматривается как наука о человеке, изменяющемся в социально-темпоральном пространстве прошлого и своими действиями непрерывно изменяющем это пространство»¹.

Историческое познание означает упорядочение, проект, гипотеза, основанное на имеющемся историческом материале. Задачей исторического познания является стремление сохранить «мельчайшие детали», которые могут послужить в дальнейшем для того, чтобы сломать конструкцию прошлого, которая была односторонней².

Обращение к истории объединения Германии в середине XIX века, где движутся отдельные личности, может дать значимый результат при условии, что эти личности будут рассматриваться, прежде всего, с точки зрения проявления в их индивидуальных деяниях «духа времени», общественного сознания выдвинувшей их эпохи³.

Объединительный процесс в Германии невозможно понять без учета субъективного фактора. В середине — второй половине XIX века в Пруссии, Баварии, Гессене, Саксонии, сформировалась целая плеяда политических деятелей, ставших символами объединенной Германии: Бисмарк, Твестен, Ласкер, братья Герлах, Симсон, братья Рейхеншпергер, Вальдек, Бокум-Дольфс, Кирхманн, Летте, Маллинкродт, Лассаль, Бебель и др. Среди них особое место занимает Генрих фон Трейчке, деятельность которого именно в эти годы позволяет значительно обогатить знания о роли субъективного фактора в германской истории XIX века.

В среде историков прошлого и настоящего отношение к Генриху фон Трейчке, его идеям, политической деятельности неоднозначное. Его обвиняют в национализме, называя «национал-националистом», в макиавеллизме в вопросах объединения Германии, в некритическом отношении к Пруссии⁴.

В настоящее время ООН объявило Г. фон Трейчке родоначальником теории, по которой государства могут быть разделены на первый и второй сорт⁵.

Его высказывания о евреях в народе до сих пор являются предметом обсуждения. Солженицын А. говорил, что идея Г. Фон Трейчке о том, что «немецкое общество считало евреев нашим национальным несчастьем» порождала неадекватное отношение к этому народу⁶.

Генрих фон Трейчке писал об увеличивающейся эмиграции польских евреев, осуждал недобросовестность конкуренции еврейских торговых фирм, которые подрывали традиционное отношение к труду. Он называл антисимистскую пропаганду грубой и отталкивающей, но присоединялся к претензиям, которые выдвигались против них. Он не выступал за какие-либо юридические ограничения евреев в правах. Г.Трейчке писал: «наше требование к согражданам евреям просто и элементарно: пусть они станут немцами, просто и истинно будут чувствовать себя немцами, не искажая при этом свои старинные, святые для них воспоминания и веру. Мы не хотим, чтобы на смену тысячелетней культуры Германии пришла эпоха смешанной еврейско-немецкой культуры»⁷.

Ему приписали авторство «Германской песни» (Германия, Германия превыше всего в мире), которая была сочинена либералом в 1841 году Хофманом фон Фаллерсбленом, гонимого прусской властью, а в 1871 году эта песня становится гимном Германии⁸.

В XIX веке Г.Трейчке признали официальным рупором новой объединенной Германии, одним из основателей идеи «малогерманского пути» объединения Германии⁹.

Проследить жизненный путь Г. фон Трейчке, значит понять важнейшие факторы объединительного процесса в Германии, такие как общественное мнение, изменения в установках и ценностных ориентациях немецкого общества в середине XIX века, способствующих созданию единого политического пространства на территории Германии.

В данной статье анализируются схемы получения знаний способы аргументации, характерные как лично для Г. фон Трейчке, так и для представителей «малогерманской» школы бисмарковской эпохи. Вот почему такие малоактуальные, темы как обучение в университетах, австро-прусская война, помогают пониманию того, как изменялось мировоззрение просвещенной элиты Германии под влиянием объединительного процесса, начатого в Пруссии канцлером О.Бисмарком.

Генрих фон Трейчке (Treitschke, Heinrich von) родился 15 сентября 1834 года в Дрездене (Саксония), в семье армейского офицера. В Саксонии в 50-е годы новым королем /1854—1873/ и правительством Бейста много было сделано для восстановления «домартовских» полуабсолютистских порядков. Министры, назначавшиеся своими королями, не считались с ландтагом и его решениями, усиливали репрессивные курсы против оппозиции. Во всех случаях правительства немецких государств пользовались поддержкой Меттерниха. Пруссия также усилению помогала в проведении жестких курсов внутри этих государств.

Г. фон Трейчке получил в лучших университетах Германии. Обучался в Лейпцигском университете (основан 4 декабря 1409 года), Боннском университете имени Фридриха Вильгельма (основан в 1786 году)¹⁰.

Г. фон Трейчке в период обучения придерживался консервативно-религиозных и саксонско-партикуляристских взглядов, что нашло отражение в его ранних работах¹¹.

Однако в 1859 году в диссертации «Наука об обществе» писал, что политико-национальная общность сословий в настоящее время становится гораздо сильнее и значительнее, чем сословные различия¹².

В 1859 году стал профессором Лейпцигского университета, одного из старейших университетов Европы, представлявший центр духовной мысли средней Германии в 19 веке. Университетские профессора представляли элиту немецкого общества и были выразителями ее ценностей, занимали чрезвычайно важное место в жизни страны. Немецкие университеты были не только учебными заведениями, но и мощными научными центрами. Немецкие профессора имели самый высокий социальный статус в Германии.

В этот период владение значительным ликвидным капиталом еще не стало широко распространенным, ни общепринятым показателем социального статуса, а наследственные титулы, основанные на землевладении, уже не являлись необходимыми условиями этого статуса, хотя и оставались еще в силе. Образование и профессиональная квалификация оказывались единственным серьезным основанием для претензий на социальную значимость. Университетские ученые стали требовать, чтобы общественная жизнь все более сосредотачивалась в руках просвещенного меньшинства, а не малообразованной аристократии. С точки зрения политики этот процесс являет собой постепенное преобразование феодального государства в бюрократизированную монархию, которая благоприятствует развитию влиятельной элиты¹³.

Такое положение многое объясняет в последующей деятельности Г. фон Трейчке. Что касается Генриха фон Трейчке, то политический конфликт в Пруссии, приход О.Бисмарка к власти трансформируют его систему взглядов. В своих работах он подвергает резкой критике тактику оппозиции, считая ее «вредной», подрывающей политическую устойчивость страны, поддержал действия О.Бисмарка. Г. фон Трейчке, положительно оценивая деятельность О.Бисмарка в период конституционного конфликта. Он проводил параллель между прошлым и настоящим в истории Германии, доказывают тезис о том, что «политика железа и крови», которой следовал Бисмарк в борьбе за объединение Германии, была единственно возможной». В своих работах акцентировал внимание на успехах О.Бисмарка, его решительности, настойчивости, пренебрежению к опасности, всего того, что помогло стать ему «великим» человеком Германии¹⁴.

В 1863 году в разгар конституционного конфликта в Пруссии Генрих фон Трейчке перешел на преподавательскую деятельность во Фрайбургский университет имени Альберта Людвига, основанного в 1457 году. В этот период Г. Фон Трейчке совершил эволюцию от консервативно-религиозных и саксонско-партикуляристских взглядов к национал-либеральным. Ф.Мейнеке утверждал, что Трейчке вместе с Ф.Дальманом попытались отойти от идеалистического подхода

к государственному управлению к реалистическому историческому анализу и подготовили условия для нового поколения ученых, рассматривающих современное общество с реалистических позиций¹⁵.

Он оказал поддержку войне Гогенцоллернов против Габсбургов в 1866 году. Это выразилось в создании легенды о «национальной миссии» Гогенцоллернов, изображающих их политику как осуществление этой династией во все времена национально-государственных интересов. Основа легенды была заложена Т.Дройзенем в «Истории прусской политики» в 14 томах, издаваемой с 1855—1886 годы¹⁶.

Когда началась война, Трейчке писал: «Не дело для германцев повторять общие места апостолов мира и жрецов Мамоны и закрывать глаза на ту жесткую истину, что мы живем в век войн»¹⁷.

Он оставил профессию во Фрайбурге к началу войны и взялся за редактирование «Прусского ежегодника», издаваемого в Берлине, пропагандировавшего «малогерманский путь» объединения, начав работу над своим трудом «История Германии XIX века».

В день, когда прусские войска одерживали победу над Австрией, 3 июля 1866 г. проходили выборы в прусский ландтаг. Выразителем правого крыла либералов стал Г.Трейчке, который писал в «Прусском ежегоднике»: «Кто не доктринерски воспринимает происходящее, тот, наконец, может убедиться в том, как можно добиться успехов». Г.Трейчке отмечал, что либералы должны отдавать себе отчет о своих возможностях, и «Пруссия, вследствие своего особого политического устройства, не может и не должна перестраиваться на английский или бельгийский манер». Г.Трейчке выступал против «террора прогрессивной партии» и требовал от прусского общества одобрения внешней политики О.Бисмарка, помогал мобилизовать национальный энтузиазм в поддержку Пруссии и популяризировал теорию Гегеля о национальном государстве как сверхличностном источнике права и этики, сущность которого есть власть (Махт)¹⁸.

9 февраля 1867 года король закрыл сессию прусского парламента. В партиях прусского ландтага произошел раскол. Часть прогрессистов во главе с Ласкером и Твестеном образовали национал-либеральную партию, высоко оценившую политику О.Бисмарка и взявшую на себя роль «повивальной бабки германского единства». К этой партии примкнул и Генрих фон Трейчке, воспринявший идеологию защиты капитала и объединения страны¹⁹.

Во время австро-прусской войны принял прусское гражданство и стал профессором Кильского университета, а в 1871 году — профессором истории Берлинского университета. С образованием германской империи немецкий язык стал подвергаться воздействию новых фактов, связанных с изменением политической ситуации. Прусская армия, ее авторитет заставляли бюргерство стремиться к тому, чтобы получить чины. И это влияло на немецкий язык. Новые вольности в языке приписывают Генриху фон Трейчке. В своих лекциях

по политологии в Берлинском университете он читал лекции в категоричной, грубоватой форме, который называли «языком казармы». Дialeкт немецкого языка, распространенный в Пруссии, на котором говорили военные, становился предметом восхищения и становился господствующим языком на новых при-единенных территориях²⁰.

Малогерманская школа во главе с Г. фон Трейчке отказалась от гегелевской философии истории, от исторических конструкций идеологов Просвещения. Она сделала ставку на объяснение необходимости объединения Германии под властью Пруссии. На первое место поставила великую историческую личность. Государство в их лекциях, статьях выступало как высочайшая нравственная власть, стоящая над классами и партиями, как центральный фактор истории

В «Германской истории XIX века» Генрих фон Трейчке приписывал успехи национального развития страны прусскому государству, неудачи — влиянию Австрии, католическим принципам, партикуляризму мелких государств, либерально-демократическому движению. В своей «немецкой истории» он предлагал ответы на вопросы о причинах успехов Германии, выявляет такие факторы как национальный дух, природа, личность²¹.

В 1871 году Генрих фон Трейчке был избран в германский рейхстаг от национал-либеральной партии, что являлось признанием его заслуг в объединительном процессе. В 1875 году Г. фон Трейчке включился в дискуссию о направлениях социальной политики под влиянием роста рабочего движения²².

Крупный немецкий историк, литературный критик, профессор, автор «История Германии в XIX веке» в 5 томах, политик, проделавший эволюцию от либерализма к консерватизму, ставший сторонником национал-государственников, активно пропагандировавший свои взгляды с помощью лекций, статей, убеждая вносить свою лепту в создании немецкого духа, таким рисуется портрет тех людей, которые поддержали О.Бисмарка и обеспечили «пруссский вариант» объединения Германии.

После отставки О.Бисмарка (1890 г.), влияние малогерманской школы стало падать. Резкой критике подверглись взгляды Трейчке по вопросам исторического развития Германии, роли Пруссии, особенно со стороны молодых немецких историков, что привело к его уходу как с политической арены, так и профессиональной²³.

Примечания

¹ Репина, Л.П. Междисциплинарность и история // Диалог со временем. — М., 2004. — № 11. — С. 17.

² Эксле, О.Г. Историческая наука в постоянно меняющемся мире // Диалог со временем. — М., 2004. — № 11. — С. 98.

³ Гуревич, А.Я. М.Блок и «Апология истории» // Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. — М., 1973. — С. 181.

⁴ Хюбнер, Курт. Нация: от забвения к возрождению. — М., 2001. — С. 9.

⁵ Нарочницкая, Н.А. Идеология глобализма и судьба мирового сообщества. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://nova.Rambler.ru>, свободный.

⁶ [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://aleksandrosolhenicyn.Ru>, свободный.

⁷ [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.nu.Nudecelebs.Ru>, свободный.

⁸ Сергеев, С.М. Русский национализм и империализм начала XX века / Нация и империя русской мысли начала XX века. — М., 2004. — С. 152.

⁹ Крейг, Г. Немцы. — М., 1999. — С. 348.

¹⁰ [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.slogos.ru>, свободный.

¹¹ Schieman, T. Heinrich von Treitsches Lehr und Wanderjahre 1836—1886. — Munchen, 1896; Gustav Freitag und Heinrich von Treitsche im Briefwechsel. — Leipzig, 1900.

¹² [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.readboochz.com>, свободный.

¹³ Рингер, Ф. Закат немецких мандаринов: Академическое общество в Германии, 1890—1933 / Пер. с англ. Е.Канищевой и П.Гольдина. — М., 2008. — С. 11.

¹⁴ Treitschke, H. Zehn Jahre deutscher Kämpfe. 1865—1874. — Berlin. 1874. Deutsche Geschichte. — Bd. 2. — Leipzig, 1884; Treitschke, H. Zehn Jahre Deutscher Kämpfe 1865—1871. — Berlin, 1874. Treitschke, H. Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert. 8. Aufl. — Bd. 2. — Leipzig, 1917. — Bd. 5. Leipzig. 1925; Treitschke, H. Zehn Jahre deutscher Kämpfe. Schriften zur Tagespolitik. Berlin, 1874. 2. Aufl. 1879; Treitschke, H. Der Untergang des ersten Reiches. — Berlin. 1942.

¹⁵ Рингер, Ф. Закат немецких мандаринов: Академическое общество в Германии, 1890—1933 / Пер. с англ. Е.Канищевой и П.Гольдина. — М., 2008. — С. 297.

¹⁶ [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.readboochz.com>, свободный.

¹⁷ Кон, Г. Азбука национализма // Проблемы восточной Европы. — N 41—42.

¹⁸ Baumgarten, H. Der deutsche Liberalismus. — F M, 1974. — S. 177.

¹⁹ Die bürgerlichen Parteien in Deutschland. 1830—1945. Handbuch der Geschichte der bürgerlichen Parteien und anderer bürgerlicher Interessorganisationen vom Vormärz bis zum Jahre 1945. Hrsg von einem Red. Kollektiv unter Leitung von. D.Fricke. — Leipzig. Bibliogr. Inst. 1968—1970. — Bd. 1—2. — S. 345—377.

²⁰ Рингер, Ф. Закат немецких мандаринов: Академическое общество в Германии, 1890—1933 / Пер. с англ. Е.Канищевой и П.Гольдина. — М., 2008. — С. 348.

²¹ Treitschke, H. Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert. 8. Aufl. — Bd. 2. — Leipzig, 1917. — Bd. 5. Leipzig, 1925.

²² Крейг, Г. Немцы. — М., 1999. — С. 258.

²³ [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.readboochz.com>, свободный.

К ИСТОКАМ СОТРУДНИЧЕСТВА СССР И ЗАПАДА В НЕФТЕГАЗОВОЙ СФЕРЕ

В начале XXI в. не вызывает сомнений утверждение о том, что значительное природное богатство при отсутствии продуманной долгосрочной стратегии и соответствующего регулирования в перспективе замедляет экономический рост. В последнее десятилетие крупные сырьевые компании приступили к созданию инновационных стратегий. Значительные доходы от экспорта позволяют сырьевым корпорациям закупать лучшие технологии на мировом рынке. В этой связи представляется необходимым использование отечественного исторического опыта как с целью увеличения доходов от экспорта нефти и газа, так и создания инновационной стратегии роста на основе собственных НИОКР, что имеет большое значение, как для отрасли, так и для российской экономики в целом.

Попытки выйти СССР на западноевропейские углеводородные рынки относятся еще к началу 60-х гг. XX века. Значимую роль в предпринимаемых правительством и научным сообществом в этой сфере усилиях сыграл, тогда еще молодой ученый, имя которого сегодня широко известно не только среди ученых и газозавиков России, но и далеко за ее пределами.

Коротаев Юрий Павлович родился 11 сентября 1926 г. в г.Коломне Московской (губернии) области в семье служащего. В сентябре 1943 г. был принят в Московский нефтяной институт им. И.М.Губкина. В своем заявлении при поступлении он написал: «...Я закончил полный курс средней школы, и в дальнейшем мечтаю посвятить свою жизнь изучению нефти и нефтяной промышленности»¹. Руководителем его дипломного проекта был один из крупнейших специалистов в области газовой и нефтяной науки профессор И.Н.Стрижов. Позднее, будучи уже зрелым ученым и крупным специалистом в своей области, Юрий Павлович с теплотой вспоминал человека, который определил всю его судьбу: «...Это был выдающийся ученый, о котором справедливо написаны книги и брошюры, который задолго опередил свое время в области науки по разработке газовых месторождений ...»².

В 1949 г. Ю.П.Коротаев закончил институт с отличием и был направлен на работу в лабораторию разработки газовых месторождений в недавно созданный ВНИИГАЗ³. Два десятилетия научная жизнь Павловича была связана с этим учреждением. Он прошел все ступени профессионального роста — от старшего механика, младшего научного сотрудника до заместителя директора.

К 60-м годам прошлого столетия Ю.П.Коротаев был уже вполне сложившимся ученым. Он участвовал в разработках ряда крупных нефтегазоконденсатных месторождений, был автором научных открытий, работал на газонефтяных

месторождениях Австрии, способствовал становлению нефтяной промышленности и высшего нефтяного образования Китая. За ликвидацию аварийного фонтана на месторождении Ян-гео-си путем организации перепуска газа в вышелегающий пласт, Юрий Павлович Коротаев правительством КНР был награжден медалью «Китайско-Советской дружбы».

В начале 1966 г. руководство Королевской Академии наук Швеции обратилось к министру газовой промышленности СССР с предложением рекомендовать одного из известных советских ученых для выступления на ежегодных Нобелевских чтениях, так как успехи советской газовой промышленности, открытие богатейших запасов углеводородов в Западной Сибири вызвали живой интерес в Западной Европе. Министром газовой промышленности А.В.Кортуновым в Швецию был направлен Ю.П.Коротаев. Кандидатура была поддержана и заместителем председателя Совета Министров СССР, председателем Госплана СССР Н.К.Байбаковым. Это было первое выступление советского ученого на Нобелевских чтениях.

В начале декабря 1966 г., чету Коротаевых в аэропорте встречали Чрезвычайный и полномочный посол СССР в Швеции Н.Д.Белохостиков и Президент Королевской Академии наук доктор Свен Брохульт. Много позже, в своих неопубликованных воспоминаниях Юрий Павлович писал: «...Я был удивлен столь высокому рангу встречающих... На следующий день приехали к Свену Брохульту вместе с Н.Д.Белохостиковым для согласования всех деталей проведения чтений ... На вопрос президента С.Брохульт, на каком языке будет прочитан доклад, я скромно ответил — на английском... Вступает в разговор Н.Д.Белохостиков и говорит, что профессор будет делать доклад на русском языке. В ответ президент С.Брохульт сказал, что на Нобелевских чтениях в Королевской Академии инженерных наук Швеции еще никогда не делалось докладов на русском языке и не выступали ученые из России и СССР. Таким образом, — писал далее Ю.П.Коротаев, — я совершенно случайно узнал, что был первым специалистом из нашей страны, который выступил с докладом на Нобелевских чтениях»⁴.

Нобелевские чтения — один из международных форумов самого высокого ранга. На них собирается научная элита всего мира. Во время выступления советского докладчика, профессора Ю.П.Коротаева, присутствовало более 25 академиков, большое количество дипломатов различных стран, аккредитованных в Швеции в ранге советников по науке.

В своем докладе «Добыча, транспорт и переработка природного газа в СССР», длившемся 45 минут, Ю.П.Коротаев рассказал о состоянии советской газовой промышленности, о перспективах ее развития. Большое внимание было уделено ресурсной базе промышленности, принципам комплексного проектировании разработки месторождений природного газа. Особое место в докладе было уделено преимуществам использования газа по сравнению с другими видами топлива.

Доклад был выслушан с огромным вниманием и интересом. По сути, западная сторона впервые из первых рук получала информацию о развитии одной из перспективных отраслей советской промышленности. Докладчика «засыпали» вопросами о ресурсной базе природного газа, о том, может ли газ быть доставлен в Швецию по морским газопроводам через Финляндию, Прибалтику или в жидком виде метановозами и т.д. Шведскую сторону очень интересовали вопросы о поставках газа, т.к. страна в этот период испытывала явный его дефицит. «Вспоминаю...вопрос, — писал Ю.П.Коротаев, — о том, что выгоднее для Швеции — получать газ из СССР или из Голландии из месторождения Гронинген. Мой ответ был таким — в Голландии всего одно месторождение Гронинген, и из которого газ уже в основном распределен, направляется во Францию, ФРГ и Италию, а надежнее газ получать из СССР, где много месторождений и значительно большие ресурсы газа». В связи с тем, что доклад вызвал огромный интерес в Швеции не только среди ученых, но и энергетиков, он был опубликован в 1967 г. на шведском языке в трудах Шведской Академии наук.

Таким образом, Юрий Павлович Коротаев, спустя почти тридцать лет, повторил миссию посла СССР в Швеции Александры Коллонтай по налаживанию связей, в том числе и экономических, между двумя странами. Это выступление позволило предпринимателям и исследователям Западной Европы определить перспективы развития отношений в газовой области с Советским Союзом.

Примечания

¹ Архив РГУ нефти и газа имени И.М.Губкина. Личное дело Коротаева Ю.П. — Л. 2.

² ВНИИГАЗ был создан по приказу ГЛАВГАЗТОППРОМа при Совете Министров СССР № 260 от 2 июня 1948 г. в соответствии с Распоряжением Совета Министров СССР №6206-Р от 21 мая 1948 г.

³ Из неопубликованных дневников Ю.П.Коротаева.

⁴ Там же.

В.Я.Мауль

*Тюменский государственный нефтегазовый университет,
филиал в г. Нижневартовске*

МЕЖДУ ЧЕСТЬЮ И ЖИЗНЬЮ: НРАВСТВЕННЫЙ ВЫБОР ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ДВОРЯН НА ФОНЕ РУССКОГО БУНТА (ПО МАТЕРИАЛАМ «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ»)

Сейчас все более актуальной становится проблема девальвации нравственных ценностей нашего общества, живущего в эпоху глобальных перемен. Это закономерно сопровождается крушением «старых кумиров» и возникновением морального вакуума в сознании россиян. Утрата этических приоритетов и

необходимость их поиска неизбежно определяют тот интерес, который исследователи пытаются удовлетворить, обращаясь к истории, стремясь через нее познать, «что такое хорошо и что такое плохо». В этой связи возрастает потребность в новых источниках, способных дать результативные ответы на аксиологические окрашенные вопрошание прошлого. Сегодня историки все чаще приходят к мысли, что былое «различие между вымыслом и историей, когда художественный вымысел виделся репрезентацией воображаемого, а история — репрезентацией реального», утратило безоговорочную строгость», а потому «строгое разведение истории и литературы, господствовавшее в исторической мысли XIX в., нуждается в пересмотре»¹.

Подобная интеллектуальная задача становится очевидной в свете открытого признания С.О.Шмидта в том, что большой интерес «представляет извлечение исторической информации из художественных произведений о современной автору эпохе. Особенно в то время, когда все в большей мере возрастает внимание к проблематике истории повседневности и ментальности...». Причем «особенно явственно это прослеживается ... при ознакомлении с историей восстания, возглавленного Пугачевым. Первоисточником знаний об этом для большинства (включая и историков-профессионалов) является «Капитанская дочка» А.С.Пушкина»².

Надо понимать, что историчность романа заключается не в точности событийного отображения или хронологической последовательности прошедшего, а в самом выборе прославляемых или порицаемых персонажей, оценке их психологических мотиваций и поведенческих реакций и т.д. Иначе говоря, «Капитанская дочка» — это источник особого рода, позволяющий взглянуть на проблему нравственного выбора людей переходной в культурном отношении эпохи не с позиций XXI столетия, а глазами прозорливого младшего современника. Осуществленный в романе анализ ментальных рефлексий провинциальных дворян объемно обозначает специфику их жизненных стратегий, проблемы и незавершенность формирования сословного сознания, ключевыми маркерами которого, по справедливому мнению А.С.Пушкина, являлись понятия сословной и личной чести, служебного долга, верности присяге и престолу. *«Родители мои благословили меня, — сообщает отправляемый на службу младший Гринев. — Батюшка сказал мне: “Прощай, Петр. Служи верно, кому присягнешь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду”»* (КД. С. 261—262)³.

Этими хрестоматийными словами выражена квинтэссенция традиционного понимания дворянской чести и долга. Со времен формирования Московского государства дворянство, как известно, было причислено к разряду служилых людей по отечеству. Наследственная служба становилась их специфической обязанностью и главным отличием от «подлых» сословий. Именно в ее непорочном, добросовестном исполнении выражалась верность долгу и престолу,

«честь является культурным конструктом, формирующим как личную идентичность, так и место в сообществе»⁴.

И хотя XVIII век внес в положение господствующего сословия много нового, психологическая связь дворян с государственной службой продолжала сохраняться. Утратив мотив должествования, она перешла в морально-нравственную сферу. Характерно, что привычное понимание чести и долга оставалось свойственным даже тем из них, кто, воспользовавшись «Манифестом о вольности», решил оставить службу, уйдя на покой⁵. Пугачевский бунт, словно лакмусовая бумага, обозначил всю остроту этой проблемы, поставив дворян, рассеянных по своим поместьям и гарнизонам маленьких провинциальных крепостей, перед экзистенциальным выбором: честь или жизнь. Их верность долгу, прочность моральных устоев были подвергнуты серьезной проверке по самому большому «гамбургскому счету». В романе данные обстоятельства нашли вполне репрезентативное отражение. Особенно ярко они показаны на примере коменданта Белогорской крепости, выслужившего дворянство, капитана Миронова и его верных соратников-офицеров перед лицом неизбежной смерти: *«Тогда привели к Пугачеву Ивана Игнатъича. “Присягай, — сказал ему Пугачев, — государю Петру Федоровичу!” — “Ты нам не государь, отвечал Иван Игнатъич, повторяя слова своего капитана. — Ты, дядюшка, вор и самозванец!” Пугачев махнул опять платком, и добрый поручик повис подле своего старого начальни-ка»* (КД. С. 308).

Необходимо заметить, что этические императивы коменданта и офицеров Белогорской крепости, находят более чем иллюстративные аналогии в истории Пугачевского бунта. Достаточно вспомнить такие имена, как И.Ф.Веловский, Г.М.Елагин, К.З.Меллин, З.И.Харлов и мн. др. В примечаниях к своему сочинению очевидец событий П.И.Рычков упоминает абсолютно идентичную историю: «Между офицерами умерщвленными от злодея Пугачева находился Ставропольского гарнизона капитан Калмыков, человек твердого духа, о коем сказывали, что якобы он пред кончиною своею предводителя злодеев публично, пред всем смотревшим на сию казнь народом, ругал, называя его злодеем, вором, тираном, изменником, и увещевая народ, чтоб ему не верили, но отстав от него, служили б законной своей государыне. Огорчась тем, велел его пятерить ...»⁶.

Не столь однозначно, хотя и вполне достоверно, судьбоносная дилемма отражена в поведении Петра Гринева, водившего, как известно, «дружбу» с названным государем. Поистине, это была ситуация — «свой среди чужих», тонко прочувствованная М.И.Цветаевой: «“Пугачев и человек десять казацких старшин сидели, в шапках и цветных рубашках, разгоряченные вином, с красными рожками и блистающими глазами. Между ними не было ни Швабрина, ни нашего урядника, новобранных изменников”. Значит — были только свои, и в круг *своих* позвал Пугачев Гринева, *своим* его почувствовал». В другом месте она подчеркивает: «... дворянский сын Гринева Пугачева — любил. Любил — сначала дворянской благодарностью, чувством не менее сильным в дворянине, чем дворянская

честь. Любил сначала благодаря, а потом уже вопреки: всей обратностью своего рождения, воспитания, среды, судьбы, дороги, планиды, сути»⁷.

Такие нравственные метаморфозы удивляют и его самого: «*Я офицер и дворянин; вчера еще дрался противу тебя, а сегодня еду с тобой в одной кибитке, и счастье всей моей жизни зависит от тебя*», — говорит он Пугачеву. При необходимости готов без долгих раздумий принять пугачевскую помощь. Надеясь на нее, нарушает служебный долг и по-донкихотски отправляется спасать свою Прекрасную Даму. Он даже относится к вождю бунтовщиков с симпатией и искренним состраданием: «*В эту минуту сильное сочувствие влекло меня к нему. Я пламенно желал вырвать его из среды злодеев, которыми он предводительствовал, и спасти его голову, пока еще было время*». Однако предложения Пугачева пойти к нему в «фельдмаршалы» Гринев регулярно отвергает: «*Нет, — отвечал я с твердостью. — Я природный дворянин; я присягал государыне императрице: тебе служить не могу*» (КД. С. 336, 343—344, 316).

Известно, какое большое значение придавал повстанческий император ритуалу принесения присяги: «*придите ко мне с послушанием и, положи оружие свое пред знаменами моими, явите свою верноподданническую мне, великому государю, верность*», — призывал он своих потенциальных сподвижников. Такое внимание к символическому церемониалу, конечно же, не было случайным, а свидетельствовало о внутренней убежденности Пугачева и его соратников в правоте своего дела, к тому же, позволяло достаточно четко и резко провести размежевание между «своими» и «чужими»: «*Кто «моей присяге не верит, тот злодей*», — считал Пугачев, — и тем надлежит, как и неприятелям, «*головы рубить и пажить разделить*»⁸.

Ожидаемая социальная поляризация и происходила на страницах романа. Господа оказывались по одну сторону «баррикад», а «нижайшие из нижайших» становились по другую. Поэтому простолюдины, в ответ на призывы Пугачева/Петра III, «*подходили один за другим, целуя распятие и потом кланяясь самозванцу*» (КД. С. 309). Даже вполне «симпатичный» в контексте романа Савельич готов сделать то же самое. Вспомним, как он советует своему воспитаннику: «*Батюшка Петр Андреич! — шептал Савельич, стоя за мною и толкая меня. — Не упрячься! Что тебе стоит? плюнь да поцелуй у злод... (тьфу!) поцелуй у него ручку*». Несколько позже, обращаясь к Пугачеву, он прямо называет его «*государь*» и «*отец родной*» (КД. С. 309, 335).

В подобном поведении общественных низов можно видеть, вполне понятный конформизм, инстинкт самосохранения. Похоже, именно этот мотив доминировал у Савельича. Но, с другой стороны, и культурную растерянность, переживаемую простолюдинами в условиях модернизации, менявшей весь привычный мир на иноземный лад, готовность искренне поверить в то, что перед ними действительно сам государь-император. Не забудем, что здесь свою роль играли традиционные каналы распространения информации в виде слухов. Вполне характерно, например, рассуждали об этом на допросе рядовые яицки казаки

Щучкины, которые «хотя и сумневались, откуда бы государь взялся, однако ж, думали: может де и то статья, что он подлинно жив ... ибо де и о том ж было, что он также спасся...»⁹.

Смятением духа было охвачено население многих российских губерний: «Вскоре все заговорили о Пугачеве. Толки были различны» (КД. С. 298). Что уж там простецы, когда сам Павел I по вступлении на престол пытался доподлинно узнать о том, жив его отец или нет. Впрочем, в «Капитанской дочке» ситуация изображена вполне однозначно: Пугачев — самозванец и сознательный обманщик, никаких сомнений в этом быть не может. И такая позиция автора вызывает обоснованные возражения. Современными исследованиями убедительно показано, как в коллективной ментальности эпохи работали механизмы мифологического отождествления, способствовавшие идентификации и самоидентификации российских самозванцев XVII—XVIII вв.¹⁰

Представляется, однако, что автор в действительности осознает всю неоднозначность этической альтернативы, но заостряет социальную дифференциацию намеренно: дворяне — это люди долга и чести, «дворянину изменить своей присяге, соединиться с разбойниками, с убийцами, с беглыми холопьями» — стыд и срам всему роду. Простолюдинам же представление о чести (в дворянском понимании) не знакомо, это шаткий элемент, которому «чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка» (КД. С. 355, 370).

Именно потому столь отвратительно А.С.Пушкину поведение Швабрин — дворянина, предположительно, во втором поколении (имевшего исторические прототипы и конкретные аналоги). Он легко и добровольно переходит на сторону бунтовщиков, «забыв» о долге и присяге. Впрочем, едва ли дворянину Швабрину принадлежит эксклюзивное право на измену. Такой пердимокль со стороны представителей господствующего сословия (причем, даже в самом высшем звене) был известен неоднократно и раньше. Например, поступок А.М.Курбского хрестоматийно ангажирован, хотя князь был не единственным, так сказать, «предателем». В старые времена вообще считалось, что «аристократ в принципе имеет право выбирать господина по своему разумению», хотя в поздний московский период оно уже не признавалось государственной властью¹¹.

Вспомним, что и в Смуту начала XVII века против царя Василия Шуйского «выступили мелкопоместные дети боярские южных окраин», что «большую помощь Лжедмитрию II оказал ... стародубский сын боярский Гаврила Веревкин» и т.д. Более того, «раскол впервые распространился на государев двор, до того оставшийся самой прочной опорой трона»¹².

Исключительно как измену существующей власти, с точки зрения тогдашнего правосудия, следовало бы квалифицировать действия дворянских участников успешных дворцовых переворотов XVIII столетия. Чем не повод для поэтического рефрена в переводе С.Я.Маршака:

Мятеж не может кончиться удачей,
В противном случае его зовут иначе.

Так что Швабрин, в своем «призрении» долга и присяги, не одинок, хотя несомненный «изменник, бунтовщик, злодей». Заметим, что Дубровский (герой другого пушкинского романа) — тоже разбойник, но благородный, между ними столь же огромная дистанция как между честью и бесчестьем. Дубровский — положительный персонаж, Швабрин — нет. И этому аксиологическому трюизму А.С.Пушкина не стоит удивляться. Швабрин — плод умышленной авторской вивисекции над предполагаемым историческим прототипом (М.А.Шванвичем). Он — сознательное воплощение всего низкого и злого, «ни одной человеческой слабости, ни одного смягчающего обстоятельства. Весь злодей из одного — черного — куса...»¹³.

В то же время едва ли он изображен как дворянин, совершенно не имеющий понятия о чести. Можно предположить, что на его примере автор акцентирует ряд негативных следствий ускоренной вестернизации отечественной культуры. Разрушение коллективистского («соборного») начала, резкий рост индивидуализации, стремительный космополитизм подрывали целостность привычных нравственных устоев, эхом доносящихся еще из Киевской Руси: «Бог же показал силу креста в поученье земле Русской, чтобы не преступали честного креста, целовав его; если же преступит кто, то и здесь, на земле, примет казнь и в будущем веке казнь вечную»¹⁴.

В Швабрине А.С.Пушкин, по всей вероятности, обнажает наносной лоск европейской образованности нового дворянства, для которого дух Просвещения — «тонкая лаковая пленочка» на толще традиционной культурной жизни. Он бегло говорит по-французски, имеет несколько иностранных книг, считает себя учеником В.К.Тредьяковского, разговор его остер и занимателен, ему свойственно иное, дистанцированное от корпоративной этики, понятие чести. Как отмечает современная исследовательница, уже Петр I «старался привить чувство личной чести европейского типа, чести “в высокой степени индивидуализированной”, основанной на культивации собственного Я, а не на происхождении»¹⁵.

Но эти, усиленно пропагандируемые меры, зачастую приносили не предвиденный властью результат. Швабрин болезненно чуток к оскорблению своей личности, высоко ценит собственную жизнь, но не желает идентифицировать ее с государственным служением, его сознание вполне секулярно, «он и в господа бога не верует». Потому сакральные резоны верности трону (типа: «за Веру, Царя и Отечество») для него не аргумент, тем более, когда речь идет о спасении себя самого. Имея в виду злопамятность и мстительность Швабрина, можно думать, что к государству у него также есть личные счеты. Он явно обижен за то, что был «переведен» из гвардии в глухую провинцию, надо полагать, с его точки зрения, за сущий пустяк — «заколот поручика, да еще при двух свидетелях!» (КД. С. 285, 276).

Чуждый ему нравственный климат Белогорской крепости, прохладное отношение окружающих, провоцировали возможный комплекс неполноценности, который маскировался за ядовитостью его характеристик. Гринева упоминает всегдашние *«шутки его насчет коменданта», «колкие замечания о Марье Ивановне»,* которую *«Швабрин описал мне ... совершенною дурочкою»,* да и в целом *«он такой насмешник»* (КД. С. 277, 281, 286).

Стремление к психологической компенсации до поры до времени сдерживалось, однако, боязнь власти (с ее силой он успел уже познакомиться), но одновременно и усиливало болезненную тягу к ней. Пусть уже в рядах бунтовщиков, но его завышенная самооценка реализуется, он все-таки становится начальником крепости, в которой не раз терпел унижения и отказы. Предпочтение Марьи Ивановны, оказанное не ему, а Гриневу, ущемляло уязвленное самолюбие. «Отверженный» Швабрин остро чувствует себя «чужим среди своих».

Вспомним его неудачное сватовство к капитанской дочке, в отношении которой он имел вполне конкретные матримониальные планы. Вот какие причины в оправдание своего отказа назвала Марья Ивановна: *«Алексей Иваныч, конечно, человек умный, и хорошей фамилии, и имеет состояние; но как подумаю, что надобно будет под венцом при всех с ним поцеловаться... Ни за что! ни за какие благополучия!»* (КД. С. 287). Современные исследования дают основания полагать, что такая история плохо вписывается в гендерный контекст эпохи, особенно с учетом «силы аргументов» предполагаемой невесты¹⁶.

Казалось бы, для бедной семьи выслужившихся дворян Мироновых (*«А у нас ... всего-то душ одна девка Палашка»*), предложение Швабринам «руки и сердца» — хороший шанс «вывести дочь в люди». Ее судьбой они всерьез обеспокоены: *«Одна беда: Маша; девка на выданье, а какое у ней приданое? частый гребень, да веник, да алтын денег (прости бог!), с чем в баню сходить. Хорошо, коли найдется добрый человек; а то сиди себе в девках вековой невестой»* (КД. С. 278). Известно, что во времена Екатерины II вопрос о социальном, сословном и имущественном равенстве брачующихся, в действительности, имел для дворян большое значение. Так, например, А.Т.Болотов, «влюбившись без памяти в бесприданницу, благоразумно отказался от брака с ней, “делая себе превеличайшее насилие и со слезами почти на глазах выгоняя из головы лестные и приятные воспоминания”»¹⁷.

Поэтому, надо понимать, что Швабрин оказывает Мироновым высокую честь. Его предложение, по гендерной логике своего времени, должно было быть принято с облегчением, радостью и благодарностью. Но в реконструируемой А.С.Пушкиным реальности этого не происходит. В семантическом пространстве художественного текста было бы удивительно, если бы брачные замыслы Швабрин увенчались успехом. Он — не *«добрый человек»*, а априорный злодей и существует на страницах романа именно в этой ипостаси. Переадресуя слова Ю.М.Лотмана, можно сказать, что его «бретерское поведение»

служит средством социальной самозащиты и утверждения своего равенства в обществе»¹⁸.

Вспомним, как резко он реагирует на прозвучавшее в его адрес обвинение во лжи: *«Ты лжешь, мерзавец! — вскричал я в бешенстве, — ты лжешь самым бесстыдным образом. Швабрин переменялся в лице. — Это тебе так не пройдет, — сказал он, стиснув мне руку. — Вы мне дадите сатисфакцию»* (КД. С. 282). Можно заметить, что развертывание А.С.Пушкиным (не понаслышке знавшим о дуэлях) конфликтной ситуации явно контрастирует с мнением Н.Ш.Коллманн, утверждающей, что дуэль «пришла в Россию в качестве иностранного продукта и встретила холодный прием»¹⁹.

Сложно судить, насколько широкое распространение в провинциальной России той эпохи получили дуэли как способ решения вопросов чести. Историк Б.А.Азнабаев, изучавший правонарушения дворян Оренбургского корпуса во второй половине XVIII столетия, уверенно заявляет, что в имеющихся у него материалах нет ни одного подобного примера: «Только в десяти случаях речь может идти даже не о поединках с применением холодного оружия, а о драках, переходивших в поножовщину». Впрочем, исследователь упоминает конфликты «с обнажением оружия»²⁰, в которых вполне проглядываются импровизированные праформы дуэльных поединков. Нельзя исключать и возможность того, что офицерские дуэли в действительности могли иметь место, но, по понятным причинам, не афишировались участниками и, как следствие, оставались за пределами осведомленности военных судов. И все же, думается, эпизод с дуэлью в «Капитанской дочке» нужно понимать не буквально, а скорее, аллегорически, сквозь призму характерной для пушкинской прозы культурно-символической семантики.

Обратим внимание, что для Петра Гринева в поведении Швабрин нет ничего неожиданного. Так сказать, неписанный «дуэльный кодекс» ему не только вполне известен, но и не вызывает никаких возражений. Он уверенно ведет себя в соответствии с этими правилами: *«Изволь; когда хочешь! — отвечал я, обрадовавшись. В эту минуту я готов был растерзать его ... Я тотчас отправился к Ивану Игнатьичу ... Я в коротких словах объяснил ему, что я поссорился с Алексеем Иванычем, а его, Ивана Игнатьича, прошу быть моим секундантом»* (КД. С. 282—283). Для сравнения отметим, что дворяне «старой формации» (комендант, его жена, Иван Игнатьич) в духе традиции новый способ решения личных конфликтов не приемлют. Вот логика рассуждений старого офицера: *«Помилуйте, Петр Андреич! Что это вы затеяли! Вы с Алексеем Иванычем побрались? Велика беда! Брань на вороту не виснет. Он вас побранил, а вы его выругайте; он вас в рыло, а вы его в ухо, в другое, в третье — и разойдитесь»*. Капитан Миронов, хоть и был «человек необразованный и простой», служебные обязанности, вопреки утверждениям своей супруги, усвоил прочно, обоснованно заметив дуэлянтам: *«Поединки формально запрещены в воинском артикуле»*. Закономерной была и оценка ими дуэли, как «злодействия»,

противного «казенному интересу». Для них, как и в прежние времена, именно государственная целесообразность, а не личное достоинство, оставалась этическим мерилом поведения (КД. С. 283, 280, 285). С другой стороны, Гринев-младший («анти-Швабрин») для А.С.Пушкина — это фигура дворянина переходного типа. Он, хотя и успел полюбить «изящные искусства», нередко сидел «за элегией и грыз перо в ожидании рифмы», с детства все-таки успел изрядно приобщиться духу традиционного служения престолу. По справедливому суждению М.И.Цветаевой, «за дворянским сыном Гриневым — сплошной стеной — дворянские отцы Гриневы»²¹.

Потому именно его поступок (а не поведение Швабрина) вызывает удивление «ревнителей старины»: «*Петр Андреич! Этого я от тебя не ожидала. Как тебе не совестно? Добро Алексей Иваныч: он за душегубство и из гвардии выписан ... а ты-то что? туда же лезешь?*» (КД. С. 285). Таким образом, дуэль Гринева и Швабрина — это, словно бы, аллегорическая антитеза традиции и инновации. Симптоматично, что исход этого поединка не окончателен. Гринев едва не одерживает верх («*monsieur Bonpre ... дал мне несколько уроков в фехтовании*»). Поэтому видимая победа Швабрина может восприниматься только как условное и неполноценное торжество. Обозначенный дуэлью культурный антагонизм этим поединком остался не завершенным, как не находит он разрешения и на страницах романа в целом.

Известно, что начавшаяся с легкой руки Петра I ускоренная модернизация России на западный лад, привела к культурному расколу и двуязычию общества. В наибольшей степени инновации травмировали сознание простолюдинов, в конечном счете, ответивших знаменитым русским бунтом. Но эти пертурбации не могли не переживаться и дворянством. Аккультурация новых ценностей и идеалов не могла быть одномоментной, привилегированное сословие отнюдь не сразу приобретало европейский лоск. Особенно остро незавершенность процесса перехода культуры из одного состояния в другое ощущалась на периферии империи. Поведение дворян в условиях Пугачевщины оказалось показателем амбивалентности их культурных стандартов, в которых вестернизированные установки густо перемешивались с традициями уходящей старины. Осуществленный А.С.Пушкиным анализ многочисленных жизненных коллизий персонажей «Капитанской дочки» позволил этому роману стать, во-первых, интеллектуальным артефактом своего времени и, во-вторых, аксиологическим маркером для изучения психических стереотипов и поведенческих реакций дворян на фоне Пугачевского бунта, дающих возможность понять их нравственный выбор между честью и жизнью.

Примечания

¹ Иггерс, Г.Г. История между наукой и литературой: размышления по поводу историографического подхода Хейдена Уайта // Одиссей: Человек в истории. — М., 2001. — С. 148.

- ² Шмидт, С.О. Памятники художественной литературы // Отечественная история. — 2002. — № 1. — С. 45, 40—41, 44.
- ³ Все цитаты из «Капитанской дочки» (КД) выделены курсивом и даются в круглых внутритекстовых скобках по изданию: Пушкин, А.С. Полн. собр. соч. В 10 тт. — Л., 1978. — Т. 6.
- ⁴ Коллманн, Н.Ш. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени. — М., 2001. — С. 51.
- ⁵ См., напр.: Фаизова, И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. — М., 1999.
- ⁶ Осада Оренбурга (Летопись Рычкова) // Пушкин, А.С. Полн. собр. соч. В 16 тт. — Т. 9. — Ч. 1. Приложения. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — С. 206—355.
- ⁷ Цветаева, М.И. Пушкин и Пугачев // Русский бунт. — М., 2007. — С. 224, 229.
- ⁸ Документы Ставки Е.И.Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773—1774 гг. — М., 1975. — С. 24, 38.
- ⁹ Пугачевщина. — М.; Л., 1929. — Т. 2. — С. 177, 179.
- ¹⁰ См., напр.: Панченко, А.М. Русская культура в канун Петровских реформ // Панченко, А.М. Русская история и культура: Работы разных лет. — СПб., 1999. — С. 6—260; Усенко, О.Г. Кто такой «самозванец»? // Вестник славянских культур. — 2002. — № 5—6. — С. 39—51; Успенский, Б.А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Успенский, Б.А. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры. — Т. 1. — М., 1996. — С. 142—183.
- ¹¹ Филюшкин, А.И. Андрей Курбский. — М., 2008. — С. 130.
- ¹² Скрынников, Р.Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. — Л., 1988. — С. 93, 198.
- ¹³ Цветаева, М.И. — Указ. соч. — С. 234.
- ¹⁴ Повесть временных лет. — СПб., 1996. — С. 212.
- ¹⁵ Коллманн, Н.Ш. — Указ. соч. — С. 370.
- ¹⁶ См., напр.: Белова, А.В. Процедура замужества русской провинциальной дворянки конца XVIII — первой половины XIX века // Женщины. История. Общество. Сб. научн. трудов. — Тверь, 1999. — Вып. 1. — С. 21—30; Пушкарева, Н.Л. Женщина в русской семье: традиции и современность // Семья, гендер, культура. — М., 1997. — С. 187—197; Улюра, А.А. Век восемнадцатый: «новое издание русской женщины, несколько дополненное и исправленное...» // Российские женщины и европейская культура. — СПб., 2001. — С. 56—67.
- ¹⁷ Пушкарева, Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X — начало XIX в.). — М., 1997. — С. 165.
- ¹⁸ Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). — СПб., 1994. — С. 169.
- ¹⁹ Коллманн, Н.Ш. — Указ. соч. — С. 373.
- ²⁰ Азнабаев, Б.А. Воинские правонарушения служащих дворян Оренбургского корпуса во второй половине XVIII в. (по смотровым и формулярным спискам полков и батальонов Оренбургской губернии) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8: История. — 2004. — № 1. — С. 109, 113.
- ²¹ Цветаева, М.И. — Указ. соч. — С. 233.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА ПЕРОВСКАЯ: К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

История изучения революционной организации «Народная воля» изобилует удивительными коллизиями и во многом показательна для развития отечественной исторической науки советского и постсоветского периода. Трудно не согласиться со словами Н.А.Троицкого, написавшего что «судьба «Народной воли» трагична вдвойне: сначала она как субъект истории прошла сквозь шквал репрессий со стороны царизма, а потом уже как исторический объект — сквозь тернии предвзятых оценок со стороны историков, вплоть до сегодняшних»¹. Различными историческими мифами окружены и сами народовольцы, в том числе и Софья Перовская.

Поэтому и представляется чрезвычайно важным посмотреть на главную участницу «дела 1 марта» объективно и не предвзято, используя современную методологию. Основное внимание в работе будет сфокусировано на анализе причин и обстоятельств, способствовавших формированию революционного мировоззрения С.Перовской.

Софья Львовна Перовская родилась 1 сентября 1853 г. в Санкт-Петербурге в аристократической дворянской семье. Она по прямой линии праправнучка Кирилла Григорьевича Разумовского. Дед С.Перовской Николай Иванович (будущий губернатор Крыма) был внебрачным сыном Алексея Кирилловича Разумовского и получил фамилию Перовский по названию имения Перово. Отсюда, по-видимому и появилась одна из устойчивых легенд о С.Перовской (периода «чайковцев»), как «о барышне, которая еще недавно блистала в аристократических петербургских салонах»². На самом же деле, не смотря на принадлежность к аристократической фамилии, семья Перовских не имела серьезных финансовых средств.

Отец С.Перовской — Лев Николаевич действительно первоначально делал неплохую карьеру. Он занимал в разное время пост вице-губернатора в Псковской и Таврической губерниях. С июля 1861 по декабрь 1864 г. он — вице-губернатор, а с января 1865 г. назначен губернатором Санкт-Петербурга, но уволен с должности 22 июля 1866 г. в связи с выстрелом Д.Каракозова в Александра II. В дальнейшем Л.Н.Перовский служил по министерству внутренних дел.

Весьма удивительным для его круга был и его брак с Варварой Степановной Веселовской, происходившей из семьи небогатых провинциальных помещиков. В дальнейшем этот брачный мезальянс наложил серьезный отпечаток на жизнь семьи Перовских и не мог не отразиться на детях.

В свою очередь это породило вторую устойчивую легенду об отце-деспоте, тиранившим жену и детей, например «заставлявшим малолетнего сына бить

свою мать»³ и С.Перовской, как о жертве домашнего насилия. По версии ряда авторов, Л.Н.Перовский особенно не любил младшую дочь Соню⁴. Это утверждение не подтверждается братом С.Перовской Василием Львовичем, оставившим воспоминания, в которых отменяются все эти крайности. В них В.Перовский отмечает, что «отец относился совсем неплохо ко всем нам в годы нашего детства»⁵.

Другое дело, что действительно Л.Н.Перовский был человек своего времени — типичный сановник-аристократ, эгоист и сибарит. Он тяготился незнатным происхождением супруги, а главное ее неумением, да и нежеланием соответствовать требованиям столичного света. Особенно это стало проявляться в бытность Л.Н.Перовского столичным губернатором. Часто вспыхивавшие домашние сцены действительно глубоко ранили и мать, и детей, и особенно Софью, боготворившую свою мать. Привязанность к матери Софья сохранила на всю жизнь. О чем свидетельствуют строки ее последнего предсмертного письма: «В своей глубокой привязанности к тебе я не стану уверять, так как ты знаешь, что с самого детства ты была всегда моею самою постоянною и высокою любовью. Беспокойство о тебе было для меня всегда самым большим горем»⁶. Естественно неприкрытая грубость отца по отношению к матери не могла не породить резко охлажденная между ним и младшей дочерью.

«Все мы «родом из детства», и естественно, что формирование характера С.Перовской проходило именно в детские годы. По-видимому, отсюда же, как реакция на отца, очень недоверчивое отношение С.Перовской к мужчинам. Хорошо знавшие ее по народовольческому подполью товарищи в воспоминаниях о ней подчеркивали, что «она была большая «женская патриотка» и всегда утверждала, что мужчины в сущности ниже женщин. Серьезное уважение она чувствовала к очень немногим»⁷. «Чайковцы» вспоминали, что самой презрительной оценкой мужчины у С.Перовской было слово «бабник». Только в последний год своей жизни она нашла настоящую любовь в лице А.Желябова. Он оказался «человеком по плечу Соне».

Не слишком здоровая обстановка в семье сделала Софью весьма скрытной и сдержанной в проявлении своих чувств к окружающим. Обратим внимание и на важную примету того времени — С.Перовская росла в фактически безрелигиозной семье. Отец и мать не докучали детям вопросами веры, да и сами не часто посещали церковь.

С.Перовская получила домашнее образование. Первоначально было решено, видимо под давлением отца, не отдавать ее в гимназию и дать ей образование, подобающее девицам из аристократических семей. Карьерная же катастрофа Л.Н.Перовского в 1866 г. в одночасье лишила семью имевшегося ранее достатка, к тому же обнаружили и серьезные долги. После этого уже ни о каком систематическом образовании Софьи и речи не было. После событий 1866 г. мать с детьми в 1867 г. перебирается в Крым, в имение Кильбурун, а отец остается в столице.

Думается этот факт сыграл немаловажную роль в дальнейшей судьбе С.Перовской. Вообще, оценивая формирование ее мировоззрения, следует обратить внимание на то обстоятельство, что и в петербургский период жизни она и ее братья благодаря матери жили весьма просто. На лето в целях экономии не нанимались дорогие дачи, а ездили либо в Псков к знакомым Варвары Степановны, либо в доставшееся отцу по наследству крымское имение. И там, и там жили просто, а дети были предоставлены сами себе и развлекались отнюдь не по-барски, обходясь без бонн и гувернеров. Этот подчеркнутый провинциализм кажется интересным по следующим моментам.

Получается, что фактически С.Перовская в детстве испытывала влияние двух культур. Одна — это культура аристократических салонов, носителем и пропагандистом которой выступал отец. Вторая — это культурная среда провинциального дворянства, даже более близкая к разночинной культуре, на которую ориентировалась мать, и в которой вообще не было отца. Он никогда надолго не присоединялся к семье летом в провинции. В подобной дихотомии проходило детство С.Перовской, а так как авторитет отца в ее глазах был не велик, в отличие, от материнского то «прелесть салонной жизни» ее не коснулась, более того она ее категорически не принимала, о чем вспоминал и ее брат⁸. Таким образом, уже в пубертатном возрасте зерна негативизма в отношении праздной «салонно-аристократической жизни», с которой ассоциировалась личность отца, глубоко засели в сознании С.Перовской.

Крымский период С.Перовской с весны 1867 по 1869 г. — это своего рода водораздел, ставший начальным этапом формирования ее радикального мировоззрения. Не будем забывать, что ей было около 14 лет, а это по мысли американского психоисторика Э.Эриксона время, совпадающее с началом самого серьезного «кризиса идентичности», когда в жизни подростка, а тем более девушки происходят «важные биологические, психологические и социальные перемены и он начинает поиск своего призвания»⁹.

Конечно выработка нового «социального самочувствия»¹⁰ была пока стихийной и скорее эмоционально-интуитивной, никак идейным образом не оформленной. В имени была отличная библиотека, состоящая не только из французских романов, но и серьезной литературы, и С.Перовская приохотилась к чтению. В этот период времени большое влияние на ее умственное развитие оказывает и брат Василий, привозивший из Санкт-Петербурга, где он учился, сочинения Писарева, Добролюбова, Сеченова, Молешотта, Бюхнера и др. Причем в чтении работ этих авторов принимала участие вместе с детьми и Варвара Степановна. Работы Писарева оказали мощнейшее воздействие на мировоззренческие установки С.Перовской. Под влиянием его статей она решила обратиться «в мыслящую реалистку», для чего решила продолжить образование и серьезно занялась математикой¹¹.

Отъезд в Санкт-Петербург осенью 1869 г. открывает второй этап формирования революционного мировоззрения С.Перовской. Еще в пути она знакомится

с сестрами Кузнецовыми и А.К.Вильберг, исповедующими те же писаревские взгляды. Знакомство с последней было особенно важным для идейного формирования С.Перовской. А.Вильберг была на 8 лет старше С.Перовской, имела более ясные и устоявшиеся жизненные цели и как результат — совместное решение о поступлении на Аларчинские женские курсы. Первоначально отец никак не мешал С.Перовской заниматься получением образования. Однако ее окружение, состоящее из сестер А., Л. и В.Корниловых, А.Вильберг, С.Лешерн фон-Герцфельд, их наряды, показной нигилизм вскоре начинают его откровенно раздражать, и он пытается помешать общению дочери с ними, а это фактически стало началом разрыва С.Перовской с семьей.

Представляется, что можно с большой степенью вероятности определить время, когда С.Перовская принимает окончательное решение отдать свою жизнь общественному служению. Это происходит летом 1870 г. Воспользовавшись отъездом отца на воды в Европу С.Перовская все лето проводит вместе с подругами на даче в Лесном. Совместное время препровождение, занятие научной работой, серьезные разговоры на социальные темы — все это сблизило девушек и еще больше укрепило их желание отдать все силы для достижения общественного блага. Выработке такой позиции, несомненно, способствовало и появление в 1869 г. «Исторических писем» П.Л.Лаврова с его призывом к уплате интеллигенцией нравственного долга народу.

Фактически в семью возвращается уже другая С.Перовская, окрепшая духовно, сильная дружеской поддержкой. Стоит отметить, что искреннее и сильное чувство товарищества вообще было характерно для весьма «закрытого характера» С.Перовской, что в дальнейшем определит мотив многих ее поступков. Тогда же в 1870 г. она знакомится с членами Вульфовской коммуны, среди которых были такие будущие «звезды революции», как М.Натансон, А.Сердюков, В.Ивановский и др.¹² В этих людях С.Перовская, презирающая «бабников», увидела другой тип мужской личности, настоящего человека дела, готового всего себя отдать идее служения народу.

Не будем забывать и того факта, что у М.Натансона была подготовлена целая система «по затягиванию» молодежи в революцию посредством правильно организованного знакомства с литературой по социальным вопросам. Естественно, что и молодые курсистки, в том числе и С.Перовская, испытали воздействие этого метода, который лег на уже подготовленную почву.

В такой ситуации неудивительно, что уже в ноябре 1870 г. происходит ее окончательная размолвка с отцом, пытавшемся запретить ей общаться с подругами и ходить на курсы. С.Перовская уходит из дома, некоторое время она живет у знакомых О.Шлейснер в Киеве. Все попытки отца добиться ее возвращения оканчиваются ничем, и весной 1871 г. он дает свое согласие на получение ей отдельного вида на жительство.

Но получение личной свободы — это хотя и важный, но не последний шаг на пути «служения делу освобождения народа». Представляется, что важным

фактором, повлиявшим на окончательный выбор С.Перовской, стал «процесс нечаевцев», проходящий летом 1871 г. Осуждая иезуитскую систему построения «Народной расправы», она не могла не оценить в нечаевцах стремления бороться за освобождение народа и против гнета правительства.

В результате этим же летом 1871 г. она становится членом кружка самообразования организованного М.Натансоном и Н.Чайковским и известного в литературе под названием кружка «чайковцев» или «Общества большой пропаганды». Несомненно, что на выбор С.Перовской повлияло и то обстоятельство, что «чайковцы» категорически не принимали методов С.Нечаева. Неприятие «нечаевщины» нашло отражение в организационном устройстве «чайковцев», не признававших никакого генеральства и доверяющих только силе нравственного авторитета.

Удивительно, но факт — С.Перовская 18-летняя девушка благодаря своим личным качествам практически сразу стала своеобразным нравственным эталоном «чайковцев». Большинство мемуаристов отмечают огромное нравственное воздействие С.Перовской на членов кружка. «В кружке Перовская пользовалась большим уважением и влиянием за свою стоическую строгость к самой себе, за неутомимую энергию и в особенности за обширный ум», — писал С.М.Степняк-Крачинский¹³.

В это же время она впервые попадает на заметку Третьего отделения. С.Перовская была допрошена по делу Н.П.Гончарова, составившего и распространившего четыре прокламации под общим названием «Виселица»¹⁴.

Так началась революционная карьера С.Перовской, впоследствии сделавшая ее «героиней 1 марта 1881 г.» и закончившаяся на эшафоте 3 апреля 1881 г.

Примечания

- ¹ Троицкий, Н.А. Россия в XIX веке. Курс лекций. — М., 1997. — С. 268.
- ² Кропоткин, П.А. Записки революционера. — М., 1990. — С. 283.
- ³ Ашешов, Н.П. Софья Перовская. Материалы для характеристики. — Пг., 1921. — С. 9.
- ⁴ См. напр.: Степняк-Кравчинский, С.М. Подпольная Россия. Собр. соч. В 2-х т. — М., 1987. — Т. 1. — С. 406; Ашешов, Н.П. Софья Перовская. Материалы для характеристики. — Пг., 1921. — С. 8—9.
- ⁵ Перовский, В.Л. Воспоминания о сестре (Софье Перовской). — М.; Л., 1927. — С. 15.
- ⁶ Корнилова-Мороз, А.И. Софья Перовская — Член Исполнительного комитета партии «Народная воля». — М., 1930. — С. 43.
- ⁷ К биографиям А.И.Желябова и С.Л.Перовской // Былое. — 1906. — № 8. — С. 124.
- ⁸ Перовский, В.Л. Воспоминания о сестре (Софье Перовской). — М.-Л., 1927. — С. 30.
- ⁹ Могильницкий, Б.Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып 3. Историографическая революция. — Томск, 2008. — С. 176.
- ¹⁰ Под термином «социальное самочувствие» литературовед Д.Н.Овсянко-Куликовский понимал те личные переживания, из которых образовывались впоследствии

общественные, научные и литературные стремления и откуда появлялись элементы политического образа мыслей.

¹¹ Корнилова-Мороз, А.И. Перовская и кружок чайковцев // Революционеры 1870-х годов. Воспоминания участников народнического движения в Петербурге. — Л., 1986. — С. 41.

¹² Указ. соч. — С. 68.

¹³ Степняк-Кравчинский, С.М. Подпольная Россия. Собр. соч. в 2-х т. — М., 1987. — Т. 1. — С. 408.

¹⁴ Корнилова-Мороз, А.И. Перовская и кружок чайковцев // Революционеры 1870-х годов. Воспоминания участников народнического движения в Петербурге. — Л., 1986. — С. 76.

М.М.Чорэф

Тюменский государственный университет

МОНЕТНОЕ ДЕЛО ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Впервые монета чекана Херсона была издана на заре становления нумизматики как науки. В 1680 г. она была опубликована великим французским энциклопедистом Ш. дю Фресне дю Канжем¹. Правда, ученый не смог верно определить место ее выпуска. Ш. дю Фресне дю Канж заключил, что она была отчеканена в Константинополе при Маврикии Тиверии (582—602). Он полагал, что разменные деньги в средневековье обращались только на территории выпустившего их эмиссионного центра и в его ближайшей округе. А так как заинтересовавшая его монета происходила из Константинополя, то у ученого не осталось и тени сомнения по поводу ее происхождения. До конца XVIII в. логика маститого исследователя считалась единственно верной. Ее разделяли такие авторитетнейшие специалисты, как И.Эшкель² и Д.Сестини³. Действительно, у *patrum fundatōrum* нашей науки были все основания так считать. Дело в том, что до нач. XIX в. не приходилось и говорить о научном подходе к изучению древностей Восточного Средиземноморья, входящего в состав Османской империи. К примеру, до присоединения Крыма к России территория Херсона не только не исследовалась, но и практически не осваивалась, так что основная масса древних монет, некогда обращавшихся на его территории, оставалась неизвестной. Так что ученые не могли и предполагать возможность обнаружения подобных монет на территории Таврики.

Новый этап изучения крымских древностей наступил в 1783 г. Основной его чертой было накопление нумизматического материала. Ведь уже первые жители Севастополя стали находить на его территории древние монеты. Часть предметов старины поступала в коллекции просвещенных собирателей и становились

доступной для исследования. И ученые конца XVIII — начала XIX вв. смогли выработать первые предположения по поводу атрибуции нумизматического материала средневековой Таврики. Так, по мнению П.С.Палласа, загадочные символы P или P , известные на самых распространенных монетах херсонского литья, представляли собой одновременно ординарные для христианского мира и совершенно необъяснимые в монетном деле средневековой Европы «*отмиски якоря*»⁴. Со временем были выделены и иные разновидности монет херсонского литья и чекана. Начался их систематический ввод в научный оборот. В 1803 г. Л. де Ваксель издал первый каталог монет Херсона. Судя по публикации, ему были известны бронзы Василия I (867—886), Константина VII Багрянородного (913—959), Романа I Лакапина (920—944), Никифора II Фоки (963—969), Василия II (976—1025) и Константина VIII (1025—1028)⁵. Чуть позже, в 1806 г., вышли в свет путевые записки Ж.Рейи, в которых автор приводит краткое описание известной ему односторонней херсонской монеты с « P » на аверсе⁶. Заметим, что в подобных работах порой встречаются весьма досадные неточности. К примеру, английский путешественник Э.Д.Кларк, посетивший Крым в 1800 г., будто бы видел пять медных монет кн. Владимира Святославовича (980—1015) херсонского чекана. Однако, судя авторскому описанию: «*they have in front a Russian V, and for reverse a crucifix; symbolical of his conversion to the Christian religion*»⁷, — он осмотрел хорошо известные бронзовые фоллисы Василия I.

Первые подлинно научные исследования по нумизматике античных государств Северного Причерноморья вышли из под пера Г.К.Э. фон Келлера. Его небольшие работы «*Médailles Grecques*» и «*Description des médailles de Chersonésus, ville de Chersonèse-Taurique, auxquelles sont ajoutées deux médailles de Cherson*», содержат первые научные описания монет Херсона. В них не только обобщены современные ученому представления денежном деле этого города, но и выдвинуты весьма интересные гипотезы атрибуции монет его чекана и литья. Так, Г.К.Э. фон Келлер предположил, что анонимные «трехфигурные» монеты Херсона поступили в обращение при Маврикии Тиверии⁸. Ученый также попытался обосновать свою расшифровку аббревиатур «М», «МВ», «П» и «П°Х». По мнению исследователя, монограмма «МВ» представляла собой первые буквы неизвестных имен протевона и его отца. Лигатуру «П°Х» он предложил читать как δ Πρωτεύων Χερσώνος — «*протевон Херсона*». Г.К.Э. фон Келлер допускал, что аббревиатуры «П» и «П°» являются сокращениями все того же слова Πρωτεύων — «*протевон*»⁹. По его логике, монеты с монограммой «М» могли быть выпущены при том же неизвестном магистрате. Основываясь на своих дешифровках, ученый предположил, что монеты с ними выпускали от имени городских архонтов и протевонов¹⁰. Не менее интересна и его трактовка монограмм « P » и « P ». По мнению историка, в них могло быть зашифровано слово Ρώμα — «*Рим*». Г.К.Э. фон Келлер видел в них метки монетного двора Νέα Ρώμη (Romae novae), т.е. Константинополя¹¹. К очевидным ошибкам этого

исследователя можно отнести атрибуцию ординарного константинопольского пентануммия Юстиниана I Великого, отнесенного им к чекану Херсона¹². Очевидно, что ученый пришел к такому выводу, основываясь исключительно на информации о месте обнаружения этой монеты.

К сожалению, результаты исследований Г.К.Э. фон Келлера не стали своевременно известны широкой научной общественности. По крайней мере, Ф. де Сольси самостоятельно атрибутировал «трехфигурные» таврические бронзы (по его мнению, чеканенные от имени Маврикия Тиверия, Константины и их сына Феодосия)¹³, Василия I¹⁴, Льва VI Мудрого (886—912)¹⁵, Константина VII Багрянородного¹⁶, Романа II Младшего (959—963)¹⁷ и Никифора II Фоки¹⁸. Как и Г.К.Э. фон Келлер, он считал возможным отнести к чекану Херсона все монеты, найденные на территории древнего поселения и в его окрестностях. Ученый выделил в эмиссии Херсона золото и серебро Иоанна II (1118—1143)¹⁹, Мануила I (1143—1180)²⁰ и Алексея II Комнинов (1180—1183)²¹, с чем согласиться довольно трудно. Аналогично поступил и российский нумизмат²² Н.Н.Мурзакевич, отнесший к эмиссиям «Chersonesus (novus)» не только бронзы Василия I, Константина VII Багрянородного, Романа II Младшего и Никифора II Фоки, а также позднюю монету с аббревиатурой имени св.Романа²³, но и неопределимый по рисунку трапезундский аспр²⁴.

Очевидно, что у нас есть все основания не принимать некоторые доводы этих исследователей на веру. Как уже давно было установлено, античные и средневековые медные монеты обращались на значительном удалении от эмиссионных центров, в которых их выпустили. Но, в любом случае, сам факт ввода в научный оборот корректного описания нумизматического материала, обнаруженного на территории Таврики, заслуживает признания. Только благодаря их титаническому труду позднейшим исследователям удалось приступить к анализу монетных находок и к выработке обоснованных теорий их атрибуции.

К концу 1840-х гг. началось обобщение накопленного материала, вылившееся в первую ревизию устоявшихся положений. У Г.К.Э. фон Келлера, Н.Н.Мурзакевича и Ф. де Сольси появились оппоненты. Primum mobile сделал Б.В.Кене. Во-первых, нумизмат заключил, что на бронзах Херсона не могли появиться инициалы городских магистратов или чиновников²⁵. Во-вторых, Б.В.Кене поновому прочитал некоторые монограммы. По его мнению, в аббревиатуре «MB» были зашифрованы имена правителей: Μιχαήλ βασιλείος. Б.В.Кене датировал эмиссию монет с этой монограммой совместным правлением Михаила III (842—867) и Василия I (867—886)²⁶. В монограммах «Π» и «Π°» историк увидел сокращения фразы ὁ Πορφυροῦννητος — «Порфирородный»²⁷. Ученый предложил новое прочтение лигатур «P» и «P». По его мнению, они являлись монограммами Романа I Лакапина²⁸. В-третьих, Б.В.Кене не согласился приписывать к чекану Херсона золото и серебро чекана Комнинов и иных позднейших ромейских династов²⁹. Ведь он не нашел тому никаких исторических оснований.

Исследователь считал, что монетная эмиссия в Херсоне прекратилась в результате завоевания Херсона кн. Владимиром Святославовичем³⁰. Однако Б.В.Кене не смог выработать методiku выделения бронз таврической эмиссии из общей массы монет государств византийского мира. Он, вслед за Г.К.Э. фон Келлером, относил к выпускам Херсона ординарные константинопольские пентануммии V—VI вв., найденные на территории Севастополя и в его ближайших окрестностях³¹. Однако даже это упущение не снизило историческую значимость исследований великого нумизмата. Его труды получили всеобщее признание³².

Практически одновременно с трудами Б.В.Кене вышли в свет фундаментальные исследования П.Ж.Сабатье. Первым из них стала монография «*Iconographie d'une collection choisie de cinq mille médailles romaines, byzantines et celtiberiennes. Ouvrage dédié a son altesse imperiale monseigneur le duc de Leuchtenberg*»³³. Трудно переоценить ее историческую значимость. Ведь это был не только очередной каталог античных и средневековых монет, пусть даже один из самых полных на то время. Важно то, что исследователь выработал методологию атрибуции денег византийского чекана, выявил критерии определения эмиссионных центров. Именно это позволило ему отказаться от ошибочной атрибуции пентануммиев конца V — начала VI вв., приписываемых Г.К.Э. фон Келлером и Б.В.Кене к чекану Херсона³⁴. П.Ж.Сабатье оспорил выводы своих предшественников, считавших, что можно установить место выпуска монеты по месту ее обнаружения. Он настаивал на необходимости выявления эмиссионных символов³⁵.

Труды П.Ж.Сабатье были должным образом оценены научной общественностью. Уже вскоре после их выхода в печать у великого нумизмата появились последователи. Уже в 1859 г. в «*Revue numismatique*» вышло письмо К.Робера, адресованное А. де Лонгперье, в которых автор описывает известные ему монетные находки из Крыма³⁶. Работа интересна тем, что в ней содержатся сведения о находках на полуострове $\text{Æ}2$ Льва I (457—474) и Элии Верины, которые ученый не решался объявить херсонскими³⁷ (sic!). Об уровне развития нумизматики в третьей четверти XIX в. говорит и тот факт, что ученые уже не дискутировали такие сложнейшие проблемы, как вопрос о номиналах таврических монет Маврикия Тиверия. Их считали фоллисами³⁸. Во второй половине XIX в. публиковались фундаментальные каталоги коллекций византийских монет, обнаруженных в Северном Причерноморье. Однако их авторы не ставили перед собой цели осмыслить идеи своих ученых предшественников. В связи с этим стоит отметить хотя бы монографию известного собирателя П.О.Бурачкова, в которой приведены современные автору сведения о монетном деле Херсона³⁹. Правда, уважаемый коллекционер, очевидно, слабо знакомый с работами П.Ламброса, К.Робера, П.Ж.Сабатье и Ф. де Сольси, отнес к чекану Херсона константинопольские пентануммии Юстина I (518—527) и Юстина II (565—578)⁴⁰. Кроме того, П.О.Бурачков привел в своем каталоге описание весьма интересной монеты, отнесенной им к чекану Маврикия Тиверия⁴¹. Речь идет о весьма неординарной

бронзе, на аверсе которой просматривается бюст мужчины вправо, а не реверсе — скачущий всадник. Судя по приведенному издателем рисунку, фигуры лицевой и оборотной стороны были окружены легендами, причем на оборотной стороне явственно читалось «ХЕРСО». Однако А.Л.Бертье-Делагард, осмотревший эту монету, привел следующее ее описание: «Л. Едва приметен бюст, но ни следов надписи; О. Все стерто, как будто следы всадника... Никакого отношения к Херсонесу не имеет»⁴².

Однако, несмотря на отдельные *casus'ы*, публикация частных собраний, в свою очередь, позволила активизировать исследование монетного дела Херсона. В конце XIX — начале XX вв. выходят работы А.Л.Бертье-Делагарда⁴³, А.В.Орешникова⁴⁴, У.Росса⁴⁵ и И.И.Толстого⁴⁶. К тому времени ученым удалось выделить практически все известные на настоящий момент разновидности бронз херсонского литья, а так же выработать методику их датировки. Однако общепризнанные дешифровки монограмм «А», «М», «МВ», «П», «П°», «Р» и «Р» выработаны не были. Важно то, что ученые того времени признавали методологию П.Ж.Сабатье. Как видно из их публикаций, они не были склонны приписывать к литью и чекану Херсона все монеты, найденные на его территории.

Поступательное развитие нумизматики раннесредневекового Крыма не было приостановлено даже бурными событиями, произошедшими в России в начале XX в. Хотя социальная революция и привела к гибели или отстранению от активной научной деятельности старшего поколения ученых⁴⁷, к расхищению музейных и частных коллекций и к хищническому разграблению памятников, но общего упадка научных представлений в тот период мы не наблюдаем. Мало того, тогда к изучению монетного дела Херсона подключилось новое поколение исследователей. Так, к примеру, Л.Н.Белова предположила, что раз монеты Зинона (474—475, 476—491) серии «CONCODIAR» не изданы и встречаются только в Херсоне, то их, возможно, в нем и выпускали⁴⁸. Как видим, уважаемая исследователь поставила под сомнение выводы П.Ж.Сабатье и его последователей. Значительный прогресс в нумизматике Херсона наблюдался во второй половине прошлого столетия. В этот период большое внимание изучению монетного дела раннесредневековой Таврики уделили А.М.Гилевич⁴⁹, И.В.Соколова⁵⁰, В.А.Анохин⁵¹, В.А.Сидоренко⁵², Н.А.Алексеевко⁵³ и многие другие. Ученые вынесли на научное обсуждение атрибуции ряда вновь выявленных вариаций, а так же выработали оригинальные теории атрибуции уже известных к тому времени меди и бронзы таврического чекана и литья. Отрадно отметить и то, что тесный союз между археологами и нумизматами позволил разработать топографию находок херсонско-византийских монет на территории Восточной Европы⁵⁴. У нас есть все основания считать, что на данный момент российские и украинские исследователи опередили своих западных коллег⁵⁵, вынужденных оперировать материалами, изданными на территории современного СНГ. Только этим можно объяснить некоторую компилятивность, прослеживаемую в их

трудах, как только речь заходит о денежном деле раннесредневековой Таврики. Однако обильный приток нумизматического материала, найденного в ходе раскопок, буквально захлестнул немногих специалистов—нумизматов, исследующих монетное дело государств средневекового Крыма. В результате основополагающие вопросы нумизматики Херсона, поднятые еще в XIX в., так и остались без общепризнанных ответов.

В настоящее время наметилась тенденция очередной ревизии итогов предыдущих исследований. Нумизматы-византилисты совместно с археологами и ориенталистами пытаются выяснить состав денежного обращения Херсона в разные периоды его существования. В частности, была поставлена задача определения периода обращения и номиналов бронз таврического чекана и литья. Мы всецело поддерживаем эти тенденции. По мере возможности попытаемся найти ответы на поставленные ими вопросы. Однако мы не ставим перед собой цели высказать *veritates absolutas*, пригодные для окончательного разрешения всех этих уже давно очевидных проблем. Попытаемся только обозначить подходы, как нам кажется, позволяющие по-новому взглянуть на злободневные задачи. Выработке этих гипотез и будет посвящено наше исследование.

Примечания

¹ Du Fresne du Cange C. *Hystoria Bizantina duplici commentario illustrata prior familias ac stemmata imperatorum Constantinopolitanorum, cum eorundem Augustorum Numismatibus, & aliquot Iconibus; Præterea Familias Dalmaticas & Turcicas complectitur: Alter descriptionem urbis Constantinopolitanae, qualis extitit sub Imperatoribus Christianis.* — Paris, 1680. — P. 104—105.

² Eckhel, I. *Doctrina numorum veterum.* Vindobona 1828. — Vol. VIII. — P. II. De moneta romanorum. — P. 220.

³ Sestini, D. *Lettere e dissertazioni numismatiche sopra alcune medaglie rare della collezione Ainslieana e di altri Musei.* — Livorno, 1789. — Vol. II. — P. 18—19.

⁴ Паллас, П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793—1794 годах // *Историческое наследие.* — М., 1999. — Т. 27. — С. 49. — Л. 32.

⁵ Waxel, L., de. *Recueil de quelques antiquités, trouvées sur les bords de la mer Noire, appartenant à l'empire de Russie, dessinées d'après les originaux en 1797 et 1798.* — Berlin, 1803. — № 29, 33, 36, 37, 38; *Sammlung einiger Alterthümer an den Küsten des Schwarzen Meeres, innerhalb der Grenzen des Russischen Reichs entdeckt, in den Jahren 1797 und 1798 nach den originalen gezeichnet.* — Berlin, 1803. — № 29, 33, 36, 37, 38.

⁶ Reuilly, J. *Voyage en Crimée et sur les bords de la mer Noire, pendant l'année 1803.* — Paris, 1806. — Pl. II, 10, 11.

⁷ Clarke, E.D. *Travels in various countries of Europe, Asia, and Africa.* P. I — Russia, Tahtary and Turkey. — London, 1817. — V. II. — P. 290.

⁸ Köhler, H.K.E. *Description des médailles de Chersonésus, ville de Chersonèse-Taurique, auxquelles sont ajoutées deux médailles de Cherson // Serapis.* H.K.E.Köhler's *Gesammelte Schriften im auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften / Herausgegeben L. Stephani* // — St. Petersburg, 1850. — Theil II. — Band II. — S. 100. — № 1; *Médailles Grecques //*

Serapis oder Abhandlungen betreffend das Griechische und Römische Alterthum. — St. Petersburg, 1822. — T. I. — P. 17—18, 20—21. — № 3—6; Médailles Grecques // Serapis. H.K.E. Köhler's Gesammelte Schriften im auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften / Herausgegeben L. Stephani // St. Petersburg, 1850. — Theil I. — Band I. — S. 17—18, 20—21. — № 3—6.

⁹ Köhler, H.K.E. Médailles Grecques // Serapis oder Abhandlungen betreffend das Griechische und Römische Alterthum. — St. Petersburg, 1822. — T. I. — P. 22; Köhler H.K.E. Médailles Grecques // Serapis. H.K.E. Köhler's Gesammelte Schriften im auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften / Herausgegeben L. Stephani // St. Petersburg, 1850. — Theil I. — Band I. — S. 22.

¹⁰ Köhler H.K.E. Médailles Grecques // Serapis oder Abhandlungen betreffend das Griechische und Römische Alterthum. — St. Petersburg, 1822. — T. I. — P. 22; Köhler H.K.E. Médailles Grecques // Serapis. H.K.E. Köhler's Gesammelte Schriften im auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften / Herausgegeben L. Stephani // St. Petersburg, 1850. — Theil I. — Band I. — S. 22.

¹¹ Köhler, H.K.E. Description des médailles de Chersonésus, ville de Chersonèse-Taurique, auxquelles sont ajoutées deux médailles de Cherson // Serapis. H.K.E. Köhler's Gesammelte Schriften im auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften / Herausgegeben L. Stephani // St. Petersburg, 1850. — Theil II. — Band II. — S. 100. — № 2; Köhler H.K.E. Médailles Grecques // Serapis oder Abhandlungen betreffend das Griechische und Römische Alterthum. — St. Petersburg, 1822. — T. P. 21—22; 52. — S. 21—22.

¹² Köhler, H.K.E. Médailles Grecques // Serapis oder Abhandlungen betreffend das Griechische und Römische Alterthum. — St. Petersburg, 1822. — T. I. — P. 17. — № 2; Köhler, H.K.E. Médailles Grecques // Serapis. H.K.E. Köhler's Gesammelte Schriften im auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften / Herausgegeben L. Stephani // St. Petersburg, 1850. — Theil I. — Band I. — S. 17. — № 2.

¹³ Saulcy, F., de. Essai de classification des suites monétaires Byzantines. — Metz, 1836. — P. 43—44; Saulcy, F., de. Essai de classification des suites monétaires Byzantines. Planches. — Metz, 1836. — Pl. IV, 8, 9. Полагаем, что на реверсе монет этой разновидности изображали св. Юстиниана (См.: Чореф, М.М. К истории монетного дела византийской Таврики в конце VI — начале VII веков // Материалы Научной конференции «Ломоносовские чтения» 2010 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2010» / Под ред. В.А.Трифонов, В.А.Иванова, В.И.Кузицина, Н.Н.Миленко. — Севастополь, 2010. — С. 139—143).

¹⁴ Saulcy, F., de. Essai de classification des suites monétaires Byzantines. — P. 201; Essai de classification des suites monétaires Byzantines. — Planches. — Pl. XVIII, 9, 10. Одна из них (См.: Ibid. — Pl. XVIII, 9), не был определенна исследователем.

¹⁵ Saulcy, F., de. Essai de classification des suites monétaires Byzantines. — P. 210; Essai de classification des suites monétaires Byzantines. — Planches. — Pl. XIX, 11.

¹⁶ Saulcy, F., de. Essai de classification des suites monétaires Byzantines. — P. 223; Essai de classification des suites monétaires Byzantines. Planches. — Pl. XX, 9.

¹⁷ Saulcy, F., de. Essai de classification des suites monétaires Byzantines. — P. 236; Essai de classification des suites monétaires Byzantines. — Planches. — Pl. XXI, 7.

¹⁸ Saulcy, F., de. Essai de classification des suites monétaires Byzantines. — P 243; Essai de classification des suites monétaires Byzantines. Planches. — Pl. XXI, 11.

¹⁹ Saulcy, F., de. Essai de classification des suites monétaires Byzantines. Planches. — Pl. XXVII, 3, 5.

²⁰ Saulcy, F., de. Essai de classification des suites monétaires Byzantines. Planches. — Pl. XXVIII, 4.

²¹ Saulcy, F., de. Essai de classification des suites monétaires Byzantines. Planches. — Pl. XXVIII, 10. Монеты этого правителя науке не известны.

²² Важным открытием Н.Н.Мурзакевича стало выявление херсонского фоллиса Ираклия I (610—641) (См.: Мурзакевич, Н. Херсонская монета императора Ираклия I // ЗООИД. — Одесса, 1879. — Т. 11. — С. 314—318).

²³ Murzakewicz, N. Descriptio musei publici Odessani, pars I, continens Numophylacium Odessanum. — Odessae, 1841. — P. 6—7. Tab. I, 1—7. Наша точка зрения по вопросу их атрибуции приведена в (См.: Чорев, М.М. Позднейшие эмиссии Херсона, или к атрибуции монет с монограммой «Ρω» // Вестник ТГУ. — Тюмень, 2009. — Вып. VII. — С. 35—51).

²⁴ Murzakewicz, N. Descriptio musei publici Odessani... — P. 7. Tab. I, 8.

²⁵ Кене, Б. Херронес (Севастополь) Окончание // ЖМНП. — СПб., 1855. — Третье десятилетие. — Ч. LXXXVIII. — Декабрь. — С. 181, 185; Исследования об истории и древностях Херсонеса Таврического. — СПб., 1848. — С. 184—185. — № 1—3. Табл. 6, 8; Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Chersonesos in Taurien. — St. Petersburg, 1848. — S. 168, 170—171. — № 1—3. Taf. 6, 8; Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Chersonesos in Taurien. III. Die Byzantinische Zeit // Mémoires de la Société d'archéologie et de numismatique de St. St. Petersburg. — St. Petersburg, 1849. — Vol. III. — S. 30, 32—33.

²⁶ Кене, Б. Исследования об истории и древностях Херсонеса Таврического. — С. 184—185. — № 1—3. Табл. 6, 8; Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Chersonesos in Taurien. — St. Petersburg, 1848. — S. 168, 170—171. — № 1—3. Taf. 6, 8; Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Chersonesos in Taurien. III. Die Byzantinische Zeit // Mémoires de la Société d'archéologie et de numismatique de St. — St. Petersburg. — S. 30, 32—33. — № 1—3. Taf. 6, 8.

²⁷ Кене, Б. Исследования об истории и древностях Херсонеса Таврического. — С. 185; Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Chersonesos in Taurien. — St. Petersburg, 1848. — S. 171; Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Chersonesos in Taurien. III. Die Byzantinische Zeit // Mémoires de la Société d'archéologie et de numismatique de St. — St. Petersburg. — S. 33.

²⁸ Кене, Б. Исследования об истории и древностях Херсонеса Таврического. — С. 201—202. — № 1—6. Таб. VII, 15, 16; Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Chersonesos in Taurien. — St. Petersburg, 1848. — S. 186—187. — № 1—6. Taf. VII, 15, 16; Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Chersonesos in Taurien. III. Die Byzantinische Zeit // Mémoires de la Société d'archéologie et de numismatique de St. St. Petersburg. — S. 48. — № 1—6. Taf. VII, 15, 16.

²⁹ Кене, Б. Исследования об истории и древностях Херсонеса Таврического. — С. 232, 239—240; Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Chersonesos in Taurien. — St. Petersburg, 1848. — S. 216, 223; Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Chersonesos in Taurien. III. Die Byzantinische Zeit // Mémoires de la Société d'archéologie et de numismatique de St. St. Petersburg. — S. 78, 85.

³⁰ Кене, Б. Исследования об истории и древностях Херсонеса Таврического. — С. 232; Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Chersonesos in Taurien. — St. Petersburg, 1848. — S. 216; Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Chersonesos in Taurien.

III. Die Byzantinische Zeit // Mémoires de la Société d'archéologie et de numismatique de St. St. Petersburg. — S. 78.

³¹ Кене, Б. Исследования об истории и древностях Херсонеса Таврического. — С. 157—158. — № 2—4. Табл. VI, 2, 3; Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Chersonesos in Taurien. St. Petersburg, 1848. — S. 145—146. — № 2—4. Taf. VI, 2, 3; Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Chersonesos in Taurien. III. Die Byzantinische Zeit // Mémoires de la Société d'archéologie et de numismatique de St. St. Petersburg. — S. 7—8. — № 2—4. Taf. VI, 2, 3.

³² Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. — СПб., 1895. — Т. XIVа. — Кардахи — Кери. — С. 932. Некоторой диссонанс создают две рецензии Н.Н.Мурзакевича, в которых важнейшие работы Б.В.Кене подвергнуты неконструктивной и неллицеприятной критике (См.: Мурзакевич, Н. Исследования об истории и древностях Херсонеса Таврического. Соч. Б.В.Кене // ЗООИД. — Одесса, 1848. — Т. II. — С. 705—709; Мурзакевич, Н. Описание музея князя В.В.Кочубея (составленное по рукописному каталогу) и исследования об истории и нумизматике греческих поселений в России, равно как царств: Понтийского и Боспора-Киммерийского. Соч. Б.В.Кене // ЗООИД. — Одесса, 1863. — Т. V. — С. 974—977). У нас есть все основания объяснить их появление не желанием установить истину, а весьма досадным конфликтом между исследователями, вызванным попыткой Б.В.Кене отвергнуть ошибочную атрибуцию ординарного «анонимного фоллиса» Иоанна I Цимискиса, отнесенного его оппонентом к чекану Херсона (См.: Мурзакевич, Н. Исследования об истории и древностях Херсонеса Таврического. Соч. Б.В.Кене. — С. 706; Murzakewicz, N. Descriptio nummorum veterum Graecorum alque Romanorum. — Odessae, 1835. — № 16).

³³ Sabatier, J. Iconographie d'une collection choisie de cinq mille médailles romaines, byzantines et celtiberiennes. Ouvrage dédié a son altesse imperiale monseigneur le duc de Leuchtenberg. — Saint-Petersbourg-Paris-Londres, 1847.

³⁴ Кене, Б.В. Исследования об истории и древностях Херсонеса Таврического. — С. 157—158. — № 2—4. Табл. VI, 2, 3; Köhler, H.K.E. Médailles Grecques // Serapis oder Abhandlungen betreffend das Griechische und Römische Alterthum. — St. Petersburg, 1822. — Т. I. — P. 17. — № 2; Médailles Grecques // Serapis. H.K.E. Köhler's Gesammelte Schriften im auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. — S. 17. — № 2; Köhne, B. von. Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Chersonesos in Taurien. — St. Petersburg. — S. 145—146. — № 2—4. Taf. VI, 2,3; Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Chersonesos in Taurien. III. Die Byzantinische Zeit // Mémoires de la Société d'archéologie et de numismatique de St. St. Petersburg. — S. 7—8. — № 2—4. Taf. VI, 2, 3.

³⁵ Sabatier, J., Sabatier, L. Production de l'or, de l'argent et du cuivre chez les anciens et Hôtels monétaires des Empires Roman et Byzantin. — St. Petersburg, 1850.

³⁶ Robert, C. Quelques Médailles trouvées en Crimée // Revue numismatique. Nouvelle série. — Paris, 1859. — Т. IV. — P. 40—47.

³⁷ Ibid. — P. 43.

³⁸ Lambros, P. De la valeur de quelques monnaies Byzantines de Maurice Tibère et Constantin // Bulletin de l'Ecole Française d'Athènes. — № V et VI (Novembre, Decembre 1868). — P. 81.

³⁹ Бурачков, П. Общий каталог монет, принадлежавших эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря в пределах нынешней России. — Одесса. 1884. — Ч. I. — С. 122—126. Табл. XVII.

- ⁴⁰ Там же. — С. 123. Табл. XVII, 122, 124.
- ⁴¹ Там же. — С. 123. Табл. XVII, 130.
- ⁴² Бертье-Делагард, А.Л. Поправки общего каталога монет П.О.Бурачкова. — М., 1907. — С. 17.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Орешников, А. Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья. — М., 1892; Орешников, А. Описание монет, найденных в Херсонесе в 1888—1889 гг. // МАР, 1890. — Вып. VII; Орешников, А. Херсоно-византийская монета Романа I // НС. — М., 1911. — Т. 1. — С. 303—304; Орешников, А. Херсоно-византийские монеты // ТМНО. — М., 1905. — Т. III. — Вып. 2. — С. 10, Табл. IX; Орешников, А. Херсоно-византийские монеты. (Дополнение) // НС. — М., 1911. — Т. 1. — С. 110.
- ⁴⁵ Wroth, W. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum. — London, 1908. — Vol. I; Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum. — London, 1908. — Vol. II.
- ⁴⁶ Толстой, И.И., граф. Византийские монеты. — СПб., 1913. — Вып. IV. — Монеты Юстиниана I и Юстина II; Византийские монеты. — СПб., 1913. — Вып. V. — Монеты Тиверия Константина и Маврикия Тиверия; Византийские монеты. — СПб., 1914. — Вып. VII. — Монеты Константа II и Константина Погоната; Византийские монеты. — СПб., 1914. — Вып. IX. — Монеты Константина VI и Ирины, Никифора I, Михаила I, Льва V, Михаила II, Феофила и Михаила III; Толстой И.И. Византийские монеты. — Барнаул, 1991. — Вып. X.
- ⁴⁷ Обратим хотя бы внимание на биографию А.Л.Бертье-Делагарда (См.: Чорев, М.М. К биографии А.Л. Бертье-Делагарда: его роль в атрибуции «Надписи Зинона» // Историк и его эпоха. Вторые Даниловские чтения (20—22 апреля 2009, г.Тюмень). — С. 360—367).
- ⁴⁸ Белова, Л.Н. Неизданные монеты Херсонеса // СА. — М.—Л., 1941. — Т. 7. — С. 327. — № 2.
- ⁴⁹ Гилевич, А.М. Клад херсоно-византийских монет из округа Херсонеса // НиС. — К., 1974. — Вып. 5. — С. 91—93; Новый клад херсоно-византийских монет // ВВ. — М., 1964. — Т. XXIV. — С. 150—158.
- ⁵⁰ Соколова, И.В. Датировка некоторых монет Херсона / НиС. — К., 1968. — Вып. 3. — С. 86—98; Клад херсонских монет середины IX в. // ТГЭ. — Л., 1971. — Т. XII. — Вып. 4. — С. 16—25; Медные монеты Юстина I и Юстиниана I, чеканенные в византийском Херсоне // СГЭ. — 1971. — Вып. XXXII. — С. 66—68; Монеты и печати византийского Херсона. — Л., 1983; Херсонесские монеты X в. с портретами императоров // НЭ. — 1965. — Т. 5. — С. 116—120, Табл. I; Les monnaies siciliennes di IXe siecles des fouilles de Chersonese // Congresse Internationale di numismatica. — Roma, 1965. — Vol. 2. — P. 565—570.
- ⁵¹ Анохин, В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. — XII в. н.э.). — К., 1977; Обзор монетного дела средневекового Херсона // НиС. — К., 1968. — Вып. III. — С. 99—113.
- ⁵² Сидоренко, В.А. Медная чеканка византийского Боспора (590—668 гг.) // МАИЭТ. — Симферополь, 2003. — Вып. X. — С. 355—379, Табл. I—III.
- ⁵³ Алексеенко, Н.А. К вопросу о деятельности Херсонесского монетного двора в XIII столетии // ХСБ. — Севастополь, 1996. — Вып. VII. — С. 187—92; К вопросу о денежном обращении и развитии торговых связей Херсонеса в XIII веке // ХСБ. — Севастополь, 1997. — Вып. VIII. — С. 4; Клад монет XI—XII вв. из Херсонесской цитадели // Античный мир и Византия. К 70-летию профессора В.И.Кадеева. — Харьков, 1997. — С. 260—271.
- ⁵⁴ Кропоткин, В.В. Клады византийских монет на территории СССР // Свод археологических источников. — М., 1962. — Вып. Е 4—4.

⁵⁵ К примеру, Ф.Грирсон и его соавторы (См.: Bellinger, A.R. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection / Ed. A.R.Bellinger and P.Grierson. — Washington, 1996. — Vol. I. — Anastasius I to Maurice, 491—602; Grierson, P. Byzantine Coins. — London, 1982; Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection / Ed. A.R.Bellinger and P.Grierson. — Washington, 1968. — Vol. II. — P. I. — Phocas and Heraclius, 602—641; Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection / Ed. A.R.Bellinger and P.Grierson. — Washington, 1968. — Vol. II. — P. II. — Heraclius Constantine to Theodosius III, 641—717; Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection / Ed. A.R.Bellinger and P. Grierson. — Washington, 1973. — Vol. III. — P. I. — Leo III to Michael III, 717—867; Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection / Ed. A.R.Bellinger and P. Grierson. — Washington, 1973. — Vol. III. — P. II. — Basil I to Nicephorus III, 867—1081), С. Морриссон (См.: Morriison, S. Catalogue des monnaies Byzantines de Bibliothèque Nationale. — Paris, 1970. — T. 1. — D'Anastase Ier à Justinien II, 491—711; Catalogue des monnaies Byzantines de Bibliothèque Nationale. — Paris, 1970. — T. 2. — De Philippicus à Alexis III, 711—1202) и В. Хан (См.: Hahn, W. MIB. Von Anastasius I. bis Justinianus I (491—565). — Wien, 1973. — Band. I; MIB. Von Justinus II. bis Phocas (565—610). — Wien, 1975. — Band. II; MIB. Von Heraclius bis Leo III / Allienregierung (610—620). — Wien, 1981. Band. III) полагались на выводы, сделанные советскими, а также современными российскими и украинскими исследователями монетного дела Херсона.

Список сокращений

ВВ	Византийский временник
ЗООИД	Записки Одесского общества любителей истории и древностей
МАИЭТ	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАР	Материалы по археологии России
Нис	Нумизматика и сфрагистика
НС	Нумизматический сборник
НЭ	Нумизматика и эпиграфика
СА	Советская археология
СГЭ	Сообщения Государственного Эрмитажа
ТГЭ	Труды Государственного Эрмитажа
ТМНО	Труды Московского Нумизматического Общества
ХСб	Херсонесский сборник
МІВ	Moneta Imperii Byzantini

В.Н.Ерохин

Нижневартовский государственный гуманитарный университет

ВЕРНЕР ЗОМБАРТ ОБ АНГЛИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Вернер Зомбарт (1863—1941) — немецкий экономист, социолог, историк культуры. Согласно внутрисемейным преданиям, Зомбарты были выходцами из французских гугенотов, бежавших в Германию в конце XVII века. В месте своего

нового проживания они продолжили предпринимательские традиции кальвинистской среды, так что Вернер был сыном крупного землевладельца, промышленника либеральных взглядов, закончил классическую гимназию и далее изучал в Берлинском университете юриспруденцию и политэкономии, получил здесь в 1888 году докторскую степень. Впоследствии Зомбарт — профессор университета в Бреслау (Вроцлаве) с 1890 года, профессор Высшей школы в Берлине с 1904 года (чтение лекций в Берлинском университете ему было поначалу запрещено как «социалисту»). После поражения Германии в первой мировой войне в Веймарский период Зомбарт все же был допущен в Берлинский университет, и в 1918—1934 годах занимал здесь профессорскую должность. Зомбарт был одним из основоположников социологии в Германии, писал об истории становления капитализма, развитии общественных движений и социальной борьбе в XIX веке, много публиковался, в том числе в переводах на русский язык, вплоть до начала 30-х годов XX века.

После второй мировой войны в немецком научном сообществе имя Зомбарта стало упоминаться все реже, и не только по той причине, что развитие науки с течением времени выдвигает на первый план новую проблематику, новые имена. В западном мире во второй половине XX века ведущая роль перешла к США, в связи с чем многие идеи Зомбарта стало уместным лучше замолчать, чтобы не будить интерес к нему и его взглядам у следующих поколений. По словам известного отечественного философа А.М.Руткевича, «перевоспитанные» американцами немецкие социологи и экономисты, испытывавшие негласное давление западного академического мира, в котором как раз американцы, главным образом, и «заказывают музыку», либо вообще не упоминали о Зомбарте, либо для его диффамации распространяли небылицы о сотрудничестве Зомбарта с нацистами¹.

В англосаксонском мире с откровенной неприязнью воспринимались данные Зомбартом оценки английской культуры и английского национального характера и его анализ методов и содержания английской внешней политики. Здесь имелась в виду главным образом работа Зомбарта «Торгаши и герои. Раздумья патриота (1915)», написанная в условиях первой мировой войны. С одной стороны, это сочинение принадлежит к жанру историко-философской публицистики и несет в себе немалый заряд тенденциозности и предвзятости, присущий публицистике уже в силу неустранимых особенностей этого жанра: Зомбарт намеревался «описать сначала английский, а потом немецкий дух, чтобы затем сопоставить их друг с другом... и показать несравненное превосходство немецкого духа»². Тем не менее, исходя из априорно поставленной, казалось бы, сомнительной по своей познавательной цели задачи, Зомбарту удалось представить целый ряд глубоких характеристик английской культуры, показать ее мировоззренческие основы, поведенческие ориентации и политические устремления англичан. Эти оценки Зомбарта не были произвольным безосновательным наветом, грубым пропагандистским поклепом, что осознали и сами англичане.

Книга Зомбарта надолго испортила отношения между учеными воевавших стран, а впоследствии, как бывает в таких случаях, тезисы и оценки, которые не удастся опровергнуть, не заинтересованные в таком анализе силы попытались вывести из оборота, замолчать, поскольку кое-что из арсенала средств английской политики не ушло в прошлое и в современном мире. Этим средствами теперь пользуются не только англичане, но генеалогию изобретений разных народов, привнесенных ими в мировую историю и общественную жизнь, знать все же весьма полезно. Работы Зомбарта, по сути дела, не утратили своего познавательного значения и в современном мире по всему спектру рассматривавшихся им проблем.

Рассуждая о природе первой мировой войны, Зомбарт считал нужным подчеркнуть, что «все великие войны суть войны за веру... Раньше в этом отдавали себе отчет и их участники... В эпоху национальных государств и капитализма более глубокие противоречия, выражающиеся в великих — мировых — войнах, уже не лежат на поверхности в той же мере... причинами столкновений выступают, скорее, чистое стремление к власти или экономические интересы. Но в основе этой борьбы по-прежнему антагонизмы веры, мировоззрений»³.

По словам Зомбарта, «противники Германии объявили всему миру, что борьба ныне идет между «западноевропейской цивилизацией», «идеями 1789 года» и «немецким милитаризмом», «немецким варварством». Но Зомбарт считал, что это противоречие следует по-другому сформулировать и сказать: борьба идет между торгашом и героем, между торгашеским и героическим мировоззрением, торгашеской и героической культурой»... «Торгаш и герой — они образуют два великих тезиса, два полюса для ориентации человека на Земле. Торгаш подходит к жизни с вопросом: что ты, жизнь, можешь мне дать? Он хочет заключить с жизнью приносящую выгоду сделку... это означает, что он беден. Герой вступает в жизнь с вопросом: жизнь, что я тебе могу дать? Он хочет дарить, хочет себя растратить, пожертвовать собой — без какого-либо ответного дара; это означает, что он богат. Торгаш говорит только о «правах», герой — только о лежащем на нем долге»⁴.

Зомбарт не упускает из виду, что «торгашеские и героические души обитают рядом в одном народе, в одном городе. Но все же целые народы могут быть охарактеризованы в том или другом смысле... «народная душа», «народный дух»... в любом случае есть что-то, значение чего невозможно отрицать, что обладает самостоятельным бытием наряду и поверх всех отдельных представителей того или иного народа, что сохранилось бы даже после полной их гибели и что до известной степени может утверждать свою самостоятельность перед отдельными живыми людьми. Эта народная душа заявляет о себе в тысяче особенных черт народа и у каждого народа неизбежно распознается по-разному: в его философии и искусстве, в его государственном устройстве и политике, в его нравах и привычках. В этом смысле и среди народов можно различать народы торгашеские и героические. Яркими представителями обеих

противоположностей выступают два народа — англичане и немцы... Вопрос, заключающий в себе всю дальнейшую судьбу человечества, это вопрос о том, какой дух окажется сильнее: торгашеский или героический»⁵.

Прежде всего, Зомбарт упрекает англичан в узком практицизме. По его словам, «основу всего английского составляет, по-видимому, безмерная духовная ограниченность этого народа, его неспособность хоть сколько-нибудь приподняться над осязаемой, повседневной действительностью. Доказательством служит то, что в Англии называют «философией», от Ф.Бэкона до Г.Спенсера. Им свойствен на удивление однообразный основной тон, склонность к занятию экономическими проблемами и способность к пониманию экономических взаимосвязей, что не случайно. Как писал известный английский философ-позитивист XIX века Г.Спенсер, английский дух добился многих практических достижений, и, по его словам, «сам Берлин, эта штаб-квартира духа, вынужден сидеть в потемках, ожидая поставок газа от английской компании Continental Gas Co.»⁶. Все мышление англичан направлено на практические цели, что они считают достоинством и преимуществом.

Как следствие, отмечает Зомбарт, «этому трезвому образу мышления англичан соответствует вполне естественно ярко выраженная тяга к телесным удобствам, к материальному благополучию». Путешественникам уже в XVI веке эта черта бросалась в глаза как свойственная всем англичанам (приводятся свидетельства венецианцев, французов, голландцев). Путешественники также обращали внимание на то, что тяжелую утомительную работу англичане предоставляли выполнять иноземцам. С не менее давних пор англичанам свойственно их чванство. Повстречав человека-чужеземца приятной наружности, они говорят: «Как жаль, что он не англичанин»⁷.

Зомбарт также считает нужным определить, что такое торгашество, в котором он упрекает англичан: «под торгашеским духом я понимаю мировоззрение, которое... смотрит на все земное бытие отдельного человека как на совокупность торговых сделок, которые каждый по возможности к своей наибольшей выгоде заключает с судьбой, с добрым боженькой (на религии торгашеский дух тоже накладывает отпечаток) или с окружающими его людьми по отдельности или в целом»... «Все слои населения в Англии уже очень рано прониклись теоретическим и практическим коммерциализмом... в Англии вообще не осталось сословия, дистанцированного от деловой жизни... благодаря учреждению наемной армии в обширных народных массах были искоренены все воинские инстинкты, а все еще противящиеся коммерциализации элементы (крестьяне) почти полностью исчезли... английский дух стал единым во всем народе. Вожди английского народа гордятся тем, что их чувства созвучны чувствам человека с улицы...»⁸.

Английский практицизм и коммерциализм всепроникающ: «...все научное мышление англичан если и не порождается коммерческим духом, то все же основывается на нем и им проникнуто. Это касается даже тех естественных

наук, которые занимаются жизненными процессами в природе» (намек на дарвинизм). «Пошло и скучно все, что писали англичане об этике и государстве, и всякая мысль рождена тут торгашеским духом». «В английской этике «счастье» есть удобство вкупе с благопристойностью, comfort вкупе с respectability (почтенность, приличие, порядочность, честность) apple-pie (яблочный пирог) и священный воскресный отдых, миролюбие и foot-ball, зарабатывание денег и досуг для занятия каким-нибудь hobby. Зомбарт называет это негативными добродетелями, поскольку все они сводятся к тому, чтобы не делать того, к чему мы, пожалуй, были бы склонны, повинувшись влечению: умеренность, скромность, прилежание, искренность, справедливость, воздержанность во всем, покорность, терпение и т.п. Г.Спенсер высоко оценивал уважение англичан к праву собственности других людей, пунктуальность и порядочность, верность супружескому договору, уважение к чужой индивидуальности, чувство независимости. Но, по словам Зомбарта, это «низины этики социальной взаимности». У Спенсера формула справедливости звучит так: «каждый свободен делать, что захочет, пока он не наносит этим вреда такой же свободе всякого другого». Такие нравственные постулаты свободы могли сложиться в непрекращающихся условиях купли-продажи. «Это все, что англичанин знает о свободе!» Как естественный порядок вещей преподносится состояние, в котором выживает наиболее приспособившийся — такой порядок наиболее высок и в нравственном отношении; наилучшие индивидуумы — это индивидуумы, которые лучше всего приспособились к жизни в индустриальном государстве; индустриальный тип общества есть нравственно более высокое его состояние⁹.

Зомбарт считал, что фундаментальные воззрения на государство и общество обусловлены не социальными, а национальными факторами: «индивидуалистическая, эвдемоническая социальная философия есть порождение английско-го духа (в весьма значительной мере также и французского)»¹⁰.

По словам Зомбарта, «и государство торговец не может представить себе иначе, чем в образе всеобъемлющей торговой сделки, которую заключают все со всеми. «Теория договора» в основном была рождена подлинно торгашеским духом, который наличествовал уже во времена поздней античности, затем ее с жадностью подхватили политические философы во всех торговых странах...»¹¹.

Согласно характерному для англичан воззрению, «в отношениях с государством отдельный человек имеет только права, причем, в первую очередь, право свободно заниматься торговлей. Чем меньше роль государства в общественной жизни, тем лучше ...». Идеал, к которому движется «индустриальное общество», состоит в полном избавлении от государства. Как писал Зомбарт, еще немецкий социалист Фердинад Лассаль (1825—1864) назвал такое отношение к государству «идеей ночного сторожа», отметив, что английские либералы — идеологи манчестерства «предпочли бы вообще избавиться от всякого государства, передать правосудие и полицию на содержание тем, у кого запросов поменьше, а войну предоставить вести акционерным обществам»; «собственники содержат

государство, как хозяин содержит своего слугу». Это связано, считал Зомбарт, с тем, что «от стремления еще сильнее эксплуатировать рабочих у буржуазии проистекает ненависть ко всякому сильному государству»¹².

Зомбарт обращал внимание также, что торгашеский дух присущ и левым политическим движениям в Англии: «все английские направления в социализме и рабочем движении ориентированы эвдемонически и индивидуалистически, то есть исходят из прав индивидуума перед общностью и имеют целью достижение наибольшего счастья для наибольшего числа людей»¹³.

Зомбарт отказывается признавать статус религии и философии за английскими учениями в соответствующих областях — англичане лишь «имеют наглость» именовать все это «религией» и «философией». Как позитивное явление Зомбарт упоминает лишь Армию спасения и ее роль в организации благотворительности, называя это «творческим деянием». Идеи Реформации были для англичан, по словам Зомбарта, «привозным товаром», и в этой области англичане даже сумели приспособить метафизическую потребность к своим торгашеским интересам, встроив понимание религиозных проблем во всеобщую деловую активность. Англичане даже приобрели свойство «толерантности» в религиозных вопросах: терпимость намного лучше согласуется с добыванием прибыли и с комфортным существованием, чем непреклонная ортодоксия. Еще Кромвель позволил евреям вернуться в Англию, так как полагал, что сможет использовать их в финансовой и торговой жизни страны. Англичане отказались от преследований по религиозным причинам потому, что это не благоприятствовало развитию промышленности и торговли: то есть и в церковной политике тут видна первичность коммерческих интересов¹⁴.

Зомбарт не находит значительных явлений ни в английской поэзии, ни в живописи, ни в музыке. Ни одна духовная ценность культуры не может произрасти на почве торгашества. Но англичанам и не нужна духовная культура. Духовными ценностями они тяготеют. Потому из глубин своего существа англичане произвели две жизненные формы, способные выступать как эрзац этих ценностей, хотя при повсеместном распространении эти формы могут привести к тому, что в народе будут искоренены последние остатки духовной жизни: это комфорт и занятия спортом. Зомбарт признает, что англичане также значительно обогатили и расширили наши технические и экономические возможности, но еще предстоит оценить, «насколько благотворными для человечества оказались эти единственные дары, принесенные ему английским народом»¹⁵.

Попытку предварительной оценки влияния на человечество стремления к комфорту и распространения увлечения спортом предпринимает и сам Зомбарт: «если комфорт начинает занимать все более обширное место в жизни и в ее оценке, тогда он, конечно, весьма вреден... разрушает идеалистическое побуждение, а, кроме того, и художественную культуру... идее всякого подлинного искусства претит, когда с ней бывает связано представление о пользе и удобстве... творческая, художественная жизнь англичан полностью иссякла. Все исторические

эпохи великого искусства... обходились без всякого комфорта... Стремление к комфорту как мировоззрение — это, конечно же, зло... Тот, кто высоко ценит комфортную и приятную жизнь, обязательно будет придавать большое значение материальным благам... Тогда все ценности окажутся извращены, и если такая перемена станет в народе повсеместной, она может привести к опустошительным последствиям»¹⁶. Спорт, по словам Зомбарта, «в основе своей на начальных стадиях безобиден... но в дальнейшем он тоже вырождается в разрушительную для здорового организма болезнь, когда занимает место других, более важных видов жизнедеятельности... Физические упражнения, вытесняющие в такой своей форме все остальные жизненные ценности, неминуемо приводят к опустошению человеческой души, подобно тому как в телесном отношении они превращают человека в калеку, односторонне развивая только его мышечную и сердечно-сосудистую систему»... Зомбарт даже заявляет, что «английские университеты низведены до уровня тренировочных площадок». Спорт разрастается в целое мировоззрение, сообразно которому вся жизнь есть спорт или распадается на отдельные состязания: «именно торгашеский дух является источником поклонения спорту... Спорт не воинствен, и уже поэтому соразмерен душе торговца... все спортивные достижения получают денежное выражение... рекорд становится главной ценностью занятий спортом, а по мере того, как «спортизм» все глубже вгрызается в тело народа, и главной ценностью жизни как таковой... в предвоенные годы немецкий народ уже успел отравиться этим английским ядом»¹⁷.

Торгашеский дух накладывает отпечаток также на внешнюю политику: «идеалом торговца должен стать всеобщий «вечный» мир. Для эффективности международных капиталовложений, для процветания торговли, прежде всего большой межконтинентальной торговли, необходим мир... если цель и назначение жизни, в частности, государственной жизни, состоит в достижении наибольшего счастья наибольшего количества людей, то как можно оправдать гибель на войне отдельного человека? Почему... я должен идти на смерть, чтобы стали счастливыми другие?... Возможная война начинает рассматриваться как только оборонительная, к тому же логика торговца ведет к требованию использовать наемное войско. Английские теоретики права рассматривают войну как необходимое зло; если уж приходится ее вести, то лучше всего это делать чужими руками со всеми ухищрениями коммерческой техники. Об этом говорят все их учения от Томаса Мора до Герберта Спенсера»¹⁸.

Когда в 1516 году вышла «Утопия» Томаса Мора, посетившие Англию иностранцы еще отзывались с похвалой о военных способностях англичан, но уже тогда начался резкий крен в сторону торгашества. Сообщения Мора об отношении утопийцев к войне интересны потому, что почти все пункты его программы англичане претворили в действительность в последующие столетия, так что эти воззрения органичны всему мышлению и мировоззрению торгашей. Зомбарт приводит обширные цитаты из «Утопии»:

«Утопийцы никогда не начинают войны зря, а только в тех случаях, когда защищают свои пределы, или прогоняют врагов, вторгшихся в страну их друзей, или жалеют какой-нибудь народ, угнетенный тиранией, и своими силами освобождают его от ига тирана и от рабства; это делают они по человеколюбию;

Победы, соединенные с кровопролитием, вызывают у них не только чувство отвращения, но и стыда... Наоборот, победа и подавление врага искусством и хитростью служит для них предметом усиленной похвалы...;

Сразу по объявлении войны они стараются тайно и одновременно развесить в наиболее заметных местах вражеской страны воззвания... где обещают огромные суммы тому, кто погубит вражеского государя; меньшие, но тоже весьма значительные суммы назначаются за голову каждого из тех лиц, чьи имена объявлены в тех же воззваниях. Другие народы не одобряют такого обычая торговли с врагом и его покупки... утопийцы же вменяют это себе в огромную похвалу;

Если дело не продвигается путем подкупа, то утопийцы начинают разбрасывать и выращивать среди врагов семена междоусобий... Если внутренние раздоры утихнут, то они побуждают и натравливают на врагов их соседей, для чего откапывают какую-нибудь старую и спорную договорную статью, которые у королей всегда имеются в изобилии. Из обещанных собственных средств для войны утопийцы дают деньги весьма щедро, а граждан очень экономно;

Вдобавок, кроме богатств, хранящихся дома, у них есть еще неизмеримое сокровище за границей, потому как многие народы у них в долгу...;

Для ведения войны утопийцы стремятся использовать «заполетов», этот живущий в 500 милях от Утопии варварский, дикий и свирепый народ (возможно, здесь подразумеваются применительно к понятиям XVI века, немцы или швейцарцы). Этот народ сражается на стороне утопийцев против кого угодно, потому что получает за свою работу такую высокую плату, какой нет нигде в другом месте... Поэтому они не очень беспокоятся, если многие из таких союзников погибнут. После заполетов утопийцы берут войска того народа, в защиту которого поднимают оружие, затем вспомогательные отряды прочих друзей. Напоследок они присоединяют отряд собственных граждан»¹⁹.

У Мора, отмечает Зомбарт, интонация такая, что никогда не знаешь, где он перестает говорить всерьез и начинает смеяться. Поэтому обрисованный им идеал ведения войны в не меньшей мере может означать и осмеяние мелких лавочников, которые в те времена появлялись и приобретали все больший вес среди англичан, ну а в войне, начавшейся в 1914 году, «англичане выполняют программу утопийцев»²⁰. Если шансов на успешное сопротивление нет, англичане без сомнений сдаются в плен: «ведь без лишних слов ясно, что там, где наседающий враг намного более силен, пожертвование со стороны отдельных лиц уже не имеет разумного смысла»²¹.

Не случайно, что стремление к получению коммерческих выгод рано подтолкнуло англичан к началу колониальных захватов: «Англия — мировая империя, порожденная чисто меркантильным духом. ... это крупный торговый дом,

в котором метрополия образует главное предприятие, где хранится центральная касса и ведутся бухгалтерские книги, а колонии — его филиалы. Вложение капитала в какую-нибудь местность делает ее созревшей для аннексии»²².

Зомбарт предостерегал от слишком резких диспропорций в развитии различных отраслей экономики, и это вряд ли можно назвать мнением консерватора и ретрограда, как может показаться на первый взгляд. В современных обществах, например, сильно развилась сфера услуг, консалтинг, информационные технологии и т.п., но все эти специализированные секторы экономики, следует иметь в виду, могут нормально функционировать в том случае, если существуют бесперебойные поставки продуктов питания, не приходит в упадок реальное производство. Ведь если сфера реальной экономики начнет исчезать, кому потребуются консультационные услуги и чем будут питаться консультанты? С точки зрения Зомбарта, государство, население которого в большей своей части занято не в сельском хозяйстве, представляет собой уродливую конструкцию. В Англии число лиц, занимающихся сельским хозяйством и рыболовством, упало до 8% от совокупного населения. 25% жителей заняты в сфере торговли средств обращения, 45% — в промышленности. Все большую долю прибыли английская экономика начинает получать также от иностранных займов и капиталовложений за границей. «Государство с такой структурой занятости — не более, чем карикатура, это вообще уже не подлинно живое единство, а всего лишь контора»²³.

Зомбарт привлекает внимание к тому, что «Англии доставила величие одна из торгашеских способностей — из ряда вон выходящая ловкость в заключении всякого рода договоров». В начале XVIII века Англии удалось заключить два договора, благодаря которым ей удалось опередить все остальные народы и увести к себе поток благородных металлов из испанских и португальских колоний, что только и позволило ей наладить все прочие торговые связи с Европой и Востоком: Метуэнский (1703 г.) и Асьентский (1713 г.) договоры. Первый из них был заключен с Португалией Джоном Метуэном о допуске английских шерстяных изделий в страну и о льготных ввозных пошлинах на португальские вина в Англии. Договор Асьенто (Asiento Treaty, исп. asentar — помещать, устанавливать) был подписан 16 марта 1713 года и предусматривал, что британским подданным будет позволено ввезти в испанские колонии 144 тыс. негров-рабов в течение 30 лет по 4 800 в год до 1 мая 1743 года. Британским подданным также было разрешено посылать один корабль в 500 тонн с товарами ежегодно на ярмарки в Порто Белло и Вера Круз. За товары и рабов уплачивались импортные пошлины. На основе этого была образована Компания Южных морей, обещавшая стать высокодоходной, но обанкротившаяся: сначала ее акции стали продаваться по высокой цене, а затем мошенники-организаторы вывели из компании капиталы, и она не смогла платить обещанные дивиденды. До 1739 года торговля с испанскими колониями шла по Асьентскому договору, случались споры, возникла контрабанда, которую испанцы пытались пресекать, затем

началась англо-испанская война, поскольку англичане хотели получать все большие прибыли от бесконтрольной торговли с испанскими колониями, а испанцы задерживали английские корабли. В 1750 году Великобритания согласилась на прекращение действия Асьентского договора с уплатой Испании компенсации в 100 тыс. фунтов.

Индия, как обращает внимание Зомбарт, была присоединена к Британской империи в результате по-торгашески ловкого использования тысяч наполняющих Индию противоречий: между магометанами и индусами, между отдельными набобами и субадарами, которые остались от Великого Могола и стремились обрести независимость. В битве при Плесси 23 июня 1757 года, по сути, предопределившей переход Индии под власть англичан, из 3 тыс. человек, сражавшихся на стороне Англии, лишь 900 человек были англичанами²⁴.

Характеризуя действия англичан в эпоху раннего капитализма, Зомбарт подчеркивает также, что у них «рука об руку с ловкостью в заключении договоров шли также всевозможные ухищрения, обман, вероломство, мошенничество, воровство, разбой. Тут вполне проявилась нечистоплотность этого народа. Моральная нечистоплотность англичан в немалой степени объясняет тайну власти этого народа». Заключать выгодные договоры, обезвреживать враждебные силы, заставляя их действовать друг против друга и тем самым отводить угрозу от своей собственной страны — только на это и направлено внимание англичан с XVIII века. Всем известно, что руководящий принцип английской политики уже долгое время состоит в том, чтобы поддерживать равновесие среди европейских государств. Эта идея равновесия опять-таки порождается торгашеским духом. Поводы к войнам у Англии — коммерческие. Впоследствии и сама война начинает рассматриваться как капиталистическое предприятие и организуется как таковое — «тогда-то и возникает прекраснейшая мысль: вести войну не своими руками, а руками других. Такова исстари точка зрения воюющего лавочника (Карфаген, банкирские государства Италии)»²⁵. Сегодня же для того, чтобы принуждать остальные народы вести войны за английские торговые интересы, требуется уже несколько более искусный способ действий: если им уже нельзя просто отдать распоряжение поставить для войны столько-то человек, то нужно либо вступить с ними в компаньонские отношения, либо умело использовать их слабости, но при этом беречь свои войска²⁶.

Зомбарт видел также, что «война с применением оружия есть для Англии лишь второстепенная часть войны. Важнейшие средства борьбы, которыми пользуется Англия — это как раз обычные коммерческие рогатки и козни: бойкот, кража патентов, каперство, сманивание клиентов, подкуп, предназначаемые единственно для того, чтобы вредить нашим материальным интересам. В ходе нынешней войны английское правительство рассылает по всем зарубежным рынкам своих эмиссаров, чтобы отбить клиентов у конкурирующих немецких фирм. От войны там ждут, прежде всего, разорения немецких предприятий за границей»²⁷.

Зомбарт отметил и другие методы борьбы с противником, используемые англичанами: «наиподлейшее, порожденное низменным торгашеским инстинктом военное средство, которым Англия мастерски пользуется — это так называемое «журналистское окружение» Германии. На свои деньги Англия проложила или скупила все мировые кабели, которые бесцеремонно используются ныне для распространения лживых сведений; своими деньгами она подкупила телеграфные бюро, газеты и журналы, иллюстраторов и глав печатных агентств в нейтральном зарубежье, заставив их действовать в ее интересах». Всячески подчеркивается англичанами и то, что в войне победит тот, кто вкладывает в ее ведение больше капитала²⁸.

Но из всего, что выявилось в первой мировой войне, по словам Зомбарта, «наиболее отвратительно то, что англичане рассматривают ее как вид спорта... Когда пленные англичане покидали Льеж, они протягивали немецким пехотинцам руки, как это делают футболисты по окончании матча, и очень удивлялись, получая в ответ пинок под зад... ни в чем другом полная коммерциализация войны не проявилась с такой отчетливостью, как в бессознательном смешении войны и спорта, ибо идея спорта возникла в глубине души торговца, которому никогда не понять сущность войны»²⁹.

Критически анализируя английскую культуру и мировоззрение, Зомбарт считает возможным определить немецкое мировоззрение на контрасте с английским: по его словам, «немецкий дух отвергает то, что хотя бы издали напоминает английское, и, шире, западноевропейское мышление и мироощущение. Немецкий дух восстал против «идей XVIII века», имевших английскую родословную... каждый немецкий мыслитель во все времена с решимостью отвергал утилитаризм, эвдемонизм, то есть философию выгоды, счастья и наслаждения. Если пытаться определить то, что, по мнению Зомбарта, есть во всяком на немецкий лад ориентированном мировоззрении, то это можно выразить несколькими афоризмами: «за жизнь мы не держимся, но если уж мы живы, то должны выполнять наш проклятый долг»; «человек, пока жив, должен делать свое дело»; «жизнь отдельного человека — ничто, предназначение наше в заботе о великом целом»; «благополучие человека не имеет значения, если он служит своему делу»; «жизнь никоим образом не подарок, предназначенный для наслаждения, а задача, урок, над которым надо потрудиться» (Шопенгауэр)³⁰.

По словам Зомбарта, «подлинно великое достижение немецкой философии — и только немецкой, тогда как философии всех прочих стран застряли на категории рассудка — состоит в том, что она поставила себе задачей силой разума свить такую нить, которая от нашей жизни на этой Земле вела бы в строгую тишину того духовного царства, откуда мы пришли и куда мы возвращаемся; в том, что она отыскала сверхчувственное в самом разуме и тем самым впервые сделалась собственно философией... Только тот постигнет весь смысл и всю ценность также и поэзии немцев, кто как ее глубочайший основной тон услышит эту веру в существование обоих миров, к которым принадлежим мы,

люди. Две жизни проживаем мы на Земле: низкую, чувственную, и — высшую, духовную. Жертвой оканчивается судьба человека: выполнением его собственной задачи, в результате чего он перерастает пределы своей телесности и воссоединяется с царством духов, возвращается к своей Родине...»³¹.

По утверждению Зомбарта, «в немецком языке одно слово заключает в себе смысл всех наших стремлений, всего нашего мышления и поэзии: это слово «задача» (Aufgabe). Пока мы живы, мы должны выполнять некую задачу... заданную нам высшей силой... Мы во всех наших трудах отдаем частицу самих себя, и это отречение от собственного «Я» доставляет нам единственное глубокое удовлетворение, которое может предложить земная жизнь, приносит нам душевный покой, поскольку благодаря этому отречению мы достигаем соединения с тем божественным, оторванность и отринутость от которого вызывает нашу наибольшую печаль и страдание на Земле. Но самой отрадней особенностью нашего немецкого мышления является то, что соединения с Божеством мы достигаем уже на Земле энергичной творческой деятельностью... это придает нашему миропониманию всепобеждающую силу, делает его непревзойденным на этой Земле. Именно поэтому я называю такое миропонимание воительским, героическим... быть немцем означает быть воителем. Добродетели героя... позитивны... это «дарящие добродетели»: готовность к самопожертвованию, верность, простодушие, почтительность, храбрость, благочестие, послушание, доброта. Эти добродетели полностью развертываются на войне и благодаря войне»³².

Героическое понимание жизни идеалистично, с необходимостью сразу приводит к патриотической настроенности: «поэтому у торгашеского английского народа нет даже такого слова — «отечество», идея эта ему полностью чужда». В немецкой культуре действует установка, согласно которой каждый служит какому-то делу, чему-то надындивидуальному, и тем самым порождает мир над собой и вне себя (действительно, противоположная ориентация, стремление к личной выгоде ведет лишь к истощению и разрушению окружающего мира). Эта надындивидуальная жизнь, которой и ради которой живет отдельный человек, предстает перед нами в идее народа или отечества»³³.

Убежденность в том, что мы должны жить и умереть за это целое, которое живет над нами, которое продолжает существовать даже без нас и против нашей воли; что только его жизнь является действительной жизнью, потому что это жизнь в Боге и жизнь в духе — это нравственное сознание образует содержание идеи отечества и не имеет никакого отношения к сентиментальной привязанности к «родному дому и клочку земли». Не имеет она отношения и к так называемой «национальной гордости», свойственной англичанам, гордости, у которой нет никакого нравственного и духовного основания: «у англичан это гордость коммивояжера, кичащегося тем, что он служит в самом крупном и почтенном торговом доме города, но не готов пожертвовать собой за него». «В умах и сердцах наших лучших людей все же пробил себе путь то убеждение, что человек

укоренен в национальном, отсюда получает свою силу и обязан отплатить за это наилучшим из того, что имеет»³⁴.

По словам Зомбарта, «свидетельством избытка немецкого духа и силы немецкой любви к отечеству служит то, что этот народ, который до самого последнего времени не имел объединяющего государства, породил идею государства такой глубины и достоинства, какой не бывало со времен Платона, что превзошло противоположное ей понимание государства, свойственное английским лавочникам». Даже если немецкие мыслители в XVIII веке в понимании происхождения государства отдали дань модной тогда теории договора, «их нельзя ставить на одну доску с теми английскими лавочниками, которые в своих теоретических построениях усердно пытались выставить государство всеобщей торговой сделкой. Немецкие мыслители всегда подчеркивали, что право вытекает из обязанности, хотя, как отмечает Зомбарт, случалось, что мыслители рангом помельче начали, было, торговать у нас вразнос английским пониманием государства, правда, чтобы его каждый раз разрушали полновесные удары: немцы понимали, что государство — это не просто мануфактура, молочная ферма, страховое бюро или меркантильное сообщество; государство — это внутренняя взаимосвязь всех физических и духовных потребностей, всех физических и духовных богатств, всей внутренней и внешней жизни народа, образующая грандиозное, энергичное, непрестанно движущееся живое целое»³⁵.

Суть немецкой идеи государства — объективно-органическое понимание государства; «государство не было основано или образовано никакими индивидуумами, оно не является просто скоплением индивидуумов, и назначение его не в том, чтобы споспешествовать каким бы то ни было индивидуальным интересам. Напротив, государство есть собранная в единстве народная общность, сознательная организация надындивидуального, которому отдельные индивидуумы принадлежат, как его части... только в форме государственного единства присущее народу живое всеобщее могло осознать себя и сделать для себя предметной свою собственную сущность». Зомбарт приводит определение государства Ф.Лассалем: «Государство представляет собой единство индивидуумов в некоем нравственном целом, единство, которое в миллионы раз увеличивает силы всех отдельных людей, в него включенных... Цель государства состоит в том, чтобы направить человеческое существо на путь позитивного разветвления и прогрессирующего развития, способствовать тому, чтобы предназначение человека — то есть культура, создавать которую способен человеческий род, — реализовалось в действительном бытии: государство есть развитие человеческого рода в направлении к свободе. В этом подлинно нравственная природа государства, его истинная и высшая задача»³⁶.

С этой идеей государства теснейшим образом связано понимание того, что по отношению к целому отдельные люди имеют, прежде всего, обязанности, права же отдельных лиц могут выводиться лишь в меру того, как ими исполняются эти обязанности... это понимание государства отвергает также и схематическое, чисто

количественное уравнивание всех индивидуумов между собой по их ценности и выдвигает в качестве идеала призыв: дать всем отдельным людям, столь различающимся в своих способностях и достижениях, возможность развертывать свою сущность именно таким образом, чтобы в результате выигрывало целое. Это противоположно английскому, механическому воззрению на государство. Такое воззрение называют еще органическим, хотя при этом, отмечает Зомбарт, «если говорить о государстве в биологическом смысле, то государство, без сомнения, является живым существом, но существом метабиологическим, духовным, которому отдельные люди причастны своей духовной жизнью». Своеобразие немецкого понимания государства состоит в том, что в нем индивидуум не поглощается государством (как в античности), что оно стремится примирить немецкий индивидуализм и христианское признание внутренней ценности человека с античной (и французской) идеей всевластия государства. Нация остается живым существом высшего уровня, и о том, чтобы жизнь его сохранялась, как раз должно позаботиться государство: «государство — это мощное оружие, данное нации для того, чтобы она могла постоять за себя в борьбе с враждебными силами»³⁷.

По словам Зомбарта, «одно национальное государство с необходимостью предполагает существование других государств... индивидуумы, входящие в государство и образующие целое, постоянно ощущают, как другие государства напоминают им о необходимости этой взаимосвязи, и принуждают охранять свою общность, в которую они сплочены. Поэтому «жизнедеятельность государства включает в себя и органическое расширение. Борьба, которую ведут между собой государства, представляет собой неизбежное сопутствующее явление во всей государственной жизни, пока она остается жизнью. Оправдание войны содержится в естественном устройстве всего живого»³⁸.

Зомбарт утверждал, что совершенно превратно и искаженно врагами Германии преподносится немецкий милитаризм: «всякое внешнее проявление общественной и государственной жизни — это естественная эманация духа, тот или иной народ одушевляющего. Милитаризм — это тот же самый немецкий дух в его живом воздействии, в его проявлении во внешних жизненных формах. Милитаризм есть зримая форма немецкого героизма». В толковании Зомбарта, под милитаризмом следует понимать то, что можно назвать приматом военных интересов в стране: «все, что имеет отношение к войне, для нас первостепенно. Воинам подобают наивысшие государственные почести... Все прочие отрасли народной жизни стоят на службе военных интересов; в особенности же им подчинена экономическая жизнь. Другим признаком милитаризма является высокая оценка соблюдения всех воинских добродетелей, прежде всего храбрости и повиновения, истинных добродетелей свободного человека. В связи с этим Зомбарт приводит слова Ницше: «Восстание — это доблесть раба! Вашей доблестью да будет повиновение! Само приказание ваше да будет повиновением!» Порядок внутри и порядок снаружи — основная черта немецкого милитаризма»³⁹.

Такое понимание милитаризма, отмечал Зомбарт, позволяет понять всю глубину этого понятия: «внешняя организация нашего военного дела привела к тому, что духовная и телесная дисциплина проникла во все народные слои, и сегодня образует твердую составляющую немецкого духа также и в реальном плане. И не только в армии: во всех областях нашей общественной жизни, равно как и в частной жизни отдельного немца утвердился этот дух дисциплины и порядка — все это одушевляется именно этим духом, этим немецким милитаризмом. Еще одна характеристика немецкого милитаризма — порыв к самопожертвованию на благо целого, воодушевляющий всякого немца, превращающий в животворящую силу идею отечества. На войне раскрывается полностью сущность милитаризма, которая состоит в воинском героизме... Поэтому и война сама представляется немцам чем-то священным, самым святым на Земле: на войне проявляются самые благородные черты человеческой сущности. Ничто торгоши не ставят нам в вину столь часто, как то, что война для нас священна... Так и должно казаться торгошам, не знающему на этой Земле ничего выше отдельной, естественной человеческой личности. Нам же известно, что существует и более высокая жизнь: жизнь народа, жизнь государства... отдельная жизнь предназначена для того, чтобы жертвовать ею во имя высшей жизни, когда ей будет угрожать опасность. Только эта вера придает смысл мучительной гибели тысяч людей. Погибшие потом живут в грядущих поколениях. Человек идет на смерть ради жизни»⁴⁰.

Поэтому с немецкой точки зрения, писал Зомбарт, «война представляется величайшей нравственной силой, которой провидение пользуется для того, чтобы уберечь живущих на Земле от разложения и порчи. Иностранцы совершенно не понимают немецкий милитаризм и называют его варварством. Война оказывает очищающее и возвышающее действие, но только та война, которую ведет весь народ и которая ведется ради сохранения государства. И только та война, которая завязывается из благородных побуждений, может нести в себе нравственно обновляющую силу, способствовать оздоровлению и укреплению народа»⁴¹.

Зомбарт пропагандировал идею о том, что «идеалом немецкой политики должно быть мощное, защищенное стальной броней государство и, под его защитой, свободный деятельный народ. Свобода при этом понимается в немецком смысле и означает возможность выполнять свой долг согласно собственному закону и, конечно же, возможность быть счастливым на свой лад... это свобода от невыносимой, рабской подчиненности общественному мнению, под игмом которой издыхает нация англичан. Всякая хозяйственная деятельность организуется ради дальнейшего процветания немецкого народного хозяйства, а оно в свою очередь призвано служить интересам государства. ... наряду с нашей устремленностью к идее целого свою прежнюю силу должно сохранить и стремление к формированию сильной, самобытной, завершенной в себе личности, составляющей великолепие и гордость любого народа»⁴². Зомбарту даже представлялось, что Германия — это «последняя преграда, сдерживающая напор

того потока нечистот, который изливается от коммерциализма и который либо захлестнул, либо в будущем неизбежно захлестнет все остальные народы»⁴³.

Рассуждения Зомбарта приоткрывают некоторые важные черты современного мира, которые в начале XX века находились еще в стадии формирования. В современном мире требование укрепления национальных экономик и национальных государств не отвечает интересам мировой финансовой олигархии, в представлении которой весь мир — лишь совокупность площадок для реализации наиболее оптимальных с точки зрения прибыльности проектов. Но эти проекты не имеют своей целью серьезное повышение жизненного уровня того народа, на чьей территории реализуются такие планы — прибыль уходит инвесторам, транснациональному капиталу. Создание сильных национальных банковских систем, независимых от мировой финансовой олигархии, осуждается, блокируется. Открытые войны теперь заменены точечным воздействием на непослушных политиков, на страны — «изгои». Мировые средства массовой информации, контролируемые финансовой элитой, осуждают проявления национализма и даже национально-государственного мышления как безусловное зло или ограниченность в мировоззрении, а идеи таких мыслителей, как Зомбарт, в лучшем случае преподносятся как принадлежащие лишь истории социологии, или же искажаются, замалчиваются.

Примечания

¹ Руткевич А.М. Вернер Зомбарт — историк капитализма // Зомбарт В. Собрание сочинений в 3 томах / В.Зомбарт. — СПб: Владимир Даль, 2005. — Т. 1. — С. 5—6.

² Зомбарт В. Торгаши и герои. Раздумья патриота // Зомбарт В. Собрание сочинений в 3 томах / В.Зомбарт. — СПб: Владимир Даль, 2005. — Т. 2. — С. 11.

³ Там же. — С. 8.

⁴ Там же. — С. 9, 52.

⁵ Там же. — С. 10.

⁶ Там же. — С. 12.

⁷ Там же. — С. 14.

⁸ Там же. — С. 15—16.

⁹ Там же. — С. 18—20.

¹⁰ Там же. — С. 26.

¹¹ Там же. — С. 22.

¹² Там же. — С. 23—24.

¹³ Там же. — С. 26.

¹⁴ Там же. — С. 42.

¹⁵ Там же. — С. 43.

¹⁶ Там же. — С. 78—79.

¹⁷ Там же. — С. 79—80.

¹⁸ Там же. — С. 27—28.

¹⁹ Там же. — С. 29—30.

²⁰ Там же. — С. 30.

- 21 Там же. — С. 31.
- 22 Там же. — С. 32.
- 23 Там же. — С. 32—33.
- 24 Там же. — С. 34.
- 25 Там же. — С. 35—36.
- 26 Там же. — С. 38.
- 27 Там же. — С. 39.
- 28 Там же. — С. 40.
- 29 Там же. — С. 41.
- 30 Там же. — С. 46—47.
- 31 Там же. — С. 49—50.
- 32 Там же. — С. 52—53.
- 33 Там же. — С. 53—54.
- 34 Там же. — С. 54, 55, 57.
- 35 Там же. — С. 57—59.
- 36 Там же. — С. 60—61.
- 37 Там же. — С. 62—63.
- 38 Там же. — С. 64—65.
- 39 Там же. — С. 66—68.
- 40 Там же. — С. 68—70.
- 41 Там же. — С. 75.
- 42 Там же. — С. 94—95.
- 43 Там же. — С. 101—102.

II. СЕКЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ»

М.В.Алексеева

Казанский (Приволжский) федеральный университет

РОЛЬ ВУКА КАРАДЖИЧА В ОБЩЕСТВЕННОМ И КУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ СЕРБИИ

Вук Караджич родился 26 октября 1787 г. в Тршиче, в семье зажиточного крестьянина. С помощью своего родственника Ефты Савича — единственного грамотного человека во всей округе рано выучился читать и писать. Но, несмотря на неоднократные попытки родителей определить сына на учение, систематического образования Вук так и не получил, оставшись, по существу блестящим самоучкой, не окончившим даже гимназического курса.

Первое сербское восстание 1804—1813 гг. стало определяющей вехой в судьбе юного В.Караджича. Хозяйство его отца было разорено войной и сожжено дотла турками, и таким образом, семья не могла помочь ему в получении образования. Уже побывавший к тому времени в войсках повстанцев Вук перебирается в Карловцы и поступает в подготовительный класс семинарии. Правда, поступить в гимназию юноше так и не удалось, но он открыл для себя мир совершенно новых наук: немецкую грамматику, латынь, арифметику, катехизис, в совершенстве овладел славяно-сербским и русско-славянским языками, провел плодотворную работу в библиотеке митрополита Стратимировича, где познакомился с сочинениями З.Орфелина, Й.Раича, Д.Обрадовича. Помыкавшись некоторое время, В.Караджич пристроился секретарем к воеводе Якову Ненадовичу. И тут представился счастливый случай: его родственник Ефта Савич, как представитель Ядара избранный в Правительствующий Совет и переведенный в Белград, захватил своего воспитанника с собой и пристроил его одним из секретарей Совета.

К этому времени относится неоднозначное знакомство В.Караджича с И.Юговичем — главным секретарем Совета и преподавателем Высшей школы, а также начало длительной дружбы с Д.Давидовичем, Д.Фрушичем, С.Мркалем и Л.Миловановым. Общение с этими людьми будет иметь большое значение для дальнейшей деятельности В.Караджича. В этот период Караджич еще раз попытался получить образование, теперь уже в Высшей школе, и опять неудачно — на этот раз тяжелая болезнь заставила его прервать обучение.

Поражение Первого сербского восстания фактически вынудило В.Караджича эмигрировать в Вену (как он сам признавался впоследствии, без определенных целей и планов), где он встретил старых друзей, издававших газету «Новине Србске». Это, а также пережитые события последних лет подтолкнули его к

написанию брошюры о последних днях сербского восстания. Ее не пропустили в печать, и даже текст ее не дошел до нас, однако книга попала в руки В.Копитара — цензора изданий на славянских языках, и молодой автор заинтересовал его настолько, что он посетил Караджича в тот же вечер. На счет того, что именно привлекло В.Копитара в статье, существует много точек зрения, но скорее всего, его поразила острота мысли, стиль изложения, отличное знание жизни народа и современного положения Сербии. Сам В.Копитар давно интересовался сербским языком и литературой, поэтому вполне вероятно, что в В.Караджиче он увидел исполнителя своих давних замыслов — осуществить издание народных сербских песен и словаря сербского языка.

В это время в роли литературного языка среди образованных сербов Воеводины широкое распространение получил славяно-сербский язык — причудливая смесь русско-славянского языка и народного языка сербов. В самой же Сербии те немногие документы, что дошли до нас, были написаны на народном языке, имевшем непрерывную традицию использования. Ни тот, ни другой не могли стать основой для формирования общего литературного языка: первый был архаичен и непонятен простым людям, а второй не имел единой диалектной основы и отражал особенности говора, который был известен тому или иному писателю.

Вук Караджич выступил против архаичного славяно-сербского языка и ввел в литературу живую народную речь. Он избрал революционный путь создания нового литературного языка, который основывался на разговорном языке того времени и был теоретически обоснован еще Д.Обрадовичем. Он произвел реформу сербской орфографии, положив в основу фонетический принцип, в соответствии с которым каждому из 30 звуков соответствует 30 букв, создал первую «Граматику сербского языка» (1814) и новый сербский алфавит, который в своем окончательном виде был представлен в словаре 1818 года и приложенном к нему очерке грамматики. Он ввел шесть новых букв — љ, њ, ћ, њ, џ и ј, отказавшись от 16 старых букв кириллического алфавита — им в народном языке не было соответствующих звуков, и провозгласил принцип: «Пиши, как говоришь, и читай так, как написано». Ввел 4 вида ударения. В 1818 г. Караджич выпустил первый «Словарь народного языка», содержащий свыше 20 тыс. слов, а в 1852 г. вышло новое издание, существенно дополненное и исправленное. Словарь и грамматика привлекли внимание и зарубежных ученых, став для них первым и единственным на тот момент проводником в мир сербского языка.

Вук Караджич стал первым собирателем и издателем сербского фольклора — первая книжка сербских песен увидела свет еще в 1814 г. Затем вышло 4-томное издание сербских народных песен, собранных им во время своих поездок по стране (2-ое существенно дополненное издание вышло в 1841—1845 гг.). В 1892—1902 гг. вышло уже 9-томное издание, но даже оно не смогло вместить всего богатства сербского фольклора, записанного Вуком Караджичем. Кроме песен, Караджич собрал огромное количество пословиц, сказок и рассказов,

анекдотов, поучительных притч и легенд, первый сборник которых вышел еще в 1821 г. и впоследствии не раз переиздавался. Его труд получил признание и в европейских странах, общественность которых он познакомил с устным народным творчеством своей страны.

Вук С. Караджич фактически заложил основы сербской этнографии, много и плодотворно занимаясь изучением и описанием быта сербского народа и его обычаев, традиций, верований, суеверий, празднеств. Работы в этой области дают богатейший материал, особенно составленный им словарь и ряд специальных работ.

Проявил себя Караджич и как историк, выпустив целый ряд исторически достоверных работ по истории Сербии, особенно по истории Первого Сербского восстания, очевидцем и прямым участником которого он был, например, «История сербской революции», созданная совместно с Л. Ранке.

В. Караджич призывал новое поколение писателей учиться литературному языку у народа — через образцы поэзии и прозы устного творчества, считая, что в фольклоре сербские писатели найдут и образцовый язык, и новую проблематику для своих произведений, которая будет подсказана им самим народом.

Деятельность Вука С. Караджича необходимо рассматривать комплексно, во всех ее аспектах, как рассматривал ее он сам — как единую волну коренного преобразования сербской культуры в контексте исторической действительности. Вся деятельность В. Караджича была неразрывно связана с эпохой подъема национально-освободительного движения югославянских народов и Возрождением национальной культуры. При этом он столкнулся с непониманием своих начинаний и даже открыто враждебным отношением — и в Сербии, и даже в России. Борьбу с недоброжелателями В. Караджичу пришлось вести до конца своей жизни, и это вкупе с постоянными лишениями и тяжелым трудом подорвало его здоровье: болезнь унесла его жизнь 26 января 1864 года, до момента официального признания его языка и правописания в 1868 г. Вук Караджич не дожил каких-то четыре года.

М. Н. Алексеева

Смоленский государственный университет

АВСТРО-БРИТАНСКИЙ СОЮЗ И ААХЕНСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР (1748 г.)

Австро-британский союз в XVIII веке возник по политической необходимости. Все войны, в которых Великобритания и Австрия сражались на одной стороне, заканчивались односторонним решением Лондона и навязыванием Вене условий

перемирия — Рисвикский мир (1697), Утрехтский (1713), Аахенский (1748). И поскольку Англия становилась все сильнее, а Австрия слабее, у Лондона появлялся сильнейший инструмент давления на союзницу: угрозами отказа от сотрудничества англичане вынуждали австрийцев следовать в русле политики, наиболее выгодной им.

Не имея возможности углубиться в описание событий войны за австрийское наследство, всех переговорных процессов ведущихся англичанами и касающихся австрийцев, констатируем одно: чем дольше длилась война, тем сильнее проявлялось недовольство союзников действиями друг друга. Эти взаимные претензии во время войны разрушали взаимоотношения Вены и Лондона, но основные расхождения и злоупотребления проявились при обсуждении условий мира в Аахене.

До момента начала конференции в Аахене обиды, нанесенные соглашениями, подписанными в Бреславле, Вормсе, Ганновере и Дрездене, казалось, были в прошлом. Но возмущение вернулось, когда стало известно, что Великобритания односторонне одобрила неуместную и необоснованную, с точки зрения Австрии, гарантию Силезии Пруссии. Этот факт вместе с возрождением дипломатических отношений между Лондоном и Берлином, фактически прерванных после подписания Дрезденского договора, убедил Марию Терезию, что в Англии предпочитают альтернативу прусского союза австрийскому.

Франция действовала в том же направлении, намеренно отдаляя союзников друг от друга, ведя параллельные переговоры с английским полномочным представителем графом Сандвичем и австрийским посланником графом Кауницем. Из двух союзников, ведущих переговоры, Кауниц был доверчивее, и его вера, казалось, оправдывалась более быстрым продвижением к компромиссу. Однако, как нам известно, что французы оставили Кауница и предпочли интригой вынудить Сэндвича подписать соглашение на менее выгодных для себя условиях. Однако, преимущества, полученные от мира, заключенного с Лондоном, были существеннее, чем от мира с Веной. Англия держала ценные для Франции заложники; соглашение с Австрией не завершило бы морскую войну, ни восстановило бы Кейп-Бретон, ни положило бы конец военно-морской блокаде, которая душила Францию. Если Морские державы и Сардиния подпишут мир, Австрия останется бессильной без субсидий первых и без военной поддержки последней, а марш российских войск будет остановлен. Австрия оказалась расстроенной вдвойне — ее покинула Англия и обманула Франция.

Мария Терезия имела и другие поводы для обид на Англию. Два денежных спора о военных поставках на сумму 100 000 фунтов каждый вызвали интенсивные трения между этими двумя дворами. И, несмотря на то, что, в конце концов, деньги были выплачены, это не улучшило взаимоотношения Лондона и Вены. В Австрии господствовало мнение, что Лондон не обеспечил ей адекватную поддержку в последние годы войны и на мирных конференциях.

Главной проблемой австро-британских отношений в завершающей стадии переговоров стало возобновление обязательств относительно «голландского барьера». Но в ходе обсуждений Кауниц отступил в вопросе возвращения голландских гарнизонов в города, которые они занимали до начала войны. Правда, ничего не было сказано об оплате голландских войск и о сохранении старых пошлин на импорт¹, но и эти уступки являлись победой Кауница и следствием провозглашенной британским госсекретарем Ньюкаслем формулы: «По моему мнению, поддержка Австрии является необходимой для интересов Его Величества и для общего блага, в противоположность всем новым системам, которые основываются только на теории и совершенно ошибочны»².

Австрия не могла продолжать войну одна, поэтому Кауниц был вынужден согласиться и принять 23 октября 1748 г. общий мир.

Переговоры в Аахене продемонстрировали, что соглашение о «голландском барьере», в течение длительного времени, расцениваемое как основа союза между Австрией и Морскими державами, было девальвировано. Руководивший дипломатическим ведомством в Великобритании герцог Ньюкасл в течение следующих семи лет кропотливо работал над сохранением союза с Австрией, но его труд был напрасен.

Ведущий министр Марии Терезии Кауниц, исходя из опыта, полученного в Италии и Австрийских Нидерландах, сделал вывод, что англо-австрийский союз не соответствовал интересам Вены. И ей, для того чтобы успешно противостоять Турции в Юго-Восточной Европе и конкурировать с Пруссией в Империи, требуется дипломатическая и военная поддержка Франции. Англо-австрийский союз прекратил свое существование в конце 1755 г., и все попытки его восстановить терпели неудачу до того момента, пока Французская революция не изменила европейскую ситуацию.

В результате можно сделать вывод, что война за австрийское наследство стала мощным толчком к разрушению «старой системы союзов»: Семейное соглашение практически больше не имело силы, и союз Морских держав и Австрии тоже разваливался на части. Ввиду того, что Великобритания проявила не слишком много энтузиазма в сдерживании агрессивной политики проводимой Пруссией, Австрия стала восприимчивой к французским предложениям, и в 1756 г., когда новая война вспыхнула в Европе, Вена и Версаль объединились против Берлина и Лондона.

Примечания

¹ Collection of all the treaties of peace, alliance, and commerce, between other powers: from the treaty signed at Munster in 1648, to the treaties signed at Paris in 1783... / Ed. by Charles Jenkinson. Vol. 1—2. — London, 1785. — P. 375.

² Цит. по: Lodge R. Studies in eighteenth century diplomacy 1740—1748. — L., 1930. — P. 384.

ДИПЛОМАТЫ НА СЛУЖБЕ ЕЛИЗАВЕТЫ I АНГЛИЙСКОЙ

Время правления королевы Англии Елизаветы I (1559—1603 г.) ознаменовалось постепенными реформами в области дипломатической службы. Они были незаметными, постепенными, но оказывали значительное влияние на формирование международных отношений. Это, прежде всего, нашло отражение в составе дипломатического корпуса, вопросах найма агентов на службу и ее структуре. В целом данный процесс в работах некоторых современных исследователей получил название «незаметной революции»¹.

Карьерный рост большинства из дипломатов Елизаветы I происходил одинаково. Дипломатический корпус состоял из людей, которые были обучены вести дипломатические переговоры, часто выполняли зарубежные миссии и имели определенные поручения на территории Англии. По своему социальному положению их можно отнести к придворным Елизаветы I, но в большинстве случаев они имели достаточно скромное происхождение. Служба в качестве послов позволяла им сделать карьеру, получить титулы, должности и награды. В целом, это был неплохой шанс занять достаточно высокое положение в административной лестнице при елизаветинском дворе.

Одним из примеров того, как отдельные персонажи вовлекались в этот процесс, может служить карьера одного из послов — Томаса Рандольфа (1523—1590 г.). По мнению Г.Белла он был одним из первых профессиональных английских дипломатов². За тридцать один год своей государственной службы он совершил двенадцать специальных дипломатических миссий, что является рекордом для английских послов XVI—XVII веков.

География его служебных поручений была крайне обширной. Началась его дипломатическая карьера с небольшой миссии в Германию. Впоследствии главным направлением его деятельности становится Шотландия, где он сыграл огромную роль в установлении тайных отношений между английским двором и шотландскими протестантами, а также вел тонкую дипломатическую игру вокруг вопроса о браке Марии Стюарт³. В 1568 г. Рандольф был направлен специальным послом в Московское государство ко двору Ивана Грозного, где способствовал созданию Московской компании и получению ею торговых привилегий. Впоследствии он выполнял миссии во Франции и Шотландии, последняя из которых состоялась в 1586 г.

Даже в Англии дипломатическая служба не оставляла ему много свободного времени. Во время пребывания в стране он выполнял функции дипломатического и консульского агента, встречая посольства и миссии из других государств. Так в сентябре 1577 г. он должен был встретить в Кентрберри и затем сопроводить в Лондон маркиза Ле Гавра. В 1580 г. он сопровождал принца Коде,

прибывшего для ведения переговоров с королевой. Фактически он совмещал функции посредника, хозяина и переговорщика в отношениях с иностранными дипломатами и частными лицами.

Важную часть дипломатической деятельности рассматриваемого периода составляла работа с корреспонденцией. Поэтому Рандольф на протяжении своей карьеры постоянно выступал правительственным экспертом по шотландским делам, анализируя большую часть информации, поступающей из этой страны.

Кроме дипломатической службы Рандольф имел и другие обязанности. Он был мировым судьей, шесть раз избирался в парламент, занимал различные должности в королевстве и в графстве Кент. С 1566 г. по 1590 г. он был главой королевской почты. Все эти недипломатические обязанности были обязательной составляющей жизни для людей его круга. Однако, они были только побочными явлениями в его карьере. Все же главные достижения Рандольфа и в положении при дворе, и в благосостоянии были связаны с дипломатической службой. В итоге, он скончался состоятельным человеком с высоким политическим статусом, что не могло обеспечить в ином случае его скромное происхождение из провинциального джентри.

Список кандидатов в агенты, подобных Рандольфу, был достаточно большим. Он включал практически всех придворных, вне зависимости от степени их знатности и должностных лиц. В него могли входить мировые судьи, шерифы графств, констебли, дворяне, служившие на флоте. Однако список действующих дипломатических представителей не был слишком широким. Лорд Берли в 1577 г. составил список лиц, которые могли бы быть привлечены к выполнению различных миссий, и тех, кто уже выполнял подобные поручения. Всего этот список включал восемь представителей аристократии и двадцать два выходца из джентри. Это позволяет сделать вывод о том, что дипломатические представители начали выделяться в новую группу хорошо подготовленных, оплачиваемых придворных чинов, с вполне обозначенными функциями. Другими словами, можно говорить о формировании нового слоя профессиональных чиновников, связанных с исполнением дипломатических функций.

Томас Рандольф и его коллеги создали в Англии к концу XVI века настоящую дипломатическую службу. Таким образом, они начали формирование профессионального посольского корпуса английского королевства.

Примечания

¹ Dewar, M. Sir Thomas Smith. A tudor intellectual in Office. — London, 1964; Bell, G. Elizabethan diplomacy: the subtle revolution // Politics, religion and diplomacy in early modern Europe. — Kirksville, 1994. — P. 267—288.

² Bell, G. — Op.cit. — P. 268.

³ Подробнее о миссиях Т. Рандольфа в Шотландии см. Frescoln, K. Thomas Randolph: an Elizabethan in Scotland. — University of West Virginia, 1971.

НАЧАЛО РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ВОДОСНАБЖЕНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ЛОНДОНЕ

К середине XIV—XV века происходит процесс изменения формы городского уклада жизни, затрагивающий такие области как экономика, политика, социальное устройство. Наблюдается сосредоточение промышленности и населения в крупнейших городах Западной Европы. Как следствие одним из важнейших аспектов городской жизни становится развитие коммунальной инфраструктуры, в частности системы водоснабжения.

Задача этой статьи показать начало развития системы водоснабжения Англии на примере ее столицы — Лондона.

До XIII века в Англии как таковой проблемы снабжения населения города водой не носила острый характер. Но уже к XV—XVI веку, как и в большинстве европейских городов, Лондон столкнулся с проблемой роста населения, что привело к дефициту питьевой воды. Это стало одной из причин для поиска новых источников снабжения населения города питьевой водой.

В своей работе «Описание Лондона» Ульям Фицстефен в XII веке упоминает о наличии конструкции, по которой подавалась вода по средствам глиняных или свинцовых труб к северо-западной части города¹. К середине XIII века относится упоминание другого историка и антиквара Дж.Стоу о строительстве трубопровода. Трубопровод представлял собой резервуар из свинца, построенный в виде замка с зубчатыми стенами в Лондоне в районе Вест Чип. Продолжительность водостока от районов Паддингтона до Джеймхед составляла 510 род (мера длины 5,03 см), а от Джеймхед до холма Ньюгейт 102, от Ньюгейт до Кросс Чип 484 род². Это утверждение содержит самые ранние намеки на попытки о снабжение Лондона водой посредством свинцовых труб. Согласно отчетам, которые сообщали о проделанной работе, его строительство было завершено в 1285 году. Трубы, используемые для транспортировки воды в некоторых случаях не вкапывались в землю, а были встроены в вместительную арку из кирпичной кладки, в которую рабочие могли спуститься для устранения повреждения. На следующий год муниципальные власти заключили договор, который демонстрировал особое внимание, уделяемое вопросу снабжения города водой. Дж.Стоу упоминает, что торговцы Лондона заключили сделку с муниципальными властями на аренду земли за 50 марок ежегодной платы, а также пожертвований в размере 100 фунтов. Это важное обстоятельство позволило мэру и общине установить шестидюймовые свинцовые трубы, «перенести воду от 6 источников, расположенных вблизи с городом»³.

К середине XV века Дж.Стоу сообщает о том, что во многих частях города были построены трубопроводы для усовершенствования системы водоснабжения.

Но, несмотря на эти меры, поставка воды была настолько скудна, что жители города испытывали большие трудности. Это требовало от муниципальных властей привлечение дополнительных мер. Дефицит воды послужил поводом для обращения муниципалитета города к Парламенту в 1544 году для поставки воды в Лондон от Хампстед-Хит, Марилебон и Хакни. Был издан акт, в котором сообщалось, что мэр, община или любой политический орган может «вступать на земли и владения короля» для поиска источников с питьевой водой. Акт предоставлял права муниципалитету выплачивать адекватную компенсацию всем владельцам и арендаторам земель в течение 1 месяца после начала работ на этой территории, а также ценность земли, оценивалась тремя или четырьмя беспристрастными лицами, назначенными на должность лордом — канцлером⁴.

Местные власти поддерживали инициативу жителей города, предоставляя возможность разрабатывать новые проекты и внедрять их в жизнь. Горожане принимали активное участие в сборе средств, составления новых проектов системы водоснабжения, так как были заинтересованы в решении данной проблемы. В 1546 году Муниципальный совет Лондона принял решение выделить денежные средства на установку трубопровода в Лотбери для транспортировки воды от Хокстен Филдс. Трубопровод был построен по проекту мецената Уильяма Ламбе. Трубопровод соединял различные источники для создания высоты напора воды. Его протяженность достигала около 2 000 ярдов. Нужно отметить, что он израсходовал на эту конструкцию огромную сумму денег и его усилия принесли плоды⁵.

Следующей попыткой было создание водонапорной станции лондонского моста. Вода из Темзы подавалась в дома жителей с помощью свинцовых труб от поршня (нагнетательного насоса), находящегося рядом с лондонским мостом. Данный проект был разработан голландским инженером Питером Морисом в 1582 году для службы городу. Цель его строительства обеспечение водой восточной части города. Этот проект был осуществлен за счет усовершенствования водонапорной станции. Он пытался поднять вверх напор воды реки Темзы для, того чтобы снабдить верхнюю часть города водой. При помощи инженерных конструкций ему удалось перекинуть воду через часовню святого Магнуса, что до этого времени было неизвестно в Англии⁶.

Таким образом, отметим, что инициатива по созданию трубопроводов принадлежала в первую очередь жителям Лондона, позднее эта инициатива стала поддерживаться местными властями, которые контролировали сохранность и функционирование данных водопроводов. Но, не смотря на огромное количество средств, и сил затраченных на решение данной проблемы, она оставалась до конца не решенной и требовала постоянного вливания денежных средств и контроля со стороны местных властей.

Примечания

¹ Vita Sancti Thomae, Canturienale archiepiscopi et martyrs, auctore filio Stephani. Ed. by J.C.Robertson. Rolls series. — London, 1877. — № 67. — Vol. 3. — P. 53.

² Stow, J. Survey of London. — L., 1956. — P. 17.

³ Ibid. — P. 18.

⁴ The statute revised edition / Ed. by G.E.Eyre and W.Spottiswood. — London, 1870. — Vol. I. — P. 524.

⁵ The History and antiquities of London, Westminster, Southward and parts adjacent / Ed. by Thomas Allen. London, 1839 — Vol. III. — P. 21.

⁶ Stow, J. — Op. Cit. — P. 18.

А.П.Беликов

Ставропольский государственный университет

ПРИЧИНЫ ПОБЕДЫ РИМА НАД ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИМ ВОСТОКОМ

К концу III в. до н.э. в Средиземноморье, пожалуй, не было силы, равной Риму или Карфагену. Однако мозаика межгосударственных отношений была так сложна, а самих государств было так много, что даже самая сильная держава ничего не добилась бы, сделав ставку лишь на грубую силу. Македония была враждебна Риму и безразлична к Карфагену. Селевкидам не было никакого дела до западного Средиземноморья, они решали свои проблемы на Востоке, и завязли во вражде с Египтом. Это создавало перспективы римско-египетского сближения. Птолемей Филадельф еще в 273 г. до н.э. установил дружбу с сенатом. Для Птолемеев решающее значение имела мощь Рима, в условиях политической изоляции им нужен был новый «друг». Пергам боялся соседей¹ и охотно приобрел бы покровителя. Династы Малой Азии вынуждены были лавировать между Селевкидами, Птолеями и Антигонидами, приобретая в этом немалый опыт. Греки не любили Македонию, как наиболее близкую и наиболее опасную силу, нависшую над всей Элладой. Греческие полисы не имели особо серьезных внутренних проблем, но между собой они раздирались усобицами. Ахайя желала ослабления Этолии, та, ненавидя македонян и ахейцев, стремилась к реваншу. Иллирийцы и фракийцы готовы были грабить Балканы в любой момент, их «участие в политике» сводилось преимущественно к этому.

Греция мечтала о независимости и стабильности, но, понимая, что это нереально, готова была принять формальное верховенство любой из противостоящих сил, но с условием сохранения максимальной автономии. Так сложилась уникальная ситуация, когда начали переплетаться судьбы народов, и стало невозможно изучать их историю отдельно. 2 Пуническая война стала первой «мировой войной» в истории человечества — по театру военных действий,

числу вовлеченных, значению и последствиям. Борьба двух сильнейших народов привлекла внимание всех царей и племен (Liv. XXIII. 33). Теперь греки считали не только с отношениями в Элладе, но смотрели и на Италию, вскоре такое же положение наступило для Азии (Polyb. V. 105.5—7).

Отсюда следуют четыре принципиально важных вывода.

1. Мнение о балансе сил между Египтом, Селевкидами и Македонией, занимающее столь важное место в построениях П.Тревеса² — построение искусственное и не соответствующее реальности³. С конца III в. до н.э. Египет уже не представлял собой силы и демонстрировал скорее «баланс бессилия». Силовое противостояние-противоборство между Антигонидами и Селевкидами не было. При отсутствии пересечения интересов (что изменилось лишь после 2 Македонской войны), они решали свои собственные задачи, впрочем, не испытывая друг к другу ни доверия, ни симпатии. Ни, тем более, готовности к сотрудничеству.

Так же неудачен термин «политическое равновесие»⁴, по крайней мере — с конца III в. до н.э. Крупнейшие эллинистические державы просто не имели сил поглотить друг друга, так что скорее это было вынужденное состояние «стабильной нестабильности». Наконец, что важно, цари никогда не имели цели установить «равновесие», и в тех случаях, когда ситуация позволяла — стремились захватить соседнюю страну, нимало не беспокоясь, что тем самым нарушат равновесие, устранив из него одного из участников. В античном мире не было термина «политическое равновесие», но это не означает, что не было соответствующего понятия⁵. Заметим — *понятие*, возможно, и было, но не было *действий*, направленных на сознательное создание и поддерживание такого равновесия. Напротив, цари изо всех сил старались переломить нестабильность в свою пользу! Думается, прав Т.Моммзен — древний мир не знал политического равновесия — или покорять (эллинизм) или нейтрализовать (Рим), но все это вело, в конечном счете, к завоеваниям⁶.

2. В сложном клубке межгосударственных отношений не было места симпатиям, все определялось интересами. Поскольку ситуация и интересы менялись, это и приводило к хронической нестабильности во всем восточном Средиземноморье. Пресловутый «баланс сил» здесь абсолютно ни при чем.

3. Переплетение непримиримых интересов и нестабильность, сопровождаемые частыми войнами, мешали нормальному развитию экономики, торговли, социальной жизни, даже культуры. Именно поэтому в политике господствовала стратегия лавирования, как неосознанное выражение исторической потребности в стабильности.

4. Многие страны созрели для того, чтобы пожертвовать частью своего суверенитета ради желанной стабильности⁷. Рим верно понял эту общую тенденцию эллинизма! И избрал единственно возможную стратегию, внушая «друзьям», что захватов не будет, а будет заботливая гегемония. И в этом сенат был предельно искренен, и говорил правду. Такая политика соответствовала

интересам сената, не имеющего пока планов аннексии и заинтересованного в раздробленности Востока, поскольку на первых порах Риму нужно было только доминирование. К большому он и не стремился, вплоть до перелома 40-х годов II в. до н.э. Интересы Рима, соединившись с интересами слабых, но многочисленных стран, и сделали его гегемоном Средиземноморья. Это и есть одна из главных причин его успеха! Ситуативный обман заключается в том, что логика исторического развития в будущем неизбежно привела и сам Рим к потребности в стабильности, которой теперь можно было достичь — лишь аннексией чрезмерно размножившихся «друзей и союзников».

Примечания

¹ См.: McShane, R.B. The foreign policy of Attalids of Pergamum. — Urbana, 1964. — P. 95—99.

² См.: Treves, P. Balance of Power Politics in Classical Antiquity // XIII Международный конгресс исторических наук. — М., 1973. — Т. 1. — Ч. 3. — С. 5—30.

³ Ср.: Heinen, H. The Syrian-Egyptian Wars and the new kingdoms of Asia Minor // САН. 2nd ed. — Vol. VII. — Part 1. The Hellenistic world. — Cambridge, 1984. — P. 445.

⁴ См.: Тревес, П. Проблема политического равновесия в классической античности. — М., 1970. — С. 3—30.

⁵ Кашеев, В.И. «Политическое равновесие» в эллинистическом мире как историографическая проблема // Историк и историография. — Саратов, 1999. — С. 155.

⁶ Моммзен, Т. История Рима. — М., 1936. — Т. 1. — С. 737.

⁷ Ср.: Eckstein, A. M. Mediterranean anarchy, interstate war, and the rise of Rome. — Los-Angeles-London, 2006; Idem. Rome enters the Greek East: from anarchy to hierarchy in the Hellenistic Mediterranean, 230—170 B.C. — Oxford, 2008.

А.А.Бельцер

Самарский институт — высшая школа приватизации и предпринимательства

ПРЕЛАТЫ И ПЕРСОНАЛ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ТЮДОРОВСКУЮ ЭПОХУ

В исследованиях, посвященных истории Европы раннего нового времени церкви уделено большое внимание. Реформация, католическая реформа, религиозные войны — все эти события непосредственно затрагивали духовенство и его положение в обществе. Однако насколько изменилось место церкви в системе управления, во взаимоотношениях с государством? Потрясли ли перемены в духовной и политической жизни влияние духовенства на работу королевской администрации. Попробуем ответить на этот вопрос на примере системы местного управления Тюдоровской Англии. До прихода Тюдоров к власти

английские прелаты играли важную роль в управлении королевством, как в центре, так и на региональном уровне¹. После восшествия на трон Генриха VII ситуация кардинально не изменилась. Представители высшего английского духовенства регулярно входили в мировые комиссии по всей стране. Так, при первых Тюдорах мировым судьей в Карнарвоне был Артур, епископ Бангорский, в Йоркшире — Катберт, епископ Даремский². Реформация не изменила положение — при Елизавете Эдвин Сендс, архиепископ Йоркский состоял в числе мировых судей Йоркшира, Мэтью Паркер, архиепископ Кетерберийский входил в состав мировой комиссии Кента, Эдмунд Фрик, епископ Норвича — мировой комиссии Норфолка³. Английские епископы и архиепископы входили в региональные Советы. Президентом Совета Уэльса был долгое время епископ Ковентри Роуланд Ли, Северного Совета — епископ Даремский Катберт Танстэлл, а затем Роберт Холгейт, архиепископ Йоркский⁴. При Елизавете пост Президента Северного Совета занимали Томас Янг, архиепископ Йоркский и Мэтью Хаттон, также архиепископ Йоркский.

В средневековом английском обществе влияние человека основывалось не только на его личном статусе, но и на родственных и клиентельных связях. Прелатов с дворянами, занимающими посты в системе местного управления, действительно, часто связывали родственные узы. Семья Сэвиджей занимала шерифство в Уорчестере. Шерифом был Джон Сэвидж, дядя же его, Томас Сэвидж был епископом Рочестерским, а затем архиепископом Йоркским⁵.

Гораздо чаще влияние представителей духовенства на систему местного управления покоилось на клиентельных связях. Поколения дворян занимали те или иные должности в хаусхолде какого-нибудь епископа. Бейлифом епископа Ковентри Томаса Бентама служил Симон Хакорт, мировой судья графства Стаффорд 60-х годов⁶. Епископа Даремского связывали клиентельные узы со многими магнатами северных земель. В 1562 году в мировую комиссию Северного райдинга графства Йоркшир входили Роберт Меннел, сенешаль епископа Даремского и декан епископства Ральф Скиннер, в 1584 году — Томас Калверли, также служивший у епископа Даремского⁷. Большие связи среди дворянства Восточной Англии имел епископ Никс⁸.

В ходе Реформации положение церковных прелатов несколько изменилось. С одной стороны, церковь потеряла массу земельных владений, но с другой, на епископов легла тяжкая ноша контроля над проведением в жизнь религиозных установлений Тюдоров. От епископов периодически требовали сведений о поведении и отношении к религии мировых судей и шерифов. В 1564 году всем епископам были разосланы опросные листы для сбора данных о религиозной благонадежности магистратов⁹. Подобная процедура была повторена и после чистки мировых судей 1587 года. По данным, представленным епископами, тех или иных судей могли сместить.

Например, 1566 году в Гэмпшире в результате жалоб епископа Роберта Хорна из мировой комиссии было исключено несколько мировых судей — католиков¹⁰.

Во времена Елизаветы подобные чистки стали регулярными. Они проводились в 60-х, 70-х и 80-х годах. Одновременно с исключением мировых судей, подозреваемых в симпатии к католицизму, в мировую комиссию включались те, в чьей лояльности и верности англиканской церкви можно было быть уверенным. Далеко не всегда это непосредственно креатуры того или иного епископа. Тому же Роберту Хорну не сразу удалось провести своих людей в мировые судьи Гэмпшира. Но решение об оставлении в комиссии или включении туда могло быть принято на основании рекомендаций епископа. Это делало его фигурой, достаточно влиятельной в графстве.

Таким образом, ни приход к власти новой династии, ни реформация не привели к ослаблению влияния епископата на деятельность местного управления. Более того, в ситуации, когда Корона не могла быть уверена в конфессиональной благонадежности светских лиц, именно прелаты выступали проводниками королевской политики и наиболее надежными в религиозном отношении магистратами.

Примечания

¹ Леонова, Т.А. Духовенство в аппарате управления Англией XIV века // Социально-политические отношения в Западной Европе (античность, средние века). — Уфа, 1993. — С. 61—75.

² Calendar of Camarvonshire quarter sessions records / Ed. by W.O.Williams. — L., 1956. — V. 1.

³ Дмитриева, О.В. «Йоркширский Расемон» // Казус. — М., 1999.

⁴ Tudor Constitution. Documents & Commentary / Ed. by G.R.Elton. — Cambridge, 1960. — P. 197

⁵ The manuscripts of sir George Wombwell, the Duke of Norfolk, lord Edmund Talbot, miss Buxton, mrs Hartford& mrs Wentworth of Wolley// Royal Historical Manuscript Commission. — L., 1903. — V. 2. — P. 28

⁶ The Letter Book of Thomas Bentham, Bishop of Coventry & Lichfield// Camden Miscellany. — L., 1979. — V. XXVII. — P. 61.

⁷ Gleason, J. The Justices of Peace in England. 1558—1640. — Oxford, 1969. — P. 229.

⁸ McCulloch, D. Suffolk & the Tudors. Politics & religion in the county. 1500—1600. — Oxford, 1986. — P. 130.

⁹ Collections of original letters from bishops to the Privy council, 1564// Camden miscellany. — L., 1895. — V. 9.

¹⁰ Fritze, R. The Role of Family & Religion in the local politics of Early Elizabethan England: The Case of Hampshire in the 1560s // The Historical Journal. — 1982. — V. 25. — № 2. — P. 278.

Э.К.СТЭНТОН И Л.МОТТ: ИДЕЯ БОРЬБЫ ЗА ПРАВА ЖЕНЩИН В США

Гражданская война в США — наиболее изученная тема в отечественной и американской историографии, однако новые источники, новые методологические подходы позволяют расширить представление о тех или иных явлениях. Особое место в истории Гражданской войны в США занимает рассмотрение проблемы через свидетельства женщин, так как роль женщины, в Гражданской войне, наименее изученная тема. Источники по истории женского движения в США включают в себя материалы съездов женских организаций, постановления и официальные бумаги съездов, воспоминания участников событий, а также журнальные статьи.

День открытия Всемирного антирабовладельческого съезда в Лондоне 1840 г., часто рассматривают как дату зарождения организованного женского движения в США. Именно на этом съезде наметились черты раскола между представителями антирабовладельческого движения, и отдельными женщинами желающими расширить женские права. Этими женщинами были Э.К.Стэнтон и Л.Мотт. Движение за женские права было вызвано, нетерпимым поведением мужчин в отношении женщин на Съезде. Э.К.Стэнтон и Л.Мотт представлявшие «Американское антирабовладельческое общество» рассчитывали на свое участие в лондонском съезде, но их большинством голосов не допустили на съезд. Хотя попытка аболиционисток участвовать на лондонском съезде не удалась, они убедились, что их прошлая борьба за женские права не прошла даром. Некоторые мужчины — лидеры антирабовладельческого движения выступили против их отстранения от работы съезда¹.

Предвзятое отношение к женщинам на лондонском съезде стало главной причиной созыва нового съезда в США. Он состоялся в Сенека-Фоллзе (штат Нью-Йорк) в июле 1848 г. и был представлен известными феминистками Э.К.Стэнтон и Л.Мотт. В период подготовки съезда в Сенека-Фоллзе Э.К.Стэнтон предложила обсудить новую, радикальную резолюцию по правам женщин другой известной суфражистке — Л.Мотт. Эта резолюция включала в себя наделение женщин избирательными правами. Хотя опыт участия в антирабовладельческом движении убедил Л.Мотт в необходимости немедленного предоставления женщинам политических прав, она возражала против того, чтобы вынести на обсуждение резолюцию о допущении женщин к участию в выборах. Она считала, что такое предложение могло быть воспринято как абсурдное, и подорвать значение съезда. Муж Э.Стэнтон также возражал против того, чтобы поднимать вопрос об избирательных правах женщин. Единственным лидером аболиционистов, выступившим за то, чтобы эта резолюция была выдвинута, являлся Ф.Дуглас².

Вопросом, вызвавшим разногласия собравшихся на съезд в Сенека-Фоллзе, были избирательные права женщин. Резолюция по этому вопросу не получила единодушной поддержки. В результате съезда в Сенека-Фоллзе была принята декларация женского движения (Declaration of Sentiments). Декларация, принятая в Сенека-Фоллзе 19 июля 1848 г. главное внимание уделяла институту брака и его многочисленным, негативным для женщин правовым последствиям. Замужество лишало женщин права собственности, ставя их экономически и морально в зависимость от мужей. Требуя безоговорочного повиновения, от жен, институт брака давал мужьям право наказывать своих жен, и, более того, законы, регулировавшие раздел имущества и развод, были практически полностью основаны на господствовавших критериях мужского превосходства. В ней утверждалось, что следствием подчиненного статуса женщин в браке является их неравноправие в получении образования и профессии. Неоценимое значение принятой в Сенека-Фоллзе декларации в том, что в ней были четко сформулированы неотъемлемые права женщин. Однако декларация, представляя собой изложение проблем, стоявших перед белыми женщинами среднего класса, практически полностью игнорировала затруднительное положение белых работниц, равно как и условия жизни черных женщин и на Юге, и на Севере. Другими словами, декларация, принятая в Сенека-Фоллзе, содержала анализ положения женщин, принадлежавших лишь к тем социальным слоям, которые были представлены на съезде, и не учитывала условий жизни тех, кто в нем не участвовал. В ней игнорировались права женщин работающих на фабриках³.

Из всех женщин, присутствовавших на съезде в Сенека-Фоллзе, Ш.Вудворд и еще несколько женщин оказались единственными представительницами фабричных работниц. Они приехали на съезд с тем, чтобы получить совет, как улучшить свой материальный статус. Ш.Вудворд работала перчаточницей-надомницей. Получаемая ею зарплата забиралась в ее семье мужчинами на «законном» основании. На заключительном заседании съезда в Сенека-Фоллз, Л.Мотт предложила итоговую резолюцию, призывавшую уравнивать женщин в правах с мужчинами не только в церкви, но и в «получении доступа к различным ремеслам, профессиям, к занятию торговлей». Таким образом, права работниц на съезде в Сенека-Фоллзе получили, наконец, хоть и формальное, но признание. Тем не менее, о правах женщин афро-американок в декларации, не упоминалось даже косвенно. А ведь на Юге они восстали против рабства, а на Севере боролись против расизма. Среди участников съезда в Сенека-Фоллзе не было ни одной черной женщины, и они даже не упоминались в принятых съездом документах. Месяц спустя в Рочестере (штат Нью-Йорк), где состоялся еще один съезд, председателем которого была избрана женщина, Декларация была принята большим числом голосов, чем на съезде в Сенека-Фоллзе⁴.

Спустя два года после съезда в Сенека-Фоллзе в Вустере, штат Массачусетс, состоялся первый Национальный съезд сторонников движения за права женщин. Среди его участников была черная феминистка С.Трус. Ее присутствие

и выступления на заседаниях символизировали солидарность черных женщин с новым направлением борьбы за свои права. Она призывала освободиться не только от гнета расистов, но и от господства сторонников женского неравенства. В выступлении С.Трус на женском съезде в Акроне, штат Огайо, в 1851 г. ее слова: «Разве я не женщина?», превратились в один из самых популярных лозунгов женского движения XIX в. На заседании съезда в Акроне только С.Трус сумела дать отпор враждебным выкрикам присутствовавших мужчин. Обладая качествами руководителя и выдающимися ораторскими способностями, С.Трус опровергла утверждения, что женская слабость несовместима с избирательным правом. Защита прав женщин сделала С.Трус героиней дня и привлекла к ней внимание, как белых женщин, так и их непримиримых оппонентов-мужчин. Она не только нанесла сокрушительный удар по всем рассуждениям мужчин о «слабом поле», но и опровергла их довод о том, что мужское превосходство вытекает из христианства, поскольку сам Христос был мужчиной. В 1850-е гг. местные и национальные съезды вовлекали в борьбу за равноправие все большее число женщин. С.Трус целенаправленно появлялась на этих собраниях и, вопреки неизбежной враждебности, добивалась права на выступление. Говоря от имени ее черных женщин, как рабынь, так и свободных, она вносила в движение за права женщин более активный элемент. Сам факт ее присутствия, как и ее речи, постоянно напоминали о том, что черные женщины стремятся к тем же правам, что и белые⁵.

С началом Гражданской войны в женском движении произошел раскол, а также переориентация на тот или иной из враждующих лагерей. В период Гражданской войны об организованном женском движении можно говорить только в контексте одной из враждующих сторон — Севера. На Юге феминизм не получил столь серьезного развития как на севере. В конфедерации женщины придерживались более консервативных идей. И видели самореализацию только в пределах семьи, брака, домашнего хозяйства. Самой яркой представительницей женщин Юга была М.Б.Чеснот (жена сенатора Чеснота из Южной Каролины), оставившая после себя яркие и живые воспоминания⁶. Роман «Унесенные ветром» М.М.Митчелл, написанный в конце 1930-х гг. XX в., также является яркой характеристикой менталитета женщин ставших на сторону Конфедерации во время Гражданской войны⁷.

На Севере лидеров движения за права женщин переориентировались на защиту дела Союза. Но, прекратив свою агитацию за равноправие женщин, они убедились, насколько глубоко корни расизма на Севере страны. Э.К.Стэнтон, Л.М. и С.Б.Энтони путешествовали по штату Нью-Йорк, выступая с лекциями в защиту борьбы Севера и требуя освобождения рабов. Их опыт агитаторов за дело Союза помог им понять, что расизм на Севере существует и может принимать не менее жестокие формы, чем на Юге. Э.К.Стэнтон и С.Б.Энтони были согласны с радикальными аболиционистами в том, что освобождение рабов и привлечение их в ряды армий Севера способствовали бы скорейшему окончанию

Гражданской войны. Они пытались объединить вокруг этого требования массы женщин, выступив с призывом создать «Женскую лоялистскую лигу». На ее учредительном съезде сотни женщин согласились помочь армии, распространяя петиции, требовавшие освобождения рабов. Однако они не были столь единодушны в отношении резолюции С.Б.Энтони, где равноправие женщин связывалось с освобождением черных. В предложенной резолюции утверждалось, что в США никогда не будет настоящего мира до тех пор, пока не будут практически реализовываться «гражданские и политические права всех граждан африканского происхождения и всех женщин»⁸.

На учредительном съезде «Женской лоялистской лиги», куда были приглашены все ветераны аболиционистского движения и борьбы за права женщин. На съезде А.Гримке выступила с наиболее глубоким анализом характера войны, назвав ее «нашей второй революцией». В «Обращении к солдатам нашей второй революции» А.Гримке предложила создать союз, включающий в себя рабочих, черных и женщин. С началом Гражданской войны Э.К.Стэнтон призвала своих единомышленниц-феминисток отдать все силы освобождению рабов. Позднее она утверждала, что защитницы женского равноправия совершили ошибку, подчинив свои цели аболиционизму. Как только армия Союза одержала победу над своими противниками-конфедератами, Э.Стэнтон и ее соратницы потребовали, чтобы республиканская партия отблагодарила их за вклад в победу. Они требовали предоставления избирательного права. Однако республиканская партия не поддержала идею предоставления женщинам избирательных прав⁹.

Сразу после войны была создана «Ассоциация борьбы за равноправие», во главе Ф.Дугласом, Э.К.Стэнтон (в качестве вице-президентов), а Л.Мотт (в качестве президента). Э.Стэнтон и некоторые ее соратницы, воспринимали эту организацию как средство обеспечить получение избирательных прав черными мужчинами и белыми женщинами одновременно. Когда «Ассоциация борьбы за равноправие» поддержала 14-ю поправку и 15-й поправки к конституции не затрагивающих проблему равноправия женщин, белые женщины, входившие в ассоциацию, почувствовали себя преданными. Среди них возросли расистские настроения. Э.К.Стэнтон и С.Б.Энтони предполагали, что ликвидация рабовладельческой системы настолько поднимет статус черных, что он станет сопоставим с положением белых женщин из средних слоев. Хотя Ф.Дуглас пытался доказать первоочередность предоставления права голоса черным, лидеры полевого движения за права женщин склонялись к тому, чтобы рассматривать завоевание избирательных прав как свою конечную цель. С.Трус (не осознавшая еще опасности расизма назревавшего в недрах женского движения) на съезде АБР в 1867 г. выступила против ратификации 14-й поправки потому, что она полностью лишала черных женщин избирательных прав¹⁰.

В 1869 г. состоялся новый съезд «Ассоциации борьбы за равноправие». В повестке дня этого съезда АБР стоял вопрос о поддержке 15-й поправки.

Ведущие суфражистки выступали против этой поправки. Ф.Дуглас пытался убедить АБР поддержать 15-ю поправку, в этом ему помогала С. Трус осознавшая к тому времени опасность расизма, лежащего в основе оппозиции суфражисток предоставлению права голоса черным мужчинам. Призыв Ф.Дугласа к единству в борьбе за ратификацию 15-й поправки был также поддержан Ф.Е.У.Харпер. Эта выдающаяся черная поэтесса и одна из лидеров движения за избирательные права женщин настаивала на том, что право голоса для черных мужчин имело слишком важный характер для выживания ее народа, чтобы рисковать им в такой решающий момент. Выступая на последнем съезде АБР, Ф.Харпер обратилась к присутствующим женщинам с призывом поддержать борьбу черного народа за освобождение. Большинство женщин не поддержали Ф.Харпер и С.Трус, добивавшихся одобрения призыва Ф.Дугласа к единству. Э.К.Стэнтон и С.Б.Энтони были среди тех, кто добился роспуска «Ассоциации борьбы за равноправие». Вскоре после этого они создали «Национальную ассоциацию суфражисток» (НАС). Л.Стоун и ее муж, поддержавшие на съезде АБР 15-ю поправку, совместно с Дж.У.Хоув основали «Американскую ассоциацию суфражисток» (ААС). Роспуск «Ассоциации борьбы за равноправие» привел к разрыву союза между освободительными движениями черных и женщин¹¹.

В период Гражданской войны в США женщины стали играть более важную роль, чем прежде. Борьба за права женщин начинала приобретать организованный характер. Появились женские организации способствующие тому, чтобы белое мужское население США обратило, наконец, внимание на тот факт, что женские права пренебрегаются. Активные участницы этого движения боролись не только за права женщин из среднего сословия, но и за права женщин работающих на фабриках, а также афро-американок, положение которых было наиболее сложным. Черные женщины также активно боролись за свои неотъемлемые права, не только с мужчинами, и женщинами придерживавшихся расистских убеждений.

Примечания

¹ Stanton, E.C, Antony S. B. Gage, M. J. History of Woman Suffrage. — New York, Fowler and Wells, 1881. — V. 1 (1848—1861). — P. 60—62.

² Ibid.

³ Hole, J. Levine, E. The First Feminist // Koedt, A., Levine, E. and Rapone, A., Eds. Radical Feminism. — New York, Quadrangle, 1973. — P. 6.

⁴ Stanton, E.C. Eighty Years and More: Reminiscences 1815—1897. — New York: Schocken Books, 1917. — Ch. 5.

⁵ Ibid.

⁶ Chesnut, M.B. A Diary from Dixie, Isabella D. Martin and Myrta Locket Avary. — New York, 1905. — P. 32—40.

⁷ Митчелл, М.М. Унесенные ветром. — М., 2003.

⁸ Aptheker, G. A Documentary History. — V. 1. — P. 196.

⁹ Walker, S. J. Frederick Douglass and Woman Suffrage // Black Scholar. — Vol. IV. — № 6—7, March-April. — 1973. — P. 28.

¹⁰ Foner, Ph. (Ed.) The Life and Writings of Frederick Douglass. — New York: International Publishers, 1950. — Vol. 1. — P. 321.

¹¹ Gurko, M. The Ladies of Seneca Falls: The Birth of the Women's Rights Movement. — New York: Schocken Books, 1976. — P. 105.

Л.Н.Беспалова

Нижевартовский государственный гуманитарный университет

ИДЕЯ И ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ГЕРМАНИИ В 80-е ГОДЫ XIX ВЕКА

Современная социальная политика уходит своими корнями в патриархальную общинную взаимопомощь, христианскую благотворительность, заимствует идеи философов эпохи Просвещения и научного рационализма.

В связи с реформами, проводимыми в Германии кайзером Отто фон Бисмарком в 1880-е гг., термин «социальная политика» стал означать сжатый перечень специальных государственных мероприятий, которые регулировали различные типы защиты индустриальных рабочих, и воспринимался как «исключительно рабочий вопрос». Это время характеризуется высокими темпами роста промышленного производства и оформлением политического и гражданского устройства общества на принципах буржуазной демократии. Появился новый многочисленный класс наемных работников, единственным источником доходов которых была заработная плата. Потеря заработка лишала рабочего и его семью средств к существованию. Тяжелое машинное производство, опасная рабочая среда вызывали недовольство рабочих.

Таким образом, объектом социальной политики в индустриальном обществе были «низшие классы», а именно рабочие. Целью социальной политики в этот период было снижение социальной напряженности в обществе путем улучшения положения «низших классов»¹.

Канцлер Германской империи Отто фон Бисмарк также рассматривал социальное законодательство как «позитивную меру» противодействия «опасным устремлениям» социал-демократии и надежную защиту от партикуляризма, в чем он подозревал (и не без основания) не только депутатов центра, но и значительную часть своих союзников-консерваторов.

Иницированное О.Бисмарком формирование системы социального обеспечения началось с закона о несчастном случае. Комиссия, собранная рейхстагом для обсуждения первого проекта закона о страховании от несчастных случаев, приступила к работе 28 апреля 1881 г.² В ее состав входили 8 консерваторов,

7 национал-либералов, 3 прогрессиста, два члена других либеральных объединений. Социал-демократы представлены не были. Секретарем комиссии был один их лидеров Партии центра — фон Гертлинг. Он открыто защищал интересы акционерных страховых товариществ, требуя, чтобы закон дал им право на существование.

Комиссия не приняла ни одной из поправок к правительственному проекту, направленных на его совершенствование. Особенно негативную реакцию у оппозиционных правительству партий вызвало предложение О.Бисмарка об участии государства в страховом фонде. Католическая и либеральная пресса стремилась убедить граждан в том, что государственная доплата — предвестник новых косвенных налогов и подорожания товаров народного потребления. Лидер национал-либералов Бамбергер отвергал государственный взнос и весь проект в целом как уступку, сделанную социал-демократии, а также обвинял О.Бисмарка в цезаризме и подкупе рабочих за счет казначейства³. Резко выступал против государственного взноса и лидер прогрессистов Э.Рихтер. Он утверждал, что доплата государства в страховой фонд в пользу низкооплачиваемых рабочих будет покрываться за счет крестьян и ремесленников и подчеркивал, что канцлер настаивает на государственном взносе, пытаясь найти правительству моральное оправдание в глазах рабочих в связи с резким подорожанием продуктов питания (следствие повышения таможенных сборов).

Однако О.Бисмарк твердо решил настаивать на государственном взносе. Во время второго чтения законопроекта в рейхстаге 23 мая в 1881 г. канцлер заявил на приеме в честь депутатов: «Я не поставлю свою подпись ни под одним законом, которая обернулся бы грузом для бедного рабочего»⁴. Через три дня на специально созванном приеме канцлер энергично убеждал депутатов от имперской партии согласиться на включение в проект государственного взноса и резко осуждал известного стального магната «короля Штумма» за его откровенный отказ присоединиться к планам канцлера о создании государственной системы страхования.

В середине августа в 1881 г. советник канцлера профессор А.Вагнер заявил, что 150 млн. марок, которые должны поступить в кассу от запланированной правительством табачной монополии, будут направлены на создание фонда страхования рабочих по старости и инвалидности («наследство обездоленных»), а проправительственная пресса расценила новые выборы в рейхстаг как всенародный плебисцит по поводу «социальных» планов канцлера⁵.

Предвыборная кампания 1881 г. проходила в обстановке усиления полицейских мероприятий. Более 600 активистов социал-демократической партии были арестованы. К тому же повышение таможенных сборов на продукты питания повлекло рост цен. В 1881 г. косвенные налоги на предметы народного потребления обошлись населению в 130 млн. марок. Снижение жизненного уровня населения и усиление репрессий прямо отразилось на результатах выборов, которые обернулись полным поражением консерваторов. Кампания против

таможенной и налоговой политики правительства, которую вели прогрессисты, увенчалась успехом. Социал-демократическая партия провела в рейхстаг 12 депутатов.

Зимняя сессия 1881—1882 гг. завершила работу 30 января, так и не начав рассматривать новый законопроект о социальном страховании, который правительство не спешило выносить на обсуждение.

8 мая 1882 г. началось обсуждение нового проекта закона о страховании работников от несчастных случаев. Новый проект больше отвечал интересам крупной буржуазии, чем первый. Вразрез с намерениями О.Бисмарка он уже не предусматривал создания имперского страхового ведомства, а всю полноту власти передавал объединениям предпринимателей. Либералы и прогрессисты, не внося позитивных предложений, настаивали на безусловном отклонении нового правительственного законопроекта. Депутаты от центра, поддерживая законопроект, требовали ликвидации государственной доплаты в фонд страхования от несчастных случаев. Вместо этого они предложили перенести на рабочих часть расходов, мотивируя это попыткой достичь большего участия представителей пролетариата в организации и управлении страховыми товариществами⁶.

Обсуждение третьего законопроекта о страховании от несчастных случаев началось только в марте 1884 г. При разработке этого законопроекта О.Бисмарк решил полностью отказаться от государственной доплаты в страховой фонд. Третий проект страхования рабочих от несчастных случаев отличался от предыдущих прежде всего тем, что сильно сужал круг лиц, которые подлежали страхованию. О.Бисмарк оправдывал это обстоятельство тем, что сужение круга застрахованных поможет ему заручиться согласием депутатов рейхстага. В то же время он обещал в ближайшем будущем распространить закон на новые отрасли промышленности и сельское хозяйство.

Размер пенсий и выплат пострадавшим от несчастных случаев и членам их семейств проект оставил без изменений. В качестве организаций, призванных осуществлять страхование, проект предусматривал профессиональные общества (корпорации) предпринимателей. Устав объединений должны были определять сами предприниматели, в проекте содержались лишь некоторые ориентировочные нормы. Общества предпринимателей создавались по всей стране, разделялись на объединения по степени опасности производства. Кроме того, предусматривалось разделение на секции по географическому признаку. Взносы отдельных капиталистов должны были взиматься в конце года по тарифу, определяемому имперским объединением в зависимости от степени опасности производства.

Проект предусматривал участие рабочих в деятельности корпораций предпринимателей, но она была иллюзорной. Рабочие должны были участвовать в работе третейских судов и рабочих комитетах. Этим учреждениям отводилась роль контролеров за соблюдением техники безопасности на производстве,

они могли участвовать в расследовании причин несчастных случаев на заводах и фабриках. Рабочие представители избирались из числа членов правления местных или фабричных (обязательных) медицинских касс, которые находились под контролем предпринимателей.

Третий правительственный законопроект с изменениями, продиктованными по большей части католической партией, был принят рейхстагом 6 июля 1884 г., став законом о страховании рабочих от несчастных случаев. Он вводил обязательное страхование всех рабочих и ряда групп служащих с годовым доходом не более 2 тыс. марок и гарантировал им помощь при несчастном случае, произошедшем на работе. Закон предусматривал оплату лечения пострадавшего в течение 14 недель, пенсию в случае нетрудоспособности. Размер пенсии инвалида составлял две трети его заработка. В случае смерти работника его семье полагалась пенсия, не превышающая 60% зарплаты погибшего.

Вначале закон не включил в сферу своего действия работников сельского хозяйства, но в дальнейшем он был распространен на транспортных работников (28 мая в 1885 г.), на работников, занятых в сельском и лесном хозяйстве (5 мая в 1886 г.), в строительстве (11 июля в 1887 г.) и морском пароходстве (13 июля в 1887 г.).

Проект закона о медицинском страховании работников был представлен на рассмотрение рейхстага 29 апреля 1882 г.⁷

Проект медицинского страхования охватил более широкое количество трудящихся, нежели законопроект о страховании от несчастных случаев. Его действие распространялось на рабочих и служащих большинства отраслей, чей дневной заработок не превышал 6,6 марок. В то же время предусматривалось, что пострадавшие от производственного травматизма должны были в течение 13 первых недель передаваться под присмотр медицинских касс. Медицинское страхование, таким образом, в определенной степени подменяло страхование от несчастных случаев, поскольку возмещение убытков в 95—98% от общего количества несчастных случаев ложилось на медицинские кассы.

Депутаты национал-либеральной партии в целом позитивно приняли правительственный проект. Но лидер партии Ласкер резко осудил нищенский размер больничных выплат (приблизительно 1 марка на день, а в случае пребывания рабочего в больнице — 33 пфеннига), справедливо указывая, что этой суммы недостаточно для существования семейства из 3—4 лиц⁸.

19 апреля 1883 г. рейхстаг приступил ко второму чтению проекта медицинского страхования рабочих. Во время обсуждения законопроекта, которое затянулось до лета 1883 г., прогрессисты и национал-либералы настаивали на включении в систему страхования сельскохозяйственных рабочих. Они рассчитывали, что центр и часть консерваторов, которые не желали этого включения, провалят при голосовании весь законопроект.

Однако большая часть консерваторов, которая пыталась освободить юнкеров от расходов на благотворительность, высказалась за распространение

медицинского страхования на сельскохозяйственных рабочих. Тогда лидер партии центра Виндгорст выступил с угрозой, заявив, что если рейхстаг одобрит включение в систему страхования сельских рабочих, то центр проголосует против законопроекта в целом. Предложение депутатов центра о ликвидации в округе пункта 1-а (по которому больничное страхование распространялось на сельских батраков) было принято большинством в 2 голоса («за» — 136, «против» — 134)⁹.

Законопроект был принят в рейхстаге в июне 1883 г. 216 голосами против 99. За одобрение проекта голосовали консерваторы, центр, большая часть национал-либералов, поляки (12 депутатов). Против подали голоса прогрессисты и социал-демократы. Согласно принятому закону, медицинское страхование вступало в силу только в случае профессиональной болезни или производственной травмы, которая не излечивалась более 13 недель. Финансирование медицинского страхования на две трети осуществлялось за счет взносов трудящихся и на одну треть предпринимателей. Страхование обеспечивало лечение, в том числе стационарное, бесплатное обеспечение лекарствами, выплату пособия с четвертого дня болезни в размере 50% от заработка.

Законопроект о пенсионном обеспечении пожилых рабочих и опеке над инвалидами обсуждался в рейхстаге с 1881 г. по 1889 г. В силу закон вступил 1 января 1891 г., его основу составляло положение об обязательном страховании широкого круга рабочих и служащих с годовым доходом не более 2 тыс. марок. Позднее было внесено дополнение о страховании владельцев ремесленных и мелких предприятий, а также мастеров, работающих на дому.

Лица, не подлежащие обязательному страхованию, могли оформить страховку добровольно, если они не достигли 40 лет. Этот вид страхования после пяти лет уплаты взносов давал право на получение пенсии по инвалидности и по старости. Пенсия по старости полагалась с 70 лет, если трудящийся регулярно платил не менее 30 лет. В создании страхового фонда участвовали в равных долях предприниматели, рабочие и государство.

Позитивные результаты социальной политики Бисмарка первыми ощутили на себе высококвалифицированные рабочие — главная опора социал-демократов. Одна из основных задумок канцлера — примирение «рабочего сословия» с государством, реализовывалась через усиление реформистского крыла социал-демократов, которому в дальнейшем удалось перехватить у консерваторов инициативу в решении социальных проблем¹⁰.

Еще одним важным замыслом О.Бисмарка было закрепление территориального единства государства. Социальное примирение должно было стать надежным залогом этого. Формально гарантом такого единства, согласно конституции государства (ст. 4), были имперские (общенемецкие, а не отдельных земель) ведомства, которые контролировали на местах разнообразные институты, созданные для проведения государственной, культурной и социальной политики.

Социальное законодательство Бисмарка упорядочило условия найма рабочей силы на системной основе и гарантировало высокие уровни социальной защиты для работающих и членов их семей на протяжении всего периода трудовой и послетрудовой жизни. Впервые в европейской истории были предложены и осуществлены социальные меры, обеспечивающие рабочим определенные социальные гарантии. Период 1880-х гг. немецкие историки считают порой зарождения современной социальной политики.

Примечания

¹ Церкаевич, Л.В. Институциональные основы социальной политики и особенности ее реализации в регионе: Автореф. дисс. ... д-ра экон. наук. — СПб., 2005.

² Stenographische Berichte, IV. Session, 1881. — Bd. IV, Drucksache № 159.

³ Stenographische Berichte, IV, Leg., IV. Sess., 1881. — Bd. II. — S. 1544.

⁴ Poschinger H. von. Furst Bismark und Parlamentarier. — Bd. I. — Berlin; Breslau, 1894. — S. 187.

⁵ Peschke P. Geschichte der deutschen Sozialversicherung. — Berlin, 1962. — S. 292.

⁶ Heidemann K. Bismarcks Sozialpolitik und die Zentrumpartei 1881—1884. — Herford, 1930. — S. 89.

⁷ Stenographische Berichte, V, Leg., II. Sess., 1882—1883. — Bd. V, Drucksache № 14, 19.

⁸ Матвеев, С.О. Соціальна політика Отто фон Бісмарка і сучасність / С.О.Матвеев, Г.В.Музиченко.// Український історичний журнал. Науковий журнал. — 2008. — № 6. — С. 141.

⁹ Там же. — С. 142.

¹⁰ Handlexikon zur Politikwissenschaft Schriftenreihe der Bundeszentrale fur politische Bildung / Mickel W. (Hrsg.). — Bd. 237. — Bonn, 1986. — S. 472.

В.В.Борисенко

*Могилевский государственный университет им. А.А.Кулешова,
г.Могилев, Республика Беларусь*

К ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНИИ ЧЕРНОГОРСКИХ ЗЕМЕЛЬ В XVII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Черногорией примерно с середины XV столетия называли горную часть исторической области Зеты, расположенную на запад от р.Морачи. По легенде, когда Бог создавал Землю, у Него осталось много скал, из которых Он и сотворил Черногорию. Эта территория одной из последних в этой части Балкан была завоевана османами¹. Их попытки распространить здесь свои налоговую систему и аграрные отношения не увенчались успехом. Ведя непрерывные войны с Портой, черногорцы заложили основу своей политической самостоятельности. Уже в XVI в. здесь была распространена так называемая филурджийская система, когда все жители считались филурджиями — свободными. Согласно

султанскому фирману, население освобождалось от участия в турецких военных походах. В дальнейшем удалось освободиться и от обязанности охранять границу с Венецией. Единственным признаком вассальной зависимости оставалась только уплата общей дани — хараджа. Однако и его османам зачастую удавалось собирать только при помощи карательных экспедиций.

Особые условия существования привели к тому, что территориально-административными единицами в Черногории фактически являлись племена. Они отличались от классических родовых связей на основе общей территории, а не кровного родства, отсутствием коллективного труда всех членов племени, наличием социального и имущественного расслоения. Для совместного ведения боевых действий они объединялись в военно-политические союзы. В племени действовал высший орган управления — збор. В нем принимали участие все взрослые мужчины. Кроме того, существовали старейшины — кнезы, власть которых уже передавалась по наследству. Действовал и Общечерногорский збор. На нем рассматривались наиболее важные внутренние вопросы и вопросы отношений с турками. Был также главный кнез или спахия всей Черногории, но он не обладал верховной властью. Племена были разобщены, часто случались междоусобные войны. Единственным объединяющим фактором являлась православная церковь во главе с митрополитом, избиравшимся на Общечерногорском зборе.

В жизни черногорцев большое место занимало четничество, которое представляло сложное социальное и политическое явление. Они создавали отряды и совершали набеги на близлежащие территории. Величина отряда колебалась от 10 до нескольких тысяч человек. Такие четы создавались для выполнения, как правило, одной конкретной цели: кровной мести, отмщения туркам, грабежа. Объектом их нападений в мирное время были главным образом Герцеговина, Бока Которская и Дубровинская республика. Вот что пишет по этому поводу живший в XVIII ст. черногорский ученый-философ Йован Балевиц: «Жители Черных Гор... ко всяким грабежам весьма склонные, и многие из них живут только одним грабежом...»². Но в годы войн Австрии и России против Османской империи четничество становилось формой поддержки военных действий христианских государств. Черногорцы нападали и захватывали турецкие караваны с продовольствием и оружием, срывая тем самым снабжение войск³. Оценить четничество однозначно трудно. Это был образ жизни черногорцев. Народная эпика представляла его как геройский, а участников дружин — как героев-юнаков.

Городов в Черногории не было, а вся численность населения в середине XVIII столетия оценивается в 30—35 тыс. человек⁴. Административным центром страны стало поселение Цетинье, состоявшее из монастыря и нескольких десятков небольших строений. Цетинский монастырь являлся резиденцией митрополитов, которые с начала XVII в. и по 1851 г. правили страной, сумев постепенно

сосредоточить в своих руках не только духовную, но и светскую власть. Их утверждение во власти можно объяснить активным участием в антиосманской борьбе, что обеспечило им поддержку со стороны значительной части черногорского общества. Важную роль в укреплении внутреннего единства страны сыграл Данило Шчепчевич (1697—1735) из рода Петровичей Негошей, после избрания которого митрополитом, этот пост стал наследственным. Опираясь на племенных старейшин, заинтересованных в полном освобождении от власти Порты, Данило удалось объединить племена в единое целое. Он в 1707 г. уничтожил большинство мусульман-черногорцев, а остальных изгнал из страны или заставил обратиться вновь в православие, что способствовало ослаблению турецкого влияния. В 1713 г. им был впервые создан единый для всей Черногории орган «Суд владыки Данилы», состоявший из двенадцати племенных старейшин. Они решали споры между племенами, следили за тем, чтобы пресекались попытки кровной мести⁶, но при этом жизнь общества вплоть до конца XVIII столетия продолжала регулироваться нормами обычного права. Черногория не превратилась в теократическое государство, так как церковь не оказывала значительного влияния на законодательство. В историографии принято считать, что в ней сложилась примитивная республиканская форма правления со значительными элементами патриархального уклада в общественной жизни⁷.

В 1717 г. была учреждена светская должность гувернадура. Первоначально на него возлагались функции по руководству внешней политикой, но в дальнейшем гувернадуры стали небезуспешно претендовать на светскую власть. В результате в Черногории образовались две соперничающие между собой группировки: Радоничей, за семьей которых утвердилась гувернадурская должность, и Петровичей. Радоничи пытались сосредоточить в своих руках верховное правление, а в ведении митрополита оставить только церковную власть. Это противостояние отрицательно сказывалось на дальнейшей антиосманской борьбе, препятствуя установлению внутреннего единства.

При владыке Данило были установлены и быстро окрепли связи с Россией, что в дальнейшем сыграло громадную роль в борьбе за создание самостоятельного государства. Российский император Петр I установил постоянную денежную субсидию Цетинскому монастырю. Средства, поступающие из России, которая активно проводила свою политику на Балканах, выступая в качестве покровителя православного славянского населения полуострова, долгое время составляли основу государственного бюджета Черногории.

Примечания

¹ См.: Риер, Я.Г. Народы Центральной и Юго-Восточной Европы. Славяне и их соседи в средние века. — Могилев, 2005. — Ч. 1. — С. 272.

² Костяшов, Ю.В. Йован Балевич и его «Описание Черногории» // Славяноведение — 1998. — № 1. — С. 41.

³ Лещиловская, И.И. Сербский народ и Россия в XVIII в. — СПб., 2006. — С. 21.

⁴ История Балкан: Век восемнадцатый. — М., 2004. — С. 332.

⁵ Принявших ислам черногорцев было относительно немного. В ряде случаев, когда речь шла об общих интересах, многие из них сражались бок обок с православными против турок. Однако некоторые из черногорцев-мусульман стали, а другие могли стать проводниками османского влияния в стране. Владыка Данило опасался, что в таком случае Черногория может раствориться в окружающем ее мусульманском мире, ведь вместе с верой люди меняли образ мыслей, идеалы, обретали иные политические ориентиры.

⁶ Чуркина, И.В. Национальная церковь и формирование южнославянских наций // Вопросы истории. — 2001. — № 3.

⁷ Более подробно см.: Аншаков, Ю. Становление Черногорского государства и Россия (1798—1856 гг.). — М., 1998.

Н.В.Бородавкина

Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского

«ХРИСТИАНСКИЙ ГЕРОЙ»: Ч.ДЖ.ГОРДОН

Викторианская эпоха, охватившая более полувека английской истории, была временем масштабных перемен не только в экономической и политической жизни страны, но и в духовной сфере. Это было время торжества индивидуализма, когда личность признавалась неоспоримой ценностью. Именно в это время внимание общественности как в самой Англии, так и за ее пределами привлекали неординарные личности, сыгравшие важную роль в общественной и политической жизни страны. Одним из выдающихся представителей своей эпохи был генерал Ч.Дж.Гордон.

В начале 1885 года имя генерала Гордона практически не сходило со страниц английских печатных изданий. Это было выражением реакции общественного мнения на события, связанные с восстанием махдистов в Судане и роли в них Гордона. О том, насколько он был популярен, свидетельствует издание его дневника¹, а также появление большого числа публицистических работ и биографий в первые десятилетия после его смерти. Эти работы в подавляющем большинстве носили апологетический характер². Исследования, появившиеся в первой половине XX века, представляли собой попытку более объективно оценить роль Гордона в этих событиях³. Особо стоит отметить статьи и биографии, посвященные исследованию этой неординарной личности, которые появились во половине XX века, авторы которых не только пытались проанализировать скрытые мотивы действий Гордона, но и осветить спорные вопросы о цели его экспедиции и о том, кто в конечном итоге нес ответственность за ее провал. Особенно интересными являются исследования того, как менялось со временем

отношение к личности Гордона, насколько его героический образ отвечал действительности⁴.

В отечественной историографии нет работ, специально посвященных личности Гордона, его деятельность в Судане рассматривалась в общем контексте в связи с изучением политической истории в указанный период⁵.

Чарльз Джордж Гордон родился в 1833 году в семье военного, что во многом предопределило его выбор карьеры. Его биография была весьма насыщена событиями: он участвовал в Крымской войне, затем отправился в Китай, где прославился при подавлении восстания тайпинов, по возвращении на родину английская общественность окрестила его «Китайским Гордоном». В 1873 году он был назначен губернатором Экватории, а в 1877 году Гордон стал генерал-губернатором всего Судана. По состоянию здоровья он вынужден был уйти в отставку и вернуться в Англию. С 1880 до 1882 гг. он нес службу в Индии, Китае, в Южной Африке, затем жил в Палестине, занимаясь благотворительностью и распространением христианства. В 1884 году британское правительство снова направило Гордона в Судан, где началось махдистское восстание, с целью вывода египетских войск из Хартума. Дальнейшее развитие событий привело к трагической развязке: через месяц после прибытия Гордона в Хартум началась осада города, а в январе 1885 года он был взят, а защитники города, включая самого Гордона, убиты.

Реакция английской общественности была вполне предсказуемой: Гордон стал в глазах англичан настоящим национальным героем, а вину за его гибель всецело возложили на британское правительство и лично на премьер-министра У.Э.Гладстона. Во всех крупных газетах и периодических журналах постоянно повторялась одна и та же тема: описывалась мученическая смерть офицера, погибшего при исполнении своего долга, защищавшего честь своей родины, при этом подчеркивался героизм этого человека перед лицом опасности. Газеты превозносили его личные качества, его религиозность, храбрость, находчивость, чувство справедливости. Но является спорным вопрос о том, насколько этот образ, созданный современникам, отвечал действительности.

Яркая карьера и выдающаяся личность генерала Гордона захватывали воображение людей, а обстоятельства его безвременной смерти вызвали взрыв негодования против тех, кто был, или казался ответственным за это.

Внимание общественного мнения к фигуре Гордона раскрывает интересные аспекты природы преклонения англичан той эпохи перед «героями» и той роли, которую «герои» играли в формировании представления англичан о самих себе. Гордон был живым воплощением тех качеств, которые имели особую ценность в глазах англичан: храбрость, честность, справедливость, глубокая религиозность. Герой, погибший в колониальной битве, он действовал ради сохранения престижа и достоинства Великобритании и естественно вызывал чувство гордости. Образ Гордона — «христианского героя», сложившийся в умах современников,

всецело соответствовал настроениям общества и имперской идеологии того времени, воплощая идею исключительности качеств англичан.

Примечания

¹ The Journals of Major-Gen. C.G. Gordon, C.B., at Khartoum. Ed. by A.E.Hake. — L., 1885.

² Hope, E. General Gordon: the Christian Hero. — N.Y., 1885; Swaine, S.A. General Gordon. — L.-Paris-N.Y.-Melbourne, 1885; Gordon, H.W. Events in the Life of Ch.G. Gordon. — L., 1886; Macdonald, A. Too Late for Gordon and Khartoum. — L., 1887; Butler, W.F. Charles George Gordon. — L., 1889; Boulger, D. The Life of Gordon. — L., 1896; Smith, G.B. General Gordon: The Christian Soldier and Hero. — N.Y., 1905; Churchill, S. General Gordon: a Christian Hero. — L., 1907.

³ Blunt, W.S. Gordon at Khartoum, Being a Personal Narrative of Events, in Continuation of "A Secret History of the English Occupation of Egypt". — L., 1911; Strachey, L. Eminent Victorians. — L., 1928; Allen, B. Gordon and the Sudan. — L., 1931; Wortham, W.E. Gordon, An Intimate Portrait. — L., 1933.

⁴ Elton G. General Gordon. — L., 1954; Nutting, A. Gordon of Khartoum: Martyr and Misfit. — L., 1966; Behrman, C.F. The After-Life of General Gordon // Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies. — 1971. — Vol. 3. — № 2. — P. 47—61; Garrett, R. General Gordon. — L., 1974; Johnson, D. The Death of Gordon: a Victorian Myth // Journal of Imperial and Commonwealth History. — 1982. — Vol. 10. № 3. — P. 285—310; Pollock, J. Gordon: the Man behind the Legend. — L., 1993.

⁵ Смирнов, С.П. Восстание махдистов в Судане. — М.-Л., 1950; Смирнов, С.П. История Судана. — М., 1968; Парфенов, И.Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века (движущие силы, формы и методы). — М., 1991; История Судана в новое и новейшее время. — М., 1992.

С.Н.Бородина

*Ставропольский государственный историко-культурный
и природно-ландшафтный музей-заповедник
им. Г.Н.Прозрителева и Г.К.Праве)*

КУЛЬТ БОГИНИ ВЕСТЫ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

Создание института весталок в Древнем Риме было составной частью системы государственной религии, упорядоченной при втором римском царе Нуме Помпилии. Культ этой богини имел важное значение для римского общества, и появление коллегии весталок следует считать закономерностью. Просуществовав очень долго, культ Весты даже отразился на христианской идеологии западноевропейского средневековья.

После смерти Ромула сенаторами был избран набожный сабинянин Нума Помпилий, так как считалось, что это может укрепить союз между римлянами и сабинянами. Его мудрость, как полагали, может научить воинственный народ

Рима добиваться процветания не только войной, но и миром. Нума Помпилий окончательно упорядочил всю систему государственной религии, каковой она и оставалась вплоть до падения язычества в римском государстве. Царь ввел в народе почитание Термина (бога границ) и Фидеса (бога мира и олицетворения честности при труде). Наконец, он ввел поклонение богине Весте и учредил для служения ей должность весталок.

Учреждение института весталок хорошо вписывалось в римские традиции. В доисторические времена огонь можно было добыть только трением двух кусков сухого дерева или от искры, которая получалась при ударе о кремь. Ввиду этого, в каждой деревне поддерживался общественный огонь: в особо предназначенной для этого хижине он горел непрерывно и день и ночь, и был предоставлен во всеобщее пользование. Обязанность поддерживать его возлагалась на молодых девушек, так как только они не уходили в поле.

Плутарх, приводящий этот факт, справедливо указывает на родство между римским и греческим обрядом поддержания негасимого огня. Правда, в Греции поддерживать огонь должны были старые девы, и случись ему погаснуть — разводить новый можно было исключительно древним способом — зажжением от солнца. Сам Плутарх пытался вывести необходимость этого вынужденного девства из сравнения с «бесплодностью огня». Однако, вернее, это верование находит себе объяснение в первобытном «посвящении себя божеству» — характерном, например, для жрецов богини Кибелы или для инкских «солнечных дев». Так или иначе, Нума вначале посвятил для служения негасимому огню Весты Геганию и Верению, затем прибавил к ним еще двоих — Канулею и Тарпею. Сервий Туллий довел число весталок до шести, что и осталось затем неизменным¹.

Избранные до наступления половой зрелости, весталки должны были служить богине тридцать лет: десять как ученицы, десять как служительницы, и десять как наставницы. Они жили в большом здании, примыкающем к храму Весты, и должны были хранить девственность все эти годы. Окончив служение Весте, они могли выйти замуж, но это делали немногие: обет весталок подразумевал целомудрие (*pudicitia*), которое требовалось и от римской матроны, которая должна была хранить верность одному мужчине и соблюдать строгость в одежде и поведении². Кроме того, считалось, что брак с весталкой едва ли будет удачным: она долго служила божеству, привыкала к независимости, и потому не сможет хорошо служить своему мужу.

Весталки были очень богаты. Их община владела большими поместьями, дававшими прекрасный доход; кроме того, каждая из них лично получала от своей семьи значительную сумму при посвящении. Наконец, императоры часто делали им очень щедрые подарки. Весталки пользовались исключением по отношению к некоторым постановлениям общего права: они освобождались, например, от власти отца и имели право завещания. На суде их свидетельство

имело громадное значение. Во время общественных игр весталки занимали почетные места. По улицам они перемещались в паланкинах, что в Риме было привилегией, доступной лишь сенаторам и почтенным матронам. Они участвовали во всех религиозных торжествах. Весталки выполняли роль не только хранительниц священного огня Весты, но представляли собой особо почитаемых представителей божества³.

Институт весталок просуществовал приблизительно до 391 г., когда император Феодосий запретил языческое вероисповедание. После этого священный огонь был погашен, храм Весты закрыт, а институт весталок расформирован.

Средневековая церковь, однако, почитала их, и считала их прообразом Девы Марии, и это отчасти объясняет их заметное присутствие в средневековом искусстве.

Таким образом, Нума Помпилий полностью упорядочил систему государственной религии. После учреждения института дев-весталок, поддерживавших огонь в ее храме, Веста стала весьма влиятельной римской богиней. В Риме первая почесть воздавалась всегда Весте. Овидий говорит, что она занимает первое место в религиозных обрядах —

Ибо на первом она месте должна быть в домах
(Ovid. Fast. VI.304).

В Риме ежегодно справлялись празднества в честь богини. Они назывались весталями, и сопровождались обрядами и жертвоприношениями. Веста была символом, объединявшим римских граждан в одну большую семью вокруг общего очага. Потому культ этой богини имел столь важное значение в жизни римского государства.

В рассматриваемый период это следует считать закономерностью, поклонение Весте выполняло функцию снятия напряжения в обществе. Пока пылал огонь Весты в ее святилище, и хранились в ее храме священные реликвии, Рим, охраняемый этими святынями, был крепок и могуч.

Примечания

¹ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Пер. В.Алексеева. — М., 1987. — С.22—23.

² Шейд, Д. Религиозные роли римских женщин // История женщин. — СПб., 2005. — Т. 1. — С. 393.

³ Боровков, П.С. Коллегия понтификов в политико-правовой структуре римской civitas (от Царского периода до конца Классической республики) // Дисс. ... канд. ист. наук. — Екатеринбург, 2009. — С. 95.

ХАНСКИЙ СОВЕТ В МЛАДШЕМ КАЗАХСКОМ ЖУЗЕ (1797—1824 гг.)

События конца XVIII в., происходившие в Младшем казахском жузе, отчетливо свидетельствовали об ослаблении здесь ханской власти. 80—90-е гг. XVIII в. ознаменовались экономическим упадком и усилением противоборства между основными политическими силами в жузе. Хан Нуралы, находившийся у власти с 1748 г., постепенно терял свое влияние, усугублялся аграрный кризис, росло недовольство местного населения проводимой налоговой политикой, возрастали оппозиционные настроения среди влиятельных в жузе султанов. Ослабление власти действующего хана наряду с набиравшими силу массовыми волнениями в обществе указывали на необходимости реформ в традиционной системе управления Младшим жузом.

В 1786 г. оренбургский губернатор О.А.Игельстром для «успешного введения в Меньшой Орде тишины и благоустройства» предложил радикальное переустройство¹. Главной целью его проекта стало ослабление власти ханов с дальнейшей заменой этой должности «демократическим собранием»². В ходе реализации этого проекта был учрежден Пограничный суд в Оренбурге и нескольких главных расправ (судов) на территории всех трех «поколений» (племен) жуза — алимулы, жетеру и байулы. Во главе их должны были стоять председатель, два заседателя «из знатнейших старшин лучших поколений» (но из незнатных, «кара-суйек», а не султанов) и мулла³. Должность хана предполагалось упразднить.

Эта идея, в силу сложившихся в казахском обществе традиций ханского управления, не нашла поддержки среди населения, но обрела популярность среди противников действующего хана.

В состав Пограничного суда вошли как российские чиновники, так и представители местного общества⁴. Тем не менее, члены расправ на деле не имели реального влияния на население, и тем более, не могли контролировать внутреннее распри между враждовавшими родами. «Нападения на границу ежедневно умножались, внутренние междоусобия в орде усиливались, султаны и часть народа требовали себе хана, старейшины же, избранные для присмотра за поведением народным, равно как и члены расправ, ничего не исполняли, никогда вместе не собирались, к разбирательствам дел не приступали и ездили в Оренбург только для получения жалованья, а на орду не имели никакого влияния. Все это можно было предвидеть, если бы барон Игельстром более руководствовался опытом, нежели воображением», — писал А.И.Левшин по этому поводу⁵. Реформы Игельстрема провоцировали дальнейшие беспорядки и волнения. Это угрожало безопасности целостности региона и вынудило Екатерину II вернуть прежнюю систему управления⁶.

В то же время неудача реформ О.А.Игельстрома и принятие решения о восстановлении ханской власти изменили расстановку политических сил в Младшем жузе. Ранее враждебно настроенные против нововведений в жузе братья хана Нуралы Ералы и Айшуак поддержали возвращение к более привычной и приемлемой системе управления. После отстранения Нуралы в 1791 г. от должности хана его место занял престарелый Ералы, управление которого, однако, не внесло существенных изменений в сложившуюся в жузе ситуацию⁷. Спустя 3 года, после смерти Ералы, ханский титул перешел к его сыну Есиму, так же недолго остававшемуся у власти (в 1797 г. он был убит сторонниками Срыма Да-това, лидера антиханского движения).

На некоторое время Младший жуз остался без правителя. На запрос Оренбургской экспедиции пограничных дел о назначении нового хана О.А. Игельстром, ссылаясь на поддержку Павла I, дал распоряжение возложить административно-судебные функции на недавно созданный совещательный орган — Ханский совет во главе с 78-летним султаном Айшуаком⁸.

Выбор именно этой кандидатуры для ханской должности был вполне закономерен. Султан Айшуак был ярким сторонником сохранения стабильности в регионе, обладал серьезным влиянием и был известен как талантливый полководец, и, главное, он поддерживал правительство, взявшее курс на восстановление института ханской власти. В 1792 г. он писал Екатерине II: «...Сколько сил моих будет доставать, (буду) служить до последней капли крови, и высокопоставленного моего большого брата Ералы повеления выполнять стараюсь»⁹. Именно такой подход устраивал российскую власть, т.к. это позволяло сохранить в регионе традиционный тип управления и возможность контролировать ситуацию в политически и экономически нестабильном регионе.

Этой же цели служил и проект создания Ханского совета, который должен был привнести новые черты на почву традиционной государственности казахов. Его прототипом можно считать Ханский диван — местное правительство, регулировавшее общественно-политическую жизнь Младшего жуза на протяжении долгих лет.

В 1797 г. идея О.А.Игельстрома о создании нового выборного органа была воплощена в жизнь. Работа Ханского совета, прежде всего, должна была быть направлена на устранение беспорядков и волнений в Младшем жузе и поддержку ханской власти.

Основание совещательного учреждения стало попыткой разрешать возникающие в регионе острые вопросы коллегиальным путем, предоставляя членам Совета возможность учитывать интересы местных родов, а их лидерам иметь вероятность быть услышанными. Изначально Ханский совет состоял из шести человек, представлявших племенные альянсы Младшего жуза: от шектинского рода алимулы — бий Сары Шокай, алшынского — бий Шакшай, от табынского рода поколения жетеру — бий Кушукбай, от торткаринского — бий Боранбай, байулинского — бий Султанбек, от кердеринского — Битак мырза, Кабал мырза¹⁰.

Однако первый опыт работы показал несостоятельность нового учреждения. «Это учреждение, не имевшее никакого основания в стремлениях народа, оказалось неудовлетворительным» — писал Л.Мейер¹¹. Почти сразу в адрес Ханского совета со стороны аульных общин появились упреки в пассивности и игнорировании их интересов. Помимо этого, повседневная подвижность аулов приводила к издержкам, усложнявшим службу степных чиновников, тем более что для работы Ханского Совета не было выделено никаких перевозочных средств или «специально отведенной кибитки»¹². Сами же члены совета, помимо того, что они должны были передвигаться за сотни километров от ханских ставок, могли оказаться в отрыве и от важнейшего источника существования — скотоводческого хозяйства¹³. Вероятно, именно этими причинами объяснялось отсутствие большинства членов Совета на его заседаниях¹⁴. Нельзя не отметить и роль не утихающего противоборства между кланами Айшуака и султана Каратая, вносившего раздор в работу Совета. 19 июля 1804 г., по ходатайству оренбургского губернатора Г.С.Волконского, «мертворожденное детище русской бюрократии» было упразднено¹⁵.

Однако после избрания ханом старшего сына Айшуака султана Жанторе в 1805 г. возникли новые очаги политической нестабильности, вызванные зарождающимся конфликтом между новым ханом и султаном Каратаем¹⁶. С целью установить политическое равновесие в регионе было принято решение восстановить Ханский совет, как учреждение с выборным началом, функцией коллегиальных решений, и в то же время закреплявшее приоритет хана в регионе.

31 мая 1806 г. Александром I был утвержден новый штат Ханского совета, а также правила работы, более детально регламентирующие его функции¹⁷.

Согласно указу в штат Совета входили председатель султанского происхождения и шесть заседателей от племенных союзов Младшего жуза с общей суммой ежегодного содержания 3 800 руб.¹⁸ Оговаривались и сроки перевыборов членов совета: «Советников переменять через три года, по избранию народному и в особенности под наблюдением хана, из людей знаменитых по орде и достойнейших, коих и утверждать по представлению пограничной комиссии главнокомандующему, но если бы их прежние советники избраны были на трехлетие, и в продолжении прежних трех лет не оказали никакого упущения по должностям, то не воспрещать и сего желания народа»¹⁹. Во избежание повторения прошлых ошибок в работе Совета, его членам по распоряжению хана разрешалось покидать ставку, но только поочередно и не более, чем двум лицам «на время кочевья и для присмотра за скотоводством»²⁰.

Главная задача Ханского совета, как совещательного органа при хане, сохранилась. Это отчетливо регламентировал второй пункт правил: «Суд и расправа в орде предоставляется хану, его совету и, по обычаям их, частным родоначальникам, а посему избрать в каждом роде и отделении главных и частных правителей, которые о делах своих, в случае нужды, предоставляют ханскому совету...»²¹. Однако восстановление Совета не давало повода говорить

о возникновении его политической автономности: «В делах же затруднительных хан со своим советом относится с представлением своего мнения к главному оренбургскому пограничному начальству»²². В то же время это было и подтверждением того, что учреждение Совета было одним из способов сохранения и укрепления власти действующего хана, тогда как создание Совета в 1797 г. нередко трактуется как попытка ослабления ханской власти²³. Направленным на укрепление авторитета было и третье правило работы Совета, «чтобы все родоначальники, утвержденные над ними императором, хану повиновались беспрекословно»²⁴. Характерно так же и то, что согласно инструкциям, Ханскому совету не была предоставлена вооруженная охрана, в то время как для личной безопасности хана был выделен казачий воинский контингент. При этом указывалось на необходимость для членов Совета всегда находиться при ставке хана, не покидая ее во избежание «рискованной изоляции» и возможного заговора политических противников и расправы над ним²⁵. Это ярко характеризовало политическую обстановку в Младшем жузе в начале XIX в.: после назначения нового хана, в адрес Оренбургской администрации от населения было направлено прошение о поддержке более авторитетного султана Каратая. Но администрация проигнорировала эти просьбы. Эти настроения позволили Каратаю продолжать искать поддержку среди населения, тем самым дестабилизируя обстановку в жузе.

С первых лет появления Ханского совета его председателем был назначен Орман Нуралиев, позднее отстраненный от этой должности в связи с подозрениями в тайных контактах с султаном Каратаем. Именно непрекращающиеся раздоры внутри жуза в целом, и ярко демонстрировавшие всю остроту противостояния взаимоотношения членов Совета не могли позволить исполнять предписания Пограничной комиссии. Показательным может стать пример нелегитимного избрания Каратая новым правителем 7 мая 1807 г., когда его сторонники воспользовались отсутствием Жанторе в степи «ввиду временного недуга» и в одностороннем порядке провели переизбрание²⁶. Примечательно, что об этом Г.С.Волконскому донес Ханский Совет, ходатайствуя при этом за поддержку императором вынесенного решения.

При сложившихся обстоятельствах вполне объяснимой становится невозможность полной реализации специально разработанных правил для Ханского Совета, предписывающих соблюдение строгого порядка в регионе: «...чтобы хан и его совет имели всемерное попечение о восстановлении в орде порядка, благоустройства и спокойствия» и «...внушать всем и каждому, чтобы ни под каким видом не осмеливались делать в границы наши нападения для воровства»²⁷. Оппозиционно настроенные соперники не только не пресекали нарушения, но и сами нередко устраивали набеги, ограбления, взваливая вину на ханских сторонников.

Султан Каратай всячески демонстрировал свою приверженность российской власти, и в то же время нападал на российские купеческие караваны, сознательно

наноса им материальный урон. Все это привело к тому, что российская сторона вынуждена была отправить в степь карательную экспедицию. Каратай же, в свою очередь, опираясь на поддержку местного населения, отвечал набегами на пограничные районы России. В это время сам хан Джанторе, опасаясь за свою жизнь, поселился на границе Казахстана с Россией, однако в 1809 г. во время одного из набегов Каратай был убит²⁸.

Это трагическое событие породило волнения внутри жуза и ряд осложнений в вопросах его управления. Председатель Ханского совета Орман Нуралиев, будучи одним из организаторов убийства хана, дискредитировал себя в глазах местного общества и немедленно был отправлен в отставку с последующими судебными разбирательствами. Сразу после гибели хана Жанторе члены Ханского совета прекратили исполнять вменяемые им обязанности и «попросту разбежались»²⁹. Л.Мейер отмечал: «В это время члены Совета не смели показываться в степи, и султан Каратай делал, что хотел»³⁰.

Ханский совет продолжал существовать лишь номинально. Однако почти сразу Г.С.Волконским был предпринят ряд мер, направленных на восстановление его работы, но обострившаяся обстановка внутри жуза не позволяла осуществить их. Тем не менее, работа Ханского совета была восстановлена, и до 1813 г., когда новым ханом был избран второй сын Айшуака Ширгазы, Младший жуз формально находился под управлением Ханского совета. «На самом же деле, — отмечал А.И.Добросмыслов, — до назначения ханом Ширгазы, в течение двух с половиной лет, в орде не было никакого управления»³¹.

После избрания нового хана радикальных перемен в работе Ханского совета не произошло. На первый план в политической жизни Младшего жуза вышел непрекращавшийся конфликтующего хана Ширгазы с его постоянным соперником Арынгазы. Советательный орган в этой ситуации был лишь вспомогательным для хана учреждением, не породившим каких-либо важных коллегиальных решений.

Такое положение дел сохранялось вплоть до 1824 года, когда российские власти, после многочисленных попыток стабилизировать обстановку были вынуждены принять решение об упразднении института ханской власти в Младшем жузе, что подразумевало и прекращение существования Ханского совета³².

Таким образом, несмотря на приложенные усилия, с первых лет существования Ханского совета его представители не сумели обрести независимости от политической обстановки и общественных настроений, складывавшихся в Младшем жузе. Попытки более жесткой регламентации его деятельности не смогли поспособствовать продуктивной работе, что объяснялось невыполнимостью большинства из правил на этих территориях в силу объективных причин. В связи с этим изначально поставленные перед Ханским советом цели остались лишь «благим желанием» их составителей.

История создания и развития нового для Младшего жуза советательного органа хорошо отражает характер политических устремлений России в этом

регионе. Регулярность попыток укрепить здесь ханскую власть, сохранив привычный и устоявшийся уклад общества, подтверждает главный политический интерес Российской Империи в этом регионе — установить мирные отношения и политическую стабильность внутри него.

Примечания

¹ Материалы по истории Казахской ССР. — М., 1940. — Т. IV (1785—1828 гг.). — С. 349.

² Касымбаев, Ж. Государственные деятели казахских ханств в XVIII — первой четверти XIX вв. Хан Айшуак (1719—1810). — Алматы, 2001. — С. 33.

³ Шадрин, В.М. Пограничный суд в механизме государственно-правового регулирования отношений России с Казахстаном в конце XVIII века // http://www.lib.csu.ru/vch/9/2002_01/012.pdf

⁴ Там же.

⁵ Левшин, А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких Орд и степей. — Алматы, 1996. — С. 273.

⁶ Материалы по истории Казахской ССР. — С. 349.

⁷ Григорьев, В.В. Русская политика в отношении к Средней Азии. — СПб., 1874. — С. 251.

⁸ Касымбаев, Ж. Государственные деятели казахских ханств в XVIII — первой четверти XIX вв. Хан Айшуак. — С. 129.

⁹ Там же. — С. 116.

¹⁰ Там же. — С. 129.

¹¹ Мейер, Л. Материалы для географии и статистики России. Киргизская степь Оренбургского ведомства. — СПб., 1865. — С. 23.

¹² Касымбаев, Ж. Государственные деятели казахских ханств в XVIII — первой четверти XIX вв. Хан Жанторе (1759—1809). — Алматы, 2001. — С. 64.

¹³ Там же. — С. 65.

¹⁴ Добросмыслов, А.И. Тургайская область. Исторический очерк. — Оренбург, 1901. — С. 212.

¹⁵ Касымбаев, Ж. Государственные деятели казахских ханств в XVIII — первой четверти XIX вв. Хан Жанторе. — С. 65.

¹⁶ Вяткин, М. Очерки по истории Казахской ССР. — Алма-Ата, 1941. — С. 212.

¹⁷ Добросмыслов, А.И. Тургайская область. — С. 241.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. — С. 242.

²⁰ Касымбаев, Ж. Государственные деятели казахских ханств в XVIII — первой четверти XIX вв. Хан Жанторе. — С. 79.

²¹ Добросмыслов, А.И. Тургайская область. — С. 242.

²² Там же.

²³ Касымбаев, Ж. Государственные деятели казахских ханств в XVIII — первой четверти XIX вв. Хан Айшуак. С. 160.

²⁴ Добросмыслов, А.И. Тургайская область. — С. 242.

²⁵ Касымбаев, Ж. Государственные деятели казахских ханств в XVIII — первой четверти XIX вв. Хан Жанторе. — С. 68.

- ²⁶ Там же. — С. 76.
- ²⁷ Добросмыслов, А.И. Тургайская область. — С. 243.
- ²⁸ Мейер, Л. Материалы для географии и статистики России. — С. 29.
- ²⁹ Касымбаев, Ж. Государственные деятели казахских ханств в XVIII — первой четверти XIX вв. Хан Жанторе. — С. 284.
- ³⁰ Мейер, Л. Материалы для географии и статистики России. — С. 30.
- ³¹ Добросмыслов, А.И. Тургайская область. — С. 254.
- ³² Быков, Ф.Ю. О датировке ликвидации ханской власти в Младшем жузе // URL: <http://new.hist.asu.ru/biblio/borod2/77-375.html>

Д.А.Волошин

Армавирская государственная педагогическая академия

РОМУЛ АВГУСТУЛ И КОНЕЦ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ НА ЗАПАДЕ (ЛИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ)

23 августа 476 г. Одоакр, вступив в Равенну, низложил последнего западно-римского императора Ромула Августула (тот не пытался сопротивляться и, по требованию восставших, отрекся от власти). По преданию, его молодость тронула Одоакра: он даровал ему жизнь, пожаловал 6 000 солидов и выслал в Кампанию с разрешением свободно жить с родственниками¹. Местом его изгнания стали Лукулланские укрепления — castellum Lucullanum.

Значимость событий 476 года и обоснованность их «всемирно-исторических» претензий — тема остродискуссионная; ключевые вопросы ее касаются «продолжения» империи на Востоке, «незаметности» крушения Империи для современников, «ничтожности» (малозначительности) личности «маленького Августа» (или «Августенка»). При этом Ромулу Августулу «припоминают» и пренебрежительное прозвище «Августиска», и указывают на нелегитимность его непродолжительного правления.

Изложение Ромула Августула одни историки считают концом Западной Римской империи, другие видят в этих событиях лишь окончание административного раздела империи между двумя императорами. Так Ш.Краучик² подчеркивает: низложение Ромула Августула не признавалось большинством авторов достойным упоминания; высказывание о наступившем с его низложением конце Римской империи следует отнести не более чем к имперской пропаганде Юстиниана. То есть, приравнивание его личности к масштабу всемирно-исторического события не соответствует ни формально-правовым, ни фактическим обстоятельствам.

Тем не менее, жизнь и судьба последнего западноримского императора Ромула Августула интригует современных исследователей, — прежде всего потому, что об этом известно очень немного. Среди таких расследований одной из лучших считается работа «Последний Император» Джеффри Нэтена, изданная в журнале «Classica et Mediaevalia» в 1992 году³. В другой своей статье автор указывает: «Мы ничего не знаем о его характере, о политике (если о таковой вообще можно вести речь), которую он пытался проводить. Отсутствие указов, отсутствие существенных записей и немногочисленные монеты — вот составляющие бедного содержанием повествования о коротком периоде правления Ромула Августула»⁴. Эта «темная» фигура способна породить много сомнений у всякого, кто попытается дать ей характеристику.

Адриан Мердок⁵ также написал «популярную» историю Ромула Августула. По заявлению автора, это трудновыполнимая работа, потому как «неизвестно, когда он был рожден; неизвестно, когда он умер; неизвестно, где он был захоронен. Никакие речи, сведения или эпиграммы не дошли до нашего времени. Нет никакого намека на то, любили его или ненавидели...». Ромул Августул, пишет А. Мердок, достаточно неплохо проявил себя за то короткое время, что был императором, однако это не спасло его от свержения.

Что случилось с Ромулом Августулом после событий 476 года? Все попытки современных исследователей ответить на данный вопрос походят скорее на детективные расследования, нежели на скучные биографические повествования. Так, уже упоминавшийся А. Мердок натолкнулся на упоминание о «Ромуле» в тексте переписки между одним епископом и его другом (в этом же тексте фигурирует и «Lucullanum» — место, куда Ромул был сослан). В том, что это мог быть именно Ромул Августул, автор не уверен; не нашел он и других текстов, в которых бы упоминался юноша по имени Ромул. Несмотря на эти «разочарования», автор склонен предполагать, что Ромул пережил своих врагов, погибших в основном в период правления Теодориха.

Император, своей фигурой замыкавший императорскую линию на Западе, был совсем юным. Тем не менее, его полномочий хватало на то, чтобы чеканить монету — но, как замечают исследователи, даже в этом отношении было не все в порядке, — его имя оказалось слишком длинным, чтобы отобразить его полностью на монете (к слову, восточный император Зенон не имел этой проблемы).

События 476 года и личности их участников многим кажутся неестественными, подозрительно нарочитыми. Еще Э.Гиббон отмечал: имена двух великих основателей римского государства — основателя его столицы (Ромула) и основателя монархии (Августа) странным образом сошлись в имени их последнего наследника. В этом факте исследователи усматривают некую мистическую обреченность: как могло получиться, что имя основателя Рима и его последнего правителя совпали? К.Мерфи по этому поводу замечает: «Вообразите, должно ли в соответствии с этим крушение США произойти непременно при президенте по имени Джордж?!»⁶.

Еще один момент — место свершения этого всемирно-исторического события. Равенна (итал. Ravenna, эмил.-ром. Ravèna, лат. Ravenna) была сценой, где разыгрывался заключительный акт Римской империи (или, по крайней мере, заключительный акт для западной ее части) — однако особой известности (как Впрочем, и сам Ромул Августул) в связи с этим не обрела, оставшись городком провинциального значения.

Примечания

¹ Рыжов, К.В. Все монархи мира. Древняя Греция. Древний Рим. Византия. — М.: Вече, 2002. — 576 с.

² Krautschick, S. Zwei Aspekte des Jahres 476 // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. — 1986. — Vol. 35. — №. 3. — P. 344—371. — P. 358; 370—371.

³ Nathan, G. The last emperor: the fate of Romulus Augustulus // Classica et mediaevalia. — 1992. — № 43. — P. 261—271.

⁴ Nathan, G. Romulus' early life and reign // Roman Emperors: An Online Encyclopedia of Roman Rulers and their Families [электронный ресурс]. URL: <http://www.roman-emperors.org> (дата обращения: 22.12.2010).

⁵ Murdoch, A. Romulus Augustulus and the Decline of the West. — Stroud; Sutton Publishing. — 224 p.

⁶ Murphy, C. The Road from Ravenna: In the footsteps of the last Roman emperor // The ATLANTIC [электронный ресурс]. URL: <http://www.theatlantic.com> (дата обращения: 28.11.2010).

Л.Р.Гайсина

Нижегородский государственный гуманитарный университет

«РУССКИЙ» И «АЗИАТСКИЙ» ТАШКЕНТ: К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ РАЗДЕЛЕНИЯ ГОРОДА (ВТОРАЯ ТРЕТЬ XIX — НАЧАЛО XX в.)

Важное место в колониальной политике Российской империи в Средней Азии занимал вопрос о перемещении сюда населения из Центральной России. При этом правительство преследовало две цели: ослабить противоречия в центре страны и создать для себя в присоединенном крае опору в лице русских переселенцев. Колонизация сначала носила военный характер. С конца 60-х гг. XIX в. военная колонизация стала сочетаться с крестьянской. Частью колониационной политики являлось строительство новых городов или же закрепление русского населения в старых.

В городах Средней Азии, существующих уже много веков, были образованы обособленные части, где русское население проживало отдельно от «туземного». Таким образом, в рамках одного города фактически сосуществовало два: «старый» («туземный») город и так называемый «новый» («русский»). Самым

крупным из них являлся Ташкент — центр всей русской среднеазиатской жизни. К таким городам также следует относить Самарканд, Асхабад, Коканд, Андижан, Наманган, Маргилан (с 1907 г. — г.Скобелев), и др. В них русские переселенцы образовывали особую «русскую» часть, в которой концентрировалась вся хозяйственная и культурная жизнь.

«Новый» Ташкент первоначально представлял собой военную крепость. Лишь позднее стал разрабатываться план постройки города и для гражданского населения¹. На начальном этапе не было острой необходимости в отдельном управлении, т.к. «русского» города еще в объективном смысле этого слова не существовало. С ростом численности русского гражданского населения появлялись и специальные органы управления им.

Жизнь русских, проживавших в обособленной «новой» части, коренным образом отличалась от жизни местного населения, которое сохраняло прежний уклад. Русское население имело отдельное административное и хозяйственное управление, суд, образовательные, общественные и культурные учреждения. Его правовое положение отличалось не только от «туземного», но и от положения русских подданных в собственно российских губерниях.

В дореволюционной историографии доминировало мнение о необходимости данной меры прежде всего в целях обеспечения спокойствия и стабильности в крае. Компактное проживание русского населения обеспечило бы его безопасность в новой местности и позволило бы планомерно осуществлять процессы ассимиляции, делая упор на развитие образования и просвещения. Такие оценки в целом прослеживаются в трудах В.В.Бартольда, Н.П.Остроумова, А.И.Добросмыслова, Н.С.Лыкошина².

Существование фактически двух городов в формальных рамках единого Ташкента советской историографией объяснялось с позиций критики колониальной политики царизма. Считалось, что размежевание на «старый» и «новый» Ташкент отражало социальное неравенство между коренным его населением и царским чиновничеством. Позитивные изменения происходили только в «русском городе», в котором жили «местные феодалы и купцы», а старый город развивался «хаотически и находился в очень тяжелом положении», что «отвечало замыслам реакционно-колониальной политики царской России» и только с приходом «Великого Октября» положение изменилось³. С.А.Раджабов утверждал, что разделение города было в интересах самодержавия, поскольку сохранение прежних форм правления в «туземном» Ташкенте царской администрацией облегчало ей «удержание в повиновении народных масс». Прежняя структура, основанная на «деспотизме и бесчеловечной эксплуатации трудящихся масс, существенно не изменились»⁴.

Ф.Азадаев подчеркивал, что царское правительство, «стремясь выкачать из завоеванного края как можно больше доходов, видело в отдельном управлении выгодное предприятие». Он также отмечал, что отдельное управление было организовано с целью намеренной поддержки национальной розни между

русскими и местными жителями: «...разделение мешало сближению двух народов, что было выгодно царизму, русским помещикам и капиталистам»⁵.

В целом, советские авторы высказывались в одном ключе — разделение города было необходимо для угнетения местного населения и отражало социальное неравенство между коренным его населением и царским чиновничеством.

Причины такого разделения, очевидно, крылись в ином.

Во-первых, город был только завоеван, и русское население не имело опыта совместного проживания с «туземцами». Существовали опасения за безопасность людей, находившихся в окружении абсолютно преобладавшего местного населения, покоренного силой. Не следует забывать, что первые жители — военные — селились компактной группой и представляли собой что-то вроде военного гарнизона.

Во-вторых, сам среднеазиатский город (архитектура, городское хозяйство, взаимоотношения соседей, уклад жизни) настолько отличался от русского, что приспособиться к нему русским переселенцам было невозможно. А.Костенко по этому поводу писал: «Улицы в городах неправильны и узки, так что туземный экипаж — двухколесная арба — может пройти только по главным. По переулкам едва может проехать всадник. Главные улицы иногда бывают вымощены булыжником, но эта мостовая нисколько не предохраняет город от грязи»⁶. Н.П.Остроумов дополнял эти сведения: «Санитарные условия нельзя назвать вполне благоприятными для здоровья; постройки возводятся часто в непосредственной близости одна от другой, а улицы до такой степени узки и искривлены, что по ним невозможно свободное движение воздуха. О мостовых в городах, а равно о вывозе грязи с улиц до последнего времени не могло быть и речи; навоз кучами лежал на дворах и улицах. Отсутствие чистой воды для питья, лужи и груды вонючей грязи осенью и весной и загрязненные пруды способствуют распространению эпидемий среди населения»⁷.

В-третьих, совместное проживание и русских и местных могло спровоцировать конфликты между «туземцами» и русскими. Российские власти тщательно избегали всего, что могло быть расценено местным населением как покушение на традиционные устои. В Туркестане русские оставляли своим завоеванным народам многие существенные формы управления по шариату; более того, генерал-губернатор К.П. фон Кауфман принял себе за правило «выдержанное, последовательное игнорирование ислама», только бы не дать местному населению повода к волнениям. Туркестан представлял собой достаточно автономное образование, находясь под почти неограниченным управлением генерал-губернатора⁸.

Применение военных методов в процессе включения Средней Азии в состав Российской империи сочеталось с проведением такой политической линии, которая позволяла нейтрализовать антирусские настроения. Проводя такую линию, российская администрация создавала на занятых территориях органы власти, по форме и функциям приближенные к прежнему ханскому типу правления⁹.

В прокламации, изданной М.Черняевым сразу после занятия Ташкента в июне 1865 г., российские власти заявляли о неизбежности норм и устоев жизни населения региона, а также уважении к культуре и обычаям народов Средней Азии. При этом от горожан требовалось пунктуальное исполнение норм шариата, забота о санитарном состоянии города и продолжение обычной трудовой деятельности¹⁰.

Весь уклад жизни местного населения, ислам, образ жизни, традиции и многое другое воспринималось русским населением как отсталые. Но никаких попыток искусственного, а тем более насильственного внедрения европейских структур не предпринималось. Русская администрация видела путь в медленном привыкании «туземцев» к русским. Следует отметить, что предполагалось постепенное, медленное, рассчитанное на десятки, а то и сотни лет, воплощение ассимиляционной идеи¹¹. Русская администрация пыталась создать образ «заботливого правителя», привлечь сторонников, примером гуманного правления показать все преимущества нахождения в составе Российской империи.

Таким образом, специфика положения русского населения в Ташкенте была обусловлена специфическими условиями Средней Азии, в которой оно находилось в меньшинстве среди завоеванного местного мусульманского населения. Российские власти были вынуждены учитывать это обстоятельство, поэтому изначально складывались особые правовые режимы для русского и «туземного» населения.

Примечания

¹ Соколов, Ю.А. Ташкент, ташкентцы и Россия. — Ташкент, 1965. — С. 177.

² Бартольд, В.В. История культурной жизни Туркестана. — Л., 1927; Остроумов, Н.П. Сарты. Этнографические материалы. — Ташкент, 1908; Добросмыслов, А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. — Ташкент, 1911; Лыкошин, Н.С. Пол жизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. — Петроград, 1917. — Выпуск 1.

³ Адылов, С., Максумов, П., Турсунов, Ф. Город, рожденный дважды. — М., 1970. — С. 7.

⁴ Раджабов, С.А. Роль великого русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии. — Ташкент, 1955. — С. 35.

⁵ Азадаев, Ф. Ташкент во второй половине XIX в. Очерки социально-экономической и политической истории. — Ташкент, 1959. — С. 104.

⁶ Костенко, А. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. — СПб., 1870. — С. 56.

⁷ Остроумов, Н.П. Сарты. Этнографические материалы. — Ташкент, 1908. — С. 80.

⁸ Лурье, С. Особенности русской колонизации в Средней Азии // Центральная Азия и Кавказ. — 1997. — № 8.

⁹ Корнеев, В.В. Управление Туркестанским краем: реальность и «правовые мечтания» (60-е годы XIX в. — февраль 1917 года) // Вопросы истории. — 2001. — № 7. — С. 57.

¹⁰ Там же. — С. 59.

¹¹ См.: Васильев, Д.В. О политике царского правительства в Русском Туркестане. (К вопросу о «русификации») // Сборник Русского исторического общества. — М., 2002. — Т. 5. —

С. 66—67, 69; Горбунова, С.В. Законодательные основы конфессиональной политики Российской империи в Средней Азии // Россия и страны Запада: Проблемы истории и филологии: Сб. науч. трудов. — Нижневартовск, 2002. — С. 240—241.

С.В.Горбунова

Нижневартовский государственный гуманитарный университет

КОНЦЕПЦИИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В КАЗАХСКИХ ЖУЗАХ: В.Ф.ТИМКОВСКИЙ VERSUS Г.Ф.ГЕНС

Вхождение Казахстана в состав России, начавшееся с принятия подданства Младшим жузом в 1731 г., не только не привело к прекращению взаимных нападений, грабежей, убийств между степняками и русскими приграничными жителями, но и усилило их. Правительство, придерживаясь политики невмешательства во внутренние дела казахов, фактически ограничилось строительством линии укреплений и разрешением казакам проводить карательные экспедиции («репрессалии») с целью «отмщения» и «возвращения награбленного». Постоянные нападения новых подданных на пограничные линии, отделившие Степь от империи, захват русских жителей для продажи в Хиву, фактическое прекращение торговли со Средней Азией побудили, наконец, петербургскую администрацию озаботиться проведением административно-политических реформ в казахских жузах, поскольку традиционная система управления во главе с ханами перестала играть регулирующую роль и оказалась неспособной поддерживать порядок внутри кочевого социума и на его границах.

Однако первый опыт вмешательства во внутренние дела казахов (реформы Игельstroma в Младшем жузе в 80-е гг. XVIII в., заключавшиеся в попытке упорядочения ханской власти и введения выборного самоуправления) оказался крайне неудачным. В результате дезинтеграционные процессы настолько усилились, что межродовые уособицы охватили весь жуз. Это, в свою очередь, продолжало негативно отражаться на русско-казахской границе и торговле со среднеазиатскими государствами.

В 1820 г. в Оренбург была направлена специальная дипломатическая миссия, которой было поручено проанализировать положение в Степи и представить свои предложения МИДу. Возглавил эту миссию Василий Федорович Тимковский, один из создателей Азиатского департамента МИДа и в первое время руководитель обоих его отделений. Л.А.Шейман писал, что даже личные враги этого выдающегося человека признавали за ним «ум и способности необыкновенные», а друзья считали гениальным¹. Руководитель миссии одновременно был назначен и председателем Оренбургской пограничной комиссии.

В.Ф.Тимковский должен быть руководствоваться «Инструкцией», подписанной Александром I. В «Инструкции» Тимковскому, без сомнения, нашла выражение позиция Министерства иностранных дел, которое выступало за сохранение внутренней автономии жузов, в отличие от Министерства внутренних дел и Военного министерства, склонных рассматривать казахов как «коренных подданных» Российской империи. Авторы «Инструкции», декларируя, что «одно просвещение может смягчить нравы народа дикаго», а «благотворные последствия просвещения открываются весьма медленно» предписывали В.Ф.Тимковскому «не увлекаясь излишним усердием, поступать ... с крайней осторожностью».

С такой «крайней осторожностью» министерские чиновники формулировали и цель направляемой в Оренбург миссии: «Благосостояние торговли нашей требует, чтобы своевольство киргизцев без отлагательства было хотя несколько обуздано»².

Поскольку в Младшем жузе шла борьба между претендентами на престол, Тимковскому поручалось «вникнуть и сообразить, полезно ли для России, чтоб в Ордах киргизских, а наипаче в Малой Орде, сохранялося единство власти, и для того подкреплять хана по возможности, или выгоднее, ослабляя власть его, стараться вводить в правление двух или более ханов»³.

Начав работу в Оренбурге, В.Ф.Тимковский не нашел общего языка с оренбургским военным губернатором П.К.Эссенем, и после ряда конфликтов был отозван в 1821 г. в Петербург, где, впрочем, результаты его работы получили одобрение.

После возвращения в столицу он подготовил и направил в Азиатский департамент МИД пространную записку под названием «О нынешнем состоянии Оренбургской пограничной комиссии и о положении Меньшей Киргизской орды»⁴.

«Записку» В.Ф.Тимковского можно рассматривать как программный документ, в котором изложена позиция сторонников сохранения самостоятельности казахских жузов.

Основную причину беспорядков в Младшем жузе В.Ф.Тимковский видел в действиях местных российских властей, которые «по не искусству или малому усердию» только способствовали укоренению среди казахов «неустройств и смятений». Он очень резко отзывался об оренбургских губернаторах, особенно о И.И.Неплюеве и Н.Н.Бахметеве, производивших в Степи «неимоверные грабительства». Поэтому, по его мнению, нападения и грабежи со стороны казахов нужно принимать не более как за «возмездные поиски ... для отплаты и мщения за свои страдания»⁵.

В.Ф.Тимковский убеждал Азиатский комитет, что казахами следует управлять, «приноравливаясь к местным обстоятельствам»; законы России, государства «благоустроенного», не могут в полной мере быть распространены на них. Казахи же, «сохраняя пороки племен кочующих, сохраняют и их добродетели, и, подобно всем другим, способны совершенствоваться». Правительству и местной

администрации необходимо изучить особенности их жизни, («собирать предварительно верные известия о подлинном состоянии сего кочевого народа, вникнуть в его дух и свойства») и в соответствии с этим, «воспитывая и приготавливая [казахов — С.Г.] к новому бытию политическому, вести постепенно к высшему образованию»⁶.

Впрочем, В.Ф.Тимковский не был уверен в необходимости включения их в состав империи. «Может быть, — писал он, — гораздо выгоднее было бы, не принимая киргиз-кайсаков в число подданных России, почитать их только дружественными соседями, иметь на них влияние посредством договоров, подкрепленных в случае нужды превосходством силы, и извлекать от них возможную пользу, какую природное состояние, свойства сего народа и его географическое положение открывают»⁷.

Сторонником противоположного подхода к русско-казахским отношениям являлся Г.Ф.Генс.

Григорий Федорович фон Генс в 1807 г. был переведен из столицы в Оренбург, где прослужил до конца жизни. Частые командировки на пограничную линию и Степь (Г.Ф.Генс служил в инженерной части Отдельного оренбургского корпуса) позволили ему ознакомиться с хозяйством, бытом, общественным устройством, нравами казахов. В 1818 г. Г.Ф.Генсу было поручено разобрать архив Оренбургской пограничной комиссии, благодаря чему его знания «азиатских дел» пополнились и расширились. В 1824 г. он стал первым директором Неплюевского кадетского корпуса. В 1825 г. Г.Ф.Генс был назначен председателем Пограничной комиссии.

Г.Ф.Генс справедливо полагал, что непоследовательность российской политики в Казахской степи обусловлена отсутствием ясных целей у правительства в этом регионе. Как и В.Ф.Тимковский, он считал, что только изучив культуру и историю этого кочевого народа, проникшись его «духом», можно будет определить действительные, стратегические, а не сиюминутные интересы России, четко сформулировать основные цели и выработать оптимальную тактику для их достижения. По его мнению, в первую очередь необходимо было, наконец, решить, что же более соответствует российским интересам: «приобщить» казахов к «народу русскому» или считать их вассально-зависимыми и не вмешиваться во внутренние дела»⁸.

Сам Г.Ф.Генс был сторонником как можно более тесного сближения казахов с русскими, которое в конце концов должно было привести к их слиянию. «Главною целию каждого правительства, — писал он, — должно быть благоденствие народа, им управляемого, и, чтобы распоряжения его были действительны, и производили пользу общую, надобно, чтобы народ составлял одно целое, одну массу. Для сего нужно, чтобы со временем исчезли между частями исчезли все признаки, отличающие одну от другой, а, следовательно, ... магометане сделались христианами, татары, башкирцы и прочие — русскими».

Г.Ф.Генс разработал целую программу постепенного распространения между башкирами, татарами и казахами светского образования, русского языка и православия. Благополучие нерусских народов он связывал с их ассимиляцией, считая, что «народом покоренным ... должно быть облегчено соединение с народом господствующим, к чему они будут стремиться для собственной выгоды»⁹.

В отличие от В.Ф.Тимковского, Г.Ф.Генс понимал, что без жестких мер, одной «заботливостью», установить мир и спокойствие на границе и в самой Степи не удастся. Он возмущался тем, что «киргизцам прощают все; все извиняют простотою нравов их и невежеством. Ожидают, что они просветятся, образуются и тогда сами собою отстанут от грабежей! Но никогда и ни в каком народе, не выводились разбои и своеволия иначе как наказанием преступников»¹⁰. Впрочем, на практике Г.Ф.Генс соглашался на применение силы в самых исключительных случаях, прилагая все усилия к мирному погашению то и дело вспыхивавших конфликтов.

Отсутствие у российского правительства в течение длительного периода не только определенной программы действий в Казахской степи, но и внятного понимания задач и интересов России в этом регионе особенно явно проявилось в отношении к процессу оседания казахов.

На протяжении всей первой половины XIX в. последовательно поощрялись земледелие казахов и переход их к оседлости в сибирском ведомстве. «Уставом о сибирских киргизах» 1822 г. предусматривалось наделение казахов участками под пашни. Российские власти отводили им земли без особых формальностей, оказывали помощь, чаще всего безвозмездную, в приобретении семян и земледельческих орудий, награждали медалями и кафтанами за заведение пашен.

Однако к концу 20-х гг. XIX в. в официальных петербургских кругах получила распространение точка зрения, в соответствии с которой казахи признавались полезными России только в качестве кочевников. Высокопоставленными чиновниками Азиатского департамента было подготовлено «Обозрение азиатских народов и государств, которые особенно важны для России» для ознакомления наследника престола Александра Николаевича с «самым последним» официальным взглядом на Казахскую степь и Среднюю Азию. Авторы «Обозрения» называли главной выгодой, которую Россия получала от казахов всех жузов, «вымен от них лошадей, а особенно рогатого скота и овец, из которых добывается великое количество сала и кож»¹¹.

Даже очень хорошо знавший Степь А.И.Левшин считал, что «польза их собственная и выгоды соседственных с ними держав, особенно России, требуют, чтобы они состоянием богатых пастухов не меняли на состояние бедных земледельцев»¹².

Такого же взгляда придерживались оренбургские военные губернаторы П.П.Сухтелен и В.А.Перовский. Они полагали, что только оставаясь кочевниками, казахи могли быть полезными для России как крупные поставщики скота и потребители русского хлеба и промышленных товаров.

Г.Ф.Генс и все члены Пограничной комиссии, соглашаясь с тем, что развитие земледелия у казахов может привести к сокращению торговли, считали жестоким и недопустимым «отнимать у народа способы существования»¹³. Только в 1861 г. этот спор был разрешен в пользу сторонников оседания казахов.

Окончательно выбор в пользу закрепления казахов за Россией в качестве ее «коренных подданных», а не вассалов, был сделан только на рубеже 50—60-х гг. XIX в., накануне завоевания Средней Азии.

Примечания

¹ Шейман, Л.А. Василий Тимковский и его путешествие по Лужице // «Letopis». — Bautzen, 1983. — Т. 30/1. — С. 12.

² Архив внешней политики Российской империи. — Ф. 161. — СПб.ГА. — II-25. — Оп. 70. 1786—1842. — Д. 1. — Ч. II. — Л. 250 об.

³ Там же. — Л. 250.

⁴ Российский государственный исторический архив. — Ф. 1291. — Оп. 81. — Д. 44а. — Л. 260—292.

⁵ Там же. — Л. 268.

⁶ Там же. — Л. 266.

⁷ Там же. — Л. 265.

⁸ Государственный архив Оренбургской области. — Ф.166. — Оп.1. — Д.5. — Л. 22 об., 24.

⁹ Там же. — Д. 3. — Л.37, 30 об.

¹⁰ Там же. — Л. 20 об. — 21.

¹¹ См.: Халфин, Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). — М., 1974. — С. 36.

¹² Левшин, А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, Орд и степей. — Алматы, 1996. — С. 301.

¹³ Центральный государственный архив Республики Казахстан. — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 337. — Л. 4—5.

Д.О.Гордиенко

Самарская государственная академия культуры и искусств

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ: РЖАНОЙ ЗАГОВОР И АДЕКВАТНОСТЬ КОРОЛЕВСКОГО ПРАВОСУДИЯ В ОЦЕНКЕ Д.ЮМА

Царствование Карла II нельзя считать временем чрезмерно насыщенным многочисленными политическими процессами и казнями. Встающая в памяти эксгумация цареубийц на заре Реставрации была вызвана скорее желанием политической элиты доказать преданность вернувшейся династии, нежели

кровожадностью Карла Стюарта. Те казни, которые имели место к началу 1680-х годов, отражали во-многом политическую конъюнктуру того времени, желание короля малыми уступками заставить замолчать своих политических противников. Те из последних (ярким примером можно считать 1-го графа Шефтсбери), которые своими действиями явно обнаруживали наличие «заслуг» могущих привести на плаху, королем были не тронуты. Разумеется, это был хорошо продуманный политический ход, красивый жест, показывавший не только милосердие короля, сколько не дающий повода упрекнуть суверена в пресловутой «тирании»¹.

Однако, в 1683—1684 г. королевское правосудие все же ответило, не только жестко, но и вполне традиционно для того времени, на действия носящие явно антиправительственный характер — Корона добилась осуждения на смерть ряда высокородных участников так называемого Ржаного заговора. 12 июня 1683 г. был официально раскрыт заговор ряда представителей оппозиции. Заговорщики ставили своей целью убийство короля и его брата. Однако из-за ряда накладок цареубийство было отложено. Так как меры по конспирации среди заговорщиков были сомнительными, о провалившемся заговоре узнало правительство и были предприняты соответствующие меры.

Следствие под руководством Джорджа Джеффриса (1645—1689), баронета Джеффрис оф Балстрод, выявило чрезвычайно широкие корни заговора среди парламентской и аристократической верхушки. Карл II не колеблясь послал лидеров заговора на казнь. Среди последних оказались Уильям Рассел (1639—1683), барон Рассел оф Торнбоу, сын и наследник 5-го графа Бедфорд, Артур Кэпэлл (1631—1683), виконт Мэлдэн и 1-й граф Эссекс, сын Артура Кэпэлла, 1-го барона Кэпэлл оф Хэдхэм (верного роялиста, казненного в 1649 г. вместе с герцогом Хэмптоном за попытку освобождения Карла I), известный публицист-республиканец Эдджернон Сидни (1623—1683), сын Роберта Сидни, 2-го графа Лестер, кузен жены Кэпэлла.

Нации должно было преподать урок. Сидни и Рассел были публично казнены. За барона просили его многочисленные и влиятельные родственники (герцоги Нортамберленд и Монтэгю). Отец лорда, граф Бедфорд, прямо попытался выкупить сына за 100 тыс. фунтов (очевидно перепутав сделку по подкупу избирателей в «гнилом местечке» с делами чрезвычайной государственной важности). Трогательно выглядит сцена, в которой его жена, леди Рашель Урайотсли (дочь Томаса Урайотсли, графа Саутгемптон и Чичестер, лорда верховного казначея в администрации Кларендона) коленипреклоненно молила короля сохранить жизнь ее мужу. Сохранился ответ короля: «Все верно, но верно и то, что если я не отниму жизни у него, то скоро он отнимет жизнь у меня». Граф Эссекс перерезал себе горло в камере. Уильям Ховард (1626—1694), 1-й барон Ховард оф Эстрик, бывший в молодости телохранителем в роте лейб-гвардии Кромвеля, своим сотрудничеством со следствием ценой показаний против своих товарищей купил себе жизнь.

Несмотря на вполне очевидную адекватность действий королевского правосудия², уже в царствование Карла, и, тем более, после Славной революции, суровая реакция Короны на попытку физического устранения монарха и его наследника стала преподноситься многими представителями партии вигов или их сторонниками как акт вопиющего произвола «добрého монарха», который в приступе «тирании» послал на плаху невинных людей, «добрých» поданных и патриотов страны. К примеру, в отношении барона Рассела уже при Карле стал складываться настоящий культ мученика за истинную веру и борца с тиранией³.

Не первым среди тех, кто затронул проблему наказания организаторов неудавшегося покушения, но до сих пор известным среди широкой (читающей) публики, в середине XVIII в. стал великий британский просветитель и историк Дэвид Юм. Юм оказался в сложной ситуации, описывая заговор и его последствия. Автор был вынужден представить фактологическую базу, ясно указывающую, на что были готовы (и к чему сделали размашистые шаги) заговорщики, с другой стороны, Юм и не скрывает своих симпатий в адрес заговорщиков, и пытается некоторым образом показать их моральное право на действия явно преступного плана⁴.

Когда же Юм касается двух самых интересных, драматических и показательных эпизодов следствия и наказания, — процессы, вынесение приговора и смерть Рассела и Сидни, — то он, дабы не потерять уважения сторонников «вигского взгляда» на данную проблему, вынужден признать вину заговорщиков, но обвинить королевское правосудие в извращении законов, их чрезмерного и не правомерно жестокого воплощения при вынесении приговоров. Обвиняя судей и присяжных в увлечении софистикой, сам шотландский просветитель все более погружается в пучину софистики. В качестве особенно показательного примера стоит привести эпизод с защитой Рассела на суде, в котором он признавал свое участие в заговоре, но отрицал намерение покушаться на жизнь Карла II⁵. В случае с Сидни, Юм так же ярко рисует портрет откровенного врага режима, который пользуется милостью короля, не настроенного до начала 1680-х гг. на показную жесткость, выступающего против режима и, логически, должного быть наказанным. Однако Юм опять демонстрирует королевское правосудие как чрезмерно кровожадное.

Победив в Исключительном кризисе, Карл II в конце правления позволил Короне быть адекватно жесткой на явные угрозы, исходящие от врагов⁶. Однако в традициях историописания Англии середины XVIII в. Юму пришлось решать сложную задачу — продемонстрировать реальные планы «тираноборцев» и с моральной точки зрения не снимая с них вины⁷, явить «истинное лицо» поздних Стюартов.

Примечания

¹ Д.Дройден дал Шефтсбери хлесткую характеристику, вскрыв как личные качества Эшли-Купера, так и его карьеризм. В подстрочном переводе это выглядит так: «В дружбе

лжив, непримирим в ненависти / Твердо решил погубить или править государством»: England under Charles II. From the Restoration to the Treaty of Nimeguen, 1660—1678. Extracts from Contemporary Records / Ed. by W.F.Taylor. — L., 1887. — P. 84.

² Для ряда специалистов в оценке действий Короны в данном процессе характерно спокойное, по-деловому оценивающее отношение: заговор — его раскрытие — наказание — Hutton R., Charles the Second King of England, Scotland, and Ireland. — Oxford, 1989. — P. 420—421.

³ Schwoerer, L.G. William, Lord Russell: The Making of a Martyr, 1683—1683 // The Journal of British Studies. — Vol. 24. — No. 1 (Jan., 1985). — P. 41—71.

⁴ Юм предваряет раздел, посвященный заговору, провокационным пассажем: «...народ...имел право использовать любые разумные средства, чтобы возратить гарантию своих вольностей, столь злосчастным образом утраченную»: Юм, Д. Англия под властью дома Стюартов: в 2 т. — СПб., 2002. — Т. 2. — С. 383. Этот взгляд в дальнейшем стал популярным среди ряда исследователей. Например: Jones, J.R. The Politics of the Exclusion Crisis 1678—1683. — L. — N.Y. — Toronto, 1961. — P. 208—209.

⁵ Там же. — С. 390—391.

⁶ Современная британская историография признает за заговорщиками планы не только по насильственным действиям в отношении Стюартов, но и поднятию мятежа в Лондоне, Шотландии и Новом Свете: Harris T. Restoration: Charles II and his Kingdoms 1660—1685. — L., 2006. — P. 311—312. Хотя, в середине XX в. классик британской исторической науки попытка связать раскрытие заговора с острой потребностью правящего режима в чем то несоразмерно серьезном для обвинения своих политических оппонентов: Ogg, D. England in the Reign of Charles II: in 2 vols. — Oxford, 1955. — Vol. II. — P. 647—648.

⁷ Следует отметить, что освящая события Ржаного заговора, Юм проявил редкую смелость, описав события как все же имевший место заговор. В традициях ранних вигских историков было принято сомневаться в реальности заговора: Milne, D.J. The Results of the Rye House Plot and Their Influence upon the Revolution of 1688 // Transactions of the Royal Historical Society, Fifth Series. — Vol. 1 (1951). — P. 93—94.; Harris, T. — Op. cit. — P. 313.

М.А.Гусеев

*Ивановская государственная сельскохозяйственная академия
им. академика Д.К.Беляева*

«КНИГА МАНОРИАЛЬНОГО СУДА ГОРОДА КОВЕНТРИ» КАК ИСТОЧНИК ПО ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ

В настоящее время большое внимание в отечественной и англоязычной историографии уделяется локальной истории, в том числе истории отдельных местечек, городов. Наиболее информативными источниками в этом вопросе являются разнообразные местные документы, в частности, публикации городских архивов.

Одним из подобных источников, освещающим средневековый период муниципальной истории Англии, является издание «Книги манориального суда города Ковентри» — *Coventry Leet Book*¹. Город Ковентри расположен в английском графстве Уорикшир. В средневековье он был крупным торгово-ремесленным центром Западного Мидленда, население которого в XV веке доходило до 10 тыс. человек. В 1451 году Ковентри получил статус города-графства².

Впервые исследуемый источник был опубликован в 1907—1913 гг. лондонским издательством *Early English Book Society*. Редактором публикации выступила Мэри Дармер Харрис — автор книги по истории Ковентри³. Вероятно, именно она и была автором небольших комментариев к документам источника, которые позволяют читателю лучше ориентироваться в издании. Большая часть сообщений «Книги манориального суда» относится к XV — середине XVI века, но есть и несколько документов XIII—XIV веков⁴. Часть ранних сообщений дана на латыни, но с параллельным английским переводом. Большинство документов приведено на средневековом английском языке. Все тексты носят лаконичный, деловой характер.

«Книга манориального суда» представляет собой погодный перечень сообщений юридического, социально-экономического и политического характера. Она включает в себя как городские документы, так и королевские послания, статуты и решения Парламента, касающиеся корпорации. Расположение документов в источнике довольно шаблонно. Как правило, годовые записи открываются сообщением о выборах должностных лиц корпорации, далее следуют протоколы заседаний манориального суда и другие документы.

В источнике представлен широкий спектр сообщений по различным сторонам муниципальной жизни. В частности, документ приводит ежегодные списки должностных лиц города (мэра, бейлифов, членов городского Совета и т.д.) и выборных комиссий, но без указания на их социально-профессиональную принадлежность. Данная информация представлена в налоговых списках горожан, а также в перечне должников муниципальной казны⁵. Хорошим источником для исследования внутригородской жизни корпорации являются отчеты манориального суда. Его заседания проходили дважды в год — весной и осенью. В состав суда входило 24 горожанина, возглавлял заседания мэр, сопровождаемый двумя бейлифами и рикордером. Исследование показало, что данный суд действовал также как городской Совет или Совет при мэре. Вероятно, его состав формировал мэр. На заседаниях Совета разбирался широкий спектр внутригородских дел: поддержание санитарного состояния улиц и придомовых территорий, регулирование правопорядка на улицах; разрешение конфликтов и споров между горожанами, гильдиями; определялись условия продажи различных товаров на местном рынке; регламентировалась деятельность гильдий, сроки и правила аренды городской земли. Отметим, что с небольшим изменением состава (от четверти до трети) Совет при мэре выполнял обязанности коллегии выборщиков, которая ежегодно производила выборы основных чиновников города⁶.

Интересные сведения о взаимоотношениях городской корпорации со своим давним церковным соперником приорством Св.Марии можно найти в письмах и жалобах обеих сторон, приведенных в источнике⁷.

В «Книге манориального суда» представлены и документы, характеризующие отношения корпорации со своим сеньором — королем, представителями высшей аристократии Англии. В них дана информация о взаимоотношениях корпорации Ковентри и короны, королевских постановлениях, касающихся города и его жителей, событиях войны Роз, а также некоторые сведения об обязанностях чиновников короны. Информативным источником в последнем вопросе выступают тексты присяг королевских должностных лиц, действовавших в городе (бейлифов, шерифа, коронера)⁸. Взаимоотношения корпорации с центральными властями отражены в сообщениях о визитах короля в Ковентри, его письмах, подарках и займах членам правящего дома, высшей аристократии⁹. В частности, наиболее часто Ковентри посещали Генрих VI и его жена Маргарита. А с февраля по март 1457 года в городе находился королевский Совет (его состав приведен в документе)¹⁰. Отдельно отметим, что большинство королевских писем и различных посланий, приведенных в «нашем» источнике, относится ко второй половине XV века, что связано с активизацией внутривнутриполитической жизни страны, событиями войн Роз.

В целом, «Книга манориального суда города Ковентри» содержит разноплановые документы, представленные как местными сообщениями, так и письмами, постановлениями центральных властей королевства. «Книга» является интересным и информативным источником по вопросам повседневной внутригородской жизни средневековой Англии, а также отражает основные вехи истории самого королевства.

Примечания

¹ The Coventry Leet book or Mayor's register. — L., 1907—1913. — Part. 1—3. Далее: CLB.

² Hoskins, W. Local history of England. — L., 1959. — P. 176—177. Отметим, что в рассматриваемый период Ковентри был королевским городом.

³ Harris, M.D. «Life in an Old English Town: A History of Coventry compiled from Official Records». — L., 1899.

⁴ CLB. — P. 2—21.

⁵ Ibid. — P. 43, 120, 139, 142, 224, 244—252, 273—275, ...402, 408, 429, 542, 546.

⁶ Коллегия выборщиков избирала нового мэра, казначеев, смотрителей городской печати.

⁷ CLB. — P. 350, 443—454, 468—473.

⁸ Ibid. — P. 54, 60—68, 99, 101—102, 109, 113, 116, 121—122, 134, 147, 368—369, 501—504, 529—531.

⁹ Ibid. — P. 74, 122, 172, 209, 282, 313, 314, 315-317, 330, 341, 343, 354—358, 362, 364, 381, 405, 407, 413, 426, 474, 484.

¹⁰ Ibid. — P. 297—301.

ДИСЦИПЛИНА И МЕТОДЫ НАКАЗАНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ АНГЛИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ

Университеты сыграли огромную роль не только в культурном развитии Европы. Без пристального изучения университетской жизни сейчас уже невозможно представить комплексное исследование многообразной жизни средневекового западноевропейского общества.

В данной статье мы обратимся к одному из вопросов повседневной жизни английских средневековых университетов — способам поддержания дисциплины среди студентов Оксфорда и Кембриджа.

Ректоры этих университетов имели обширные дисциплинарные полномочия, над школярами. Старшекурсники могли быть лишены степени или права преподавать. Также им постоянно грозили штрафы, исключение на определенный срок и кратковременное тюремное заключение, а в некоторых случаях даже отчисление¹. Сведения о дисциплинарном кодексе оксфордских общежитий могут быть почерпнуты из статуты 1483—90 года. Они свидетельствуют, что основным способом наказания являлось наложение штрафов согласно иерархической системе наказаний². Согласно оксфордским статутам учащиеся штрафовались за высказывание еретических мыслей, невоздержанность в пище, клевету на общежития или разоблачение тайн, общение с сомнительными личностями, запрещенные игры, проникновение в общежитие и за его пределы после закрытия главных ворот или проведение ночи вне стен университета без разрешения, а также за пребывание в Оксфорде без соответствующей санкции³. Множество штрафов налагались из-за подстрекательства к беспорядкам в общежитиях. Под угрозой возмездия студенты не должны были чинить раздоры из-за принадлежности к различным нациям и сословиям или между факультетами. Ношение оружия категорически запрещалось, за исключением путешествий. Студент штрафовался не только за обладание им, но и за аренду или подпольное хранение у кого-либо в городе. Штрафы налагались за приношение к столу вынутого из ножен ножа, за нанесение побоев кому-либо кулаком, камнем и т.д.; наказание удваивалось, если случалось кровотечение, а при повторении казуса нарушитель должен был быть изгнан. Раздел в статутах, относящийся к обучению, создавался, главным образом, с целью обеспечить прилежание и соблности университетские правила относительно академических курсов, а разнообразие дисциплинарные меры подкреплялись целым арсеналом штрафов. Отдельно выделено требование о том, что только латынь допустима в окрестностях общежития, исключая главные празднества⁴. Набор штрафов и конфискации предупреждал непунктуальный или слишком затянутый прием пищи. Уставы внушали надлежащее уважение к зданию общежития со стороны его

жильцов. Студенты штрафовались за повреждение тростника и соломы, из которых делались напольные покрытия, пролитие напитков на скатерти, порчу столов, стен, дверей, окон и мебели, и все поломки возмещались за счет злоумышленников⁵. Бережливое отношение прилежащей к общежитию территории поддерживалось внушительными штрафами за бегание по траве, прыжки через растения и принуждением студентов трудиться в саду⁶. В области развлечений наказание было за участие в азартных играх, игру в ручной мяч, шашки, содержание спортивных собак, хорьков, ястребов и других мелких птиц⁷. Штрафование являлось обычным дисциплинарным методом в общежитиях и в начале XV века рассматривалось оксфордскими университетскими властями в качестве одного из наиболее эффективных средств устрашения против нарушителей покоя. Кроме штрафов и отчисления, как крайнего как средство наказания, основными дисциплинарными мерами, применяемыми в колледжах, были лишение общения или пищи. Настойчивость, с которой в английских колледжах на исходе XIV века в качестве возмездия предписывалась общественная изоляция, наводит на мысль, что она являлась наиболее эффективным средством поддержания дисциплины⁸. Следующим методом исправления, вошедшим в употребление в колледжах и общежитиях в следующем столетии, стало телесное наказание. В оксфордских статутах указывалось, что оно должно было быть проведено публично, в соответствии с принципами общежитий, в субботний вечер в назидание младшим студентам в качестве меры, более действенной, чем штрафы⁹. Первое упоминание о телесном наказании школяров встречается в статутах кембриджского Королевского колледжа в начале 1440 годов, которые гласят, что школяры могут быть выпороты по усмотрению ректора и декана¹⁰. Уставы оксфордского колледжа Магдалены 1479—80 годов также допускали физическую расправу в качестве метода исправления¹¹.

Исходя из приведенных свидетельств, можно констатировать, что для поддержания порядка и дисциплины в стенах английских средневековых университетов применялись различные виды дисциплинарного воздействия — денежные штрафы, лишение общения или пищи, и, наконец, телесные наказания. Крайней мерой являлось исключение.

Примечания

¹ Catto, J.I. Citizens, Scholars and Masters//The History of the University of Oxford. (The Early Oxford Schools, ed. J.I.Catto). — Oxford, 1984. — V. 1. — P. 184—185.

² Emden, A.B. An Oxford Hall in Medieval Times. — Oxford, 1927. — P. 201.

³ Statuta Antiqua Universitatis Oxoniensis. — Oxford, 1931. — P. 574—583.

⁴ Ibid. — P. 579.

⁵ Ibid. — P. 580—582.

⁶ Ibid. — P. 583.

⁷ Ibidem.

⁸ Cobban, A.B. The Medieval English Universities Oxford and Cambridge to c. 1500. — Los Angeles, 1988. — P. 368.

⁹ Statuta Antiqua. — P. 587.

¹⁰ Documents relating to the University and Colleges of Cambridge. Vols. 1—3. — L., 1852. — V. 2. — P. 556.

¹¹ Statutes of the Colleges of Oxford. Vols. 1—3. Oxford—London., 1853. — V. 2. — Ch. 8. — P. 76—77.

М.В.Жолудев

Рязанский государственный университет им. С.А.Есенина

БРИТАНСКИЙ ПАРЛАМЕНТ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В Великобритании в первой половине XIX в. интенсивно шел процесс становления гражданского общества и правовых институтов. Важным его компонентом являлось дальнейшее динамичное развитие парламентского режима правления, нового образа жизни на политико-правовом уровне, которое проходило в острой борьбе старых институтов власти и старых порядков в социально-политической сфере. Упрочение британского парламентаризма самым непосредственным образом было связано с завершением промышленного переворота в этой стране. Промышленный переворот вызвал резкое изменение социальной структуры в Великобритании первой половины XIX в. Одним из главных социальных результатов промышленной революции стало укрепление экономических позиций и обогащение предпринимательских буржуазных кругов. Стремительное обогащение буржуазии в свою очередь привело к сближению образа жизни и социальных приоритетов промышленников и земельной аристократии. Крупные промышленники, обладая солидным капиталом, имели возможность покупать землю и титулы, вливаясь таким образом в ряды земельной аристократии. На рубеже XVIII и XIX в. состав земельной аристократии также постоянно пополнялся новыми людьми, назначавшимися пэрами и получавшими от правительства и короля земли за успехи в развитии промышленности и торговли, а также за военные заслуги. Вместе с тем многие крупные землевладельцы начинали усиленно заниматься капиталистическим предпринимательством, как, например, один из наиболее радикальных лидеров вигов лорд Дарем, получавший значительные доходы от разработки месторождений каменного угля, расположенных на его землях. Вышеуказанные процессы закладывали прочную основу для либерального союза между вигской частью аристократии и промышленниками в борьбе за совершенствование парламентской системы страны в интересах буржуазии.

Однако, несмотря на заметное сближение социальных позиций этих общественных сил, в начале XIX в. в социально-политической жизни Великобритании доминировал объективный процесс размежевания интересов промышленной буржуазии и земельной аристократии. В 1815 г. произошло резкое столкновение интересов предпринимательского класса с интересами крупных землевладельцев из-за введения так называемых «хлебных законов», которые устанавливали высокие протекционистские пошлины на импорт зерна в Великобританию. Это сократило его поступление на внутренний рынок и обеспечило землевладельцам огромные доходы ввиду резкого снижения конкурентоспособности поставщиков иностранного зерна. Значительно выросли цены на хлеб, что тяжело отразилось на материальном положении народа. Возросли цена рабочей силы и стоимость сельскохозяйственного сырья, необходимого для промышленного производства. Таким образом, интересы британской буржуазии и народа были принесены в жертву. Введение протекционистских законов вызвало у промышленников бурные протесты и осознание необходимости вести самостоятельную борьбу для защиты своих экономических интересов. Главным оружием в этой борьбе стали либеральные идеи реформирования парламентской системы и отмены «хлебных законов».

Социальной основой реформаторского движения в Великобритании стали предпринимательские слои страны. Однако они сумели заручиться поддержкой других групп населения, для которых по разным причинам были привлекательны идеи парламентской реформы и отмены «хлебных законов». Поэтому движение за проведение парламентской реформы было представлено весьма широким спектром социальных сил: от части аристократии (в основном вигской) до части рабочего класса. Идеи парламентаризма стали олицетворением умеренных реформаторских устремлений различных слоев британского общества, надеявшихся с их помощью улучшить свое материальное и политическое положение.

Необходимость защиты экономических интересов объективно толкала буржуазные слои Великобритании к укреплению своих позиций в политической системе страны. Их уже не удовлетворял старый избирательный порядок, отягощенный такими пережитками как существование «гнилых местечек» («гнилые местечки» — избирательные округа, находившиеся под полным контролем аристократов-землевладельцев. — М.Ж.), аристократический патронаж и т.д. Наиболее одиозной была система так называемых «карманных» или «гнилых местечек». Почти половина депутатов палаты общин избиралась от таких местечек, которые давно уже потеряли свое былое значение, но продолжали обладать правом посылать в парламент одного или даже двух депутатов. Подобное состояние избирательной системы соответствовало интересам крупной землевладельческой аристократии, продолжавшей удерживать в своих руках всю полноту государственного управления, но явно не удовлетворяло политических устремлений средних классов.

Добиться политической власти британские промышленники могли либо через реформу избирательной системы, либо посредством революции. Первый путь был для них предпочтительнее, так как давал возможность избежать очень вероятной во время революционных потрясений потери собственности; к тому же его выбор был связан с определенными чертами британского национального характера, такими как политическая умеренность и приверженность традиционным конституционно-правовым институтам.

В начале XIX в. английские промышленные круги рассматривали политическую деятельность как привилегию аристократов, имевших для этого необходимое образование, семейные традиции, свободное время. Они предоставляли аристократической олигархии монополию управления страной и право замещения государственных должностей в обмен на незначительные уступки. Поэтому очень важным для предпринимательского класса оказался политический союз с парламентской группировкой вигов. Активная совместная борьба этого союза (при поддержке широких народных масс) привела к победе, в июне 1832 г. Великий акт о парламентской реформе был принят.

Парламентская реформа 1832 г. явилась, пожалуй, одним из самых знаменательных внутривнутриполитических событий в Великобритании XIX в., положившем начало серьезным преобразованиям конституционной структуры британского государства. Многие историки и правоведы оценивают это событие как революцию, передавшую власть в стране буржуазии без крови и насилия. Проведение реформы, которая, по существу, означала переход от аристократического правления к демократической избирательной системе, проходило в условиях ожесточенной борьбы между различными социальными и политическими силами Великобритании, между сторонниками и противниками старого порядка. Но эта борьба не вышла за рамки британского конституционного поля. В борьбе за реформу масштабно проявилось (может быть впервые в британской истории) противостояние двух парламентских партий — тори и вигов. После принятия закона о парламентской реформе двухпартийная система Великобритании вступила в качественно новый период своего развития. Это было связано с политическими последствиями Билля: ликвидацией большого числа «гнилых местечек», перераспределением депутатских мест в парламенте в пользу крупных промышленных городов и графств, некоторым расширением избирательных прав средних классов.

Литература

1. Айзенштат, М.П. Власть и общество Британии 1750—1850 гг. — М., 2009.
2. Жолудов, М.В. Развитие двухпартийной системы Великобритании в первой половине XIX в. // Очерки истории Великобритании XVII—XX вв. — М., 2002. — С. 71—112.
3. Mandler, P. Aristocratic Government in the Age of Reform. — Oxford, 1990.

«ЗАПАДНОРУССКОЕ» НАПРАВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ БЕЛАРУСИ В ТВОРЧЕСТВЕ А.П.САПУНОВА

Западнорусизм — историко-идеологическое направление научной, общественно-политической, этноконфессиональной и культурной жизни, возникшее в *Северо-Западном крае Российской империи*. В первой половине XIX века взгляды «западноруссов» формировались в борьбе двух лагерей. Один из них связывал историческую судьбу края с польской культурой; второй видел будущее Беларуси в составе восточнославянских народов во главе с Россией.

Стоявшие на позициях западнорусизма организации, разделяя общие положения данной доктрины, отрицали существование белорусского народа как самостоятельного этноса, рассматривали белорусов в качестве части единого русского народа, в то же время имели собственные подходы к определению прошлого, современности и будущего белорусского народа.

В 80—90-х годах XIX века центр западнорусизма переместился в Витебск, Полоцк, Могилев. В это время здесь работали А.П.Сапунов, Е.Р.Романов, В.К.Стукалич, Н.Я.Никифоровский. Это были не просто ученые, авторы многочисленных изданий по истории, этнографии, археологии, белорусоведению, но и выдающиеся общественные деятели, которые многое сделали для возвышения роли Беларуси, отстаивания национального самосознания, ознакомления общественности с богатым духовным миром и материальной культурой белорусов, пробуждения интереса местной интеллигенции к изучению исторического прошлого родного края.

Известный историк и краевед Алексей Парфенович Сапунов (1852—1924) был родом из крестьян местечка Усвят Велижского уезда. Выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, почетный член научно-культурных обществ в Москве, Санкт-Петербурге, Витебске, обладатель золотой Уваровской медали, Алексей Парфенович прожил не богатую внешними событиями, но полную внутреннего содержания и неутомимой умственной деятельности жизнь.

Формирование научного мировоззрения ученого происходило в условиях усиления политики денационализации в отношении белорусских земель. Сказывалась провинциальная обстановка дореволюционного Витебска, отсутствие библиотек и необходимых научных связей. Ко всему следует добавить и личностную черту А.П.Сапунова — «верноподданнический монархизм», вследствие чего, на протяжении долгих лет, историческая жизнь Беларуси сводилась ученым к «ее постоянному тяготению к Великодержавии»¹. «Говоря о Белоруссии, мы говорим: русский край, русская народность; говорим так потому, что белорусская

народность — одна из основных народностей русского племени»², — писал в одной из краеведческих работ историк. Поддерживая стремление белорусов к национальному самоопределению, Алексей Парфенович полагал, что «упрочнение национального среди белорусской массы, несомненно, поведет к теснейшему единению с остальной Русью»³.

Переломным моментом в творчестве А.П.Сапунова стал его перевод на должность помощника инспектора студентов императорского Московского университета. Знакомство с трудами историков либерального направления, оживление общественно-политического и национально-культурного движения изменили убеждения А.П.Сапунова. Новым видением судьбы белорусского народа Алексей Парфенович поделился на заседании Думы 30 мая 1909 года, заявив, что «истинными хозяева Западного края являются православные белорусы»⁴. Неоднократно данное утверждение звучало на заседаниях местных краеведческих обществ, в стенах Московского отделения археологического института и педагогического института. В лекциях курса «История Западного края», основанных на изучении достижений филологии, этнологии и истории, подкрепленных выдержками из трудов современных ему историков, профессор А.П.Сапунов поднимал животрепещущие вопросы современного ему общества, акцентируя внимание на самобытности белорусского народа, его истории и культуре. Историк заявлял, что «Белоруссия, благодаря своему историческому прошлому и культурно-экономическим особенностям настоящего, представляет в бытовом отношении вполне самостоятельную территориальную величину, а потому может достигнуть своего процветания лишь при условии выделения в самостоятельную административную единицу, с предоставлением ей прав широкого провинциального самоуправления, которое должно находиться в руках белорусов»⁵.

Таким образом, западнорусское направление общественной мысли в Витебской губернии сводилось к собственному осмыслению исторического прошлого белорусского народа. Работы А.П.Сапунова, которые издавались в местной типографии и были доступны для изучения местной интеллигенции, просветительская и общественная деятельность историка, несомненно, способствовали национальной консолидации белорусского народа в его стремлении к самоопределению.

Примечания

¹ Полоцкие епархиальные ведомости. — 1893. — № 11. — С. 487.

² Сапунов, А.П. Очерк исторических судеб православия и русской народности в Белоруссии вообще и в пределах Полоцкой епархии в частности. — Витебск, 1910. — С. 28.

³ Сапунов, А.П. Белоруссия и белорусы. — Витебск, 1910. — С. 1.

⁴ Сапунов, А.П. Речи в Государственной думе 3-го созыва. — СПб., 1912. — С. 28.

⁵ Витебский областной краеведческий музей КП 7294 (2) / 13. Л. 1, 18.

КАРЛ II ИСПАНСКИЙ: ВЫРОЖДЕНИЕ ДИНАСТИИ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА

Самым очевидным фактором, сеявшим с середины XVII в. среди влиятельных держав Европы противоречия и амбициозные претензии, являлось испанское королевство и его обширная колониальная империя, а если быть точнее, вырождение испанской ветви династии Габсбургов.

Филипп IV Испанский оставил от двух браков две дочери и сына. Трон наследовал его 4-летний сын Карл (1661—1700), до совершеннолетия которого страной должна была управлять его вторая жена Мария-Анна. Старшая дочь Мария-Терезия, жена французского короля Людовика XIV, в завещании не была упомянута, хотя по Пиренейскому миру между Францией и Испанией 1659 г. она сохраняла все претензии на наследство. Вторая дочь, жена императора Священной Римской империи Леопольда I Маргарита-Терезия, со своими будущими детьми имела второе право после Карла на наследование престола. Третьими в этой очереди были сам Леопольд и его сестра испанская королева Мария-Анна. Казалось, что наследство прочно закреплено внутри габсбургской династии.

Но тайные переговоры о разделе испанского наследства между Людовиком XIV и Леопольдом I начались уже в январе 1668 г. Их в значительной мере стимулировала сама личность последнего испанского Габсбурга. Таким он предстает на портрете кисти Клаудио Коэльо: «Король скорее невысок, сухопар, неплохо сложен. У нег длинная шея, вытянутое лицо, острый и как бы загнутый вверх подбородок, австрийская (габсбургская — Л.И.) нижняя губа, непропорционально крупная голова, бирюзовые глаза и нежный румянец на лице. Вид меланхоличный и немного недоуменный...»¹. Несмотря на традиционное приукрашивание высоких особ в портретной живописи, признаки вырождения были налицо — сказались многосторонние и близкие родственные отношения его предков между собой. Из дворца просачивались сведения, что у маленького Карла то не режутся зубы, то он никак не научится ходить.

Тупость его ума соответствовала болезненности тела. Карл очень поздно научился писать и не осилил ни один специальный предмет. Он ничем не занимался и не развивал в себе никаких способностей: меланхолическая летаргия была основой его характера. Король отличался исключительной набожностью и пристрастием к еде. Как видно, Карл не соответствовал требованиям, выдвигаемым его высоким положением. Добиться признания как личность в век крепнущих государств и решительных, властных монархов и политиков у него не было никакой надежды.

Став совершеннолетним, испанский монарх подтвердил свою неспособность править — он даже не мог поддерживать политиков по своему выбору. Мадрид

все более запутывался в дворцовых интригах и спорах об урегулировании престолонаследия. Большое влияние на политику оказывали королевы и двор. Помимо регентши Марии-Анны существовали еще две королевы — жены Карла II. В ноябре 1679 г. король вступил в брак с дочерью герцога Орлеанского Марией Луизой, а после ее смерти в 1689 г. — с Марией Анной Пфальц-Нейбургской. Оба брака оказались бездетными, хотя первую жену Карл обожал, а вторую слушался. Ни обеты, ни паломничества, ни подношения Мадоннам не совершили чуда. Печаль короля выродилась в мрачное безумие. Кое-какие экономические реформы, предпринятые Доном Хуаном Кастильским и затем графом Оропесом, не принесли Испании ощутимых плодов. «Натуру эту не могли улучшить ни премьер-министры, ни институты. Когда у корабля отсутствует руль, остается только дожидаться, когда он опрокинется», — такой приговор королю и его королевству вынес в 1685 г. герцог Монтальто². Он оказался пророческим. Европейские государства терпеливо ждали, но и не бездействовали.

Долгое время дети императора от Маргариты-Терезии оставались первыми в очереди на испанское наследство. Ситуация усложнилась в связи со смертью его жены в марте 1673 г. От этого брака в живых осталась одна дочь Мария-Антония. Только в третьем браке с Элеонорой Пфальц-Нейбургской (1676) у Леопольда родились эрцгерцоги Иосиф и Карл. В то же время у французского короля имелись потомки мужского пола от испанской инфанты и сами оставили мужское потомство. Дюфин Луи Французский был жив и имел сына Филиппа Анжуйского³.

Во второй половине XVII в. Испания на глазах Европы превращалась в политическую игрушку, а ее наследство — в козырную карту в соперничестве Бурбонов и австрийских Габсбургов.

Развязка наступила в 1700 г. Последнюю ставку на мир — второй раздел испанских владений между Францией и Морскими державами, которым руководил глава иностранного ведомства Франции маркиза де Торси, отверг император Леопольд I. В сентябре постель испанского монарха стала центром драматической борьбы за его волю. 29 сентября королева и имперский посол уговорили его передать все свое наследство эрцгерцогу Австрийскому Карлу. Но 2 октября глава Государственного Совета кардинал Портокарреро фактически «заставил» находившегося в полубессознательном состоянии короля подписать новое завещание, по которому он оставлял свой трон и все владения Филиппу Анжуйскому, внуку Людовика XIV⁴.

1 ноября 1700 г. Карл II умер. По иронии судьбы он был погребен в Эскуриале недалеко от своего тезки, Карла I Испанского, более известного как Карла V, императора Священной Римской империи. Как многие в Европе и опасались, фигура испанского монарха спровоцировала большую европейскую войну, концентрировавшуюся вокруг династических амбиций Габсбургов и Бурбонов — войну за испанское наследство.

Примечания

¹ Цит. по: Испанские короли. — Ростов-н/Д, 1998. — С. 170.

² Spain under the Bourbons 1700—1833. A collection of documents / Ed. and trans. by W.N. Hargreaves-Mawdsley. — Macmillan, 1973. — P. 1—4.

³ Hochedlinger, M. Austria's Wars of Emergence. War, State and Society in the Habsburg Monarchy 1683—1797. — L.-N.Y., 2003. — P. 175—176; Шиндлинг, А. Циглер, В. Кайзеры. Священная Римская империя, Австрия, Германия. — Ростов н/Д., 1997. — С. 218—219.

⁴ Memoires pour servir a l'histoire des negociations depuis le traite de Riswick jusqu'a la paix d'Utrecht. — La Haye, 1756. — T. I. — P. 3—4; 89—97.

Д.В.Ильин

Владимирская областная юношеская библиотека

КОНЦЕПЦИЯ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО МЫСЛИТЕЛЯ ТОМАСА МАЛЬТУСА

Концепция народонаселения известного английского мыслителя Томаса Мальтуса (1766—1834 гг.) всегда привлекала к себе внимание исследователей.

Одним из ключевых понятий теории мыслителя было понятие закона народонаселения, который он определял как «проявление во всех живых существах постоянного стремления размножаться быстрее, чем это допускается находящимся в их распоряжении количеством пищи»¹. И именно исследованию последствий этого «великого и тесно связанного с человеческой природой закона, действовавшего неизменно со времени происхождения обществ», Мальтус посвятил свой главный труд «Опыт о законе народонаселения»². Мыслитель считал, что с одной стороны, с ужасающей быстротой происходит рост предоставленного самому себе населения, а с другой — относительно медленно умножаются средства пропитания. Мальтус писал, что «чем больше население, тем меньше обрабатываемой земли остается на одного человека»³. Поэтому возникает тенденция отставания роста продовольственных ресурсов от роста населения.

По мнению мыслителя, прирост продукта всякой земли должен иметь физический предел в силу ограниченности содержащихся в ней элементов, и экономический предел в силу возрастания необходимых для эксплуатации данного земельного участка издержек, когда хотя бы развить его производительность до последних пределов. Мальтус полагал, что накопление капитала и изменения в технологиях никогда не смогут компенсировать ограниченность природных ресурсов. По мнению Мальтуса, на земле не может быть больше живых существ, чем, сколько их может пропитаться дарами земли ибо, если найдутся лишние, они будут осуждены на голодную смерть.

Мальтус указывал на наличие у людей «неистребимого стремления к воспроизведению себе подобных»⁴. Увеличивающееся население, по его мнению, создавая новые рты, постоянно и неизбежно понижает уровень благосостояния всего народа. По мнению Мальтуса ни одна страна не в состоянии обеспечить себя достаточным объемом потребительских благ, если плотность населения на ее территории оказывается чрезмерно высокой. Экономика не способна выйти за пределы своих производственных возможностей, определяемых, прежде всего возможностями природной среды. Мыслитель считал «перенаселение» основной причиной экономических катаклизмов в Англии того периода.

По мнению Мальтуса, наличие бедных в обществе обусловлено естественными законами — скупостью природы и человеческими страстями — чрезмерно быстрым размножением человеческого рода. Мыслитель считал, что только ограничение населения — есть рецепт достижения экономического процветания. Только нищета и преступления, приводящие к гибели людей, а также недостаток имеющихся запасов пищи, по его мнению, сдерживают рост населения. При этом он указывал на существование так называемых ограничителей роста народонаселения: «превентивных (поздние браки и половое воздержание как до, так и после заключения браков)» и «поствентивных, репрессивных (высокая смертность, связанная с болезнями, войнами или голодом)»⁵. Эти ограничители, по мнению Мальтуса, являются факторами, приводящими к макроэкономическому равновесию, порядку и гармонии в обществе.

Мальтус полагал, что недостаток в пище влечет за собой не только смертность, эпидемии, но и антропофагию, детоубийство, убийство стариков и особенно войну, которая даже тогда, когда целью ее не является съедение побежденного, ведет к отнятию у побежденного его земли и производимого на ней хлеба. Все эти последствия истощения природных ресурсов в конечном итоге приводят к снижению численности населения, к восстановлению равновесия между количеством населения и природных ресурсов и как следствие этого — к экономическому росту. Именно поэтому поствентивные, репрессивные ограничители роста народонаселения он называл позитивными, полезными, приводящими в конечном итоге к процветанию общества.

Концепция народонаселения Мальтуса приобретает особую актуальность в настоящее время в связи с возможностью перенаселения Земли. Некоторые идеи мыслителя (в частности государственная политика, направленная на ограничение рождаемости) реализуются на практике в Китае. Вместе с тем нельзя не отметить наряду с рациональными аспектами некоторую реакционность, которая содержится в теории народонаселения Мальтуса.

Примечания

¹ Мальтус, Т. Опыт о законе народонаселения. — М.: Изд-во К.Т.Солдатенкова, 1895. — С. 10.

² Там же. — С. 9—10.

³ Там же. — С. 12—13.

⁴ Там же. — С. 27.

⁵ Там же. — С. 21.

И.Н.Коробейников

Томский государственный университет

РОБЕРТ ГВИСКАР. ЗАВОЕВАТЕЛЬ ЮЖНОЙ ИТАЛИИ

В IX—XI вв. норманны наводили страх и ужас на жителей Европы. Не обошли своим вниманием они и Средиземноморье. В XI в., в Южной Италии объектом их экспансии стали территории, подвластные Византийской империи, ломбардским государствам, папству. Их предводителем стал Роберт Гвискар. Масштаб деятельности и значимость позволяют поставить его в один ряд с Вильгельмом Завоевателем.

Роберт родился в 1016 г. Он был шестым из двенадцати сыновей небогатого нормандского рыцаря Танкреда Отвилля, сыновья которого прославились и сыграли ключевую роль в событиях, происходивших в Южной Италии.

Ему было суждено стать первым правителем норманнского государства в этом регионе. За изворотливость и смекалку его прозвали Гвискаром (Лукавым). Появившись в 1046 году в Калабрии, в качестве командира небольшого отряда, Роберт вскоре выделился благодаря своему властолюбию и неукротимой энергии и возглавил завоевание Апулии. В конце концов, Гумфрид отдал ему Калабрию с городами, замками и конным войском.

Вильгельм Апулийский так пишет о нем: «Роберт был юноша к трудной работе привычный, благоразумный и ловкий умом, руку свою приложить к делу любому готовый, вечно искавший успеха и радость свою видевший в почестях и восхваленьях. Был он готов удачу искать равно как хитростью, так же и силой, коль то было нужно, ведь острым умом часто можно такого достигнуть, что силой добиться невмочь. Он отличался весьма красноречьем, когда совещались, давал он ответ свой и быстро, и очень уместно. Если же кто обращался к нему за советом, знал он как мудро ответить»¹.

Хронисты того времени оставили много описаний этого необыкновенного человека, «белокурого, голубоглазого великана, который был, наверное, лучшим воином и государственным деятелем своей эпохи»².

Анна Комнина в своей «Алексиаде» так характеризует Гвискара: «Этот Роберт был нормандец по происхождению, незнатного рода и тиранического темперамента, наделенный лукавым и острым умом, храбрым в битве, искусный в

умении отнимать богатство и собственность у магнатов и очень целеустремленный, ибо он никогда не допускал, чтобы обстоятельства помешали ему исполнить свое желание. Ростом он превосходил самых высоких людей, лицо его было румяное, волосы льняные, его глаза сверкали огнем; он был широк в плечах и в кости, плотного сложения там, где от природы это необходимо, и отточенно изящен там, где крепость сложения менее нужна. Этот человек был удивительно гармонично сложен с ног до головы, как я слышала от многих. Гомер говорит об Ахилле, что, когда тот кричал, слушателям казалось, что множество людей кричат в ужасе, но крик этого человека, говорят, обращал в бегство тысячи воинов. Столь щедро одаренный фортуной, телесно и духовно, он от природы неукротим и не подчиняется никому на свете»³ [3. Книга I].

Главным делом Роберт видел подчинение Южной Италии, находившейся под властью Византии. Однако борьба шла с переменным успехом. Все же, методично захватывая города, норманны, в конце концов, установили свое господство в Южной Италии. Однако честолюбивые планы Гвискара шли гораздо дальше скромной территории Южной Италии — он обратил свои взгляды на побережье Балканского полуострова.

К середине XI века норманны стали грозной силой, с которой считались все признанные власти на территории Италии. Большой ущерб понесли ломбардские государства, причины для опасений были и у Византии. Папство беспокоилось по поводу бедственного положения в разоренных районах южнее Рима. В Италии сформировавшаяся антинорманнская коалиция, под руководством папы Льва IX, в 1053 г. собрала значительную армию для борьбы с норманнами. В состоявшейся битве войска папы потерпели позорное поражение, в результате чего, находясь в плену и не рассчитывая на помощь императора, Лев IX признал де-факто все норманнские завоевания.

В условиях, когда отношения Священной Римской империи и папства становились все более натянутыми, союз с норманнами обретал конкретные очертания. В 1059 году, на церковном Соборе в том же году папа Николай II признал Роберта Гвискара и его брата Ричарда своими вассалами; Ричард был признан князем Капуи, а Роберт получил титул: «Герцог Апулии и Калабрии милостью Божьей и св.Петра, и в будущем с их помощью герцог Сицилии». Были узаконены не только осуществленные завоевания, но и будущие. Со своей стороны, Роберт Гвискар поклялся защищать статус папы и лично Николая II и всюду, и в борьбе со всеми поддерживать Римскую Католическую Церковь, сохраняя и приумножая владения св. Петра. Теперь их статус в Италии был признан высшими церковными властями христианского мира.

Герцог Роберт Гвискар сыграл важную роль в истории Южной Италии. В многонациональном и полирелигиозном обществе этого региона он создал централизованное и эффективно функционирующее государство, которое стало играть важную роль в средиземноморской политике. Роберт оставлял на местах византийскую структуру, должности также сохранили греческие названия.

Честолюбивый, целеустремленный, энергичный, амбициозный, он мог четко оценить политическую ситуацию и возможную выгоду. Из личных побуждений он начал военные действия против Византийской Империи, причем будучи уже в довольно преклонном возрасте. Однако окончились они для него неудачно — в июле 1085 г. герцог умер.

Примечания

¹ Вильгельм Апулийский. Деяния Роберта Гвискара. Глава 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.vostlit.info/Texts/rus6/Apul/primtext1.html, свободный (дата обращения 5.02.2011).

² Норвич, Джон. Нормандцы в Сицилии. Второе нормандское завоевание. 1016—1130. — М., 2005. — С. 52.

³ Анна Комнина. Алексиада. Книга 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.krotov.info.ru/acts/11/komnina/aleks_00.html, свободный (дата обращения 5.02.2011).

О.В.Королева

Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского

ОБРАЗ ПУТЕШЕСТВЕННИКА XVII ВЕКА НА СТРАНИЦАХ «ПИСЕМ ИЗ ИНДИИ» ТОМАСА КОРИЭТА

В настоящее время можно констатировать всплеск интереса к вопросам ментальной истории. Одной из приоритетных исследовательских задач является изучение репрезентаций «Другого» через деконструкцию текстов записок путешественников с целью изучения феномена сознания самих авторов. Для исследователя представляется важным то, как пишет автор, и то значение, которое придается новым сведениям в его цельном мировоззрении.

Несмотря на то, что путевые записки в значительной степени отражают индивидуальный ментальный стиль, он несет в себе обязательное выражение распространенной точки зрения, некоторый схематический и стереотипный подход. Познание «чужого» мира путешественниками начала XVII в. было неразрывно связано с формированием нового самосознания англичан, становлением нового социального типа, для которого была характерна исключительная вера в себя, устремленность и активность во всех сферах жизни¹. Требовались новые «герои», которыми стали путешественники в заморские страны, люди уверенные в неизбежном успехе своих начинаний и видевшие в этом возможность пробиться в жизни.

«Индийские письма» Томаса Кориэта², как и записки других английских путешественников, заряжены мифологическим содержанием. Исследование опыта прямых высказываний автора писем делает возможным реконструкцию чужого

миропонимания, за которым вырисовывается образ английского путешественника начала XVII века.

В этих напечатанных в Лондоне «письмах» содержится рассказ о некоторых деталях восточного путешествия Т.Кориэта, о дворе и империи Великого Могола.

Т.Кориэт на страницах своих записок предстает невероятно выносливым и отважным и целеустремленным путешественником, совершившим весь свой поход по Востоку почти исключительно пешком. Этим фактом он явно гордился, что видно из его любимого самоопределения «путешественник» («миропроходец», «странник»). Он также именовал себя «пропатетиком», то есть «идушим вперед» (в отличие от «перипатетиков» — «идуших по кругу»)³.

Убеденный в собственных высоких достижениях английский путешественник подчеркивал свою исключительность. В его «письмах» утверждается, что, проделав весь маршрут от Иерусалима до Индии исключительно пешком, он совершил беспримерный подвиг. В одном из «писем» Т.Кориэт замечал: «Вряд ли вы в своей жизни слышали о таком»⁴. В своей речи к падишаху Джahanгиру он заявлял, что такое «очень трудное длительное путешествие до меня не совершал ни один смертный человека»⁵.

Т.Кориэт тщательно поддерживал репутацию «настоящего» путешественника, что в его понимании означало открытие нового и неизвестного мира. Подтверждение этому мотивы его путешествия, о которых он сообщал падишаху: «Во-первых — созерцать благословенный лик вашего Величества, слава о котором распространилась по всей Европе и всем мусульманским странам, ... во-вторых, посмотреть слонов вашего Величества, животных, которых не видел ни в одной другой стране. В-третьих, посмотреть вашу известную реку Ганг, главную над всеми реками мира. В-четвертых, чтобы просить позволения вашего Величества совершить путешествия в страну Татария к городу Самарканд...»⁶.

Громкие слова и высокопарные жесты Т.Кориэта едва ли могли скрыть неумное любопытство и желание увидеть удивительную страну и написать книгу о своем пребывании в ней⁷. В отличие от большинства других английских путешественников, заявлявших, что бессмысленно писать о «глупых языческих обрядах», любопытство и неподдельный интерес Т.Кориэта заставило его задержаться в Агре, чтобы совершить путешествие к «известной» реке Ганг, где он надеялся увидеть «незабываемую встречу идолопоклонников»⁸. Он признавался, что с удовольствием хотел бы увидеть и многие другие «странные» церемонии⁹.

Путешественник склонен к идеализации «чужой» страны, превращая ее в свою «другую страну, пасторальную мечту, спасение от разочарований жизни»¹⁰. Его записки содержат преимущественно положительные впечатления от путешествия. С гордостью он сообщал, что проделал большой путь по «величественной» и «знаменитой» Индии, пересек «прославленную реку Инд, столь же широкую, как наша Темза в Лондоне», и вскоре добрался до Лахора, который нашел «одним из самых больших городов во всей Вселенной, ибо он имеет не

менее 16 миль в окружности и превосходит своим величием сам Константинополь»¹¹.

Среди ценностей, определявших поведение Т.Кориэта, — его ученость. Это был человек, овладевший множеством трудных языков. Т.Кориэт отмечал, что при дворе «Великого Могола» «важным делом» для него стало изучение персидского, турецкого и арабского языков¹².

Изучение записей Т.Кориэта позволяет с полной уверенностью назвать его «героем» своего времени, когда наблюдалась «модернизация архаичных структур повседневности и западноевропейского сознания», когда «знатное происхождение и воинская доблесть отходят на второй план, а на первый выступают трезвый практический ум, высокая образованность и вера в принцип личной чести»¹³.

Т.Кориэт являет собой прекрасный пример человека, самостоятельно формирующего свою личность. Сын приходского священника из деревни Одкомб графства Сомерсет, позднее придворный шут и распорядитель потешных игр, видел в путешествиях возможность пробиться в жизни. Отчасти ему удалось это сделать. Не принадлежавший к кругу высшей аристократии, Кориэт сумел заслужить репутацию глубоко ученого, знающего и уважаемого человека.

На страницах своих путевых записок Т.Кориэт предстает опытным и целеустремленным путешественником, не сомневающимся в успехе своих начинаний. Его характеризует высокая активность, умение приспособиться к «чужим» условиям и очевидная направленность на контакты с внешним миром. Речь Т.Кориэта к падишаху Могольской империи, в которой соблюдены все тонкости титулования, характеризует путешественника довольно чувствительным и восприимчивым к новому и незнакомому¹⁴. Он был одержим настоящей жаждой путешествий. Несмотря на свою буффонаду и эксцентричность, Т.Кориэт был проницательным наблюдателем и обаятельным рассказчиком.

Примечания

¹ Ментешавили, И.Ш. Соприкосновение цивилизаций Запада и Востока в период деятельности в Индии Английской Ост-Индской компании. — Тбилиси, 1998. — С. 34.

² A Letter of M. Thomas Coryat, which travelled by Land from Ierusalem to the Court of the Great Mogol, written to Mr. L. Whitaker. To which are added pieces of two other...// Hakluytus Posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. — Part 1. — Book 4. — P. 592—602.

³ Ibid. — P. 594.

⁴ Ibidem.

⁵ A Letter of M. Thomas Coryat from Agra, the Capital City of the dominion of the Great Mogul in the Eastern India, the last of October, 1616... — P. 598.

⁶ Ibidem.

⁷ Друзья Т.Кориэта подтверждали его намерения отправиться в Индию с целью покататься верхом на слоне и произнести речь Великому Моролу. См.: Penrose, B. Urbaine Travelers, 1591—1635. — Philadelphia, 1942. — P. 63.

⁸ A Letter of M. Thomas Coryat from Agra... — P. 599.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Кулакова, В. «Через Ла-Манш» Джулиана Бармса: образы Франции и Англии // Свое и Чужое в европейской культурной традиции: литература, язык, музыка. Сборник докладов участников научной конференции. — Н. Новгород, 2000. — С. 239—240.

¹¹ A Letter of M. Thomas Coryat... to Mr L. Whitaker, dated in the Year 1615. P. 593.

¹² Ibid. — P. 595.

¹³ Горичева, Л. История формирования социального сознания западноевропейского общества // Мировая экономика и международные отношения. — 2007. — № 1. — С. 65.

¹⁴ A Letter of M. Thomas Coryat... to Mr L. Whitaker, dated in the Year 1615. — P. 595.

И.А.Краснова

Ставропольский государственный университет

БИОГРАФИИ ВЕСПАСИАНО ДА БИСТИЧЧИ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ФЛОРЕНТИЙСКОГО ОБЩЕСТВА XV в.

Биографический жанр начал распространяться в культурной жизни Флорентийской республики, начиная с середины XIV в., в отдельных жизнеописаниях на *volgare* (*Vite*), составленных Джованни Боккаччо и Филиппо ди Маттео Виллани, младшим представителем семьи известных хронистов, но также во фрагментах, посвященных выдающимся личностям, вкрапленных в текст исторического повествования: в качестве примера можно привести «лепку» образа флорентийского гражданина Никколо дельи Аччайуоли, канцлера Неаполитанского королевства, в «Хронике» Маттео Виллани¹. Подлинный расцвет интереса к судьбам незаурядных современников или исторических персонажей приходится на последующее столетие, судя по возросшему числу жизнеописаний, выходящих из-под пера выходцев из самых разных социальных слоев — от рыцарей до ремесленников, большую часть которых вряд ли возможно в полной мере считать носителями гуманистической культуры.

Наиболее значимое место в этом ряду занимали биографические произведения Веспасиано да Бистиччи (1421—1498)², с одной стороны продолжавшего традиции жизнеописаний XIV в., с другой, проявляющего некоторую оригинальность в попытках воспроизвести портреты своих героев, ставших, по его мнению, достойными увековечивания. Наряду с биографиями понтификов и представителей высшего клира, императоров, королей и владетельных синьоров, автор приводит жизнеописания своих соотечественников, причем не только известных политический деятелей (Козимо Медичи Старший), но и флорентийцев, совершивших, с его точки зрения, хотя бы один доблестный поступок, или просто прошедших жизненный путь скромно, но достойно, безукоризненно

выполняя свой долг перед обществом и коммуной в соответствии с идеалами настоящего гражданина³. Веспасиано да Бистиччи таким образом предоставляет исследователям ренессансной культуры богатейший источник сведений для изучения культурных достижений эпохи раннего Возрождения, поскольку многие его персонажи — например, Никколо Никколи, Лоренцо Ридольфи⁴ — являлись учеными в области *studia humanitatis*, а в жизнеописаниях других сограждан автор всегда стремился акцентировать их образованность, приобщенность к античному наследию и литературному творчеству, связи с выдающимися представителями раннего гуманизма. Но не менее содержательный материал для изучения городской повседневности Флоренции XV в. оказывается в распоряжении историков-антропологов, особенно тех, кто пытается исследовать сферу стереотипов поведения и политического мышления горожан, ментальные образы, в которых выражалась идентичность личности и республиканского социума, формы несогласия или протеста, проявляемого отдельными гражданами в отношении своей коммуны, и границы противостояния индивида и государства.

Материал биографий Веспасиано да Бистиччи ценен тем, что степень достоверности излагаемых фактов во многих случаях можно верифицировать документальными источниками, хорошо сохранившимися в архивах, содержанием аутентичных хроник, а также письмами и семейными книгами флорентийских граждан. Но значимость жизнеописаний этого автора, как исторических источников, заключается не в точности фактов и объективности подходов к конструированию судьбы и внутреннего мира героев: в описаниях Бистиччи содержится немало ошибок и искажений, большая часть флорентийских биографий представляет идеализированные модели, не соответствующие противоречивости оценок и разнобою мнений о данном персонаже в обществе современников. Это, скорее, не достоверные и объективные повествования о жизненном пути конкретных личностей, а «литературные портреты», по меткому определению О.Ф.Кудрявцева⁵. Уникальность этого источника заключается в том, что, пожалуй, только из него можно составить представления о соотношении идеальных стереотипов политиков, дипломатов, граждан, в той или иной степени участвующих в управлении своим государством, и реальных поведенческих практик в публичной жизни и государственной деятельности тех, кто составлял общество городского социума, в котором наряду с сохранением республиканских и демократических традиций пополанской республики уже давали о себе знать олигархические тенденции и политические трансформации, отражающие стремление рода Медичи манипулировать выборными механизмами управления и все более жестко контролировать их.

Из жизнеописаний исследователь может почерпнуть сведения об изменившихся формах социального поведения граждан, когда фракционную борьбу, осуществляемую посредством возведения баррикад и стычек вооруженных отрядов родов-консортерий, вытесняли конформистские установки, направленные на достижение относительного единства социума путем изолированных

предвыборных махинаций, тактики лавирования и уступок в отношении недовольных слоев общества, примирений политических противников с помощью брачной стратегии, умелого сокрытия жажды власти.

Вряд ли возможно отнести Веспасиано да Бистиччи к кругу гуманистов, со многими из которых он состоял в дружеских отношениях. Но материал жизнеописаний обнаруживает не только славословия в адрес избранных автором персонажей, но и критику их несправедливых поступков, которой не удалось избежать даже Козимо Медичи Старшему, не говоря уже об остальных выдающихся представителях олигархии, блестящих администраторах и дипломатах (например, Пьеро Пацци)⁶. Веспасиано воплотил свое представление о социальной справедливости в том, что, увековечивая образ Козимо Медичи, прославил его поверженного врага — Палла ди Нофри Строцци, высланного из Флоренции в 1434 г. на 30 лет и умершего в изгнании⁷. В лице последнего воссоздан поднимающийся до эпических высот образ благородной жертвы, в связи с которой автор надолго утвердил в сознании своих сограждан легенду о «самом счастливом человеке», в одночасье низвергнутым роком, и миф об идеальном изгнаннике, хранящим верность отторгнувшему его отечеству.

Примечания

¹ Villani Filippo. *Vite d'illustri fiorentini* // *Croniche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani*. Trieste, 1858; *Cronica di Matteo Villani*. — Firenze, 1825—1826. Libro terzo. Cap. IX. P. 17—20; Libro V. Cap. XXII. P. 25; Libro X. Cap. XXIV. P. 28—32; Libro X. Cap. XXV. P. 32—37.

² *Vespasiano da Bisticci. Vite di uomini illustri del secolo XV* / A cura di L. Frati. — Bologna, 1892—1893. — Т. I—III.

³ *Commentario della vita di Bartolomeo Fortini; Commentario della vita di messer Bernardo Giugni // Vespasiano da Bisticci. Vite di uomini illustri del secolo XV*.

⁴ *Commentario della vita di Lorenzo Ridolfi // Vespasiano da Bisticci. Vite di uomini illustri del secolo XV; Веспасиано да Бистиччи. Жизнеописания прославленных людей XV в. Никколо Николи // Опыт тысячелетия. Средние века и эпоха Возрождения: Быт, нравы, идеалы*. — М., 1996. — С. 454—465.

⁵ *Веспасиано да Бистиччи. Жизнеописания прославленных людей XV в. Никколо Николи // Опыт тысячелетия. Средние века и эпоха Возрождения: Быт, нравы, идеалы*. — М., 1996. — С. 453.

⁶ Bisticci V. *Commentario della vita di messer Piero de' Pazzi* // *Archivio storico italiano*. IV. 1843. — P. 364—371.

⁷ Bisticci V. *Commentario della vita di messer Palla Strozzi* // *Archivio storico italiano*. IV. — P. 281—285.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИММИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ США В XIX ВЕКЕ

Иммиграция в XIX в. стала важнейшим фактором развития США. Исследование иммиграционной политики США, ее принципов и особенностей необходимо для выявления характерных черт исторического развития американского государства в XIX в.

Отечественные историки исследовали отдельные аспекты иммиграционной политики США. Эта проблематика нашла отражение в работах Богоиной Ш.А., Плетнева Э.П., Филиппова С.В., Шлепакова А.Н. и других авторов¹.

Американские исследователи по вопросам иммиграционной политики и истории национальных и этнических групп, подготовили объемный «Словарь Американской иммиграционной политики»². Уильям Бернард в своем исследовании американской иммиграционной политики выделяет пять отличительных периодов³. Виктор Грин прослеживал эволюцию иммиграционного законодательства и уделял значительное внимание политической борьбе вокруг этой проблемы⁴. Однако ни в отечественной, ни в американской литературе не исследованы особенности иммиграционной политики на отдельных этапах развития государства, роль иммигрантов в социально-экономическом развитии США и т.д.

В специальной литературе выявлены следующие причины иммиграции: наличие социальных сетей, способствующих иммиграции⁵, недостаток рабочих мест на родине иммигрантов⁶, потребность американской экономики в дешевой рабочей силе⁷. Иммиграция, в первую очередь мексиканская, являлась результатом политики экономической экспансии, проводимой Соединенными Штатами.

В иммиграционной политике США XIX в. можно выделить несколько этапов. В основе этого деления на этапы лежит принцип правового регулирования иммиграции государственной властью США. В процессе своей эволюции иммиграционная политика прошла путь от полного отсутствия каких-либо ограничений на въезд в страну новых иммигрантов до жесткого контроля и регулирования со стороны властей всего иммиграционного потока. Основным источником иммигрантов в начале XIX в. стали страны Западной и Северной Европы. Постепенно их доля стала снижаться, и в середине XIX в. их потеснили выходцы из стран Центральной и Восточной Европы, а, впоследствии, из Азии, Африки и Латинской Америки⁸.

Основными факторами иммиграции в США на протяжении всего времени были экономические, политические и религиозные. Наиболее важным из них являлся и является экономический фактор.

Первый этап иммиграционной политики связан с колониальным периодом. Со времени колониального освоения Северной Америки структура и характер

иммиграции претерпели значительные изменения. Изначально первые поселенцы, основавшие на территории современных США, были выходцами из Европы, преимущественно из ее западных и северных частей. В колониальное время преобладающей группой были иммигранты из Великобритании, доля которых, без учета рабов из Африки, составляла свыше 80%. Другими основными этническими группами были немцы, французы, голландцы и скандинавы.

Второй этап начался после Гражданской войны. Он характеризуется жестким контролем над въездом иммигрантов в США, особенно из азиатских стран.

Третий этап — конец XIX в. По мере становления США, как независимого государства, и нарастания его экономической мощи структура стран выбытия новых иммигрантов становилась иной. Настоящий «век иммиграции» начался в Америке с конца XIX в. и продолжался до конца 20-х годов XX столетия, когда вместо выходцев из Северной и Западной Европы начали доминировать иммигранты из Южной и Восточной Европы и даже Китая. В этот период США приняли рекордное число иммигрантов, численность которых составила 18 млн. человек⁹.

Развитие иммиграционной политики явилось наиболее значимым фактором формирования американской государственности на протяжении всего XIX в. Последующее социально-экономическое и политическое развитие Соединенных Штатов неразрывно связано с увеличивавшимся потоком иммигрантов. В связи с этим, широкое распространение получила точка зрения, определяющая американскую нацию как нацию иммигрантов.

Примечания

¹ Тен, В.А. Иммиграционная политика США в XVII—XX вв. / Краткий исторический очерк. — М.: Диалог-МГУ, 1998. — 138 с.

² Dictionary of American Immigration Policy. — Metuchen (N.J.)-London, 1990.

³ Bernard, W.S. Immigration: the history of U.S. policy // The Harvard encyclopedia of American ethnic groups. / Eds.: Thernstrom S. et al. — 2nd ed. — Cambridge (Mass.), 1994. — P. 486

⁴ Greene, V. Immigration policy // Encyclopedia of American political history. — New York, 1984. — P. 579—580.

⁵ Massey, D.S., Alarcon, R., Gonzalez, H., Durand, J., Return to Aztlan: The Social Process of International Migration from Western Mexico. — Berkeley and Los Angeles, 1987.

⁶ Sassen, S., The Mobility of Labor and Capital. — New York, 1994. — P. 7; Cornelius, W.A. The Structural Embeddedness of Demand for Mexican Immigrant Labor: New Evidence from California // Suarez-Orozco, M.M. (Ed.). Crossings: Mexican Immigration in Interdisciplinary Perspectives. — Cambridge, 1998. — P. 113—115.

⁸ On-Line библиотека / URL: <http://www.XServer.ru>

⁹ Immigration, American Expansion: 13 collections / URL: <http://www.loc.gov>

«САМ СЕБЕ РЕВИЗОР»: ГЕНЕРАЛ УЭЙД И «ИЗОБРЕТЕНИЕ» ГОРНОЙ ШОТЛАНДИИ

Как известно, в Горной Шотландии Славная революция увенчалась успехом только после подавления вооруженного сопротивления этой кельтской окраины. Вместе с тем, «умиротворение» Горной Страны сопровождалось не только гарнизонным расширением присутствия Лондона в крае, но и формированием определенного корпуса текстов (аналитические комментарии и военно-политическая корреспонденция), как отражавшего восприятие края в остальном Соединенном Королевстве, так и служившего идеологическим обоснованием политики Лондона в этой кельтской окраине.

Такое конструирование Хайленда в письме комментаторов носило персональный характер. Умиротворение Горной Шотландии до подавления восстания якобитов 1745—1746 гг. на практике оказывалось скорее компромиссом противостоявших друг другу в Хайленде сторон, чем его действительной «цивилизацией». По-своему интерпретируя причины такого положения вещей, ответственные за умиротворение горцев чины знакомили Лондон не столько с реалиями Горной Страны, сколько с версиями наблюдаемой ими в крае реальности. Такими «авторскими» комментариями являлись и отчеты о положении в Горной Шотландии командующего королевскими войсками в «Северной Британии» в 1725—1740 гг. генерал-майора Джорджа Уэйда.

При этом стремление перевести ситуацию в Хайленде в британские понятия о законности в королевстве и лояльности трону и дому Ганноверов не означало подмену генералом верного по сути анализа военно-политического разделения в крае и полувоенной активности на его рубежах привычными в Соединенном Королевстве представлениями. То, что Северная Британия на не хорошо знакомом генералу Уэйду политическом языке Великобритании была «ввергнута» «рабским служением вождям», «грабежами», «разбоями» и, наконец, «мятежом» в «состояние анархии и смятения», отражено в отчетах так же, как в реалиях Горной Страны — пусть и в британских политических терминах — причины этих «недостатков» и способы их «исправления». Понятным Короне и правительству и принятым в «холлах Вестминстера» языком командующий настойчиво защищал своей порядок решения проблемы мятежности Горного Края. И таким образом опыт службы в Северной Британии находил компромисс с политической школой «шотландских» чинов королевства. Зная Горный Край и имея представление о принятых среди предполагаемых читателей в Соединенном Королевстве традициях, генерал Уэйд соединял восприятие в них края с реальной ситуацией в Горной Стране и предлагал такое видение проблем присутствия Короны в Горном Крае, при котором позиционировал себя как способного их

разрешить. Эта формула общения с Лондоном — нюансирование и акцентуация при описании известного и свойственного ответственным чинам королевства набора образов и символов восприятия Горной Страны до того момента, пока ближе к концу XVIII в. «изобретенный» антиквариями Хайленд (новая версия социальной реальности края, не более близкая к действительности, чем принятая во времена генерала Уэйда) не начнет олицетворять собой культуру Шотландии в целом, — позволяет, между тем, не только выявить характерные стереотипы восприятия Лондоном самой беспокойной в то время из своих кельтских окраин, но и понять, какие еще представления включала создаваемая британская политическая культура, нашедшая своеобразное отражение в отчетах генерала Уэйда «о положении в Горной Стране».

Примечания

Wade, G. Report, &c., relating to the Highlands, December 10, 1724 // Historical Papers relating to the Jacobite Period 1699—1750 / Ed. by J.Allardyce. — Aberdeen, 1895. — Vol. I. — P. 131—146; Wade, G. Report to His Majesty concerning the Highlands, of Scotland, in 1725 // Burt, E. Letters from a Gentleman in the North of Scotland to His Friend in London. With large Appendix, containing various important historical documents, hitherto unpublished; with an introduction and notes by R.Jamieson. / Ed. by R.Jamieson. — Edinburgh, Glasgow and London, 1822. — Vol. II. — P. 289—316; Wade, G. Report, &c, relating to the Highlands, 1727 // Historical Papers relating to the Jacobite Period 1699—1750. / Ed. by J.Allardyce. — Aberdeen, 1896. — Vol. II. — P. 150—165.

Е.О.Науменкова

Санкт-Петербургский филиал РГГУ

ДЖ.ЧЕМБЕРЛЕН И БИЛЛЬ О РАСШИРЕНИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ 1884 г. В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В феврале 1884 г. либеральным правительством был внесен проект реформы расширяющей избирательные права населения Соединенного Королевства. Палата общин после тяжелых боев пропустила билль. Однако восьмого июля палата лордов приняла резолюцию, которая фактически отклоняла билль о расширении избирательных прав. Условие, выдвинутое пэрами, было следующее: билль о расширении избирательных прав должен сопровождаться биллем о перераспределении избирательных округов. Журнал «Контемпорари Ревью» резонно отметил, что страна вступила в политическую борьбу, которая обещает быть упорной по характеру и серьезной по результатам¹.

И действительно, это решение пэров вызвало яростные выступления либеральной партии, направленные против палаты лордов. Особенно неистовствовала радикально настроенная часть либеральной партии, так называемые либерал-радикалы. Их признанными лидерами были такие выдающиеся личности как Ч.Дилк и Дж.Чемберлен.

По воспоминаниям современников, никогда еще речи Чемберлена не были столь агрессивными и провокационными, как в летние и осенние месяцы 1884 г., и никогда раньше его влияние в кабинете не было так велико. Отечественный историк Л.Е.Кертман весьма точно отмечал: «Как будто всколыхнулась и выплыла на поверхность вся его долго сдерживаемая ненависть к знати и заставила забыть о своей собственной принадлежности к элите». Лидер либерал-радикалов неоднократно призывал к регулярным политическим демонстрациям, как это происходило во время первого билля о реформе 1832 г.²

На современников речи Чемберлена производили большое впечатление. Он с энтузиазмом говорил и писал о прямой конфронтации с верхней палатой. Четвертого августа, выступая на митинге в Бирмингеме, он напомнил, что накануне парламентской реформы 1832г. планировался поход 100 тысяч человек из Бирмингема в Лондон в Гайд-парк. На этот раз такая мера может потребоваться, чтобы свергнуть власть палаты лордов, которая «защищает каждое злоупотребление и покрывает каждую привилегию, отвергает справедливость и задерживает реформы». К своему восторгу, Чемберлен обнаружил, что народ в Бирмингеме буквально «жаждет крови палаты лордов». Митингующие выкрикивали «Вы уже слишком мягки с ними»³!

Однако, обращаясь к вопросу о денонсации верхней палаты как института, либеральная партия, по мнению современников, загоняла себя в тупик, из которого не было выхода. Так, перспектива роспуска парламента была далеко не самая радужная.

Вместе с этим усилия Чемберлена инициировать беспорядки были губительными и для него самого, и для оппозиции. Его стали обвинять в аморальном поведении и насилии. По свидетельству современников, большая часть населения была озабочена простыми вопросами торговли, сопротивлением вакцинации животных и так далее, находящимися в ведомстве Чемберлена (бывшего министром торговли — Е.Н.), тогда как его волновала только организация митингов⁴.

В октябре волна народного движения поднялась вновь. Шестого октября Национальная Либеральная Ассоциация собралась на ежегодное собрание в Стоке, на котором присутствовал и Чемберлен. Несмотря на настойчивые просьбы королевы Виктории прекратить нападки со стороны либералов на палату лордов, лидер либерал-радикалов заявил: «Должна ли наша отчизна быть управляема народом или пэрами? Должны ли стоять на первом месте права народа или произвольная власть и привилегии?» По данным современников, в митинге участвовало порядка 30 000 человек⁵.

Чемберлен, на митингах и демонстрациях, не уставал подчеркивать, что, по его мнению, за последние тридцать лет палата лордов показала себя совершенно бесполезной. Она не помешала принятию бездарных законов и ни одного не улучшила. Она откладывала меры, которые нужно было немедленно претворять в жизнь. Лорды полностью пренебрегают функцией критики и поправок в работе палаты общин, допуская, чтобы проходили так называемые «ляпсусы». По мнению либерал-радикалов, атмосфера верхней палаты деморализует даже способных политиков, превращая их в обструкционистов⁶.

В итоге, можно резюмировать, что летне-осенняя кампания организованная либералами, особенно ее радикально настроенной частью во главе с Чемберленом, оказала очень сильное влияние на пэров. Последние были вынуждены пойти на уступку и в ноябре 1884 г. билль о расширении избирательных прав стал законом.

Примечания

¹ Reginald, L. Lord Glenshek and the «Morning Post» — L., 1910. — P. 303; Traill, H.D. The political crisis // The Contemporary Review. — 1884. — Vol. 46. — P. 278; English Historical Documents. — L., 1977. — Vol. XII(2) 1874—1914. — P. 34.

² Цит. по: Кертман, Л.Е. Джозеф Чемберлен и сыновья. — М., 1990. — С. 152; Partridge, M. Gladstone. — L., 2003. — P. 177.

³ A Political Memoir 1880-1892 by Joseph Chamberlain. — P. 97.

⁴ Jones, A. The politics of reform 1884. — Cambridge, 1972. — P. 169.

⁵ См. подробнее: The Radical Platform: Speeches by the Righth Hon. J. Chamberlain. MP, Hull, Warrington, Glasgow, Autumn 1885. — Edinburg, 1885; См. подробнее: Mr. Chamberlaines Speeches. — L., 1914. — Vol. 1.

⁶ Brace, J. Do we need a second chamber? // The Contemporary Review. — 1884. — Vol. 46. — P. 720.

О.А. Николаенко

Харьковский национальный автомобильно-дорожный университет, Украина

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС В ПОЛЬСКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX вв.

XIX век считается веком эмансипации, когда угнетенные слои населения активно боролись за свои права. Необходимость решения женского вопроса, т.е. проблемы вывода женщин из приватной сферы, приобщение их к общественному производству, возможности получения образования и т.п., встали перед общественностью России.

Многонациональность Российской империи обуславливала особый подход к решению женского вопроса у подчиненных народов, в том числе и у поляков. Общественность Царства Польского, вошедшего в состав империи после разделов Речи Посполитой, оставалась значимой в политической жизни на протяжении XIX века. Идеи национального освобождения, интенсификации экономической жизни, модернизации общественных структур будоражили умы прогрессивных польских деятелей и влияли на общественную мысль России.

Женский вопрос был актуален и в польских общественных кругах, где его решение имело некоторые особенности, связанные с сильным влиянием католичества и служением женщин во время восстаний опорой семьи и патриотического духа народа. Во второй половине — конце XIX вв. в Польше существовало несколько лагерей общественной мысли — консервативный, либерально-центристский и левый, каждый из которых предлагал свою программу общественного развития, в том числе и решения женского вопроса.

К первому принадлежали т.н. «угодовцы» — консервативные элементы, представленные богатым дворянством и предпринимателями, стоявшими на позиции «угоды» (согласия — О.Н.) с царским правительством. Они предлагали полякам отказаться от идей независимости, и считали, что общество должно развиваться традиционно, т.е. основываться на сильной власти, защите собственности и семьи, поддержке костела¹. Никаких изменений в положении женщины не только не предлагалось, но и не приветствовалось.

Одним из наиболее популярных направлений общественной мысли в конце 60-х—80-х гг. XIX в. был варшавский позитивизм, ставший идеологической основой женского движения в Польше². На страницах позитивистских изданий распространялись лозунги индустриализации страны, внедрения научно-технических достижений в производство, распространения образования и объединения национальных сил ради процветания страны. В системе общественной практики позитивисты поддерживали программу органического труда — развития общества, основанного на легальных действиях в экономической и культурно-просветительской деятельности ради сохранения нации³.

Позитивисты определились в женском вопросе. Еще в 1866 г. на страницах „Przegląd Tygodniowy” появились статьи, поднимающие проблему занятости женщин, причем предоставлялись рекомендации относительно использования женского труда в разных сферах жизнедеятельности.

В 1871 г. Э.Ожешко писала, что «женщина есть прежде всего человек», которая не только имеет равные права с мужчиной, но и должна иметь все возможности для реализации своего личностного потенциала, как в физическом так и в умственном труде⁴. Для позитивистов женщина в современном обществе представлялась жертвой, поэтому они признавали ее равноправие с мужчинами, право на участие в профессиональной деятельности, общественно-политической жизни. Важное значение в решении женского вопроса имело образование, о чем также пишут позитивисты⁵.

В конце XIX ст. позитивистская программа развития общества зашла в тупик. Развитие экономики, модернизация общественной жизни не давала никакой надежды полякам на возрождение государственности. Кроме того, в этот период сформировалось поколение, не пережившее лично ужасных последствий восстания, и для которых повстанцы были героями. Постепенное отрезвление, пришедшее на смену романтическим революционным настроениям, не оправдало надежд польского общества. Поэтому позитивистские лозунги потеряли популярность.

Национально-демократический лагерь главной идеей провозглашал «национальную», т.е. возрождения духовно единой общности — нации. Нация признавалась высшей ценностью, интересы нации — главенствующими, а возрождение национального государства — главной целью⁶.

Деятели национально-демократического лагеря в своих текстах обеспокоены проблемами эксплуатации женского труда вне закона, проституцией и т.д.⁷ Я.Л.Поплавский был противником женского труда, так как он, по его мнению, составлял конкуренцию мужскому⁸. Он настаивал на том, что женщина необходима семье как воспитательница детей, сохраняющая моральный дух семьи. Одновременно было понятно, что женский труд в рабочей среде вызван тяжелым материальным положением и был необходимым условием улучшения материальной ситуации. Именно поэтому Я.Л.Поплавский выход видел в устройстве такого общества, где труд работника будет вознагражден достойным образом и будет обеспечивать семью⁹.

Таким образом, лишь немногие прогрессивные польские деятели либерального крыла признавали право женщин на эмансипацию. Как консервативный, так и национально-демократический лагеря женский вопрос решали в русле собственных политических идей и интересов.

Примечания

¹ Ludwikowski R. Główne nurty polskiej myśli politycznej 1815—1890. — W., 1982. — S. 193.

² Душенко, К.В. Из истории польской буржуазной общественной мысли. Варшавский позитивизм в 1866—1886 гг. Автореф. дис. канд. ист. наук. — М., 1977. — С. 4.

³ Kieniewicz, S. Problem pracy organicznej (1840—1890)// VIII powszechny zjazd historyków polskich w Krakowie 14—17 września 1958. Referaty i dyskusja. — Z. 4. — Warszawa, 1960. — S. 168—204.

⁴ Orzeszkowa, E. Kilka słów o kobietach. — Warszawa, 1871.

⁵ Świętochowski, A. O średnim wykształceniu kobiet // „Przegląd Tygodniowy”. — 1873. — № 14—19; Świętochowski, A. O wyższym wykształceniu kobiet. // „Przegląd Tygodniowy”. — 1874. — № 1—9.

⁶ Górna, A., Paterczyk, Z., Wartel, Z. Główne nurty polskiej myśli politycznej (od konca XIX do połowy XX w.). — Poznań, 1988. — S. 18.

⁷ Nieborski J. Z kraju // Głos. — 1887. — № 20, 46.

⁸ Zurawicka, J. Głos wobec kwestii robotniczej (1886—1900)// Studia z dziejów myśli społecznej i kwestji robotniczej. — Warszawa, 1964. — S. 211.

⁹ Kulak, T. Jan Ludwik Poplawski- biografia polityczna. — Wrocław, 1989. — S. 112.

МИСТЕРИИ ЭЛЕВСИНА В СТРУКТУРЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Приступая к рассмотрению Элевсинских мистерий, следует отметить, что они играли важную роль не только в религиозной, но и в нравственной жизни Древней Греции. Некоторые исследователи полагают¹, что в Элевсине явно превалировал обряд, а нравственные и мистические элементы были оттеснены на задний план, поэтому форма мистерий оказалась самодовлеющей. Другие считают², что Элевсинский культ был связан с определенным религиозно-нравственным учением, которое отвечало на запросы духа лучше, чем религия Олимпа. Третьи говорят о большем влиянии мистерий в честь Деметры на политическую жизнь греков, чем на их нравственные убеждения³.

Впервые главная идея Элевсинских мистерий — обещание счастья после смерти тем, кто принял посвящение, встречается в гомеровском гимне к Деметре⁴. Культ Деметры как богини земледелия существовал уже в догомеровское время, раньше, чем были установлены сами мистерии. Учение о владычестве Кору в царстве теней встречается в «Илиаде» и «Одиссее». Миф о похищении ее Плутоном был известен Гомеру и, несомненно, Гесиоду. Но мистерий в Элевсине тогда еще не существовало.

В Элевсинских мистериях впервые появляется оптимистический взгляд на состояние человека после смерти. Кроме учения о метемпсихозе, в Элевсинских мистериях можно заметить следы учения о временном переходе душ умерших из царства теней в мир живых и о возможности таинственного общения живых и умерших. Н.И.Новосадский, крупнейший исследователь Элевсинского культа, отмечает, что «указанием на это служит праздник *ἀνοδος Κόρης*, ежегодно совершавшийся во многих древнегреческих городах и областях, а также и некоторые обряды малых мистерий»⁵.

Отражение учения о переходе душ умерших в среду живых людей видно в праздновании так называемых черных дней, во время которых, по свидетельству древних лексикографов, души умерших восходили в область света⁶. Эти дни, как считает Н.Новосадский, были днями малых мистерий⁷. Нельзя не заметить этой же идеи и в рассказе гомеровского гимна о временном возвращении Персефоны из царства теней к своей матери.

Но совершенно неизвестно, каким образом души умерших, по представлению древних мистов, входили в общение с живыми людьми — представляли ли их принимающими материальные формы, какую-либо видимую оболочку? Указание на существование у древних греков верования в возможность мертвых принимать на время видимые формы, заметно у Филострата⁸, но в этой ли форме проводилось это учение в Элевсине, или там говорилось о возможности

таинственного нравственного общения мертвых и живых⁹ — однозначно ответить невозможно.

«Учение о возможности тесного единения и неразрывности общения между живыми и мертвыми представляло одну из наиболее привлекательных сторон Элевсинских мистерий, которая манила к себе очень многих»¹⁰ — отмечает И. Чистович. Человеку всегда была дорога мысль, что со смертью близких его сердцу существ не порваны навсегда все живые связи с ними.

В «Гомеровском гимне» говорится: «Счастлив, кто это видел. Не прошедший посвящения не удостоится такой участи после смерти, в мрачной тьме»¹¹. Та же мысль, но более отчетливо, выражена и у Софокла. Он пишет, что «видевший мистерии трижды счастлив, когда сходит в загробный мир, ибо только для таких — жизнь, а для прочих все зло»¹².

У веры в то, что посмертная участь будет более счастливой, были древние корни — общераспространенная в мифологическом сознании греков идея о том, что посмертная жизнь есть повторение земной. Это представление отражено, например, в одиннадцатой книге «Одиссеи», где описано путешествие Одиссея в загробный мир. Мисты верили, что в подземном царстве они продолжают празднование мистерий, как это изображают Аристофан и Еврипид¹³. Важно отметить, что такое представление о будущей жизни являлось полной противоположностью темному и мрачному Аиду, в который верили непосвященные.

Особого Элевсинского учения не существовало, а были лишь некоторые простые основополагающие представления о жизни и смерти, символически выраженные в образе нового колоска, прорастающего из старого зерна. И каждое поколение могло интерпретировать их в соответствии со своими настроениями и существующим миропониманием. Именно этим, по-видимому, объясняется такая устойчивость этого наиболее почитаемого культа Древней Греции. Его сила была в тесной связи с глубочайшими чаяниями человеческой души, традиционными мировоззренческими установками архаической культуры.

Примечания

¹ См., напр.: Латышев, В.В. Очерк греческих древностей. — СПб., 1899. — Ч. II. — С. 21—225; Мень, А. История религий. — М., 1992. — Т. IV. — С. 43; Страхов, П. Воскресение. — М., 1916. — С. 57—58 и др.

² См., напр.: Nilsson, M.P. Greek popular religion. — Oxford. 1944. — P. 88.; Кулаковский, Ю.А. Смерть и бессмертие в представлениях древних греков. — Казань, 1898. — С. 80—82; Новосадский, Н.И. Элевсинские мистерии. — СПб., 1887. — С. 17; Чистович, И. Древнегреческий мир и христианство в отношении к вопросу о бессмертии и будущей жизни человека. — СПб., 1871. — С. 56—59 и др.

³ См., напр.: Исаева, В.И. Мистика в Древней Греции // Вопросы научного атеизма. — Вып. 38. — С. 58—60. Существует также точка зрения, что Элевсинские мистерии были институтом коллективной инициации Афинского государства по преимуществу. См.: Элиаде, М., Кулиано, И. Словарь религий, обрядов и верований. — С. 260.

- ⁴ Hymn. In Cer. V. 481 sqq. Ed. A. Gemoll. — Leipzig, 1886.
⁵ Новосадский, Н.И. Элевсинские мистерии. — С. 172.
⁶ Hesych. Plot. vv.4.
⁷ Новосадский, Н.И. Элевсинские мистерии. — С. 175.
⁸ Philostr. V. Apoll. VIII, 12
⁹ Cf. Plat. De legg. XI, 927.
¹⁰ Чистович, И. Древнегреческий мир и христианство в отношении к вопросу о бессмертии и будущей жизни человека. — С. 67.
¹¹ Homeric Hymn to Demeter, vss. 480 и сл.
¹² Fragm. 753 // Nauk A. Tragicorum Graecorum fragmenta, 2nd ed. — Leipzig, 1889.
¹³ Eurip. Hercules furens, vs. 613.

М.Н.Панютина

Ивановский государственный университет

К ВОПРОСУ ТРУДОУСТРОЙСТВА ВЫПУСКНИКОВ ОКСФОРДА И КЕМБРИДЖА В XV ВЕКЕ

История университетов Оксфорда и Кембриджа представляет собой необъятное поле для исследования. Различным аспектам жизнедеятельности прославленных учебных заведений посвящены как монументальные издания, так и бесчисленные отдельные труды. Несмотря на то, что имеет место целый ряд отечественных исследований по данной тематике¹, в совокупности они составляют ничтожно малую долю информации об образовательных центрах такого масштаба.

Первоочередная задача любого учебного заведения — подготовка квалифицированных кадров. Этот эпизод в истории Оксфорда и Кембриджа представляется чрезвычайно интересным. Поэтому мы хотели бы обратиться именно к проблеме трудоустройства выпускников.

Для студентов Оксфорда и Кембриджа в XV веке это был очень актуальный вопрос. В то время церковь на всех уровнях и во всех своих проявлениях являлась главным работодателем для лиц с университетским образованием. Относительно самых верхних ступеней церковной иерархии — должностей епископов и настоятелей кафедральных соборов — оксфордский вклад намного превосходит кембриджский². Оксфордские и кембриджские назначения в первую очередь касались правоведов, оставивших далеко позади богословов и выпускников факультета семи свободных искусств. Имевшие степень по гражданскому праву доминировали над теми, кто специализировался по каноническому, а также по обоим из них³. Рост числа богословов отчасти мог объясняться увлечением Генриха VI теологией. Предпочтение правоведам было восстановлено с 1461 года при Йорках и сохранялось в эпоху Генриха VII⁴.

Оксфордские и кембриджские питомцы пополняли ряды занимавших сеньориальные должности в английских кафедральных соборах и подчинявшихся настоятелям, включая казначеев, наставников, канцлеров и их заместителей, а также пребендариев соборов и епархиальных архидиаконов⁵.

Кроме того, внушительное количество выпускников этих прославленных учебных заведений добивались продвижения по службе в качестве ректоров, викариев, капелланов, священников и представителей коллегиальных церквей. Как отмечает Астон, примерно одна треть кембриджских светских воспитанников могла рассчитывать именно на этот вариант карьеры⁶.

Большинство выходцев из монашеских общин английских университетов возглавили ордена или их подразделения⁷. Высочайшей милостью считалась возможность получить такое образование, и ею награждались наиболее талантливые представители религиозных орденов.

Кроме карьеры на духовном поприще или в качестве школьного учителя, выпускники Оксфорда и Кембриджа, включая монахов, посвящали себя, главным образом, королевской, епископальной, дворянской и папской службе⁸. Как и в случае с епископским и настоятельским саном, правоведа достигали больших успехов в этих четырех областях, чем каноники. Тем не менее, в XV веке кембриджские богословы играли заметную роль при дворе в качестве королевских клириков, а также на дипломатической службе. Другой стезей, привлекавшей непрерывный, хотя и скромный, поток школяров, являлась карьера нотариуса⁹. Последняя была вполне естественной для выпускников по гражданскому или обоим правам. Студенты факультета искусств составляли исключение, и существует лишь несколько кембриджских примеров того, что они становились нотариусами без получения правоведческой степени¹⁰.

В рамках разговора о типичных карьерах питомцев средневековых английских университетов, представляется полезным взглянуть на выпуск двух отдельно взятых колледжей — Кингз-Холла и Нового колледжа. Они трудились в архиве, казначействе, королевском суде и на дипломатическом поприще; были востребованы в качестве придворных королевы, управляющих королевскими владениями, лесничих и судебных уполномоченных; исполняли функции хранителей государственных свитков; один служил лордом-хранителем малой государственной печати; другие — королевскими секретарями; и, наконец, один возвысился до положения лорда-хранителя большой государственной печати Англии¹¹. Представители руководства Кингз-Холла пополнили выдающуюся плеяду государственных и придворных деятелей. Они реализовали себя в качестве секретарей короля, лордов-хранителей малой государственной печати, настоятелей королевской часовни, капелланов короля и королевы, секретарей королевы, парламентских и судебных деятелей, баронов казначейства и королевских дипломатов. Кроме того, двое стали епископами, а один из них, Джеффри Блайт, еще и лордом-председателем суда Уэльса¹².

Таким образом, в XV столетии два старейших университета Англии обеспечивали трудоустройство выпускников в первую очередь в церковной и образовательной сферах, в административном и законодательном аппаратах, а профессиональная подготовка полностью соответствовала требованиям общества на самых различных уровнях.

Примечания

¹ См. Евсеев, В.А. Очерки по истории английского города раннего Нового времени. — Иваново, 2010. — С. 150, 160.

² Cobban, A. The Medieval English Universities Oxford and Cambridge to c. 1500. — Los Angeles, 1988. — P. 209.

³ Aston, T. Oxford's Medieval Alumni // Past and Present. — 1977. — № 74. — P. 3.

⁴ Davies, R. The Episcopate. Profession, Vocation and Culture in Later Medieval England. Ed. C.H.Clough. — Liverpool, 1982. — P. 51—57.

⁵ Aston, T., Duncan, G., Evans, T. The Medieval Alumni of the University of Cambridge. — Past and Present. — 1980. — № 86. — P. 70—76.

⁶ Ibid. — P. 77.

⁷ Ibid.

⁸ Aston, T. Oxford's Medieval Alumni. — P. 29—30.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid. — P. 281—90.

А.Л.Перфильев

Нижневартовский государственный гуманитарный университет

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ МЕЖРОДОВЫХ КОНФЛИКТОВ КАЗАХОВ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX вв.

Казахское кочевое общество было структурировано по кровнородственному, генеалогическому принципу, что выразилось в существовании родоплеменной и жузовой организации. Традиционно казахское общество подразделялось на три жуза: Старший (Улы), Средний (Орта) и Младший (Киши). По отдельному подсчетам, на рубеже XVII—XVIII вв. в состав трех жузов казахов входило около 112 подобных подразделений или кланов¹. Приблизительно, совокупная численность составлявшего эти структурные звенья казахского населения определяется большинством дореволюционных исследований на тот период в пределах 2—3 млн. человек². Эта родоплеменная организация казахов во многих отношениях была той основой, на которой строились взаимоотношения внутри кочевого социума, где главным звеном, связывающим все уровни (жузы, подроды, отделения, аулы), являлся род.

В традиционном казахском кочевом обществе важным механизмом регулирования общественных отношений выступал такой институт обычного права казахов, как барымта (в русских источниках XIX в. — баранта) — насильственный угон скота, как правило, членами одного рода или семьи у другого с целью возмещения убытка или как акт возмездия за убийство, разбой, грабеж и прочие преступления.

Парадоксально, но институт барымты также являлся тем фактором, который цементировал отношения внутри казахских родов, т.к. при существовании коллективной ответственности за проступки отдельных индивидов отвечала вся кочевая группа, причем высшим иерархическим звеном в данном случае выступал род. Как правило, барымта не приводила к крупным межродовым столкновениям, поскольку при разрастании конфликта происходило вмешательство ханской власти. Но при таком положении вещей постоянно существовала угроза нарушения баланса, т.к. если хан не пользовался авторитетом и властью, то переставал играть роль верховной силы, гарантирующей исполнение судебных решений.

С конца XVIII в. происходит усиление межродовых конфликтов, среди причин которых, в первую очередь, необходимо выделить взаимосвязанные между собой процессы перерождения барымты в обыкновенные грабежи и разбой, политическую нестабильность в Степи, обусловленную кризисом традиционного ханского управления, и борьбу за кочевья. Однако, если причины усиления межродовых усобиц казахов в конце XVIII — первой половине XIX вв., в определенной степени представлены в исторической литературе, то сам ход межродовых усобиц, анализ участников конфликтов, особенности проведения набегов, последствия столкновений — эти проблемы практически не затрагивались исследователями.

В ходе проведенного анализа архивных дел с отчетами о барымте и межродовых усобицах было выявлено, что наиболее воинственными родами в Младшем жузе были жагалбайлы (поколение жетеру), адай, жаппас (поколение байулы), шекты, шомакей (поколение алимулы), в Среднем жузе — атыгай, караул (поколение аргын), баганалы, тортоулы (поколение найман), рода из поколения кыпшак. Меньше всего сведений о столкновениях казахов Старшего жуза, т.к. фактическое вхождение его произошло только в 50-е гг. XIX в., когда российская власть в двух других жузах перестала быть номинальной. Но в источниках наиболее часто упоминаются племена дулат, канлы и жалаир.

Наиболее ожесточенные столкновения, длившиеся по несколько десятилетий, зафиксированы между родами кыпчак Оренбургского ведомства и родом атыгай племени аргын Сибирского ведомства (конфликт с 1820 по 1841 гг.), племенем кыпчак и родом жагалбайлы (20—40-е гг. XIX в.), жагалбайлы и аргын, жагалбайлы и жаппас, жагалбайлы и шекты, найман и соседними родами Младшего жуза.

Отметим любопытную особенность, выявленную в ходе исследования — всплеск активности отдельных казахских родов в определенные периоды. Так, пик «воинственности» жагалбайлинцев пришелся на конец 20-х — первую половину 30-х гг. XIX в.; в первой половине 40-х гг. XIX в. наибольшую активность проявляли рода шекты и шомекей, в конце 40-х — начале 50-х гг. XIX в. самыми «беспокойными» проявляли адаевцы, а во второй половине 50-х — начале 60-х гг. XIX в. — найманы.

Необходимо отметить то, что конфликты, причем длительные и кровопролитные, происходили между родами независимо не только от их жузовой, но и племенной принадлежности. Так, жагалбайлинцы, табынцы и таминцы, принадлежавшие к одному поколению (племени) — жетеру, в течении 20-х гг. XIX в. постоянно конфликтовали. В 40-е гг. XIX в. происходили регулярные столкновения между казахами родов шекты, торткара и шомекей, принадлежавших к одному поколению алимулы.

Тем не менее вражда между отдельными родами не препятствовала им объединяться для обороны или нападения на общих врагов. В качестве примера такого союза можно привести события конца 1828 г., когда казахи трех уже упоминавшихся родов — жагалбайлы, табын и тама — объединились в «шайку» до 1 000 человек, и, разбившись на три части, отправились на барымту. В результате этого набега пострадали казахи разных родов всех трех поколений Младшего жуза.

«Воинственность» же родов напрямую зависела от общей численности рода. Жагалбайлинцы, адаевцы, шектинцы, жаппасцы, шомекеевцы, шектинцы, аргыны, кыпчаки были самыми многочисленными в своих поколениях. Зато самые малочисленные рода (толеу, рамадан, ысык, тама и др.) в источниках практически не встречаются, или упоминаются как жертвы нападений более сильных родов.

Другая закономерность, выявленная в ходе анализа межродовых конфликтов, заключается в том, что наиболее беспокойными были рода, кочующие вдалеке от российской границы и укрепленных линий. На это обращали внимание и местные российские власти. В отчете ОПК за 1843 г. указывалось, что «в глубине степи, куда еще не достигают распоряжения и власть начальства, киргизы живут почти в совершенном безначалии, и потому имеют всю возможность производить хищничества и злодейства, к которым они поощряются стигительностью и бедностью»³. Особенно отчетливо просматривается эта тенденция на примере родов табын и тама из поколения жетеру. Всплеск их воинственности пришелся на 20-е гг. — в отчетах местных властей названия этих родов упоминались чуть ли не ежегодно. Однако строительство в 30-е гг. XIX в. со стороны Оренбургской ведомства Новой линии сделало эти рода пограничными, и уже в 40-е гг. в источниках о них говорят, что «они мирно кочуют по линии и между ними русский может ездить безопасно»⁴.

Военно-тактические приемы, применявшиеся при набегах, обуславливались конкретной боевой ситуацией. Во время нападений отряды нападавших старались двигаться скрытно, соблюдая меры предосторожности (ночные переходы, использование пересеченной местности — холмов, гор, оврагов, передвижение, как правило, небольшими отрядами), отсюда в источниках часты упоминания о «неожиданных, внезапных» нападениях.

Во время самого нападения нападающие использовали различные тактические хитрости: быстро и скрытно маневрируя на местности, пускали клубы дыма, разжигали ночью множество костров, тем самым пытаясь внушить противнику мысль о своей многочисленности, изображали ложное окружение и т.д.⁵

При барымте, как и любых военных действиях и походах, строго соблюдались многочисленные «*рымы*» — запреты. По Ч.Валиханову, не употребляли «неблагоприятные» слова, заменяя их подходящими по смыслу (так, вместо «тус» («сходи с лошади») говорили «қон», вместо «байла» («вяжи») — «бекіт» и т.д.), не пели песен, кобылу называли жеребенком, потому что ездить на барымту на кобылах считалось неблагоприятным для успеха и др.⁶

Еще одной характерной особенностью набегов во время межродовых столкновений являлась зависимость их интенсивности от времени года. Военное преимущество перед любым противником кочевники всегда имели в теплое время года, когда лошади после откорма на летних пастбищах были в силе и готовы к дальним и быстрым переходам — главному условию внезапного и удачного набега. С другой стороны, зачастую набеги производились зимой или весной, когда подвергшимся нападению было сложно организовать быстрый отпор нападавшим. В ходе проведенного исследования выяснилось, что наибольшее число взаимных нападений производилось в промежуточные периоды года: весной и осенью. Я.П.Гавердовский в 1804 г. отмечал, что «осень производит невероятный переворот в духе народа, согласующегося почти всегда с действиями природы ... в сие время обыкновенно совершаются главные их баранты»⁷.

Легче всего отогнать скот было ночью. И.М.Казанцев, много лет прослуживший в Оренбургском ведомстве и часто бывавший по служебным делам в Степи, оставил свои наблюдения о характере набегов: «Барантовщики высматривают стада неприятельские, подкрадываются к ним в ночное время и внезапно, с диким пронзительным визгом, кидаются на табуны и угоняют их в свои жилища. Так барантовали малые партии. Но иногда наездничества составлялись из нескольких сот и даже тысяч человек. Тогда нападения были открытые, наиболее в самый знойный полдень, или на рассвете, когда все спит или отдыхает, для того, чтобы застать неприятеля врасплох. Грабительству тут нет предела»⁸.

Чаще всего в набегах участвовали небольшие группы барымтачей, численностью от 20 до 50 человек. Но иногда в набегах участвовали сотни и даже тысячи человек, в ходе таких нападений разорялись целые аулы, гибли десятки

человек, угонялись тысячи голов скота. Наиболее крупный зафиксированный набег, в котором участвовало до 7 000 нападавших, произошел в ноябре 1842 г., когда казахи разных родов под предводительством бия из рода шекты Джанходжи Нурмахамедова и других напали на аулы султанов Апия Юлбарсова, Гумергазы Ширгазыева и ходжи Шукур-алия, кочевавших при реке Сыр-Дарье⁹.

Основными видами вооружений, использовавшихся во внутренних усобицах, выступали камча, курык и сойыл¹⁰. Камча состоит из трех основных деталей — рукоятки, плетения и кожаной соединительной части. Рукоятка представляла собой длинную палку (35—40 см) круглой формы диаметром 1—2 см. Поверхность рукоятки оплетается кожаными ремешками, с помощью которых соединительная часть закрепляется на рукоятке¹¹. Ударом камчи конный воин мог оглушить и повалить из седла всадника, а также наносить смертельные раны на голову. Курык — длинный деревянный шест с прикрепленной на конце и в середине веревкой (арканом) в виде большой петли — был удобным боевым средством для стаскивания противника с седла. Сойыл — длинная массивная дубина.

Как отмечал В. фон Герн, «немало ударов дубинками (сойыл) всегда попадает вору в случае, если его догонят... Часто на долю достигнутого преследователями вора достаются очень сильные удары, последствием коих бывают переломы рук, выбитые зубы и даже глаза, а иногда и пролом черепа, если с размаха сильный удар утолщенным концом палки придется по голове вора, который уже не в силах защищаться от массы преследователей и в особенности, если шапка или толстый платок уже не защищают головы его»¹².

Междоусобицы усугублялись еще и тем, что столкновения зачастую сопровождались неоправданной жестокостью. Ожесточенные межродовые столкновения приводили к многочисленным жертвам, причем не только среди подвергшихся нападению, но и со стороны нападающих, т.к. зачастую, несмотря на традицию внезапного нападения, жертвам набегов удавалось организовать отпор и даже преследование барымтачей.

Основным видом добычи в ходе нападений являлся скот, при этом нападавшие, как правило, захватывали лошадей, которых можно было быстро отогнать на дальние расстояния, не опасаясь преследования. По этой же причине реже захватывался мелкий рогатый скот, который было проблематично быстро отогнать на безопасное расстояние. Случаи угона крупного рогатого скота зафиксированы только в делах о нападениях на казахов, занимавшихся земледелием или полукочевым хозяйством.

Почти весь скот, захваченный во время нападений, по сообщениям Я.П.Гавердовского, «дабы не отняли у них его обратно другие партии», убивался, остальной же выменивался на зимние «съестные запасы и вещи для убора»¹³. При дележе захваченного в ходе барымты имущества наибольшую часть получали отличившиеся батыры, но «до общего раздела» дележ запрещался¹⁴.

Следует указать, что огромное количество столкновений сопровождались большим количеством раненых и искалеченных. При этом в источниках сохранились сведения лишь о наиболее значительных усобицах, которые попали в поле зрения колониальных властей; о многих мелких межродовых стычках местные власти даже не узнавали.

Внутренние усобицы стали одной из самых крупных проблем казахского общества первой половины XIX в. Конфликты носили зачастую затяжной и ожесточенный характер, сопровождались многочисленными жертвами и огромным материальным ущербом в виде угнанного скота. В казахском кочевом обществе крупные межродовые конфликты всегда решались на народных собраниях по обычному праву, контроль же за выполнением судебных решений биев возлагался на ханов. Но с ослаблением ханской власти значение и роль этих съездов резко упали: решения этих собраний уже никем не выполнялись, т.к. отсутствовала реальная сила, которая смогла бы выступить гарантом исполнения «мировых» решений, а механизмов регуляции общественных отношений на межродовом уровне без участия третьей, «судейской» стороны кочевое общество предложить не смогло. Такой третьей стороной стала Россия, которая начала активную борьбу с беспорядками в Степи и стала решающей силой при урегулировании межродовых конфликтов казахов.

Примечания

¹ Султанов, Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. (Вопросы этнической и социальной истории). — М., 1982. — С. 25.

² Левшин, А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. — Алматы, 2009. — С. 288; См. также: История Казахстана с древнейших времен до наших дней в 5 тт. — Алматы, 2000. — Т. 3. — С. 97.

³ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). — Ф. 1291. — Оп. 81. — Д. 183 а. — Л. 14 об.—15.

⁴ Бларамберг, И.Ф. Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды. — СПб., 1848. — Т. XIV. — Ч. 2. — С. 95.

⁵ Кушкумбаев, А.К. Военное дело казахов в XVII—XVIII веках. — Алматы, 2001. — С. 106—107.

⁶ Валиханов, Ч.Ч. Следы шаманства у киргизов // Валиханов, Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. — Алма-Ата, 1985. — Т. 4. — С. 62—63.

⁷ Гавердовский, Я.П. Обзорение Киргиз-Кайсацкой степи (часть 2-ая) или Описание страны и народа киргиз-кайсацкого // История Казахстана в русских источниках XVI—XX вв. — Алматы, 2007. — Т. V. — С. 426.

⁸ Казанцев, И.М. Описание киргиз-кайсака. — СПб., 1867. — С. 40.

⁹ РГИА. — Ф. 1291. — Оп. 81. — Д. 183 а. — Л. 22 об.—23 об.

¹⁰ Кушкумбаев, А.К. Военное дело казахов... — С. 64.

¹¹ Курьлев, В.П. Оружие казахов // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана (сборник музея археологии и этнографии). — Л., 1978. — Т. 34. — С. 8—10.

¹² Герн, В.К. Характер и нравы казахов (этнографические заметки). — Караганда, 1995. — С. 20.

¹³ Гавердовский, Я.П. Обзорение Киргиз-Кайсакской степи ... — С. 431.

¹⁴ Казанцев, И.М. Описание киргиз-кайсаков... — С. 40.

О.А.Покудов

Нижевартровский государственный гуманитарный университет

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИЛЫ «НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ» БИСМАРКА В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

В условиях обострения экономических проблем имперским властям приходилось реагировать на задачи вызванные кризисом и требующие разрешения. Но повседневные проблемы не затмили реализацию главной задачи экономического объединения Германских государств. Германский рейхстаг, имперское правительство во главе с Бисмарком в 1874—1878 гг. оставались на либеральных позициях в своей экономической деятельности. Экономический кризис заставил переосмыслить взгляды на основные принципы организации хозяйственной деятельности политические силы Германии. Имперские власти в лице президента имперской канцелярии Р.Дельбрюка, министра финансов Пруссии О.Кампгаузена оставались верны либеральным принципам экономического развития. Они своими действиями, в своих речах перед депутатами рейхстага демонстрировали преданность фритредерству. Высшие государственные чиновники до своей отставки определяли экономическую политику имперских властей. Обсуждая проблемы введения золотого стандарта в империи, министр финансов прусского правительства, Кампгаузен 26 января 1875 года оценил ситуацию, связанную с кризисными явлениями в экономике Германии. По его мнению, причинами такой ситуации стал рост цен, перепроизводство товарной продукции, неожиданное увеличение производства после войны. Как истинный приверженец смитианства, он видел выход из кризиса в самой экономике¹. Перед своей отставкой в 30 января 1877 году Кампгаузен при обсуждении бюджета заявил о продолжающемся кризисе перепроизводства и кредитных проблемах, вызванных учредительной горячкой. Выход из кризиса был сопряжен с отдельными решениями в области финансовых проблем. Министр финансов считал важными решения правительства по упорядочиванию кредитных отношений. Он высоко оценил отмену таможенных пошлин, оказывающих влияние на механизацию сельского хозяйства². Положение Кампгаузена казалось прочным. Но будучи верным, своим взглядам и политической партии национал-либералов прусский министр финансов выступил против важнейшего для Бисмарка решения о передаче в руки империи железных дорог. Он считал такое решение не

своевременным. Кампгаузен в речи о необходимости передачи железных дорог остро поставил вопрос: «Есть ли необходимость в передаче империи железных дорог». Своими заявлениями Кампгаузен подготовил свою отставку. Расхождение Кампгаузена с Бисмарком по закону о налоге на табак привели к немедленной отставке министра финансов. Либералы Германии в 1877 году потеряли имперского руководителя, члена бундесрата, прусского министра.

Канцлер Бисмарк высоко оценивал президента имперской канцелярии Р. Дельбрюка, считая его выдающимся специалистом в области торговли. Дельбрюк вплоть до своей отставки сохранял ведущее положение в имперских исполнительных органах власти. На заседаниях рейхстага он выступал при обсуждении экономических вопросов, отстаивал предложения имперских исполнительных органов. Одним из важных решений имперского чиновника было проведение через рейхстаг закона об отмене таможенных пошлин. Он считал развитие свободной торговли залогом успешного роста экономического потенциала страны. Разразившийся экономический кризис не изменил взглядов Дельбрюка. Президент имперской канцелярии 7 декабря 1875 года на заседании рейхстага выступил с речью, в которой высказал мысль о том, что кризис порожден теми же явлениями что в Англии и Франции. В рейхстаге все чаще раздавались голоса об изменении закона отменившего импортные пошлины на железо и товары из него, консерваторы-депутаты связывали удручающее экономическое положение Германии с манчестерством и фритредерством. Выступления противников отмены таможенных пошлин были направлены против Дельбрюка. Президент канцелярии внимательно отслеживал экономические события, происходящие в мире. По мнению Дельбрюка, положение в Германии было не хуже чем в США или Бельгии. Германия оказалась в кризисе, как и другие цивилизованные страны. Положение германской промышленности не было бы лучше и при сохранении тарифов. Он призывал не менять экономическую политику имперского правительства³. Но положение Дельбрюка оказалось шатким, 31 мая 1876 года он ушел в отставку. Фритредеры потеряли одного из влиятельных руководителей имперских исполнительных органов.

Экономический кризис, разразившийся в Германской империи, постепенно стал катализатором изменений в расстановке политических сил в рейхстаге и имперских органах власти. Прошедшие выборы в империи показали потерю доверия избирателей либеральных партий. В результате выборов 1874 года, партии либерального толка сохранили свое преимущество в рейхстаге, национал-либералы увеличили свое представительство до 150 членов фракции, незначительно выросла фракция партии прогресса до 49 членов. Сократилось представительство консервативных партий, в рейхстаге общая численность консерваторов составила 52 члена. Но такое положение оказалось временным. Пессимизм, сменивший всеобщее ликование после объединения, заставил пересмотреть отношение население Германии к требованиям политических партии. Идея свобода постепенно заменялась на идею патронажа со стороны

государства, отстаивающего консервативными политическими силами. На следующих выборах 1877 года фракция национал-либералов потеряла 32 голоса, а к 1878 году она сократила еще своих сторонников, набрав только 98 мест в верхней палате парламента. Вместе с изменениями в представительных органах национал-либералов менялась экономическая политика имперских властей, менялась идея правительства — либерализм сменялся протекционизмом. Либеральные чиновники оказались не у дел, национал-либералы, потеряв поддержку исполнительных органов, оказались в условиях кризиса. Часть либералов переходила на позиции осуждения крайнего фритредерства, они выступили в защиту протекционистских мер.

Выборы 1876 года оказались переломными. Кризис, разразившийся в Германии, заставил политические партии усилить внимание в своих программах экономическому блоку. Политические партии заявляли о своих экономических требованиях в программах, требуя пересмотра экономической политики.

Партия Прогресса 23 декабря 1876 года при выборах в рейхстаг сделала заявление о том, что единство Германии достигнуто, это единство демонстрируется императором и рейхстагом. Партия заявила о достижениях этого времени — сломе феодальных преград для развития Германии. Но, по мнению партии, в Германской империи сохранялось господство чиновников и безответственность имперского правительства⁴. Прогрессисты остались на позиции либерализма, как в политической, так и экономической сферах.

Национал-либералы, отдаляясь от имперского правительства и канцлера Германии, 26 декабря 1876 выступили с необходимостью пересмотра акционерного законодательства, принятия закона о патентах, который смог бы защитить предпринимателей. Выступая за проведение экономических реформ проведенных правительством в области унификации правительственных учреждений, создании империи, национал-либералы продолжали реализовывать свои идеи вместе с правительством обеспечения экономической свободы в развитии Германии. Национал-либералы в определении экономической политики были едины с канцлером, поддержка большинства парламента позволила провести через рейхстаг важнейшие решения. В 1876 году о национал-либералах прусская газета «Провинциал-корреспондент» писала, что они работают рука об руку с правительством⁵.

Как сообщала газета «Провинциал-Корреспондент» общность между партией прогресса и национал-либералами была лишь в общих лозунгах. Национал-либералы встали на путь государственной деятельности в отличие от прогрессистов. Но и они, не смотря, на различные подходы с партией Прогресса они выступали за ответственность правительства перед парламентом⁶. Бисмарк выступал активно за сохранение положения конституции об ответственности правительства перед императором. В национал-либеральной партии намечались противоречия, которые приведут в последствие к различной оценке экономической политики.

В ходе предвыборной кампании 1874 года, а затем и 1877 г. не обошла экономические проблемы партия центра, обозначив пути экономических решений, необходимых для германской экономики. При выборах в рейхстаг в 1874 и 1877 гг. они заявили об ошибочности либеральной политики, проводимой правительством и большинством в рейхстаге, которое было за национал-либералами. По их мнению, такая политика подрывала существование империи как федерации, они считали необходимым регулирование железных дорог со стороны империи, активное вмешательство государственных органов в экономику. В своей предвыборной программе партия центра критиковала акционерное законодательство, считая, недопустимым отсутствие барьеров в акционерном законодательстве. Грюндерский обман они связывали с возможностями игры на бирже, бесконтрольным возникновением акционерных предприятий. По их мнению, злоупотребления в организации акционерных обществ, «надувательства честной публики» сдерживали развитие среднего класса. Требования реформы ряда экономического законодательства были для партии основным содержанием, стоящим перед рейхстагом в период тяжелого экономического положения империи⁷.

Имперские консерваторы делали так же заявления о политике в области экономики. Они считали политику укрепления германского единства результативной, выступали за реформирование экономического положения страны. Лидеры партии предлагали выработку новых законодательных актов в области акционерного права, унификации железнодорожной деятельности в рамках империи⁸.

Консерваторы в заявлении 1876 года выступили за упорядочивание экономической свободы, требуя устранения поддержки крупного денежного капитала. Свобода, по их мнению, оказалась не без злоупотреблений. Они считали виновниками разразившегося экономического кризиса банковский капитал. Консерваторы выступали с позиции защиты интересов рабочих, потерявших работу в период кризиса, мелкого предпринимателя города и сельскохозяйственного производителя. В 1874—1878 гг. Бисмарк в осуществлении своей экономической политики получил их поддержку.

Национал-либералы поддерживали канцлера в экономической политике во весь очерченный нами период. Первый звонок об изменении отношения к ним со стороны канцлера была отставка Дельбрюка в 1876 году, серьезным движением от либерализма и постепенным сворачиванием новой экономической политики стал уход с поста министра финансов Кампгаузена в 1877 году. Имперское правительство во главе с Бисмарком стало ориентироваться на консервативные партии и их интересы. Партии, находящиеся в оппозиции к национал-либеральному большинству рейхстага, не отказывали в поддержке Бисмарку на всем протяжении 1871—1877 гг. Переход на позиции протекционизма Бисмарка привел консервативные партии к активному взаимодействию с правительством в области экономической политики.

Авторитарные по методам реформы в германской экономике оставались по сути либеральными. Но уже в 1873—1874 году наметились сдвиги в экономической политике. Осенью 1873 года возникла Ассоциация германских производителей железа и стали, объединившись сначала с Ассоциацией по защите экономических интересов Рейнской зоны и Вестфалии а затем с промышленниками Силезии настроенными протекционистки. В 1875 году в германской экономической науке начались дискуссии по введению протекционистских мер. Конгресс немецких экономистов ранее выступающих за свободу и находившихся под влиянием идей А.Смита, стал выступать за пересмотр положений правительством политики фритредерства. Со стороны Вагнера, Шмоллера, Родбертуса раздавались голоса о внимательном отношении к произведениям Листа в которых он высказывался о необходимости использования молодыми государствами мер защиты своей промышленности.

В 1876 году между Бисмарком и либералами нарастало напряжение. Мария фон Бунзен известная своими выступлениями по эмансипации вспоминала: «Он и либералы резко настроились друг против друга»⁹.

По мнению представителей торгового союза, выступивших со своей программой в феврале 1876 года и считавших беспешинную торговлю эффективной, налоговая и экономическая реформы были необходимы. Но при этом они выступили с позиции обсуждения вопроса введения импортных пошлин и налога на потребление, считали неверной позицию предоставления права эмиссии банкам, заявляли об эмиссии только центрального банка, считали необходимой ревизию акционерного законодательства¹⁰.

В 70-е годы имперское правительство имело в лице представителей торговой съезда союзников при проведении экономической политики. Торговые представители, собираясь на свои собрания, давали советы правительству, выступали за проведение экономических реформ. На заседаниях торгового съезда образованного в 1866 выступали известные экономисты и предприниматели — Зоетбеер, Мейер. Они формировали отношение к правительственным реформам. Юлиус Гензель в своей книге «Der Deutsche Handelstag in seiner Entwicklung und Tätigkeit 1861—901», опубликованной в 1901 году, полностью дал характеристику торговому съезду. На заседаниях присутствовали обязательно представители имперского правительства, часто в заседаниях участвовал имперский чиновник Дельбрюк¹¹. Взаимная поддержка для них была очень важна. Руководил заседаниями постоянный комитет, состоявший из 25—0 членов. Члены съезда ставили задачу объединения государства, главным же в их деятельности было создание единого торгового и правового пространства империи. Но с 15 декабря 1878 года представители торгового съезда полностью были отстранены от решения вопросов экономической политики. В 1878 году большое количество членов торгового съезда вышли из его состава и примкнули к союзу образованному Кардоффом. В октябре 1877 года представители Кенигсберга заявили о необходимости пересмотра устава торгового съезда

С 1876 года сформировался союз под руководством Кардоффа, объединивший провинциальные союзы. Союз Кардоффа взял на себя роль торгового съезда.

В 1877 году промышленники стали активно требовать перехода к другим принципам экономической политики, на их стороне оказался император. Но имперское правительство и, прежде всего, Бисмарк оставались на прежней позиции. Бисмарк не спешил. Чубинский указывал, что пересмотр экономической политики требовал от Бисмарка отказа от давно сложившихся представлений¹². 22 февраля 1878 года Бисмарк выступил с заявлением о введении табачной монополии. Это заявление привело к окончательному разрыву Бисмарка со своими соратниками. Кампгаузен подал прошение об отставке. Чубинский считал, что его уход положил начало перетасовке кадров в прусском правительстве. В середине 1878 наметился переход Бисмарка к изменению экономической политики.

В «Вестнике Европы» по поводу отставки Кампгаузена корреспондент писал о тревожности общественного мнения. Среди министров Кампгаузен был, по мнению корреспондента, единственным конституционным министром¹³.

Журнал сообщает о расхождении Дельбрюка и Бисмарка и их расхождении во взглядах не только на вопросы железнодорожного регулирования, расхождение произошло по поводу всей системы экономической политики.

В Германии в период кризиса появились памфлеты с критикой экономической политики. В них раздавались голоса о перекосах экономической политики в ущерб аграрного развития и ремесла и в пользу движимого капитала. Провинции, по мнению памфлетиста, оказались в тяжелом положении, политическая и экономическая жизнь перешла в города. «Крестовая газета» напечатала ряд статей под общим заголовком «Эра Блейхредера, Дельбрюка и Кампгаузена», которые направлены были против банкиров и представителей либерального направления экономической политики. «Крестовая газета выступала за разорвавшееся дворянство¹⁴.

В 1870-е годы против либеральных идей стали выступать рабочие, объединившиеся в 1875 году в единую немецкую социал-демократическую партию. Характеризуя влияния экономического кризиса, автор «Вестника Европы» отмечал рост авторитета социал-демократической партии. Рост авторитета связан не столько с экономическим кризисом сколь с разочарованием политикой национал-либералов¹⁵.

Используя принципы, заложенные в первый период новой экономической политики, имперские власти проводили эластичные решения, что позволяло окончательно сформировать единое экономическое пространство германской империи. 17 октября 1878 года новая экономическая политика Бисмарка прекратила свое существование. Большинство членов рейхстага выступило с заявлением о пересмотре таможенной политики империи. Из 397 членов рейхстага 203 поддержали декларацию о введении импортных пошлин. Выступили за декларацию

представители фракции консерваторов партия, центра, присоединились к ним часть национал-либералов. 12 ноября 1878 года Бисмарк написал в бундесрат сопроводительное письмо, в котором писал о потерях металлургической и текстильной промышленности. Он заявлял о целесообразности отмены решения беспрошленной торговли и повышении тарифов. 15 декабря Бисмарк из Фридрихсруэ направил письмо бундесрату с одобрением пересмотра импортных пошлин. Начиная с отправки Р. Дельбрюка, в отставку имперские власти и канцлер Бисмарк постепенно проявляли крен в сторону свертывания «новой экономической политики». Национал-либералы, поддержав консервативное крыло рейхстага, убили еще находящуюся в пленках свою экономическую политику, которую отстаивали на протяжении десятилетия. Не смотря, на разрыв с либеральной политикой имперские власти сохранили элементы свободы в своей хозяйственной деятельности.

Примечания

¹ Protokolle und Anlagen mit Sach- und Sprechregister und Übersicht über die Geschäftstätigkeit des Reichstags Sitzung 25.01. — 1875. — № 56. — S. 1324—1325.

² Provinzial-Correspondenz. — No. 5. Fünfzehnter Jahrgang. — 31 Januar 1877.

³ Protokolle und Anlagen mit Sach- und Sprechregister und Übersicht über die Geschäftstätigkeit des Reichstags Sitzung 07.12.1875. — № 26. — S. 554.

⁴ Salomon, Felix. Die deutschen Parteiprogramme(Quellensammlung zur deutschen Geschichte), 2. Auflage, Heft 1—2. — Leipzig und Berlin: Teubner, 1912. — S. 16—17.

⁵ Provinzial-Correspondenz. Vierzehnter Jahrgang. — No. 38. — 20 September. — 1876.

⁶ Salomon, Felix. Die deutschen Parteiprogramme(Quellensammlung zur deutschen Geschichte), 2. Auflage, Heft 1—2. — Leipzig und Berlin: Teubner, 1912. — S. 20—21.

⁷ Salomon, Felix. Die deutschen Parteiprogramme(Quellensammlung zur deutschen Geschichte), 2. Auflage, Heft 1—2. — Leipzig und Berlin: Teubner, 1912. — S. 23—24.

⁸ Salomon, Felix. Die deutschen Parteiprogramme(Quellensammlung zur deutschen Geschichte), 2. Auflage, Heft 1—2. — Leipzig und Berlin: Teubner, 1912. — S. 10—12.

⁹ Оргер, Г. Грюндеры и грюндерство. — М.: Прогресс, 1985. — С. 39.

¹⁰ Salomon, Felix. Die deutschen Parteiprogramme(Quellensammlung zur deutschen Geschichte), 2. Auflage, Heft 1—2. — Leipzig und Berlin: Teubner, 1912. — S. 12—13.

¹¹ Gensel, Julius Der Deutsche Handelstag in seiner Entwicklung und Thätigkeit 1861-1901. — Berlin: Heymanns, 1902. — 184 S.

¹² Чубинский, В. Бисмарк. Политическая биография. — М., 1988. — С. 304.

¹³ Там же. — С. 843

¹⁴ Там же. — С. 826.

¹⁵ Там же. — С. 853.

¹⁶ Вестник Европы. — № 5. — 1878. — С. 780.

КОРОЛЕВСКАЯ БИОГРАФИЯ В ТРАКТАТАХ ФРАНЦУЗСКИХ ЮРИСТОВ XVI—XVII вв.

Особое место в достаточно обширном перечне французских эрудитов эпохи Старого Порядка занимает группа правоведов, занятая изучением легитимации королевской власти: ее исторического экскурса, соответствующего церемониала, правовых казусов и аналогий. Среди подобного рода плеяды следует выделить, в первую очередь, Жана Дю Тийе-старшего — представителя достаточно известного ангулемского рода потомственных юристов. Первоначально старший нотариус (*greffier*) Парижского Парламента, секретарь и хранитель его архивов, а впоследствии — глава основанной Франциском I Сокровищницы хартий (*Le Trésor des Chartes*), королевский нотариус и секретарь¹, он является автором значительного количества трудов, главным из которых выступает «Собрание о королях Франции, их короне и доме» (издана спустя 6 лет после смерти, т.е. в 1577 г.)².

Первая часть книги последовательно описывает монархов от Меровингов до Гуго Капета и Генриха II. Вторая посвящена тонкой теме легитимной взаимосвязи династий. Третий, самый значительный, раздел приглашает читателя погрузиться в проблемы происхождения Франции, имен, величия и прерогативы ее королей и королев. Наконец, четвертая часть обращена к описанию коронаций каждого монарха, предваряясь годами его правления (регентства) и последовательной нумерацией. Дю Тийе приходит к выводу, как о специфике инаугурации французских монархов, так и об ее историчности, позволяющей проследить эволюцию не только форм репрезентации королевской власти, но и ее прерогатив.

На основе подобного подхода именно в первой книге автор предпринимает комплексное последовательное описание королевских биографий — одно из первых в практике французского историописания эпохи абсолютизма. Для максимальной наглядности Дю Тийе даже снабдил рукопись, впоследствии врученную им Карлу IX в 1566 г., цветными копиями с деревянных гравюрных портретов французских монархов, снабженные по нижней кромке подлинным воспроизведением королевских печатей. Еще одна заслуга Дю Тийе в поиске оптимального баланса между документальным, официальным и легендарным вариантами жизнеописания все же делает выбор в пользу первоисточников. Изученные им, как он писал, «...документы, призванные послужить истории Франции», призывающие монархию, по его же выражению, к «политическому благоразумию»³, легли в основу последовательного изложения биографий монархов всех династий: от Меровея до Карла IX. Среди привлеченных королевским архивистом бумаг — брачные договоры, завещания, письма, ордонансы, договоры всех видов, доверенности, протоколы сессий Парламента, пожертвования, судебные

приговоры, мирные договоры, папские буллы и распоряжения, индульгенции, дипломатические инструкции и т.д.

Итогом подобной фундированности становится масса биографических уточнений и ревизий: дат и обстоятельств рождения и смерти, инаугурации, легитимности властных претензий, перипетий брачных партий и т.д. Вот несколько примеров: «...старший (из сыновей Генриха I — С.П.) стал королем Филиппом I, посвященным и коронованным в возрасте семи лет по воле отца в день Троицы в 1059 году»⁴; 22 дня августа 1160 года родился король Филипп-Август, коронованный волей отца в День всех святых (т.е. 1 ноября — С.П.) в Реймсе в 1179 году. [...] Женился на королеве Изабелле, дочери графа Генуэзского, и оба они были коронованы архиепископом Санским Ги в день Вознесения 29 мая 1180 года»⁵; «...вторая жена его (Генриха I — С.П.) была королева Анна, дочь короля Георгия (Ярослава Мудрого — С.П.) из Руси, что сейчас Московия, и было у них трое сыновей...»⁶ и т.д. Совершенно документален автор «Собрания...» и по отношению к описанию смерти монархов. Начиная с Пипина Геристальского, не считаясь с этической стороной дела, он бесстрастно уточняет причину — несчастный случай или болезнь: «...Умер (Пипин — С.П.) 24 сентября или в октябре 786 г. от водянки. Похоронен в Сен-Дени»⁷.

Предложенная Дю Тийе линия была продолжена и в XVII в., — в первую очередь, его коллегой по цеху: юристом, архивистом и секретарем, придворным историографом Людовика XIII Теодором Годфруа — автором грандиозного «Французского церемониала» (1649 г.)⁸. Ему предшествовала целая серия собственно исторических трудов, ведущее место в которых занимало жизнеописание монархов. Это история правления Австрийского, Португальского, Испанского домов, Людовика XII и Людовика XIII⁹, а затем — поиск, редактирование и публикация средневековых хроник. Среди них — первое издание «Истории Карла VI» Ж. Жувенала дез Урсина и «Истории Карла VIII» Г. де Жулиньи¹⁰.

Как юрист, Годфруа не может обойти и неприглядные стороны монарших биографий: адюльтеры, разводы, рождение и судьбы бастардов, проявления беззакония и т.п. Более того, автор «Церемониала...» отличается еще большей смелостью и во всех подробностях приводит не только законные с точки зрения династического права прецеденты, но и случаи обратного порядка, практически без всяких редуций. В основе лежало первоначально понятное для правоведа желание уточнения дат антидинастических инаугураций, в результате трансформировавшего в документальное описание их причинно-следственной практики, интегрированной в жизнеописание легитимного монарха, а зачастую — аналогичное исследование по отношению к судьбе узурпатора. Например, герцог Вьеннский Бозон, как выясняет Дю Тийе, незаконно прошел инаугурации — как король Прованса в 876 г. и как король Бургундии в 879 г.¹¹

Общим итогом становится появление и вовсе избегаемых официальным историописанием персонажей французской истории — например, исключенного Ж. Дю Тийе графа Парижский Эда, который также обретает свое место на страницах

«Церемониала...»: его коронация в Компьени в феврале 888 г., совершенная архиепископом Санским Готье и повторная церемония, имевшая место в Реймсе 29 февраля того же года указаны наряду с инаугурацией его брата Роберта I (30 июня 922 г. в Реймсе) и сыновей Ричарда Бургундского Родольфа и Рауля (13 июля 923 г. в суассонском аббатстве Сен-Медар)¹².

Таким образом, развивающийся в эпоху абсолютизма жанр королевской биографии в изложении придворных юристов оказывается лишен ожидаемой официальности и вызванных ею купюр. Напротив, фундированный максимальным количеством источников, он открыл новую страницу в практике французских эрудитов.

Примечания

¹ Ограниченный объемом настоящей публикации, автор полагает возможным сослаться на свои статьи, содержащие более подробный обзор биографии и научного наследия Дю Тийе, равно как и прочих авторов. — См.: Польская С.А. Время власти под властью времени: принцип хронологии королевского правления в трактатах французских юристов XVI-XVII вв. // *Формы и способы презентации времени в истории* / Отв. ред. С.Г.Мереминский. — М., 2009. С. 289—315. Она же. «...Французы на самом деле по происхождению германцы...»: основы национальной истории в описании Жана Дю Тийе // *Терминология исторической науки: историописание* / Отв. ред. М.С.Бобкова, С.Г.Мереминский. — М., 2010. С. 270—288.

² Du Tillet J. *Recueil des roys de France, leurs couronne et maison*. — Paris, 1577.

³ Ibid. — P. 243.

⁴ Ibid. — P. 72.

⁵ Ibid. — P. 95, 101.

⁶ Ibid. — P. 72.

⁷ Ibid. — P. 40.

⁸ Godefroy Th. *Le cérémonial françois*. — T. 1. Contenant les cérémonies observées en France aux Sacres et Couronnements de Roys et Reines, et de quelques anciens Ducs de Normandie, d'Aquitaine, et de Bretagne. Comme aussi a leurs Entrées soulennelles et a celles d'aucuns Dauphins, Gouverneurs de Provinces, et autres Seigneurs, dans diverses villes du Royaume, recueilly par Théodor Godefroy et mis en lumiere par Denys Godefroy. — T. 2. Contenant les cérémonies observées en France. — Paris, 1649.

⁹ Godefroy Th. *De la véritable origine de la maison d'Autriche*. — Paris; 1624. Idem. *Généalogie des ducs de Lorraine*. — Paris, 1624. Idem. *De l'origine des rois de Portugal, issus en ligne masculine de la maison de France, qui regne aujourd'hui*. — Paris, 1614. Idem. *L'ordre et cérémonies observées aux mariages de France, et d'Espagne. A scavoir, entre Louys XIII, roy de France...et Anne d'Autriche, fille de Philippes III, roy d'Espagne, et Elisabeth de France, fille de roy Henry de Grand. L'an 1615*. — Paris, 1627. Idem. *Histoire de Louys XII, roi de France*. — Paris, 1620.

¹⁰ Godefroy Th. *Histoire de Charles VI...par Jean Juvenal Des Ursins*. — Paris, 1614. Idem. *Histoire de Charles VII par Guillaume de Juligny*. — Paris, 1614.

¹¹ Godefroy Th. *Le cérémonial françois*. — T. 1. — P. 110—111.

¹² Ibid. — P. 112—113.

ГОРОЖАНЕ—«ИЗМЕННИКИ» ПЕРИОДА ВОЙН РОЗ: КОЛЛЕКТИВНЫЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

Войны Роз были социально-политическим кризисом в Англии, растянувшимся на 30 лет (1455—1485 гг.). Распространено мнение, что основная его тяжесть легла на дворянское сословие, однако оно требует корректив.

Среди историков встречаются диаметрально противоположные точки зрения по вопросу об участии в Войнах Роз английских городов и влиянии войн на них. Многие исследователи считают, что горожане старались дистанцироваться от активных действий¹, а сам конфликт не оказал глубокого влияния на социальную жизнь общества². Одним из первых это мнение подверг критике американский историк Джон Уинстон, посвятивший проблеме участия английских городов в Войнах Роз специальное исследование³. Уинстон приходит к выводу о том, что роль городов недооценивалась его предшественниками. Население городов не было однородным в своих предпочтениях, оно включало приверженцев разных фракций. Последствия же войн в основном были негативными.

Попытаемся подойти к решению проблемы на одном примере парламентских обвинений в государственной измене (*attainder*). Оно было распространенным в эти годы способом политической борьбы с наиболее активными сторонниками проигравшей партии. Всего в рассматриваемый период подобной санкции подверглось 308 чел.⁴, среди которых представители всех слоев дворянства, духовенства, но также йомены и горожане. Последние составляют самую малочисленную группу, к их числу относятся 23 чел.

Больше всего (по 4 чел.) представителей трех крупных центров — Лондона, Йорка, Саутгемптона. Далее следуют 2 жителя Экзетера. Еще 8 городов представлены единственными своими уроженцами. Причем это не только региональные центры, такие как Шрусбери или Норидж, но также средние и мелкие города (Гримсби, Бурфорд, Чарминстер и др.). Причем трудно выделить какую-то региональную специфику с точки зрения активности горожан в событиях Войн Роз: среди них есть жители центральных, восточных, западных, юго-западных, юго-восточных, северо-восточных городов. Это говорит о том, что кризисом была затронута вся городская система Англии, а не только ее крупный сектор или отдельные территории.

Наибольший интерес представляют биографические данные горожан—«изменников». Тем не менее, из-за ограниченности источников они не всегда достаточны. В ряде случаев известны только имена горожан, упомянутые в «Парламентских Свитках», их происхождение и социальный статус. О других «изменниках» имеются достаточно подробные сведения.

Трое объявленных изменниками горожан были сторонниками династии Йорков. Однако из этого не стоит делать заключение о том, что Ланкастеры пользовались большей популярностью в бюргерской среде. Дело в том, что подавляющее большинство (11 чел.) в рассматриваемой группе составляют те, кто был лишен прав за участие в мятеже против власти Ричарда III в октябре 1483 г. Значительную часть всех мятежников тогда составляли сторонники и приближенные Эдуарда IV, а также выходцы из южных графств, недовольные восшествием на престол Ричарда и монополизацией высших должностей поддерживавшими его северянами. Таким образом, это тоже главным образом были йоркисты, волей обстоятельств оказавшиеся в рядах оппозиции и поддерживавшие в дальнейшем новую династию Тюдоров. Поэтому приверженность той или иной династии была связана не с классовой или сословной принадлежностью «изменника», а с иными, групповыми или индивидуальными факторами.

Социальный статус горожан—«изменников» в «Парламентских свитках» сильно варьируется. В практике составления официальных документов, существовавшей в Англии XV в., было требование указывать ранг и место происхождения или проживания человека. Так купцами названы 4 чел. из рассматриваемой нами группы, представителями ремесленных специальностей — 3 чел. Остальные занимают более высокие ранги социальной иерархии: джентльмены, сквайры, рыцарь и йомен короны. По какой причине эти лица были причислены нами к горожанам? Дело в том, что составители официальных документов указывали самый высокий социальный статус из тех, которыми обладала личность. Однако в позднесредневековой Англии не было редкостью, когда горожане, особенно купцы и представители городского патрициата, удостоивались дворянских званий, не порывая в то же время с родом своей деятельности и социальной средой⁵. Свидетельством же на подлинной социальной принадлежности человека в данном случае является указание на город, а не деревню, поместье или сотню, как место его существования. Именно на основании такого критерия к числу горожан были причислены два человека, чей ранг в источниках не был указан. Связь с городом других «изменников» удалось установить, благодаря обнаруженной биографической информации. К слову сказать, отсутствие таких сведений во многих случаях, скорее всего, привело к занижению доли горожан среди лиц, лишенных актами парламентов гражданских и имущественных прав. Дальнейшие биографические изыскания могут привести к «увеличению» их числа.

Преобладание среди горожан—«изменников» лиц, имеющих дворянские звания, говорит о том, что среди них в основном были представители городской элиты. Это вполне логично, если учесть, что в период политической борьбы и сведения счетов основное внимание привлекали к себе лидеры враждующих партий. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения биографического характера позволяют увидеть карьерный рост некоторых из них. Они происходили в основном из семей, занимающих в их городах довольно высокий статус, являлись владельцами городской недвижимости. Большинство занимали различные

должности в городском (бейлифы, депутаты Палаты общин от городов, мэры) или государственном (сборщики налогов или таможенных пошлин, шерифы) аппарате управления. Уильям Гримсби, сын мэра города Гуллы, сделал карьеру при дворе Генриха VI. В 1455 г. он упоминается как йомен коронь⁶, затем становится сквайром-телохранителем короля и казначеем королевской палаты⁷. После падения режима Ланкастеров Гримсби был лишен своих званий и эмигрировал во Францию. Получив восстановление в правах в 1472 г., вернулся к городской деятельности: в 1477 г. контролер таможни в порту Лондона⁸, в 1478 г. наблюдатель за всеми чиновниками в портах Темзы⁹.

Все горожане были лишены прав за участие в мятеже или сражениях, то есть действительно были активными действующими лицами политической борьбы. Один из них, Джон Фиш, даже был казнен в числе пленников-ланкастерцев, взятых йоркистским военачальником маркизом Монтегю в битве при Хексеме. Любопытно, что в 1461 г. Фиш был лишен прав за участие в битве при Туотоне как портной из Йорка¹⁰. Но в момент казни в 1464 г. он уже назван рыцарем¹¹. Вероятно, он был посвящен в период между этими годами кем-либо из ланкастерских лордов, скрываясь вместе с ними на севере, так как, естественно, не мог получить рыцарское звание официальным путем. Причем посвящение должно было стать именно результатом участия в боевых действиях, хотя в Англии и существовал закон, по которому к рыцарству причислялись лица, соответствующие имущественному цензу в 40 ф. ежегодного дохода. Однако к Фишу, по указанной причине, он не мог быть применен.

Наиболее сложен вопрос о мотивах активного участия горожан в Войнах Роз. Лаконичность официальных источников и отсутствие источников частного характера создают проблему идентификации причин поведения конкретных исторических персонажей низкого или даже среднего социального статуса. Можно предположить, что, по крайней мере некоторыми из них двигали личные связи с представителями политической элиты. Это можно с большой долей уверенности сказать, например, об Уильяме Гримсби или о лондонском купце Джоне Руше, который находился 18 октября 1483 г. в окружении герцога Бэкингема вместе с еще всего тремя людьми — епископом, рыцарем и некромантом¹². Являясь представителями локальных элит, бюргеры несомненно вступали в такого рода отношения¹³. Несомненно, должны были существовать и иные (материальные, идеологические, родственные и т.д.) причины участия горожан, однако о них пока трудно делать какие-либо заключения.

Еще раз подчеркнем, что речь идет главным образом о высших слоях городского социума. Однако действия представителей элиты всех сословий так или иначе всегда закономерно находят в источниках более полное освещение. И все же приведенные факты свидетельствуют о том, что горожане не были сторонниками наблюдателями Войн Роз. Крупный социально-политический конфликт неизбежно затрагивает все уровни социальной структуры общества. А биографическая история позволяет максимально расширить способы изучения механизмов этого влияния.

Примечания

¹ Грин, Д.Р. Краткая история английского народа. — М., 1898. — Вып. 2. — С. 11; Тревельян, Д.М. Социальная история Англии. — М., 1959. — С. 106; Ross, C. *The Wars of the Roses*. — London, 1976. — P. 158, 160; Штокмар, В.В. История Англии в средние века. — Л., 1973. — С. 124.

² Hicks, M. *The Wars of the Roses: 1455—1485*. — Oxford, 2003. — P. 8; Evans, M. *Death of Kings: Royal Deaths in Medieval England*. — London, 2006. — P. 119.

³ Winston, J.E. *English Towns in the Wars of the Roses*. — Princeton, 1921.

⁴ *Rotuli Parliamentorum*. — London, 1832. — Vol. 5 (1439—1468). — P. 349—350, 478—483, 511—514; Vol. 6 (1472—1503). — P. 144—149, 244—251, 276—278.

⁵ Чернова, Л.Н. Правящая элита Лондона XIV—XVI веков. — Саратов, 2005. — С. 317—326. К.Хиллер анализирует биографии трех мятежников 1483 г., жителей Саутгемптона, названных в «Парламентских свитках» йоменом короны, джентльменом и рыцарем (Hiller, K. *Four Southampton Rebels of 1483 (The Richard III Society Web Site)* URL: <http://www.richardiii.net/>).

⁶ *Calendar of the Patent Rolls. 1452—1461*. — London, 1971. — P. 218.

⁷ *Ibid.* — P. 360.

⁸ *Calendar of the Patent Rolls. 1476—1485*. — London, 1901. — P. 38.

⁹ *Ibid.* — P. 101.

¹⁰ *Rotuli Parliamentorum*. — Vol. 5. — P. 477.

¹¹ *Three Fifteenth century Chronicles*. — London, 1880. — P. 79.

¹² *Rotuli Parliamentorum*. — Vol. 6. — P. 245.

¹³ См., например, о такого рода отношениях лондонской купеческой фамилии Сели с приором рыцарей-иоаннитов в Англии Джоном Уэстоном: Hanham, A. *The Celys and Their World. An English Merchant Family of the Fifteenth Century*. — Cambridge, 1985. — P. 10—11.

А.В.Савельева

Нижневартковский государственный гуманитарный университет

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА США В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА Р.ХЕЙСА (1877—1881)

Политическая деятельность Р.Хейса не получила должного освещения в отечественной и зарубежной исторической литературе. Краткий обзор этого вопроса представлен в работах по истории США XIX в.¹ и в исследованиях, посвященных общему анализу политической деятельности американских президентов². В этих работах Р.Хейс характеризуется как либеральный администратор и как завершитель успешной Реконструкции. Эти качества его личности, по мнению некоторых историков, подтверждала проводимая президентом политика, в основе которой лежал тезис о создании условий для окончательного восстановления страны после войны 1861—1865 гг.³.

Р.Хейс начал восхождение по политической лестнице в середине 60-х годов XIX века. В 1864 году он был выдвинут кандидатом в члены Палаты представителей и избран в Конгресс. Никогда не проявлявший активности в выражении антирабовладельческих взглядов, он не симпатизировал ни радикальным республиканцам, ни их жесткой программе Реконструкции. Был переизбран в Палату представителей в 1866 году, но подал в отставку после избрания губернатором Огайо. Прослужив два срока на этом посту (1868—1872), не стал претендовать на третий срок.

В 1875 году по решению партии Р.Хейс был вновь выдвинут кандидатом в губернаторы как единственный республиканец, способный нанести поражение боровшемуся за переизбрание демократу У.Аллену. После победы над этим популярным лидером имя Р.Хейса стало упоминаться в связи с президентскими выборами 1876 года.

В ситуации внутривнутрипартийного раскола кандидатура Р.Хейса на пост президента была выдвинута в качестве компромиссной после того, как более видные претенденты, включая Дж.Блейна, Р.Конклинга и Б.Бристоу, не смогли завоевать поддержки большинства делегатов на национальном съезде 1876 года.

В своем заявлении на согласие быть кандидатом в президенты Р.Хейс обозначил главные темы предвыборной борьбы. Ими стали — необходимость реформ управления с целью ликвидации системы распределения государственных должностей среди сторонников партии, победившей на выборах; создание авторитетных и способных правительств в южных штатах; улучшение школьной системы и решение еще существующего конфликта по поводу бумажных денег или металлических.

Одновременно Р.Хейс объявил, что в случае избрания его президентом по истечении четырех лет не будет баллотироваться на второй срок. За это Р.Хейс оговорил себе больше свободы в проведении реформ управления и широкую независимость от благосклонности влиятельных членов партии. Таким способом он смог вернуть в партию многочисленных либеральных республиканцев, которые откололись в 1872 году.

В итоге Республиканская партия разработала выигрышный вариант предвыборной программы, включавшей в себя три основных пункта: создание условий для непрерывного управления южными штатами, проведение гражданской реформы, стимулирование миграции населения на Восток. Однако проблеме чернокожего населения США должного внимания уделено не было, поскольку она являлась наиболее дискуссионной⁴.

Демократическая партия на съезде, проходившем с 27 по 29 июля 1876 г. в штате Миссури, выдвинула на президентский пост окружного прокурора С.Тилдена (штат Нью-Йорк)⁵.

Предвыборная программа демократов кардинально отличалась от программы республиканцев, поскольку основное внимание они уделили ограничению миграции на Восток и сокращению субсидий для строительства железных дорог⁶.

Главной темой предвыборной борьбы и демократами, и республиканцами был выбран вопрос о коррупции. Демократы обвиняли Р.Хейса в преступлениях, совершенных им во время деятельности администрации У.Гранта. Республиканцы же называли представителей Демократической партии изменниками. В последние дни предвыборной кампании С.Тилдену удалось заручиться поддержкой большинства американцев, и Р.Хейс даже думал, что в сложившейся ситуации проиграет выборы.

Первоначально так и случилось. Когда вечером 7 ноября 1876 года были подсчитаны голоса, то оказалось, что С.Тилден победил с преимуществом в 250 000 голосов и результатом в выборной коллегии 184 к 165.

Однако республиканцы сразу же подвергли сомнению законность результатов голосования в Южной Каролине, Луизиане, Флориде и Орегоне и потребовали назначения арбитражной комиссии. Было приглашено по пять членов Сената, Палаты представителей и Верховного суда, чтобы составить беспримечную в истории Америки комиссию. В нее входили 8 республиканцев и 7 демократов, которые голосовали соответственно их партийно-политической позиции.

Так Р.Хейсу большинством в один голос были присуждены оспариваемые голоса избирателей, и 2 марта большинством в один голос члена выборной коллегии он был объявлен президентом США⁷.

После победы на президентских выборах Р.Хейс начал формировать кабинет министров, в который вошли видные политические деятели США, активно участвовавшие в процессе формирования внутривнутриполитического курса⁸. Самое большое влияние на президента оказывали министр финансов Джон Шерман, министр иностранных дел Уильям Эвертс и министр внутренних дел Карл Шурц.

Основные направления своей политической деятельности Р.Хейс озвучил во время инаугурации 4 марта 1877 г. Важнейший пункт его программы касался продолжения процесса реконструкции Юга. Этот вопрос поднимался президентами, занимавшими пост главы государства после Гражданской войны (Э.Джонсоном, У.Грантом).

Однако Р.Хейсу удалось предложить более развернутый вариант решения данной проблемы, включавший реформирование системы местного самоуправления в южных штатах посредством создания «такого управления, которое внимательно и в равной степени защищало интересы обеих рас..., лояльно и искренне подчинялось Конституции и законам — законам страны и непосредственно законам штатов»⁹.

Следующим этапом завершения Реконструкции, по мнению президента, должно было стать развитие материальных сил южной части страны, которое было прервано прошедшей по ней социально-политической революцией.

Основную роль в проведении данного процесса Р.Хейс уделял национальному правительству, которому необходимо было серьезно позаботиться о южных штатах в справедливых пределах, предписываемых Конституцией, и организовать разумную экономию общественных средств¹⁰.

Р.Хейс вслед за своими предшественниками попытался предложить свои меры для устранения негативных последствий рабства в стране. Он отметил, что «коренной переворот всей системы труда большей части страны и переход 4 млн. людей из состояния рабства в состояние гражданства на основе равноправия с их бывшими хозяевами не мог произойти без возникновения самых серьезных из назревших проблем, которые нужно было решить представителям освобожденной расы, их бывшим хозяевам и федеральному правительству — автору акции освобождения рабов». По мнению президента, именно расовая дискриминация способствовала торможению развития социальной сферы США.

Р.Хейс считал, что необходимо защищать права всех жителей американских штатов любыми конституционными средствами, что следует стремиться к исчезновению расовой линии и различий между Севером и Югом, с тем, чтобы у американского народа был не только объединенный Север или объединенный Юг, но и объединенная страна¹¹.

Р.Хейс последовательно боролся против всех попыток урезать достижения XIV—XV дополнений к Конституции для черного населения.

Начало нового президентства совпало с экономическим спадом, поэтому решение финансовых проблем стало для Р.Хейса первоочередной задачей. В своей инаугурационной речи от 4 марта 1877 г. он отметил, что чувство неуверенности, непосредственно обусловленное неконвертируемостью бумажной валюты и колебаниями ее курса, является одним из самых больших препятствий на пути к экономическому процветанию страны. Он считал, что бумажная валюта, которая может легко и в любое время быть конвертируема в монету, является самой надежной¹².

Вопрос о денежном обращении занимает одно из главных мест в социально-экономической политике государственной власти США в период президентства Р.Хейса. Споры вокруг данного вопроса разделили различные группы американской буржуазии на два больших лагеря: сторонников золотого стандарта, или «дорогих» денег, и защитников «дешевых» денег, под которыми понимались бумажные (гринбэки) и серебряные деньги.

Носительницей идеи золотого стандарта была по преимуществу крупная финансово-промышленная и торговая буржуазия. Социальную опору движения за «дешевые» деньги составляло фермерство, мелкая и средняя сельская буржуазия. Но в защиту их агитировали также и представители некоторых групп промышленной буржуазии.

В широком смысле за «дешевые» деньги выступали те буржуазные слои, которые извлекали экономическую пользу от инфляции. Она же была выгодна владельцам неприбыльных и малоодоходных хозяйств и предприятий. Всем им постоянное возрастание денег в обращении представлялось верным способом увеличения покупательной способности населения, повышения спроса и цен на их товары и оживления деловой активности. Хроническая инфляция облегчала

для них, кроме того, возможность расплаты с долгами: они могли погашать их при помощи все более обесценивающейся валюты.

Легко объяснима особая популярность теории «дешевых» денег среди фермерства: цены на сельскохозяйственные продукты в последней трети XIX в. катастрофически и непрерывно падали, задолженность все возрастала, закладывались и перезакладывались хозяйства. Теория же «дешевых» денег обещала им быстрое повышение цен, облегчение выплаты долгов, освобождение от экономических тягот.

Здесь надо заметить, что еще в годы Гражданской войны сформировалось требование о необходимости расширить выпуск военных платежных средств — «зеленых» долларов. В 1868 году это требование поддержала Демократическая партия, и в течение 1870-х годов его продолжали выдвигать, хотя и безуспешно, «третьи партии». Правительство же — отчасти для покрытия государственного долга, отчасти для обеспечения протекционистских мер во внешней торговле — в 1879 г. вернулось к отмененному в годы Гражданской войны золотому стандарту.

Затем внимание было приковано к возможности расширить денежную массу посредством свободной чеканки серебра. В 1873 г. казначейство прекратило чеканку серебряных долларов, так как коммерческая цена на серебро превысила официальную.

Но в середине 1870-х годов открылись новые серебряные рудники, цена на серебро понизилась, и в обществе раздалось требование возобновить его чеканку. Конгресс уступил под нажимом этих требований, приняв в 1878 г. закон Бланда—Эллисона, который разрешил ограниченную покупку серебра.

Этот закон, представлявший собой компромисс между «твердой валютой» и бумажными деньгами, был принят вопреки вето президента. Это был единственный случай, когда вето Р.Хейса (а он наложил всего 13 вето на проекты Конгресса) Конгресс отклонил.

Вскоре после вступления Р.Хейса в должность президента началась крупная стачка железнодорожников. В условиях экономического спада железнодорожные кампании несли большие потери. Снижение заработной платы вызвало забастовку, которая из Балтимора в Мэриленде быстро перекинулась на 14 штатов.

Девять губернаторов обратились к президенту за помощью. После того как начались насильственные столкновения, Р.Хейс решил направить войска в Западную Вирджинию, Мэриленд, Пенсильванию и Иллинойс. В первый раз армия использовалась против бастующих рабочих. Так как Р.Хейс отказался поддерживать штрейкбрехеров, то большие кровопролития были предотвращены, восстановилось спокойствие.

Р.Хейс пытался осуществлять свою социально-экономическую программу развития США, основанную на реконструкции южных штатов, решении валютного вопроса, предоставлении прав афроамериканцам, реформировании образования.

Президент отмечал, что для процветания как южной, так и любой другой части страны необходимо улучшить интеллектуальное и нравственное состояние американского народа. Всеобщее избирательное право должно опираться на всеобщее образование. С этой целью правительства штатов должны постоянно оказывать свободным школам щедрую поддержку, которая, в случае необходимости, будет дополняться законной помощью от общенациональной власти¹³.

Для более качественной реализации социально-экономической программы президент предпринял решение о проведении реформы государственной службы. Эта реформа, направленная на борьбу с коррупцией, по мнению президента, должна была быть «основательной, радикальной и всеохватывающей»¹⁴.

Р.Хейс считал, что проведение этой реформы позволит выявить ставшие типичными случаи злоупотреблений при распределении должностей и постов. В целях обеспечения гарантий эффективного проведения реформ президент рекомендовал поправку к Конституции, предусматривавшую шестилетний срок президентских полномочий без права переизбрания¹⁵.

Реформу государственной службы президент начал с таможенных органов Нью-Йоркского порта, большинство работников которых были назначены сенатором Р.Конклингом. Преодолевая сопротивление сенатора, президенту удалось поставить во главе этого важного учреждения безупречных, ориентированных на реформы людей. В итоге высокая эффективность деятельности таможенных органов и современный, профессиональный менеджмент стали доказательствами необходимости запланированных реформ¹⁶.

Однако Р.Хейсу не удалось полностью ликвидировать систему покровительства и семейственности при назначении кандидатов на государственные должности. На уровне штатов реформа чиновничьего аппарата вообще потерпела неудачу, поскольку в большинстве североамериканских штатов на влиятельные посты назначались «нужные» политические и общественные деятели.

Не удалось Р.Хейсу решить и другие проблемы страны. Пожалуй, только во внешней политике у Р.Хейса не было особых проблем. Пограничные конфликты, связанные с революционными волнениями в Мексике, были улажены мирным путем. Намерение Франции построить канал через Центральную Америку вызвало в Соединенных Штатах временное волнение, которое быстро улеглось, когда от этого плана отказались.

В крупных городах западного побережья обострились конфликты между большинством белого населения и переселяющимися в большом количестве китайцами, которым в Берлингемском договоре (1868) было предоставлено право неограниченного переселения.

Р.Хейс вступил в переговоры с китайским правительством. Эти переговоры привели к заключению выгодного торгового договора и к «добровольному» самоограничению Китая, который взял на себя ответственность за контроль иммиграционного движения.

Что касается внутренней политики, и, в частности, социально-экономической сферы, то здесь складывалось далеко не все благополучно.

Надежда Р.Хейса на то, что после вывода правительственных войск с Юга страны бывшие виги и часть демократов в южных штатах примкнут к республиканцам или, по крайней мере, будут лояльно относиться к ним, не оправдалась. Даже замещение демократами многочисленных федеральных должностей на Юге не могло ослабить политического напряжения.

Политика Р.Хейса по отношению к южным штатам и его либеральная, направленная на примирение позиция все больше подвергались критике внутри собственной партии. Его обвиняли в ослаблении партии на Юге, возлагали ответственность за потерю гражданских прав, которые после войны были предоставлены афроамериканцам. Хотя Юг постепенно экономически восстанавливался, усиливающееся социальное и политическое давление вызывало миграцию значительной части афроамериканского населения на Север. Настоящее примирение бывших союзных и конфедеративных штатов не состоялось.

И все же, Р.Хейс вошел в историю США как президент, активно и последовательно выступавший за создание авторитетных и способных правительств в южных штатах, за борьбу с коррупцией, стимулирование деятельности американских школ.

Как неоднократно объявлял Р.Хейс, он не пытался остаться на второй срок и активно поддерживал кандидатуру Д.Гарфилда.

Современник Р.Хейса и его друг Гарри Уильямс писал, что Р.Хейс является «странной смесью из идеализма и практической сути». После вихрей Гражданской войны, политического кризиса при Э.Джонсоне и скандалов при У.Гранте в стране при Р.Хейсе наступил некоторый покой. Финансовая политика Р.Хейса содействовала тому, что после пяти лет спада наступило экономическое оздоровление.

В противовес Палате представителей, сначала контролировавшейся демократами, и Сенату, которым во второй половине его президентства управляли демократы, Р.Хейс осознанно укреплял позиции президента в правительственной системе.

Марк Твен считал, что спокойное и незаметное, но истинное величие Р.Хейса со временем бесспорно найдет признание в истории. Сегодня в «оценочной шкале президентов» Р.Хейс занимает свое достойное место. Его политический показатель заключался в способности соединять старые ценности с новыми идеями.

Важную роль на завершающем этапе Реконструкции сыграл и американский Конгресс 45-го созыва, в рамках деятельности которого функционировало три сессии: первая сессия длилась с 15 октября 1877 г. по 3 декабря 1877 г. (50 дней), вторая действовала с 3 декабря 1877 г. по 20 июня 1878 г. (200 дней), третья — со 2 декабря 1878 г. по 3 марта 1879 г.¹⁷

В Сенате в это время заседали 76 депутатов: 40 республиканцев, 35 демократов, один представитель Независимых¹⁸. Палата представителей насчитывала 293 человека: 155 демократов, 136 республиканцев, двух независимых демократов¹⁹.

С конца 70-х гг. самым важным аспектом деятельности Конгресса стало обсуждение проблемы «дешевых» денег. В это время движение за «дешевые» деньги, опиравшееся до того исключительно на фермерство, получило ощутимую поддержку со стороны владельцев серебряных рудников Запада, которые в результате стремительного роста добычи этого металла столкнулись с проблемой явно недостаточного спроса на него. Владельцы серебряных рудников требовали свободной, неограниченной чеканки серебряной монеты. Это требование поддержали и фермеры, и организации Демократической партии в западных штатах.

В 1878 году Конгресс США пошел им на уступки: одобренный обеими палатами Конгресса Билль Бланда-Эллисона стал законом. Он предписывал ежемесячную закупку федеральным правительством серебра на сумму от 2 млн. до 4 млн. долл. для нужд денежного обращения²⁰.

Кроме того, Конгресс 45-го созыва принял закон, согласно которому в оборот вводилась металлическая монета, а не бумажные деньги.

Приоритетом деятельности Палаты представителей и Сената стало обсуждение иммиграционного вопроса. В 1879 году было решено уступить давлению западных штатов и запретить заход в американские порты любого судна, перевозящего более 15 китайских пассажиров²¹. Президент Р.Хейс наложил вето на эти действия как нарушающие международные обязательства США. Но уже на следующий год между США и Китаем был заключен договор, по которому Китай разрешил американскому государству «регулировать, ограничивать или приостанавливать», но не «запрещать абсолютно» иммиграцию китайских рабочих²².

Несмотря на то, что Конгресс 45-го созыва (1877—1879 гг.) не реализовал полностью программу президента, все же его деятельность в социально-экономической сфере способствовала дальнейшему продвижению США по пути прогресса.

Примечания

¹ История США. В 4 т. / Под ред. Г.Н.Севостьянова. — М., 1985. — Т. 2.

² Скорсетц, У. Раттерфорд Б. Хейс (1877—1881). Конец реконструкции // Американские президенты: 41 исторический портрет от Джорджа Вашингтона до Билла Клинтона. — Ростов н/Д, 1997; Согрин, В.В. Основатели США: исторические портреты. — М., 1983; Иванян, Э.А. От Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша: Белый дом и пресса. — М., 1991; и др.

³ Скорсетц, У. Раттерфорд Б. Хейс (1877—1881). Конец реконструкции // Американские президенты: 41 исторический портрет от Джорджа Вашингтона до Билла Клинтона. — Ростов н/Д, 1997.

⁴ Republican Party Platform 1876 [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://americaxix.org.ru>, свободный.

⁵ Democratic Convention 1876 [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.multieducator.com/elections/18764.html>, свободный.

⁶ Democratic Party Platform 1876 [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://americaxix.org.ru>, свободный.

⁷ Presidential Election 1876 [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.multieducator.com/elections/1876.html>, свободный.

⁸ Официальный сайт Национального архива США [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.archives.gov>, свободный.

⁹ Inaugural Address of Rutherford B. Hayes [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.yale.edu/lawweb/avalon/presiden/inaug/hayes.htm>, свободный.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Скорсетц, У. Раттерфорд Б. Хейс (1877—1881). Конец реконструкции... — С. 281.

¹⁷ Session Dates of Congress [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://clerk.house.gov>, свободный.

¹⁸ Party Division in the Senate, 1789-Present [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.senate.gov>, свободный.

¹⁹ Party Divisions of the House of Representatives (1789 to Present) [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://house.gov>, свободный.

²⁰ История США / Под ред. Г.Н.Севостьянова. — М., 1985. — Т. 2. — С. 49.

²¹ Forty-fifth Congress. Debates and Proceedings [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://loc.gov>, свободный.

²² Тен, В.А. Иммиграционная политика США в XVII—XX вв. Краткий исторический очерк. — М., 1998.

Н.М.Савченко

*Могилевский государственный университет им. А.А.Кулешова,
Республика Беларусь*

ПАРТОКРАТИЯ, КЛИЕНТЕЛИЗМ И ПРОБЛЕМА ФИНАНСИРОВАНИЯ ПАРТИЙ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КРИЗИСА ПЕРВОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В начале 1990-х гг. в Италии разразился острый политический кризис, в результате которого рухнула прежняя партийная система. Вместе с политической элитой, возглавляемой христианскими демократами (ХДП) и пребывавшей у власти без перерыва с 1945 г., пала и избирательная система, которая гарантировала

неизменный характер этой элиты. Анализ причин политического кризиса и краха Первой Итальянской республики не может проводиться без обращения к вопросу о финансировании партий. Эта система издавна вызывала нарекания, но, по сути, мало отличалась от существовавших в других странах. Однако она дала сбои, когда к концу 1980-х — началу 1990-х гг. подкуп и коррупция достигли угрожающе огромных размеров.

Промышленная холдинговая компания ИРИ, созданная во времена фашизма, занимала центральное место в патронажном аппарате Первой Итальянской республики. Тот факт, что ведущие представители ХДП занимали посты в ключевых министерствах, дал возможность укрепить связи партии с важными социально-экономическими силами. Конфиндустрия, Колдиретти (национальная конфедерация непосредственных производителей сельхозпродукции) и МКСП (международная конфедерация свободных профсоюзов) стали мощными клиентскими группами на службе ХДП.

Партократия (*partitocrazia*) переросла в систему злоупотреблений и неконтролируемую систему патронажа. До 1994 г. политические назначения производились в каждом секторе итальянской экономики, от высших дипломатических постов до должностей в других областях. Партия, получавшая большинство голосов, раздавала значительное количество рабочих мест и услуг. Система патронажа, названная *lottizzazione* (выдвижение на руководящую должность в соответствии с политическими критериями), работала так же. Этот особый сорт коррупции назывался *кlienтелизм*. Он являлся неотъемлемой частью послевоенного порядка и процветал еще столетие назад. Клиентелизм стал системным в середине 1950-х гг., когда ХДП больше не могла полностью полагаться на антикоммунизм, чтобы выиграть выборы, а также хотела некоторой независимости от церкви. Ее решение состояло в том, чтобы покупать поддержку, забывая государственные ресурсы и направляя их своим избирателям¹. Должностные лица обычно снимали от 2 до 14% с правительственных контрактов, подписанных промышленными предприятиями государственного сектора, и за каждую из коммунальных служб, от аэропортов и больниц до театров и приютов². Некоторые фракции и представители ХДП связались с мафией и торговали степенью безнаказанности в обмен на голоса³. Так как клиентелизм существовал на законных основаниях, и не было альтернативного правительства, чтобы заменить ХДП, процесс продолжался и укреплялся. Политические деятели чувствовали полную уверенность в своей вседозволенности, а люди понимали, что им придется иметь дело с этими политиками и ими подобными в течение неопределенного периода. Количество итальянцев, имевших личные отношения с избранными политиками, составляло, по крайней мере, 20—25 млн.⁴ Широта этих отношений между политическим классом и населением — важный элемент для объяснения стабильности системы тайной политической деятельности.

Защитой от такого распространяющегося вмешательства государства в экономику в большинстве современных демократий является деловое сообщество

и его политические союзники. Однако послевоенная итальянская промышленность была настолько ослабленной, что нуждалась в протекции, контрактах, помощи во взаимоотношениях с рабочими и всех других услугах, которые могло предложить государство. Даже жизнеспособные предприятия заключали сделки с итальянскими партиями. Результатом стала политизация практически всех областей жизни Италии.

Несмотря на свое социальное укоренение и обширное членство, итальянские партии всегда широко критиковались и правыми, и левыми. Впервые избирателям в целом дали возможность выразить свое недовольство на референдуме 11 июня 1978 г. о государственном финансировании политических партий. Итальянцы приняли активное участие в голосовании, однако электорат фактически разделился. Финансирование было сохранено исключительно благодаря избирателям-коммунистам в так называемых «красных областях», движимым необходимостью получить чистые фонды от государства, так как советское финансирование было отменено. И вскоре — в феврале 1980 г. — бюджетная комиссия Сената одобрила предложение правительства об увеличении в два раза (с 45 до 90 млрд. лир) объема финансирования⁵.

Таким образом, клиентелизм глубоко укоренился в политических традициях и являлся прочным механизмом социоэкономической и политической организации общества. Необходимым условием было партийное доминирование над государственным аппаратом. Итальянская партийная система перестала быть чисто политическим явлением. Она пыталась контролировать все сферы — от крупных сделок до повседневной жизни каждого гражданина. И вполне естественно, что недовольство итальянских избирателей нарастало и вскоре прорвалось наружу.

Примечания

¹ Waters, S. "Tangentopoli" and the emergence of a new political order in Italy // *West European politics*. — 1994. — Vol. 17. — № 1. — P. 174.

² Mignone, M.B. *Italy today: at the crossroads of the new millennium*. — N.Y., 1998. — P. 94.

³ McCarthy, P. *The crisis of the Italian state: from the origins of the Cold War to the fall of Berlusconi*. — N.Y., 1995. — P. 3.

⁴ *Deconstructing Italy: Italy in the nineties* / Ed. by S. Sechi. — Berkley, 1995. — P. 82.

⁵ АВР РФ. — Ф 98. — Оп. 63. — Д. 7. — Л. 51.

КОНЦЕПЦИЯ НАРОДНОЙ ШКОЛЫ МАРТИНА ЛЮТЕРА В ГЕРМАНИИ

Для Германии рубежа XV—XVI веков проблема школьного образования и воспитания являлась одной из самых актуальных. Связано это было в первую очередь с теми идеологическими, культурными, социальными изменениями, которые происходили в стране в ту пору. Тогда еще не существовало единой системы образования, хотя отдельные шаги в этом направлении в Западной Европе уже предпринимались в XIII—XIV веках.

Первую ступень образовательной системы в Германии представляли начальные, церковные и городские школы. В свою очередь, городские школы делились на школы латинского или родного языка, в зависимости от того, на каком языке проходило обучение. В начальных школах, где преподавание велось на родном языке, детей обучали чтению, письму и счету. Вторую ступень образовательной системы представляли латинские школы повышенного уровня, которые отличались большим количеством изучаемых предметов и более высоким уровнем обучения. Латинские школы являлись подготовительными для поступления в университет. И, наконец, «высшее», университетское образование составляло третью ступень системы, основы которой формировались с XIII—XIV веков. Однако, несмотря на существование подобных учебных заведений, основная масса населения страны продолжала оставаться вне рамок школьного образования.

Необходимость реформы образования все больше ощущалась в Германии. Развитие гуманизма, его проникновение в университеты привело к первым попыткам реформировать систему школьного образования. Если до второй половины XV в. основное внимание уделялось религиозным предметам, то к концу XV — началу XVI вв. в школы проникает новое, гуманистическое знание. Учителя пытались порвать с постулатами схоластики и утвердить основы гуманистической педагогики, в основу обучения они заложили произведения античных авторов. Круг изучаемых предметов в школах расширился за счет древних языков, философии, диалектики, риторики, поэзии и естественнонаучных дисциплин. По утверждению исследователя Л.Гейгера, «старый метод преподавания был тоже заброшен: доктриналы заместил Донат; ритупляющее умственные способности заучивание наизусть уступило место более сознательному усвоению изучаемого; латинский язык утратил свое первенствующее значение в школьном преподавании, началось изучение и греческого; прежняя грубость в обращении с учениками исчезла».

Реформа школьного образования получила продолжение и в первые годы Реформации. В ходе реформационного движения церковь утратила свое монопольное право на образование, что повлекло за собой упадок университетов и

школ, поскольку учебные заведения перестали финансироваться. Среди населения Германии стали распространяться толки о бесполезности образования. Сторонники Реформации сознавали, что, кроме ниспровержения прежнего, им необходимо создать новый порядок, а это распространялось не только на церковь, социально-экономические отношения и институты власти, но и на систему образования.

Одним из выдающихся реформаторов образования в эпоху Реформации являлся Мартин Лютер. Он посвятил немало своих трудов проблемам воспитания и образования, в частности организации школьного образования, его содержания и методики преподавания. Наибольший интерес среди подобных произведений вызывает «Послание к советникам всех городов земли немецкой о том, что им надлежит учреждать и поддерживать христианские школы» (1524). В данной работе Лютер впервые высказал мысль о необходимости всеобщего начального (школьного) образования. В «Послании...» он продвигает концепцию новой начальной школы, а также представляет программу ее организации. Что же представляла собой «лютеровская» концепция начального образования?

Прежде всего, Лютер отказал церкви в монопольном праве на воспитание и обучение молодежи. Более того, он обвинил духовенство в упадке школ, да и всей системы образования в целом. «Да и чему учили раньше в высших школах и монастырях? Благодаря такой учебе можно было стать лишь ослом, колодой, чурбаном. Можно было проучиться двадцать, сорок лет и не знать ни латыни, ни немецкого. А о гнусной, порочной жизни [старых школ и монастырей], в которых развращалась благородная, несчастная молодежь, я и говорить не буду. Воистину, если бы высшим школам и монастырям суждено было оставаться такими, какими они были до сего времени, а молодежь должна была обучаться и жить как раньше, то я хотел бы, чтобы ни один ребенок никогда ничему больше не учился и оставался бессловесным [неучем]», — утверждал Лютер. Поэтому-то основную роль в организации системы образования и воспитания Лютер отвел светской власти. В то же время он полагал, что в образовательном процессе могли принимать участие монастыри и духовные учреждения, но только те из них, которые прошли через реформационные преобразования.

Мартин Лютер особое внимание уделял вопросу об обязанностях родителей, их роли в воспитании и образовании детей. Он считал, что одной из основных обязанностей родителей, в соответствии с законом Божиим, является обучение и воспитание своих детей. «И действительно, для чего иного живем мы, взрослые, как не для того, чтобы ухаживать за детьми, учить и воспитывать их? Неразумные дети, конечно же, не могут сами учить и содержать себя. Поэтому-то и вверил их Господь нам, взрослым, знающим, что идет им во благо, и строго взыщет с нас за это». По его мнению, пренебрежение воспитанием детей — один из самых тяжелых и страшных грехов. Однако родители в силу различных обстоятельств порой мало внимания уделяют воспитанию и обучению детей.

Поэтому-то городские власти должны взять на себя обязанности по обучению и воспитанию детей и молодежи.

Особое место в концепции народной школы Лютера занимает проблема финансирования и материального обеспечения учебных заведений. Основные средства на их содержание должны поступать, полагал он, за счет секуляризации церковного и монастырского имущества. Кроме этого, сами граждане обязаны оказывать финансовую поддержку школьному образованию. «Также каждому горожанину стоит задуматься: если он раньше вынужден был лишаться значительной части денег и имущества, которые шли на отпущение грехов, мессы, ночные богослужения, монастыри, духовные заведения, поминальные дни, нищенствующих монахов, братства, паломничества и на многое другое, а отныне, благодаря милости Божий, такой разбой [церкви] и пожертвования [верующих] упразднены, то, пожалуй, можно в благодарность Богу и во славу Его часть [прежних пожертвований] отдать на школы, где воспитывались бы бедные дети», — заявлял Лютер.

В основу учебного процесса Лютер положил принцип доступности образования для представителей всех сословий, а также для обоих полов. Ведущую роль среди учебных дисциплин Мартин Лютер отводил изучению древних языков (древнегреческого и древнееврейского). По мнению реформатора, изучение этих языков необходимо для понимания и сохранения Евангелия, а также чтобы лучше изучить родной язык и латынь. В этой связи Лютер утверждал следующее: «Да, если мы недоглядим и упустим изучение языков, то не только потеряем Евангелие, но в конце концов придем к тому, что не сможем правильно говорить и писать ни на латыни, ни на немецком. И пусть здесь послужит нам свидетельством и предостережением злосчастный, горький опыт высших школ и монастырей, в которых не только забыли Евангелие, но и настолько испортили латинский и немецкий языки, что жалкие люди едва не превратились в животных. Они не могут безошибочно изъясняться и писать ни на немецком языке, ни на латыни и, кроме того, почти совсем утратили естественный разум».

Лютер предлагал для изучения в школе довольно широкий круг предметов. «Если бы я мог иметь детей и если бы они у меня были, я бы обучал их не только языкам и истории, но и пению, и музыке, и математике», — писал реформатор. Лютер часто обращался к античному опыту воспитания и образования. Он считал, что благодаря высокому уровню образования в античном мире, «вырастали прекрасно воспитанные люди, способные к любой деятельности».

Лютер также касался вопроса содержания образовательного процесса в школе. По его мнению, образовательная программа должна строиться, исходя из реальных потребностей времени и государства. На наш взгляд, Мартин Лютер являлся сторонником практикоориентированного образования. Лютер указывал на необходимость учета склонностей и способностей ребенка, а также на обязательную смену видов деятельности: «Сейчас другой мир, и все идет по-иному. Я считаю, что мальчику нужно час или два в день учиться в школе,

а остальное время проводить дома, изучать ремесло или то, к чему питает склонность. Все это должно следовать одно за другим, потому что маленьким детям одно занятие быстро надоедает. И, кроме того, пожалуй, в десять раз больше времени, [чем для учебы, работы и разных занятий], у детей должно оставаться для того, чтобы они могли пострелять шариками, поиграть в мяч, побегать, повозиться. А у девочек, которые будут заниматься в школе один час в день, останется еще больше времени для того, чтобы заняться домашним хозяйством, поспать, потанцевать, поиграть». Лютер говорил также о важности игры, как формы организации учебного процесса, которая позволяет сделать изучаемый материал более доступным и понятным ребенку: «Дети испытывают потребность в том, чтобы побегать, попрыгать, что-то смастерить. И было бы нехорошо запрещать им то, к чему они имеют склонность. Почему же не создать такие школы, где все это поощрялось бы? Сейчас, правда, по милости Божией, многое делается для того, чтобы учеба сочеталась с игрой и чтобы дети с интересом постигали языки или другие искусства и историю. [Теперьшняя школа] уже мало напоминает ад и чистилище наших [прежних] школ, где нас мучили склонениями и спряжениями и где мы ничего-ничегошеньки не усваивали из-за розг, дрожи, страха и воплей».

Подводя итоги, можно утверждать, что образование и воспитание детей и молодежи для Мартина Лютера было гарантом успешного развития города и государства в целом. «Благоденствие же города состоит не только в том, чтобы накопить богатую казну, возвести прочные стены, красивые дома, изготовить много огнестрельного оружия и лат, — утверждал мыслитель. — Нет, если всего этого будет много, а владеть всем будут безумные глупцы, то это принесет такому городу величайшее зло и вред. Высшее же, изобильнейшее благополучие, а также процветание и мощь города состоят в том, что он имеет к своим услугам множество чистых, ученых, разумных, почтенных и воспитанных горожан». Мартин Лютер впервые в истории Германии высказал мысль о необходимости введения всеобщего начального образования. В своих сочинениях, касающихся вопросов педагогики, Лютер поднимал проблемы организации школьного дела, выбора содержания образования, форм и методов обучения, указывал на необходимость учета способностей ребенка, на важность практической направленности обучения.

К.В.КИСЕЛЕВ И ПУБЛИКАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИД БЕЛОРУССКОЙ ССР (1953—1964 гг.)

С именем Кузьмы Венедиктовича связаны 22 года истории белорусской дипломатии. Именно он от имени БССР подписал Устав ООН. С 1944 по 1966 г. Киселев возглавлял Министерство (до 1946 г. наркомат) иностранных дел. Имел ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла, был депутатом Верховного Совета БССР и членом ЦК КПБ. К.В.Киселев руководил белорусскими делегациями на двадцати сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. Публикации, осуществленные под его руководством, продолжают оставаться важными источниками изучения внешнеполитической деятельности Белорусской ССР в указанный период¹, и прежде всего потому, что являлись результатом напряженного, квалифицированного, координируемого труда, о чем свидетельствуют также архивные материалы, впервые вводимые в научный оборот².

Дипломатия Белорусской ССР участвовала в подготовке нового издания «Истории дипломатии» и «Дипломатического словаря». На июньском заседании 1957 г. Коллегии МИД Белорусской ССР по предложению К.В.Киселева была создана комиссия (куда вошли также А.Е.Гуринович и В.С.Колбасин) для подготовки соответствующего письма в МИД СССР с предложениями по «Истории дипломатии». Вторую комиссию в составе В.В.Грекова, А.С.Зайцева и Г.К.Новицкого в течение месяца обязали подготовить предложения по «Дипломатическому словарю»³.

Исследователи, занимающиеся изучением внешнеполитической деятельности Белорусской ССР «хрущевского» периода, располагают двумя добротными сборниками документов, появление которых также связано с организаторской деятельностью министра. В 1960 г. издан сборник «Белорусская ССР в международных отношениях», содержащий международные договоры, конвенции и соглашения республики с иностранными государствами, подписанные в 1944—1959 гг. Книга, составленная по проблемно-хронологическому принципу, была подготовлена к печати МИД БССР и Отделом правовых наук АН БССР. Общее руководство работой С.П.Маргунского и А.С.Зайцева осуществлял К.В.Киселев⁴. В 1983 г. состоялось продолжение издания, куда вошли многосторонние договоры, конвенции и соглашения БССР с иностранными государствами за период с 1960 по 1980 г. Руководство проектом сотрудников протокольно-консульского отдела МИД БССР, начатым при К.В.Киселеве, завершил тогдашний министр иностранных дел республики А.Е.Гуринович. Немалый интерес представляют вводные статьи составителей к диалогии, используемой и сейчас как исследователями, так и в учебном процессе⁵.

В 1964 г., к 20-летию создания МИД Белорусской ССР в престижном издательстве «Международные отношения» вышла монография пятнадцати «оперативных работников» МИД Белорусской ССР во главе с К.В.Киселевым, который выступил также в качестве научного редактора. В книге «Белорусская ССР на международной арене» впервые в белорусской историографии на основе несекретных материалов архива министерства, находивших отражение и в периодике, были освещены основные стороны внешнеполитической деятельности республики. Приложение содержит договоры и соглашения, участницей которых являлась республика ко времени выхода издания в свет⁶.

Мартовский номер журнала «СССР» за 1964 г. (издавался на английском языке в Вашингтоне) был почти целиком посвящен различным сторонам жизни Белорусской ССР, в том числе ее роли в международных отношениях. 60 тыс. экз. этого журнала было распространено в США, Швейцарии, Франции и среди иностранных делегаций, находившихся в Минске⁷ — это была действительно мощная идеологическая атака. В течение 1964 г. Представительство Белорусской ССР при ООН в Нью-Йорке разослало более 60 экз. текстов выступлений представителей республики на XVIII сессии ГА ООН, более 100 экз. размноженной на английском языке брошюры о БССР, подготовленной годом ранее Белорусским обществом дружбы и культурных связей с зарубежными странами в немалой степени по инициативе МИД, и другие материалы⁸.

К.В.Киселев участвовал в создании фундаментального труда о деятельности Советского Союза в ООН в первой половине 1960-х гг. В русле советской историографии «холодной войны» на добротном структурированном фактическом материале было рассмотрено участие советской Беларуси в «борьбе за разоружение» и освобождение колоний, ее вклад в развитие международного экономического и культурного сотрудничества в рамках ООН и ее специализированных учреждений. Представленная белорусским министром с позиций апологетики советской внешней политики глава охватывает весь послевоенный период, основана на упомянутой коллективной монографии и документах ООН, но, в отличие от издания 1964 года, имеет подстрочные примечания. В публикации раскритикованы «представители буржуазного права американцы Грин, Бош, Фейган», отрицавшие суверенитет союзных республик⁹, в который глава внешнеполитического ведомства свято верил, хотя и подписывал годовые отчеты в Москву, начинавшиеся похожими абзацами: «Практическая работа МИД Белорусской ССР осуществлялась на основе указаний МИД СССР, Правительства Белорусской ССР и ЦК Компартии Белоруссии»¹⁰.

В 1974 г. вышли «Записки советского дипломата» К.В.Киселева, содержащие многие сюжеты из истории советской дипломатии хрущевской эпохи. Автор отмечает: «Я отнюдь не ставил своей задачей писать историю Организации Объединенных Наций, да это и непосильно для одного человека. Речь пойдет главным образом о проблемах, волнующих и тревожащих человечество и сегодня, о дипломатической борьбе по вопросам войны и мира, о том, как возникла

и к чему привела «холодная война», о друзьях и врагах дела международной безопасности»¹¹ [6, с. 3—4]. И сейчас, но уже с позиций современной историографии «холодной войны», проявляющей интерес к менталитету дипломатов двух «лагерей», это издание, содержащее во многом небанальные факты международной жизни и портреты ее представителей, вызывает несомненный и неоднозначный интерес.

Частично рассекреченные в 1999 г. материалы МИД БССР, прежде всего заседания его коллеги, свидетельствуют, какой кропотливый, многолетний, в основном «вечерний» труд, основанный на романтизме «строителей коммунизма», предшествовал указанным публикациям, а его организатором и координатором выступал Кузьма Венедиктович Киселев.

Примечания

¹ Свилас, С.Ф. Историография и источники по истории внешнеполитической деятельности Белорусской ССР в 1954—1990 гг. / С.Ф.Свилас // Бел. журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2003. — № 4. — С. 40—44.

² Архив Министерства иностранных дел Республики Беларусь. — Фонд 907/3. — Оп. 3; Свилас, С.Ф. О кадровом составе Министерства иностранных дел Белорусской ССР в 1953—1964 гг. / С.Ф.Свилас // Беларусь в современном мире: материалы VIII Междунар. науч. конф., посвящ. 88-летию образования Белорус. гос. ун-та. Минск, 30 окт. 2009 / редкол. В.Г.Шадурский [и др.]. — Минск: Тесей, 2009. — С. 49—51.

³ Архив Министерства иностранных дел Республики Беларусь. — Фонд 907/3. — Оп. 3. — Д. 353. — Л. 44.

⁴ Белорусская ССР в международных отношениях: Международные договоры, конвенции и соглашения Белорусской ССР с иностранными государствами (1944—1959). — Минск: Изд-во АН БССР, 1960. — 1150 с.

⁵ Белорусская ССР в международных отношениях: Многосторонние международные договоры, конвенции и соглашения БССР (1960—1980). — Минск: Беларусь, 1983. — 740 с.

⁶ Архив Министерства иностранных дел Республики Беларусь. — Фонд 907/3. — Оп. 3. — Д. 529. — Л. 14; Белорусская ССР на международной арене / Под ред. Киселева К.В. — М.: Международные отношения, 1964. — 335 с.

⁷ Архив Министерства иностранных дел Республики Беларусь. — Фонд 907/3. — Оп. 3. — Д. 529. — Л. 16.

⁸ Архив Министерства иностранных дел Республики Беларусь. — Фонд 907/3. — Оп. 3. — Д. 529. — Л. 304.

⁹ Киселев, К.В. Белорусская ССР в ООН // Советский Союз и Организация Объединенных Наций (1961—1965 гг.). Ред. В.Д.Израэлян. — М.: Наука, 1968. — С. 457.

¹⁰ Архив Министерства иностранных дел Республики Беларусь. — Фонд 907/3. — Оп. 3. — Д. 253. — Л. 1; Д. 459. — Л. 17; Свилас, С.Ф. Дебаты в Конгрессе США об установлении прямых дипломатических отношений с Белорусской ССР / Свилас С.Ф. // Беларусь в современном мире: материалы VI Междунар. науч. конф., посвящ. 86-летию Белорус. гос. ун-та (Минск, 30 октября 2007) / редкол. А.В.Шарапо, В.Г.Шадурский [и др.]. — Минск: БГУ, 2007. — С. 73—76.

¹¹ Киселев К.В. Записки советского дипломата / К.В.Киселев. — М.: Политиздат, 1974. — С. 3—4.

ДАНИЭЛЬ ДЕФО О ВКЛАДЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЕЙ В РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ЛОНДОНА

XVII — начало XVIII вв. — время стремительного развития социальной инфраструктуры Лондона: появляются новые госпитали, школы, приюты и т.д. Особое внимание власти столицы и ее жители обращали на положение низших слоев. Именно в сфере социальной поддержки нуждающихся вклад лондонских благотворителей оказался наиболее значимым. Даниэль Дефо в одной из глав своего «Путешествия по Англии и Уэльсу», посвященной британской столице, подробно описал некоторые примеры благотворительности. Он насчитал в Лондоне более 20 000 человек, которые постоянно оказывали денежную поддержку нуждающимся. «Ни один город в мире не может похвастаться таким количеством благотворителей»¹ — писал Дефо.

Способы оказания помощи беднякам и нуждающимся были самые разнообразные. Однако наиболее распространена была поддержка больниц, рабочих домов, учебных заведений и сиротских приютов.

Например, Дефо упоминает, что Энн Дакрес и Саттон, жившие еще в начале XVII века на свои средства построили госпитали, где бедняки могли получать всю необходимую им помощь (не только лечение, но и кров и еду). Кроме того, Саттон вместе с госпиталем основал и школу для мальчиков².

Из числа последних крупных пожертвований Дефо упоминает подарок сделанный известным доктором Джоном Рэдклиффом. Он пользовался большим уважением в обществе и благодаря своим талантам стал личным доктором короля Вильгельма и его жены Марии. Рэдклифф завещал часть своего имущества после смерти передать Университету Оксфорда и больнице Св. Варфоломея. Дефо пишет, что по завещанию Оксфордский университет получил 40 тысяч фунтов стерлингов³.

Но, конечно, самым ярким примером щедрости стало основание Томасом Гюи нового госпиталя. Дефо весьма подробно рассказывает о жизни этого человека. Его личность заинтересовала писателя. Т.Гюи был «преуспевающим и бережливым человеком»⁴. Дефо сообщает, что Гюи работал обычным продавцом книг, но благодаря своему уму и с благословения Бога он смог накопить небывалые богатства.

Нужно заметить, что Томас Гюи активно занимался благотворительностью. В 1698 году он открыл небольшой госпиталь для бедных в Стаффордшире. В 1704 году он вошел в Управляющий совет госпиталя Св.Фомы и на свои средства построил дополнительные палаты для больных. А в 1721 году основал свой собственный госпиталь.

Д.Дефо писал свой труд во время строительства нового госпиталя. Он подсчитал, что на обеспечение его всем необходимым будет затрчено 200 000 фунтов стерлингов. Сумма для тех времен довольно внушительная. По проекту Томаса Гюи, который привел Дефо, предполагалось расположить новый госпиталь в двух больших зданиях. Во-первых, здесь должны были разместиться собственно палаты для больных. По плану они должны были вмещать до 400 больных⁵. Во-вторых, — служебные и жилые помещения для персонала и надзирателей.

Кроме средств, затраченных на строительство, Гюи завещал ежегодно выплачивать 400 фунтов в пользу Христианского Госпиталя. А также он пожелал, чтобы часть его сбережений ушла на выплату долгов бедняков, заключенных в тюрьмах Лондона, Миддлсекса и Суррея.

Также благотворители на свои средства открывали школы. По сведениям Дефо, в Лондоне насчитывалось 83 подобных учреждения. Еще одним способом помочь городу было вложение денег в строительство или реконструкцию церквей, пострадавших в Великом пожаре 1666 года⁶.

Говоря о благотворительности нельзя забыть, что свою лепту в это «правое дело» внесли и монархи. Они не только основывали новые госпитали, но и выплачивали определенные суммы на их содержание. В частности Дефо пишет, что Карл I пожертвовал средства на открытие приюта для бедных детей из прихода Св.Мargarиты в Вестминстере⁷. Щедрые пожертвования делала и королева Анна, во время правления которой жил Дефо. Не рассказывая о них подробно, писатель лишь упоминает, что много средств было потрачено ею на восстановление разрушенных во время пожара церквей и на помощь бедным горожанам⁸.

Таким образом, мы видим, что в эпоху Даниэля Дефо благотворительность была своего рода общественным долгом. Каждый уважающий себя владелец крупных капиталов, будь то потомственный дворянин или буржуа из Сити, обязан был делать пожертвования. Конечно, это не было предписано законом (разве что налог в пользу бедных), но этого требовала общественная мораль. Что касается Дефо, то для него такое проявление заботы о попавших в нужду людях было свидетельством нравственного развития общества, утверждения новых моральных ценностей. Он так охарактеризовал свое время: «Этот век породил одни из самых выдающихся деяний общественной благотворительности»⁹.

Примечания

¹ Defoe, D. A tour through England & Wales. — L., 1927. — P. 374.

² Ibid. — P. 373.

³ Ibid. — P. 374.

⁴ Ibid. — P. 371.

⁵ Ibid. — P. 370.

⁶ Ibid. — P. 354, 374.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid. — P. 373—374.

⁹ Ibid.

«МУЖСКОЙ ВЗГЛЯД» НА ЖЕНЩИНУ: ОТНОШЕНИЕ К ВОЗЛЮБЛЕННОЙ В СРЕДЕ ЗНАТИ (ПО ПРОИЗВЕДЕНИЮ ЧОСЕРА «ЛЕГЕНДА О ХОРОШИХ ЖЕНЩИНАХ»)

1. *Актуальность и постановка проблемы.* Гендерная история является сегодня чрезвычайно «популярной» сферой приложения интересов современных отечественных исследователей. При этом, как можно заметить, гендерные историки-медиевисты в большей степени обращались именно к «женской истории»¹. Но важно отметить и то, что помимо так называемых «женских исследований» в рамках гендерного направления, авторы параллельно изучают ряд проблем и так называемой «мужской истории», которая, по утверждению методолога Н.Л.Пушкаревой, возникла одновременно с «женскими исследованиями» и поставила во главу угла многие проблемы, в числе которых и вопрос о мужском брачном поведении, отношении к супруге (в рамках городского и благородного сословий) и т.д.². Нас в данном случае интересует проблема восприятия представителем благородного сословия женщины — своей возлюбленной. Обозначенный вопрос предполагается рассмотреть на материале малоизученного в отечественной историографии произведения английского поэта, Джеффри Чосера (1340—1400)³.

2. *Характеристика источника.* Точное время создания произведения пока не выявлено, большая часть авторов полагает, что, скорее всего, это первая половина 1380-х годов⁴. По жанру данный источник относится к видениям или сновидениям. В произведении «присутствует» Чосер-персонаж как повествователь. Центральными фигурами поэмы являются знатные женщины античного мира с их переживаниями и чувствами⁵. Преимущественно это мифологические героини, в основном греческие (Гипсипила, Медея, Филомела, Ариадна, Филлида, Гипермнестра), большинство которых было предательски покинуто своими неверными возлюбленными: например, Медея и Гипсипила — Ясоном; Ариадна — Тесеем. Стоит отметить, что Чосер, повествуя о благородных женщинах, характеризует мужских персонажей исключительно как непостоянных и неверных в любовных делах. Безусловно, это «заявка» автора вести рассказ именно о верных и честных (собственно поэтому и благородных) женщинах, а так же о коварных «искусителях» — мужчинах выводит исследователя на проблему собственно гендерной позиции автора (Чосера), что в данном случае представляет особую (иную) проблему для изучения. В сегодняшнем исследовании мы ограничимся рассмотрением персонажей греко-римских античных мифов и преданий: Энея («Легенда о Дидоне»), Ясона («Легенда о Гипсипиле и Меее»), Тесея («Легенда об Ариадне») и их отношений с возлюбленными.

3. *Культурно-исторические источники «Легенды».* Важно отметить, что источниковой базой поэмы послужил для Чосера ряд сочинений античных авторов: излагая истории, которые в данном случае будут являться объектом нашего изучения (Дидоны, Гипсипилы и Медеи, Ариадны), Чосер непосредственно ссылается на «Героиды» («Послания») Овидия, а при изложении истории Дидоны также называет «Энеиду» Вергилия как еще один источник заимствования материала.

4. *Возможности изучения проблемы.* Прежде всего, необходимо отметить, что центральной проблемой поэмы является тема женских любовных переживаний, женской верности, а также личной трагедии каждой героини. «Винновниками» трагедии каждой из героинь, по представлению Чосера, явились неверные и лживые избранники. Стоит отметить, что в каждом рассказе-легенде мужские персонажи предстают настоящими «ценителями» женской красоты. Именно внешность становится катализатором их интереса и симпатии. Чосер, с одной стороны, рисует мужских персонажей как знатных, доблестных (в военных кампаниях) рыцарей, не лишенных также мужской привлекательности. С другой, он пытается показать, что, не смотря на наличие влечения у «рыцаря» античного мира к прекрасной Даме (опять-таки античного мира), оно все же преходяще, непостоянно и не предполагает рождение истинно любовных чувств. Именно влечение заставляет рыцаря относительно быстро сблизиться с объектом страсти, но потом также быстро покинуть его. Итак, каковы же возможности изучения отношения рыцаря к своей избраннице: 1) через речи персонажей, адресованные непосредственно женщинам (восхваление их внешности, добропорядочности, милосердия — собственно тех особенностей характера и поведения, присутствующих, со слов Чосера, практически всем героиням; изъявление стремления служить своей даме верой и правдой); 2) через гендерное (в том числе брачное) поведение отмеченных персонажей. Нас интересует непосредственно соотношение словесных форм выражения «мужского интереса» к женщине и реально (практического) поведения уже в рамках самих отношений.

5. *Вывод.* При анализе поставленной проблемы нам необходимо учитывать стремление Чосера «оправдать женщину», охарактеризовав ее исключительно как благородную в любовных делах. В качестве такого оправдания Чосер, очевидно, решил представить ее мученицей и страдальцей по вине выбора ею неверного спутника жизни. Само же отношение знатного мужчины к знатной женщине представлено со слов автора как преклонение перед ее красотой и восхищение ее благочестивым поведением в жизни, с одной стороны, с другой, отношение в браке, либо во время романа можно характеризовать как относительно быстрое охлаждение к объекту страсти с последующим расставанием героев преимущественно по причине удаления «возлюбленного» от своей дамы. Так, образы данных историй во многом схожи с образами средневековых рыцарских романов, где главный герой желает служить своей даме сердца, и в какой-то мере воплощает это в жизни. Но материал «Легенды» позволяет

судить и о том, что очень часто чувства могли иметь лишь словесную форму (как нас убеждает Чосер) выражения. Кроме того, учтем, что подобное отношение рыцаря к своей возлюбленной сугубо индивидуально в данном случае в силу неотъемлемого авторского — чосеровского восприятия самой проблемы, поэтому, очевидно, необходимо учитывать гендерную позицию автора, его отношение к женщине, ее внутреннему миру.

Примечания

¹ См., например, Репина, Л.П. Женщина в средневековом городе // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Феномен средневекового урбанизма. — М, 1999. — Т. 1; Рябова, Т.Б. Женщина в истории западноевропейского средневековья. — Иваново, 1999.; Чернова, Л.Н. Business-women средневекового английского города (на материале Лондона XIV—XVI вв.) // Гендер и Общество в истории. — СПб., 2007. — С. 284—304.; Опиц, К. Женщина в зеркале позднесредневековой агиографии // Женщина, брак, семья до начала Нового времени. — М, 1993.

² Пушкарева, Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. — СПб., 2007. См., например, Репина, Л.П. Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого. — М, 2002.; Крылова, Ю.П. Жоффруа де ла Тур Ландри: «и задумал я написать книгу...» // Гендер и общества в истории. — СПб., 2007. — С. 81—105.

³ Отдельные замечания, связанные с общей характеристикой «Легенды», можно найти в работах Дж.Честертон, Д.Гарднера, С.Ригби; в русскоязычном литературоведении и историографии — А.К.Дживелегова, М.П.Алексеева, А.А.Аникста, уже упомянутой выше Н.А.Богодаровой, М.К.Половой : См., Chesterton, G.K. Chaucer. — London, 1932; Kean, P.M. Chaucer and the making of English poetry. — L., 1972. — Vol. I. Love vision and debate; — Vol. II. The Art of narrative. — L., 1972.; Burlin, R.V. Chaucerian fiction. — Princeton, 1977.; Гарднер, Дж. Жизнь и время Чосера. — М., 1986; Brewer, D. Chaucer: the poet as storyteller. — Hong Kong, 1984. Rigby, S.H. Chaucer in context: society, allegory and gender. — L., 1996. Из русскоязычных: Алексеев, М.П. Указ. Соч.; Аникст, А.А. История английской литературы. — М., 1956.; Дживелегов, А.К. Чосер // file. Lib. Ru.; Полова, М.К. Литературные и философские истоки «Кентерберийских рассказов» Дж.Чосера. — Воронеж, 2003.

⁴ См.: Brewer, D. — Op. cit. — P. 2; Burlin, R. V. — Op. cit. — P. 38; Kean, P.M. — Op. cit. — P. 51; Дживелегов, А.К. — Указ. соч. — С. 10.

⁵ Чосер предлагает читателю 9 легенд о женщинах-правительницах и дочерях правителей и знатных мужей — Клеопатре (The Legend of Cleopatra), Фисбе Вавилонской (Thisbe of Babylon), Дидоне Карфагенской (Dido, queen of Carthage), Гипсипиле и Медее (в одном повествовании — Hypsipile and Medea), Лукреции (Lucretia), Ариадне (Ariadne), Филомеле (Philomela), Филлиде (Phyllis), Гипермнестре (Hypermnestra). См.: The Legend of good women // The Online Medieval and Classical Library // The electronic edition was prepared by Douglas B. Killings 1996; The Legend of good women by Gerard Ne Castro // Maine University at Machias, 2007.

НА СЛУЖБЕ У ПАРТИИ: СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ГДР

Средства массовой информации являются важнейшим инструментом взаимодействия между властью и народом. Они являются уникальным средством формирования политической и правовой культуры граждан, выступающей важнейшим атрибутом гражданского общества. Однако в современной России, где средства массовой информации выполняют скорее не информационные, а пропагандистские функции, ни о каком гражданском обществе, по сути, не может быть и речи. Можно до бесконечности спорить о том, свободны или нет российские СМИ. Так, например, глава ВГТРК Олег Добродеев, недавно заявил, что сегодня «один из самых высоких уровней свободы за историю нашего телевидения»¹. С другой стороны, согласно рейтингу организации Freedom House в отношении свободы прессы в 2010 г. Россия опустилась на 175 место в рейтинге из 195 стран².

Между тем 2010 г. был знаковым для отечественных СМИ — в этом году исполнилось 20 лет со дня принятия закона «О печати и других средствах массовой информации». Данный закон стал, по сути, концом информационной и политической монополии КПСС. Интересно, что данный закон, претерпевший ряд изменений, действителен и до сих пор. Однако о его реальной действенности говорить вряд ли придется. Между тем в истории мы найдем примеры, когда обслуживающая роль СМИ приводила к краху не только сами СМИ, но и государство, которому такие масс-медиа были выгодны. Далеко неслучайно то, что немецкие политологи сравнивают современные ангажированные СМИ России с «Актуальной камерой» — новостной программой, выходявшей с 1952 по 1990 гг. на государственном телевидении ГДР и служившей главным идеологическим рупором СЕПГ. Парадоксально, однако, то, что при всех сходствах, СМИ ГДР были преимущественно государственными, а в России из более 93-х тысяч зарегистрированных СМИ абсолютное большинство (90%) — это негосударственные СМИ.

Сравнивая принципы функционирования СМИ в ГДР и современной России, мы найдем удивительные сходства. В представлении партийных руководителей СМИ являлись инструментами политики партии. По сути, в таком качестве они понимались политическим руководством с самого начала существования ГДР (СОЗ).

История цензуры в ГДР началась сразу после окончания Второй мировой войны. Цензура на территории СОЗ осуществлялась советской военной администрацией. С образованием ГДР началась унификация и национализация СМИ. Тем самым официально цензура была отменена, однако, она на самом

деле она приняла более утонченные формы. Радио, телевидение и пресса в ГДР стали властными инструментами официальной партии СЕПГ и должны были поддерживать ее политическую работу. Статья 27 конституции ГДР от 1968 г. гарантировала каждому гражданину «в соответствии с основными положениями этой конституции, право открытого и свободного выражения собственного мнения»³, а средствами массовой информации отсутствие цензуры. Однако эти «основные положения конституции» закрепляли ведущую роль СЕПГ и принцип демократического централизма. Так, например, в соответствии со ст. 108 УК, имеющей достаточно расплывчатую формулировку, «антигосударственная агитация» и «злоупотребление СМИ в целях распространения буржуазной идеологии» преследовались по закону. Политическое руководство предписывало, какое наполнение должны были получать информационные выпуски газет, радио и ТВ. Подобные предписания из Берлина рассылались главным редакторам и ведущим функционерам местных СМИ агитационным отделом политбюро. Им же осуществлялось ранжирование важнейших политических новостей и статей. Неслучайно среди редакторов газет крылатой стала фраза: «Мое мнение придет в два часа из Берлина». Ослушникам или тем, кто пытался правдиво отразить события в стране, грозил «запрет на профессию» или тюремное заключение в соответствии со статьями о «дискредитировании государства» и «клевете» (ст. 220 УК), «разглашении сведений, являющихся государственной тайной» (ст. 245 и 246 УК).

Подобная политика наиболее ярко отразилась на телевидении. Так, например, одним из главных политических рупоров СЕПГ являлась уже упомянутая ежедневная новостная передача «Актуальная камера», чей главный редактор и шесть его заместителей назначались агитационным комитетом ЦК СЕПГ. Сравнение немецких политологов современных СМИ России с этой передачей является весьма точным. Если посмотреть архивные записи передачи, то российскому зрителю станет очевидно сходство между этой новостной передачей телевидения ГДР и новостными выпусками центральных российских каналов. Основная часть «Актуальной камеры» состояла из подробного отчета о съездах ЦК, партийных съездах СЕПГ, государственных визитах руководства страны, вручении наград, визите функционеров партии на предприятия и социальные учреждения. Кроме того, особое внимание уделялось мнимому улучшению в индустрии и сельском хозяйстве, причем под сомнение никогда не ставилось обязательное выполнение плана. Освещение событий в мире несло ярко политическую и идеологическую окраску. По указанию соответствующих ведомств в программе не находилось места для освещения событий, о которых правительство хотело умолчать. «Актуальная камера» отражала политику СЕПГ, а не реальную жизнь в ГДР. Этот факт, как и ограниченное информационное наполнение «Актуальной камеры», стал главным фактором низкой популярности передачи. В переломном 1989 г. рейтинг программы составил всего 4%. Чтобы получить достоверную информацию граждане ГДР предпочитали смотреть (там, где

это было возможно) телевидение ФРГ. Поскольку этот факт был известен властям, то подобные предпочтения граждан ГДР постоянно критиковались в другой, еще более политически ангажированной передаче «Черный канал».

Как показала история ГДР, подвластные государственной власти СМИ, искажающие действительную картину и служащие для насаждения и пропаганды официальной идеологии, при наличии альтернативных источников информации обречены на вымирание. В ГДР этими источниками стали зарубежные СМИ. Сегодня в России этим источником может стать Интернет.

Примечания

¹ Итоги года с Президентом России // Президент России. 2010. URL: <http://www.kremlin.ru/news/9888> (дата обращения: 29.12.2010).

² Freedom of the Press 2010 Global Rankings // Freedomhouse.org. 2011. URL: <http://www.freedomhouse.org/template.cfm?page=560&year=2010> (дата обращения: 07.02.2011).

³ Verfassung der Deutschen Demokratischen Republik vom 6. April 1968 // documentArchiv.de. 2011. URL: <http://www.documentarchiv.de/ddr/verfddr1968.htm#I> (дата обращения: 07.01.2011).

М.В. Стрелец

*Брестский государственный технический университет,
Республика Беларусь*

ВАЛЬТЕР РАТЕНАУ В ИНТЕРЬЕРЕ РЕАЛИЙ ВТОРОГО РЕЙХА И ПЕРВОЙ ГЕРМАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Выдающийся немецкий еврей Вальтер Ратенау был причастен к трем эпохам в истории его Отечества. Он родился в то время, когда Бисмарк вел войны за объединение Германии, сформировался как личность, солидно профилировал себя в народнохозяйственном комплексе, отлично проявил себя как руководитель ключевого подразделения земельного министерства, снимал проблемные комплексы в научно-технической сфере, обогатил своими публикациями немецкоязычное литературоведение и публицистику во втором рейхе, стал первым в истории Германии евреем, занявшим пост министра иностранных дел, в период существования Веймарской Республики.

Вальтер Ратенау принадлежал к первому поколению немецких евреев, которое начинало свой жизненный путь в условиях, когда эмансипация в отношении данного этноса имела место де юре и де факто. Многие представители настоящего поколения стремились по максимуму использовать возможности, которые

вытекали из этой эмансипации. В. Ратенау представлял ту их часть, у которой подобное стремление принесло наиболее значимые результаты.

Уже в 32 года Вальтер Ратенау входит в состав руководящего органа компании AEG — одного из ключевых сегментов германского народнохозяйственного комплекса. Через три года членство в правлении компании AEG дополняется статусом руководителя влиятельного во взаимоотношениях внутри бизнес-элиты субъекта — Берлинской торговой компании. Последующие пять лет отмечены очередным усилением экономического влияния этой неординарной личности. За эти годы Вальтер Ратенау успел занять относительно не менее ста субъектов хозяйствования такой же статус, как и относительно компании AEG. С 1907 по 1915 гг. он проходит путь от члена Наблюдательного совета компании AEG до президента AEG.

Вальтер Ратенау реализовывал свои деловые качества не только как предприниматель. Будучи с 1914 года руководителем соответствующего подразделения в военном министерстве Пруссии, он делает все возможное для того, чтобы не было дефицита сырьевых ресурсов.

В Веймарской Германии Вальтер Ратенау был активно и целенаправленно задействован как субъект политических процессов. Будучи патриотом своего Отечества, он принимает деятельное участие в разработке адекватной его национальным интересам государственной экономической политики, энергично борется за кардинальное изменение постверсальских реалий касательно Германии.

Конечно, любой субъект политических процессов исходит из того, что политика есть искусство возможного. На Парижской мирной конференции, подводившей черту под Первой мировой войной, германская делегация в одиночестве противостояла всем остальным, которые никак не были намерены учитывать экспертное заключение В. Ратенау. В условиях коллапса народнохозяйственного комплекса у этой неординарной личности была минимальная свобода маневра и в качестве члена Комиссии по национализации, и в качестве министра общегерманского правительства, отвечающего за блок вопросов, связанных с преодолением настоящего коллапса. В. Ратенау был министром иностранных дел страны, находившейся в международной изоляции. Стремясь преодолеть эту изоляцию, он подписал в апреле 1922 года Рапальский договор со своим российским коллегой Г. В. Чичериным. Важно специально отметить, что в данной должности он находился менее пяти месяцев и если бы не было злодейского убийства этого деятеля, совершенного 24 июня 1922 года, то вполне можно предположить, что он смог бы добиться очередных подвижек в направлении выхода его Отечества из международной изоляции.

Судьбу В. Ратенау важно рассматривать в контексте восприятия немецких евреев на уровне массового общественного сознания в их Отечестве. Было ли оно готово адекватно воспринять нахождение евреев во властных структурах, адекватно оценить деятельность евреев на благо германского Отечества?

С точки зрения здравого смысла положительный ответ на поставленный вопрос представлялся вполне логичным. Однако среднестатистический немец был зомбирован антисемитскими заявлениями ряда политиков, которые называли евреев главными виновниками системного кризиса германского общества. Положительный ответ не давался и на протяжении без малого четверти века после убийства В.Ратенау. Хорошо известно, что среднестатистический немец был сильно зомбирован в Третьем рейхе — главным творце и виновнике Холокоста. На этот раз в качестве субъектов зомбирования выступили идеологи национал-социализма.

Принципиально важно отметить, что еврейское происхождение никак не влияло на беззаветное служение Ратенау его Отечеству. Этот человек «не был ни еврейским, ни немецким националистом. Его отношение к национальности человека хорошо видно из следующих строк, написанных в 1918 году в письме его другу Вильгельму Шванеру: «Ты знаешь, как я высоко чту историю и честь моего рода и имени и не признаю никакого ранжирования по крови. Для меня Дух и Душа свободны и нематериальны, они не связаны ни с мясом, ни с кровью»¹.

Примечания

1. Беркович, Е. Плоды еврейской эмансипации: Эмиль и Вальтер Ратенау // Лехаим [Электронный ресурс]. — 2010. — Режим доступа: www.lechaim.ru/ARHIV/...www.vestnik.com/issues/.../berkov.htm. Дата доступа: 28.11.2010.

К.Г.Тебенев

Томский государственный университет

ЭВОЛЮЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ ТОРГОВЦЕВ В ЛИТЕРАТУРНОМ ДИСКУРСЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ

Важнейшей чертой зрелого Средневековья было постепенное накопление новых практик хозяйственной деятельности, а именно торговых¹, которое на протяжении всего периода от падения Рима до появления первых мануфактур определяло вектор развития Запада, включая в торгово-денежные отношения все слои общества. Однако рождение предпринимательского уклада шло неравномерно, в разных странах. Несмотря на схожесть, формирующийся товарно-денежный уклад в разных странах имел свой собственный специфический облик, а также и скорость приращения и культурного санкционирования новых видов деятельности. Англия относится к лидерам процесса Перехода к капитализму. Однако, процесс этот шел не линейно. Если в Новое время она уже

занимает статус «мастерской мира», то еще в XIV веке уступает пальму первенства Италии, где буржуазный уклад зародился ранее, чем в какой-либо из европейских стран. И лишь к исходу XV в. экономика Англии достигает того высокого уровня зрелости, когда на базе товарно-денежных отношений возникает капиталистическое производство².

Как известно становлению нового уклада отчасти препятствовало то, что христианская церковь на религиозно-идеологическом уровне табуировала занятия торговлей. Торговля трактовалась как греховное, дьявольское занятие, а купец как нечестный человек³ [3, с. 49—50]. При этом этика накопительства приходила в столкновение и с идеалами аристократии, для нее доблестью было наглядное и церемониальное распоряжение богатствами, их публичное расточение⁴. Таким образом, купец оказывался в ситуации, когда наработка новых моделей поведения входила в столкновение со старыми идеалами и моральными нормами.

Однако в Англии репрессирование торговли было распространено меньше. Английский писатель аббат Эльфрик в XI веке в своем сочинении «Беседа» не только не осуждает купца, но фактически пытается его оправдать, когда пишет о сложностях его ремесла⁵.

В эпоху развитого Средневековья, в переломном для Англии XIV веке, идея «правильности» торговли, ее богоугодности находит свое более полное воплощение. Так, в середине века была сочинена анонимная поэма «Добрый краткий спор между Накопителем и Расточителем», в котором под первым понимается новый слой купцов, а под вторым — аристократия. Предмет спора — вопрос о том, что лучше — тратить деньги или их копить. Симптоматично, что в этом тексте мы также не найдем однозначной поддержки аристократических представлений о том, как лучше распоряжаться деньгами. Наоборот, спор так и остается незавершенным⁶. Также необходимо подчеркнуть, что для литературы той эпохи не характерно однозначно отрицательно или положительное отношение к торговле и купеческому сословию, что говорить о нерешенности вопроса, как относится к торговцам. Более того, в литературных текстах эпохи можно найти идеи возможности сосуществования двух разных систем ценностей.

Подобные идеи имплицитно содержатся в одном из самых важных произведений эпохи — «Кентерберийских рассказах» Дж.Чосера. При этом, стоит отметить, как сильно отличается лирика английского поэта от лирики Боккаччо, у которого мы увидим законченные максимы, свидетельствующие о более высоком уровне развития товарно-денежных отношений.

В рассказе Шкипера мы можем увидеть наиболее явственно отношение Чосера к купеческому сословию. Вначале рассказа проводится мысль относительно уважения, которого купец заслужил из-за своего занятия⁷. Далее Чосер характеризует купца как щедрого человека с красивой женой, в дом которого «толпой стекались гости»⁸. Интересно отметить, что Чосер описывает деятельность купца достаточно подробно, как он с утра «затеял подводить итоги» и считать деньги. Причем работал он долго и «считал, когда уже все встали»⁹.

Позже в своей речи жене купец объясняет ей, что: «...торговать/ Из десяти один едва сумеет/ С господней помощью; и то созреет/ К торговле дар лишь к пожилым годам»¹⁰. Здесь видно, что в представлении Чосера ремесло торговца не только уникально и сложно, но и требует большого труда, определенных навыков и способностей, которым далеко не каждый способен заниматься. Практичный подход к жизни, который присущ купцу, не осуждается, а признается как необходимый для такой деятельности: «...будь любезной/ Со всеми; если ж человек полезный,/ То привечай особенно его./ И если не впадешь ты в мотовство,/ Не заживешь одна широко слишком,/ То мной оставленного хватит с лишком...»¹¹.

Как мы видим, тон Чосера не осуждающий, он показывает, в чем суть торговой деятельности и ее сложности, косвенно давая понять, что сама эта торговля не презренна, а имеет право на существование, так же как и другие виды деятельности. Иными словами, в относительной мягкости интонаций Чосера в отношении к купцу и его деятельности мы сталкиваемся с попыткой морального санкционирования купеческого дела и связанных с ним своеобразных моральных издержек поведения купца. Интересно отметить, что, например, в «Декамероне» мы фактически не найдем параллелей подобного рода санкционированию, что является отражением более раннего и глубокого развития товарно-денежных отношений. Эти практики уже были закреплены в Италии успешным положительным опытом и воспринимались как само собой разумеющееся.

Таким образом, литературный дискурс опосредованно отразил изменение отношения к торговле и торговому сословию, которое было вызвано интенсификацией товарно-денежных отношений. Происходит оправдание торговли, купец не обязательно греховен по определению, а его ремесло ставится в один уровень с остальными. А так как уже в XI в. мы находим относительно спокойное отношение к торговле, поэтому ее оправдание прошло относительно безболезненно, а не затянулось как в Германии до XVI в.

Примечания

¹ Сванидзе, А.А. Торговля и купечество: контуры «общественного обмена веществ» западноевропейского средневековья // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. — М.: Наука, 1999. — Том 2. Жизнь города и деятельность горожан. — С. 8—25.

² Чистозвонов, А.И., Барг, М.А. Итоги исторического процесса в Западной Европе XIV—XV вв. // Проблема генезиса капитализма. — М.: Наука, 1978. — С. 105.

³ Гуревич, А.Я. Средневековый купец // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. — М.: Наука, 1999. — Том 2. Жизнь города и деятельность горожан. — С. 49—50.

⁴ Там же. — С. 53.

⁵ Там же. — С. 48.

⁶ Там же. — С. 54.

⁷ Чосер, Дж. Кентерберийские рассказы. — М.: Эксмо, 2007. — С. 218.

⁸ Там же. — С. 219.

⁹ Там же. — С. 220.

¹⁰ Там же. — С. 224.

¹¹ Там же. — С. 225.

М.Ю.Федорович

Московский педагогический государственный университет

ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ МАРТИНА ЛЮТЕРА

Мартин Лютер (1483—1546) — родоначальник Реформации и протестантизма — много внимания в своих трудах уделял вопросам реформ в области права. Еще отец будущего великого реформатора Ганс Людер хотел, чтобы его сын окончил юридический факультет и стал преуспевающим чиновником, а в дальнейшем получил бы дворянский титул. Поэтому понятен интерес Лютера к правовым вопросам. Он не оставил специальных работ, посвященных праву. Его правовые взгляды можно выявить в его политических и теологических трудах. В данной статье мы охарактеризуем правовое учение Лютера и постараемся дать ему оценку.

Можно выделить три этапа в развитии правовых идей Лютера: 1) 1517—1523 гг. — становление евангелического учения, в том числе и правовых воззрений; 2) 1524—1526 гг. — переход на сторону императора и князей по отношению к восставшим крестьянам; 3) 1530—1546 гг. — отход от разрешения значимых для немецкого общества правовых проблем.

В 1520 г. в своем политико-правовом трактате «К христианскому дворянству немецкой нации» Лютер говорил о необходимости отмены канонического права, потому как «папа самовольно присвоил себе право толкования законов»¹. Тем самым он считал, что папа своими постановлениями, явно нарушающими постановления Вселенских соборов и церковное право, поставил себя выше Церкви и ее законов. Право стало слугой папского произвола. Светская власть, по мнению Лютера, должна освободиться от «гнета Рима» и исполнять свою службу, не опасаясь папы. Он настаивал на необходимости передачи права созывать соборы светским властям, обосновывая это тем, что император и князь так же как и духовенство являются членами Церкви. Можно сказать, что после собственного разрыва с католической церковью Лютер стал сторонником создания немецкой национальной церкви.

В том же памфлете он жалуется на произвол кардиналов и архиепископов: «Я сетую на то, что они не соблюдают духовного права, которое представляет собой неприкрытую тиранию, а корыстолюбие и роскошь у них значат больше, чем право»². Как несостоявшийся студент-правовед, Лютер полагает, что изучение

канонического права на юридических факультетах необходимо отменить, поскольку «его изучение только мешает восприятию Священного Писания»³.

Приговор Лютера каноническому праву однозначен: «Каноническое право мы должны отвергнуть, так как папа сам отверг его»⁴. Но переход к светскому правосудию должен быть постепенным, а не революционным. Вначале Лютер предлагает четко разделить компетенции светских и духовных судов, а затем уже провести судебную реформу и сосредоточить правосудие полностью в руках императора и князей.

В отношении светского права и судопроизводства Лютер настаивает на его превосходстве над церковным правом. В другом своем произведении «О светской власти, в какой мере ей следует повиноваться» (1523) он отмечает, что «это право меча было установлено в мире изначально»⁵. Интересно мнение Лютера о предназначении права. Он полагал, что «закон и право созданы государством для того, чтобы наказывать злых и принуждать их делать добро»⁶. Светские законы не должны затрагивать душу человека, его веру. «В делах, которые затрагивают душу, не следует принимать ничего, кроме Слова Божьего»⁷. Право вечно. Для того чтобы упразднить его, необходима победа христианства во всем мире, а это невозможно в силу того, что на Земле зло неистребимо.

В споре о том, какое право первично, римское императорское или обычное территориальное, Лютер придерживается позиции князей и считает, что «надо отдать предпочтение праву земель и местным обычаям перед императорским правом и пользоваться последним только в крайнем случае»⁸. Народ, по его мнению, привык к местным судебным обычаям, к местному праву, а римское и каноническое право суть измышления юристов и поэтому лишь наносит ущерб населению и государству.

До начала Крестьянской войны Лютер говорил, что нет в Германии мудрого князя. Феодалов он считал эксплуататорами и угнетателями народа. Его позиция резко поменялась в начале 1525 г. По мнению восточногерманского историка Г.Брендлера «Лютеру предстояла роль третейского судьи в грядущих событиях»⁹. В своем «Призыве к миру в связи с 12 статьями швабских крестьян» он однозначно встает на сторону князей, призывая крестьян сложить оружие и прекратить мятеж. «Призыв» был издан в апреле 1525 г., а уже в мае появилась знаменитая брошюра «Против разбойничьих и грабительских шаек крестьян», где основатель лютеранства прямо обрушивается с обвинениями на крестьян и призывает господ «рубить их (т.е. крестьян), души, колоть, тайно и явно»¹⁰. При этом он апеллировал к нормам римского права и примерам из Библии. Тем самым Лютер показал себя защитником интересов немецких феодалов.

К концу жизни Лютер чувствовал себя основателем новой церкви, духовным главой немецких протестантов. Его противники даже называли Лютера «виттенбергским папой». К нему прислушивались саксонские курфюрсты и простые рыцари. В последних работах Лютер практически не затрагивал вопросов права. До конца своих дней Мартин Лютер понимал человеческий закон как отражение

Божественного закона, данного в Писании. Он старался оправдать действия князей в ходе Крестьянской войны и других народных восстаний библейскими цитатами о необходимости подчинения властям. Мероприятия властей по подавлению восстаний были для него законными, пока они не нарушали право человека на исповедание религии.

В 30-е годы среди участников созданного в 1531 г. Шмалькальденского союза возникли разногласия о возможности оказывать сопротивление императору. Основатель лютеранства должен был дать свой совет. Лютер отдал этот вопрос на откуп юристам. Как теолог он не находил аргументов для того, чтобы позволить князьям оказывать сопротивление императору.

Подводя итоги, можно сказать, что Мартин Лютер создал не только новое направление в западном христианстве, но и опроверг многие постулаты католической церкви в области права, казавшиеся до того незыблемыми. Он разрушил систему канонического права не как профессиональный юрист, а как теолог. Правовое учение Лютера, как и его теология, опиралось на Писание. Используя его, он старался поставить правовые нормы на службу немецким князьям и новообразованной евангелической церкви. Сам Лютер непосредственно не оказывал влияния на нормотворчество территориальных властей. Но его идеи, в том числе и в правовой сфере, оказали немалое влияние на власти и общество Германии и Западной Европы в целом. Лютер разрушил систему церковного права на протестантских землях Германии, но не смог предложить ничего нового взамен ее.

Примечания

¹ Лютер, М. К христианскому дворянству немецкой нации // Лютер, М. Избранные произведения. — М., 1994. — С. 47.

² Там же. — С. 58.

³ Там же. — С. 99.

⁴ Там же.

⁵ Лютер, М. О светской власти // Лютер, М. Избранные произведения. — М., 1994. — С. 125.

⁶ Там же. — С. 126.

⁷ Там же. — С. 140.

⁸ Лютер, М. К христианскому дворянству... — С. 100.

⁹ Брендлер, Г. Мартин Лютер: теология и революция / Пер. с нем. М.И.Левиной — М., СПб.: Университетская книга, 2000. — С. 242.

¹⁰ Martin Luther. Werke: Kritische Gesamtausgabe. — Weimar, 1883—1914. — Bd. 18. — С. 361.

Т.КАРЛЕЙЛЬ — АНГЛИЙСКИЙ ИСТОРИК И ЕГО ТВОРЧЕСТВО

Особое место среди английских романтиков занимает Томас Карлейль (1795—1881), поэт, публицист, историк.

Взгляды Карлейля претерпели значительные изменения за долгую жизнь. На наш взгляд в 20—30-е гг. XIX в. он был близок к либеральному направлению романтизма, к французской «Школе классово-борьбы». Об этом свидетельствует, прежде всего, его труд «Французская революция. История»¹. Но прежде, чем рассмотреть его взгляды на французскую революцию, познакомимся с его биографией, выясним, что повлияло на его творчество.

Томас Карлейль родился в 1795 году в Шотландии, в деревне Эклфехан в семье сельского каменотеса. По своему социальному происхождению он был выходцем из простолюдинов. Большое влияние на воспитание и формирование его личности оказал его отец. Именно отец решил дать ему высшее образование, что было редкостью для деревенских детей. Сначала сельская школа, затем семинария, а потом Эдинбургский университет, в котором он знакомился с религиозными науками, в круг его чтения входили одновременно как работы по литературе, так и по электричеству. Он был серьезным и очень способным учеником и студентом. В университете Карлейль изучал шотландское право, но большое внимание уделял немецкой словесности, увлекался работами известных литераторов Рихтера, Гофмана, Гете, Шиллера. Вскоре он убедился в том, что для него литература была важнее всего. Учась в университете, Карлейль зарабатывал на жизнь, давая частные уроки. После окончания университета в возрасте 19 лет, у него был выбор: стать священником или учителем. Он выбрал второе. На тот момент он уже сознавал, что не станет священником, его взгляды заставляли пересмотреть отношение к такому социальному институту как религия. Несмотря на то, что в его воспитании она играла немаловажную роль и была одной из основных нравственных ценностей в семье, произошла десоциализация. Для Карлейля это было очень трудное решение. С этого момента он вплотную занимается литературной деятельностью, сначала переводчиком, пишет критические работы. В 1824 г. он перевел роман «Вильгельм Мейстер». Его исторические работы «Французская революция. История», «История Фридриха II», «Письма и речи Оливера Кромвеля». Произведения Карлейля стали известными широкому кругу читателей благодаря освещению в прессе. Его приглашали вести курсы в Эдинбургском университете. Среди них были лекции о европейской литературе, о революции в современной Европе, о роли героев в истории.

Одним словом, Карлейль в течение жизни был очень мобильным человеком, быстро передвигавшимся по социальной лестнице. Доказательством этого было

избрание Карлейля в 1866 г. на пост ректора Эдинбургского университета. Он обошел Б.Дизраэли, претендовавшего, так же, на этот пост.

Идеи романтизма характерны для его «Французской революции». Эта работа написана в жанре исторического портрета. Автор прекрасно знал источники, хотя не работал в Парижских архивах. Карлейль перевернул горы документов, находившихся в Британском музее, обложился литературой у себя дома, беседовал с ветеранами революции, атаковал своих парижских знакомых, требуя прислать ему подлинные ноты революционной песни «Ca ira».

Приступая к написанию своего труда, Карлейль опасался, чтобы его голос не прозвучал как глас вопиющего в пустыне. Европа была завалена мемуарами анархистов, клерикалов, которые не видели во Французской революции ничего, кроме террора и его проводника — «чудовища» Робеспьера».

Поэтому, сам Томас Карлейль весьма скептически отнесся к своему произведению, когда наконец поставил последнюю точку в заново написанной рукописи: «Не знаю, стоит ли чего-нибудь эта книга и нужна ли она для чего-нибудь людям: ее или не поймут, или вовсе не заметят. Но я могу сказать людям следующее: сто лет не было у вас книги, которая бы так страстно и искренне шла от сердца вашего современника»².

Эта работа — не систематическое изложение революции, скорее всего, беседы читателя о тех, кто ее творил. Хронологические рамки революции от 1774 г. Год смерти Людовика XV, Людовика незабвенного, которой кончается, по мнению Карлейля, эра греха, позора и тирании. Наступила новая эра и «будущее будет светлее, чем бесстыднее было прошедшее»³.

Заканчивается книга 1795 годом, заговором Бабефа. Очень интересна оценка этого события Карлейлем: «Признаю, что Директория, обладавшая вначале только тремя вещами: «старым столом, листом бумаги и банкой чернил» без всяких признаков денег, или денежных сделок, совершила чудеса. Франция, замаранная со времени царства террора, стала новой Францией, очнувшейся от оцепенения и продолжала свою внутреннюю жизнь с непрерывным прогрессом»⁴.

Идеи романтизма в этом сочинении, прежде всего, сказались в том, что он признает революцию неизбежной и закономерной. Причины — многочисленные несправедливости старого порядка, тяжелое положение народа. Главным деятелем французской революции, писал он, «как всегда при подобных революциях во всех странах были голод, нагота и кошмарный гнет, давивший двадцать пять миллионов существ»⁵.

И хотя в целом революция представлялась как анархия, безумие, но она «есть подлинный продукт той земли, где мы живем, что это было действительное событие, и, что миру, в общем и целом, следовало бы ее так и воспринимать». Под Французской революцией, — пишет Карлейль, — подразумевается открытое бурное возмущение и победа вырвавшейся на свободу анархии над развращенной, отжившей властью. Это, несомненно, великое событие»⁶.

Такая оценка Карлейлем Французской революции, как уже говорилось выше, ставит его в ряд с такими французскими либеральными историками, как Гизо, Минье, Тьер.

Сочинение Карлейля — горячий призыв понять революцию, стремление правдиво описать страдания и надежды народа.

Отношение к деятелям революции у него неоднозначное. Так, например, он восхваляет Мирабо и Дантона, не скрывает своей неприязни к Робеспьеру и Марату. Вместе с тем, он отдает должное якобинцам за их патриотизм и энергию. «Оружие Горы, — писал он, — оружие чистой природы: смелость и пылкость». Напротив, жирондистов он открыто презирал, называя их «иезуитами революции»⁷.

В книге Карлейля немало страниц отведено описанию террора. Он осуждает закон о подозрительных. По его мнению, «более ужасный закон никогда не управлял ни одной нацией. Все тюрьмы и арестные дома на французской земле переполнились людьми до самой кровли». Однако, нельзя, по его мнению, свести к этому всю историю, так как жизнь сложнее. Читатель не должен воображать, что царство террора было сплошь мрачным, до этого далеко «Сколько кузнецов и плотников, пекарей и пивоваров, чистильщиков и прессовщиков по всей этой Франции продолжают отправлять свои обычные, повседневные обязанности, будь то правительство ужаса или правительство радости. И тут же продолжает мысль о том, как активна была жизнь в ходе революции. «В этом Париже каждый вечер открыты 23 театра и, как иные насчитывают до 60 танцевальных залов. Писатели драматурги сочиняют пьесы строго республиканского содержания»⁸.

Террор подобен чернозему, поскольку на нем произрастают самые разнообразные сцены. Великое и смешное, ужасное в ошеломляющих переходах в сгущенных красках следуют одно за другим или вернее сопровождают одно другое в бесконечной суматохе»⁹.

Таково было понимание Французской революции Карлейлем.

Однако, после событий 1848 г. оценка Французской революции совершенно противоположна. Для него это событие — настоящий и ужасный апокалипсис, свидетельствующий о том, что природа сверхъестественна, что если она не божественная, то дьявольская... Всяким правдоподобностям настал конец. Многому настал конец...»¹⁰.

Подобная переоценка французской революции после 1848 года была характерна для историков, либералов — романтиков. Все это свидетельствует об эволюции вправо взглядов историка, которая окончательно нашла выражение в его «Истории Фридриха II».

Идею закономерности исторического процесса историк стремится видеть во всех сферах жизни. Критика настоящего иногда весьма острая, сочеталась с историческим апофеозом средневековья, с романтическими мечтами о прошлом.

Главный тезис, обоснованный Карлейлем, заключается в том, что смысл истории в поисках великой личности, вождя.

Карлейль четко сформулировал учение о «героях», которые одни только и движут, по его мнению, историческое развитие, в то время как народ — это толпа, следующая за вождем.

У него своеобразное понимание героя, вождя. Сам он придавал огромное значение труду. Труд Карлейль придавал религиозное значение: труд человека и есть его религия. Труд — есть самое лучшее лекарство от всех болезней и страданий, когда-либо удручавших человечество — честный труд для достижения поставленной перед собой цели.

Исходя из этого, по его мнению, «настоящий герой всегда труженик. Его высшее звание — слуга людей. Он — первый рабочий на поденном труде своих сограждан, первый мститель за неправду, первый восторженный ценитель. Если герой — царь, то ему нет покоя, пока хоть один из его подданных голоден, если он мыслитель — ему нет отдыха, пока хоть одна ложь считается неложью»¹¹.

Эта оценка вождя, вероятнее всего, связана с тем, что Карлейль всегда трудился, вел активный образ жизни. Именно поэтому, по мнению современников, он воспитал в Англии целое поколение энергичных общественных деятелей, бодро делающих свое дело на различных поприщах общественной жизни. Он совершил для Англии гигантскую работу, он вызвал на бой пессимизм, байронизм, положил конец увлечению байронизмом и призвал англичан к деятельной жизни.

Карлейль до сих пор считается самым читаемым автором не только в Англии, но и за ее пределами. Хотя своеобразная манера писать и его язык долго служили камнем преткновения для широкого распространения его сочинений. Всякому, кто первый раз читал его, приходится делать над собой некоторое насилие, пока он не освоится с этим языком и не научится ценить его особенности.

Итак, Томас Карлейль является автором многочисленных работ, высказал новые идеи и методы изучения истории. Его труды, безусловно, интересны для историков и остаются бесценным источником.

Примечания

¹ Карлейль, Т. Французская революция. История. — СПб., 1907.

² Цит. по: Сироткин, В.В. Послесловие к «Французской революции Карлейля» // Карлейль, Т. Французская революция. История. — М., 1991. — С. 561.

³ Карлейль, Т. Французская революция. История. — С. 19.

⁴ Там же. — С. 614.

⁵ Там же. — С. 475.

⁶ Там же. — С. 147.

⁷ Там же. — С. 479.

⁸ Там же. — С. 480.

⁹ Там же. — С. 525.

¹⁰ Там же. — С. 530.

¹¹ Карлейль Т. Теперь и прежде. — М., 1994. — С. 169.

Э.И.Хисамов

Смоленский государственный университет

ДРЕВНЕЕВРЕЙСКИЕ ТРАКТАТЫ КАК ИСТОЧНИК ПРАВА В «КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ВЕК» НА ПРИМЕРЕ «MARE CLAUSUM» ДЖОНА СЕЛДЕНА

Современная система международного права включает в себя такой важный аспект, как морское право. Правовое регулирование мореплавания и эксплуатации морских ресурсов берет свое начало с «Ученой дискуссии» между приверженцами концепций *Mare Liberum* (свободного моря) и *Mare Clausum* (закрытого моря), развернувшейся в XVII в. Первая концепция была разработана голландским юристом Гуго Гроцием в 1609 г., вторая — придворным королевским юристом Джоном Селденом в 1635 г. Последний снабдил свое сочинение не только апелляцией к логике, традиции и праву силы, но поставил на первое место религиозные источники права, а именно древнееврейские трактаты: Талмуд, Гитин, Ветхий Завет, Санхедрин и т.д. Подобная практика не только отвечала требованиям традиции, но и являлась детерминантой наступившего в Европе «конфессионального века» (по определению немецких историков Отто Бруннера, Эрнста Вальтера Цеедена, Хайнца Шиллинга и др.).

Написание «*Mare Clausum*» Селденом принято воспринимать как ответ на выход в свет труда Гуго Гроция. Работа королевского юриста знаменовала собой итог долгой эволюции английской внешней политики в отношении свободы мореплавания. Труд Гроция, направленный против объединенных унией Испании и Португалии с их притязаниями на обе Индии, поначалу нашел отклик в Англии. Однако наступившее с правлением первых Стюартов ослабление флота вынудило отойти от позиций, озвученных Гроцием, и перейти к защите своих берегов. Поначалу выражалась она в требовании запретить рыбакам голландским судам подходить к Шотландии, экономика которой базировалась на ловле сельди. Первый труд, предвосхитивший работу Селдена и развивающий концепцию закрытого моря, принадлежал Уильяму Велвуду. Только с воцарением Карла I Селден получил возможность опубликовать свое сочинение. Многочисленные религиозные аллюзии (сравнение Англии с Эрец-Исраэль, еврейской обетованной землей) являлись неотъемлемым атрибутом «конфессионального века».

Сам век конфессионализации представляется как «распространение реформационных учений, оформление символов веры, обрядности и структуры протестантских и католической церквей»¹. За основу периодизации принята хронологическая модель, предложенная впервые Хайнцом Шиллингом и определяемая 1546—1648 гг. Религия и политика оказались неразрывно связаны друг с другом даже более, чем в Средневековье, и с подачи Селдена правовой по содержанию, политический по сути спор обрел многие черты богословского диспута.

Именно эти черты практически игнорируются в западной (европейской и американской) историографии, однако тщательно изучаются в современной историографии Израиля. Фаня Оз-Зальцбергер в своей работе «Еврейские корни западной свободы» утверждает: Джон Селден в каждом своем трактате, и в «*Mare Clausum*» в частности, доказывал создание ранними израильтянами первого конституционного правового государства в истории, принципа верховенства закона, ставшего парадигмой для всех последующих юридических систем². Таким образом, Селден видится Оз-Зальцбергер популяризатором еврейского права, впервые по-настоящему введшим его в большую европейскую политику. На этом основании исследователь называет XVII век «самым библейским из европейских столетий»³. Видный израильский публицист Дов Контонер в статье «Священная республика человечества», посвященной англо-голландским конфликтам, утверждает, что «на фоне удручающего равнодушия секулярной израильской элиты к еврейскому прошлому одержимость мыслителей XVII столетия идеями и образами Писания кажется поучительной»⁴. Автор полагает, что работы англичанина Селдена могут стать хорошим примером не только для молодежи Израиля, но и для его правящих кругов.

Таким образом, концепция Гроция стала использоваться в качестве теоретического обоснования еврейского мессианства, не в религиозном, но в политическом и юридическом смыслах, и представляет собой яркий пример дискуссионных работ «конфессионального века».

Примечания

¹ Ким, В.Ч. Конфессиональная эпоха в Германии: проблемы и перспективы изучения. XIV Всероссийская с международным участием конференция студентов, аспирантов и молодых ученых. «Наука и образование». История. Культурология. Философия и социальные науки. — Томск: ТГПУ, 2010. — Том IV. — С. 23.

² Oz-Salzberger, F. The Jewish Roots of Western Freedom // *Azure*. — № 13. Summer 2002. — P. 96.

³ *Ibid.* — P. 92.

⁴ Контонер, Д. Священная республика человечества // <http://www.jafi.org.uk/JewishAgency/Russian/Education/Jewish+Life/Culture/ResPublica.htm>

ЗАМУЖЕСТВО В ЖИЗНЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОЖАНКИ РУБЕЖА XIV—XV ВЕКОВ

Обращение к биографическому жанру в контексте женской истории позволяет увидеть не только персональный опыт героинь повествований, но одновременно с этим выделить особенности организации женского социального опыта определенной эпохи. Биографический сюжет фиксирует уникальный пласт исторической реальности — историю отдельной личности, внутренний мир человека, его эмоциональную жизнь, отношения с родными и близкими в семье и вне ее. Женские персоналии представляют материал для выявления социальной динамики в сфере гендерных отношений, характеристики эволюции семьи, брака и т.д.¹

Маргарет Стоди, леди Филпот, представляет несомненный интерес в этом отношении. Ее биография позволяет проследить преломление политических и социо-демографических реалий, проявлявшееся, в частности, в матримониальной стратегии правящей верхушки Лондона второй половины XIV — начала XV веков.

Своим происхождением Маргарет Стоди связана с фамилией торговцев пряностями и вином, бакалейщиков де Джизор, первые представители которой упоминаются в анналах городской истории в начале XIII века². Ее отец, сэр Джон Стоди, крупнейший импортер вина, олдермен, мэр Лондона 1357—1358 гг., был женат на Джоан, внучке и наследнице Джона де Джизора, олдермена, торговца и финансиста начала XIV века³. Благодаря этому браку Стоди получил два огромных дома и другие строения в одном из престижных районов Лондона — Винном дворе⁴.

У Джоан Джизор и Джона Стоди родились четыре дочери: Айдония, интересующая нас Маргарет, а также Марджери и Джоан. Для всех них Джон Стоди (ум. 1376 г.) сумел подобрать весьма подходящие брачные партии. Во многом знаковым и имевшим важные последствия событием стало замужество старшей дочери: в 1369 г. Айдония вышла замуж за Николаса Брембра, одного из самых богатых, амбициозных и влиятельных персон того времени⁵.

Возможно, стараясь расширить экономические связи семьи, Джон Стоди до декабря 1370 г. устроил брак Маргарет с купцом Джоном Беллингемом, вовлеченным в коммерческие дела Стоди и Брембра. Беллингему, казалось, была суждена блестящая политическая карьера (в октябре 1373 г. он был избран в парламент), но его ранняя смерть в 1375 г. разрушила эти надежды.

Маргарет в это время ждала третьего ребенка, но вопрос о ее втором браке фактически был предрешен. В руках молодой вдовы оказалось значительное

наследство Джона Беллингема: не только наличные деньги, но и лавки и прочая недвижимость в шести приходах Лондона и земли в Миддлсексе. Джон Стоди тем временем задумывался о том, чтобы подыскать для Маргарет удачную партию. Реализации задуманного поспособствовал Брембр. В 1372 г. он был шерифом вместе с Джоном Филпотом, недавно овдовевшим торговцем рыбой, необычайно богатым и влиятельным человеком, с которым стремился установить длительный союз, скрепленный семейно-родственными узами. И к марту 1376 г. был заключен брак Джона Филпота и Маргарет Стоди (Беллингем)⁶.

Личные чувства Маргарет и ее второго мужа доподлинно неизвестны. Вместе с тем, готовность Филпота обеспечить супругу пожизненным доходом от его имений в Лондоне и Миддлсексе в ущерб своим взрослым сыновьям и дочерям, указывает на то, что он достаточно высоко ценил ее и был искренне к ней привязан⁷. Маргарет, в свою очередь, была готова пожертвовать интересами и перспективами своих сыновей от первого брака, чтобы обеспечить достойным приданым старшую дочь Джона Филпота.

Смерть летом 1384 г. Джона Филпота, вероятно, стала причиной искренней скорби Маргарет, которая теперь была вдовой одного из самых уважаемых горожан, обладала огромным состоянием и могла выйти замуж за представителя городской элиты или найти мужа в среде знати. Но ее судьба была связана с Брембром. И в июне 1387 г. Маргарет вышла замуж за его друга и соратника, королевского чиновника Джона Фиц-Никола⁸.

Между тем, для сэра Николаса Брембра наступили трудные времена, вызванные политическим противостоянием группировок внутри Сити. В начале февраля 1388 г. он был осужден и предан казни⁹. А в конце февраля 1391 г. умер Джон Фиц-Никол. Снова, уже в третий раз, Маргарет овдовела, а ее богатая коллекция собственности обогатилась поместьем Бадуэлл, всеми владениями Фиц-Никола в Лондоне и солидной долей от вложений почившего супруга. И спустя несколько месяцев ей вновь была предложена партия на рынке невест.

Последний брак Маргарет был самым политически расчетливым и в полной мере демонстрирует весь чуждый сентиментальности прагматизм, характерный для многих женщин ее круга. Ее новым «избранником» стал ювелир Адам Бамме, амбициозный и расчетливый человек, всегда вовремя менявший политическую ориентацию. Как необычайно искусный ювелир, клиентами которого были Джон Гонт и его сторонники при королевском дворе, Бамме может считаться более выгодной партией, чем почивший Фиц-Никол. Он к тому же не уступал Джону Филпоту по популярности в лондонском обществе. Однако этот брак оказался недолговечным: Адам внезапно умер 6 июня 1397 года.

Маргарет, чье четвертое замужество принесло не только важные материальные приобретения, но и сына Ричарда, могла покинуть рынок невест и насладиться 34-мя годами в качестве уважаемой и богатой знатной вдовы Лондона. Ей было уже за 40, она вышла из детородного возраста, и, по крайней мере,

один из ее отпрысков мужского пола дал надежду дожить до зрелого возраста — все это снижало ее привлекательность как невесты. Через семь недель после смерти Бамме в ризнице собора Св. Павла Маргарет приняла формальный обет целомудрия¹⁰.

Примечательно, что в период вдовства Маргарет предпочитала называть себя леди Филпот, но похоронить себя завещала рядом с Адамом Бамме в церкви Св. Георга в Баклсбери. Немаловажно, что в завещании, составленном менее чем за месяц до кончины (ум. 1431 г.), она именовала себя вдовой обоих мужчин, скромно пропустив первого и третьего мужа и троих детей от Беллингема. Она, несомненно, испытывала теплые чувства к сыну Ричарду Бамме, чье имя встречается рядом с ее собственным на всех распоряжениях по поводу собственности Адама Бамме. И именно ему она оставила свои владения в Лондоне¹¹.

Несмотря на свое богатство и положение в обществе, фигура леди Филпот остается неясной, затененной ее политически активными и амбициозными родственниками-мужчинами. Возможно, она помогала в коммерческих делах своему первому мужу, но с тех пор она заняла слишком важное место, чтобы стоять за прилавком или вести счета семьи. Возможно, ей не хватало интеллектуальных способностей и образования, более того, нет никаких свидетельств, что у нее вообще было образование. Отношение Маргарет к религии было весьма обыденным, и ее желание принять обет целомудрия — это скорее реакция на бурную молодость, а не поиск своей духовной составляющей. Можно предположить, что у нее наконец-то были развязаны руки, чтобы исполнять собственные желания после стольких лет исполнения желаний родственников-мужчин, но будем надеяться, что ее скромное домашнее окружение и любящая семья принесли ей некоторое удовлетворение.

Примечания

¹ См.: Буланакова, М.А. Литературная биография леди Маргарет Кавендиш, герцогини Ньюкасл: особенности организации социального опыта знатной женщины // Гендер и общество в истории / Под ред. Л.П.Репиной и др. — СПб., 2007. — С. 460.

² См.: Beaven, A. V. Aldermen of the City of London: 2 vols. — L., 1908. — V. 1. — P. 372, 390.

³ См.: Barron, C.M. London in the Later Middle Ages: Government and People 1200—1500. — Oxford, 2004. Appendix I: Mayors and Sheriffs. — P. 325, 326.

⁴ См.: Calendar of wills proved and enrolled in the court of Husting, London. A. D. 1258—1688 / Ed. by R.Sharp: 2 vols. — L., 1889. — V. 1. — P. 57; A History of the Vintners' Company. — L., 1977. — P. 46—47.

⁵ См.: Bird, R. The Turbulent London of Richard II. — L., 1949. — P. 2—7. Именно Брембр в ноябре 1379 г. устроил брак Джоан, младшей дочери сэра Джона Стоди, со своим деловым партнером Томасом Гудлейком. Избранником Марджери стал Генри Веннер, считавшийся завидной партией из-за своих фамильных и отлаженных деловых связей (см.: Rawcliffe, C. Margaret Stodeye, Lady Philipot (d. 1431) // Medieval London Widows, 1300—1500 / Ed. by C.M.Barron and A.F.Sutton. — L., 1994. — P. 90—91).

⁶ См.: Calendar of wills. — V. 2. — P. 423—424, 317. Джон Филпот стал надежным и преданным союзником Николаса Брембра.

⁷ Именно на Маргарет Джон Филпот возложил выполнение некоторых религиозных обетов, указанных в его завещании, хотя и не назначил ее душеприказчицей. Он был весьма щедр к ее дочери Айдоии, завещав ей 100 ф. (см.: Calendar of wills. — V. 2. — P. 339).

⁸ См.: Rawcliffe, C. Margaret Stodeye, Lady Philipot (d. 1431). — P. 91.

⁹ См.: Documents touching John of Northampton and Sir Nicholas Brembre // A Book of London English, 1384-1425 / Ed. by R.W.Chambers and M.Daunt. — Oxford, 1931. — P. 20.

¹⁰ См.: Calendar of wills. — V. 2. — P. 423—424.

¹¹ Ibidem.

Д.В.Шмелев

Казанский государственный технический университет им. А.Н.Туполева

НАРОДНО-РЕСПУБЛИКАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И ХРИСТИАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ (ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ)

Одной из важнейших сфер деятельности политической партии являются контакты со своими аналогами в других странах. Примером может служить период выстраивания отношений французской партии христианско-демократического толка — Народно-республиканское движение (МРП) и итальянской партии — Христианская демократия (ХД).

Партия МРП не ассоциировала себя прямо с христианской демократией, но происхождение ее активистов, избиратели, принадлежность к традиции и политической культуре, вовлеченность в международные события предписывали установление отношений с европейскими христианскими демократиями. Два главных фактора определяли отношения между МРП и ХД — приверженность европейской интеграции и антикоммунизм.

Отношения французской и итальянской христианской демократией формируются еще в довоенный период в рамках деятельности НДП или идеологических связей (концепция популяризма Л.Стурцо). Воссозданная после Второй мировой войны, итальянская ХД была для МРП, прежде всего, «партией дона Стурцо»¹. Идеологическая и политическая корреляция легла в основу послевоенного примирения, равно как и почти синхронный подъем христианской демократии во Франции и Италии, где ее представители определяли послевоенный политический курс и структурные реформы.

Поездка министра иностранных дел и одного из руководителей МРП Ж.Бидо в Турин в марте 1948 г. имела не только целью подписание протокола о создании франко-итальянского таможенного союза, но и негласную поддержку итальянской

ХД накануне парламентских выборов. В марте–апреле 1948 г. газета народных республиканцев «Об» опубликовала серию статей под рубрикой «Италия идет голосовать», а результаты избирательной кампании были преподнесены 20 апреля под заголовком «Итальянский народ выбрал свободу», подразумевая убедительную победу ХД над коалицией социалистов и коммунистов².

В распространенном среди федеральных руководителей МРП бюллетене итальянская ХД была представлена как «избирательная масса, сформированная маленьким народом, которая остается верной своему идеалу защиты духовной и экономической свободы»³. В мае 1950 г. на съезде МРП в Нанте итальянская делегация была одной из самых приветствуемых, наряду с чехословацкой. Народные республиканцы одобряли усилия итальянской христианской демократии в деле строительства единой Европы, выражали поддержку действиям ее лидера — А. де Гаспери, но в то же время выражали опасение сползанием вправо ХД после выборов 1948 г. и ее клерикализацией⁴.

Последнее обстоятельство существенно отличало МРП от ХД. Если МРП своим взлетом была обязана условиям, сложившимся во Франции в период Освобождения, и выдвижением реформистской программы, которая позволила создать союз с социалистами и коммунистами в рамках трипартизма, то итальянская ХД в своей победе на выборах 1948 г. широко опиралась на силы «католического действия», мобилизацию католического электората и поддержку церковных кругов, противопоставляя себя левым. Это позволило партии МРП действовать независимо на внутренней и международной арене, в том числе и в отношениях с ХД, имевшей явно выраженную конфессиональную этикетку.

Со своей стороны, итальянская ХД также проявляла значительный интерес к МРП. Д. Андреотти характеризовал ее программу как «хорошую и серьезную». Министерство Р. Шумана представлялось как проявление «мудрости и демократического духа», моделью равновесия и борьбы с коалицией «коммунистов и реакционеров». В печати подчеркивалась антикоммунистическая стратегия МРП. Но при этом народные республиканцы упрекались в «отсутствии хорошо определенных установок, ошибочном поведении по отношению к французским католическим силам, ностальгии по романтическим истокам Сопrotивления, подверженности изменам беспокойных и неудовлетворенных в личных амбициях элементов». Иными словами отмечалось различие в качестве ответственных руководителей и слабость организации, разрыв между действиями руководства и языком активистов. Отсутствие христианско-демократической этикетки также объявлялось слабостью МРП. «Во Франции необходима подлинная сильная и солидная партия, противостоящая коммунистам и социалистам», — подчеркивала газета «Il Popolo». Позже провал в Национальном собрании Франции ратификации договора о ЕОС вызвал шок среди итальянских христианских демократов. МРП сделалась «ответственной за поражение» и лишенной «реальной политической воли»⁵.

Большое значение имели личные контакты между руководителями двух партий. Ж.Бидо в качестве министра иностранных дел встречался с руководителем ХД А. де Гаспери. Затем Р.Шуман в 1951 г. встречался в Санта-Маргерита с А. де Гаспери. Именно де Гаспери «увлек» Р.Шумана федералистскими концепциями европейской интеграции.

Таким образом, первые контакты МРП и ХД высвечивали как вполне приемлемые для обеих партий точки сотрудничества — продвижение проектов европейской интеграции и противодействие набравшему популярность коммунизму, так и пункты расхождений — отношение к политической роли церкви, выдвижение лозунгов защиты религии, опора на католические организации и движения, приоритеты программы.

Примечания

¹ L'Aube. — 1948. — 11 mai.

² Durand, J.-D. Les rapports entre le MRP et la démocratie chrétienne italienne 1945—1955 // Le MRP et la construction européenne. — Bruxelles, 1993. — P. 254.

³ Notes d'information politique. — № 45. — 1948. — 26 avril.

⁴ Durand, J.-D. — Op. cit. — P. 255.

⁵ Ibidem. — P. 256—257, 260.

Л.М.Шмелева

Казанский (Приволжский) федеральный университет

РИМ И ЛАТИНСКИЙ СОЮЗ ПРИ СЕРВИИ ТУЛЛИИ (СЕРЕДИНА VI в. до н.э.)

Ко времени прихода к власти этрусской династии (начало VI в. до н.э.) Рим превращается в соперника латинских городов и претендента на роль гегемона в Латинском союзе. Первоначально таким гегемоном была Альба-Лонга (*Dion. Hall.* III. 31.4). Она была и политическим и религиозным центром Латинского союза. Храм Юпитера Латинского находился на Альбанских горах. В VII в. до н.э. при Тулле Гостилии римляне завоевали Альбу, ее жителей переселив в Рим. Ее завоевание не означало разрушения Латинского союза, а Рим, таким образом, заявил притязание на первенство в нем в качестве наследника прав Альбы.

И все же в VI в. до н.э. первенство у Рима оспаривали Тускул и Ариция (*Liv.* I. 49.9), которые фактически и возглавили федерацию Латинских городов. Собрания союза проходили в роще у источника Ферентины и в святилище Дианы Арицийской на озере Неми. В то же время Рим не прекращал попыток стать главой союза. В правление шестого римского царя Сервия Туллия (традиционные даты правления 578—534 гг. до н. э.) они приняли более мирный характер.

Под влиянием греческих примеров священных союзов (амфикистий), которые подразумевали и совместные священнодействия и решение споров между полисами, «Туллий и сам возымел желание собрать и объединить все города латинского народа, чтобы соседние варвары не могли лишить их свободы, в случае если у них возникнут внутренние распри или завяжется война между собой» (*Dion. Hall. IV. 25. 3—6*).

Дионисий передает, что Туллий собрал самых влиятельных людей от каждого города, «объявив, что созывает их стать ему советчиками в делах великих и общих для всех» (*Dion. Hall. IV. 26. 1*). Когда представители общин прибыли, Туллий собрал вместе их и римский сенат и произнес речь, в которой доказывал латинам, что они должны держаться вместе и что «латинам нужно править над соседними народами и, поскольку они эллины, им следует установить для варваров правосудие, а римлянам должно стоять надо всеми латинами не только потому, что они превосходят их размерами города и важностью деяний, но и оттого, что божество к ним благосклонно больше, чем к другим, вследствие чего они и достигли такой славы» (*Dion. Hall. IV. 26. 1—2*). После чего Туллий предложил им «устроить в Риме на общественные средства священное убежище, в котором города, ежегодно собираясь, совершали бы как свои собственные, так и общие жертвоприношения, и справляли бы общие праздники в то время, какое они определяют; а если возникнет между ними какое-то недоразумение, разрешать его на основании священного обычая, поручив остальным городам выносить решения по жалобам» (*Dion. Hall. IV. 26. 3*). Также Туллий предложил избрать совет (*Dion. Hall. IV. 26. 4*).

Несколько позднее на Авентине был возведен храм Дианы (*Liv. I. 45. 2*). Причем Ливий пишет, что «Это было признание Рима главою, о чем и шел спор, который столько раз пытались решить оружием» (*Liv. I. 45.3*).

Диана была древнейшим божеством италиков. Особенно широко почиталась она латинами и ближайшими соседями. Посвященные Диане рожи имелись в землях Ариции, Тускула, Анагии, Тибура. В Риме проживало много латинов, из покоренных городов и пришедших самостоятельно. Поэтому сооружение храма именно Дианы было вполне обосновано, тем более, что Диана считалась также покровительницей и всего Латинского союза. Постройка Сервием Туллием храма Дианы предполагала своего рода заявку на первенство в союзе и в религиозном плане. А.И.Немировский пишет, что храм Дианы на Авентине был основан в августовские иды — 13 августа — когда праздновался праздник Дианы Арицийской¹. То есть праздник в Риме должен был вытеснить праздник в Ариции.

С храмом Дианы связана передаваемая различными древними авторами легенда (*Liv. I. 45. 4—5; Dion. Hall. IV. 26. 5—6*). В Лации родилась необыкновенная телка, владельцу ее было предсказано, что тот, кто принесет ее в жертву Диане в храме на Авентине, обеспечит своему городу власть над Италией. Ливий и Дионисий передают, что когда крестьянин привел ее в храм и хотел принести в жертву, жрец опознал животное и сказал ее владельцу, что прежде чем

совершить жертвоприношение, необходимо омыть руки в Тибре. Пока крестьянин ходил мыть руки, жрец принес корову в жертву от имени Рима, а рога были прикреплены в храме. Легенда также дает повод говорить о том, что Рим пытался обосновать свою гегемонию в союзе не только военной силой, но сакральной.

Дионисий также сообщает, что «царь также составил для полисов законы об их взаимных отношениях и установил, каким образом будет выполняться все прочие относительно празднества и общего собрания» (*Dion. Hall. IV. 26. 4*). По данным Дионисия медная стела с постановлениями участников собрания и названиями городов, входящих в союз, в его время еще находилась в святилище Дианы, «сохраняя очертания букв, которыми пользовалась Эллада в древности» (*Dion. Hall. IV. 26. 5*).

Таким образом, в правление Сервия Туллия Рим заявил на претензии и на руководство и сакральной жизнью Латинского союза, основав в Риме храм Дианы — покровительницы Латинского союза.

Примечания

¹ Немировский, А.И. Идеология и культура раннего Рима. — Воронеж, 1964. — С. 71.

Л.А.Якубова

Нижевартовский государственный гуманитарный университет

Г.ЭСПИНГ-АНДЕРСЕН О ФЕНОМЕНЕ “WELFARE STATE”: К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ГОСУДАРСТВА ВСЕОБЩЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ

«Государство всеобщего благосостояния» (от англ. — “welfare state”) по праву считается одним из важных достижений в европейской истории XX века. Возникнув после Второй мировой войны и достигнув своего расцвета в 60—70-е гг. XX века, эта концепция стала объективным ответом на социальные вызовы общества. На современном этапе понятие «государства всеобщего благосостояния» может быть определено двояко. С одной стороны, данная концепция организации социальной политики государства подразумевает наличие системы обеспечения социальных потребностей общества. С другой стороны, “welfare state” предполагает оптимальное сочетание свободных рыночных экономических отношений и участия правительственных институтов в решении социальных вопросов.

К вопросам теоретической разработки сущности «государства всеобщего благосостояния» и выделения его типов обращались многие исследователи. Наиболее обстоятельное теоретическое исследование в этой области было

проведено Г.Эспинг-Андерсеном¹. Обобщив значительный исторический и эмпирический материал, он выделил три типа, или три «режима капитализма всеобщего благосостояния» — неолиберальный (или американский), социально-демократический (скандинавский или шведская модель социальной политики) и консервативно — корпоративистский (германо-французский).

В построении этих типов ученый исходил из того, что в различных странах социальная политика строилась вокруг определенных, внутренне связанных принципов. Поэтому для различных типов представлений о справедливом обществе всеобщего благосостояния были общими определенные последовательные предположения и результаты с точки зрения природы государственного вмешательства, расслоения социальных групп и, что очень существенно, предела, до которого рыночное распределение заменялось бюрократическим распределением благ. Последний механизм в этой концепции обозначается понятием «растоваривание» (decommodification). В работе «The Three Worlds of Welfare Capitalism» (1990 г.) Г.Эспинг-Андерсен характеризует выделенные типы государства благосостояния, которые, собственно, и представляют основные модели современной социальной политики, существующие в экономически развитых странах Западной Европы и Америки.

Для характеристики и различения типов государства благосостояния Эспинг-Андерсен предлагает следующие параметры: уровень декоммодификации; стратификация общества; государственное вмешательство (интервенция)².

Неолиберальный тип характеризуется относительно низким уровнем декоммодификации, относительно высоким уровнем расслоения с точки зрения неравенства доходов и государственным вмешательством, для которого более типично регулирование рынка, чем предоставление прямого социального обеспечения. В неолиберальной модели социальная помощь оказывается по остаточному принципу бедным и малообеспеченным слоям населения, не способным самостоятельно добывать средства к существованию. Можно сделать вывод о том, что это и есть обязанность государства предоставлять определенный минимум социальных гарантий всем членам общества.

Социал-демократический тип характеризуется высоким уровнем декоммодификации, низкой степенью расслоения и прямым государственным обеспечением, регулированием и финансированием программ помощи малоимущим слоям общества. Социально-демократический принцип (который также называют либерально-социалистическим), первоначально основанный на концентрации общественных фондов поддержки профсоюзных и иных демократических общественных организаций, позднее распространился на всех граждан государства, имеющих права на равные льготы, независимо от степени нужды и трудового вклада³. К числу стран, осуществившись на практике данную модель социальной политики, относятся скандинавские государства, где принципы универсализма социальных прав соседствуют с нерушимостью индивидуальной автономии. Поэтому эта модель представляет собой соединение либерализма с социализмом⁴.

Германо-французский (или корпоративистский) тип отличается соединением черт первых двух типов. При этом, согласно Андерсену, имеет место довольно существенное расслоение общества по доходам и социальному статусу при значительном растоваривании, которое происходит через жесткое регулирование бесприбыльных производителей, а не через прямое государственное обеспечение.

Таким образом, Г.Эспинг-Андерсен предложил теорию трех типов «государства всеобщего благосостояния»; выделил основные определяющие параметры для каждого типа. Вместе с тем можно заключить, что в настоящий момент имеет место процесс взаимопроникновения элементов различных моделей в рамках данной социальной концепции.

Примечания

¹ См.: Esping-Andersen, G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. — Cambridge, 1990.

² Ibid. — P. 12.

³ Manning, N. The Politics of Welfare // Social Policy / Ed. By J. Baldock et. al. — N.Y., 1999. — P. 55.

⁴ См.: Ярская, В.Н. Социальная политика, социальное государство и социальный менеджмент: проблемы анализа // Журнал исследований социальной политики. — 2003. — № 1. — С. 12.

И.В.Якубовская

*Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого,
г.Великий Новгород*

У.ПАЛЬМЕР И АНГЛО-РУССКИЙ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ В СЕРЕДИНЕ XIX в.

Одним из направлений развития межкультурных коммуникаций является диалог религиозных конфессий. Толерантность по отношению к особенностям религиозного мировоззрения и культового поведения непосредственно связана с проблемой «понимания» представителями разных культур особенностей иного национального уклада. Достичь такого понимания между представителями русской православной церкви, рядовыми верующими и представителями англиканства достаточно сложно. Формированию религиозной толерантности способствуют, прежде всего, усилия по развитию отношений сотрудничества и взаимопонимания самих национальных церквей и их представителей. Много усилий для расширения конфессионального диалога Церкви Англии и Русской православной церкви в 1840-х — 1850-х гг. приложил У.Пальмер. Попытку Пальмера способствовать единению церквей называли в России «знаменитой»¹.

С идеей сближения англиканской и русской православной церкви Пальмер обратился к цесаревичу Александру Николаевичу, посетившему Оксфорд во время визита в Англию. Он предлагал цесаревичу прислать в Оксфорд, в колледж Св.Магдалины представителей русского духовенства, чтобы они могли лучше познакомиться с учением англиканской церкви, и сам брался обучать их английскому языку. В будущем они могли бы ознакомить и цесаревича, и иерархов Восточной церкви с лучшими англиканскими религиозными сочинениями. Свою позицию Пальмер изложил в письме к членам Совета колледжа Св.Магдалины: англиканская церковь находилась, по его мнению, в большой опасности вследствие нападок «как со стороны папского престола, так и демократического буйства». Но угроза и ненависть исходила также, по его мнению, от «многих сект, которые соединились со схизматиками-папистами»².

Впервые Пальмер посетил Россию в 1840 г., когда принадлежал еще к «установленной», англиканской церкви. Целью поездки Пальмера в Россию был установление более тесного сотрудничества Церкви Англии и Русской православной церкви. Такое сотрудничество предполагало, прежде всего, взаимопонимание, основанное на знании истории и традиции национальных конфессий, поэтому Пальмер придавал большое значение передаче произведений англиканских theologов в библиотеку Петербургской духовной академии, а также изучению истории Русской православной церкви и «распространению в Англии, прежде всего в Оксфордском университете, более полных и обстоятельных сведений». Непосредственно и относительно близко в общении с Пальмером в разные годы находились обер-прокуроры Синода граф Протасов и А.П.Толстой, священник о. Василий Кутневич, священник Исаакиевского собора Малов. Встречался с Пальмером и митрополит Филарет. Слух о Пальмере разнесся по Петербургу, и его приглашали «в лучшие дома»³.

Переписка связывала У. Пальмера с одним из основателей славянофильства А.С.Хомяковым. В 1840-х гг. Хомяков утверждал, что среди европейских стран лишь Англия способна «к духовному пробуждению», поскольку она «в сравнении с другими землями Европы, ... есть по преимуществу земля живая». Причину этому он видел в сохранении обычаев и традиций, которые спасают Англию и от английских законов и от ее учреждений⁴. Хомяков считал "предание и поверье", сохраняемые англичанами, более важным, чем любые материальные признаки любого политического устройства и высоко оценивал религиозную жизнь англичан — главную основу английской жизни⁵. Он связывал личностную и народную идентичность, прежде всего, с распознаванием созданного западной культурой, западным просвещением, западными религиозными учениями и конфессиями «образа другого»⁶. Такой «образ другого» — близкого по духу и по вере — Хомяков хотел видеть в Пальмере.

С начала 1840-х гг. Пальмер издавал свои работы по теологии «далеко отходя от протестантского толкования и близко подходя к учению православной церкви»⁷. Впоследствии несколько десятилетий он собирал материалы по

истории русской церкви, и использовал их в работах о роли религии и религиозной идеи. Одно из его сочинений было посвящено патриарху Никону⁸. Пальмер был одним из наиболее известных деятелей Оксфордского движения, а позднее принял католичество, что повлияло на его отношения с русскими православными деятелями. Хомяков сожалел, что русские и восточные церковные иерархи «не поняли» Пальмера и оттолкнули его сухим догматизмом.

Однако интерес русских церковных деятелей к деятельности У.Пальмера сохранялся. В 1856 г., после недавно окончившейся Крымской войны, в разгар русофобии в Англии, протоиерей Е.И.Попов писал тогдашнему обер-прокурору Синода графу А.П.Толстому: «Первое мое появление в Лондоне в январе 1854 г. дало уже почувствовать, что прежние наши симпатии на долго ли, на коротко ли, должны были прерваться». Однако он встречался с Пальмером, беседовал с ним и услышал, последний утверждал, что «не только не утратил своих симпатий к нам <русской православной церкви>», и в вопросах касающихся литургии и догматики он «все еще на нашей стороне»⁹.

Попытка Пальмера к сближению двух национальных церквей, и его роль в распространении знаний о религиозной жизни двух народов, были среди тех событий и движений, которые отражали стремление к единению. В последствии, осознание частью англиканской общественности в Великобритании, происходивших социокультурных, политических и международных изменений способствовало формированию экуменического движения. Оно зародилось первоначально «в двух направлениях: объединение в религиозном вероучении и объединение в практической жизни (для внедрения духа мира в общественную жизнь)»¹⁰. Пальмер поднимал, прежде всего, вопрос о совместном служении. Тем самым, он предвосхитил идеи и сформировавшегося лишь в начале XX в. экуменического движения: «Служение — сообща», «церковное братство — сообща», «свидетельство — сообща»¹¹.

Примечания

¹ Первый приезд Пальмера в Россию // Русский Архив. — 1894. — № 9. — С. 78.

² Там же. — С. 80.

³ Там же. — С. 83, 88.

⁴ Хомяков, А.С. Мнение русских об иностранцах // Хомяков, А.С. О старом и новом. — М., 1988. — С. 124.

⁵ Хомяков, А.С. Письмо об Англии // «Я берег покидал туманный Альбиона...» Русские писатели об Англии. — М., 2001. — С. 235.

⁶ Хомяков, А.С. Семирамида. Исследование > истинны > исторических > историй >. Соч. в 2-х тт. — М. 1994. — Т. 1. — С. 55. — Хомяков считал, что западная культура создала «национально-личностной тип».

⁷ Первый приезд Пальмера в Россию // Русский Архив. — 1894. — № 9. — С. 81.

⁸ Письмо Пальмера гр. А.П.Толстому // Русский архив. — 1894. — № 5. — С. 20. Исследование Пальмера о Никоне «The Patriarch & the Tsar». 6 Vols. — L., 1871—1876.

⁹ Из письма протоиерея Е.И.Попова к обер-прокурору Святейшего Синода гр. А.А.Толстому. Лондон, 18 декабря 1856 // Русский Архив. — 1894. — Кн. 2. — С. 6—8.

¹⁰ Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). — Ф. Р-6991. (Совет по делам русской православной церкви при Совете министров СССР). — Оп. 1. Д. 142. Материалы по экуменическому движению. — Т. I. — Л. 27.

¹¹ Первая Всемирная миссионерская конференция, которую считают началом экуменического движения, прошла в Эдинбурге в 1910 г.

Ю.Г.Ялдышева

Нижневартковский государственный гуманитарный университет

К ПРОБЛЕМЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ОКСФОРДСКОГО И КЕМБРИДЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТОВ В XIX в.

Модернизация в Великобритании в XIX в. затронула все сферы общества — политическую, экономическую и культурную. В начале XIX в. произошли изменения в государственном устройстве страны. С 1801 г. новое государственное образование получило название Соединенное Королевство Великобритании и Ирландии, которым начала править Ганноверская династия.

Под влиянием преобразований во всех сферах общества в XIX в. появилась идея реформирования образования. Важность темы состоит в том, что изученный материал позволяет проследить процесс модернизации и в сфере высшего образования, на примере двух вузов — Оксфордского и Кембриджского университетов.

Проблемы высшего образования в Великобритании в XIX в. рассмотрены в работах зарубежных и отечественных исследователей. Зарубежные исследователи — Р.Андерсон¹, Дж.Рэуч² и др. Отечественная историография представлена именами М.Зернова³, В.Шестакова⁴ и др.

Изменения произошли в системе управления университетами. Так, во главе Кембриджского университета стоял Сенат, выпускники, канцлер, а также вице-канцлер и доктора. Учебная программа университета, а также содержание экзаменов входило в юрисдикцию другого выборного органа — Главного совета факультетов (основанного в 1882 г.).

В 1823 г. в Оксфорде создан студенческий союз (Union). Он стал стартовой площадкой для многих известных политиков. Исторически сложившаяся репутация Оксфорда как особо привилегированного аристократического учебного заведения, строго дифференцированный сословный характер отбора студентов обеспечивали выпускникам преимущества в продвижении по службе вплоть до высших постов.

Нововведения появились и в Кембриджском университете, который в свою очередь отчасти отражал политические движения в стране в целом. Избрание в 1847 г. канцлером университета принца Альберта открывает в истории Кембриджа еще один этап реформ; после чего в 1850 г. была направлена Королевская комиссия для изучения двух древнейших университетов, а именно Оксфорда и Кембриджа. Отчет комиссии показал, что Кембриджский университет нуждается в принятии новых уставов, которые в последствие были подтверждены Актом Кембриджского Университета в 1856 г.

Кадровый состав университетов также подвергся изменениям. Для развития новых ветвей обучения Кембриджский университет при участии частных благодетелей учредил новое профессорство. Число прочих установленных учительских должностей оставалось небольшим, и основная часть занятий на последних курсах проводилась лекторами, которых назначал и работу которых оплачивал университет или частными репетиторами.

«Дополнительные лекции» на периферии являлись важной особенностью деятельности университета в конце XIX в. Часто они были связаны с попытками обеспечить профессиональное преподавание и проведение экзаменов для девушек путем местных экзаменов, устроенных Кембриджским университетом совместно с Оксфордом⁵.

С XIX в. должность в университетах, ученую степень и стипендию могли получать представители разных конфессий и религий. В 1871 г. Оксфордский университет постановил не считать религиозную веру обязательным условием для получения ученой степени⁶.

В XIX в. доступ к университетскому образованию получили женщины. С 1878 г. в Оксфорде были открыты два первых женских колледжа. Начиная с 1974 г. все 39 колледжей (кроме одного) изменили уставы, разрешив совместное обучение мужчин и женщин. В настоящее время единственным женским колледжем остается колледж Святой Хильды.

В Кембридже также появились два женских колледжа (Гиртон в 1869 г. и Ньюэм в 1872 г). Возникновение женских колледжей во многом обязано Генри Сидгвику, который преподавал в университете этику. Сначала студенток этих колледжей готовили к поступлению в Трипос, первые женщины были проэкзаменованы в 1882 г.⁷ До 1947 г. все попытки предоставить женщинам полноценное обучение в университете были безуспешны. С 60-х годов XIX в. в колледжах постепенно начали разрешать жениться. Это оказало сильное влияние на общество Кембриджа, а также на топографию города, потому что новые семьи начали строить новые дома.

Одно из направлений преобразований в университетах затрагивало учебный процесс. В середине XIX в. в Оксфорде появился интерес к естественным наукам. Построенная в 1872 г. Кларендонская лаборатория одной из первых в Европе приступила к физическим исследованиям.

В 1851 г были утверждены естественные и моральные науки (в настоящее время — философия), и вплоть до 1900 г. стали появляться такие дисциплины, как теология, индийский, семитские, средневековые и современные (европейские) языки.

Соревновательный момент между Оксфордским и Кембриджским университетами получил свое развитие в XIX в. в спортивных мероприятиях. Организованный спорт получил лидирующие роли в жизни факультетов и университетов в целом после 1851 г. Начиная с 1839 г. соревнования по спортивной гребле и крикету между Оксфордским и Кембриджским университетами стали ежегодной традицией. Тем временем клубы спортивной гребли, а также другие объединения спортивного характера в колледже (Ленц и Мэйс, получившие название в честь места проведения соревнования) стали неотъемлемой частью жизни выпускников⁸.

Таким образом, идея модернизации находилась под пристальным вниманием общественности, обсуждалась среди студентов и преподавателей и получила воплощение в программе преобразований Оксфордского и Кембриджского университетов. Преобразования в Великобритании в XIX в. в области высшего образования состояли в приобретении лицами различных конфессий прав на получение должности, стипендии в университетах и колледжах, в изменении в системе управления университетами, в предоставлении прав женщинам на получение высшего образования, в преобразовании прежних и введении новых отраслей преподавания.

Примечания

¹ Anderson, R.D. *Universities and Elites in Britain since 1800*. — L., 1922.

² Roach, J.P.C. *Examinations in Nineteenth Century England: State Power versus Private Control // Paedagogica Europaea*. — Vol 1. — 1965.

³ Зернов, М.В. *Оксфордский университет // Русские писатели об Англии*. Сост. А.Николюкин и О.Казнина. — М., 2001. — С. 552—553.

⁴ Шестаков, В. *Русские в Британских университетах (Опыт интеллектуальной истории и культурного общения)*. — СПб., 2009.

⁵ Roach, J.P.C. *Examinations in Nineteenth Century England*. — P. 225.

⁶ Как возник Оксфорд [Электронный ресурс] // Сайт Бизнес и работа. Режим доступа: <http://www.znaikak.ru/oxford.html>, свободный.

⁷ Шестаков В. *Русские в Британских университетах*. — С. 44.

⁸ Кембриджский университет: история (Лапченкова И. Возрождение университета в период XIX—XX вв.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Cambridge English Centre. Режим доступа: <http://www.ukenglish.ru/cambridge>, свободный.

III. СЕКЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ»

Л.М.Артамонова

Самарская государственная академия культуры и искусств

Т.Г.МАСЛЕНИЦКИЙ КАК ДЕЯТЕЛЬ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ КОНЦА XVIII ВЕКА

В ходе проведения школьной реформы Екатерины II свой вклад в развитие народного образования в стране внесли многие видные деятели российской культуры, писатели и ученые конца XVIII века: Г.Р.Державин, Ф.-У.Эпинус, О.П.Козодавлев и др. В этом ряду стоит и имя Тимофея Григорьевича Масленицкого.

Он родился в 1745 г. в семье симбирских помещиков. После традиционной для людей своего круга военной карьеры Т.Г.Масленицкий перешел в гражданское ведомство. В 1782—1785 гг., служа в винной и соляной экспедициях, он составил «Топографическое описание Симбирского наместничества вообще и порознь городов и уездов и обитающих в нем инородцев». Должное этому труду отдавали такие знаменитые современники, как издатель Н.И.Новиков, сделавший наиболее интересные выдержки из него известными для публики¹.

К сожалению, полностью этот труд никогда не был напечатан. В 1858 г. частичную его публикацию осуществили «Симбирские губернские ведомости».

В годы службы Т.Г.Масленицкого в Симбирской губернии появились сначала главное народное училище в губернском городе (1786), а затем малые народные училища в некоторых уездных центрах. 22 мая 1788 г. директор симбирских народных училищ капитан А.П.Соковнин попросил по болезни отставку². На его место 23 сентября генерал-губернатор Симбирский и Уфимский назначил Т.Г.Масленицкого, служившего тогда в казенной палате в чине надворного советника, который 30 сентября и приступил к своим новым обязанностям³.

Еще до начала школьной реформы в Уложении о губерниях 1775 года предусматривалось, что народное образование передается в ведение губернских Приказов общественного призрения, наряду с медициной и социальной благотворительностью. При разработке реформы Комиссия об учреждении народных училищ настояла на том, чтобы, вверив «главное на месте об училищах попечение Губернаторам, яко председателям Приказов общественного призрения», все же ввести специальное должностное лицо по школьной части. Она предложила поручить «особливое над училищами смотрение Директорам народных училищ, бессменно в Приказах заседать имеющим». Для лица, занимающего должность директора управление делом народного образования в губернии

становилось прямой служебной обязанностью. Эта должность вводилась в структуру местной власти, «поелику столь обширное и неусыпного бдения требующее заведение необходимо требует и особых надзирателей, которые бы не сменяясь могли вникнуть в свою должность и могли быть определяемы Генерал-Губернаторами из людей по знаниям своим к отправлению сего служения способных»⁴.

В Устав 1786 года был включен §69: «Директор Народных училищ выбирается и определяется Генерал-Губернатором. Он должен быть любитель наук, порядка и добродетели, доброхотствующий юношеству и знающий цену воспитания. Он заседает в Приказе Общественного Призрения по делам до училищ касающихся». Назначение генерал-губернатором повышало статус директора и обеспечивало тому некоторую независимость положения в губернской администрации. Должность директора была штатной и оплачиваемой, что делало ее привлекательной для чиновников. Не было запрета совмещать эту должность с другими видами службы в местной администрации, что давало возможность занимать ее по совместительству, не покидая более престижных мест.

Подбор директора народных училищ был делом непростым. Требовались люди не только хорошо образованные, что само по себе было тогда довольно редким явлением для русской провинции, но и понимавшие необходимость просвещения, проявлявшие сами склонность к исследовательской и педагогической деятельности. К числу таких и относился Масленицкий. Его назначение стало настоящей удачей для развития народного образования в Симбирско-Самарском Поволжье. За плечами этого исключительно образованного и преданного делу науки и просвещения человека был опыт инженера-гидростроителя, перевод на русский язык «Гидравлической архитектуры» Б.Белидора — популярного справочника и учебника, работа над уже упомянутой «Топографией Симбирской губернии» — сводом краеведческих сведений статистико-географического и историко-этнографического характера. Поставить столь грамотного и опытного администратора исключительно к делам по народному образованию губернское начальство не могло, и Масленицкий совмещал директорскую должность с другими служебными обязанностями⁵. На время его длительного отсутствия или занятий другими делами назначался исполняющий его обязанности («правлящий над училищами директорскую должность»⁶) из учителей старших классов главного народного училища или заседателей Приказа общественного призрения.

В обязанности директоров народных училищ входили составление и подача исторических записок, годовых, полугодовых и третних ведомостей о деятельности народных училищ. По ряду губерний записки и ведомости подавались в очень кратком виде и их сведения нередко представляются малоинформативными для исследователей, а ведомости за отдельные годы не составлялись или в Петербург не присылались вообще. К счастью, были примеры более ответственного и внимательного подхода к составлению указанных документов со

стороны губернского училищного начальства. В РГИА был выявлен уникальный по подробному изложению и сохранности комплекс как полугодовых, так и третьих ведомостей Симбирского Приказа общественного призрения. По соседним губерниям, например, Саратовской и Уфимской (Оренбургской), такие ведомости носили менее полный характер, да и сохранились хуже. Особенно представительны документы, составленные именно тогда, когда директором народных училищ этой губернии и членом Приказа общественного призрения являлся Т.Г.Масленицкий. При нем в ведомостях давался подробный пересказ практически всех дел Приказа общественного призрения по народному образованию, а иногда и дословное их воспроизведение. Этот источник представляется особо ценным для изучения школьного дела не только в Поволжье, но и по России в целом.

С 1799 г. ведомости стали подаваться по новой унифицированной форме, что снизило их информативность по таким губерниям, как Симбирская, где они до этого составлялись весьма подробно⁷. В некоторой мере это было связано со сменой руководства школьным ведомством. Об уходе Т.Г.Масленицкого с должности директора местных училищ симбирский губернатор лично оповестил Приказ общественного призрения 1 мая 1798 г.⁸

Возможно, что этот уход не был случайным совпадением с начавшейся волной закрытия народных школ в правление Павла I. Правда непосредственным основанием для отставки стало прошение, поданное самим Масленицким 20 апреля⁹. Он заявил о желании отказаться от обязанностей директора училищ Симбирской губернии «по случаю определения его в председатели симбирской палаты суда и расправы в 1-й департамент, в котором усмотрено им множество нерешенных дел и вновь поступает немало, отзываясь невозможностью от-правлять с успехом обеих должностей»¹⁰. Можно полагать, что уход видного просветителя, ученого и педагога, с должности, которая ему пристала, как никому другому, не был обусловлен объективными причинами. Масленицкий всегда совмещал директорские обязанности со службой в других административных учреждениях.

Теперь губернским властям такое совмещение уже было не нужно, а Масленицкому, возможно, не хотелось продолжать службу по школьному ведомству в новых условиях, когда он не видел прежней государственной воли и стремления к распространению образования. Сыграл свою роль и моральный удар, пережитый им, когда уездные дворянские и городские общества, пренебрегая его уговорами и усилиями, отказывались от малых народных училищ. Впрочем, о попытках директора исправить ситуацию со школьным образованием в губернии, как и о других фактах его деятельности на ниве народного просвещения автор настоящего сообщения уже имел возможность сообщить в литературе более подробно¹¹.

Примечания

¹ РГВИА. — Ф. ВУА. — Д. 19025-19026; Краткое топографическое описание Синбирской губернии. Выбрано из сочиненного в 1783 году надворным советником Масленицким Топографического описания по запросным пунктам от Кабинета Ея Императорского Величества, 1783 года // Древняя Российская Вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российской касающихся. Изданная Николаем Новиковым. Изд 2-е. — М., 1791. — Ч. XV.

² РГИА. — Ф. 730. — Оп. 2. — Д. 1216. — Л. 6 и об.

³ РГИА. — Ф. 730. — Оп. 2. — Д. 1186. — Л. 9.

⁴ РГАДА. — Ф. 17. — Оп. 1. — Д. 76. — Л. 98об.-99.

⁵ Трофимов, Ж.А. Симбирск и симбиряне: исторические и литературные поиски. — Ульяновск, 1997. — С. 65—69.

⁶ РГИА. — Ф. 730. — Оп. 2. — Д. 1217. — Л. 9об.

⁷ РГИА. — Ф. 730. — Оп. 2. — Д. 1247. — Л. 11.

⁸ РГИА. — Ф. 730. — Оп. 2. — Д. 1206. — Л. 4.

⁹ РГИА. — Ф. 730. — Оп. 2. — Д. 1245. — Л. 2.

¹⁰ РГИА. — Ф. 730. — Оп. 1. — Д. 102. — Л. 25.

¹¹ См.: Артамонова, Л.М. Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII — начала XIX вв. (Юго-восточные губернии Европейской России). — Самара, 2001.

М.А.Базанов

Челябинский государственный университет

Д.С.ЛИХАЧЕВ О ВРЕМЕНИ СОЗДАНИЯ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»: ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ УЧЕНОГО

На настоящий момент своего рода «общим местом» стало утверждение Л.В.Соколовой о том, что «Д.С.Лихачев никогда не сомневался в подлинности "Слова о полку Игореве"»¹ и всегда относил его составление к концу XII в. Свидетельствует о том, в частности, и роль, сыгранная им в дискуссии, развернувшейся вокруг книги А.А.Зими́на «Слово о полку Игореве»².

Однако далеко не всегда ученые раскрывают в печатных работах и публичных выступлениях все свои соображения по тому или иному вопросу (как правило это происходит в силу цензуры или самоцензуры). Некоторые из них остаются зафиксированы лишь в так называемых источниках личного происхождения. Подтверждением тому может служить одно из частных писем Д.С.Лихачева, адресованное его коллеге, крупному филологу, академику В.В.Виноградову³. Датировано оно 3 октября 1967 г., то есть оно было написано через два с половиной года после обсуждения книги А.А.Зими́на и потому несет на себе явные отпечатки развернувшейся в те годы дискуссии.

Из первых же его строчек следует, что данное послание было создано в качестве ответа на заданные В.В.Виноградовым незадолго до того в ходе телефонного разговора вопросы, касавшиеся времени происхождения «Слова о полку Игореве»⁴. Далее Д.С.Лихачев пытается убедить В.В.Виноградова в истинности «традиционной» датировки этого литературного памятника.

Так, он пишет: «Самые веские доказательства раннего происхождения "Слова" — текстологические», но тут же делает оговорку: «если только текстологию, разумеется, правильно применять»⁵. Оговорка эта вовсе не случайна — основные аргументы А.А.Зимины носили именно текстологический характер. Вслед за этим Д.С.Лихачев отмечает наличие в «Слове о полку Игореве» позднейших наслоений в языке и орфографии, объясняя это тем, что дошедший до А.И.Мусин-Пушкина список, с его точки зрения, должен был быть составлен в XV или XVI вв., а элементы XVIII в. были привнесены в него публикаторами.

В ходе обсуждения монографии А.А.Зимины И.Н.Голенищевым-Кутузовым была высказана мысль о составлении этой поэмы в XIV в.⁶. Д.С.Лихачев, не ссылаясь на И.Н.Голенищева-Кутузова, отвергает эту версию как крайне маловероятную. Однако после приведенных им контраргументов следует еще одна оговорка: «Все же можно серьезно обсуждать вопрос — не было ли "Слово" создано в XIV в.»⁷

«Можно обсуждать» — писал он далее, — «вопрос и о XIII в. — как времени создания "Слова"». Весь XIII в., согласно Д.С.Лихачеву, был временем, «когда литература находилась на высоком уровне»⁸. Отмечает он и близость «Слова о полку Игореве» с другим известным произведением указанного периода — «Словом о погибели Русской земли». Однако аргументы, выдвинутые в пользу такой датировки Д.Н.Альшицем⁹ и Л.Н.Гумилевым¹⁰, он считает фантастичными и не выдерживающими никакой критики.

Самое неожиданное заявление Д.С.Лихачев делает, когда вновь переходит к обоснованию «традиционной» датировки: «Те аргументы, по которым "Слово" обычно относят к 80-м годам XII в., очень слабы и... тем не менее наиболее вероятная дата создания "Слова" — именно конец XII в.»¹¹. Таким образом, собственную датировку «Слова о полку Игореве» он рассматривает не как «единственно верную», но лишь как «наиболее вероятную», при этом еще и снабженную «очень слабыми» аргументами.

Итак, известный по своим печатным работам и публичным выступлениям как ярый сторонник раннего происхождения «Слова» Д.С.Лихачев в этом письме предстает перед нами в совершенно ином свете — полным сомнений и неуверенности, признающим свою датировку лишь «наиболее вероятной» в ряду других.

Примечания

¹ Соколова, Л.В. Почему Д.С.Лихачев никогда не сомневался в подлинности «Слова о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. — СПб., 2003. — Т. 53. — С. 23.

² См., напр.: Запесоцкий, А., Зобнин, Ю., Михайлов, А.Д. С.Лихачев и А.А.Зимин: уроки научной полемики // Вестник Европы. — 2007. — Т. XXI. — С. 240—247.

³ Архив РАН. — Ф. 1602. Личный фонд В.В.Виноградова. — Оп. 1. — Д. 266. — Л. 20 — 20об.

⁴ В.В.Виноградов, надо сказать, был близок к «скептикам» и датировал данное произведение XII—XV вв., отмечая в нем наличие позднейших вставок, вплоть до конца XVIII в. (см.: Виноградов, В.В. Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры // Вопросы литературы. — 1968. — №1. — С. 3). В ходе развернувшейся дискуссии он будет неоднократно консультировать А.А.Зимина (см. Формозов, А.А. А.А.Зимин. «Слово о полку Игореве» (фрагменты книги) [вступительная статья] // Вопросы истории. — 1992. — №6/7. — С. 98).

⁵ Архив РАН. — Ф. 1602. — Оп. 1. — Д. 266. — Л. 20—20об.

⁶ Правленный автором текст выступления И.Н.Голенищева-Кутузова см.: Архив РАН. — Ф. 457. — Оп. 3(1964). — Д. 7. — Л. 31—37.

⁷ Архив РАН. — Ф. 1602. — Оп. 1. — Д. 266. — Л. 20.

⁸ Там же.

⁹ См.: Сборник ответов на вопросы по литературоведению. — М., 1958. — С. 37—41.

¹⁰ См.: Гумилев, Л.Н. Монголы в XIII в. и «Слово о полку Игореве» // Доклады Отделения этнографии Географического общества СССР. — Л., 1966. — Вып. 2. — С. 55—80.

¹¹ Архив РАН. — Ф. 1602. — Оп. 1. — Д. 266. — Л. 20 об.

Е.В.Бодрова

Московский государственный университет приборостроения и автоматики

О ПОТРЕБНОСТИ НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ПРОШЕДШЕГО ДВАДЦАТИЛЕТИЯ

Несмотря на значительное количество работ, посвященных проблемам государственной научно-технической политики, осуществляемой в РФ, в целом эта тема изучена явно недостаточно. В частности, остаются малоизученными такие вопросы, как становление и развитие концепции формирования инновационного развития РФ, механизмы ее реализации. Между тем, исследование этих проблем позволяет не только оценить эффективность государственной политики по созданию национальной инновационной системы, выявить положительный опыт, перспективные модели, обозначить те элементы, которые требуют совершенствования, но и определить основные тенденции и глобальные изменения в сфере науки и техники.

Задачи интеграции образования, науки и производства в последнее десятилетие находятся в фокусе внимания Правительства Российской Федерации. Однако исследование позволяет утверждать, что их реализация тормозится

наличием целого ряда проблем. В частности, значительно деформированы потребности российского общества в высокопрофессиональных кадрах, что выражается в дисбалансе спроса на низко- и высококвалифицированный труд, смещении его от технических профессий в сторону экономических и гуманитарных. Остаются невостребованными наиболее результативные отечественные и зарубежные практики. Это приводит к оттоку за рубеж квалифицированных специалистов, не доведению результатов научно-технической деятельности в массе своей до стадии коммерциализации и реализации на внутреннем и внешнем рынках. Сложившаяся ситуация усугубляет технологическую и кадровую зависимость России.

В целом пока не найдена модель эффективного взаимодействия образования, науки, производства и инновационного бизнеса, которая выступала бы как механизм реагирования на новые потребности общества.

Можно предположить, что трудности выстраивания такой модели связаны, помимо прочего, и с состоянием науки и производства. Сфера науки демонстрирует снижение научного потенциала, неэффективность использования в практике научных разработок, уменьшение научных и проектных организаций; слабую связь с промышленностью, низкий уровень внедрения фундаментальных исследований и др. Сфера производства имеет свои специфические проблемы: техническая и технологическая отсталость многих российских предприятий, недостаточная восприимчивость новаций, низкая производительность труда и др. Россия занимает 65-е место по индексу человеческого развития, 30-е место — по уровню образования, 130-е место по здравоохранению, 105-е — по качеству жизни, 75-е — по индексу социального развития, 35-е — по уровню экономического развития. Да и масштаб личности немалой части представителей интеллигенции, взявшихся осуществлять преобразования в России, не соответствует масштабу задач, стоящих перед страной. При таком развитии к 2030 г. эксперты ожидают значительное отставание развития технологий и торможение Российской Федерации практически по всем направлениям¹.

Исследователь В.А.Ядов, характеризуя результаты трансформационных процессов в России, приходит к выводу, что Япония сделала опорой своего экономического чуда традиционный корпоративизм; Китай осуществляет реформы при сохранении мощной «пирамидальной» основы общественного устройства (руководящая роль компартии и идеи «Великого кормчего»), а Россия отбросила и то, и другое, т.е. опору на коллективизм и на сильное государство, к тому же копировала западную модель модернизации, основой которой выступает гражданское общество и инновативная самодостаточная личность (но именно этих предпосылок Россия в настоящее время лишена)².

По нашему мнению, ключевым вопросом для современной России был и остается вопрос о переходе от экономики, отторгающей НТР, к цивилизации «постиндустриальной», нерасторжимо связанной с НТР. У России есть все необходимые предпосылки для постиндустриального обновления своего технологического

базиса. Она унаследовала от СССР преобладающую (не менее 60%) часть производственного потенциала, особенно в самых важных для технического прогресса сферах, в том числе топливно-энергетический, сырьевой и машиностроительный комплексы и разветвленную инфраструктуру. Страна и сейчас располагает мощным научно-техническим потенциалом в ряде важных областей (космическая промышленность, авиастроение и атомная промышленность). Отдельные разработки и заделы прорывного характера имеются в лазерной технике, электронике, информатике, телекоммуникациях, биотехнологии. Сохраняются сравнительно высокие позиции и в отношении человеческого капитала, особенно в части образовательного уровня и профессиональной квалификации. Поэтому и следует сконцентрировать усилия на приоритетных направлениях, в числе которых — интеграция науки, образования и производства. Только синтез устойчиво развивающегося сектора исследований и разработок — с оптимальной институциональной структурой и расширенным воспроизводством знаний — и эффективной инновационной системы, встроенной в глобальную инновационную систему, сможет обеспечить развитие в нашей стране таких базовых направлений, как нанотехнологии, биотехнологии, информационно-коммуникационные технологии; синергию их реализации со стратегией развития потребительского, минерально-сырьевого, топливно-энергетического и инфраструктурного секторов российской экономики.

Примечания

¹ Кузык, Б. Инновационное развитие России: сценарный подход // Экономические стратегии. — 2009. — № 1. — С. 56—67.

² Ядов, В.А. Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов // http://publications.isras.ru/Publications/Yadov/Arti_Yad.htm

А.С.Бренькова

Санкт-Петербургский государственный университет

КРИТИКА ИДЕИ ДЕМОКРАТИИ Л.А.ТИХОМИРОВЫМ

Лев Тихомиров — человек очень интересной судьбы. Он являлся активным участником революционного движения в 70-х годах XIX века. В 1882 году он эмигрировал за границу, где вместе с П.Л.Лавровым издавал «Вестник Народной воли¹». В 1889 году Тихомиров пишет покаянное письмо Александру III, и после получения прощения возвращается в Россию убежденным монархистом. В конце своих идейных исканий он пришел к выводу, что только православно-оправданная, государственно-содержательная и национально-ориентированная

русская идея может служить основным стержнем здорового развития России². Как человек по натуре деятельный и к тому же хорошо знакомый с организацией революционного движения, Л.А.Тихомиров и мысли не допускал, что общественная жизнь может развиваться сама собой, без вмешательства извне сильной государственной власти³. Основной его труд, посвященный этому вопросу, — «Монархическая государственность», написанный в 1905 году. Однако гораздо доступнее его идеи были в многочисленных статьях, где мыслитель разъяснял свои взгляды для широкой публики. Такое выражение идей можно назвать одной из особенностей творчества Л.А.Тихомирова.

Критика идеи демократии разворачивается у философа в русле его основной концепции монархической государственности. Прежде всего, Тихомиров замечает, что выбор принципа верховной власти зависит от мировоззрения нации, поэтому, хотя русскому человеку родственно европейское чувство личности, европейское христианство, европейская идея демократии, но на этих же основах он должен построить нечто свое. Поэтому и понимание основных демократических идей оказывается своеобразным.

Идея равенства людей между собой естественно оказывается связанным с принципом справедливости, который, согласно мыслителю, не предполагает простого равенства прав, но требует их градации соответственно с достоинством личности, ее заслугами, ее способностью пользоваться правом не во вред себе и другим⁴. Такая градация составляющих общество личностей представляет безусловную выгоду для власти, так как выполняет задачи «осведомления и общения» с нацией. Благодаря этому для Тихомирова становится очевидной необходимость сословного строя, причем «только в организованной нации становится реальностью непосредственное общение верховной власти с народом⁵». Соответственно, по мнению мыслителя, «народное» представительство при демократии оборачивается представительством отдельных, иногда далеко не лучших личностей. Реальное присутствие народа в государственном управлении возможно только благодаря монарху, проводящему в политику божественную волю. Вообще же монархическое устройство государства лучше всего отвечает духу русского народа. Причем монархия должна быть неограниченной, так как при сковывании воли государя он не может в полной мере нести моральную ответственность за свои решения перед своим народом и, что еще важнее, перед Богом. Особый смысл приобретает и то, что общество подчиняется монарху не как простому человеку, а как наместнику Бога на земле, в соответствии с известной христианской идеей. И только Богу, по мнению философа, человек может верить настолько, чтобы подчиняться даже тогда, когда он не понимает причин и необходимости самого подчинения.

Таким образом, идея демократии не устраивает Л.А.Тихомирова как сама по себе, так и применительно к русскому народу. Действительная власть народа может существовать только через посредничество представителя более высокой, божественной власти — государя, ответственного как перед самим народом,

духом своим вызвавший к жизни подходящий ему государственный строй, так и перед Богом. Равенство и справедливость ставятся в зависимость от монарха, а более успешная реализация этих принципов в обществе обеспечивается с помощью сословного строя. Гарантом успешного развития и существования нации является взаимная ответственность народа и государя перед Богом. Естественно, при такой постановке проблемы должна быть пересмотрена и роль церкви в обществе, и ее взаимоотношения с государством. Демократия в качестве светского строя со всеми своими характеристиками просто не может существовать без противоречий и серьезных проблем — вот основа критики ее Л.А.Тихомировым, предложившим свой альтернативный вариант политической жизни России.

Примечания

¹ Политическая мысль в России: Словарь персоналий (XI в. — 1917 г.). / Рук. авт. коллектива Е.Н.Мошелков. — М.: Университет, 2000. — С. 236.

² Начапкин, М.Н. Малоизвестные страницы русского консерватизма. Л.А.Тихомиров: жизнь и мировоззрение. — Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2007. — С. 66.

³ Гросул, В.Я., Итенберг, Г.С., Твардовская, В.А., Шацилло, К.Ф., Эймонтова, Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. — М.: Прогресс-традиция, 2000. — С. 388.

⁴ Тихомиров, Л.А. К вопросу о терпимости // Тихомиров, Л.А. Критика демократии. / Сост. М.Б.Смолин. — М.: Москва, 1997. — С. 401.

⁵ Тихомиров, Л.А. Рабочий вопрос и русские идеалы // Тихомиров, Л.А. Апология веры и монархии / Сост. М.Б.Смолин. — М.: Москва, 1999. — С. 333.

Д.А.Будюкин

Липецкий государственный технический университет

КНЯЗЬ Л.Д.ВЯЗЕМСКИЙ И ЕГО СЕМЬЯ: ВОСХОЖДЕНИЕ В АРИСТОКРАТИЮ

Родство как форма социального капитала и базирующиеся на нем социальные сети являются одним из важнейших факторов, способствующих сохранению и укреплению статуса традиционных элит. Для российского дворянства родственные связи приобретают дополнительное значение как важный критерий принадлежности к аристократии, которую не определяют по отдельности ни титул, ни древность рода, ни богатство. В России иногда в одной и той же разветвленной дворянской фамилии одни ветви принадлежали к аристократии, а другие нет (при очень дальнем родстве между разными ветвями). При этом

аристократические ветви создавали «громкое имя» как особую форму социального капитала, общего для всего рода и, в особенности при наличии титула, способствующего повышению статуса всех его представителей.

Старшая ветвь рода князей Вяземских была одной из самых известных и богатых фамилий России. Именно благодаря представителям этой ветви фамилия Вяземских, не принадлежавшая к старой боярской аристократии (по сведениям Е.П.Карновича, в XVII веке князья Вяземские даже служили в нескольких поколениях попами и дьячками в селах у помещиков средней руки), была среди самых известных российских аристократических фамилий. Младшие ветви рода не обладали большим богатством, до XIX века редко достигали на службе высоких чинов и по своему реальному социальному статусу относились к рядовому провинциальному дворянству.

В начале XIX века князь Е.А.Вяземский, принадлежавший к младшей ветви рода, положил начало проживанию князей Вяземских в имении Лотарево Усманского уезда Тамбовской губернии. На данном этапе усманские Вяземские — зажиточные, но вполне ординарные провинциальные помещики, не достигающие высоких чинов, без особых связей в столицах и тем более при дворе. Особенно ярко иллюстрируют этот факт их браки с представительницами старинных и уважаемых, но пользовавшихся только локальным влиянием фамилий, нередко владельцев соседних имений. Как заметил М.О.Мельцин по поводу принадлежавшего к высшей аристократии рода князей Долгоруковых, «женились Долгоруковы обычно не на соседках, как провинциальные помещики» — что пока никак нельзя сказать о Вяземских.

Его внук Леонид Дмитриевич (род. 1848 г.) сделал блестящую карьеру на военной службе: в 1877 году он был уже полковником и флигель-адъютантом. На русско-турецкой войне в 1877—1878 г. князь был тяжело ранен. Он поселился в Лотарево, занимался хозяйственными делами, избирался на должность усманского уездного предводителя дворянства. В эти годы он женился на графине Марии Владимировне Левашевой. Брак оказался удачным во всех отношениях, принеся Леониду Дмитриевичу семейное счастье, увеличив его состояние и, главное, включив его в разветвленную систему родственных связей столичной аристократии. В результате этого брачного союза он оказался в родстве с влиятельным и богатым семейством графов Паниных, а в 1895 году его младшему сыну Владимиру, внуку графа Владимира Васильевича, последнего из рода Левашевых, было дозволено присоединить их фамилию и титул к своим собственным. В 1887 году Вяземский вернулся на службу в чине генерал-майора и вскоре был назначен астраханским губернатором, а в 1890 — начальником Главного управления Департамента уделов и членом Госсовета. Когда в 1906 году Н.П.Муратов был назначен на пост тамбовского губернатора, знающие люди советовали ему сделать визиты именитейшим людям губернии, не порывавшим с ней связь и жившим летом в своих поместьях. В их числе был назван и Л.Д.Вяземский — в одном ряду с такими фигурами, как обер-шенк граф

П.С.Строганов, наместник на Кавказе граф И.И.Воронцов-Дашков, обер-гофмаршал князь А.С.Долгоруков и статс-дама А.Н.Нарышкина. Леонид Дмитриевич Вяземский умер в 1909 году в Лозанне, где находился на лечении.

В семье Вяземских было четверо детей: Борис (26.09.1883), Дмитрий (12.11.1884), Лидия (26.05.1886) и Владимир (8.04.1889). Сыновья окончили университет, служили в Конногвардейском (Борис) и Лейб-гусарском (Владимир) полках, самых аристократических среди блестящей гвардейской кавалерии. Бывший офицер Лейб-гвардии Гусарского полка Г.А. фон Таль в своих мемуарах писал: «В полку служили всегда несколько Великих Князей. При мне [т.е. с 1906 г.] — Вел. Кн. Борис Владимирович и дети Вел. Кн. Константина Константиновича — князя Гавриил, Олег и Игорь Романовы и герцог Лейхтенбергский. Также иногда было до 10 флигель-адъютантов Государя Императора, а также такие богачи, как графы Воронцовы-Дашковы, князь Вяземский...». Имя Владимира Вяземского здесь названо рядом с графами Воронцовыми-Дашковыми. Видимо, это не случайно, поскольку именно с ними был связан следующий этап роста социального статуса Вяземских. Женами всех трех братьев стали приходившиеся друг другу двоюродными сестрами внучки уже упоминавшегося графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова, одного из самых влиятельных людей России, очень близкого к императорской семье, обладателя несметных богатств и отца многочисленного семейства, состоявшего в родстве со значительной частью высшей российской аристократии. Кроме того, Воронцов-Дашков был еще и крупнейшим тамбовским помещиком, владельцем имения Новотомниково, что делало вновь образовавшийся клан на региональном уровне практически абсолютной силой. Свадьбы всех трех братьев Вяземских состоялись в течение 1912 года. Борис женился на графине Е.Д.Шереметевой, Дмитрий — на графине А.П.Шуваловой, а Владимир — на графине С.И.Воронцовой-Дашковой. Их сестра Лидия с 1909 года была замужем за князем Илларионом Сергеевичем Васильчиковым, представителем еще одной знатной и влиятельной фамилии, в то время — ковенского уездного предводителя дворянства.

Таким образом, в начале XX века позиции Вяземских в рядах российской элиты были исключительно прочными, а завоеванный ими статус только возрастал. Только такая масштабная социальная катастрофа, прервала их уверенное восхождение по социальной лестнице, заставив тех, кто уцелел, бороться за сохранение остатков своего социального статуса в эмиграции.

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ ТИМОФЕЕВ: ПРАВОСЛАВНЫЙ МИССИОНЕР И ПРОСВЕТИТЕЛЬ КРЯШЕН

Когда мы изучаем историю, перед нами мысленно встает сложный и противоречивый исторический процесс поступательного развития человечества: возникновение, расцвет и распад могущественных государств и империй, исторические битвы, национально-освободительные движения, захватнические и освободительные войны, то есть, мы воссоздаем, все те события и явления, из которых складывается сложный, многообразный и противоречивый процесс развития народов и история человеческого общества. И тогда, логично возникает вопрос, что является движущей силой истории, что вызывает и обуславливает ход исторических событий? Кажется, что все подчинено неким стихийным, безликим силам, но историю человеческого общества создают люди. Личности одаренные, несущие в себе бесконечный потенциал стремления изменить существующий порядок вещей, внести нечто свое, наполненное некоей идеей. Конечно, следует заметить, что они могут руководствоваться разными целями, кто-то стремится к власти, движимый жаждой обогащения или карьеризма, а кто-то движим благородными идеями, любовью к своему народу, и преданный своим идеалам. История создается не только известными людьми, чьи имена известны широкому кругу людей, с которыми связаны потрясающие разум битвы или события, передовые реформы или прекрасные произведения искусства. Историю так же создают люди, которые своим ежедневным упорным трудом, своими помыслами и идеями стремятся к достижению благородных целей, имена которых зачастую мало или практически не известны, но роль в истории которых имела огромное значение.

Одним из таких ярких людей в истории русского и татарского народа был Василий Тимофеевич Тимофеев (1836—1895 гг).

Сегодня имя отца Василия известно узкому кругу ученых-историков, даже на его «малой родине», д.Никифорово (Чиябаш) Мамадышского района Республики Татарстан, о нем знают или слышали немногие. Но до 1917 года Василий Тимофеев был широко известен в великосветских и придворных кругах даже Санкт-Петербурга. Простой же народ из татар-кряшен называл его Бэчли-эти (отец Василий), и его имя стало настолько популярным среди татар-кряшен, что его могила после смерти являлась местом паломничества татаро-кряшенской интеллигенции, священников и простого люда. Такая известность, популярность вполне закономерна учитывая просветительскую деятельность этого выдающегося человека среди татар-кряшен¹.

В.Т.Тимофеев по праву считается народным учителем, православным священнослужителем, просветителем инородцев и миссионером.

Во второй половине XIX века в епархии сформировалась и стала развиваться миссионерская и просветительная система. Ее создателем был Н.И.Ильминский, которого называли апостолом казанских инородцев. Основанное по его инициативе Братство святителя Гурия (1867)² стало центром переводов Священного Писания и духовной литературы на языки народов России, а Казанская инородческая учительская семинария (1872) и Центральная крещено-татарская школа (1864) параллельно формировали кадры национальной интеллигенции и духовенства чувашей, татар-кряшен, марийцев, удмуртов, мордвы. Все это вело к более глубокой христианизации народов Поволжья, преодолению пережитков язычества. В.Т.Тимофеев помогал Н.И.Ильминскому реализовывать на практике систему просвещения нерусских народов, в которой главная ставка делалась на развитие сети школ для детей «инородцев», на переводы религиозной и учебной литературы на родной, «живой» разговорный язык «инородцев»³. Будучи выходцем из крещеных татар, он прекрасно знал татарский язык и поэтому старался все свои усилия направить на дело просвещения своих собратьев. В результате, благодаря В.Т.Тимофееву начинается новая страница в деле просвещения нерусских народов, где основной упор отныне делался на открытие школ нового типа и переводе православных книг на «живой» разговорный язык, способствовавших образованию и духовному просвещению нерусских народов Российского государства. В.Т.Тимофеев становится первым учителем и затем заведующим Казанской центральной крещено-татарской школы, которая выросла благодаря его неутомимому старанию, с того момента когда он, едва поселившись в своем подвале академической слободки, начал обучение прибывших к нему татарчат, в результате, его маленькая квартирка стала первым шагом на пути к повсюду известной в последствии крещено-татарской школы⁴.

Неоспорим огромный вклад Тимофеева в создании и распространении кряшенской письменности, которая росла из родного, «живого», разговорного татарского языка, и была доступна и понятна татарам-кряшанам, что облегчало понимание и усиливало миссионерскую работу среди инородческого населения в Поволжье. Это особенно актуально было в 70-х гг. XIX в., когда Н.И.Ильминский выступает с новой дипломатической программой русификации и христианизации нерусских народов. Сущность его метода заключалась в распространении христианства среди «инородцев» и укреплении их в православии при помощи миссионеров и учителей, вышедших из «среды» инородцев, а также в печатании на их родном языке религиозных и светских книг⁵. Живым носителем этой идеи и ее практическим воплощением в Казанской губернии стал для Н.И.Ильминского как раз В.Т.Тимофеев⁶.

Василий Тимофеевич оказался природным и притом высокоталантливым и искусственным жизнью педагогом⁷. Священный сан он *получил в 1869 году* и сделался первенцем инородческого священства. Священством этим вместе с введением для татар богослужения на родном языке, можно сказать, окончательно

завершилась и увенчалась новая система их христианского просвещения⁸. Натура необыкновенно скромная и деликатная, с тонким природным тактом и замечательно утонченным чувством, какое редко можно встретить даже у высокообразованных и благовоспитанных людей, и вместе с тем натура глубоко искренняя и правдивая, сохранившая все черты симпатичной непосредственности и безыскусственности⁹.

Говорить о В.Т.Тимофееве сегодня тем актуальнее, поскольку в 2011 году отмечается 175 лет, со дня рождения этого талантливого педагога, просветителя, священнослужителя, миссионера, внесшего неоценимый вклад в историю своего народа, в зарождении и становлении его духовно-нравственного развития.

Примечания

¹ О. Василий Тимофеевич Тимофеев (некролог). — Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1896. — С. 4.

² Чичерина, С.В. О приволжских инородцах: современное значение системы Н.И.Ильминского. — СПб., 1906. — С. 16.

³ НФ РТ. — Ф. 10. — Оп.1. — Д. 2255. — Л. 1.

⁴ Горохов, В.М. Реакционная школьная политика царизма в отношении татар Поволжья. — Казань, 1941. — С. 104.

⁵ Чичерина С.В. Как началось просвещение восточных инородцев. — СПб., 1907. — С. 92.

⁶ НФ РТ. — Ф. 10. — Оп.1. — Д. 2255. — Л. 2.

⁷ О. Василий Тимофеевич Тимофеев (некролог). — Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1896. — С. 3.

⁸ Там же. — С. 5.

⁹ Там же. — С. 7.

М.М.Волобуева

Ивановский государственный университет

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ РАБФАК В 1936—1937 ГОДАХ

Рабочий факультет являлся новым типом учебного заведения. А.В.Луначарский сравнивал его с пожарной лестницей, приставленной к стене высшей школы для продвижения в ее аудитории рабоче-крестьянской молодежи¹. Иные называли его мостом через пропасть, существовавшую между рабочими и университетами². Согласно учебному плану первого рабфака половина срока обучения студентов отводилась на общеобразовательную подготовку, в течение второй половины обучения рабфаки стремились дать студентам специальную подготовку на случай, если они не поступят в вуз. Если существовала такая

оговорка, значит такие случаи были, и в данной статье мы попробуем выявить причины неуспеваемости в Ивановском Энергетическом рабфаке в 1936—1937 годах. Проанализируем, какие пробелы в знаниях имели выпускники и почему преподаватели выпускали плохо подготовленную молодежь.

Выпускные экзамены по русскому и математике были обязательными для выпускников. В 1936 году средняя оценка по результатам выпускных экзаменов по русскому языку была оценка удовлетворительно. Именно такую оценку получило 54,4% выпускников дневного рабфака. Но количество неудовлетворительных оценок также была велика, и процент получивших ее составил 28%. Такой же показатель был зафиксирован и в 1937 году, где количество студентов получивших оценку удовлетворительно составило 53%. Если же говорить о проценте «плохих» оценок их количество составило 26%³. Процент не справившихся с заданием снизился, но все равно оставался очень высоким. Оценивались знания студентов довольно жестко вот основные критерии по которым выставались отметки: оценку хорошо студент получал в том случае, если сделал одну орфографическую и одну-две пунктуационных ошибки. Оценка удовлетворительно ставилась в том случае, если студент сделал от двух до трех орфографических ошибок, и от трех до четырех пунктуационных. Оценка плохо и очень плохо ставилась в случае совершения студентом более 4 орфографических и более 5 пунктуационных ошибок. Самыми распространенными были ошибки в правописании наречий, звонких и глухих согласных, употреблении больших букв и правописании числительных⁴.

Если анализировать данные по выпускным работам по математике (а точнее по алгебре и геометрии), то можно отметить, что распространенной оценкой в 1936—1937 годах была оценка плохо и очень плохо ее получили на дневном отделении 71% учащихся. Отметки по геометрии и тригонометрии были тоже не утешительными, процент плохих и очень плохих отметок составил 68%. Распространенными были ошибки в вычислении процентов, в составлении уравнений, вычислениях и алгебраических преобразованиях. По геометрии главными были ошибки в знаках, названиях функций, в написании и построении общего вида углов⁵.

Почему знания выпускников были такими плохими. Одним из недочетов было то, что запись условий с доски занимало 35 минут, что намного сокращало время на решение той или иной задачи. На досках записывались три варианта заданий. Условия задач записывались убористом почерком, что в дальнейшем приводило к ошибкам при списывании условий. Сама работа предусматривала огромное количество заданий, и на ее выполнение требовалось намного больше времени, чем отводилось. Частыми были случаи, когда студенты не успевали приступить к решению 3-го и 4-го заданий⁶. Нельзя забывать, что студентам очень трудно давались такие предметы как математика и русский язык. Если сравнить количество плохих оценок по химии и физике то их было в два раза меньше, чем по русскому языку и математике. Так оценку плохо по физике

получило 4 человека, а по химии 2, в то время как по математике и русскому языку оценку плохо получило 8 человек. Высокий процент неудовлетворительных оценок также объяснялся халатным отношением студентов к своим обязанностям. Некоторые студенты были просто перегруженные общественной работой, а время на обучение распределялось по остаточному принципу.

Подводя итог отметим, что в погоне за количеством выпускников страдало качество подготовки специалистов. К 1936—37 году рабфаки уже перестали быть единственным каналом для продвижения рабоче-крестьянской молодежи в вузы и количество их постепенно уменьшалось.

Примечания

¹ Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы (1917—1938 г.) — Уфа, 1973. — С. 387.

² Аврус А.И. История российских университетов. — Саратов, 1998. — С. 94.

³ Государственный архив Ивановской области. — Ф. Р-1911. — Оп. 1. — Д. 29. — Л. 19.

⁴ Там же. — Д. 29. — Л. 4.

⁵ Там же. — Д. 29. — Л. 14.

⁶ Там же. — Д. 29. — Л. 11.

К.В. Волошенко

Астраханская государственная медицинская академия

РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЕДИЦИНЫ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

История развития Российского государства и история развития отечественной медицины тесно связаны. Становление медицинского дела в России связано с именем Петра I. Так, одним из его указов, был указ о замене аптекарского приказа медицинской коллегией, а затем медицинской канцелярией. В обязанности канцелярии входил санитарный надзор за продажей продуктов на рынках. Производился контроль за выпуском медицинских пособий, создавалась русская медицинская терминология. В 1756 г. открывается первая медицинская библиотека. Занимается канцелярия вопросами обеспечения медицинскими кадрами в армии: помимо лечебной работы, в их обязанности входит санитарно-гигиеническая обработка помещения, создание санитарных условий для приготовления пищи. По указу Петра I (1721) создаются приюты для подкидышей и внебрачных детей.

В XVIII веке происходит развитие медицинского обслуживания населения. В 1737 г. по указу медицинской коллегии в крупных городах утверждены были должности — городские лекари, в уездах — уездные лекари. В 1745 г. были

созданы Приказы общественного призрения, которые были обязаны в первую очередь обеспечить помощь малоимущим слоям населения.

В Петровскую эпоху получило свое становление общественная медицина. Истоки зарождения общественной медицины связаны с организацией Вольно-экономического общества, (ВЭО) в 1756 г. С 1766 по 1775 гг. ВЭО в России выпустило 9 специальных брошюр, где рассматривались профилактические меры против оспы. Именно с этого периода в России проводится оспопрививание населения. В России в XVIII веке стали быстро распространяться кожно-венерические заболевания. В ответ на это явление быстро организуются специальные больницы с отменой оплаты за лечение. В 1778 ВЭО составляет российскую фармакопею.

В 1-й половине XIX века, общественная медицина получает дальнейшее развитие. Под патронажем Александра I в 1802 году было создано «Императорское человеколюбивое общество». Под руководством императрицы Марии Федоровны члены общества приводили в лучшие состояния больницы, организовывали массовые прививки против оспы, налаживали медицинскую помощь в приютах и родильных домах.

В Московском сирото-воспитательном доме было создано два родильных отделения. Через несколько лет на базе этих отделений под руководством профессора Б.Рихтера создается институт акушеров. В 1805 г. под руководством Марии Федоровны в Петербурге открывается больница для бедных на 200 кроватей с амбулаторным приемом 2-х лекарей. В дальнейшем аналогичные больницы стали открываться в других городах и стали называться в честь царской четы Александро-Мариинские.

В 1814 г. на базе Павловской больницы открывается отделение по обучению медицинскому уходу за больными женщинами.

В 1822 г. врач Оппель издал первое сестринское руководство по уходу за больными.

Развитие общественной медицины в конце XIX — начале XX веков характеризуется следующим. В 1881 году создается общество русских врачей при праздновании юбилея деятельности Н.И.Пирогова, которое стало называть себя Пироговским обществом. Первый съезд Пироговского общества врачей состоялся в 1882 г. В марте 1905 г. состоялся чрезвычайный Пироговский съезд по борьбе с холерой. Был и печатный орган Пироговского общества — «Журнал общества русских врачей в память Н.И.Пирогова». С 1885 г. он стал называться «Общественный врач».

Другой большой общественной организацией, занимавшейся вопросами гигиены, было «Русское общество охранения народного здравия» (1877). Был создан устав общества и задачи:

- улучшать общественное здоровье и санитарные условия в России;
- выпускать научно-исследовательские разработки по улучшению здоровья и санитарно-гигиенических условий;

- изучать вопросы питания и развивать гигиену питания;
- развивать физическое воспитание среди дошкольников и школьников.

Медицинское обслуживание в России в конце XIX — начале XX веков получало мощный импульс развития. В конце 90-х гг. при губернской земской врачебной управе создается губернское санитарное бюро, состоящее из врача-статистика, врача ведавшего оспопрививанием. В уезде выделяется одна ставка санитарного врача. В городах помимо частных приемов и лечебниц, существовали амбулатории, работающие ежедневно 3 часа, где прием велся бесплатно, были также бесплатные стационары. За оказание «бесплатной» помощи был введен для работающего населения — «больничный сбор» — налог в количестве 1%, отчисляемого от зарплаты. Бесплатные больничные учреждения строились из расчета 1 койка на 6.000 населения, амбулаторный прием — 1 врач на 100.000 жителей. Бесплатная помощь на дому отсутствовала. В городе была установлена должность городского врача из расчета 1 врач на 50.000 населения.

Таким образом, становление и развитие отечественной медицины, как самостоятельной области научных и практических знаний, отмечается с начала XVIII века. XIX век, начало XX века дали мощный толчок формированию медицинского обслуживания и общественной медицины в России. Указанные исторические периоды можно считать временем становления и формирования лучших традиций отечественной медицины, которые могут служить образцом для подражания и в нынешнее время.

Н.В.Воробьева

Омский экономический институт

ИМАГОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА НИКОНА

В рамках исторической имагологии образ рассматривается как устойчивая система взглядов на историческую личность, формирующаяся на разных уровнях сознания, закодированная в символах и обладающая свойством вписываться в широкий ассоциативный ряд. Мы рассматриваем историографический образ как методологическое понятие, истоки которого восходят к «прижизненному образу», черты которого зафиксированы в источниках. Сам «прототип» может выступать активным, сознательным творцом своего образа, живя в образе (образах), реагируя на импульсы извне, стремясь к соответствию или же преодолению сложившегося образа (образов)¹. На втором этапе закладываются основы дальнейшей историографической судьбы в осознаваемых (специально конструируемых) установках восприятия, а также в бессознательных (базовых) устойчивых компонентах, связанных с традициями картины мира. На этом этапе

происходит сохранение источников, мемуаризация, дальнейшее распространение оценок, характеристики, стереотипизация. На третьем этапе вырабатывается научно-критический образ посредством просопографического исследования биографии, предполагающее изучение общих характеристик действующих в истории лиц и позволяющий анализировать динамические аспекты избранного социума, выявлять способы его функционирования в конкретной исторической ситуации.

Образ патриарха Никона окутан мифами и предельно упрощен за счет идеологических средств национально-государственной социокультурной мифологии и, поэтому является одной из «вечных проблем» отечественной исторической науки. Огромный массив разноплановой исторической литературы о патриархе Никоне, постоянно расширяющаяся источниковая база исследований, формирующаяся в течение трехсот с лишним лет, подвергались специальному научному осмыслению не столь часто. Материалом нашего исследования послужили существующие историко-психологические и историко-культурные интерпретации образа патриарха Никона — более 1 900 работ, которые сопоставлены с 283 историческими источниками, дореволюционная историография представлена 162 работами XVIII века, 774 — XIX века; зарубежная (на английском, немецком языке) составляет более 200 трудов). Оценочный стереотип в его отношении к оценочной шкале является основным элементом, на который опирается система абсолютных оценок. Взаимопонимание становится возможным, потому что имеется представление о том, что такое «хорошо/плохо». С помощью семантико-когнитивного анализа мы выделяем группы, представленные темой и контртемой в образных сравнениях дореволюционного историографического образа патриарха Никона и его образа в XX—XXI вв. (диахронический аспект позволяет нам увидеть динамичность или статичность сопоставляемых классов). Сопоставление двух традиций-направлений, позволяет прийти к выводу об изменяемости частотности групп, во временных промежутках меняются и семантические признаки образа. Как видно из таблицы, в доле соотношении на протяжении 350 лет преобладала традиция почитания, а в текстовых единицах — традиция критики (см. Таблица 1, Таблица 2).

Таблица 1

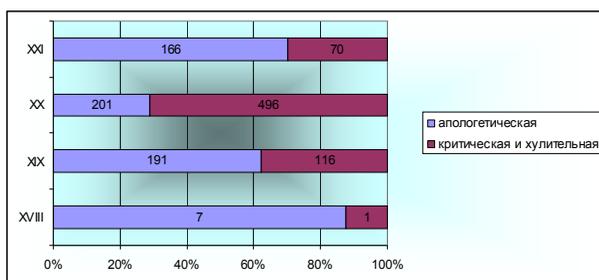
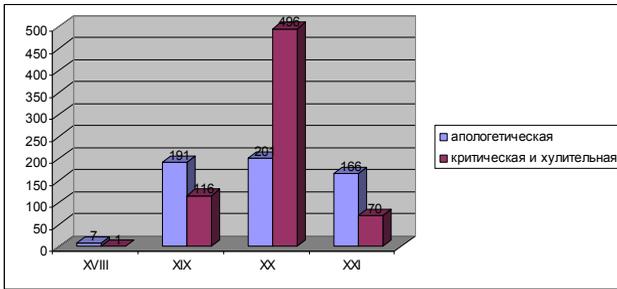
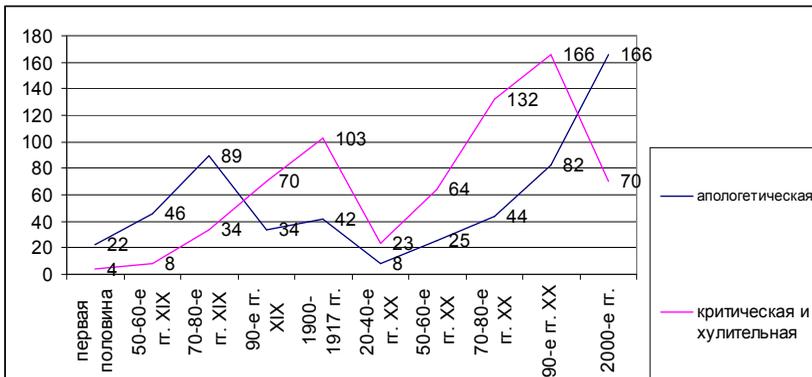

Таблица 2

Достаточно интересно остановится на том, каким образом модифицируется традиция по десятилетиям (см. Таблица 3)

Таблица 3

Как мы видим всплеск апологетической традиции относится к 70—80-м XIX века и к 2000-м гг., а «хулительно-критической» традиции на начало XX в. и 90-е гг. XX в.

Что касается «хулительно-критической» традиции, то еще в пореформенный период началась активная публикация архивных документов и материалов, проливающих свет на историю старообрядческого движения, тогда как «Житие» патриарха Никона было издано и переиздано незначительными тиражами. Соотнесение библиографии трудов по истории раскола и работ, посвященных патриарху Никону доказывает, во-первых, наличие пропагандистской системы противопоставления «героя-антигероя», во-вторых, востребованность такой схемы со стороны общества в силу ее простоты и мифологичности. Первый всплеск (начало XX в.) можно объяснить тем, что, с ослаблением цензурного

режима после 1905 г. (1906—1916 гг.) стали печататься труды, посвященные расколу и сектантству не только синодальных историков, профессоров Духовных академий, светских авторов, демократического направления, но и старообрядческих писателей и исследователей раскола. Начиная с 1908 г. Н.Ф.Каптерев начинает публикацию в «Богословском вестнике» своей работы по частям. В 1909—1912 гг. вышла монография «Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович», которая представляет не столько личную историю знаменитого патриарха, сколько общий обзор отношений Церкви и государства в Московской Руси.

В исторической науке искусственно навязывалась антиномичность и оппозиционность двух якобы равнозначных фигур (герой-антигерой) протопоп Аввакум-патриарх Никон. Социокультурные архетипы имеют свойство терять исходный смысл и значение, а следовательно, могут дезориентировать человека. Социальная потребность в социокультурных архетипах возникает в особых кризисных ситуациях, в условиях неразрешимого традиционными методами конфликта актуального культурного фонда и социального пространства. Наиболее благоприятными условиями для архетипической редукции становятся ситуации столкновения двух культурных моделей сформированных по разным институциональным правилам.

Как видно из данных. Отраженных в таблицах, пик второй волны приходится на 90-е гг. XX в., когда историками предпринимались попытки рассмотреть некоторые сочинения патриарха Никона как исторический источник. При этом наблюдаются перераспределение оценочных компонентов внутри образа; аксиологическая замена; деинтенсификация оценки. В последней четверти XX — начале XXI в. в результате смены парадигмы появились возможности для исследования и осмысления исторического прошлого и его наследия с использованием соответствующего объекту и предмету исследования методологического аппарата. Формульные события, фиксирующие вехи и периоды отечественной истории — например «раскол церкви» — составляли каркас новой историософии. Переосмысливалось и значение деяний патриарха Никона, шел поиск новых терминов и определений — «церковная реформа» → «литургическая реформа» → «герменевтическая справа».

Примечания

¹ Волдырь, С.П., Чернов, Е.А. Историографический образ: опыт расширения методологического арсенала науки истории исторического познания // Українська історична наука на порозі XXI століття. Харківський історіографічний збірник. — Харків: Авеста, 1996. — Вип. 2. — С. 91—102; Шмидт, В.В. Патриарх Никон и его наследие в контексте русской истории, культуры и мысли: опыт демифологизации. Дисс. на соиск. уч. степ. д-ра. филос. наук. М.: РАГС при Президенте РФ, 2007. — Т. I. С. 266—267; — Т. II. С. 83—84.

РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ В ТРУДАХ Н.А.БЕРДЯЕВА

Национальное возрождение России связано с идейным обновлением, с новыми идеями, более могущественными, чем старые прогрессивные идеи. Оторванность передовой интеллигенции от народа — хроническая болезнь нашего национального развития. Излечить эту болезнь нельзя идеями отвлеченными и космополитическими, традиционными идеями нашей радикальной интеллигенции¹.

Н.А.Бердяев в своих работах последовательно рассматривал различные особенности характера и предназначения русской нации. В работе «Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX в. и нач. XX в.» философ свел воедино свои взгляды на проблему русской национальной идеи, в которой явно выражена преемственность с идеями В.Соловьева в деле понимания национальной идеи: здесь автора интересует «не столько вопрос о том, чем эмпирически была Россия, сколько вопрос о том, что замыслил Творец о России, умопостигаемый образ русского народа, его идеи»².

В 1908 г. Н.А.Бердяев публикует статью «О русском национальном сознании», в которой рассматривает вопрос о том, кто должен возглавить движение к национальному возрождению, и как этого добиться. В свете неудавшейся революции, автор указывает на предпосылки, которые должны быть созданы, чтобы свергнуть существующую власть: «окончательно будет сломлен старый строй, когда всенародно будет осознано, что национальная идея и ее практическая защита находятся в ненадежных руках, что корыстные сердца лживыми устами произносят святое имя отечества и претендуют быть исключительными его хранителями». Н.А.Бердяев считал что «победить может лишь новая интеллигенция, соединенная с ширью народной жизни, твердо ставшая на почву освободительного религиозного и национального сознания и возвратившаяся к истокам народной жизни»³. В заключении делается вывод о том, что для достижения высшей национальной цели, возрождения славы и мощи национального государства, Россия нуждается в новой, национально мыслящей интеллигенции.

В 1909 г. появляется сборник «Вехи», вызвавший острые дискуссии. Одним из авторов этого сборника был Н.А.Бердяев. Статьи «веховцев» подводили итог общественно-философской дискуссии, развернувшейся после революции 1905 г. о роли интеллигенции в национально-освободительном движении, о ее мировоззренческом выборе и философских предпочтениях, отношении к обществу, народу, государству. Н.А.Бердяев, будучи критично настроенным по отношению к русской интеллигенции, писал, что ее отношение к философии симптоматично и вскрывает духовные черты социально-равнодушного интеллигентского мира. При этом философ подчеркивал: «Говорю об

интеллигенции в традиционно-русском смысле этого слова, о нашей кружковой интеллигенции, искусственно выделяемой из общенациональной жизни»⁴. У интеллигенции всегда были свои кружковые, интеллигентские философы и своя философия, ограниченная рядом направлений, оторванная от мировых философских традиций. Эта доморощенная и почти сектантская философия удовлетворяла глубокой потребности нашей интеллигентской молодежи иметь «миросозерцание», отвечающее на все вопросы жизни и соединяющее теорию с общественной практикой. Но ее подлинным несчастьем была любовь к уравнительной справедливости, общественному добру, народному благу, поскольку она парализовала потенции любви к истине. На деле эта интеллигенция любила свои социально-философские идеи, но была безразлична к реальному народу и исторической жизни общества.

Н.А.Бердяев полагал, что интеллигентское сознание требует радикальной реформы, все историческое и психологические данные говорят о том, что русская интеллигенция может перейти к новому сознанию лишь на почве синтеза знания и веры, синтеза, удовлетворяющего положительно ценную потребность интеллигенции в органическом соединении теории и практики, «правды-истины» и «правды-справедливости». Укрепление такой традиции должно способствовать культурному возрождению России⁵.

В 1918 г. выходит сборник «Из глубины», в котором Н.А.Бердяев сравнивает революцию в России со страшной катастрофой. Он считает, что «Русская революция антинациональна по своему характеру, она превратила Россию в бездыханный труп. Но и в этом антинациональном ее характере отразились национальные особенности русского народа и стиль нашей несчастливой и губительной революции — русский стиль. Наши старые национальные болезни и грехи привели к революции и определили ее характер»⁶. По мнению Н.А.Бердяева, русская интеллигенция никогда не пыталась пережить исторической судьбы народа как имманентного предназначения, сращенного с сознанием самой интеллигенции, иными словами, как своего собственного дела. И эта отчужденность судьбы народа от судьбы самой интеллигенции сделало возможным восприятие исторической судьбы России как некоего внешнего объекта научных исследований.

Таким образом, результатом размышлений Н.А.Бердяева о судьбах России стал вывод о неслучайности русской революции и укорененности ее идей и социальной практики в русском национальном сознании и традиционной системе управления государства Российского.

Примечания

¹ Бердяев, Н.А. «О русском национальном сознании» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_b/berd06.php. свободный.

² Бердяев, Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Русская идея. — М., 2002. — С. 13.

³ Бердяев, Н.А. «О русском национальном сознании» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_b/berd06.php. свободный.

⁴ Бердяев, Н. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи: Интеллигенция в России: сборник статей 1909–1910. — М., 1991. — С. 26.

⁵ Бердяев, Н. А. — Указ. соч. — С. 29.

⁶ Бердяев, Н.А. Духи русской революции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. — М., 1989. — С. 47–48.

Е.И.Гололобов

Сургутский государственный педагогический университет

ФЕЛИКС РОБЕРТОВИЧ ШТИЛЬМАРК: «ФАКТЫ ПОДЛИННЫЕ, ОЦЕНКИ ЖЕ МОИ СУГУБО ЛИЧНЫЕ» (ВОЗМОЖНОСТИ БИОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ)

Экологическая история как научная дисциплина весьма неоднородна. Спектр различных направлений весьма широк от «истории окружающей среды», где человек или совсем отсутствует, или описывается как внешний фактор воздействия, до «истории экологических движений», где в качестве агентов действуют только люди, а природа становится пассивным фоном.

В зависимости от того, какую роль в исследовании играет природа, а какую человек, методологический инструментарий смещается либо в естественнонаучную, либо в гуманитарную сферу. Поэтому в предметных рамках экологической истории трудятся как профессиональные историки, так и ученые-естественники, не лишённые исторического таланта и умения работать с источниками.

Феликс Робертович Штильмарк (02.09.1931—31.01.2005) принадлежит к той категории ученых-естественников, которые понимают ценность гуманитарного знания. Известный специалист в области заповедного дела и охраны природы, доктор биологических наук, зоолог, охотовед, профессиональный таежный охотник, проектировщик новых заповедников, журналист, литератор. Этот список можно было бы продолжить, но и перечисленного достаточно, чтобы понять, что перед нами личность не ординарная, особенная и многогранная.

Ранние годы жизни Феликса Робертовича были очень трудными: мать умерла, когда мальчику было 13 лет, отец был репрессирован. В 15 лет он вынужден был бросить школу и стал зарабатывать трудом препаратора в Зоомузее МГУ, работал в Московском зоопарке, ездил в экспедиции, а затем сдал экстерном экзамены за курс средней школы и поступил в Московский пушно-меховой институт в г.Балашихе. Закончив его в 1956 г., работал в Институте леса АН СССР

в Москве и Красноярске, куда был переведен институт, потом — на Дальнем Востоке.

Дальнейшая трудовая биография Ф.Р.Штильмарка связана с институтом «Союзгипролесхоз», Центральной научно-исследовательской лабораторией охотничьего хозяйства и заповедников Главохоты РСФСР (ЦНИЛ), Институтом эволюционной экологии и морфологии АН СССР (ныне — ИПЭЭ); работал он и в заповедниках — Комсомольском на Дальнем Востоке и Юганском в Западной Сибири. Путь сложный, во многом тяжелый, давший Штильмарку возможность глубоко познать многие аспекты экологии, териологии, охраны природы, заповедного дела, охотничьего хозяйства, этнических и социальных особенностей населения российской глубинки.

В профессиональной среде экологов он характеризуется как «человек, посвятивший свою жизнь служению российскому заповедному делу. Помимо разработки теоретических основ проектирования заповедников и концепции общегосударственной сети особо охраняемых природных территорий, Ф.Р.Штильмарк внес весомый практический вклад в строительство этой сети. Во многом благодаря его энергичным усилиям на территории России был создан целый ряд заповедников, в частности — Сохондинский (1973), Малая Сосьва (1976), Таймырский (1979), Юганский (1982) и Центрально-Сибирский (1985). Великой заслугой Ф.Р.Штильмарка является неукоснительное отстаивание значения заповедников как «лабораторий природы», навсегда исключенных из сферы хозяйственной деятельности. Представление о нетронутых участках живой природы как о непреходящем культурном достоянии страны восходит к истокам российского природоохранительного движения. Именно оно стало путеводной нитью многочисленных работ Ф.Р.Штильмарка, посвященных истории отечественного заповедного дела».¹

Ф.Р.Штильмарк написал сотни научных работ о проблемах экологии, зоологии, охраны природы, охотничьего хозяйства, заповедного дела, о судьбах отечественных специалистов природоохраны. Он был ярким публицистом, упорно отстаивающим идеи абсолютной заповедности. Главный научный труд Ф.Р.Штильмарка — «Историография российских заповедников» — стал настольной книгой для всех, кто занимается этой категорией ООПТ (Особо охраняемые природные территории). По сути дела ее смело можно отнести к категории исторических работ.

В отличие от своих собратьев по цеху, которые в большинстве своем «воспоминаний чуждаются», Ф.Р.Штильмарк оставил после себя объемные воспоминания. «Я люблю мемуары и уверен, что право на них имеют не только знаменитые деятели»². Феликс Робертович был тесно связан с историей. Связь эта была глубокой, личной и осознанной.

Его воспоминания охватывают всю вторую половину XX века, пространственно простираясь от Русского Севера до Грузии, от Смоленской области до Приамурья. Особенно автор любил сибирскую тайгу.

На страницах своего «Отчета» Феликс Робертович отразил и яркие моменты и повседневность истории охраны природы в СССР-России, описал встречи с выдающимися учеными, специалистами из различных областей практической экологии, охотоведения, писателями, отразившими в своем творчестве тесную и противоречивую связь человека с природой.

Ф.Р.Штильмарк определил себя коллектором (лицо собирающее образцы в коллекцию и составляющие опись). Он собрал свои образцы, укладываемые в более чем полувековую историю советско-российского заповедного дела.

Дальнейший историко-биографический анализ наследия Феликса Робертовича Штильмарка даст возможность открыть «человеческое измерение» российской экологической истории.

Примечания

¹ Информационно-справочная система ООПТ. Фонд имени Ф.Р. Штильмарка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://oopt.info/index.php?page=11>

² Штильмарк, Ф.Р. Отчет о прожитом (записки эколога охотоведа). — М., ЛОГАТА, 2006. — С. 7.

А.Д.Григорьев

*Российский государственный университет нефти и газа
им. И.М.Губкина, г.Москва*

Г.М.МАЛЕНКОВ — НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ПРЕЕМНИК СТАЛИНА

Смерть И.В.Сталина означала ускорение перехода от плано-мобилизационной системы, которая сложилась в СССР в 1930-е гг. на волне индустриализации и коллективизации, к новой, в основу которой должны были лечь принципы естественного развития, без насильственного подстегивания темпов и методов чрезвычайщины. Процесс этот осложнялся соперничеством между наследниками вождя, их стремлением занять его освободившееся место, добиться единоличной власти.

Вначале наиболее сильные позиции занимал Л.П.Берия, ставший первым заместителем Председателя Совета министров и возглавивший МВД (объединенное с МГБ). По его инициативе из тюрем и опалы возвращается немало людей, с которыми Берия работал в прошлые годы. Назначенные на ключевые должности в государственном аппарате, они способствовали укреплению его позиций. Берия провел департизацию карательных органов — они были выведены из-под контроля и подчинения партии. Началось массовое увольнение сотрудников МВД, направленных туда из партаппарата. Берией было прекращено несколько сфабрикованных в прошлые годы политических дел, начался процесс массового освобождения репрессированных в прошлые годы. Причем,

в отличие от Хрущевской реабилитации, он коснулся не только партийной и советской верхушки, но рядовых советских граждан, составлявших основное население ГУЛАГа. По устроенной Берией амнистии из 2,5 млн. заключенных была освобождена примерно половина. При этом распространенное утверждение, что Берия выпускал на свободу преимущественно рецидивистов, неверна. На волю выходили люди, осужденные, как правило, за незначительные преступления, имевшие небольшие сроки заключения.

После устранения Берии, на ключевые позиции в руководстве выходит Председатель Совета министров Г.М.Маленков. Маленков в целом поддерживал начатый Берией курс на преодоление культа личности Сталина, но был сторонником более мягких, взвешенных мер. Первостепенное внимание в этой связи он уделял перестройке пропаганды. Кроме того, он выступил с рядом инициатив по некоторой либерализации системы управления. Но в целом Маленков в гораздо большей степени, нежели Берия, а затем Хрущев готов был считаться с общественным мнением и настроением большинства народа. Люди, уставшие в годы сталинской индустриализации, невиданной во всей истории человечества по своим масштабам войны и в период послевоенного восстановления, стремились к стабильности. Общество было решительно настроено против серьезных потрясений и новых испытаний. Поэтому Маленкову приходилось действовать как наследнику Сталина, подчеркивать в своей деятельности преемственность власти. В то же время Маленков, на словах выступая как верный продолжатель дела Сталина, осуществил несколько важных мероприятий, которые могли бы в дальнейшем серьезно изменить природу советского общества.

С одной стороны, Маленков продолжал приводить некоторые особо популярные мероприятия сталинского времени. При нем, в частности, было осуществлено последнее снижение цен, чего после смещения Маленкова больше никогда не проводилось. С другой стороны, были начаты некоторые экономические преобразования, быстро снискавшие поддержку Маленкову у преобладающего числа рядовых советских граждан. Реформаторские подходы к народному хозяйству были сформулированы Маленковым в августе 1953 г. в его речи на сессии Верховного Совета СССР. В ней впервые за многие годы официально предусматривалось приоритетное развитие легкой промышленности, существенный рост производства товаров народного потребления. Социальная переориентация экономики сопровождалась вводом в эксплуатацию нового жилья, повышением зарплат. Улучшилась жизнь сельчан, поскольку Маленков пошел на беспрецедентное повышение закупочных цен на сельхозпродукцию.

Однако период, когда Маленков оставался главой правительства был недолог. Маленков продолжил начатый Сталиным еще до войны процесс постепенного перераспределения властных полномочий в пользу государственного аппарата в ущерб аппарату коммунистической партии. Это решительно не устраивало многих советских политических деятелей, привыкших связывать свое собственное будущее с партийной карьерой. Выразителем этих настроений становится

Н.С.Хрущев, который после смещения Берия, не только формально, но и официально станет лидером партаппарата, заняв пост Первого секретаря ЦК КПСС.

В своей атаке на Маленкова Хрущев умело пользовался малейшими слабостями и ошибками своего оппонента. Маленков не сумел в должной мере заручиться поддержкой проводимой им политики в среде административного и хозяйственного аппарата. Более того, он публично демонстрировал нежелание отстаивать имевшие у государственного чиновничества привилегии, выступал против его стремительного превращения в оторванную от народа касту избранных.

Судьба Председателя Совета Министров решалась на январском 1955 г. пленуме ЦК КПСС. На нем со стороны Хрущева в адрес Маленкова прозвучали обвинения не только в бюрократизме, но и в оппортунизме. Разгрому подверглись его инициативы во внешней политике и начинания в области экономики. А в феврале 1955 г. Маленков был отправлен в отставку. На его место временно был назначен Н.А.Булганин, а в 1958 г. — Хрущев.

Таким образом, попытка перераспределения власти от партии к конституционным государственным органам, предпринятая Маленковым, была решительно пресечена Хрущевым, что привело к значительному усилению власти и влияния партийной бюрократии.

Е.А.Давыденко

Нижегородский государственный гуманитарный университет

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ОТНОШЕНИИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ОБСКОГО СЕВЕРА В 1923—1930-е ГОДЫ

Осенью 1923 года часть территории Обского Севера находившаяся по нижнему течению реки Оби и Иртыша вошла в состав вновь образованного Тобольского округа Уральской области. В пределах Обского Севера были образованы пять районов: Обдорский, Березовский, Кондинский, Самаровский и Сургутский.

На первое июня 1925 года общая площадь северных районов составляла 987 375 кв. км., что вдвое превышало территорию Франции и в три с половиной раза — Англию¹.

Численность коренного населения в 1924 году составляла 28 958 человек, а в 1926 году 31 125 человек.

Особенностью экономики Севера был комплексный характер местного хозяйства, основывающегося на оленеводстве, промысловой охоте, рыбной ловле. Подсобным промыслом служил сбор кедровых орехов и ягод.

В 1926 году на Обском Севере весьма четко выделялась бедняцко-батрацкая и середняцкая группа и зажиточно кулацко-шаманская верхушка. Верховье Тром — Югана принадлежали богатому Ханту Василию Сопычину. Одно из поселений у истоков Тром — Югана находилось во власти Афанасия Покачеева и даже называлась «Юрты Афанасия Покачеева». Вся речка Нядланга — Яун (приток Тром — Югана) была его собственностью. Один из родственников старшины ненецкого рода Вэла был хозяином речки — притока Надыма.

Местное зажиточное население закабляло бедноту самыми различными путями: предоставляло во временное пользование оленей или снабжало оленьим сырьем в долг, давало орудия труда, снаряжение и продовольствие в кредит, скупало по заниженным ценам рыбу и пушнину. Долг разумеется возвращался со значительным превышением полученного кредита.

В начале 1928 года при Тобольском окружном комитете была создана специальная северная комиссия из семи человек. Народности северных окраин стали управляться на основе «Временного положения об управлении народностей северных окраин РСФСР».

Временное положение принималось в целях защиты прав и интересов трудящихся северных окраин, а так же для привлечения коренного малочисленного населения в решение управленческих вопросов связанных с поднятием хозяйства и культурных условий жизни.

Положение устанавливало органы туземного управления, такие как родовое собрание, родовой совет, районные туземные съезды, районные и туземные исполнительные комитеты.

Родовое собрание составлялось из всех членов обоого пола достигших возраста 18 лет, кочующих или проживающих совместно в данном районе.

Собрание созывалось родовым советом по мере надобности, но не реже одного раза в год. Время созыва приурочивалось к бытовым и хозяйственным условиям туземного объединения. Постановления и решения родового собрания, как правило, должны быть изложены письменно, в исключительных случаях в виду отсутствия грамотного секретаря могли иметь словесную форму.

Каждый род избирал родовой совет и состоял из трех лиц. Каждому родовому совету присваивалось наименование, вытекающее из названия его рода, места обитания или кочевки. Родовой совет имел установленную законом гербовую печать, вел соответствующее делопроизводство.

К концу 1928 года в северной части Тобольского округа было создано 12 национальных туземных советов (райтузсоветов): Сынский, Тазовский, Шурышкарский, Ямальский кочевой Совет, Уральский, Кызымский, Сосьвинский, Тром-Юганский, Балыко-Пимский, Юганский, Нарымский, Надымский. Кроме того, было образовано 72 родовых и юртовых Советов.

Советы получили судебные права, и рассмотрение дел стало проходить в рамках законодательства России того времени, но с учетом норм обычного права северных народностей.

Рода одноплеменного или родственного состава, обитающие в определенном районе и насчитывающие не менее четырехсот человек всего состава родов данного района, избирали районный туземный съезд.

На территории каждого туземного района районный туземный съезд являлся высшим органом Советской власти в пределах его ведения.

Районный туземный съезд составлялся из депутатов, избираемых родовыми собраниями, из расчета одного депутата на каждые пятьдесят человек членов рода, но не свыше десяти депутатов от одного родового собрания.

Районный туземный съезд созывался районным туземным исполнительным комитетом не реже одного раза в год. Чрезвычайный туземный съезд созывался по требованию районного туземного исполнительного комитета и вышестоящих органов власти или родовых советов, объединяющих не менее одной пятой населения данного района, и считается состоявшимся при наличии депутатов не менее, как от половины состава родов данного района.

Заседания туземного районного съезда открывалось председателем районного туземного исполнительного комитета и велось под председательством лица, избранного съездом из своей среды. Дела, подлежащие рассмотрению съезда, решались простым большинством голосов. Все постановления съезда заносились в протокол, который велся секретарем, избранным съездом. Секретарь мог быть избираем и не из числа членов съезда.

Районный туземный исполнительный комитет состоял из председателя и двух членов, один из которых назначался заместителем председателя и исполнял обязанности последнего за время его отсутствия. Члены районного туземного исполнительного комитета, а также два кандидата к ним, избирались районным туземным съездом на годичный срок простым большинством голосов.

Каждому районному туземному исполнительному комитету присваивалось особое наименование и установленная законом гербовая печать.

В этот же период было наложено строгое вето на частную торговлю пушниной и частное посредничество в ее заготовке. Право заготовки и торговли представлялась только государственным и кооперативным организациям. Большую роль в снабжении населения товарами первой необходимости сыграли первые хлебозапасные магазины, ассортимент которых состоял в основном из муки, сахара, чая, соли и охотничьих припасов. Взамен натурально-обменному расчету установилась твердая денежная система по единым государственным ценам.

Опорными пунктами преобразования экономики, культуры и быта стали культурные базы. Они сосредотачивали целый комплекс различных видов обслуживания: школу с интернатом, больницу с аптекой, дом культуры, магазины, др.

Таким образом, национальная политика России в период с 1923—1930 годы создавала основы для последующего шага к новым социально-экономическим отношениям в среде коренных малочисленных народов Обского Севера. В 1930 году был создан Ханты-Мансийский национальный округ, который до 1934 года входил в состав Уральской области.

Примечания

¹ Шуваев, Т.Д. Краткая история Ханты-Мансийского национального округа. — Нижневартовск, 1972. — С. 45.

В.О.Дубинин

Военный учебно-научный центр Сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооруженных Сил Российской Федерации» (филиал, г. Омск)

ПРОБЛЕМА ИЗВЛЕЧЕНИЯ УРОКА ИЗ ОПЫТА МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ГОТОВНОСТИ ВОЙСК НА ПРИМЕРЕ СИБИРСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА (1865—1906 гг.)

«Надолго еще вся сила России должна заключаться в постоянной армии, хорошо организованной, способной сокращаться в мирное время и быстро развиваться в предвидении войны»

(Д.А.Милютин)

Важнейшей задачей жизнедеятельности Сибирского военного округа (Сиб-ВО) была подготовка, учет, а также мобилизация резервов. Например, в 1883 г. в запасе в округе числилось 27228 запасных нижних чинов. Благодаря сооружению Сибирской железной дороги значительно возрастает число переселенцев в Западную Сибирь, что увеличивало мобилизационные ресурсы округа. Так, на 1895 г. в Омском военном округе числилось уже 55 000 запасных нижних чинов¹.

Особенную важность и актуальность вопросы мобилизации запасных и подготовки обученных резервов приобретают после 1899 г., когда в связи с передачей территорий Семиреченской области Туркестанскому военному округу, а Забайкальской области Приамурскому военному округу, сформированный Сибирский военный округ становится внутренним округом. С этого момента округ служит основным источником пополнения и подготовки резервов пограничных округов. Число запасных нижних чинов достигло в этом году — 86 526 человек. В том же году при резервных батальонах Сибирского округа образуются кадры запасных батальонов. При развертывании во время мобилизации каждый резервный батальон должен был образовать 5-ти батальонный полк, а кадры при батальонах образовывали запасные батальоны, которые оставались в местах квартирования для несения службы и подготовки подкреплений². В 1900 г. количество запасных нижних чинов в округе достигло 96 850 человек³.

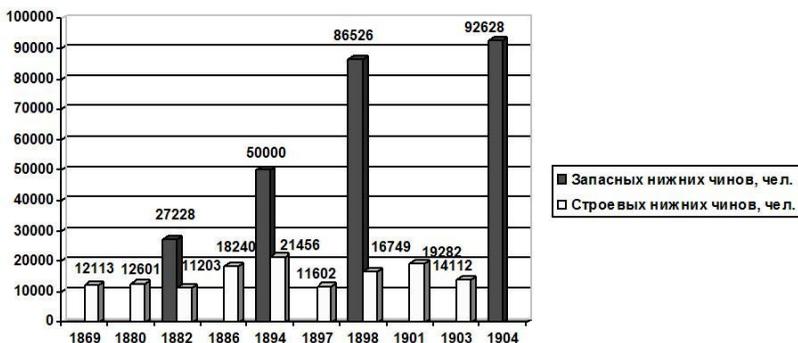

Рис. 1. Динамика численности личного состава нижних чинов

Анализ рисунка 1, позволяет сделать вывод, что в течение исследуемого периода происходит многократное увеличение доли запасных нижних чинов в сравнении с численностью регулярных частей округа. Проверкой сложившейся системы мобилизационной подготовки и мобилизации стало осложнение положения в Китае в 1900 г. Войска СибВО были приведены в военное положение 8 июля 1900 г. Из запаса было призвано 82 115 человек. После преобразования Омского военного округа в Сибирский, округ стал занимать площадь около 9,5 млн. кв. верст и имел население более 6 миллионов человек⁴. Тем не менее, мобилизация была закончена в намеченные сроки.

Следующей проверкой мобилизационной готовности округа стала русско-японская война. Призыв в СибВО был объявлен императорским указом 28 января 1904 г., первым днем мобилизации было назначено 2 февраля. Причем, если в России было мобилизовано во время войны 65% запасных солдат, то по Сибирскому и Приамурскому округам — 100% и почти все боееспособное ополчение⁵. Из СибВО только в 1904 г. было призвано 92 628 запасных нижних чинов, 39 070 ратников, 17 824 новобранцев, 8 263 казаков, всего — 157 855 человек. Все они были полностью обмундированы. Например, в июле в Омске был сформирован Восточно-Сибирский запасный саперный батальон в составе четырех саперных, одной военно-телеграфной и одной минной рот, полностью оснащенный саперным, телеграфным и минным имуществом.

Мобилизационные, а затем последовавшие демобилизационные, мероприятия, военные потери явились серьезным испытанием не только экономики края, но и наложили глубокий отпечаток на социально-политическую обстановку в округе. Безусловно, подобное положение с течением времени становилось «раздражающим», дестабилизирующим фактором для военнослужащих сибирских частей. В данной связи генерал А.Н.Куропаткин подчеркивал: «Необходимо также принять во внимание, что сельские жители в возрасте свыше 35 лет уже

являлись домохозяевами, часто многосемейными. Все их интересы и помыслы, даже по прибытии в Манчжурию, были дома. Эти заботы отнимали у них веселость, бодрость, необходимые для солдата»⁶. С декабря 1905 г по март 1906 г. в Сибири демобилизованными или под их руководством было осуществлено 24 антиправительственных выступления.

Возвращаясь к эпиграфу, следует задать вопрос, так быстро сократив армию сегодня, насколько быстро разовьем ее завтра?

Примечания

¹ Копылов, В.А., Милюхин, В.П., Фабрика, Ю.А. Сибирский военный округ. Первые страницы истории. — Новосибирск: тип. СО РАН, 1995. — С. 76, 96, 101.

² Приказ по войскам Сибирского военного округа № 140 от 22 декабря 1899 г. — С. 1.

³ Копылов, В.А., Милюхин, В.П., Фабрика, Ю.А. Сибирский военный округ. Первые страницы истории. — Новосибирск: тип. СО РАН, 1995. — С. 120.

⁴ Фабрика, Ю.А. Сибирский щит. — Новосибирск, 2001. — С. 70.

⁵ Петров, В.А. Очерки по истории революционного движения в русской армии в 1905 г. — М.: «Наука», 1964. — С. 33—34.

⁶ Куропаткин, А.Н. Русско-японская война, 1904—1905. Под ред. Н.Л.Волконского. — СПб., 2002. — С. 243—244.

О.А.Кайда

Нижевартовский государственный гуманитарный университет

«СЕРЫЙ КАРДИНАЛ» ГИНС Г.К. В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ БЕЛОЙ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918—1920 гг.)

В литературе по Гражданской войне остаются неисследованными персоны, оказавшие значительное влияние на власть Белого движения, но находящиеся в тени. К таким фигурам относится «серый кардинал» Гинс, считавшийся одной из самых влиятельных, активных и решительных фигур в правительстве Колчака.

Определение места таких личностей в событиях Гражданской войны представляет большой интерес для исследователей, так напрямую связан с изучением руководящего (управленческого) персонала белого движения Сибири.

Личности второго Управляющего делами (главноуправляющего) Верховного правителя и Совета министров Гинса Георгия Константиновича в массиве исследований по истории Гражданской войны отводиться лишь вспомогательная роль. Особенности данной исследовательской позиции были связаны с тем, что личность Гинса Г.К. «затмевалась» активной политической позицией его предшественника на посту главноуправляющего — Тальберга Г.Г. Противопоставление себя «политическим группам» в омском правительстве и желание заниматься

научной деятельностью определяли политическую и управленческую самобытность Гинса.

В свою очередь мемуары Гинса Г.К., посвященные событиям Гражданской войны неоднозначно характеризуются исследователями. Данный факт нашел отражение в рецензии Аргунова А.А. к мемуарам главного управляющего: «Необходимо добавить, что эти мысли и впечатления автор заносил на бумагу в такой обстановке, где у него, по-видимому, кроме старых газетных вырезок, ничего не было под руками; отсюда коренной порок книги Г.Гинса — она лишена всякой документальности; это тем более жаль, что в глазах сибирской общественности автор занимал определенную политическую позицию, и его суждения и оценки, как увидим ниже, весьма часто огульны, произвольны и пристрастны»¹.

Следует отметить, что роль Гинса Г.К. в формировании системы чрезвычайного делопроизводства явилась определяющей, особенно в вопросах систематизации документированных материалов и нормативного регулирования секретного делопроизводства.

Гинс Г.К. родился в Новогеоргиевске (в настоящее время Модлин, Польша) 27 апреля 1887 г. в семье офицера. Потомственный дворянин Киевской губернии. Он изучал право в Санкт-Петербургском университете под руководством выдающегося юриста и специалиста по философии права Петражицкого Л.И. Окончив университет в 1909 г., он начал государственную службу в переселенческом управлении Министерства земледелия, а в свободное время продолжал исследования в области права. В 1911—1913 обучался в университетах Берлина, Гейдельберга и Парижа. Магистр права. Завершив работу над диссертацией «О водном праве в Средней Азии» получив в 1915 г. ученую степень, Гинс Г.К. остался преподавать в Санкт-Петербургском университете.

В 1917 г. Гинс получил повышение по государственной службе и был назначен на должность главного юрисконсульта Министерства снабжения. В конце 1917 г. он уехал в Омск, где был привлечен на службу Белым правительством, созданным там летом 1918 г.

Деятельность Гинса Г.К. во время Гражданской войны носила насыщенный характер. С октября 1918 он вошел в состав Всероссийского правительства уфимской Директории в качестве товарища министра народного просвещения. Сохранил этот пост в правительстве Колчака А.В. (с ноября 1918).

С 18 ноября 1918 г. участвовал в выработке конституции, вместе с Тельбергом Г.Г. определил права и обязанности Верховного Правителя и Совета Министров, однако, на некоторое время ограничился от ближайшего участия в правительстве. Настоял на ограничении прав Верховного Правителя перед Совмином.

В должности товарища министра народного просвещения в правительстве Колчака он настаивал на коренных изменениях в народном образовании, применительно к условиям Сибири, введении в образование английского языка. Считал необходимым возвращение школ в ведение местных органов министерства просвещения.

Также с осени 1918 был исполняющим дела экстраординарного профессора по кафедре гражданского права Омского политехнического института в Омске (с 1919 — Омского института сельского хозяйства и промышленности).

В период с декабря 1918 по февраль 1919 года занимал должность товарища министра иностранных дел. В своих политических взглядах Гинс Г.К. придерживался теории, выделявшей его из массы «учредилловцев» в системе управления колчаковского правительства. Он открыто выступал за то, чтобы «стереть с лица земли черновское «Учредительное Собрание», но в то же время полагал, что для Белой Сибири необходимо было создание особого представительного органа в целях содействия Директории в решении основных вопросов политической жизни.

1 апреля 1919 был назначен членом Совета министров омского правительства Колчака с освобождением от должности товарища министра иностранных дел.

С 9 апреля 1919 также являлся председателем чрезвычайного Государственного экономического совещания, с 19 июня — Государственного экономического совещания. Предложил проект земельной реформы, отклоненный правительством. Считал, что власть должна была нивелировать разницу между мелкими и крупными крестьянскими хозяйствами в пользу первых для создания крепкого сельского собственника. Выступил за передачу крупных земельных владений крестьянам: при этом собственники должны были получить компенсацию посредством особого государственного земельного сбора.

С 16 августа 1919 — главноуправляющий делами Верховного правителя и Совета министров, преемник Тельберга Г.Г. на этом посту. Находился на этой должности до января 1920, когда выехал в эмиграцию под охраной японских властей. Был одним из самых влиятельных членов колчаковского правительства.

В своих мемуарах Гинс Г.К. писал: «Говорить о самом себе неудобно, но одно заблуждение, прочно укоренившееся в Сибири, мне хотелось бы рассеять. Молва приписывала Гинсу большее значение, чем в действительности на его долю выпало. Эта молва сложилась в первый период истории Омска, когда правил Сибирское Правительство. Действительно, в качестве управляющего делами правительства, то есть пяти «венценосцев», как мы шутя называли Вологодского, Крутовского и прочих избранников Думы, при отсутствии у самой этой пятерки строго продуманной политической программы, управляющий делами должен был стать *spiritus movens* (движущим духом) Сибирского Правительства»².

Оценивая свою деятельность в роли Управляющего делами, Гинс Г.К. отмечал, что «Наряду с политикой мне приходилось вести большую техническую работу. На меня падала почти целиком обязанность редактирования законодательных актов, правительственных заявлений, речей, деклараций и т.д., и я приложил все усилия, чтобы создать государственную внешность Сибирскому Правительству. В этом было главное содержание моей работы».

Характеризуя деятельность антибольшевистских органов власти и управления, Гинс Г.К. отмечал, что «Трудность организации центральных учреждений в мало культурной окраине, куда интеллигенция из предрассудка и плохого знания своей родины пренебрегала ехать во времена большевизма, уже была испытана на опыте Сибирским правительством. Только в Омске удалось кое-что организовать. А так как из всех слагаемых, сумма которых составила территорию Директории, Сибирь почти целиком покрывала все прочие, особенно после падения Самары, то естественнее всего было воспользоваться омскими учредителями, как общим аппаратом»³.

Подготовленных местных людей или вовсе не было, или они уклонялись, предпочитая более спокойные и выгодные занятия. Старая администрация царского времени, в лице лучших своих представителей, разъехалась — остался почти исключительно низший, невысокого качества, персонал⁴.

Столкнувшись со всяческим противодействием со стороны группы министров Михайлова своим проектам реформ, направленным на очищение правительства от коррупции и улучшение аппарата управления, Гинс Г.К. задумывался тогда о собственной отставке, однако, возглавив Государственное Экономическое Собрание, решил там вести борьбу за дальнейшее привлечение на свою сторону общественности. Выдвинул свой проект земельной реформы в противовес «помещичьему плану» Петрова. По плану Гинса, правительство должно было нивелировать разницу между мелкими и крупными крестьянскими хозяйствами в пользу первых для создания крепкого сельского собственника. Он выступил за передачу земель народу при отсутствии их владельцев — безвозмездно, а при их существовании — установить особый государственный земельный сбор в пользу возмещения убытков собственников. Проект Гинса Г.К. проиграл в Совете министров лишь один голос проекту Петрова. На удивление Гинса, его проект поддержали не «левые», а «правые».

Анализируя омское делопроизводство, как критерий общей практики управления документацией на территории Белой Сибири, Гинс отмечал, что омские канцелярии еще со времени Директории были околдованы губительным рабским подражанием Петроградским образцам⁵. Делопроизводство органов власти и управления Директории в вопросах нормативного и управленческого регулирования имело недостатки. Распоряжения и декларации Правительства передавались телеграфно, подлинный текст их оставался неизвестен, а о нормативах органов местного управления Верховная власть имела слабое представление⁶.

Исходя из этих положений, у управляющего делами возникла идея систематизации документов, характеризующих деятельность антибольшевистских правительств на территории Сибири. В результате было издано постановление «О централизованном обеспечении сохранности распорядительных актов» в котором, предписывалось высылать в Омск по одному экземпляру каждого документа, издаваемого на территории Директории.

Работа Гинса Г.К. в качестве управляющего делами нашла отражение в том, что обязательной для использования всеми структурными подразделениями органов власти и управления белой Сибири стала Инструкция для ведения агентурного делопроизводства, в условиях отсутствия единой инструкции по делопроизводству. Инструкция устанавливала обязательный для всех контрразведывательных отделений перечень документов, порядок их систематизации и обеспечение секретности. Появление подобного нормативного документа было возможно в условиях милитаризации управленческого аппарата.

Оценивая свою деятельность в правительстве Колчака, Гинс Г.К. отмечал, что «Создание Административного Совета — вот реальный результат моей деятельности и, можно сказать, настойчивости, с которой я добился организации этого учреждения. Добившись этого, я считал себя свободным и стремился уйти для занятий наукой».

По окончании Гражданской войны он оказался в Харбине, где до 1926 г. работал в управлении Китайской военной железной дороги (КВЖД), сначала в должности начальника канцелярии, затем главным контролером. В то же время он был редактором издававшегося в Пекине журнала «Русское обозрение», для которого писал статьи, и участвовал в создании Харбинского юридического факультета, эмигрантского учебного заведения, готовившего юристов в Китае. В 1929 году защитил в Русской академической группе в Париже диссертацию на тему: «Водное право и предметы общего пользования». Гинс Г.К. продолжал преподавать на факультете почти до самого отъезда в США, который состоялся в 1941 г. в результате нажима японских властей, которые не могли примириться с его независимым положением в политической жизни Харбина. В этот период он достиг вершин своей научной карьеры в области философии права, опубликовав следующие труды, ставшие теперь библиографической редкостью: «Новые идеи в праве и основные проблемы современности» (Харбин, 1931—1932), «Учение о праве и политическая экономия» (Харбин, 1933), «Очерки социальной философии» (Харбин, 1936).

Приехав в США, Гинс Г. К. поселился в районе Сан-Францисского залива, и некоторое время редактировал русскую эмигрантскую газету «Русская жизнь» и читал лекции в Университете Калифорнии в Беркли и в Армейской школе иностранных языков в Монтерее. Не найдя применения своей специальности в области философии права, он стал читать курсы по русской и советской цивилизации и истории и праву и опубликовал множество статей и две книги о положении в СССР: «Советское право и советское общество» (Гаага, 1954) и «Упадок коммунизма» (Нью-Йорк, 1956). Даже уйдя на пенсию с преподавательской должности, он продолжал читать лекции, публиковаться и работал консультантом для «Голоса Америки» до 1964 г. Гинс Г.К. скончался в сентябре 1971 г.

Таким образом, учет ролевых особенностей деятельности Управляющего делами белых правительств конкретизирует особенности функционирования и является показателем их успешности. Стоит отметить, что личный вклад Гинса Г.К.

в документационное обеспечение деятельности органов власти и управления на территории Белой Сибири играет регулирующую роль, как в вопросах нормативного регулирования, так и в вопросах адаптации чрезвычайной практики работы с документацией.

Примечания

¹ Аргунов, А.А. [Рец. на кн.:] Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. — Харбин: Общество возрождения, 1921. — Т. 1. — Ч. 1 / [Б.п.] // Современные записки. — 1921. — Кн. VI. Критика и библиография. — С. 316—321. [Электронный ресурс]: режим доступа: [www/emigrantika.ru/bib](http://www.emigrantika.ru/bib), свободный.

² Гинс, Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918-1920: Впечатления и мысли члена Омского Правительства. — М., Крафт+, 2007. — С. 23.

³ Там же. — С. 262.

⁴ Гинс, Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. 1918-1920 гг. — Пекин, 1921. — Т. 2. — С. 112.

⁵ Там же. — С. 113.

⁶ Гинс, Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918-1920: Впечатления и мысли члена Омского Правительства. — М., Крафт+, 2007. — С. 263.

И.А.Каримова

*Академия наук Республики Татарстан,
Институт Татарской Энциклопедии*

СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ ПОПЕЧИТЕЛЯ КАЗАНСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА П.Д.ШЕСТАКОВА

Петр Дмитриевич Шестаков — тайный советник, бывший попечитель Казанского учебного округа, писатель, педагог. Шестаков родился 27 июня 1826 г. в селе Алферьеве, Масальского уезда, Калужской губернии, где отец его был священником. Благодаря поддержке своего дяди А.Я.Смирнова, служившего в Тверской казенной палате, он получил хорошее образование¹. Сначала он поступил в Тверское уездное училище, потом перешел в Тверскую мужскую гимназию, которую окончил с серебряной медалью. Высшее образование П.Д.Шестаков получил в Московском университете на историко-филологическом факультете. В 1846 г. Петр Дмитриевич назначен старшим учителем греческого языка в Смоленскую мужскую гимназию². Чтобы быть ближе к матери и дяде, давшего ему образование, П.Д.Шестаков в 1847 г. «просил у С.Т.Строганова о переводе... на открывшуюся вакансию учителя греческого языка в Тверь»³. В 1849 г. он стал старшим учителем русской словесности в 4-й Московской гимназии, и в течение трех лет преподавал русский и греческий языки, не оставляя и своих литературных занятий. Служба в древней столице

дала ему возможность обратить на себя внимание попечителя Московского учебного округа графа С.Т.Строганова, и уже в конце 1852 г., несмотря на молодые годы Петр Дмитриевич, назначен инспектором Смоленской мужской гимназии. Прослужив три года, П.Д.Шестаков около двух лет исполнял в той же гимназии должность директора, продолжая по-прежнему заниматься наукой и литературой. К этому времени относится издание его труда «География Смоленской губернии»⁴. Избранный в 1855 г. членом-корреспондентом Смоленского губернского статистического комитета, он в том же году был назначен директором народных училищ Смоленской губернии и прослужил в этой должности до 21 июля 1860 г., когда переведен в Москву исправляющим должность инспектора студентов Московского университета; 29 июля 1861 г. был назначен инспектором народных училищ Московского учебного округа⁵. Командированный затем на четыре месяца за границу для ознакомления с иностранными учебными заведениями, он побывал в Швейцарии, Германии и Франции и хорошо изучил постановку учебного и воспитательного дела в этих странах. «Вскоре по возвращении из заграницы, Петр Дмитриевич 17 апреля 1863 г. определен помощником попечителя Казанского учебного округа»⁶.

С этого времени начинается 20-летняя служба П.Д.Шестакова в Казанском учебном округе. Уже 5 февраля 1865 г. он был назначен попечителем этого округа. Здесь Петру Дмитриевичу пришлось принять самое деятельное участие сначала в обсуждении, а затем и в проведении в жизнь реформ в области народного образования. Вот что он писал в своем отчете за 1865 г.: «Я заботился и забочусь по возможности о восстановлении нарушенной в действительности связи между всеми учебными заведениями округа: между университетом и гимназиями, гимназиями и уездными училищами, этими последними и приходскими»⁷. Будучи сам отличным знатоком древних языков, Шестаков был горячим сторонником классической системы и немало потрудился при преобразовании в 1866 г. гимназий, когда последние были разделены на классические и реальные, и при выработке Гимназического устава в 1871 г., который вводил строгую классическую систему.

Тогда же Петр Дмитриевич поднял вопрос об учреждении в подведомственном его округе нескольких учебных заведений для инородцев и по его представлению в Казани были основаны Учительская крещено-татарская школа, инородческая учительская семинария и много инородческих школ, причем для наблюдения над этими последними были учреждены особые должности инспекторов инородческих школ. Вот как писал сам попечитель: «Школы чисто чувашские требуют деятелей, основательно знакомых с языком своих учеников, ...школы со смешанным составом учащихся следует подчинить в педагогическом отношении влиянию инспектора чувашских школ, который обязан объезжать школы и знакомить преподавателей с улучшенными и более рациональными методами первоначального обучения»⁸.

Кроме административно- педагогической деятельности, П.Д.Шестаков в Казани по-прежнему продолжал вести свои научные и литературные изыскания. К этому периоду относятся его печатные исследования о Святом Стефане Великопермском и о созданной им пермской азбуке, а также ряд статей по вопросам об инородческом образовании, помещенных в « Журнале Министерства Народного Просвещения»: «О школах Буинского уезда Симбирской губернии», «Еще несколько слов об образовании инородцев» и др.⁹

В дальнейшем научно-литературная деятельность П.Д.Шестакова сосредоточилась главным образом в Казанском Обществе археологии, истории и этнографии, возникшем в 1878 г. после IV Археологического съезда, проходившего в Казани в 1877 г.

Прослужив в должности попечителя Казанского учебного округа ровно 18 лет, П.Д.Шестаков в 1883 г. вышел в отставку. Он все еще продолжал жить в Казани, начав деятельно сотрудничать в газете «Волжский Вестник», где напечатал ряд своих статей, касавшихся преимущественно разных педагогических вопросов, из них особый интерес представляет статья «Первый год моей учительской службы», напечатанная за несколько дней до его смерти и ярко характеризующая постановку учебного дела в гимназиях в конце 1840-х гг.

П.Д.Шестаков скончался в Казани 24 ноября 1889 г. и погребен на Куртинском кладбище.

Таким образом, Петр Дмитриевич Шестаков прожил жизнь полную идейных поисков, глубоких мыслей и изысканий. Почти все его гигантские замыслы неизменно воплощались в жизнь. Система взглядов и действий, выработанная им за долгие годы поисков, оказались принятыми современной ему жизнью и впоследствии историей.

Примечания

¹ Русский биографический словарь. — Спб.: Типография Главного Управления Уделов, 1911. — С. 238.

² Шестаков, П. Д. Первый год моей учительской службы // Волжский Вестник. — 1889. — № 272. — С. 1.

³ Шестаков П.Д. Первый год моей учительской службы / П.Д.Шестаков // Волжский Вестник. — 1889. — № 283. — С. 2.

⁴ Шестаков, П.Д. География Смоленской губернии. — Смоленск, 1857. — 62 с.

⁵ Энциклопедический словарь Брокгауза Ф.А., Ефрона И.А. — Спб.: Типо-литография И.А.Ефрона, 1894. — Т. 39. — С. 532.

⁶ Волжский Вестник. — 1889. — № 292. — С. 1.

⁷ Отчет попечителя Казанского учебного округа П.Д.Шестакова. — 1865. — С. 4.

⁸ Шестаков, П.Д. К вопросу об устройстве училищ для инородческих детей Казанского учебного округа. — С. 31—32.

⁹ Русский биографический словарь. — Спб.: Типография Главного Управления Уделов, 1911. — С. 240.

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В НОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ МЕЖДУ ФЕВРАЛЬСКОЙ И ОКТАБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЯМИ 1917 г.

Февральская революция обнаружила давно назревавший церковный кризис: явно обозначились, размежевание, противопоставленность между пастырями и их паствой, разобщенность в среде самого духовенства, упадок приходской, церковной жизни, да и просто, упадок моральный, нравственный, и в среде духовенства, и в обществе в целом.

До Февраля «самодержавие обеспечивало как бы внешнюю ограду «истинной вере». Но после того как эта ограда «рухнула» в первые дни Февраля наблюдалась «полная растерянность и замешательство в церкви. Священники, боясь народного гнева, попрятались по своим квартирам. В толпе шли слухи о том, что попы организуют сопротивление, что в Петрограде на многих церквях установлены пулеметы, что духовенство, во что бы то ни стало стремится вернуть царя». Популярность таких слухов не случайна. Опора церкви на самодержавие в какой-то степени отчуждала церковь от общества, порождала равнодушие мирян к церковному делу. В сознании народа образ духовенства как бы сливался с негативным образом прежней монархической власти (именно на это впоследствии будут упирать большевики в своей антирелигиозной пропаганде). Хотя есть примеры и обратного отношения — осуждения церкви за то, что она «отказалась» от самодержавия и «приветствовала» революцию.

Духовенство РПЦ заняло неоднородную позицию относительно революционных событий. В то время как некоторые иереи в своих проповедях и официальных воззваниях к пастве, публикуемых в местной прессе или выпущенных в виде листовок, восторженно приветствовали новый строй, другие — открыто негативно высказывались в адрес новой власти. Некоторые священно- и церковнослужители, узнав об отречении императора, ... нацепили на рясы красные банты.

Активно мнение приходских пастырей Российской церкви о революционных событиях февраля — марта 1917 г. выражалось на проходивших по всей стране весной и летом того года епархиальных, викариальных, городских, уездных и благочиннических съездах (собраниях) духовенства. Помимо этого здесь активно обсуждались наблюдавшиеся проблемы от положения Православной церкви в государстве до предостережения священникам и дьяконам права носить во внебогослужебное время штатскую одежду.

Кроме того, священнослужители столкнулись после Февраля и с другими новыми крайне важными проблемами, все очевиднее становилось, что прежние

«механизмы воздействия» на паству давали сбой. Начался своего рода протест против церкви (особенно усугублялась неизбежность этого процесса последними годами «распутинщины», напрямую коснувшейся церковной среды). А.И.Введенский отмечал, что «Прежде всего, этот протест сказывался в бессознательном, но стойком упорстве народных масс, которые не поддавались церковной агитации в должной мере. Проповедь священников была поистине бесплодной... нравственное учение Христа, вообще нисколько не улучшало нравственной жизни верующих».

Особенно же антиклерикальные и богоборческие настроения получали распространение в солдатской среде. Показателен, например, тот факт, что после отмены Временным правительством обязательности причастия для солдат, количество желающих причащаться сразу упало до десяти процентов, и ниже. Совершенно безболезненно солдаты Петроградского гарнизона отнеслись к факту отмены обязательной общей молитвы. Хотя значительная часть солдат, состоявшая в большинстве из крестьян, высказалась за сохранение религиозных обрядов.

После Февральской революции начался процесс замены «неудобных народу» священно- и церковнослужителей, часто этот процесс вовсе не контролировался самой церковью, но осуществлялся органами местного самоуправления, которые «зачастую заполняли солдаты, матросы, командированные агитаторы. Обер-прокурор в своем циркулярном отношении от 20 апреля 1917 года на имя управляющего московской епархией епископа Иоасафа сообщал о случаях ареста священников в разных епархиях местными исполнительными комитетами Советов за их неприязненное отношение к новому государственному строю. Однако подобные процессы осуществлялись и во внутрицерковной среде, и со стороны официальной власти. Недовольство церковными верхами приобрело масштабный характер. Вновь обнаруживался «раскол по всем фронтам», напрямую связанный с политической ситуацией. Но с другой стороны эти же процессы отражали определенную заинтересованность, участие в церковной жизни, как изнутри, в самой церкви, та и «снаружи», со стороны населения. Стала обнаруживаться тенденция желаяния населения, да и самого духовенства напрямую участвовать в осуществлении церковного управления, иными словами, остро вставал вопрос о выборности лиц его осуществляющих. Хотя реальная возможность устранения того или иного лица духовного звания могла осуществляться только посредством церковного права. Тем не менее, повсеместно начали осуществляться эти устранения, и к весне 1917 года стало ясно, что Синоду придется временно, то есть до Собора, закрепить результаты «церковной революции». И 29 апреля Синод выпускает обращение к церкви, в котором было объявлено о «восстановлении древнего православного принципа выборности епископата». Таким образом, было санкционировано более активное участие духовенства и паствы в церковном управлении. В середине мая «было дозволено избирать в

члены духовных консисторий не только священников, но и церковнослужителей и мирян. Наконец, во второй половине июня Синод утвердил временное положение о приходе, наделив его статусом основной демократически самоуправляющейся ячейки церкви.

Э.В.Климкина

Самарская государственная академия культуры и искусств

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО КУРСА В ОБЛАСТИ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРА I

После Отечественной войны 1812 г. был несколько пересмотрен правительственный либеральный курс, провозглашенный в начале XIX в. Знания все чаще представляются властям «источником заблуждений», а образованная часть общества — потенциальным возмутителем и противником устоев самодержавия. Кроме того, император Александр I становится более религиозным и мистически настроенным, этому способствовала война, влияние князя Голицына и другие обстоятельства. Одним из главных направлений правительственных мероприятий в области образования становится укрепление религиозных начал: «Соединение веры и знания провозглашено было целью умственного развития, но под соединением понимали не равноправный союз двух начал, а полное безусловное господство одного над другим». Вопрос религиозный часто был только предлогом, за которым скрывался интерес политический. Хотя в большинстве случаев речь шла о религии, при этом постоянно указывалось, что несогласие с учением веры находилось в неизбежной связи с неповиновением властям.

Манифестом от 24 октября 1817 г. император на основании доклада министра «счел полезным соединить Министерство народного просвещения с делами всех вероисповеданий в состав одного, под названием Министерство духовных дел и народного просвещения с присоединением дел Святейшего правительствующего Синода»². Стремление преградить путь проникновению революционных идей в Россию стало одной из главных целей руководителей народным образованием. Внимание министерства было сосредоточено на учебных планах, на содержании предметов преподавания и общем его направлении, на гражданских и нравственных обязанностях учащихся и учащихся. Все меры по этим вопросам имели одну цель: изгнание опасного духа вольномыслия. Отрицательное отношение к германским университетам, которые воспринимались теперь как очаги революции, заставило правительство прежде всего оградить от

их влияния русское юношество³. С февраля 1823 г. запрещение обучаться в четырех германских университетах, признанных особенно опасными, было распространено на юношество всей империи⁴.

Были изданы многочисленные распоряжения и постановления, устанавливающие строгий контроль за деятельностью профессоров и преподавателей, вводится полная регламентация жизни студентов, пересматриваются в сторону ужесточения учебные программы. В 1819 г. на всех факультетах учреждаются кафедры «богопознания и христианского учения»⁵. В этом же году во всех гимназиях, уездных и приходских училищах помимо закона божьего вводится еще и обязательное чтение Нового Завета⁶, кроме того утверждались новые учебные планы для гимназий, уездных и приходских училищ⁷. Из предметов гимназического курса были исключены мифология, всеобщая грамматика, начальный курс философии и изящных искусств, основания политической экономии, коммерческих наук и технологии. Вместе с тем было усилено преподавание языков, особенно древних и расширен курс географии и истории. Из курса уездных училищ исключались начала естественной истории и технологии, сокращались курсы географии и истории, латинский и немецкий языки сделаны обязательными только для поступающих в гимназию. В приходских училищах были оставлены все предметы без изменений⁸. Фактически преподавание философии было заменено преподаванием богословия. В награду лучшим воспитанникам выдавались книги Священного писания или духовного содержания.

Преобразование системы народного просвещения не коснулось ее основ: деления на учебные округа, иерархии учебных заведений, положения университетов, как учебно-административных центров. Уставы университетов и средних школ 1804 года отменены не были. Правда, весьма радикальному преобразованию подвергся Казанский университет⁹ в результате ревизии, проведенной там Л.М.Магницким.

Одновременно с Казанским университетом тяжелое испытание пережил и образованный в 1819 г. Санкт-Петербургский университет. Здесь схожими с казанскими преобразованиями руководил верный союзник Магницкого, Д.П.Рунич, который восхищался его «подвигами в Казани... хотел повторить то же с большим блеском и громом в Петербурге»¹⁰. Профессора К.И.Арсеньев и А.И.Галич были обвинены в попытках свержения православной веры и призывах к революции, их лекции были признаны зловердными. Бывшему попечителю Санкт-Петербургского учебного округа С.С.Уварову тяжело было видеть упадок столичного университета, которому он отдал очень много сил и воспринимал как родное детище¹¹. Как выразился Н.И.Греч о распространении программы Магницкого и на другие университеты, «иезуитский устав Казанского университета был введен и Петербурге»¹².

«Петербургская история» 1821—1822 гг. получила широкое освещение в литературе, в основном в плане расправы с «передовой профессурой», павшей «жертвой изуверства и мракобесия»¹³. Судилище над профессорами Петербургского

университета вызвало всеобщее возмущение в образованных кругах столичного общества. Вместе с Магницким, Николай I увольняет с должности попечителя учебного округа Рунича, против которого даже было заведено дело по обвинению в растрате казенных средств¹⁴.

14 мая 1824 г. Министерство духовных дел и народного просвещения было ликвидировано. Министерство народного просвещения было восстановлено в том виде, как оно существовало до 1817 г., а во главе его поставлен адмирал А.С.Шишков, заметно расходившийся во взглядах с уволенным министром А.Н.Голицыным. Недоверие к мистическим увлечениям разделял новый император. Таким образом, в 1824—1826 гг. были отменены некоторые самые одиозные меры в области образования, происходило возвращение к более рациональным и плодотворным принципам, отраженным во все еще действующем законодательстве начала 1800-х гг.

Примечания

¹ Сухомлинов, М.И. Материалы для истории образования в царствование императора Александра I // Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению / М.И.Сухомлинов. — СПб., 1866. — Т. 2. — С. 2, 3.

² Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — СПб., 1864. — Т. 1. — 1802—1825; — Там же. — Стб. 971.

³ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — СПб., 1864. — Т. 1. — 1802—1825. — Стб. 1521—1529.

⁴ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Стб. 1541—1547.

⁵ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. — СПб., 1866. — Т. 1. — 1802—1834. — Стб. 347—348.

⁶ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. — Стб. 346, 378—381.

⁷ Подробнее см.: Артамонова, Л.М. Преподавание Закона Божьего в общеобразовательных школах России и вопрос о его расширении в начале XIX века // Девятые Ионновские чтения. Сб. науч. трудов. — Самара, 2005.

⁸ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. — СПб., 1866. — Т. 1. — 1802—1834. — Стб. 385—389.

⁹ Подробнее см.: История Казанского университета. — Казань, 2004. — С. 46—66.

¹⁰ Греч, Н.И. Записки моей жизни / Н.И.Греч. — М.; Л., 1933. — С. 374.

¹¹ ОПИ ГИМ. — Ф. 17. — Оп. 1. — Ед. хр. 46. — Л. 45—46.

¹² Греч, Н.И. Записки моей жизни / Н.И.Греч. — М.; Л., 1933. — С. 379.

¹³ Чтения общества истории и древностей российских. — 1862. — № 3. — С. 61—164; Сухомлинов, М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. — Т. 1. — С. 247—397; Давидович, Я.И. «Дело» С.-Петербургского университета 1821 года // ВЛГУ. — 1947. — № 3. — С. 145—155; Очерки по истории Ленинградского университета. — Л., 1969. — Вып. 2. — С. 22.

¹⁴ Титов, А. Автобиографические записки Дмитрия Павловича Рунича / А.Титов. — Ярославль, 1909. — С. 4.

ВКЛАД М.А.КАПЕЛЮШНИКОВА В РАЗВИТИЕ НЕФТЯНОЙ ОТРАСЛИ СТРАНЫ

Матвей (Мордухай) Алкунович Капелюшников родился 12 сентября 1886 г. в поселке Аббас-Тумани Тифлисской губернии. По окончании реального училища в Кутаиси в 1904 г. он поступил на механическое отделение в Томский технологический институт, который окончил в 1914 г. В 1920 г. после национализации нефтяной промышленности Азербайджана Капелюшников был назначен членом коллегии по управлению заводами 3-й группы Азнефти, а в 1922 г. — заместителем начальника технического бюро Азнефти. На этой должности он совместно с С.М.Корневым и Н.А.Волохом сконструировал модель забойного двигателя — знаменитого турбобура. Как указывалось в патенте № 546 от 1923 г., «...при турбинном бурении двигатель (турбина) был перенесен на забой непосредственно к долоту, в то время как при роторном бурении приходилось вращать всю колонну бурильных труб, что вызывало потерю мощности от трения труб о стенки скважин»¹. Интересно, что в 1925 г. С.М.Волох и Н.А.Корнев по невыясненным причинам отказались от авторства на изобретение. Впервые в технике бурения скважин было пробурено турбинным способом 120 скважин на нефть и несколько десятков гезенков, что, в частности, доказало возможность применения турбобура в угольной промышленности (1, д. 53).

Испытания турбобура успешно прошли в Америке и показали, что «турбобуром можно бурить быстрее, дешевле, спокойнее и с меньшими затратами энергии и капиталовложений, а имеющиеся в турбобуре дефекты, главным образом, износ лопаток двигателя, вполне устранимы»². Советское правительство и автор изобретения предпочли не продавать изобретение, а организовать работы по совершенствованию турбобура. Однако в те годы в СССР отсутствовали шарошечные долота, мощные насосы, не было удовлетворительной степени очистки глинистого бурового раствора. «Старые пороки промыслового хозяйства — медленность и неупорядоченность ремонта, скверные дороги, убогий транспорт — в свете нового способа бурения проступили с болезненной яркостью», — отмечалось в статье «Правды»³. В таких условиях внедрение турбобура не могло дать положительного результата и даже дискредитировало саму идею турбинного бурения. В результате удельный вес турбинного бурения к 1932 г. составлял по стране всего лишь 3,9%. Кроме того, с первых же дней появления турбобура к нему были предъявлены чрезмерно высокие требования: проведение прямых скважин, минимальные неполадки, низкая себестоимость. Существенную роль играли недостатки самого турбобура — быстрый износ лопаток турбины и направляющего колеса, а также передаточного механизма, что приводило к преждевременному подъему долота из скважины.

В январе 1935 г. была опубликована статья молодых инженеров, в которой указывалось, что «...ни один самый талантливый конструктор не мог бы путем конструктивных вариаций продлить срок службы турбобура Капелюшникова, не изменяя принципа его конструкции и типа турбины»⁴. Отношение Капелюшникова к этой статье было резко отрицательным, и поначалу он не верил в возможность создания принципиально иной конструкции турбобура⁵. Однако в 1934—1940 гг. группой молодых инженеров во главе с одним из авторов статьи — П.П.Шумиловым — был создан промышленный турбобур, в котором турбина стала многоступенчатой, в ней отсутствовал редуктор, и работала она на относительно низких оборотах. Таким образом, турбобур Капелюшникова был лишь первым шагом на пути к турбинному бурению.

В 1928—1931 гг. совместно с академиком В.Г.Шуховым Капелюшников спроектировал и построил крекинг-завод «Совкрекинг», на котором впервые была разработана технология высокотемпературного риформинг-процесса для получения высокооктановых бензинов. Был получен чистый толуол, открылась возможность получения из крекинг-дистиллата аминовых спиртов. В 1933—1934 гг. совместно с инженером С.Л.Залкиным Капелюшников сконструировал дистанционный пульт управления бурильным станком. Аппарат был прост в изготовлении и применении, дешев, полностью исключал несчастные случаи и освобождал бурильщиков от профессиональных заболеваний. В 1934—1935 гг. при помощи пульта в Баку было пробурено 36 скважин, но потом, как это часто случается, о пульте забыли почти на два десятилетия⁶.

В 1933—1936 гг. М.А.Капелюшников был директором АзНИИ им. В.В.Куйбышева, в 1937 г. перешел на работу в Институт горючих ископаемых, где организовал лабораторию физики нефтяного пласта и стал ее заведующим. Коллективом лаборатории под его руководством были спроектированы и испытаны: механизм спуско-подъемных операций МСП-2 (1948); тормозное устройство буровой установки, безопасная катушка для буровой лебедки, многодисковое долото для бурения горных выработок (1949). В 1949 г. совместно с Н.П.Чижевским и А.А.Агроскиным М.А.Капелюшников получил авторское свидетельство на изобретение способа получения ароматизированных моторных топлив. В начале 1950-х гг. лабораторией были разработаны новые методы низкотемпературной перегонки нефти и мазутов, сделано заключение о возможности повышения нефтеотдачи пласта путем нагнетания в него газов высокого давления, а также установлен факт растворения нефти в газе, что объясняло условия миграции нефти и формирование ее залежей.

С 1943 по 1954 гг. Капелюшников совмещал работу в лаборатории с преподаванием на кафедре бурения МНИ им. И.М.Губкина в должности профессора, активно участвуя в подготовке молодых научных кадров.

Примечания

¹ Архив Государственного Политехнического музея. — Ф. 23. — Оп. 1.

² «Азербайджанское нефтяное хозяйство». — 1931. — № 5.

³ «Правда». — 1932. — № 23.

⁴ «Азербайджанское нефтяное хозяйство». — 1935. — № 1.

⁵ «Азербайджанское нефтяное хозяйство». — 1935. — № 3.

⁶ «Бакинский рабочий». — 1948. — 14 декабря.

Г.А.Поплетеева

*Российский государственный университет нефти и газа
им. И.М.Губкина, г.Москва*

СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ РЕГУЛИРОВАНИЯ РАЗВЕДКИ И ДОБЫЧИ НЕФТИ НА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗЕМЛЯХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Политическое, макроэкономическое и технологическое развитие современной России, ее геополитическое влияние в мире в значительной мере определяет топливно-энергетический комплекс. Сложившаяся в конце XX — начале XXI вв. устойчивая тенденция увеличения спроса на энергетические ресурсы как внутри страны, так и в целом в мире, потребовала разработки такой научно обоснованной государственной энергетической политики, которая была бы воспринята и обществом, и институтами государственной власти, и бизнесом. Для выработки современного эффективного механизма государственного регулирования отрасли необходимо проанализировать и уяснить уроки прошлого.

В дореформенные десятилетия XIX в. государством был накоплен определенный опыт в урегулировании вопросов, связанных с нефтедобычей на принадлежавших ему землях Апшеронского полуострова. В течение первой половины XIX в. нефтяной промысел осуществлялся на этих территориях либо самим государством («казенное управление»), либо они сдавались в краткосрочную аренду откупщикам. К концу 60-х — началу 70-х гг. XIX в. негативное влияние существовавшей откупной системы на технический прогресс в отрасли, обусловившее также падение доходов казны при росте потребления на нефтепродукты в экономике пореформенной России, стало очевидным.

С конца 60-х гг. XIX в. государство предпринимает шаги, направленные как на отмену откупов, так и системы казенного управления нефтеносными землями. Были заложены принципиально иные основы будущей государственной нефтяной политики. В отличие от предыдущего периода развития нефтяной отрасли, когда государство чередовало откупное содержание с казенным управлением, то есть непосредственно само осуществляло добычу нефти на

принадлежавших ему землях, в правительственных кругах исходили из того, что в будущем нефтяное дело могло развиваться на казенных землях «силами одной частной свободной промышленности»¹. Исходя из этого, обсуждались три варианта условий сдачи в эксплуатацию государственных нефтеносных земель. Во-первых, предлагалось создать из государственных земель, где уже были признаки нефти или она могла быть найдена, специальный отвод, из которого отдельные участки сдавались бы частным лицам в разработку. Положительным в таком варианте являлся тот факт, что земли отдавались бы не в собственность, а в аренду, и целенаправленно поступали бы исключительно под нефтяной промысел. Однако подобному способу сдачи земель в разработку частным лицам должны были предшествовать длительные и обширные геологические исследования, что потребовало бы от государства дополнительных и весьма существенных финансовых затрат². Во-вторых, рассматривался вариант продажи казенных нефтеносных земель в собственность частным лицам. В этом случае «частный интерес приобретателей казенных земель служил бы лучшим ручательством для успешной разработки нефтяных источников и вместе с тем подобная мера избавила бы правительство от необходимости всякой регламентации по нефтяному вопросу»³. Этот вариант был отвергнут правительством, поскольку оно опасалось, что предоставление права добычи нефти на казенных землях с помощью покупки в собственность «уничтожило бы в частных лицах всякое побуждение к отысканию новых нефтяных источников»⁴. Наконец, в-третьих, рассматривалась возможность применить в отношении разведки и добычи нефти на государственных землях те условия, которые существовали в отношении поиска, добычи и отводов под рудные и золотые месторождения. В их основе лежало положение о том, что промышленник, после заявки о сделанном им открытии, мог получить для разработки отвод казенной земли определенного размера и за определенную плату.

В итоге проведенной Горным департаментом предварительной работы было принято решение отменить откупную систему, провести торги, сдав казенные нефтеносные участки частным лицам в аренду с оплатой за каждую десятину ежегодно по 10 руб., а также обложить фотогенное производство акцизом по емкости перегонных кубов и продолжительности времени перегонки. Эти положения легли в основу двух законопроектов — «Правил о нефтяном промысле и акцизе с фотогенного производства» 1 февраля 1872 г. и «Правил об отдаче в частные руки казенных нефтяных источников, находящихся в Кавказском и Закавказском крае в откупном содержании» 17 февраля 1872 г.

Таким образом, с отменой откупной системы в 1872 г. начался новый этап в формировании политики государства в отношении принадлежавших ему нефтеносных земель. Его главное отличие заключалось в том, что государство, учитывая растущую потребность пореформенной экономики страны в нефтепродуктах и внешнюю конъюнктуру, предоставило частной инициативе проводить разведку и добычу нефтяных запасов без непосредственного участия в этих

процессах государства. Когда же в течение первых лет после отмены откупной системы стало очевидно, насколько велики запасы нефти в Бакинском районе, какие прибыли получают от льготной системы сдачи в аренду нефтеносных земель промышленники и, соответственно, какие потери несет государственный бюджет, то государство вынуждено было вновь пересмотреть основы нефтяной политики.

Примечания

¹ РГИА. — Ф. 37. — Оп. 70. — Д. 716. — Л. 5.

² Там же. — Лл. 6, 7, 8.

³ Цит. по: Там же. — Л. 7.

⁴ Цит. по: Там же. — Лл. 7, 9.

Н.В.Проскурина

Липецкий государственный технический университет

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ВОЛКОВ — ПОМОЩНИК КАНЦЛЕРА А.П.БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА

XVIII столетие подарило России немало выдающихся людей, чьи таланты и деятельность оказали существенное влияние на судьбу державы. Однако за громкими именами неизменно стояли те, кто сыграл не менее важную роль в становлении и развитии Российской империи. Таким человеком являлся Дмитрий Васильевич Волков, долгое время являвшийся помощником елизаветинского канцлера А.П.Бестужева-Рюмина.

Дмитрий Васильевич родился в 1718 году в селе Воскресенское Рузского уезда Московской губернии. Согласно утверждению его дальней родственницы, Софьи Александровны Рудаковой, он принадлежал к древнему роду и был сыном столбового дворянина Василия Онуфриевича Волкова¹.

Древнее происхождение династии Волковых, в определенной мере, подтверждается князем Петром Долгоруковым. В своей «Российской родословной книге» он возводит семейство на основании данных Гербовника к старинной литовской фамилии Волк, которая была известна в Литве уже в XV веке, а в Россию часть клана переселилась в начале XVI столетия и именовалась Волковыми. Со временем семья стала весьма многочисленной. В 1699 году в списках владельцев населенных имений упоминаются сорок Волковых, четверо из которых были стольниками Петра I².

Однако если следовать мысли В.Руммеля, семью Дмитрия Васильевича необходимо относить не к роду Григория Волка, герба Трубы, выехавшего из Литвы в

Москву к великому князю Василию Ивановичу, а к потомкам Семена Афанасьевича Волкова, владевшего с 1628 года поместьями в Рузском уезде. Он внесен в VI часть родословной книги Петербургской губернии (Гербовник, VII, 64)³. Очевидно, сложности с точным установлением происхождения династии Волковых возникли из-за существования 72 дворянских родов этого имени. Семь из них принадлежат к древнему дворянству. Остальные отнесены к новому, выслуженному дворянству и включены в родословные книги 22 губерний.

Дмитрий Васильевич получил хорошее домашнее образование, овладел несколькими иностранными языками. Это свидетельствовало о серьезном отношении семьи Волковых к образованию и практическим навыкам, об осознании, что в новую эпоху карьерный рост и возвышение фамилии могут зависеть и от уровня профессиональной подготовки. Совершенствовать свои навыки в европейских университетах Дмитрию Васильевичу не довелось, однако это не помешало ему стать одним из образованнейших людей своего времени. Позже саксонский посланник при российском дворе фон Гельбиг отзывался о нем с большим почтением: «...человек с весьма просвещенным умом; говорил на нескольких языках с величайшим совершенством, хотя никогда не выезжал из России; знал свое Отечество в точности, обладал необыкновенным знанием людей и вообще был одним из величайших умов, какие только производила когда-либо Россия»⁴.

В 1742 году Волков поступил на службу в Московский архив Коллегии иностранных дел. Вполне обыденным выглядел тот факт, что первый шаг в карьере ему помог сделать отец. Василий Онуфриевич был знаком с А.П.Бестужевым-Рюминым, тогдашним вице-канцлером, и выхлопотал для сына место секретаря. Дальнейшее продвижение по службе во многом зависело и от самого Дмитрия Васильевича. А.П.Бестужев-Рюмин, часто бывавший в древней русской столице, обратил внимание на усердного служащего и назначил его секретарем Коллегии иностранных дел.

Жизнь Дмитрия Васильевича существенно изменилась: от смены места жительства до посвящения в государственные тайны. Он пользовался особым доверием Алексея Петровича, был в курсе всех внутривластных и внешнеполитических дел. «Человек разумный и проницательство имеющий»⁵, Волков хранил многие секреты русского двора, знал особенности закулисной дипломатической борьбы. Незаменимый помощник канцлера с началом Семилетней войны был назначен секретарем созданной в 1756 году Конференции при Высочайшем дворе. Так Дмитрий Васильевич оказался причастным к принятию важнейших решений по вопросам внешней политики и руководству военными действиями в ходе конфликта с Пруссией.

Правда, однажды с «доверенным лицом» произошел любопытный случай. Совершенно неожиданно для императрицы Елизаветы Петровны, канцлера и даже собственной семьи Волков исчез из Петербурга. К его поискам подключили значительные силы: в условиях войны с Фридрихом II Великим опасались

самого неприятного — предательства. Но протее Бестужева столь же внезапно объявился в столице и покаялся в собственных прегрешениях. Оказывается, его преследовали кредиторы. При активном участии царицы неприятный инцидент с конференц-секретарем был исчерпан. Однако канцлер уже не мог так безоговорочно ему доверять.

Окончательно пути Волкова и Бестужева, многолетних друзей и единомышленников, разошлись в 1758 году, когда канцлер и великая княгиня Екатерина Алексеевна замыслили лишить наследника Петра Федоровича престола в случае смерти Елизаветы. Их планы в отношении Павла Петровича и самой Екатерины Дмитрий Васильевич, возможно, не считал реалистичными, а главное законными. Волков оказался на стороне племянника императрицы и спустя годы смог сделать при Петре III блестящую, хотя и непродолжительную, карьеру.

При Екатерине II, ценившей профессионалов, помощник канцлера побывал президентом мануфактур-коллегии, смоленским наместником, сенатором, петербургским генерал-полицмейстером и оренбургским генерал-губернатором. Во многом своим талантом управленца Волков был обязан опыту, приобретенному за годы многолетней службы у Бестужева.

Примечания

- ¹ Дмитрий Васильевич Волков // Русская старина. — СПб., 1874. — Т. IX. — С. 169.
- ² Долгоруков, П. Российская родословная книга. — СПб., 1857. — Ч. 4. — С. 347—350.
- ³ Брокгауз, Ф.А. Энциклопедический словарь: В 86 т. / Ф.А.Брокгауз, И.А.Эфрон. Волянок — Выговские. — СПб., 1892. — Т. VII. — С. 38.
- ⁴ Цит. по: Дмитрий Васильевич Волков // Русская старина. — СПб., 1874. — Т. IX. — С. 167.
- ⁵ Шаховский, Я.П. Записки князя Якова Петровича Шаховского, 1705—1777. — СПб., 1872. — С. 134.

Е.М.Седых

*Российский государственный университет нефти и газа
им. И.М.Губкина, г.Москва*

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ РОССИИ В ПЕРИОД ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Развитие системы высшего профессионального образования в России за последние годы шло под влиянием тенденций международной глобализации. Выстраивание партнерских отношений с зарубежными высшими учебными заведениями теперь является одним из важнейших факторов, влияющих на престиж и востребованность образовательных услуг российских ВУЗов и интеграции их в международный рынок образовательных услуг. Поэтому в 2003 г. Российская Федерация присоединилась к Болонскому процессу¹, приняв на

себя обязательство привести свою систему высшего образования в соответствие с ее принципами. Сегодня Болонский процесс объединяет 46 стран — практически всю Европу. Сама же система университетов сложилась в Европе еще в середине XIII века. С самого начала это была общая европейская система. Степень, присуждаемая университетом, в обязательном порядке признавалась во всем христианском мире. Эта степень давала право «*ubique docendi*» (учить повсюду). Это право гарантировалось высшей властью — папской, а позднее также императорской и королевской, представители которых выступали основателями университетов и гарантами их прав. Все это говорило о том, что в социуме и в самых высших сферах было понимание фундаментальной роли высшего образования для нормального функционирования общества. Не выделялось из этого процесса и Россия — образование Академии наук Петром I, университета в Москве и т.д. Университеты выступали профессиональными корпорациями и обладали значительной внутренней автономией. Образование носило многоуровневый характер. Уже на ранней стадии его развития выделялась магистратура. Этот экскурс в историю показывает, что Болонский процесс фактически отражает желание государств Европы возродить на современном уровне и условиях единое общеевропейское пространство высшего образования. Возрождение его было стимулировано созданием Европейского Союза. Именно Маастрихтский договор провозгласил свободу перемещения труда и капитала между странами ЕС. Это в большей степени применительно к квалифицированному труду, где в основном и заняты лица с высшим образованием, но свобода перемещения значительно ограничивалась разнообразием национальных систем высшего образования, документов об его окончании, систем академических степеней и т.д. Выросла и конкурентоспособность на рынке труда. Развивается и интернационализация высшего образования — молодежь Европы чаще едет учиться за океан, а это опасно по ряду причин: с точки зрения угрозы для национальной идентичности (в США, Австралии, Новой Зеландии европейцы воспитываются вне европейских ценностей), с точки зрения экономической (высшее образование сегодня — это много миллиардный бизнес, а Европе совсем не безразлично, в чью экономику вложены инвестиции), с точки зрения безопасности — ни одна страна Европы не в состоянии отвечать на внешние вызовы, самостоятельно конкурировать с США. Объединение же усилий приведет к созданию общеевропейского пространства высшего образования, даст надежду на возрастание веса объединенной Европы в «макроэкономических процессах», а также в их экономических и культурных аспектах. И Россия не должна стоять в стороне от этого процесса. И дело даже не в Болонском процессе. Дело в том, что без осуществления мер по развитию образования как системы, обеспечивающей трансляцию фундаментальных ценностей, порождения новых инновационных знаний, подготовку высококвалифицированных специалистов, необходимых обществу, современное государство не сможет выжить. И в этом видится глубокая связь между назревшими преобразованиями в российской экономике и

реформой высшего образования. Оба процесса должны осуществляться параллельно и работать совместно.

Современная экономика предъявляет повышенные требования к кадрам. Это ведет к необходимости качественного совершенствования подготовки специалистов, повышению их профессиональной компетенции. Так в Европе с начала 80-х годов разрабатывается и внедряется концепция обучения, основанного на компетенциях. Под профессиональной компетенцией понимаются не только профессиональные способности и умения (трудовая функция в рамках профессии, специальности, квалификации), но и способность использовать ноу-хау, принимать самостоятельные решения в новых ситуациях. Вот почему и в России переход на компетентный подход является стержнем новых федеральных государственных образовательных стандартов. Профессиональный стандарт должен быть ориентирован на мировое образовательное пространство в условиях нарастающей глобализации экономики и мобильности рабочей силы (миграционных процессов). Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что содержание Болонской концепции направлено на изучение отдельных дисциплин и недостаточно уделяется внимания подготовке специалистов, имеющих фундаментальные знания, что было и должно оставаться важным содержанием для Российских ВУЗов. Наблюдается тревожное снижение образовательного уровня, а также имеет место разрыв между профессиональными знаниями и деловой моралью.

Таким образом, в процессе адаптации основных принципов Болонского процесса к российским условиям необходимо не только преобразование самой структуры высшего образования, но и серьезная работа по повышению качества знаний. Ведь главное в учебном процессе — результативно — прогрессивное взаимодействие компетентного преподавателя и желающего учиться студента.

Примечания

¹ Болонская декларация: Европейское пространство высшего образования. Болонья, 19 июня 1999 г. // Вестн. Рос. Филос. о-ва. — 2005. — №1(33) — С. 74—77.

Ю.Н.Смирнов

Самарский государственный университет

Ф.Ф.УШАКОВ КАК ФЛОТОВОДЕЦ И СВЯТОЙ ВОИН В ПАМЯТНЫХ ДАТАХ ГРАЖДАНСКОГО И ПРАВОСЛАВНОГО КАЛЕНДАРЕЙ

В хронологии истории России есть памятные даты разного плана, привязанные к событиям военного и мирного прошлого, внутренней и международной жизни, явлениям культуры и духовности. Принципы отбора этих дат для официального

государственного календаря и календаря Русской православной церкви, конечно, отличаются друг от друга. В то же время это означает, что при появлении одного и того же имени в праздничных днях гражданского и церковного календарей следует признать такую личность действительно выдающейся. Яркий пример тому — адмирал Ф.Ф. Ушаков, с именем которого на рубеже XX—XXI вв. связано появление новых праздников в гражданском и в церковном календаре.

Нельзя сказать, что прежде страна не вспоминала о своем славном сыне и защитнике. Он чествовался как флотоводец военными и светскими властями установкой памятников и мемориальных досок, учреждением государственных наград — ордена и медали Ушакова, наименованием в его честь учреждений образования и культуры, улиц, кораблей и т.п. В календаре его имя появлялось в юбилейные торжества, приуроченные ко дню его рождения — 13 (24) февраля 1745 г.

Почти десятилетие назад 2 октября по юлианскому календарю (15 октября по григорианскому) стал отмечаться церковный праздник в память о святом воине Феодоре Ушакове, который приходится, по православной традиции, на дату блаженной кончины праведника, которая последовала в 1817 г. Второй день его же памяти, тесно связанный с первым, приходится на 23 июля по церковному календарю (5 августа по новому стилю), когда Феодор Ушаков был прославлен как православный святой в 2001 г. в Рождество-Богородичном Санаксарском монастыре под г. Темниковым, что в Мордовии.

Церковные праздники в честь святого Феодора Ушакова имеют точную историческую датировку. К сожалению, необходимой исторической точности нет в датировке одного из официальных календарных праздников России — «Дня победы русской эскадры под командованием Ф.Ф.Ушакова над турецкой эскадрой у мыса Тендра (1790 год)», который был установлен согласно Федеральному закону от 13.03.95 № 32-ФЗ «О днях воинской славы (победных днях) России». Составители закона отнесли праздник к 11 сентября. Однако этой дате григорианского календаря в XVIII в. соответствует 31 августа 1790 г. по старому стилю. Между тем, морской бой у Тендры, которую военно-морские историки предпочитают именовать островом, состоялся 28—29 августа по старому стилю, что в 18-м столетии соответствовало 8—9 августа григорианского календаря. 31 августа 1790 г. победоносная эскадра Ушакова уже подошла к Гаджибею (будущей Одессе) и ожидала прибытия командующего русскими войсками в Причерноморье Г.А.Потемкина, спешившего поздравить и наградить моряков с их командиром¹.

Современные моряки называют географический объект, у которого произошел знаменитый бой, Тендряковской косой и при прохождении траверза ее северо-западной оконечности обязательно отдают воинские почести, как это принято делать в местах важнейших побед или героической гибели кораблей отечественного флота. Таких памятных для флота точек, где исполняется этот ритуал, в конце XX в. на карте насчитывалось 56. Из них, кроме Тендры, с громкими

ушаковскими победами связаны еще две: черноморский мыс Калиакрия, у которого сражение с турецким флотом состоялось 31 июля 1791 г., и греческий остров Корфу (Керкира), французская крепость на котором была взята 20 февраля 1799 г.²

Не останавливаясь далее на боевых заслугах Ф.Ф.Ушакова, обратимся к основаниям его почитания как святого праведного воина. В посланиях патриарха Алексия II подчеркивалось, что «главным побуждением к прославлению Феодора Ушакова Церковью Христовой» стало «гармоничное сочетание личной праведности и ревностного общественного служения». Канонизация была осуществлена, учитывая «подвижнические труды прославленного флотоводца в служении Отечеству и народу Божию, его благочестивую, исполненного христианского смирения и монашеского аскетизма целомудренную жизнь, праведность, милосердие, самоотверженный подвиг благотворительности и народное почитание»³.

Семья бывшего сержанта лейб-гвардии Преображенского полка Ф.И.Ушакова и его супруги, давшая сыну строгое нравственное и религиозное воспитание, имела собственные примеры высокого духовного подвига. Родной дядя будущего флотоводца преподобный Феодор Санаксарский, причисленный позднее к лику святых, стал для племянника образцом православного подвижничества, а восстановленная им Санаксарская обитель — центром духовного притяжения.

Оставаясь в миру, Ф.Ф.Ушаков вел воистину монашеский образ жизни. Он сознательно отказался от брака и семьи, дабы отдать все телесные и душевные силы служению Богу и Отечеству. В тяжелых условиях походной жизни он соблюдал все установления и обряды православной церкви, выстаивая службы в храме, погружаясь в уединенные молитвы, совершая молебны «за столь счастливо дарованную победу», на которые созывались все, «кому возможно с судов быть»⁴.

Адмирал был лишен корысти, являл подвиг бессеребренничества, не стяжал земных благ. Даже получаемые на службе жалованье и награды он не раз тратил на поддержание вверенных ему кораблей и своих подчиненных, на помощь людям как ему близким, так и далеким.

Ушаков никогда не смотрел на рядовых военнослужащих — выходцев из крестьян, дворовых, городских низов как на людей второго сорта. Для него они были даже не просто товарищи по оружию, но и братья во Христе. Не случайно, что он получил свой первый боевой орден и был произведен в капитаны первого ранга не за морское сражение, а грамотную и умную организацию карантина и лечения больных матросов во время эпидемии чумы 1783 года в Херсоне. Даже в самый разгар сражения он оставался милостив и к врагам, тем более сдававшимся в плен. Об истовой вере Ушакова знали его подчиненные и начальство. Екатерина II наряду с многочисленными орденами отметила заслуги адмирала еще одной наградой, которой не удостоивался ни один из военачальников ее времени, а именно золотым крестом-складнем с помещенными в него мощами святых⁵.

С предложениями о канонизации Ф.Ф.Ушакова выступили представители церковных властей и общественности современной России. Архиепископ Саранского и Мордовский Варсонофий, с епархией которого связаны последние годы жизни адмирала, ушедшего в отставку и поселившегося в 1807 г. в сельце Алексеевке Темниковского уезда в трех верстах от столь значимого в его судьбе Санакарского монастыря, в 1995 г. поддержал инициативу В.Н.Ганичева, известного литератора и ученого-историка, предложив подготовить необходимые документы. Вопрос был решен за достаточно короткий для непростой проблемы срок. 29—30 ноября 2000 г. на заседании Синодальной комиссии по канонизации святых составленные и собранные материалы по Ушакову были внимательно и положительно рассмотрены. Патриарх Алексей II благословил причислить адмирала к лику праведных местночтимых святых Саранской епархии. Тогда же были определены дни его памяти и прославления. В 2004 г. Архиерейский собор РПЦ принял решение об общероссийском почитании праведного воина Феодора Ушакова⁶.

Календарные даты, в которых запечатлелась военная слава и духовная крепость России, каждая по-своему служат уроком новым поколениям. Они помогают новым поколениям следовать традициям патриотизма и веры, неразрывно слитых в деяниях великих предков, к числу которых принадлежит адмирал Ушаков.

Примечания

¹ Овчинников, В.Д. Победа русского флота под командованием Ф.Ф.Ушакова над турецким флотом у острова Тендра // Да славят потомки твой пройденный путь: материалы Межунар. науч. конф. — Саранск, 2008. — С. 40—45.

² Андреев, К.Л. Присвоение наград, учрежденных в честь адмирала Ф.Ф.Ушакова в годы Великой Отечественной войны // Да славят потомки. — С. 293.

³ Святой праведный Феодор Ушаков, адмирал флота Российского. — Саранск, 2006. — С. 302, 307.

⁴ Адмирал Ушаков: документы: В 3 т. — М., 1951. — Т. 1. — С. 338.

⁵ Святой праведный Феодор Ушаков. — С. 9—10, 17.

⁶ Ганичев, В.Н. Океаническое мышление и православное сознание: духовный подвиг Федора Ушакова (Ответ на глобальные вопросы современности) // Да славят потомки. — С. 12; Юрченков, В.А. Адмирал Ф.Ф.Ушаков: основные этапы историографического осмысления жизни и деятельности // Да славят потомки. — С. 83; Святой праведный Феодор Ушаков. — С. 302, 305.

В.В.БЕРВИ-ФЛЕРОВСКИЙ О ПРАВЕ НА ОБРАЗОВАНИЕ

Творчество известного ученого-экономиста, публициста и общественного деятеля второй половины XIX в. В.В.Берви-Флеровского, стоявшего в 70-х гг. на позициях, близких к идеям революционного народничества, затрагивает целый ряд проблем, связанных как с острыми вопросами современности, так и с философским осмыслением действительности. В своих работах, кроме прочего, он поднимает и тему развития народного образования.

Во многом это обусловлено тем, что просвещение народа, его воспитание, развитие нравственных качеств Берви-Флеровский считал неотъемлемой частью общественного прогресса¹.

В.В.Берви подчеркивал, что благосостояние людей зависит не только от материальной производительности, но и от развития науки и интеллигенции. Чтобы это развитие было постоянным, необходимо, «чтобы людям обыкновенных способностей было возможно идти самостоятельными путями, уничтожать старые направления, и даже целые науки, необходимо, чтобы существовала самостоятельная критика, которая могла бы делать выбор, руководствуясь одним своим здравым смыслом»². Для этого, по мнению Берви-Флеровского, народу необходимо давать серьезное политическое и социальное образование, которое и будет являться единственным условием обеспечения его нормального развития. «Пока подобное образование нельзя будет получать от обладающих солидными знаниями учителей не только в каждой гимназии, но и в каждой народной школе, до тех пор общество не сможет надеяться ни на нормальную, ни на мирную жизнь»³. Иначе говоря, школа должна воспитать мыслящего человека, способного самостоятельно приобретать все те знания, которые помогут ему правильно понимать назначение человека на земле.

Отсюда вытекает отстаиваемая Берви-Флеровским идея о праве каждого ребенка на воспитание и образование.

В 1871 г. в журнале «Дело» были опубликованы две его статьи «Не лучше ли молчать по этому вопросу?» и «Право на воспитание и обучение». Обе они были призваны привлечь внимание общества к проблемам образовательных учреждений: недостаточному финансированию, отсутствию хорошо подготовленных учителей, замене светского руководства школ духовенством и т.п.

Публицист подчеркивал, что серьезный подход к образовательной политике со стороны государства требует значительных финансовых затрат. «Мы слышим постоянные жалобы на отсутствие школ, на плохое устройство тех, которые существуют, на недостаток учителей, профессоров, техников и вообще теоретически хорошо образованных людей; но чтобы иметь много школ — нужны деньги; чтобы дать им хорошее устройство — опять деньги, чтобы отвлек

способные головы от других отраслей деятельности и привлечь их к педагогическому труду — нужно дать хорошее вознаграждение за этот труд и пр.»⁴. Однако финансирование народных школ, во многом переложенное правительством на плечи городского и земского самоуправления, явно не отвечало растущим нуждам народного просвещения. В.В.Берви-Флеровский приводит следующие данные: по смете расходов на 1871 г. в Петербурге и Петербургской губернии на расходы по народному образованию из 3 990 125 руб. 93 коп. городского и земского расхода было ассигновано 43 240 руб. 67 коп. При этом город на содержание своих учебных заведений планировал истратить 27 864 руб. 27 коп. (0,79% всех расходов), народное образование уездов петербургской губернии по смете должно было получить 15 376 руб. 40 коп. В это же время только на содержание Петербургской управы благочиния (без подчиненных ей мест) по смете отводилось в 2,5 раза больше, чем на все народное образование русской столицы. В свою очередь содержание уездных земских управ петербургской губернии стоило более чем в 3,5 раза дороже, чем народное образование уездов⁵.

На основании ряда исторических примеров, Берви приходит к следующим выводам: если школа не пользуется «общественным вспомоществованием» она обречена на самое жалкое положение. Однако даже в тех случаях, когда детям предлагают бесплатное образование, многодетные семьи не отправляют детей в школу, поскольку нуждаются в их рабочей силе как в источнике дохода. Принудительные меры в такой ситуации во многом оказываются бессильны⁶.

В этом случае, по мнению Берви, особая роль в деле народного просвещения принадлежит интеллигенции. С одной стороны, она должна своим примером пробудить тягу к интеллектуальному развитию, с другой — создать такие «экономические условия, при которых сын или дочь последнего бедняка могут получить образование. К этой же цели должны быть направлены все общественные учреждения, вся социальная и государственная система народной жизни...»⁷.

В.В.Берви-Флеровский полагал, что дети имеют несомненное право получать образование за счет общества и государства. Это право порождает для государства обязанность, а обязанность государства — право облагать с этой целью податью. Подать в пользу народного образования и подрастающего поколения должна существенно отличаться от других податей, она должна если не исключительно, то, по крайней мере, преимущественно падать на высшие и имущие классы⁸.

Примечания

¹ Грищенко, О.Н., Емельянова, Т.Н. В.В.Берви-Флеровский и его философские взгляды. — Красноярск, 2008. — С. 89—93.

² Там же. — С. 92.

³ Там же.

⁴ Берви-Флеровский, В.В. Не лучше ли молчать по этому вопросу? // Дело. — 1871. — № 2. — С. 309.

⁵ Там же. — С. 308—309.

⁶ Берви-Флеровский, В.В. Право на воспитание и обучение // Дело. — 1871. — № 3. — С. 116—118.

⁷ Там же. — С. 116—119.

⁸ Там же. — С. 119—120.

А.В.Стрелков

*Российский государственный университет нефти и газа
имени И.М.Губкина, г.Москва*

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОИСКА РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

История России имеет ярко выраженные этапы развития: монархический, социалистический, демократический. Каждый из них сопровождался поиском новой идентичности, необходимой для занятия достойного места в ряду мировых держав своего времени. При этом перманентно во все времена нужно было решать проблемы формирования социальной базы проводимых преобразований, что невозможно без создания лифта социальной мобильности.

Монархический этап освящался православием при опоре на дворянство, составляющего вертикаль государственной власти, пока оно не «съездилося». Социализм развивался на основе марксистско-ленинской идеологии с сакральной верой в мировую революцию и историческую миссию пролетариата, как строителя коммунистического будущего. Хребтом СССР были КПСС и номенклатура, вплоть до ее термидорианского перерождения¹. Россия сегодня не имеет национальной идеи и надежной вертикали реализации полномочий государственной власти. Целью строя, несмотря на пропагандистскую риторику, является удовлетворение интересов олигархических кланов и правящей бюрократии с опорой на силовую составляющую.

Однако власти необходимо учитывать национальный фактор, решать вопросы социально-экономического развития с учетом того, что населяющие ее народы² находятся на разных ступенях развития. В основе же цивилизационного подхода к обществу³ лежит кризис иллюзий линейной направленности истории, стремление осмыслить, многофакторность, поливариантность исторического процесса. Не отвергая и не абсолютизируя его единство, следует учитывать особенности реализации тем или иным российским народом соответствующего ему типа развития, включая господствующую систему ценностей, которая органически должна воплощаться и в общенациональной идее.

В связи с недостаточной проработанностью некоторых вопросов общественного развития, возникла необходимость в выделении в истории человечества

нескольких типов локальных цивилизаций, каждая из которых имеет собственную самостоятельную историю, отличается неповторимостью исторических явлений, уникальностью культурно — исторических событий⁴. Существующий цивилизационный подход в своем обобщенном итоге предполагает наличие 3 основных исторически сложившихся типов цивилизаций: 1. Природные общества; 2. Восточная цивилизация; 3. Западная цивилизация.

Природные общества — это отчасти сохранившиеся до наших дней племена аборигенов. Они во все времена жили на уровне самовыживания без существенного развития производительных сил и научно-технического прогресса. В основе воспроизводственного цикла — натуральный тип ведения хозяйства: охота, рыболовство, собирательство, пастушество. Научно-технический прогресс проникает в эту среду только в виде орудий труда и охотничьего инвентаря, средств связи, произведенных в высокоразвитых странах мира.

Для восточной цивилизации характерны: высокий уровень централизации государственной власти с вплоть до деспотизма, обусловленным отчасти необходимостью мобилизации значительных масс народа для проведения ирригационных работ; самоизоляция от внешнего мира, недостаточно высокий уровень развития производительных сил. Государство представляет собой всевластный институт, определяющий функционирование общества и повседневную жизнь. Религии востока, кроме ислама, предполагают внутреннюю духовную свободу, личную самодостаточность, веру в традиционные духовно-нравственные ценности, знания и наука в отрыве от них теряют гуманное содержание, доминируют единение с природой и созерцательное отношение к миру.

Западная цивилизация есть проявление внешней экспансии. Она предполагает торжество либерализма, приоритет интересов личности над интересами общества. Утверждается в том или ином виде либерально-демократическая модель управления с разделением властей, периодическими сменами правящих элит выборным путем. Торжествует рационализм, стремление к овладению миром, преобладает вера в науку и технику, возможность и необходимость переустройства мира, отношение к природе выражается в установке на покорение и эксплуатацию. Господствуют неудовлетворенность настоящим, склонность к постоянному поиску. Создается потребительская модель общества, происходит наивысший расцвет производительных сил. Религии западной цивилизации прагматично относятся к результатам и методам деятельности человека.

Россия до сих пор не определила своеобразие своей идентичности⁵. Отставая от передовых стран мира, она пытается ликвидировать его копированием западной модели развития. Но, не получая в сжатые сроки ожидаемого результата, возвращается к традиционным для нее формам организации общества и экономики. В очередной раз, вступив на западный путь развития, мы твердим о т.н. «суверенной демократии». Доминирующее в России православие предполагает покорность судьбе, отрицательное отношение к богатству, что отнюдь не является конкурентным преимуществом в глобальном мировом хозяйстве.

Страна относится к развивающимся рынкам, только мегаполисы несут черты постиндустриального, информационного общества. Геополитические и культурные факторы были ориентированы на закрепление земельной собственности, доминанту государственной власти, сформирована экономика, близкая «азиатскому» способу производства, с контролем государства над обществом, экономикой и капиталом на основе ренты от экспорта природных ресурсов. Формирование российской идентичности и национальной идеи невозможно без учета всех зигзагов исторического пути, осознания особенностей цивилизационных различий населяющих страну народов, системообразующей роли русской нации в федеративном государстве, опыта других мировых цивилизаций. Это позволит решать проблемы инновационного развития России в условиях глобализации, включения в мировой рынок на высокотехнологичной основе, повышения конкурентоспособности, достижения более высокого уровня жизни.

Примечания

¹ См. Восленский, М.С. Номенклатура. — М., 1991.

² В разные времена ученые насчитывали 128, 132, 160 народов СССР и России.

³ Понятие введено французскими просветителями (Вольтер, Д. Дидро, Ш.-Л. Монтескье). Развитие подход получил в трудах А.Вебера (1868—1958), О.Шпенглера (1880—1936), А.Тойнби (1889—1975), К.Ясперса (1883—1969).

⁴ Основы идеи локальных цивилизаций заложил Н.Я.Данилевский (1822—1885).

⁵ По опросу «Левада-центр», «85% респондентов заявляют, что не имеют никаких представлений о том, куда движется страна, есть ли у нее будущее». Л.Гудков. «Новогодний баланс: без будущего» // Ведомости, 2 (2768) 12.01.2011.

И.А.Стрелкова

*Всероссийская государственная налоговая академия
Министерства финансов РФ, г.Москва*

К ИСТОРИИ ЭВОЛЮЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ О РОЛИ И МЕСТЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (ИКТ) В ОБЩЕСТВЕ

Изучение истории хозяйственной деятельности показывает, что человек долгое время пытался создать эффективное производство с помощью количественного наращивания технической составляющей в экономике. Но уже к середине прошлого века стало очевидно, что экономическая и социальная составляющие не должны серьезно отставать от технологической стороны эволюционного процесса. Это становится возможным путем включения в научное исследование научно-технических новаций более широкий социально-экономический контекст существования общества.

В этой связи можно вспомнить работу одного из создателей квантовой механики Е.Вигнера «Этюды о симметрии», в которой автор отмечает, что наибольший эффект зачастую дают не просто новые технологии, а новые типы социальной организации, которые выстраиваются с их помощью.

Новые информационно-коммуникационные технологии объединяют в себе накопление (хранение) и распространение (передача) информации. Хранение (передача во времени) информации оказывает наибольшее влияние на производительные силы общества, а ее передача в пространстве способствует интенсификации хозяйственных взаимодействий. При этом ИКТ не просто увеличивают скорость передачи информации, они включаются в материально-вещественную структуру производства и потребления, приводят к качественным изменениям в системе хозяйствования.

В этих условиях реализация различных интересов представляется возможной, если пересмотреть структуру основных ресурсов экономического роста, рассматривая информацию как один из важнейших его факторов.

В начале прошлого столетия изучение информации велось, исходя исключительно из потребностей развития связи, что напрямую не связывалось с экономическими процессами. Кроме того, информация часто рассматривалась в естественно-философском понимании, далеко от экономики. В конце XX века глобальный характер социально-экономического развития стран и качественные достижения НТП породили принципиально иное отношение к информации и ИКТ.

Непродолжительную историю имеет исследование собственно рынка информации, условий, форм его становления и развития. Около пяти десятилетий назад А. Махлуп предпринял попытку определить размеры “индустрии знаний” и ее роль в создании национального богатства страны. Следующие шаги в этом направлении были сделаны М.Поратом и М.Рубином, которые разработали методики анализа информационной деятельности.

Существенный вклад в развитии теории “пятого рынка” внес В.Тамбовцев. Изучению рынка информационно-коммуникационных технологий и информационных услуг посвящены работы российских ученых И.И.Родионова, Т.П.Николаевой, О.Н.Вершинской, Д.С.Черешкина и др.

Экономическая теория полагает, что информация в условиях рынка находит полное отражение в ценах, или, более того, как отмечает Ф.Хайек, механизм функционирования рынка заложен и управляется векторами информации. Несмотря на очевидную рациональность данных положений, они подвергаются сомнению в других экономических концепциях. Так, в маржиналистской экономической теории представлена модель экономического человека как рационального максимизатора, который максимизирует свою целевую функцию — полезности или прибыли. Доступ к необходимой рыночной информации предполагался также свободным и равным для всех экономических субъектов. Если доступ к информации был бы неполным или неравным, то экономические

субъекты не могли бы вести себя рационально, т.е. максимизировать свою целевую функцию.

Современный институционализм берет в качестве отправной позиции идею о неполной, ограниченной информации, ее разнородности и несоответствии, что предопределяет участие иных альтернативных рыночных механизмов координации, их множественность. Так как информация становится редким благом, то всегда будут возникать издержки по получению информации.

В этом ключе освоение достижений современного институционализма является актуальным для проведения перестройки экономики в целом на основе определения критериев выбора оптимальных экономических структур в отдельных отраслях и сферах.

Основная идея современных концепций, в аспекте актуальной проблемы взаимоотношения информации и рынка, состоит в том, что рынок как экономический институт обладает несовершенством. Ассиметрия информации между агентами рынка и ограничения доступа к ней являются главным моментом неэффективного рыночного регулирования. Это влечет за собой ошибки выбора хозяйственных единиц в принятии решений частного и общественного характера. В данном контексте пристального внимания заслуживают теория контрактных отношений, теория трансакционных издержек, теория согласований

Таким образом, современные концепции, разрабатываемые с различных позиций, в том числе теорий информационной экономики, этико-социологических теорий формирования предпочтений и макроэкономической оценки альтернативных действий субъектов рынка, исследуют в различных ракурсах вопросы сбора, передачи и обработки экономической информации.

Повышение роли ИКТ в обществе объективно связано с эволюцией взглядов на информацию, превращение ее в один из основных экономических ресурсов общественного производства, важнейший фактор социально-экономического развития.

Т.В.Судник

Нижегородский государственный гуманитарный университет

РОЛЬ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ВАРАДИНОВА В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА

История документоведения — науки сравнительно новой — еще не может считаться исчерпывающе изученной: на сегодняшний момент нет обобщающих исследований, посвященных детальному изучению ее становления. Несмотря на то, что сам термин «documents science» был введен только в 40-е годы

XX века, документоведение, как и любая другая наука не была создана на пустом месте и, соответственно, имеет определенную практическую и теоретическую основы, которые были заложены при формировании системы делопроизводства в Российском государстве предшественниками современных исследователей.

Следует отметить, что в Российской империи делопроизводство всегда характеризовалось большим объемом создаваемых документов и еще в 1811 г. М.М.Сперанским были озвучены требования по организации документооборота и наведению порядка в делопроизводстве государственных учреждений.

Одним из специалистов, который предпринял успешную попытку систематизации работы с документами, был Николай Васильевич Варадинов.

Варадинов Николай Васильевич родился в 1817 г. в купеческой семье в Полтавской губернии, в 1841 г. окончил юридический факультет в Дерпте, до 1845 г. был преподавателем русского языка в Арнсбурге, в период с 1845 по 1848 г. состоял при рижском генерал-губернаторе. В 1847 г. в Дерпте Н.В.Варадинов получил степень доктора законовения (права), а в 1848 г. был назначен управляющим канцелярией дерптского генерал-губернатора.

В 1849 г. Николай Васильевич перешел на службу в Петербург в Министерство внутренних дел, где выполнял обязанности чиновника особых поручений при министре, был членом главного управления по делам печати (1865—1883 гг.) и членом совета при министре внутренних дел (1883—1886 гг.). Кроме того, Н.В.Варадинов неоднократно исправлял должность начальника цензурного ведомства и был членом комиссии, учрежденной в 1875 г. для пересмотра общего университетского устава 1863 г.

Таким образом, им был накоплен значительный опыт в сфере делопроизводства и, поскольку, как указывал сам Н.В.Варадинов: «...Закон есть главный источник делопроизводства», — кроме многочисленных трудов юридического характера, им была подготовлена и опубликована фундаментальная работа «Делопроизводство или теоретическое и практическое руководство к гражданскому и уголовному, коллегиальному и одноличному письмоводству, к составлению всех правительственных и частных деловых бумаг к ведению самых дел, с приложением к оным образцов и форм»¹.

Делопроизводство, в зависимости от его назначения, Н.В.Варадинов разделял на теоретическое и практическое. В теоретическом значении — это «наука, излагающая правила составления деловых бумаг, актов и самих дел»; практическое делопроизводство — это «общий порядок производства дел в присутственных местах по данным законами формам и по установившимся образам деловых бумаг»².

В разделе о *наружных свойствах документов* он дает классификацию деловых бумаг с точки зрения внешней формы:

- 1) Сношения (или отношения);
- 2) Реестры, журналы, протоколы, ведомости, описи, отчеты, книги;

- 3) Официальные письма;
- 4) Записки;
- 5) Выписки³.

Н.В.Варадинов выделял системы документации в связи с их назначением, т.е. в зависимости от той сферы деятельности, которая в данных документах была отражена, и от целей, для которых создавались данные документы.

Предложенная Н.В.Варадиновым классификация документов и детальное описание каждой разновидности документа вместе с образцами конкретных документов по каждой разновидности, была изложена в практическом разделе работы «Делопроизводство, или теоретическое и практическое руководство к гражданскому и уголовному, коллегияльному и одноличному письмоводству, к составлению всех правительственных и частных деловых бумаг и к ведению самих дел»: *канцелярские дела и бумаги, сношения присутственных мест и «просительские» дела и бумаги*. Данный раздел составил более половины его труда⁴.

Основную группу делопроизводственной документации — «*канцелярские дела и бумаги*» — он определял как «по форме написанные изложения, заключающие в себе всю деятельность известного места или лица». К канцелярским делам и бумагам он относит входящие дела и бумаги, докладные дела и бумаги, заключительные или определительные бумаги, исходящие дела и бумаги.

Выделив канцелярские дела и бумаги, распределив и описав их в соответствии с порядком производства дел, Н.В.Варадинов подчеркнул, что эти дела и бумаги составляют внутреннее письмоводство присутственного места. Поместив присутственное место в систему равных, высших и низших мест и лиц и замкнув делопроизводство этого присутственного места на внешний контур через систему сношений, он, естественно, выделил группу *сношений присутственных мест и должностных лиц, просительские дела и бумаги*. В том случае, если эти документы поступали в учреждение (т.е. используя современную терминологию, относились к входящей документации), они составляли совокупность документов, используемых в процессе производства дел. В том же случае, если отправлены были из учреждения (т.е. относились к документации исходящей), то являлись совокупностью документов, создаваемых в процессе исполнения дел (*решений*).

Таким образом, Н.В.Варадинов обратил внимание на сохранение в практике работы любой канцелярии делопроизводственных традиций. Он впервые выделил основные реквизиты делопроизводственных документов XIX века, классифицировал данные документы, а также дал характеристику нескольким десяткам их видов.

Примечания

¹ Варадинов, Н.В. Делопроизводство или теоретическое и практическое руководство к гражданскому и уголовному, коллегияльному и одноличному письмоводству, к составлению

всех правительственных и частных деловых бумаг к ведению самых дел, с приложением к оным образцов и форм. — СПб: С.П.Лоскутов — тип. Я. Трея, 1857. — Ч. 1—2.; Исследования об имущественных или вещественных правах по законам русским. — СПб., 1855; О личном задержании по долговым обязательствам. — СПб., 1861; Сборник узаконений и распоряжений правительства по делам печати. — СПб., 1878; Аптекарский устав. — СПб., 1880 и др.

² Варадинов, Н.В. Делопроизводство. Руководство к составлению всех родов деловых бумаг и актов, по данным формам и образцам. 2-е изд. — СПб., 1873. — С. 1.

³ Там же. — Ч. 1—4.

⁴ Там же.

М.С.Чирков

Самарская государственная академия культуры и искусств

ВОЕННАЯ «ФРОНДА» СТАЛИНСКОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ (1946—1950 гг.)

В первые годы после победоносного завершения Великой Отечественной войны роль Вооруженных сил в общественно-политической жизни СССР значительно возросла. Маршалы и генералы Советской Армии, увенчанные золотыми звездами героев и боевыми орденами, стали восприниматься массовым сознанием в качестве наследников лучших традиций русского офицерства, людьми бесконечной отваги, высокой чести и достоинства. Многие из них составили костяк новой военной элиты, получив высокие должности в Москве — в реорганизованном Министерстве Вооруженных сил СССР и Генеральном штабе СА. Некоторые представители высшего военного состава даже позволяли себе фрондировать по отношению к политике советского руководства: высказывать в узком кругу мнения по основным мероприятиям экономического курса, вопросам реформирования органов управления, внешнеполитическим акциям.

Опасения роста популярности полководцев в народных массах приводили зачастую к громким отставкам и кадровым перемещениям: хрестоматийными являются примеры отстранения маршала Г.К.Жукова от должности командующего Сухопутными войсками в 1946 г., «командировки» маршала К.К.Рокоссовского на должность министра обороны Польши в 1949 г. и т.п. Впрочем, среди пострадавших были и представители среднего генеральского звена. Так, например, в 1946 г. на квартире командующего Приволжским военным округом генерал-полковника В.Н.Гордова органами госбезопасности было установлено подслушивающее устройство, которое на протяжении нескольких недель фиксировало «антисоветские» разговоры генерала со своими подчиненными и близкими. В этих откровениях прослеживались и личные мотивы: сам Гордов

считал себя несправедливо обиженным назначением на второсортный пост. В годы войны Гордов, ровесник Жукова и Рокоссовского, был храбр, даже в какой-то момент командовал Сталинградским фронтом, имел в своей коллекции наград звезду Героя Советского Союза и три ордена Суворова первой степени (что являлось большой редкостью). Но в послевоенное время высоких постов в Москве не получил, а был командирован в город Куйбышев. Здесь Василий Николаевич Гордов быстро сошелся со своим заместителем — генерал-майором (разжалованным маршалом) Г.И.Куликом и начальником штаба генерал-майором Ф.Т.Рыбальченко; втроем они вели разговоры о несправедливостях службы, попутно критикуя советскую власть. Особенно доставалось Сталину и министрам за положение в сельском хозяйстве.

Комментируя сильнейшую засуху 1946 г. в средней полосе и последующий неурожай, Гордов и Рыбальченко выражали сомнение в жизнеспособности колхозной системы «У меня такие убеждения, — говорил Гордов, — что, если сегодня снимут колхозы, завтра будет порядок, будет рынок, будет все. Дайте людям жить, они имеют право на жизнь, они завоевали себе жизнь, отстаивали ее!»¹. Патетические речи, произносимые с высоких трибун партийными вождями, вызывали у генералов иронию и насмешки. «Выполнен первый год пятилетки, рапортуют, — ну что пыль в глаза пускать?! Ехали мы как-то на машине и встретились с красным обозом: едет на кляче баба, впереди красная тряпка болтается, на возу у нее два мешка, — рассказывал Гордов, — сзади нее еще одна баба везет два мешка. Это красный обоз называется! Мы прямо со смеху умирали. До чего дошло! Красный обоз план выполняет!». О тяжести сельской жизни повествовал и Рыбальченко: «В колхозах подбирают хлеб под метелку. Ничего не оставляют, даже посевного материала... Мы развернули такую политику, что никто не хочет работать. Надо прямо сказать, что все колхозники ненавидят Сталина и ждут его конца... Думают, Сталин кончится, и колхозы кончатся...»². Периодически Гордов порывался записаться на прием к Сталину, чтобы высказаться о наболевшем. Генерал искренне полагал, что военные заслуги станут некоей индульгенцией за право на критические высказывания в адрес власти: «Пусть меня вызовет сам Сталин. Пойду сегодня и скажу. Ведь худшего уже быть не может. Посадить они меня не посадят»³. Двух генералов поддерживал в их разговорах и Кулик. Став военным пенсионером, он по-прежнему посещал квартиры сослуживцев и вел вместе с ними антисоветские беседы: «Я обвинял партию и правительство в том, — признавался позднее Кулик, — что внимание правительства и партии обращаются только на промышленность, а сельское хозяйство дошло до полного разорения и что у крестьян и колхозов забирается почти все подчистую, а крестьянам ничего не оставляют»⁴. Д.Т.Рыбальченко в разговоре с Куликом также заявлял: «Советское правительство существует свыше 20 лет, но ничего хорошего для крестьян не сделало и не хочет идти ему навстречу»⁵. Подобные разговоры дорого обошлись генералам: они были арестованы в январе 1947 г. На суде, который состоялся в августе

1950 г., все трое были обвинены в измене Родине, подготовке террористических актов и антисоветской деятельности. Подсудимые свою вину не признали, но, тем не менее, 25 августа были приговорены к расстрелу. Спустя шесть лет все участники процесса были реабилитированы⁶.

Таким образом, наличие военной оппозиции правящему режиму в конце 1940-х годов не подлежит сомнению. Вместе с тем, ее участники не разрабатывали планы свержения советской власти. Они ограничивались исключительно личными беседами, а истоками оппозиционных настроений зачастую являлись личные обиды.

Примечания

¹ Максимова, Э. Подслушали и расстреляли // Известия. — 1992. — 16 июля.

² Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. — М., 2001. — С. 642—643.

³ Там же.

⁴ Бобринев, В.А., Рязанцев, В.Б. Палачи и их жертвы. — М., 1993. — С. 261.

⁵ Там же.

⁶ Дело маршала Кулика // Известия ЦК КПСС. — 1991. — № 8. — С. 198.

Т.В.Чумакова

Санкт-Петербургский государственный университет

САКРАЛЬНАЯ ТОПОГРАФИЯ ПЕТЕРБУРГА. ЮРОДИВЫЕ

Имперский город, созданный в одночасье на чужой территории почти лишенной культурного прошлого, Петербург несколько напоминает Александрию — имперскую столицу, созданную по приказу Александра Македонского на завоеванных землях (правда, культурное прошлое тех земель было куда богаче). Наверное, имперские столицы только так и могут создаваться — вне национальных границ. Опыт Петербурга как культурного феномена уникален, и не случайно его мифология привлекает все большее и большее число исследователей. Особенно интересным может быть компаративный анализ официальной и маргинальной мифологии, хотя они взаимно обогащают друг друга. Если официальное петербургское мифотворчество более всего тяготеет к созданию героико-идеалистического образа дивного города, его творца и части его правителей, то маргинальное наводняет культурное пространство эсхатологическими и inferнальными образами («быть сему месту пусту» и проч.). Возможно, что негативация образа Санкт-Петербурга связана с архетипом города. Этот архетип был в основном сформирован библейскими и апокрифическими сочинениями, в которых часто фигурировали города. Для этого архетипа характерно

двойственное отношение к городу. Город мог воплощать в себе образ Града Небесного (Небесный Иерусалим — Пс. 136, 6; Откр. 21, 2—3, 10). Но с другой стороны город традиционно воспринимался как средоточие разврата и порока (Вавилон — Откр. 17, 305). Первый город на земле, согласно библейской традиции, построил Каин (Быт. 5, 16), а его брат Авель заложил, согласно христианской, Град Небесный. Поэтому город воспринимается двояко: как следствие отторжения человека от Бога, но в то же время город является и местом искупления первородного греха (Голгофа). И этим он становится «сопричастен» Граду Небесному. В христианской традиции любой населенный пункт (в средневековом понимании всякая «огороженная территория» — город) традиционно противопоставляется «внемлющей богу» Пустыне — месту, которое «пусто», то есть не заселено людьми. С этим связаны и оппозиции: провинция («тихо косящая» в благодати и город (буйный, динамичный, губительный). Для традиционной русской культуры было характерно представление о том, что мельтешение, динамичность — свойства сугубо земные, и даже дьявольские, что отличает их от тихой косности божественного. Зло, заложенной в самой сути города, могло быть уничтожено с помощью особых ритуалов, а также с помощью создания святых мест, формирующих сакральное пространство города.

То, что Петербург задумывался как принципиально новый город говорит и тот факт, что его сакральное пространство, организовывалось нетипичными для России главными соборами. Вначале тут не было Софийского, Троицкого, Архангельского и Успенского соборов. Петербургская сакральная топография формировалась четырьмя основными доминантами. Это были: Петропавловский собор — «камень», на котором Петр утвердил свой город, ставший местом захоронения членов царствующей фамилии. Собор св. Исаакия Далматского, Александро-Невская лавра и церковь (позже собор) Иконы Казанской Божьей Матери. Первые два главных собора были связаны с императором, это были первые ростки его культа. Александро-Невская лавра (1710 г.), освященная новгородским митрополитом через 14 лет, после перенесения в нее мощей Александра Невского, который был символом жесткой авторитарной княжеской власти.

Санкт-Петербург также воспринимается как «запертый» город, что роднит его с Вавилоном (в литературе конца XIX — начала XX вв. эта метафора нередко встречается). Для народного сознания, очевидно был важен тот факт, что «град Петров» возник не на перекрестке дорог (еще одна мифологема Небесного Иерусалима — к нему ведут все пути), а в стороне, на месте «нечистом». В старообрядческом сознании, которое несомненно оказало влияние на фольклор, основатель города — Петр I мог выступать либо в роли Антихриста, либо — апокалиптического зверя. Естественно, что в такой схеме должна была присутствовать и вавилонская блудница. В ее роли выступали императрицы (Анна Иоанновна, Екатерина II), в поведении которых народной молвой гипертрофированно подчеркивались определенные аспекты их личной жизни. Механизм эсхатологической

идентификации требовал появления также положительных персонажей — праведников, призывающих к покаянию. Это были «царственные особы» — царевич Алексей Петрович, император Петр Третий, Император Павел I, а также вел. князь Константин Павлович и Александр Первый, но еще более почитаемы стали городские юродивые. Культ их возник на окраинах Петербурга: в Чекушах, на Песках, в Гавани Васильевского острова. История сохранила немало имен городских юродивых: Ксения Блаженная, Анна Петровна, Ирина, Марфа, Ольга, Харитина, Василий, Митя, Исидор и Матренушка Босоножка. О большей части из них не сохранилось даже городских легенд. Но вокруг фигур юродивой XVIII века Ксении Петербургской и юродивой XIX в. Матренушки Босоножки возникли новые культы. Но если культ Ксении в последние годы стал приобретать не без усилий со стороны господствующей церкви черты государственной святой (в легендах упоминаются ее явления солдатам во Время Отечественной или недавней Чеченской войны), то культ Матренушки остается пока городским культом, и формируется вокруг часовни бывшей Стекланного завода, которая стала местом появления петербургской святыни — иконы «Богоматерь с грошиками».

IV. СЕКЦИЯ «ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ, ИСТОРИОГРАФИЯ»

К.Е.Баженова

Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Проблемы взаимодействия власти и российского общества в годы Первой мировой войны привлекают внимание зарубежных историков, особенно после событий, произошедших в отечественной исторической науке в начале 1990-х гг. Поиск новых парадигм, методологических подходов в изучении прошлого, публикация источников, вовлечение в сферу научного анализа новых архивных данных позволили российским исследователям к началу 90-х гг. XX в. поставить вопрос об ограниченности формационного подхода к истории взаимоотношений власти и общества в годы Первой мировой войны. В это время впервые приняло активную форму сотрудничество отечественных и зарубежных историков в изучении проблем воздействия Первой мировой войны на российское общество, имперской политики и национальных движений, демократизации политического строя, формирования гражданского общества в дореволюционной России, что выразилось в проведении многих совместных конференций, коллоквиумов и публикациях различных сборников работ¹. Достоянием российской научной общестственности стали работы зарубежных авторов. Их данные стали учитываться отечественными исследователями.

Положительную оценку работе общественных организаций, развернувших свою деятельность в годы Первой мировой войны, дали Р.Пайпс, Т.Портер, занимавшиеся вопросами развития политического плюрализма². Данные их трудов опровергают утверждения других зарубежных историков, как, например, Н.Стоуна, называвшего Земгор и другие общественные объединения, организациями, которые больше «шумели, чем делали дело»³.

Кимитака Мацузато, профессор Центра славянских исследований университета Хоккайдо (Япония), изучая причины падения царизма, считает, что привлечение земских и городских комитетов к делу мобилизации ресурсов страны положило конец плановому снабжению, которое было спасательным кругом для военных мероприятий правительства. Малоразвитость профессиональной бюрократии и ее прямая зависимость от общественных институтов явились одной из причин падения старого режима⁴.

Изучением российского гражданского общества и деятельности московских общественных организаций в дореволюционной России занимается американский исследователь Дж.Бредли⁵. Согласно мнению этого автора, нарождавшееся гражданское общество в России выступало конкурентом самодержавия и высшей бюрократической элиты в стремлении к перестройке центральной власти. Общественные организации сыграли наиболее важную роль в развитии независимой гражданской жизни. Через них частная инициатива направлялась в определенные сферы практической гражданской деятельности, придавая ей новую форму и содержание⁶.

Проблемы беженства и распределения социальных ролей в период Первой мировой войны в контексте гендерной истории исследует П.Гетрелл⁷. Согласно его точки зрения, важная роль в ходе войны выпала на долю женщин. Уход за родными, поиск жилья, работы и пропитания легли на их плечи. Война заставила беженцев во имя выживания искать новый баланс социальных ролей, в котором женщины получили возможность самим определять свои социальные и экономические функции. Все это привело к формированию набора специфических женских обязанностей в обществе, таких как организация благотворительной деятельности, оказание врачебной помощи больным и раненым воинам на фронте и в тылу.

В целом в зарубежной историографии в последние годы выявился новый подход к освещению отношения российского общества к правительству в годы Первой мировой войны, не как проявления политической оппозиции, а как сотрудничества, хотя еще и незрелого, и негативного по своему основному результату.

Примечания

¹ Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. — СПб., 1994; Земский феномен: политологический подход. — Саппоро, 2001; Личность, общество и власть в России: системный компаративный анализ: материалы Третьей междунар. конф. — М., 1998; Реформы или революция? Россия 1861—1917. — СПб., 1992; Россия и Первая мировая война: материалы междунар. науч. коллоквиума. — СПб., 1999; Россия на рубеже XXI века. Оглядываясь на век минувший. — М., 2000; Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы: материалы междунар. науч. конф., Москва, 27—29 мая 1998. — М., 1999.

² Пайпс, Р. Русская революция. — М., 1994. — Т. 1—2; Porter, T. The development of political pluralism in late Imperial Russia: Local self-government and the movement for a National Zemstvo Union, 1864—1917. — University of Washington, 1990.

³ Stone, N. The Eastern Front. 1914—1917. — N.-Y., 1975. — P. 202.

⁴ Мацузато, К. Земства во время Первой мировой войны: межрегиональные конфликты и падение царизма // Земский феномен: политологический подход. — Саппоро, 2001. — С. 198.

⁵ Бредли, Дж. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность. — 1994. — № 5. — С. 77—89.

⁶ Там же. — С. 86—87.

⁷ Гетрелл, П. Беженцы и проблемы пола в России во время Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война: материалы междунар. науч. коллоквиума. — СПб., 1999. — С. 112—128.

Е.С.Досекин

Самарский государственный университет

БИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ВЗГЛЯДОВ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Е.Н.ТРУБЕЦКОГО)

Для гуманитарного знания, начиная со второй половины XX в. все больше заметен повышенный интерес к индивидуальному, частному. Вместе с тем изменяется ракурс восприятия индивидуального, которое становится средством, позволяющим не только дополнить, расширить, но и зачастую переосмыслить картину мира в рамках конкретного поля исследовательских проблем.

Роль индивидуального начала в истории играет личность, а биографический метод становится основным способом раскрытия индивидуального, в то же время превращая личность в зеркало эпохи. Сама эпоха, в свою очередь, является зеркалом, в котором отражается человек. Сопоставление этих ракурсов позволяет проследить процесс взаимодействия между героем и временем. Л.П.Репина считает, что «обновленный и обогащенный принципами микроистории биографический метод может быть очень продуктивным» при необходимости ответа на вопросы, «чем обуславливался, ограничивался, направлялся выбор решений, каковы были его внутренние мотивы и обоснования, как соотносились массовые стереотипы и реальные действия индивида, как воспринималось расхождение между ними, насколько сильны и устойчивы были внешние факторы и внутренние импульсы». Такие вопросы выталкивают «из уютного гнездышка микроанализа в исследовательское пространство макроистории»¹.

Обозначенные выше аспекты прослеживаются на примере взглядов и деятельности Евгения Николаевича Трубецкого, выдающегося общественно-политического деятеля, философа и публициста начала XX в. Его биографию можно условно разделить на два периода. Первый протекал в условиях второй половины 19-го столетия, был наполнен духовными исканиями, непрестанной внутренней работой, переживаниями юности, со временем обретшими силу убеждений. Другой период проходил в условиях борьбы за эти убеждения.

Е.Н.Трубецкой родился в Москве в 1863 г. через два года после отмены крепостного права в переходный для страны период. «У колыбели моей, — писал философ, — боролись два мира, и в той среде, где протекало мое детство, все

говорило об их встрече»². От старой аристократической культуры дореформенной России остались внешние рамки, постепенно наполнявшиеся новым содержанием. Живым воплощением этой культуры была родовая усадьба Трубецких в подмосковной Ахтырке. Ее владелец П.И.Трубецкой, дедушка будущего мыслителя, был истинным аристократом с характерной любовью к форме, «стилю» и патетическому церемониалу, подчинявшему себе саму жизнь.

Иначе выглядел уклад жизни родителей Е.Н.Трубецкого, сложившийся во многом благодаря матери. Семья Лопухиных, из которой вышла его мать, также относилась к стародворянскому роду, но здесь в отличие от «княжеского великолепия» и «ширины барского размаха» предков отца Е.Н.Трубецкого господствовала «душевная теплота, простота, естественность, жизнерадостность» и «очаровательная уютность жизни». В отношениях между членами семьи отсутствовала та дистанция, какая существовала между новым и старым поколением Трубецких. В Ахтырке господствовал консерватизм, со свойственной ему традиционностью, быт дома Лопухиных, напротив, был демократичен в своих проявлениях, этот дом был не «местом парада», а уютным семейным гнездом.

«Два мира», нашедшие свое олицетворение в двух поколениях семьи Трубецких, оказались под одной крышей, в общем пространстве быта. Синтез ценностей традиционного аристократизма и нового демократического начала во многом определил специфику личностного мирозерцания юного Евгения.

В гимназические годы Е.Н.Трубецкой увлекся модной в то время позитивистской философией. Этот период был недолог. Очень скоро он приступил к более серьезному изучению философии, обнаружив в своих недавних увлечениях множество противоречий. Отрекшись от позитивизма, Трубецкой пришел к скептицизму, который стал для него новым источником сомнений. Он преодолел кризис лишь тогда, когда страстно увлекся философией Шопенгауэра.

Е.Н.Трубецкой начал понимать, что пессимизм был неизбежным следствием отрицания абсолютно правильных принципов, управляющих миром. Тогда он встал перед альтернативой: «Или есть Бог, или не стоит жить». Как раз в это время в журнале «Русский вестник» печатались два сочинения, роман Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы» и диссертация В.С. Соловьева «Критика отвлеченных начал». Две работы в разных формах, художественной и философской, поднимали этот же вопрос и отвечали на него положительно. Примерно в то же самое время братья Трубецкие прочитали брошюру Хомякова, в которой он развивал свое учение о церкви как теле Христовом³.

Гимназический период, как считал Е.Н.Трубецкой, был одним из самым плодотворных в его жизни. Рано увлекшись философией, пережив период исканий и сомнений, он вернулся к волновавшей его с детства религии.

К поступлению в Московский университет в 1881 г., Трубецкой уже обладал колоссальным багажом знаний и опытом самоанализа. Окончив университет кандидатом права, с апреля 1886 г. он стал приват-доцентом Демидовского юридического лицея в Ярославле, в котором проработал шесть лет.

Он часто ездил в Москву, к друзьям, одним из которых был философ Л.М.Лопатин, в доме которого проходили встречи видных ученых и общественных деятелей. Именно в этом доме Трубецкой встретился с В.С.Соловьевым, до конца жизни ставшим ему другом и наставником. Разработанная Соловьевым концепция всеединства стала органичной частью философии Трубецкого.

Суть мировой эволюции с христианской точки зрения представляла в непрерывном движении к богочеловечеству. Содержание исторического процесса оказывалось неразрывно связанным с признанием безусловного, царственного достоинства человека. Именно на этой основе Трубецкой предлагал свое обоснование свободы как ценности, ради которой стоит жить и умереть. Назначение свободы теоретик либерализма видел в том, что она позволяла человеку проявить свои творческие способности и достичь всеединства — новой неумирающей формы жизни. Соединяясь с Богом, индивид не растворялся в нем, не терял своей самостоятельности, а, восстанавливая целостность своего существования, утверждал свое совершенство. Однако этот Божественный замысел мог осуществиться только через согласие и свободное самоопределение с обеих сторон. Личность, лишённая такой возможности, становилась пассивным исполнителем высшей воли, а не свободным соучастником общего творческого дела — движения к всеединству: «Любить Бога действительно, активно мог только тот, кто способен действительно Ему сопротивляться»⁴.

С аналогичных позиций Трубецкой рассматривал и модели государственно-го устройства. Совершенным политическим строем по мысли Трубецкого являлась конституционная монархия, где власть покоилась не на слепом подчинении, а на свободном акте творческого преобразования. Отвергая политическую революцию как метод борьбы, он верил, что только духовная эволюция способна привести государство к миру, проявив себя настоящим идеалистом, далеким от реалий конкретной исторической ситуации России начала XX в.

Трубецкой был тем типом аристократа, о котором писал Бердяев, анализируя Ставрогина, героя произведения Ф.М.Достоевского «Бесы»: «Барин и аристократ обаятелен, когда идет в демократию, но он ничего не может с ней сделать, он вообще не может быть полезен, неспособен к «делу». Аристократ всегда хочет творчества, а не «дела»⁵. Являясь деятельным ученым, философом, Трубецкой в кризисной, трагической ситуации российской жизни оказался волею судеб перед необходимостью играть роль политика и общественного деятеля, при этом продолжая пребывать душой по ту сторону злобы дня и суеты мира сего, о чем уже говорилось на нашей прошедшей конференции⁶.

Трубецкой — безусловно, уникальная фигура в русской интеллигенции начала XX в. Вместе с тем его биография показательна для характеристики целого слоя общественно-политических деятелей и мыслителей, которые в силу некоторой наивности и чрезмерной идеалистичности взглядов оказались неспособными объективно оценить сложившуюся в России революционную обстановку.

Примечания

¹ Репина, Л.П., Зверева, В.В., Парамонова, М.Ю. История исторического знания: пособие для вузов. — М., 2004. — С. 266.

² Трубецкой, Е.Н. Из прошлого // LDN — частное собрание книг [Электронный ресурс]. 2001. Режим доступа: <http://ldn-knigi.lib.ru/Rusknig.htm>.

³ Лосский, Н. О. История русской философии. — М., 1991. — С. 78.

⁴ Трубецкой, Е.Н. Смысл жизни. — М., 1994. — С. 294.

⁵ Бердяев, Н.А. Смысл творчества. — М., 2004. — С. 12.

⁶ См. Досекин, Е.С. Участие Е.Н. Трубецкого в антибольшевистском движении 1918—1920 годов // История идей и история общества: Материалы VIII Всерос. науч. конф. — Нижневартовск, 2010. — С. 156—158.

С.Л.Дударев, Д.А.Волошин

Армавирская государственная педагогическая академия

К БИОГРАФИЯМ ДЕЯТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ НАЧАЛА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (НОВОЕ О ЦЕЗАРИИ АРЕЛАТСКОМ)

Настоящая статья является продолжением начатой ранее авторами практики откликаться на новые диссертационные работы по всеобщей истории (средние века — раннее новое время). На сей раз предметом нашего рассмотрения является автореферат кандидатской диссертации Д.М.Омельченко «Пастырская деятельность Цезария Арелатского в политике церкви и повседневной жизни Прованса (первая треть VI в.)» (Ставрополь, 2011).

В настоящее время парадигма развития исторического знания характеризуется общим изменением отношения к человеческой индивидуальности и персонализацией предмета истории. В современных условиях, когда «системно-целостное видение исторического процесса» остается лишь желанным научным идеалом, методологические поиски мировой историографии все более сосредоточились в направлении микроистории. В результате в последние годы наблюдается всплеск интереса к исследованию биографий и использованию биографического метода. Исследования, выполненные в русле подходов «новой биографической истории» сегодня — это свидетельства закономерного поворота интереса историков от «обезличенного» человека к конкретному индивиду. Однако этот поворот не просто обогатил жанр исторической биографии новыми ракурсами и проблемами, — он потребовал соответствующего методологического переоснащения.

Представленная работа Д.М.Омельченко, являющаяся пример конкретной «истории индивида», или «истории одной жизни» показывает, насколько интересны, но одновременно сложны и актуальны (в плане разрешения) на уровне

обобщения оказываются методологические проблемы перехода между полюсами индивидуальности и коллективности, поиска механизмов взаимодействия индивидуальной и социальной памяти, индивидуального и социального сознаний. Именно «потребностью осмыслить духовную культуру рубежа эпох с новых методологических позиций» [с. 3] автор обосновывает актуальность темы исследования. К одной из наиболее сильных сторон данной работы следует отнести ее источниковую базу. Особое внимание уделено анализу персональных текстов, или источников личного происхождения, в которых запечатлен индивидуальный опыт и его эмоциональное переживание (малочисленность подобных текстов создает для исследователей не менее значительные препятствия, чем те, которые связаны с трудностями их понимания). Также автор использует в качестве источников материалы, содержащие как прямые высказывания личного характера, так и косвенные свидетельства, фиксирующие взгляд со стороны, или так называемую объективную информацию. Характеризуя степень научной разработанности темы [с. 6—14], автор подчеркивает обширность зарубежной и известную ограниченность отечественной историографии (что еще раз подчеркивает своевременность обращения к данной теме).

Приступая к обзору основного содержания исследования Д.М.Омельченко, следует сказать, что оно еще раз убедительно демонстрирует тот факт, что пути христианской церкви были сопряжены со взлетами и падениями, приливами и отливами. Путь к христианскому благочестию был сложен и противоречив. Роль отдельных деятелей церкви, причем различных по масштабу личности, в этом процессе была весьма велика.

Содержание диссертационного исследования структурировано в четком соответствии с поставленными задачами; последовательность 3-х глав и формирующих каждую из них 4-х параграфов представляется вполне обоснованной и логичной. В рамках *первой главы* «Прованс на рубеже античности и средневековья. Детство и юность Цезария» автор рассматривает целый комплекс тем. Галлия небезосновательно предстает в первом параграфе работы оплотом «римскости» [с. 16]: действительно, это был развитый и стратегически важный регион, наиболее романизованная провинция (однако не менее важно и то, что Галлия была и своеобразным форпостом на пути германских племен к Риму). Во втором параграфе рассмотрен вопрос о степени христианизации данного региона. Автор показывает Галлию провинцией с богатой христианской традицией и достаточно высоким уровнем церковной организации. Церковь предстает динамично развивающимся общественным институтом, активно участвующим в общественной и политической жизни. Также в рамках первой главы дана характеристика монашеской и богословской традиции Южной Галлии (третий параграф); с привлечением комплекса источников дано описание «раннего» периода жизни Цезария — вплоть до избрания его на должность епископа.

Вторая глава диссертационного исследования «Цезарий как церковный политик и реформатор» посвящена изучению внутрицерковной деятельности

епископа. Первый параграф носит вводный характер — в нем описывается сложная церковная и политическая ситуация, сопровождавшая деятельность Цезария в первые после избрания годы, причины проявления оппозиционных настроений и недовольства определенных сил его политикой. Далее (во втором параграфе) подробно проанализированы внутрицерковные реформы Цезария, которые были «попыткой утвердить власть клира на личных заслугах его представителей» [с. 19]. Третий параграф второй главы логически развивает содержание третьего параграфа главы предыдущей (где дана характеристика богословской позиции «полупелагианства»): автор анализирует роль Цезария в прекращении споров вокруг учения блаженного Августина о благодати, подчеркивая политический подтекст произошедшего. Завершающий главу параграф описывает основание Цезарием женского монастыря св.Иоанна в Арелате, который явно выходил за рамки типичного для того периода «формата» домашнего женского монастыря.

В *третьей главе* «Цезарий Арелатский и миряне» сквозь призму личности Цезария автор изучает влияние христианской церкви на общественную жизнь Галлии. Как известно, подобное влияние может осуществляться на двух уровнях: идеологическом и материальном, — потому в первом параграфе речь идет о социально-карикативной практике епископа, различных проявлениях «публичных форм милосердия» [с. 21] (работавших не только на создание определенного образа Цезария в общественном сознании, но и укреплявших позиции церкви). Здесь автор отмечает роль чудес в агиографии Цезария, которые прививали мирянам христианскую систему ценностей, что сильно отличалось от агиографии Мартина Турского, где чудеса святых подавляют читателей или слушателей мощью или внушают им страх. Но это не было изобретением самого Цезария. Он в данном случае следовал евангельскому подходу. В Евангелии от Матфея (Мф., 13, 58) читаем: «И не совершил там многих чудес по неверию их». Спаситель христиан творил чудеса не для пробуждения веры, а для укрепления ее. Второй параграф содержит характеристику выработанной Цезарием «теории и практики» борьбы с язычеством и язычниками; показаны существенные расхождения по данному вопросу, имевшие место в кругах христианских деятелей того периода. Примечательно, что Цезарий, проводя «депаганизацию», был бескомпромиссен, что явно отличает его от некоторых высших иерархов католицизма. Так, папа Григорий I (VI в.) рекомендовал архиепископу Кентерберийскому осторожность, относительную мягкость действий при обращении в христианство, советуя, например, не уничтожать капищ, уничтожая лишь идолов, опрыскивать старые святилища водой, поместив в них христианские алтари и мощи святых, дабы неофиты могли легче расстаться со старыми верованиями и "плавно" перейти к истинной религии. Нельзя не указать и на то, что Цезарий, борясь с язычеством, возлагал надежды на *paterfamilias*, поскольку не мог обратиться к властям, которые были готами-арианами, т.е. еретиками. Но пройдут столетия и светская власть будет уже сурово преследовать, например,

колдовство, прибегая к смертной казни («Каролина»). Далее, в третьем параграфе, дана характеристика проповедческой практики Цезария. Автор верно показывает однобокость созданного «Житием» образа Цезария как типичного «народного проповедника». Четвертый параграф заключает в себе богатый материал, позволяющий судить о взглядах Цезария на целый ряд фундаментальных вопросов человеческой жизни и смерти; о практике реализации его идей в процессе проповеднической деятельности. Автор отмечает, что Цезарий считал в русле библейской и святоотеческой традиции злом не само богатство, а неправильное отношение к нему и полагал, что и богатые и бедные имеют равную возможность достичь Царства Небесного (первые через благотворительность, имевшую символический характер). Но нужно заметить автору, что в святоотеческой традиции имеются два подхода к богатству. Точка зрения Цезария близка взглядам Св.Климента Александрийского, Василия Великого, Св.Амвросия Медиоланского, Августина и др. Напротив, Тертуллиан, Св.Иоанн Златоуст стояли на других позициях. Св.Иоанн полагал, что если взять двух блудодеев, богатого и бедного, то больше надежд на спасение имеет бедный. Единственный способ правильно использовать богатство — раздать его (Т.Б.Коваль). Иными словами, Цезарий находился среди тех деятелей церкви, которые, в принципе, стояли за реабилитацию богатства путем благотворительности.

Выводы, содержащиеся в «Заключении», убедительны, они вполне раскрывают содержание основной части исследования. Как показывает автор, изучение христианской церкви в лице ее отдельных представителей, исследование их общественно-политического положения и деятельности в V—VI вв. н.э. открывают широкие перспективы как для исследователей поздней античности, так и для исследователей раннего средневековья. Религиозная жизнь Галлии в этот период — не только важнейшая составляющая истории этого региона. Это время интенсивного роста социальной активности христианской церкви; к тому же, из всех общественных институтов поздней античности, наверное, только она была принята «новыми хозяевами» Европы без радикальных трансформаций.

Следует остановиться и на некоторых замечаниях. Так, в разделе «Методология» [с. 14—15] автореферата, на наш взгляд, не получили пропорционального отражения все имевшиеся в распоряжении автора методы исследования. Свойственный «новой биографической истории» методологический эклектизм, наличие различных исследовательских стратегий, нуждаются в некоторой конкретизации. В данном разделе оказались бы более уместны не описания «классических работ этого жанра» [с. 14], а краткое раскрытие подходов, дополняющих главную установку этого направления: «реконструкцию личной жизни и судьбы отдельных исторических индивидов».

Еще один аспект касается формулировок названий некоторых параграфов исследования. Так, в названии первого параграфа «Provencia: «более Италия, чем провинция» [с. 16] явно интегрирована цитата; потому складывается

впечатление, что содержание параграфа направлено исключительно на то, чтобы «оправдать» данный тезис. Сходная ситуация «изначальной заданности» — и в названии четвертого параграфа первой главы «Святой бунтарь: жизненный путь Цезаря до епископства» [с. 18]: эпитет «святой бунтарь» не может одинаково подходить к детству, отрочеству и юношеству Цезаря (он дает скорее представление о социокультурной ситуации, по отношению к которой описываемая жизнь Цезаря приобрела значение истории).

Таким образом, представленная работа актуальна, она существенно расширяет пространство применения биографического метода, дополняя коллективные биографии индивидуальным жизнеописанием людей, которые не попадают в категорию «выдающихся исторических деятелей», но относятся к фигурам «второго плана» в истории.

Н.А.Ерохина

Институт социально-экономического развития, г.Серов

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ГЕОПОЛИТИКИ В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Геополитика — наука о методах воздействия политической, экономической и физической географии на внутреннюю и внешнюю политику государства. Она дает возможность анализировать геополитическую ситуацию сегодняшнего и завтрашнего состояния в мире, на его различных континентах, моделировать разные варианты поведения стран и их союзников в будущем и выработать рекомендации наиболее целесообразного поведения той или иной страны в целях сохранения ее устойчивого положения или перехвата инициативы в геополитическом пространстве в целях защиты национальных интересов или доминирования собственных интересов¹.

Геополитика и глобалистика (наука о закономерностях и тенденциях развития глобальных процессов) позволяют наиболее полно понять совокупность тех внешних воздействий, которые сегодня испытывают все в большей мере все страны, живущие в мировом сообществе, связи и взаимодействия в которых под влиянием всех революций (научно-технической, информационной, управленческой и др.) стали особенно тесными. Без их анализа сегодня трудно понять и те внутренние изменения, которые происходят в каждой стране. «Последнее десятилетие XX века, — пишет известный геополитик Збигнев Бжезинский, — было отмечено тектоническим сдвигом в мировых делах². Геополитика на основе анализа исторического опыта наследует причины тех тектонических сдвигов, которые происходили в истории цивилизации³.

История свидетельствует о том, что есть несколько типов построения имперских общностей: *колониальный, национальный и цивилизационный*. **Колониальный тип** характеризуется тем, что колонии всегда имеют пораженные права и свободы в сравнении с метрополиями, основу власти составляют выходцы из метрополии, которая насильственно насаждает свои цивилизационные основы.

Новая западная империя (Соединенные Штаты) не способна существовать без колоний и связующих ее нитей. До тех пор, пока поток мировых ресурсов, питающих эту империю, не иссякнет, она будет существовать, будет сохранять свое лидирующее положение, но если найдется сила, способная привести этот поток в соответствующее состояние (США сегодня потребляет 40% общемировых ресурсов), то крушение империи станет неизбежным⁴.

Национальный тип империи — самая нестабильная форма имперских образований. Они, как правило, возникали вследствие воли отдельных правителей и с их смертью прекращали свое существование. Этому способствовала также ментальность и избранность позиции, культивируемая на протяжении веков, например Германия. В ней системообразующий этнос стремится к созданию устойчивого государства на основе цивилизации, которой нет, а национальный эгоизм не может быть объединительным фактором.

Цивилизационный тип империи — наиболее совершенный тип государственного образования, который отличается от национального и колониального тем, что в наибольшей мере удовлетворяет критериям оптимальности существования государства: он существует в рамках пространства, занимаемого самой цивилизацией, стремится расширяться только до естественных границ цивилизации, что обеспечивает внутреннюю стабильность. К их числу относятся Китайская империя, Индия, Персия, Россия. Все они возникли в Евразии, исключение может составить только Египет.

Поэтому вековая культура и сложившиеся традиции утверждают такой тип социализации личности, когда *смысл человеческой жизни как высшая и непреодолимая ценность может реализоваться только при наличии общей объединяющей идеи*. Она может принимать разные формы (идея служения Богу, мировой революции, социальной справедливости и т.п.), но без служения идее, более продолжительной, чем сама человеческая жизнь, человек существовать не может. Либо он создает себе такую цель (даже ее суррогат), либо, теряет всякие ориентиры. Поэтому не случайно бурное развитие либерализма и демократии в Европе после наполеоновских войн породило плеяду талантливых философов-пессимистов.

Справедливо высказывание О.Шпенглера: «Наше прошлое мстит за себя, эти 700 лет жалких провинциальных государств без намека на величие, без идей, без целей. От этого наследия нельзя избавиться за два поколения». Германия так и не смогла избавиться от этого наследия, но осознать свое положение все же смогла. Весь остальной западный мир — нет. Служение, в случае

цивилизационной империи, высшему — идеалу, государству, а в его лице всему народу, не ущемляет свободы личности, а только ограждает человека от своеволия в поступках. Такой стереотип поведения в обществе может обеспечиваться только высоким уровнем пассионарности народа⁵ и прочной духовно-идеологической основой, которая не только не является надстройкой, что справедливо для либерального общества, лишённого высших идеалов, а является сквозным стержнем, основой существования цивилизационных империй. Как только эта сердцевина ослабляется либо исчезает, империя этого типа распадается либо исчезает. Исторически так было в Риме Византии, в России и Китае.

Таким образом, империи и имперское сознание не являются ни анахронизмом, ни чем-то ужасным, чем принято пугать обывателя. Сегодня мир находится в уникальном состоянии, когда только формируются контуры его будущего. Новые линии противодействия, которые обретут в будущем цивилизационную форму и неизменно наложат свой решающий отпечаток на состояние «нового мирового порядка», пока только складываются. Сегодняшнее положение, которое характеризуется возникновением десятков новых государств, является фазой перегруппировки сил и формирования новых или обновлённых имперских образований⁶. Перспективными на этом пути являются создание и укрепление цивилизационных образований на основах корпоративности, которые открывают миру «третий путь» — модель народотворческого развития.

Сама наука геополитика является относительно молодой отраслью научного знания, можно спорить, не соглашаться с ее отдельными положениями, но очевидно одно, что она рождена современными глобальными переменами в мире, требованиями трех революций: научно-технической, информационной и управленческой, которые так или иначе затронули все мировое сообщество, породили новые «вызовы» времени, без учета которых невозможно эффективное социальное управление, всегда базировавшееся на понимании диалектики внутренних и внешних факторов развития сложных социальных систем⁷.

Геополитика становится чрезвычайно актуальной в связи с теми глобальными переменами и тектоническими сдвигами, которые сегодня происходят в мире, без учета которых невозможно эффективное социальное управление.

Очень важно отметить, что наличие всех геополитических факторов, благоприятных для развития той или иной страны, редко встречается в рамках одного государства. Поэтому каждое из них в целях реализации своей главной функции — обеспечения национальной безопасности — стремится ликвидировать тот или иной дефицит за счет соседей. В соответствии с этими устремлениями строит свою внешнюю политику, как тактическую, так и стратегическую.

Претензии на место в геополитическом пространстве во многом объясняются разными факторами: исторической ментальностью того или иного народа, характером государственного режима, культурой основной нации и т.п.

Сегодня мир находится в уникальном состоянии, когда только формируются контуры его будущего. Несомненно, одно, что это будущее принадлежит

цивилизированным образованиям, которые наложат свой решающий отпечаток на состояние «нового мирового порядка», на перегруппировку сил и формирование обновленных «имперских образований».

Примечания

- ¹ Бжезинский, З. Великая шахматная доска. — М., 1998.
- ² Там же. — С. 11.
- ³ Русский геополитический сборник. — М., 1998. — № 3.
- ⁴ Ильин, И.А. О России. — М., 1995. — С. 27—31 и др.
- ⁵ Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. — Л., 1990. — С. 261.
- ⁶ Хатунцев, С.В. О некоторых аспектах российского евразийского кризиса // Русский геополитический сборник. — М., 1998. — № 3. — С. 3—17.
- ⁷ Кузнецов, О.Л., Ванюшин, В.А. Россия и мировое сообщество в поисках идеала общественного устройства. — М., 1999. — С. 41.

А.В.Жидченко

Омский государственный университет им. Ф.М.Достоевского

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ БИОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА ПРИ РЕКОНСТРУКЦИИ ГОРОДСКОГО РАЙОНА

Методы научных исследований гуманитарных наук в последнее десятилетие значительно обогащаются посредством междисциплинарного поиска. Ярким подтверждением тому является появление значительного количества публикаций, проблемное поле которых находится на стыке нескольких дисциплин. В ходе выработки собственной модели изучения того или иного объекта, историки обращаются к различным методикам, смешение которых приводит к интересным и зачастую инновационным результатам.

В данной работе дана попытка раскрыть ставший классическим в исторической науке, биографический метод, и то, каким образом, использование этого метода может быть полезным для реконструкции истории городского района. Причем, для реализации последней из названных задач, были использованы методы новой локальной истории как одного из новых и развивающихся направлений современной исторической науки, а также социальной истории.

Дело в том, что в подобной реконструкции, городской район рассматривается с позиций двух разных этапов. На первом этапе главным интересующим исследователя объектом становится архитектурно-планировочное своеобразие района, его формирование как превращение территориально ограниченного пространства из нежилого в жилое. На следующем этапе на первый план выходит изучение населения района, его повседневной жизни, потребностей, анализ

профессиональных групп. История городского района, формировавшегося в годы Хрущевской оттепели за счет промышленного предприятия, состоит из судеб отдельных людей, населивших его. Их личные и семейные биографии играют незаменимую роль при изучении более общих социальных процессов. Использование дедуктивного метода дает основание для конструирования более общих выводов, как типичных, так и особенных.

Для реконструкции каждой из биографий в отдельности использовались источники личного происхождения, главным образом записанные с помощью интервьюирования, воспоминания старожилы района, а также документы из личных архивов. Другую группу источников подобной реконструкции составляют мемуары. Как в том, так и в другом случае, составление биографии человека, жившего в интересующем нас городском пространстве, преломляется под воздействием субъективных факторов. Однако, именно они зачастую имеют ценность, т.к. получаемый в результате источник, является продуктом деятельности очевидца, человека того времени.

В биографии каждого из тех, чья судьба связана с данным изучаемым жилым районом и предприятием, можно выделить две группы совпадений. Первая касается истории страны в целом. Говоря о периоде Хрущевской оттепели, можно выделить следующие исторические события, которые оказали влияние на этих людей: «Победа в Великой отечественной войне», смерть И.В.Сталина в 1953 году, XX съезд КПСС, полет Ю.Гагарина в космос в 1961 году и т.д. Вторая группа событий, совпадающих в подобных биографиях, касается того локального объекта, который объединил многих людей из разных частей Советского Союза. Например, многие рабочие и инженеры были направлены в 1930-е гг. на строительство Челябинского тракторного завода, в 1940-е — башкирского, 1950-е — омского нефтеперерабатывающих комбинатов, 1950—60-е — Новосибирского, 1970-е — Красноярского научных центров и т.д. Для тех, кто посвятил свою дальнейшую трудовую деятельность этим предприятиям, и остался жить в том районе, который был сформирован благодаря их строительству, подобные моменты стали переломными в личной и трудовой биографии. К данной группе событий можно также отнести крупные и знаковые события внутрирайонного масштаба, например, проезд высокопоставленных государственных лиц, смена директоров предприятия и т.д.

Универсальность применения биографического метода дает возможность делать выводы о социокультурных и общественно-политических изменениях на уровне страны и локального объекта. Специфика советского общества имеет характерные особенности, которые могут быть выявлены в реконструкции биографий простых рабочих или инженеров. Как правило, идеологическая составляющая не позволяла людям оставаться в стороне от важных событий, происходивших в жизни страны. Кроме того, личная и трудовая биография людей постоянно смешиваются, причем последняя находится в зависимости от крупных событий, происходивших на предприятии.

Ряд трудностей, с которыми может столкнуться историк при применении методов устной истории для реконструкции биографий или исторических событий, были описаны американским теоретиком Алланом Мегиллом в книге «Историческая эпистемология». В частности, им были разделены понятия «память», «ностальгия» и «идентичность». Однако каждое из них в отдельности оказывает влияние на человека, личная биография которого реконструируется исследователем. А.Мегилл предлагает разные позиции, которые может занять историк на пути преодоления подобных субъективных искажений истории¹.

Таким образом, биографический метод оказывается незаменимым при анализе истории городского района с точки зрения социальных аспектов. Подобный метод раскрывает реакции и поведения людей в различных жизненных ситуациях. В конечном счете, совокупность биографий людей, живших на территории данного района в исследуемый период, позволяет реконструировать историю локального объекта, т.к. в данном случае эти люди выступают «творцами» или движущими силами истории.

Примечания

¹ Мегилл, А. Историческая эпистемология: Научная монография (перевод Кукарцевой М., Кашаева В., Тимонина В.). — М., 2007. — 480 с.

А.В.Закиров

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ НЕМЕЦКОГО ИСТОРИКА Р.КОЗЕЛЛЕКА

В феврале 2006 года, в некрологе, посвященном одному из актуальных в немецкой историографии историку, философу и антропологу Р.Козеллеку, Ю.Кокка подводит итоги процессов, которые происходили как в немецкой, так и во всей западной историографии¹.

Можно с уверенностью сказать, что Р.Козеллек всегда считался и считается историком, которого нельзя однозначно приписать к определенному течению в исторической науке. Несмотря на то, что он долгое время сотрудничал с историками представителями «структурной истории», историками билефельдского университета, представителями микроистории, он не позиционировал себя с какой-то определенной группой². Возможно, это происходило потому, что большую часть своих исследований он посвятил теоретико-методологическим вопросам исторической науки.

Р.Козеллек был историком раздвигающей современности³. Но не понятый этой современностью.

Р.Козеллек относился к немногочисленному числу ученых, которые попытались применить не только междисциплинарный подход при изучении существующих проблем. Он по праву может считаться и историком, и философом, и антропологом, который занимался антропологическими параметрами проблемы времени.

Р.Козеллек рассматривал историю как систему (аналогичную системе Д.И.Менделеева), в которой важна роль каузальных связей, как по вертикальной, так и по горизонтальной, как по восходящей, так и по нисходящей, как в пространственной, так и во временной плоскостях. А так же система, которая зависит от изменения положения различных компонентов, в различных плоскостях. Особое место в этой системе занимает время. Можно говорить о взаимной зависимости не только настоящего от прошлого, будущего от настоящего, но так же и о зависимости настоящего от будущего, прошлого от настоящего, будущего от прошлого, прошлого от будущего. Для истории недостаточно, чтобы факты располагались в хронологическом порядке. Во-первых, необходимо влияние одних фактов на другие; во-вторых, при наличии определенного круга степеней свободы, согласно теории И.Пригожина, «система может приспосабливаться к своему окружению несколькими различными способами»⁴. Лишь случай решает какая одна из многих из возможностей будет реализована во временном пространстве⁵. Такая взаимозависимость времен в истории происходит в связи с их антропологическими характеристиками.

Антропологические параметры времени являются частью сложной развивающейся системы, изучению которой посвятил себя Р.Козеллек, неоднократно задаваясь вопросом: каково во всем этом значение истории.

Время имеет собственную структуру. Оно одновременно многолико и универсально, оно необратимо и обратимо. Все понимание принципиально обусловлено временем, не только в пространстве или духе времени, не только во временной последовательности, во временном развитии или изменении. Но и, тем временем, которое Г.-Г.Гадамер назвал «действенной историей»⁶, истоки которой не следует рассчитывать диахронно. Смысл которой состоит в том, чтобы познавать в собственное время. Таким образом, историю можно предполагать как связующее звено во временных слоях. Временной порядок может определяться многообразными факторами: как объективного, так и субъективного характера⁷.

Времена истории не идентичны и так же не полностью выводимы из жизненно важной модальности, которая была развита в человеке как «экзистенция». Времена истории с самого начала учреждены по-человечески, речь всегда идет об одновременности неодновременного, определении разницы, которые содержат собственную конечность времени, которая не приписывается к экзистенции⁸.

История происходит потому, что заложенные в них потенциалы происходят взаимосвязано с заложенными в них предпосылками. Этот избыток возможностей

должен обрабатываться, чтобы суметь осуществиться «в каком-то времени»⁹. Поэтому должны происходить ситуации, благодаря которым осуществляется аккумуляция определенных потенциалов, которые могут реализоваться в определенном времени и пространстве. В этом горизонте могут происходить кризисы, конфликты и переломы. Но эти моменты как раз таки и раздвигают горизонты истории.

Таким образом, усложняя систему, которую мы назовем историей. А чем сложнее становится система, тем сложнее ее предсказывать, предугадывать пути развития, решать возникающие в ней проблемы. Но это незаменимые атрибуты развития, преодолевая которые открывается большое количество качественно иных по своей природе перспектив.

Примечания

¹ См.: Kocka, J. Die zukunft der vergangenheit [Электронный ресурс] / J.Kocka — Режим доступа: <http://www.tagesspiegel.de/weltspiegel/gesundheit/die-zukunft-der-vergangenheit/682002.html>, свободный. Проверено — 31.05.2010.

² См.: Людтке, А. Будничные проблемы повседневной истории: о ее дефицитах и положении среди других направлений [Беседа с проф. А.Людтке о развитии Альтагсгешиште] / Записала В.Дубина // Социальная история. Ежегодник. 2007. — М.: РОССПЭН, 2008. — С. 55—66; Интервью с профессором Г.-Г.Гадамером / Записали М.И.Ленцен и В.П.Любин // Вопросы философии — № 7. — 1996. — С. 127—132; Интервью с Рейнхардом Козеллем / Записал А.С.Соколов // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып. 15. — М., 2005; Интервью с профессором Билефельдского университета Г.-У.Велером о «билефельдской школе» и ее представителях / Записал А.А.Турыгин // Диалог со временем; Интервью с профессором Виллибальдом Штайнмецом на тему «Билефельдская школа и ее представители» / Записал А.А.Турыгин // А.А.Турыгин. «Билефельдская школа»: теоретико-методологические основы и их критика в современной историографии ФРГ: дис ... канд. ист. Наук / А.А.Турыгин; Ярославский гос. пед. ун-т. — Ярославль, 2006. — 189 л.

³ Kocka, J. Die zukunft der vergangenheit [Электронный ресурс] / J.Kocka — Режим доступа: <http://www.tagesspiegel.de/weltspiegel/gesundheit/die-zukunft-der-vergangenheit/682002.html>, свободный. Проверено — 31.05.2010.

⁴ Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. Введение: пер. с англ. — М.: Мир, 1990. — С. 19.

⁵ См.: Koselleck, R. Vergangene Zukunft. — Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag. STW, 1989. — 378 s.

⁶ См.: Анкерсмит, Ф. Возвышенный исторический опыт. — М.: Европа, 2007. — 612 с.; Гадамер, Г.-Г. Актуальность прекрасного. — М.: Искусство, 1991. — 367 с.; Гадамер, Г.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики: Пер.с нем. — М.: Прогресс, 1988. — 699 с.; Гадамер, Х.-Г. Герменевтика и деконструкция / Под ред. Штегмайера В., Франка Х., Маркова Б.В. — СПб., 1999. С. 243—254. [Электронный ресурс] / Х.-Г.Гадамер — Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/texts/gadamer/decherm.html>, свободный. — Проверено 30.05.2010.

⁷ Назарова, В.В. Категория времени в переходные эпохи (на примере новой истории) // Материалы международной научной конференции: «Время в координатах истории» (29—30 октября 2008). — М., 2008. — С. 159—161.

⁸ Koselleck, R. Zeitschichten. Studien zur Historik. — Frankfurt am Main: «Suhrkamp», 2003. — S. 101.

⁹ Ibid. — S. 110.

О.В.Захарченко, Т.Н.Иванова

Чувашский государственный университет им. И.Н.Ульянова

ВЛИЯНИЕ В.И.ГЕРЬЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ С.А.КОТЛЯРЕВСКОГО

В последние годы в отечественной науке возрос интерес к деятельности и научному наследию Сергея Андреевича Котляревского (1873—1939 гг.), известного правоведа, историка и общественно-политического деятеля.

Научно-педагогическая деятельность С.А.Котляревского как правоведа получила освещение в литературе, однако его историческое наследие и «исторический этап» его жизни остается практически не известным.

В формировании исторического мировоззрения С.А.Котляревского ведущая роль принадлежит профессору Московского университета В.И.Герье (1837—1919 гг.). Важными источниками в изучении этого вопроса являются письма Котляревского к Герье, написанные в заграничных командировках, в которых он находился с целью подготовки диссертаций¹. Они позволяют нам проследить основные моменты научной работы ученого над диссертацией, его интересы и оценить отношения ученика с учителем.

Сергей Андреевич Котляревский в 1891 г. поступает на историко-филологический факультет Московского университета. Ведущую роль в его обучении сыграли лекции и семинар Герье. Котляревский становится активным членом Исторического общества, основанного Герье в 1894 г. На этом этапе между ними складываются тесные отношения. По окончании обучения Герье предложил Котляревскому остаться в университете для приготовления к профессорскому званию.

Влияние Герье прослеживается в выборе темы диссертации Котляревского. В то время научные интересы Герье перемещаются с истории французской революции на изучение средневекового мировоззрения и церкви. В 1892 г. Герье впервые в России публикует в «Вестнике Европы» аналитическую статью «Франциск Ассизский, апостол нищеты (XIII век)»². Котляревский уже в первый месяц своей заграничной командировки 1898 г. решает изучать «раннюю историю францисканского ордена, вопрос об отношении римской курии к ордену» и определяет план диссертации, посылая его для согласования Герье.

Котляревский посещает Германию, Францию, Италию, Бельгию и постоянно поддерживает связь со своим учителем. В своих письмах он сообщает о ходе своей работы, советуется с учителем и делится впечатлениями о посещаемых городах, их культурной жизни, политических настроениях, научном потенциале, архивах и библиотеках.

По просьбе Котляревского Герье ходатайствует о продлении командировки. С 1899 г. Котляревский становится приват-доцентом Московского университета, а в 1901 г. Герье предлагает ему прочесть курс истории средних веков. Для этого Котляревский подготовил программу, согласованную с профессором. В ее структуре и концепции ощущается воздействие работ Герье, посвященных средневековой истории, и лекционных курсов профессора по данному периоду.

26 апреля 1902 г. состоялась защита магистерской диссертации С.А.Котляревского «Францисканский орден и римская курия в XIII и XIV веках»³. Оппонентами на диспуте выступали В.И.Герье и В.М.Михайловский.

В точках зрения Герье и Котляревского на условия формирования францисканского ордена выявляются схожие черты и идейно-теоретические позиции. Историческими предпосылками появления учения Франциска оба ученых считают усилившееся с XI века стремление папства к вмешательству в «мирские дела», что привело, как писал Герье, к «существенному самопротиворечию» внутри католицизма между идеями монашеского аскетизма и папской теократии. Оценки Котляревским личности Франциска практически повторяют оценки, данные Герье в его статье 1892 г. Однако Котляревский уделяет особое внимание еретическим движениям, источником которых стало учение Франциска. Герье же, в изданной в 1908 г. книге «Франциск, апостол нищеты и любви»⁴, стремясь сгладить такой образ Франциска, сосредотачивает свое внимание на личных качествах святого.

Научные изыскания учителя и ученика взаимообогащали друг друга. Их отношения продолжились и после защиты Котляревским магистерской диссертации. Он продолжает советоваться с учителем о проблемах и истории католицизма. В 1904 г. успешно проходит защита его докторской диссертации «Ламеннэ и новейший католицизм»⁵. И в условиях сложной обстановки в России в 1905—1907 гг., разойдясь в политических взглядах, Котляревский делиться с учителем своими мыслями и находит отклик.

В 1907 г. по ряду причин, одной из которых был уход Герье в 1904 г. с кафедры всеобщей истории, научные интересы Котляревского смещаются в область юриспруденции. Он начинает преподавание на юридическом факультете. Наступил период, когда интенсивность его общения с Герье постепенно ослабевает. Последним их общим делом стало совместное участие в 1907 г. в издании трудов скончавшегося в 1904 г. Б.Н.Чичерина.

Таким образом, в становлении Котляревского как ученого несомненна роль Герье, выразившаяся в его опеке над учеником в годы становления ученой карьеры, в советах по выбору темы и методики исследования. Творчество и

деятельность Котляревского несли в себе черты присущие представителям научной школы Герье: интерес к истории идей, широкий историко-философский подход; общественно-значимая проблематика исследований, основанных на анализе архивных источников; просветительская направленность и активная жизненная позиция, которая, не относясь непосредственно к науке, характеризовала всех учеников Герье.

Примечания

¹ Письма С.А.Котляревского. НИОР РГБ. — Ф. 70. — К. 45. — Ед. хр. 45.

² Герье, В.И. Франциск Ассизский, апостол нищеты (XIII век) // Вестник Европы. — 1892. — № 5—6.

³ Котляревский, С.А. Францисканский орден и римская курия в XIII и XIV веках. — М.: А.А.Левенсон, 1901.

⁴ Герье, В.И. Франциск, апостол нищеты и любви. — М.: С.Яковлев, 1908.

⁵ Котляревский, С.А. Ламеннэ и новейший католицизм. — М., 1904.

А.Е.Игнатович

*Белорусский государственный университет,
г.Минск, Республика Беларусь*

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОИСК В ИЗУЧЕНИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МУСУЛЬМАНСКОЙ ОБЩИНЫ И ПРИНИМАЮЩЕГО ОБЩЕСТВА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Роль исламского фактора в жизни Великобритании после терактов 7 июля 2005 г. в Лондоне беспрецедентно высока. Сформулированная проблема как предмет исследования определяет выбор методов исследования и подходов.

В самой Британии изучение мусульманской общины является относительно новым исследовательским полем, единой научной школы по изучению британского ислама не сложилось. Обозначенная же проблема находится еще на начальной стадии своего изучения. Тем не менее, благодаря актуальности, остроте, этот вопрос оказался в поле зрения таких наук, как история, социология, экономика, политология. В последнее десятилетие доминируют исследования британских мусульман в социологическом ключе. С.Джиллиат-Рэй (S. Gilliat-Ray), глава Центра исследования ислама в Великобритании (Кардифф), отмечает, что «мы хотим понять британских мусульман сегодня»¹. В Великобритании религиозный фундаментализм, «исламский» терроризм и интеграция мусульманских сообществ в британское общество, получили беспрецедентное внимание в СМИ — исследование образа ислама стало важным направлением в британской историографии². Кроме того, ученые заинтересовались вопросами реакции

принимающих обществ на мусульман: 1) возможностями развития ислама в западном контексте; 2) выступлениями против них, развитием исламофобии³. В этой связи взаимодействие между мусульманами и государством исследовались в политологических терминах «радикализма» и «гражданства». При таком подходе во главу угла ставится реакция приверженцев ислама на внешнее воздействие по тем или иным критериям.

Значение демографических показателей для анализа проблемы может считаться едва ли не наиважнейшим. Возможно, истинное число мусульман (включая тех, кто принял гражданство, мигрантов, легальных и нелегальных) в действительности значительно больше, чем это может быть документировано. Подчеркнем, что в абсолютном большинстве британских работ мусульмане в отношениях с принимающим обществом рассматриваются как «иммигранты» и «этнические меньшинства», входят как составная часть в тренды «черные» и «выходцы из Азии», между тем примерно половина мусульман Великобритании — ее граждане, рожденные в этой стране и называющие себя «британцами»⁴. Доводы А.В.Малашенко относительно объекта исследования в контексте заявленной проблемы (особенно на фоне дебатов британских исследователей) представляются суживающими доверия⁵. Строго говоря, мусульманин — тот, кто регулярно посещает мечеть, соблюдает все обряды, целесообразно исходить из самоидентификации индивида. Но при этом важно, кем полагают человека во внешнем к его культуре мире. Исходя из «оценки со стороны», к мусульманам относятся все представители этносов, традиционно исповедующих ислам. Причем в этом случае мусульман рассматривают как общность, которая зачастую соотносится с нерелигиозными, но политическими, географическими и этническими сообществами. Учитывая беспрецедентное внимание к исламскому фактору, такая постановка проблемы является оправданной.

Междисциплинарность является главной чертой методологических поисков в рамках данной темы. Данная тема заявляется в контексте изучения исторических, экономических, политических и иных причин возникновения и эволюции мусульманского сообщества на исторически немусульманской территории. В этой связи применение системных методов позволит правильно сформулировать проблему, всесторонне проанализировать данные взаимоотношения, разработать модель процесса, провести ее исследование и дать научно обоснованные рекомендации.

Примечания

¹ Islam in the UK [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.cardiff.ac.uk/focuser/islamintheuk/index.html>. — Date of access: 06.10.10.

² Jackson R. Religion, Politics and Terrorism: A Critical Analysis of Narratives of "Islamic Terrorism". Manchester, 2006; Ben Moussa M. The role of mass media in shaping identity construction among British Muslim Diasporas after 9/11: MA Dissertation. Leeds, 2004.

³ Buijs, F. J., Rath J. Muslims in Europe: The State of Research. — Amsterdam, 2002. — P. 8—9.

⁴ Focus on Ethnicity and Identity. — L., 2005. — P. 6—7.

⁵ Малашенко, А. Тень ислама над Европой // Международная жизнь. — 2004. — № 9. — С. 94.

В.В.Каратовская

Томский государственный университет

ВАРЯЖСКИЙ ВОПРОС В ЗЕРКАЛЕ МАССОВОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В российской национальной памяти варяжский, или норманнский, вопрос актуализируется, как правило, в периоды идеологических кризисов, когда проблема начал Русского государства интерпретируется в соответствии с пониманием тенденций развития российского общества в настоящем и будущем. Настойчивое возвращение историков, писателей, политиков и публицистов к варяжскому вопросу свидетельствует об определенной устойчивости природы мифотворчества в общественном историческом сознании. Действительно ли норманнский вопрос останется «вечным» для российской общественной мысли или нарабатанный культурный потенциал станет противоядием от создания деструктивных исторических мифов? Ответить на этот вопрос историку помогает обращение к современной историко-художественной литературе, как одному из основных источников формирования массового исторического сознания.

В поисках ответа на вопрос «Откуда взялась наша земля?» отечественная художественная литература прошла сложный путь, отражающий в конечном счете развитие общественной и научной мысли в России. Напоминая движение маятника, критическое отношение к норманнской теории сменялось в литературе очередным признанием скандинавского вклада в развитие властных институтов у славян. В исторической беллетристике постсоветских лет, неоднородной по качеству и создаваемой в условиях нового информационно-культурного фона и «рыночных котировок» в книгоиздательском деле, нашли отражение, как в кривом зеркале, поиски компромиссных решений варяжского вопроса, эклектичное комбинирование различных научных концепций и подходов. Обращение к данным произведениям может дать историку срез культурного сознания, преобладающего не только в художественной среде, но и в современной российской читающей аудитории, в которой этот срез является востребованным.

В 1990-е гг. тема возникновения Древнерусского государства нашла широкое освещение в произведениях жанра «славянская фэнтези», возникшего как отклик на запросы и настроения массовой аудитории на волне «обида за

Отечество». В последние годы неуклонно растет масса произведений в стиле фэнтези, воспевающих могущество и былую славу Киевской Руси и пытающихся связать славянские исторические традиции с современностью. В романах-фэнтези воспроизводятся стереотипные утверждения, что варяги — одно из прибалтийских славянских племен, а Рюрик, соответственно, — славянин, родившийся на южном побережье Балтийского моря. Чаще всего авторы останавливают свой выбор на этнонимах «вагры», «венды» или «рароги», но иногда дают и более расплывчатые определения варягов, например, как «одного из славянских племен, обосновавшихся на севере»¹. Однако при более подробном знакомстве с данными текстами обнаруживается, как ни странно, что авторы популярных романов-фэнтези далеки от отрицания всякого рода иноземных влияний на славянскую раннесредневековую историю.

Воспроизводя, в целом, антинорманскую концепцию, авторы нередко «проговариваются», используя скандинавскую лексику при описании социально-политических исторических реалий. К примеру, варяжские вожди называются конунгами, варяжская знать — ярлами, а варяжское вече — тингом². Сами за себя говорят и имена «варягов-славян»: Эрик, Улаф, Хельга, Ингвар³. Правда, некоторые авторы находят весьма хитроумные объяснения этой «неразберихи»: «Главные герои... могут путать варягов и викингов; и те и другие воспринимаются ими как пришедшие из-за моря, "чужие" люди»⁴. Однако подобные оговорки свидетельствуют лишь о том, что у автора нет цели разграничить понятия «норманны» и «варяги» для читателя, а обозначение варягов как балтийских славян принимает декларативный характер. Варяги в жанре фэнтези предстают чем-то средним между славянами и скандинавами: «Это было сказано на языке вендов, чтобы поняли и словене, и датчане...»⁵; «Хельги, будущий князь Олег Вещий, сын норвежского ярла Сигурда и наложницы из Гардарики...»⁶ Нередко авторы отдают предпочтение трактовке терминов «русь» и «варяги» как соционимов, наиболее отвечающей их стремлению сгладить противоречия норманизма и антинорманизма: «Русь — это там, в Киеве, дружина князя, да старшие мужи, да варяги, да нурманны...»⁷; «Варяг всех богов чтит, каких важными считает, хоть Христа, хоть нурманнского Одина»⁸. Однако в текстах можно встретить и более определенные указания: «Немалую часть жителей Ладоги составляли скандинавы»⁹. Примечательны и пояснительные словари к романам, значительную часть которых составляют скандинавские термины, относящиеся к мифологии и социально-политическим реалиям, от которых авторы не считают нужным отказываться¹⁰.

Можно сделать вывод, что участие скандинавов в социально-политических процессах в Восточной Европе второй половины IX в. воспринимается большинством авторов «славянской фэнтези» как неотъемлемая часть начального этапа древнерусской истории, а не как ущемление национальной гордости россиян. В контексте изменения отношения к норманнской проблеме в массовом историческом сознании молодежи показателен роман «Варяги» А.Тестова,

написанный в стиле путешествия во времени. В романе нашел отражение вид молодежного досуга, вошедший в моду в 1990-е гг., — историческая реконструкция. Для молодых реконструкторов, главных действующих лиц романа, выбор воссоздаваемого образа — викинга или славянина, — дело вкуса, а варяги и славяне являются в равной мере привлекательными и романтическими образами.

Таким образом, за два с половиной столетия образ норманнской проблемы претерпел значительную эволюцию в российской исторической памяти: представление об участии викингов в славянской истории IX в. прочно укоренилось в массовом историческом сознании. Именно об этом свидетельствует настойчивое присутствие скандинавских мотивов в произведениях жанра «славянская фэнтези» 1990—2000-х гг. Проанализированный срез массового исторического сознания современного российского общества позволяет говорить о заметных успехах в движении к адекватному национальному самосознанию.

Примечания

¹ Мазин, А. Варяг [Электронный ресурс]. 2009 / Bookmate. Сервис для чтения и хранения электронных книг в интернете. URL: <http://www.bookmate.ru/books/WPul2k2h> (дата обращения: 4.07.10.)

² Григорьева, О. Ладога. [Электронный ресурс]. 1999 / Bookmate. Сервис для чтения и хранения электронных книг в интернете. URL: <http://www.bookmate.ru/books/GIRKt9k8> (дата обращения: 4.07.10.)

³ См., напр., романы М.Александровой «Варяг», О.Григорьевой «Ладога», «Ингвар и Ольга» Ю.Никитина

⁴ Григорьева, О. Ладога. [Электронный ресурс]. 1999 / Bookmate. Сервис для чтения и хранения электронных книг в интернете. URL: <http://www.bookmate.ru/books/GIRKt9k8> (дата обращения: 4.07.10.)

⁵ Семенова, М., Константинов, А. Знак сокола [Электронный ресурс]. 2000 / Книги. Электронная библиотека. URL: http://libbooks.ru/bookbox_141626.html (дата обращения: 4.07.10.)

⁶ Посняков, А. Сын ярла [Электронный ресурс]. 2005 / Bookmate. Сервис для чтения и хранения электронных книг в интернете. URL: <http://www.bookmate.ru/books/YyuQk49k> (дата обращения: 4.07.10.)

⁷ Мазин, А. Варяг [Электронный ресурс]. 2009 / Bookmate. Сервис для чтения и хранения электронных книг в интернете. URL: <http://www.bookmate.ru/books/WPul2k2h> (дата обращения: 4.07.10.)

⁸ Там же.

⁹ Семенова, М., Константинов, А. Знак сокола [Электронный ресурс]. 2000 / Книги. Электронная библиотека. URL: http://libbooks.ru/bookbox_141626.html (дата обращения: 4.07.10.)

¹⁰ См., напр. глоссарии к романам М.Семеновй, О.Григорьевой.

БРИТАНСКИЙ КОРОЛЬ ГЕОРГ III В ИСТОРИОГРАФИИ

В 1760 г. в Англии умер король Георг II. Его смерть изменила многое в истории государства и Британской империи. Новым королем стал его внук Георг III. Эта личность — она из самых спорных как в английской истории, так и в историографии.

Еще современники создали негативный образ Георга III как монарха-тирана. Прежде всего, это были вигские политики-оппозиционеры, такие как У.Питт-старший, Дж.Гренвилл, маркиз Рокингэм, Э.Берк, Х.Уолпол, Ч.Дж.Фокс. В своих речах, в частной переписке, в воспоминаниях они обвиняли монарха в усилении королевской власти, попрании «английских свобод», фаворитизме. «Ни один британский монарх не наследовал трон с такой сильной поддержкой и надеждами, как Георг III», — писал Х.Уолпол, — «Но все эти надежды погубили властная женщина и фаворит, не имеющий талантов»¹. Впоследствии на короля обрушились обвинения в «тирании», которые особенно ярко выразились в речах и трудах английских радикалов.

Один из них, знаменитый Т.Пейн, перенес образ короля-тирана на страницы своих работ, которые Дж.Вашингтон умело использовал, приказав зачитывать их Континентальной армии в годы войны за независимость североамериканских колоний Британии. И если в первые годы Американской революции кто-то из колонистов еще мог сказать: «Король Георг — честный человек. Я выкурил бы с ним трубку...»², то уже в 1780 г., в разгар войны, бостонская газета писала об английском монархе: «Твое имя затемняет небеса и отвращает от себя мир. Америка не столь заинтересована в твоей смерти, как Великобритания, но во имя блага человечества мы хотели бы видеть твою казнь, как заслуженную награду за твою тиранию, как пример для всех тиранов»³. Конечно, война в Америке стала трагедией как для американцев, так и для британцев, поэтому подобный образ короля ассоциировался с несчастьями населения, политикой правительства и общим кризисом.

Тиранический образ Георга III продолжал использоваться либеральными британскими историками XIX столетия. Они категоричны в своих заявлениях. «Георг не был ни порочным, ни великим человеком. Он был ограниченнее всех предшествовавших ему английских королей, за исключением Якова II, плохо воспитан, обладал от природы очень слабыми способностями. Он не имел также того таланта пользоваться более крупными людьми, которым иные государи прикрывали свои слабые способности. Напротив, он относился к великим людям только с завистью и ненавистью», — писал Д.Р.Грин, — «Несмотря на тупость и ограниченность своего ума, Георг ясно сознавал свои цели и упорно преследовал их... Он хотел править, не править вопреки закону, а просто

управлять, оставаясь свободным от внушений партий и министров»⁴. Подобный же образ можно найти и в работах Г.Т.Бокля: «Всякая либеральная мысль, все, что сколько-нибудь походило на реформу, даже малейший намек на свободу исследования — все это было предметом ужаса для такого ограниченного, невежественного государя. В нем не было ни знания, ни вкуса, ни даже понятия о какой-либо науке, не было и расположения ни к одному искусству; вообще воспитание не сделало ничего для развития этого ума, самой природой созданного в необычайно тесном размере... Георг III смотрел на рабство, как на один из добрых старых обычаев, освященных мудростью его предков...»⁵. Поскольку король всегда выступал против парламентской реформы и расширения полномочий этого органа, то либеральные историки были к нему неумолимы. «Георг III повинен в зле, которое он принес этой стране», — констатировал Д.Уинстенли⁶.

Англо-американская историография XX столетия более осторожно подошла к личности Георга III. Хотя некоторые историки продолжали критиковать короля за методы, которые он использовал⁷, многие обратили внимание на окружение монарха, структуру политической системы, внешние условия⁸. Открытия, сделанные в этой области, заставили многих исследователей смягчить приговор королю-тирану. Так, британский исследователь Й.Кристи утверждает, что политика Георга III в первые, самые бурные, годы царствования, мало отличалась от политики его предшественников⁹. А другой британский историк Н.Хеншелл вообще отрицает существование знаменитых «английских свобод», и представляет Георга III традиционным европейским монархом XVIII века, «просвещенным деспотом»¹⁰.

Отечественные исследователи на протяжении очень долгого времени сохраняли (а многие и продолжают сохранять) традиционную либеральную позицию в отношении к Георгу III¹¹. И лишь М.П.Айзенштат в своей недавней работе, посвященной истории Великобритании, более осторожно отнеслась к фигуре монарха, не прикрепляя к нему ярлык «тирана»¹².

Тем не менее, в отечественной историографии до сих пор нет специального исследования, посвященного личности Георга III.

Примечания

¹ Walpole, H. *Memoirs of the reign of King George the Third*. — L., 1894. — Vol. I. — P. 3—4.

² *Ibid.* — P. 52.

³ Филимонова, М.А. Соединенные Штаты на пути к консолидации. — М., 2007. — С. 56.

⁴ Грин, Д.Р. История Англии и английского народа. — М., 2005. — С. 671—672.

⁵ Бокль, Г.Т. История цивилизаций. Т. 1. История цивилизации в Англии. — М., 2000. — С. 221—222.

⁶ Winstanley, D.A. *George III and His First Cabinet* // *The English Historical Review*. — Vol.17. — № 68. (Oct. 1902). — P. 691.

⁷ Pares, R. *King George III and the politicians*. — Oxford, 1988.

⁸ Namier, L. The Structure of Politics at the Accession of George III. — L., 1929; Colley, L. The Apotheosis of George III: Loyalty, Royalty and the British Nation, 1760—1820 // Past and Present. — № 102 (Feb. 1984). — P. 94—129; Lowe, W.C. George III, Peerage Creations and Politics, 1760—1784 // The Historical Journal. — Vol. 35. — № 3. (Sep.1992). — P. 587—609.

⁹ Christie, I. R. Was there a «New Toryism» in Earlier Part of George's III Reign? // The Journal of British Studies. — Vol. 5. — № 1 (Nov.1965). — P. 60—76.

¹⁰ Хеншелл, Н. Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. — СПб., 2003.

¹¹ Татаринова, К.Н. Очерки истории Англии, 1640—1815 гг. — М., 1958; Соколов, А.Б. Питт-младший // Внешняя и колониальная политика Великобритании в XVIII—XX вв. — Ярославль, 1993; Яковлев, Н.Н. Георг III и Питт-младший // Яковлев Н.Н. Британия и Европа. — М., 2000.

¹² Айзенштат, М.П. Власть и общество Британии, 1750—1850. — М., 2009.

И.И.Кобылин

Нижегородская государственная медицинская академия,

Ф.В.Николаи

Нижегородский государственный педагогический университет

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ М.ДЖЕЯ: НАСЛЕДИЕ И ПОТЕНЦИАЛ ОДНОГО «(НЕ)ЗАВЕРШЕННОГО» ПРОЕКТА

Одним из наиболее острых вопросов актуального социогуманитарного знания является вопрос о самом сущностном статусе «(пост)современного» общества. Пространство дискуссии, не утихающей уже более 30 лет, задано двумя полярными позициями. Выразителем первой можно считать Ж.-Ф.Лиотара, предложившего в «Докладе о знании» (1979) использовать понятие «постмодерн» уже не только для обозначения совокупности определенных художественных тенденций, но в качестве имени для новой, нередуцируемой в своей специфичности исторической эпохи¹. Вторую позицию удачно сформулировал Ю.Хабермаса в своем лозунге «Модерн — незавершенный проект» (1980)². Показательно, что оба этих (столь различных во всем остальном) теоретика на первое место в изучении современного общества ставят не его социально-экономические трансформации, но общее изменение «картины мира».

Акцент на «картине мира» (а, следовательно, на роле взгляда и вообще оптического в культуре) делает бесполезным обращение к работам одного из лидеров современной американской интеллектуальной истории М.Джея, представившего новый — несколько неожиданный, но весьма продуктивный подход к проблеме. Склоняясь, вслед за Хабермасом, к признанию связи современного общества с миром модерна, Джей, тем не менее, отмечает и существенное различие между ними, проявляющееся именно во *взгляде* на окружающий мир.

Капитализм и либерализм XIX в. были прямыми наследниками Просвещения с его стремлением расколдовать, «обнажить» мир — снять покровы с его тайн и продемонстрировать все калькулируемые богатства и «чудеса света» (сделать их доступными). Социальный и мировоззренческий кризис рубежа XIX—XX вв. вызвал недоверие к этой либеральной идеологии и сопровождающей ее идее «прозрачности» наших когнитивных аппаратов (будь то языковой или визуальный). Это недоверие к оптическим иллюзиям и симулякрам «общества спектакля» росло на протяжении XX в., достигнув своего максимума после второй мировой войны. Уже в 1944 г. Т.В.Адорно и М.Хоркхаймер в своей «Диалектике Просвещения» диагностируют особый род «просветительской» слепоты: «Сегодня регрессия масс — это неспособность собственными ушами слышать неслышимое, собственными руками дотрагиваться до неосязаемого, это — новый вид ослепления, который приходит на смену любой из побежденных форм мифического ослепления»³. Однако сторонникам критической теории это ослепление представлялось скорее результатом трагической потери связи с прошлым (и своей основной задачей они считали выявление связи современного кризиса с немецкой философией, культурой модерна и теми силами прошлого, которые могут дать силы для «спасения» общества). Лиотар же меняет эту установку сразу в двух аспектах: для него разрыв между настоящим и прошлым является пространством разработки «изначально забытого», а разрыв между фигурой и ее дискурсивным описанием становится абсолютным (необратимым, а не диалектическим).

По мнению Джея, обе эти программы (доверие и недоверие к зрению) исторически происходят из одного корня — барочной эстетики с ее избыточностью аллегорий и смыслов. Здесь срабатывает лишь непрямая референция или косвенная речь. Понятия с этой точки зрения должны рассматриваться лишь как связующее звено между словами и образами, — звено, всегда сопротивляющееся прозрачности значения. Ссылаясь на В.Беньямина, Джей рассматривает аллгорию как констелляцию образа и понятия, которые невозможно синтезировать или полностью объединить⁴.

Специфика позиции Джея заключается в попытке примирить концептуально полярные позиции Лиотара и Хабермаса, состыковав сильные стороны их подходов. Критическая теория и так называемый «постмодернизм» хотя и с некоторой разницей позиций ставят общую проблему — проблему возрастающей сложности языка интерпретации (его фигуративного и дискурсивного пластов). Однако такая сложность не означает полной непрозрачности. Интеллектуальная история в этой ситуации может выступать не только в качестве более или менее верного «попутчика» указанных течений, но и как своего рода посредник между ними, применяющий разработанные в рамках лингвистического поворота «практики чтения» и подходы к исследованию пространства пересечения языкового и визуального, дискурсивного и фигуративного. Подчеркнем, что важным аспектом подобного диалога и сотрудничества выступает его перформативная

направленность: и критическая теория, и лингвистический поворот и постмодернистские исследования культуры стремятся не просто «объяснить мир», но хотя бы отчасти — предельно ситуативно и осторожно — изменить его. В заключении отметим, что в условиях увеличивающегося дефицита ресурсов социального сопротивления именно академическая среда остается важнейшей их частью. Будучи главной производительной силой на фабрике знаний современного общества, она становится той реальной основой перформативного потенциала изменения общества, которая сохраняя прежние импульсы освобождения, облекает их в новые дискурсивные и визуальные формы.

Примечания

¹ Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. Н.А.Шматко. — М.; СПб: Алетейя, 1998.

² Хабермас, Ю. Модерн — незавершенный проект // Хабермас, Ю. Политические работы / Пер. Б.Скуратова. — М.: Праксис, 2005. — С. 7—31.

³ Адорно Т., Хоркхаймер, М. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / Пер. М.Кузнецова. — М.-СПб: Ювента, 1997. — С. 53—54.

⁴ Jay, M. Force Fields: Between Intellectual History and Cultural Criticism. — Routledge, 1993. — P. 1—3.

У.В.Колесникова

Московский педагогический государственный университет

ВИКТОР ФЕДОРОВИЧ СЕМЕНОВ: ЖИЗНЬ УЧЕНОГО

В небольшой деревне Ведянцы недалеко от города Алатырь в семье приходского священника 28 апреля (16 апреля по старому стилю) 1896 года родился Семенов Виктор Федорович — один из выдающихся отечественных историков — медиевистов. Начальное и среднее образование получил в Симбирской Духовной семинарии. Казалось, что жизнь и дальнейшая судьба его, как одного из духовных лиц, уже определены и рождением и полученным образованием. Однако в 1917 году Виктор Федорович переезжает в Казань и поступает на историко-филологический факультет Казанского государственного университета. Там же познакомился со своей будущей супругой Анной Михайловной Семеновой (Курзаевой). Супруга Виктора Федоровича обладала прекрасным вкусом, прекрасно рисовала, любила заниматься рукоделием, особо вышивкой. Обладала прекрасным голосом и будучи еще в гимназии пела в церковном хоре. Выйдя замуж, она полностью посвятила себя семье, оградив Виктора Федоровича ото всех бытовых проблем. В 1921 году у четы Семеновых родилась девочка, назвали Ириной, однако спустя несколько месяцев ребенок умер.

По окончании университета в 1921 году, Виктор Федорович был призван на военную службу в Красную Армию.

В 1922 году начал преподавательскую деятельность в качестве учителя истории школы 2-й ступени в городе Казани. Спустя два года родился сын Игорь. Мальчик рос довольно сложным, как бы сегодня сказали преподаватели, проблемным ребенком. Сохранились его ученические ведомости и характеристики преподавателей, которые отмечают его, вспыльчивость, неровное отношение к учебе. Ведомости так же показывают, что учиться Игорь не любил, вернее он учил только те предметы, которые ему действительно нравились. От родителей ему досталась любовь к истории и литературе, оценки по этим предметам всегда отличные, а так же он увлекался рисованием. Писал стихи, сохранилась тетрадь Игоря со стихами собственного сочинения.

В 1924 году семья Семеновых переезжает в Москву, где Виктор Федорович начинает читать курс лекций по истории на рабочем факультете при I МГУ (с 1924 по 1929 год). Работу совмещает с обучением в аспирантуре при институте истории РАНИОН, впоследствии преобразованном в институт истории АН СССР, специализируется по истории Западной Европы, главным образом, Англии в средние века и новое время под руководством известных ученых, специалистов по социально-экономической и политической истории Англии. По окончании аспирантуры в 1929 году был направлен на работу в институт Маркса и Энгельса, где занимался преимущественно подготовкой к печати и редактированию переводов ряда томов первого издания сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса. В эти же годы сложилось мировоззрение молодого ученого, соединившего и слившего воедино как воспитание и образование, данное ему отцом, так и учение Марксизма — Ленинизма. Виктор Федорович следовал методологическим принципам исторического познания, основанным на материалистическом понимании исторического процесса, однако он был далек от вульгарно-экономического понимания марксистской идеологии. В историческом процессе он признавал значение различных аспектов общественной жизни и идеологии. Для него важнейшей составляющей были социально-экономические отношения, но при изучении эпохи в целом существенную роль он отводил политической и военной истории, культуре, идеологии, быту и нравам общества. Он был против грубо атеистической оценки роли церкви в развитии общества. В своих научных исследованиях, не имея возможности открыто высказывать свою точку зрения по вопросу религии, он отдавал предпочтение изучению социально-экономических процессов и умел творчески применять марксистскую идеологию, видя в формации комплекс экономических, социально-политических и культурно-идеологических условий исторического процесса. В 30-е годы на страницах журнала «Летописи марксизма» появились критические статьи В.Ф.Семенова по историографии. В ряде статей был дан анализ различных исторических проблем, отраженных в работах К.Маркса и Ф.Энгельса.

В 1935 году началась преподавательская деятельность В.Ф.Семенова в педагогических вузах Москвы, сначала в Московском государственном пединституте им.Карла Либкнехта, а затем в МГПИ им.В.И.Ленина.

В мае 1941 года В.Ф.Семенов защитил докторскую диссертацию, которая как монография была опубликована в 1949 году «Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI века».

В 1942 году на фронте погиб сын Виктора Семеновича — Игорь. Эта тяжелая потеря подкосила здоровье супругов Семеновых. Анна Михайловна слегла тяжелой болезнью, была госпитализирована. Виктор Федорович же целиком посвятил себя научной деятельности, готовил и публиковал статьи, занялся совершенствованием языков, читал лекции в институтах. Педагогическую деятельность на историческом факультете МГПИ им. В.И.Ленина в качестве заведующего кафедрой истории средних веков (с 1945 года) и заведующего кафедрой истории древнего мира и средних веков (с 1950 года) профессор В.Ф.Семенов сочетал с активной работой в Институте истории АН СССР в должности научного сотрудника (1953—1960 годы), работал в библиотеках. Даже летний отпуск был продолжением его энергичной научной деятельности. Будучи человеком религиозным, воцерковленным, он не жаловался на «несправедливость Судьбы, отнявшей сына», казалось, всю свою нерастрченную любовь он перенес на своих студентов и аспирантов.

Студенты хорошо помнят удивительно трогательное и бережное отношение к ним на экзаменах. Профессор никогда не ставил неудовлетворительных оценок в зачетную книжку, был весьма щедр на хорошие отметки, как он выражался, «ради поощрения». При этом заслужить отличную оценку было очень трудно, он редко оценивал ответы высшим баллом, твердо и принципиально уважая настоящие знания. Неудовлетворительные же оценки, как правило, лишали студента стипендии, и экзаменатор жалел неуспевающих, поскольку причиной могло служить не только явное пренебрежение к учению.

При большой требовательности профессор В.Ф.Семенов был чрезвычайно внимательным и заботливым учителем, помогал советами, поощрял в работе, высказывая пожелания по улучшению текста, и не допускал резкой критики, не навязывал своего мнения, избегал поучений, видел в своих учениках коллег. Рецензируя текст от дельных глав или диссертации в целом, предпочитал указывать не на недостатки, а открывать по пунктам перспективы дальнейшей разработки темы. Его рекомендации, выраженные в письменной форме, были четкими, обоснованными и логически оправданными. При этом профессор любил вставлять фразы на латинском языке, что придавало его рецензии неофициальную форму задушевной беседы.

В.Ф.Семенов был православным, верующим человеком, соблюдал христианскую обрядность, что послужило единственной причиной отказа партийных органов представить ученого к присвоению почетного звания «заслуженный

деятель науки». В личном деле профессора сохранились отзывы-ходатайства научных учреждений Москвы, МГУ, ученых Советов почти всех педагогических институтов страны, поддерживавших выдвижение В.Ф.Семенова, и, тем не менее, наградное дело было задержано Ленинским райкомом КПСС. Такая несправедливость не сломила ученого, он проявил духовную стойкость и верность своим взглядам. За многолетний труд и высокие заслуги в развитии отечественной исторической науки он был награжден Орденом Трудового Красного Знамени (1953 год), почетным знаком «Отличник народного просвещения» (1957 год), медаль «За доблестный труд в Великой отечественной войне 1941—1945 годах».

Подводя итог, следует сказать, что список научных трудов Виктора Федоровича содержит более двухсот названий. Талантливый и трудолюбивый ученый-педагог отличался необычайной скромностью, духовной красотой и благородством. Спокойный, добрый и благожелательный, с открытой и щедрой душой он всегда был готов оказать помощь и поддержку, даже материальную (зачастую безвозмездную).

Все коллеги и ученики В.Ф.Семенова хранят в памяти светлый образ большого ученого и в высшей степени порядочного и благородного человека. Профессор В.Ф.Семенов дал замечательный пример служения науке и делу народного просвещения. Он вложил частицу своей чистой души в развитие исторического факультета главного педагогического вуза страны.

И.С.Криванкова

Томский государственный университет

ИСТОРИЗМ И ПАМЯТЬ: ЧЕРЕЗ ПРОБЛЕМУ СООТНОШЕНИЯ УНИКАЛЬНОГО И УНИВЕРСАЛЬНОГО В ПОДХОДАХ К ШОА

Историческая память и принцип историзма две практически противоположные категории исторической науки. Они говорят на разных языках. Принцип историзма подразумевает, что ни одно событие не может рассматриваться вне контекста эпохи и определенной теоретической системы. Это залог объективности, которая так важна в исторической науке. Память, наоборот, не только не стремится быть объективной — она как можно более субъективна. Стоит пояснить, что под словом «субъективность» я понимаю не только и не столько личное восприятие человека определенного события или его личную трактовку, но и трактовку события обществом, специфичное восприятие и трактовка события исходя из определенной цели.

Историзм старается рассмотреть событие в контексте других событий, сравнить его, найти общие и особенные черты. Память вырывает событие из контекста

истории, часто она делает событие уникальным. Его невозможно сравнивать с другими.

Мне бы хотелось рассмотреть эту ситуацию на примере отношения к Катастрофе. Это объясняется в первую очередь тем, что Шоа — очень сложное и противоречивое событие двадцатого века. Оно произошло так недавно, что говорить и оценивать его еще очень сложно. Однако все же четко выделяются два похода, они проявляются практически во всем, что касается Катастрофы, но нагляднее всего, на мой взгляд, можно проследить их в терминологии.

Существует несколько терминов: «окончательное решение еврейского вопроса» (Endloesung), «Холокост», «Катастрофа» (Шоа) и геноцид. Нацистские лидеры употребляли понятие «окончательное решение еврейского вопроса». Термин «Холокост» появился впервые как обозначение одного из способов убийства евреев — сожжение заживо — в бюллетене Еврейского телеграфного агентства от 24 декабря 1942 г. В переводе с греческого «Холокост» (Holocaust) означает жертву, которая сжигалась. Во второй половине 40-х гг. возникли еще два термина — «Sho'ah» (иврит) и «Hur'b'n» (идиш). Слово «Hur'b'n» обыкновенно употребляется для обозначения разрушения Первого и Второго Храма и несет в себя ярко выраженный религиозный контекст. «Sho'ah» переводится с иврита как страшное разрушение, катастрофа. Оно так же несет в себе религиозный контекст, включая в себя божественный суд и наказание.

Наибольшее распространение получил термин «Холокост», т.к. его религиозное содержание было менее выраженным. Параллельно этому термину использовался термин «Катастрофа». Однако был необходим и общий термин, который бы отражал преступления нацистов против всех категорий, не только против евреев. В качестве такого термина было предложено название одного из самых больших концентрационных лагерей — «Аушвиц». Но в итоге всеобъемлющим термином стало понятие «геноцид». Его ввел в оборот американский юрист Рафаэль Лемкин. В политический обиход этот термин вошел в связи с расследованием преступлений нацистского режима. Сегодня геноцид — это организованное государством массовое убийство или преступление против человечности, уничтожение людей, принадлежащих к отдельным национальным, этническим, религиозным группам.

В 80-е — 90-е гг. XX века произошло сращивание терминов «Холокост» и «геноцид». Глобализация термина «Холокост» вызывает возражения некоторых ученых, которые считают, что применять его можно только относительно евреев. Сторонники точки зрения, что «Холокост» — «Шоа» — «геноцид» — «окончательное решение еврейского вопроса» являются синонимами, опровергают уникальный характер явления. Сторонники мнения, что Катастрофа — это уникальное, ни на что не похожее явление, считают, что все эти термины несут разную смысловую нагрузку.

Так кратко можно обрисовать ситуацию вокруг терминологического спора. Во многом отношение к уникальности катастрофы определяется принадлежностью к евреям. Считается, что в Холокост погибло 6 млн. евреев. Погибли они только за то, что имели несчастье родиться в еврейской семье. Эта трагедия, несомненно, должна занять определенное место в еврейской памяти. Но с другой стороны она принадлежит и мировому историческому процессу. Древняя еврейская история (еще когда у евреев было свое государство) рассматривается вместе с остальными древними историями, галутная история также принадлежит всеобщей истории, Разве возможно исключить крупнейшее трагическое событие XX века из всеобщей истории? К тому же невозможно забыть и о тех 5 млн. погибших, которые были представителями других рас.

В этом терминологическом споре явно проступает тенденция универсализации Катастрофы (она также проступает и в отношении части евреев: Холокост — одна из Катастроф, наряду с разрушениями Первого и Второго храмов. Это прослеживается в дискуссии о дате Дня памяти Катастрофы — 9 ава (которое является днем поминовения всех катастроф, которые постигли еврейский народ) или специальная дата — 27 нисана), а так же тенденция к уникализации.

Уникализация характерна для Памяти, как об этом говорилось выше, потому что она сохраняет ни с чем не сравнимый опыт личности или народа, ценный уже тем, что он есть сам по себе. Анализируя этот опыт, память неизбежно изменяет его, приспособляя по новым обстоятельствам и требованиям времени. Память может позволить себе судить прошлое, пользуясь моральными оценками и стереотипами поведения настоящего. Это свойство субъективности.

Научный подход (историзм) тяготеет не столько к универсализации (хотя и к этому тоже), сколько к сравнению, поскольку наука стремится к объективному знанию. Наука стремится оценивать исходя из ситуации, которая сложилась на момент возникновения события.

Однако противостояние этих двух точек зрения говорит о том, что прошло еще мало времени для того, чтобы было возможно осмыслить это событие.

В.В.Кузь

Мурманский государственный гуманитарный университет

КРИЗИС ТЕОРИИ МИФА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ РАННЕГО ХРИСТИАНСТВА

Становление советской историографии античного христианства в 1920-е гг., происходившее на фоне широкомасштабной антирелигиозной политики государства, привело к формированию устойчивой связи раннехристианских исследований с теорией мифа¹. Позднее возникло убеждение о том, что мифологическая

доктрина раннего христианства, в основном, соответствует марксистской концепции истории вообще и раннего христианства, в частности². Историческое направление в исследовании раннего христианства считалось тогда не соответствующим марксистско-ленинским принципам и задачам атеистической пропаганды. Однако в середине 1960-х гг. в советской науке о раннем христианстве происходит довольно существенный перелом: теория мифа начинает ставиться под сомнение, развивается критика мифологической доктрины по всем направлениям. Быстрый крах мифологической доктрины в 1960—70-е гг. представляет большой интерес для постижения феноменов развития отечественной историографии в целом.

Общим фактором, влиявшим на состояние всех религиоведческих исследований в СССР, были, конечно, церковно-государственные отношения. Во второй половине 1960-х гг. атеистический натиск эпохи соцмодернизации сменяется довольно вялой политикой государства в отношении религии и особенно церкви. Со временем в атеистической пропаганде нарастает формализм. Многочисленные постановления «О мерах по усилению атеистической пропаганды...» оставались, в основном, на бумаге. Следует, видимо, согласиться с мнением о том, что атеистическая пропаганда превратилась со временем в «набор антирелигиозных заклинаний»³.

Были, однако, и особые факторы, подрывавшие самые основы теории мифа в советской историографии. К их числу следует, прежде всего, отнести достижения археологии, такие как открытие в Наг-Хаммади гностической библиотеки и, конечно, обнаружение кумранских текстов. Гностическая библиотека стала настоящим источником откровения для всей науки о христианстве⁴, ведь в составе собственно гностических текстов были обнаружены апокрифические Евангелия, где Иисус предстает именно как реальный земной человек. Специалисты⁵ стали выступать за пересмотр общепринятых датировок новозаветных текстов, в частности, за смещение времени их создания к рубежу I—II вв., что полностью противоречило теории мифа.

Но все же особенно сильно пошатнулись позиции мифологизма после введения в научный оборот кумранских текстов. Конечно, важнейшей в кумрановедении становится проблема связи и влияния принципов кумранской секты на раннее христианство. Решение этого вопроса, вначале казавшееся довольно очевидным, заставило советских ученых впоследствии пересмотреть всю концепцию истории раннего христианства. Казалось бы, открытая история кумранской общины только укрепила позиции мифологической школы. Таким образом, подтверждалась как будто теория мифа, идея о том, что христианство имеет корни в более ранних религиях, в «материальных, социальных и идейных движениях своего времени»⁶, но никак не в деятельности одного человека.

Однако дальнейшее исследование кумранской проблемы привело к совершенно иным результатам. Прежде всего, пришлось отказаться от идеи внепалестинского происхождения христианства, которая была одним из краеугольных

каменной теории мифа⁷. Кроме того, пришлось признать, что кумраниты (в общем-то, иудейская секта), обожествила земного человека, своего «Учителя праведности» — дело немислимое, с точки зрения теории мифа. И.Д.Амусин уже в начале 1960-х гг. предложил говорить лишь о некоторых заимствованиях христианами идеологических и организационных традиций многочисленных сект Палестины, одной из которых была и кумранская⁸. «Необходимо предостеречь, — писал он впоследствии, — от чрезмерного увлечения элементами сходства, против тенденции выводить чуть ли не все раннехристианское движение из Кумрана как его “колыбели”»⁹.

Наконец, еще одним важным фактором, подорвавшим теорию мифа, стали исследования так называемых христианских интерполяций в свидетельствах об Иисусе Христе (особенно публикация арабской рукописи Агапия, содержащей подлинный текст *Testimonium Flavianum*)¹⁰. Это поставило вопрос о существовании исторически достоверных свидетельств о Христе в нехристианских текстах и опровергло тезис мифологов о так называемом «молчании века».

Таким образом, начиная с 1960-х гг., наблюдается постепенный отход советской науки от теории мифа, причем активная критика последней становится достоянием не только научных, но и научно-популярных изданий (например, одного из главных рупоров атеистической пропаганды — журнала «Наука и религия»¹¹). В 1967 г. в Институте научного атеизма АОН при ЦК КПСС состоялась академическая дискуссия на тему «Современное состояние и проблемы библейской критики»¹², где было констатировано существование в советской науке двух направлений: мифологического и исторического. В сущности, эта дискуссия подвела черту под существованием мифологической доктрины. От позиций мифологизма отходят до недавнего времени его убежденные сторонники (Я.А.Ленцман, А.П.Каждан, М.М.Кубланов¹³). О необходимости отказа от позиций мифологизма заявили и зарубежные историки-марксисты¹⁴. В ходе дискуссии был опровергнут и тезис о соответствии доктрины мифа марксистской теории происхождения религии¹⁵. Не отказываясь от постановки вопроса об «объективных причинах» происхождения христианства, исследователи отмечали, что признание историчности его основателя вовсе не мешает марксистскому толкованию истории религии.

Таким образом, в 1960-е гг. в советской науке происходит радикальный перелом в такой теоретически важной и практически значимой теме, как проблема историчности Иисуса Христа. Все основные позиции теории мифа были опровергнуты; историческое направление в советской науке о раннем христианстве становится практически господствующим уже к концу 1970-х гг.

Примечания

¹ Напр.: Дмитриев, А.Д. Вопрос об историчности Христа в свете археологии. — М., 1930; Рожицын, В.С. 1) Происхождение христианства. — М., 1922; 2) Умиравший бог. — М., 1925;

3) Раннее христианство в освещении его современников. — М.; Л., 1926; 4) Золотая легенда. — М., 1930.

² Румянцев, Н.В. 1) Жил ли Иисус Христос? — М., 1938; 2) Миф о Христе и христианские праздники. — М., 1939; 3) Происхождение христианства и его краткая история. — М., 1940; Дулов, В., Недельский, В., Покровский, А. Происхождение христианства. — М., 1931; Недельский, В.И. К вопросу о характере возникновения христианства. — М., 1931. Подр. см.: Усолицев, С.А. Проблема генезиса образа Христа в отечественной историографии раннего христианства: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. — Барнаул, 2003.

³ Поспеловский, Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. — М., 1995. — С. 382.

⁴ Подр. см.: Wilson, R. The gnostic problem. — L., 1958; Grant, R.M. Gnosticism and early Christianity. — N.-Y., 1966. — 2 ed.; Свенцицкая, И.С. Тайные писания первых христиан // Раннее христианство: страницы истории. — М., 1989. — С. 279—305; Трофимова, М.К. Историко-философские вопросы гностицизма. — М., 1979.

⁵ Свенцицкая, И.С. Запрещенные евангелия. — М., 1965.

⁶ Ковалев, С.И., Кубланов, М.М. Находки в Иудейской пустыне. — М., 1964. — С. 97.

⁷ Так, А.П.Каждан опроверг устоявшийся в советской науке тезис о том, что Ф.Энгельс настаивал на возникновении христианства в Малой Азии. По А.П.Каждану, эта иллюзия возникла вследствие неверного перевода труда Ф.Энгельса «К истории первоначального христианства». — Каждан, А.П. Происхождение христианства и его сущность. — М., 1962. — С. 46.

⁸ Амусин, И.Д. Находки у Мертвого моря. — М., 1960. — С. 46—49.

⁹ Амусин, И.Д. Кумранская община. — М., 1983. — С. 223.

¹⁰ Pines, S. An Arabic Version of the Testimonium Flavianum and its Implications. — London, 1971. Известно, однако, что этот фрагмент рукописи был опубликован и идентифицирован еще в 1912 г. выдающимся русским ученым А.А.Васильевым. — Подр.: Амусин, И.Д. Об одной забытой публикации тартусского профессора Александра Васильева // Ученые записки Тартусского университета. — Тарту, 1975. — Вып. 365. — С. 296—301.

¹¹ Каждан, А.П. Историческое зерно предания об Иисусе Христе // Наука и религия. — 1966. — № 2; Жил ли Иисус Христос (редакторская статья) // Наука и религия. — 1966. — № 5; Свенцицкая, И.С. Пророки, спасители, мессии // Наука и религия. — 1969. — № 2.

¹² Обзор дискуссии см.: Наука и религия. — 1967. — № 12.

¹³ Каждан, А.П. Происхождение христианства и его сущность. — М., 1962; Кубланов, М.М. 1) Иисус Христос — бог, человек, миф? — Л., 1964; 2) Возникновение христианства. — М., 1974; Ленцман, Я.А. Сравнительная Евангелия. — М., 1967.

¹⁴ Донини, А. Люди, идолы, боги. — М., 1962. — С. 267; Косидовский, З. Сказания евангелистов. — М., 1977. — С. 233; Робертсон, А. Происхождение христианства. — М., 1959. — С. 292.

¹⁵ Ленцман, Я.А. Сравнительная Евангелия. — С. 182. Ср.: Кубланов, М.М. Новый Завет. Поиски и находки. — М., 1968. — С. 130.

ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ЗАРУБЕЖНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Проблема исторического сознания по праву может считаться сквозной проблемой как социальной философии, так и философии истории и исторической науки. Универсальный эволюционизм, трансформация в XIX—XX вв. понимания смысла субстанции от Бытия к Становлению, обоснование всеобщей изменчивости и историчности придают историческому сознанию особый, онтологический статус. Из категории, обозначающей систему взглядов на прошлое и его интерпретацию, историческое сознание трансформируется в категорию, представляющую субъекта, находящегося в потоке жизненных изменений и одновременно описывающего их. Это делает ее одним из атрибутов историчности и социального бытия, замыкает на историческом сознании проблемы методологии исторического познания, а также проблемы саморефлексии исторической науки, как одного из видов практики производства исторического знания.

Одним из первых термин «историческое сознание» употребляет В.Дильтей, упоминая о нем в контексте исследования становления европейского историзма¹. В дальнейшем вплоть до середины XX века историческое сознание было предметом немецкой гуманитарной мысли. В 30-е годы XX века оно рассматривалось в контексте культурантропологических изысканий. Так, в 1931 году Э.Ротхакер понимал под историческим сознанием «чувство истории», первичный инстинкт, влекущий «удерживать события и образы прошлого, вспоминать и рассказывать»². Тогда же впервые историческое сознание начинает анализироваться в контексте его состояния в школе³. В 40-е годы историческое сознание начинают анализировать как качественно новый уровень жизни народов, обретающих письменность⁴. Известный философ К.Ясперс формулирует философскую концепцию «осевого времени», ставит проблему целостности исторического сознания в экзистенциальном смысле⁵. В 50-е годы историческое сознание вновь рассматривается как антропологическая универсалия, характерная и для бесписьменных народов⁶. В дальнейшем в рамках этой тенденции оно рассматривалось как процесс осознания традиций вообще⁷, «чувство прошлого»⁸. С середины 50-х историческое сознание получает свое французское и англо-американское прочтение. В 1959 году выходит книга А.Марру, где в контексте исторического сознания исследовались общие проблемы философии исторического мышления и методологии истории⁹. В 60-е годы историческое сознание получило исследование в рамках философских концепций Х.-Г.Гадамера, Р.Арона и Дж.Лукаса¹⁰. Во всех трех работах оно рассматривается как синтез традиции и новаторства, способ саморефлексии человека через осознание своей историчности. В дальнейшем историческое сознание получает самое широкое

прочтение в различных странах и на разных континентах, несмотря то, что все большую популярность получает концепт «историческая/социальная/культурная память» (memory-studies), истоки которой также уходят в начало XX века (А.Бергсон, М.Хальбвакс).

За последние 40 лет дискурс исторического сознания может быть рассмотрен в рамках 4 основных аспектов: дальнейших попыток философской концептуализации данного понятия¹¹, огромного пласта работ, посвященного истории исторического сознания¹², исследований исторического сознания в контексте современных политических практик и идентичности¹³, исследований состояния исторического сознания молодежи¹⁴.

Примечания

¹ Дильтей, В. Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории / Соб.соч. в 6 т. — М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. — Т. 1. — С. 547.

² Rothacker, E. Das historische Bewußtsein // Zeitschrift für Deutschkunde 45. — Berlin, 1931.

³ Sonntag, K. Das geschichtliche Bewußtsein des Schülers. Ein Beitrag zur Bildungspsychologie. — Erfurt, 1932.

⁴ Vogt, J. Geschichte und Vorgeschichte // Historisches Jahrbuch. — 62/69. — 1—12. — 1949.

⁵ Ясперс, К. Истоки истории и ее цель / Смысл и назначение истории. — М., 1991.

⁶ Kirchner, H. Vorgeschichte als Geschichte // Die Welt als Geschichte 11. — S. 83—96. — 1951; Kirchner, H. Über das Verhältnis des schriftlosen frühgeschichtlichen Menschen zu seiner Geschichte // Sociologus. — 1954. N.F.4, 9—22 (with an English summary entitled “The Attitude of Prehistoric Man towards his History”).

⁷ Müller-Karpe, H. Zu Frühformen des Geschichtlichkeitsbewußtseins // Archäologie und Geschichtsbewusstsein. — P. 5—11. Kolloquien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie 3. — München, 1982.

⁸ Schott, E. Das Geschichtsbewusstsein schriftloser Völker // Archiv für Begriffsgeschichte. — 1968. — № 12.

⁹ Marrou, H.I. De la connaissance historique. 6 ed. — Paris: Editions du Seuil, 1959.

¹⁰ Гадамер, Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. — М., 1988; Арон, Р. Измерения исторического сознания / Избранное: измерения исторического сознания. — М., 2004; Lukacs, J. Historical Consciousness or the Remembered Past. — N.Y., 1968.

¹¹ Укажем лишь на некоторые из монографий: Esposito, J.L. The transcendence of history. Essaya on the evolution of historical consciousness. — Ohio, 1984; Rösen, J. Geschichtsbewusstseins. — Vienna, 2001; Seixas, P. Theorizing Historical Consciousness. — Toronto, 2006; Macdonald, S. Approaches to European historical consciousness, reflections and provocations. — Hamburg, 2000.

¹² Укажем лишь на некоторые из монографий: Crane, Susan A. Collecting and Historical Consciousness in Early Nineteenth-Century Germany. — Ithaca, N.Y., 2000; Jones, Jason B. Lost Causes: Historical Consciousness in Victorian Literature. — Columbus, 2006.

¹³ Укажем лишь на некоторые работы: Хабермас, Ю. Историческое сознание и посттрадиционная идентичность. Западная ориентация ФРГ // Политические работы. — М., 2005. — С. 130—131.; Weiner, A. Expanding Historical consciousness: The Development of the Holocaust Educational Foundation. — N.Y., 1994; Pavis, H.E. History and Power. The Social Relevance of History. — Lanham, 1983; Identität und historisches Bewusstsein (In J. Straub Ed.) — Frankfurt: Suhrkamp, 1998.

¹⁴ Укажем лишь на некоторые работы: Angvik, M. & Von Borries, B. Youth and History, a comparative European survey on historical consciousness and political attitudes among adolescents. — Hamburg, 1997; Canadian Historical Consciousness in an International Context: Theoretical Frameworks. — Vancouver, BC., 2001; Sirka Anonen Historical Consciousness: a viable paradigm for history education? // Journal Curriculum Studies. — 2005. — Vol. 37. — No. 6. — P. 697—707.

П.Ю.Марьин

Казанский (Приволжский) федеральный университет

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ В РАБОТАХ МАРКА ФЕРРО

Судьба личности определяется социальным контекстом, но это не исключает обратного влияния человека на общество¹. «Человек в социальной группе образует центральный объект описания истории, поэтому темой социальной истории можно рассматривать анализ экономических, ментальных или иных структур, без определения их приоритета, и принимая во внимание взаимность влияния», — писал Э.Лабрус². С этих позиций научный подход Ферро развивался под углом рассмотрения совместных условий и разнообразных факторов жизни.

Для понимания «индивидуализма» и его связей с культурной историей значительную роль сыграла социология Э.Дюркгейма. Именно Дюркгейм отмечал, что любой социальный интерес базируется не на объединении разных ценностей, а наоборот, признании их многообразия, но этот процесс оформляется группой и несет в себе ее признаки³. Поэтому исследования Ферро наглядно показывают как человеческое сознание формирует культуру, а культура — сознание. Даже самосознание, подчеркивает он, становится объектом истории, хотя в основе его лежат спорные и оспариваемые факты. Чтобы согласиться с этим мнением надо понять, как исторические картины или «образы» человека в принципе оказывают влияние на научно-историческую практику историка.

Позиции разных поколений анналов на этот счет не совпадали. Так Л.Февр искал такие образы в биографических исследованиях, где стремился показать, что проблема человека и общества возникает из противоречий между личной инициативой и консервативностью общества. Поэтому в центре его биографических исследований всегда стояла личность, окруженная обществом. Л.Февр

размышляет о личности, исходя из повседневности жизни, будучи убежденным в том, что именно «персональность» объектов придает значимость историческим исследованиям. Человек не просто действует в контексте своего времени, он изменяет других и сам меняется под влиянием окружающих. Не подчиняясь слепо чужому влиянию, будь то экономические, социальные или иные обстоятельства, человек всегда находится в определенных условиях и вступает в борьбу с ними. «Между человеком, природой и культурой, в сфере влияния которых он находится, происходит взаимная игра — действия и реакция на них», — писал Февр⁴. В этом процессе невозможно отрицать значение индивида, который из официальной, политической истории как бы исключен. Ф.Бродель оценивал исследование жизни и деятельности человека как решающий шаг в обновлении исторической науки⁵. Проблема исторического анализа, подчеркивал он, состоит не в том, чтобы фиксировать исторические изменения под влиянием обстоятельств, а в том, чтобы видеть их многогранность. Это помогает равным образом избегать как фальсификации событий, так и преувеличивать роль личности в истории.

Марк Ферро хорошо понимал опасность, к которой могут привести новые «индивидуализированные» аспекты социальной истории, поскольку однократность, неповторимость каждого события и индивида, становилась доступным объектом фальсификации. «Направленность источника на определенную цель может выступать «поворотной шайбой» восприятия истории, поскольку каждый отдельный «срез» события может лгать также убедительно, как и отзвуки канонады», — писал Марк Ферро⁶. В этом смысле объективность исторических источников привязана к субъективному взгляду историка, и зависит, как отмечал Ферро, от дистанции между фактом и его интерпретацией⁷.

Критика политической истории с ее пренебрежением ролью индивида неизбежно вела к пересмотру позиций французской историографии. Ряд историков открыто стремились реабилитировать историческую биографию с помощью анализа связей персонажа с его общественным окружением. Так Ж.Дюби писал: «Для меня биография наиболее тяжелый вид исследований, так как выдающаяся личность как бы «притягивает» к себе жизненные условия современников, делит с ними отношения, создавая при этом представления об окружающем мире мира, которые в свою очередь создают ее саму»⁸. Этот аспект имел иную окраску у Л.Февра. Хотя оба пришли к признанию того, что история является скорее не нормой, а ее отклонением, Ж.Дюби делает акцент на той мере, в которой индивид делит социальные представления с другими, «габитуализирует», в терминологии Бурдьё, отношения. Марк Ферро видел в таких отношениях далеко идущие последствия, поэтому, писал он, «история является одной из любимых арен гражданских битв, в основе которой сложная система стратификации». Здесь он часто ссылается на мнение Ж.Дюби, что важно знать, как в эту систему вписана историческая личность⁹. Поэтому Марк Ферро занимается одновременно тремя проблемами: индивидуальности, коллективной реальности и

модуляцией их взаимных отношений. «Историки должны учитывать диалектику отношений между обществом и индивидом, обращаясь к социальной психологии» — подчеркивал в свое время Ж.Дюби.

Рассмотрение личности из перспективы различных источников позволяет делать ее оценку более объективной. Поэтому в центр исследований Ферро была поставлена жизнь конкретных людей, которая не была занесена в хронологические записи, но могла быть исследована с помощью других источников, которые долгое время оставались в тени. По совету П.Нора, Ферро пишет статьи, в которых, отстаивая равнозначность вторичных и официальных источников, обосновывает необходимость их применения в исторических исследованиях¹⁰. «Каждое из трех измерений времени должно быть исследовано, в том числе и «индивидуальное время», которое отличается «быстрым» течением, поэтому индивидуальное и социальное должны быть схвачены одним взглядом историка» — подчеркивал еще Ф.Бродель¹¹. Только так выдающиеся личности не отделяются от масс и формируется связь человека с политической историей, что возвращает исторической биографии ее ценность¹².

Марк Ферро целиком разделял мнение М. Вовеля о том, что возрождение исторической биографии связано с присутствием в ней анализа отношений между индивидом и обществом¹³. «История должна не судить исторические личности, а анализировать их поступки и объяснять предписываемые им — правильно или ошибочно — действия», — подчеркивал Ферро¹⁴. Это позволяет понять, что с помощью новой оценки исторических биографий, формируется новое измерение в представлениях о человеке. Интерес к человеку в обществе, изменимость отношений между индивидом и группой способствовало тому, что обновленная биография становится важным источником историографии, маркируя отказ от традиционной биографии XIX века.

Следует отметить, что новый взгляд на историческую биографию был оформлен еще Ж.Дюби. В своих исторических исследованиях он акцентировал внимание не на информации о жизни героев, а использовал метод рассказа или воспоминания о них других людей. «Я не пишу историю событий, она уже написана и написана хорошо. Моя цель в другом — чтобы осветить то, что еще не освещено, и я собираю те источники, которые рассказывают о культуре того времени, стремясь увидеть мир героя таким- каким видели мир его современники», — пишет Ж.Дюби¹⁵. Фокус исследования не на отдельной личности, а взгляд на нее со стороны позволял лучше узнать культуру, обычаи, картины мира и менталитет общества. С этой точки зрения, образ человека раскрывался через его связи в социальных группах, давая представления о самом обществе. Именно новая историческая биография способствовала переоценке и появлению нового восприятия политической и событийной истории. Поскольку причинно-следственные связи все чаще выводились из процесса формирования и изменения образов действительности, такие картины помогали определять

мотивы и аргументы действий, отвечая на вопрос: «Как отдельные исторические личности становятся звеном в этой цепи?»).

Не случайно в рамках оценки исторической биографии все чаще ставится вопрос о возможностях, которые дает социально-психологический анализ. Проблемы появлялись там, где происходил переход от групповой реальности к индивидуальным особенностям, и наоборот. «Традиционная историческая наука пытается искать осознанную связь мотивации исторической личности, а новая использует социологию Дюркгейма для перехода от индивида к групповой психологии», — писал Ж.Дюби. С этой точки зрения, исследование общества включает общие представления, а индивид становится их «микрокосмосом». «Человек не может думать и представлять в разное время и в разном месте одинаково», — писал Л.Февр¹⁶. По мнению Ж.Массикота, речь шла при этом не о специфике индивидуального сознания или его влияния на группу, а о том, что индивидуальное сознание олицетворяет групповое, помогая понять коллектив¹⁷. Исходя из этого, Марк Ферро стремится рассматривать биографии исторических личностей по-новому, видя в них призму, сквозь которую можно рассмотреть и воссоздать более полную картину прошлого. «Историк — не судья, он ставит диагноз определенной ситуации, констатирует действия и мнения людей, принимавших участие в событиях. И, главное, он не должен ничего скрывать», — писал М.Ферро. Это мнение отражает главную тенденцию его биографических работ, в которых он стремится избежать замалчиваний и пропусков в истории, находя объективность только в контексте социальных связей людей.

Примечания

¹ Ферро, М. Как рассказывают историю в разных странах мира. — М.: Высшая школа, 1992. — С. 17—18.

² Labrousse, Ernest. Introduction: L'histoire sociale. Sources et méthodes. Colloque de l'Ecole Normale Supérieure de Saint-Cloud (15—16 mai 1965). — Paris, 1967. — P. 4.

³ Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б.Гофмана. — М., 1995. — С. 277.

⁴ Febvre, Lucien. L'individualité en histoire, le personnage historique: Troisième Semaine Internationale de Syntèse. L'individualité. — Paris, 1932. — P. 137.

⁵ Braudel, Fernand. Position de l'histoire en 1950. Leçon inaugurale au Collège de France faite le 1er décembre 1950; Braudel Fernand. Ecrits sur l'histoire. — Paris, 1969. — P. 21

⁶ Ferro, Marc. Cinéma et histoire. — Paris 1977. — S. 49.

⁷ Ferro, M.: Gibt es eine filmische Sicht der Geschichte? S. 20 / Rother. — S. 17—36.

⁸ Duby, Georges, Lardreau Guy. Dialogues. — Paris, 1980. — P. 64.

⁹ Duby, Georges. Histoire sociale et histoire des mentalités. I. Le Moyen-Age: Aujourd'hui l'histoire. — Paris, 1974. — P. 215.

¹⁰ Kriegel, Annie, Ferro, Marc, Besancon, Alain. «L'expérience de la Grande Guerre» // Annales ESC. — N. 2. Mars-Avril 1965. — P. 327—336; Ferro, Marc. «Société du vingtième siècle et histoire cinématographique» // Annales ESC. N. 3. — 1968. — P. 581—585.

¹¹ Braudel, Fernand. Ecrits sur l'histoire. — Paris, 1969. — P. 23.

¹² О значении биографии в обновленной политической истории: Jeanneney, Jean-Noël. *Vive la Biographie: L'histoire* 13 (1979). — P. 81—83; Pillorget, René. *La biographie comme genre historique: Sa situation actuelle en France // Revue d'histoire diplomatique* 96 (1982). — P. 5—42.

¹³ Vovelle, Michel. *Histoire sérielle ou «Case Studies»: Vrai ou faux dilemme en histoire des mentalités: Histoire sociale, sensibilités collectives et mentalités. Mélanges Robert Mandrou.* — Paris, 1985. — P. 49.

¹⁴ Ферро, М. Николай II. — М.: *Международные отношения*, 1991. — С. 5.

¹⁵ Duby, Georges. *Guillaume le Maréchal ou le meilleur chevalier du monde (Coll. Les inconnus de l'histoire).* — Paris, 1984. — P. 48

¹⁶ Fevre, Lucien. *Le problème de l'incroyance au XVI siècle. La religion de Rabelais, (L'évolution de l'humanité.53).* — Paris, 1942. — P. 157.

¹⁷ Massicotte, Guy. *L'histoire problème / La méthode de Lucien Febvre (Méthodes des sciences humaines).* 4. St. Hyacinthe. — Québec, 1981. — P. 84.

О.В.Метель

Омский государственный университет им. Ф.М.Достоевского

«ИСТОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА» Э.РЕНАНА: ИСТОРИЯ РЕЛИГИЙ «ПО-ПОЗИТИВИСТСКИ»?

Э.Ренан является одним из наиболее известных французских исследователей, занимавшихся историей происхождения христианства. Он оказался в числе тех немногих французских историков, внесших свой вклад в разработку данного сюжета, чьи труды были переведены на русский язык (Э. де Прессансе, А.Ревиль), и единственным, чьи сочинения выдержали многократные переиздания¹. Вместе с тем, степень изученности творчества данного автора в отечественной историографии представляется нам недостаточной, требуют уточнения отдельные аспекты, связанные, в первую очередь, с методологическими позициями Э.Ренана. Так, для отечественной науки аксиомой является принадлежность данного автора к историкам позитивистской ориентации². Между тем, знакомство с его историческими сочинениями позволяет скорректировать столь однозначное утверждение.

Обращаясь к «Истории происхождения христианства» Э.Ренана, мы сталкиваемся с двумя основными установками автора: с одной стороны, он стремится написать историю данной религии, свободную от любых теологических построений, выполненную на основе беспристрастной критики источников, с другой — Э.Ренан не ограничивается простым изложением «добытых» фактов, настаивая на необходимости формирования целостного исторического полотна, отдельные элементы которого могут быть воссозданы лишь благодаря воображению исследователя, следовательно, последний вынужден прибегать к гипотезам.

Главное — правдиво представить общую линию развития, а не стремиться доказать достоверность каждой мелкой детали³. Причем, опираясь преимущественно на письменные памятники, Э.Ренан отмечает важность знакомства с местностью, где столетия назад разворачивались события евангельской истории⁴. Таким образом, отдельный факт оказывается для Э.Ренана лишь материалом для интерпретации, в которой участвует воображение и интуиция, и, в результате, рождается целостная картина прошлого. Однако, с точки зрения автора, подобный метод применим лишь для периода происхождения христианства и не может быть использован тогда, когда мы вступаем на прочную почву церковной истории (с конца II в.)⁵.

Если мы сопоставим подобную исследовательскую практику с тем пониманием позитивизма, которое господствует в отечественной науке, то мы будем вынуждены признать существенные различия, наблюдающиеся между ними. Позитивизм, рассматриваемый как история «ножниц и клея», первостепенное внимание уделяет фактам, которые должны быть «открыты» в источниках. Историк должен отказаться от субъективных оценок и, опираясь на факты, выстраивать закономерности. Таким процедурам, как воображение и интуиция не место в историческом исследовании. Только так история может стать строгой наукой.

В этом случае, Э.Ренан ближе к романтической модели построения исторического сочинения⁶. Именно романтики поставили историческое исследование на почву твердого следования документам, но, при этом, использовали методы воображения, «вживания в прошлое» для осмысления разрозненных событий, зафиксированных в источниках⁷. Б.Г.Реизов справедливо отмечает, что факт сам по себе казался романтикам недостаточным, необходима была поэзия чтобы выразить историческую истину⁸. Сочинения историков данного направления представляли собой нарратив, где эффект объяснения достигался за счет построения сюжета, «авторская кухня» — критика отдельных фактов — выносилась за пределы исторического полотна. Названное, во многом, соответствует исследовательской практике Э.Ренана.

Однако однозначное причисление Э.Ренана к лагерю романтиков имеет известные ограничения в том случае, если мы выходим за пределы истории происхождения христианства и изменяем угол зрения на позитивизм. Во-первых, мы подчеркиваем ограниченность возможность применения воображения Э.Ренаном и построения гипотез лишь теми эпохами, для которых нет достоверных сведений. Во-вторых, позитивизм во Франции означал не столько «научную революцию» и разрыв с идеями романтиков, сколько профессионализацию истории⁹. Позитивисты не отказывались от интерпретаций, более того, Г.Моно указывал на необходимость ставить себя на место людей прошлого, изучать события в той среде, где они произошли¹⁰.

Таким образом, в фигуре Э.Ренана мы видим сближение романтической и позитивистской моделей построения исторического исследования.

Примечания

¹ Прессансе, Э. де Иисус Христос и его время. — СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1871; Ревиль, А. Иисус Назарянин: В 2 т. / Предисл. Ф.Ф.Зелинского. — СПб.: Энергия, 1909.

² Аллатов, М.А. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в. — М.; Л.: АН СССР, 1949. — С. 176; Кубланов, М.М. Новый Завет. Поиски и находки. — М.: Наука, 1968. — С. 192.

³ См., напр.: Ренан, Э. Жизнь Иисуса. — М.: Советская Россия, 1991. — С. 69; Ренан, Э. Евангелия. Второе поколение христиан. Репринт. изд. — М.: Терра, 1991. — С. 7.

⁴ Ренан, Э. Жизнь Иисуса... — С. 67.

⁵ Ренан, Э. Христианская церковь: Царствование Андриана и Антонина Благодетельного, 117—161 гг. Репринт. изд. — М.: Терра, 1991. — С. 8.

⁶ См., напр.: Gaulmier, J. «Tout est fécond, excepté le bon sens» // Romantisme. — 1978. — № 21—22. — Р. 8—9.

⁷ Савельева, И.М., Полетаев, А.В. Плоды романтизма // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. — М.: УРСС, 2004. — С. 42.

⁸ Реизов, Б.Г. Французская романтическая историография (1815—1830). — Л.: ЛГУ, 1956. — С. 456.

⁹ Трубникова, Н.В. Ревизия наследия позитивизма в современной французской историографии // Известия Томского политехнического университета. — 2006. — Т. 309. — № 6. — С. 208; Delacroix, C., Dosse, F., Garcia, P. Les courants historiques en France 19e — 20e siècle. — P.: Armand Colin, 1999. — P. 55.

¹⁰ Monod, G. Avant-propos // Revue historique. — 1876. janv. — juin. — P. 37.

А.И.Минаев

Рязанский государственный университет им. С.А.Есенина

М.М.КОВАЛЕВСКИЙ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ БРИТАНСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Одним из крупнейших представителей отечественного либерализма рубежа XIX—XX веков, знатоком британского конституционализма являлся Максим Максимович Ковалевский (1851—1916).

М.М.Ковалевский сочетал титаническую научную работу с общественно-политической деятельностью, в которой он проявил себя как политик-центрист. Он выступил одним из идеологов Партии демократических реформ, был членом ЦК Партии прогрессистов. В 1906 году М.М.Ковалевский был избран депутатом первой Государственной Думы, а с 1907 году стал членом Государственного совета по выборам от Академии наук и университетов. Будучи активным участником политической жизни России на переломном этапе ее развития, выдающийся русский ученый отстаивал ценности «общественной солидарности» и «общего блага».

В научном наследии М.М.Ковалевского важное место занимает изучение социально-экономических аспектов истории Великобритании, ее государственно-правовой эволюции. Блестящие знания в области государственного права позволили ученому выявить основные закономерности развития британского парламентаризма, с успехом применить сравнительно-исторический метод при анализе учреждений России.

В своих лекциях, прочитанных в Санкт-Петербургском Университете и Политехникуме в 1907—1908 годах, М.М.Ковалевский подчеркивал исключительное значение английского государственно-правового опыта для общего конституционного права. «В понятие конституционного права, — писал он, — входят три элемента: начало разделения властей (якобы найденного Монтескье при разборе английской конституции); начало народоправства (провозглашенное Ж.Ж.Руссо) и, наконец, проведенная Англией система представительства, по которой к отправлению высшей функции верховной власти, функции законодательной, призывается не весь народ, а его уполномоченные или представители»¹.

Весомый вклад в теорию и практику конституционализма Великобритания внесла потому, что, по мнению М.М.Ковалевского, в новое время она в отличие от стран континентальной Европы сумела адаптировать и реорганизовать средневековые начала сословного представительства. Континентальные страны, и в первую очередь Франция, в условиях централизации и борьбы с феодальным сепаратизмом, абсолютизировали монархическую составляющую государства в ущерб представительным учреждениям. «С полным торжеством всесословности, или изополитии, — писал М.М.Ковалевский, — создаются порядки, благоприятные возрождению начала участия представителей уже не от сословий, а от всего народа, в законодательстве и налоговом обложении. Поэтому всюду возникает запрос на оживление системы представительства местного населения в законодательных палатах. И если в устройстве этих палат государства континентальной Европы приближаются к английскому образцу, то только потому, что в Англии уцелели, выражаясь языком Монтескье, в полном виде черты общей некогда всей Европе готической, т.е. сословной представительной монархии, не только уцелели, но и развились, перешли вместе с ростом изополитии, или всесословности, в черты представительной, или конституционной монархии»².

Развитие британского парламентаризма теснейшим образом было связано с эволюцией партий тори и вигов. М.М.Ковалевский предлагал свою трактовку мотивации их деятельности, которая, по нашему мнению, сохраняет свое значение. «Мне кажется, — писал он, — что корень различия вигов и тори, лежит не столько в политической, сколько в общественной их программе. Тори в наше время — представители прежде всего крупного землевладения и землевладельческих интересов, а виги — крупных капиталов и богатого среднего сословия. Ни те, ни другие не являются, конечно, приверженцами демократической программы, — отсюда возможность одинаковой оппозиции и тори и вигов как

сельскому, так и городскому рабочему движению, но отсюда и случайные временные союзы и тори и вигов с теми, кого привыкли называть радикалами»³.

М.М.Ковалевский придавал большое значение XVIII столетию в истории британского парламентаризма, в течение которого парламент стал действенным институтом в государстве, ареной активной конкурентной борьбы между тори и вигами. Он оказывал теперь самое серьезное влияние на формирование кабинета, внутреннюю и внешнюю политику государства. «Организовавшиеся окончательно в XVIII веке великие парламентские партии вигов и тори, — подчеркивал Ковалевский, — не могли обойтись без существования такого постоянного комитета от палат, призванного представлять интересы и политику временно господствующей партии. Попытки таких королей как Вильгельм III или Георг III лично участвовать в делах управления или поручать как общее ведение дел, так и заведывание отдельными министерствами лицам, независимым от парламента и не принадлежащим к его большинству, встречают энергичный протест со стороны парламента и со времени Георга IV совершенно прекращаются. Кабинет с этого царствования и по настоящий день носит характер компактного целого, члены которого объединены одной политикой и принадлежат к господствующей в парламенте партии»⁴.

Обобщая пройденный британским парламентаризмом в XIX веке путь, М.М.Ковалевский писал: «Если передать в сжатом виде смысл внутренней эволюции Великобритании за последние два царствования, то придется сказать, что в течение их произошла в Англии величайшая из всех пережитых ею революций и совершилась она мирным путем: из аристократической державы Англия стала демократической монархией, а Великобритания — неорганизованной федерацией таких же демократий, устроенных, подобно Англии, на началах представительства, парламентаризма и господства права...»⁵.

М.М.Ковалевский считал, что использование европейского опыта в государственно-правовой сфере не может быть сведено к механическому копированию западных образцов и стандартов. В своем выступлении на общероссийском съезде земских и городских деятелей, проходившем в ноябре 1905 года, М.М.Ковалевский, полагая необходимым сохранение института монархии, говорил: «Я сам после исключения меня правительством из числа профессоров Московского университета прожил 18 лет во Французской республике, сохранил к ней самые признательные чувства и в принципе никогда не был против республики. Но там эта форма правления существует по требованию народа. У нас же я не вижу, чтобы крестьянская масса желала республики. В России я — монархист, и все собравшиеся здесь монархисты»⁶. Для него, ученого и политика умеренного направления, неоценимым становился британский опыт эволюционных буржуазно-демократических изменений, возможность которых в значительной мере была обеспечена сильным парламентским механизмом, адаптировавшим в конечном итоге королевскую власть к новым условиям.

Примечания

¹ Ковалевский, М.М. Общее конституционное право. Лекции, читанные в Санкт-Петербургском университете и политехникуме. 1907—1908. — СПб., 1908. — С. 6.

² Ковалевский, М.М. Социология / Сочинения в двух томах. — СПб., 1997. — С. 78.

³ Ковалевский, М.М. Великобритания (История) / Энциклопедический словарь товарищества «Бр. А. и И. Гранат и К^о». — Т. 9. — Стб. 65.

⁴ Там же. — Стб. 63.

⁵ Там же. — Стб. 216.

⁶ Либеральное движение в России. 1902—1905 гг. — М., 2001. — С. 460.

Н.С.Мыслеева

Башкирский государственный университет, филиал в г.Стерлитамаке

ИЗУЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.Ф.КОНИ КАК ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ МЕМУАРНОГО ЖАНРА В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

В нашей стране до конца 80-х годов XX века появлялось не много исследований, посвященных отдельным личностям и их влиянию на ход исторического развития. Но, несмотря на собранный богатый биографический материал, в этих изысканиях прослеживалась четкая тенденция вплетения всех жизненных коллизий героя, формирования его взглядов в стройную формационную теорию. Не принималось во внимание то, что у истоков конкретных исторических событий стояли вполне определенные люди со своими привычками, традициями, воспитанием. Именно их восприятие действительности, решительность или робость, напор или медлительность и создавали причудливое полотно истории. Историю делают люди, и умалять, а тем более отрицать роль личности в истории неправомерно.

60-годы XIX века известны как годы «великих реформ». Одной из таковых стала судебная реформа. Она дала суду гласность, состязательность, равенство перед законом, возможность компетентного расследования дел в лице специально обученных следователей и т.д.

Как современники, например, М.Н.Катков, который считал, что это «не столько реформа, сколько **создание** судебной власти»¹, так и нынешние историки называют ее самой продуманной и завершенной.

Но и другие реформы, такие как земская, военная, городская, были не менее подготовлены и выстраданы своими авторами... Мне кажется, этим законодательным актам для воплощения в жизнь не хватило таких ярких личностей, фанатично преданных своему делу, специалистов высочайшего класса, не идущих ни на какие компромиссы ради закона, какими может по праву гордиться судебная реформа. Имена Д.А.Ровинского, С.И.Зарудного, Н.И.Стояновского,

Ф.Н.Плевако, и многих других служителей Фемиды вписаны в историю развития российской правовой мысли. В перечне этих именитых имен особо хочется отметить блестящего юриста, талантливого литератора, неподкупного, бесстрашного, справедливого человека — А.Ф.Кони.

У личности А.Ф.Кони опубликовано несколько исследований². Да и тираж публикаций был невелик. Но хочется отметить, что такие личности, как А.Ф.Кони, явились столпом судебной реформы, ее умом, честью и совестью.

Находясь в центре политической и культурной жизни России, Кони вел оживленную переписку со многими видными общественными и политическими деятелями, писателями, юристами. Все это впоследствии вошло в его мемуары. В 1869—1875 гг. им были написаны «Из казанских воспоминаний», «Из харьковских воспоминаний», «Дело Овсянникова», «Игорный дом Колемина», «Игуменья Митрофанья» и др.³

Ценность воспоминаний А.Ф.Кони в том, что он воспроизвел почти с документальной точностью факты общественной жизни. Он был сыном воспитавшей его «эпохи великих реформ», с ее либеральными иллюзиями и надеждами на возможность гуманных законов в монархической России, с ее обостренным интересом к проблемам «справедливого и совестливого суда»⁴.

Под впечатлением судебного процесса над В.Засулич в 1878 г. А.Ф.Кони начал писать воспоминания о нем. Эти заметки являются важным источником для понимания его политических взглядов.

Дело Веры Засулич было тесно связано с тремя событиями: 6.12.1876 г. состоялась демонстрация молодежи у Казанского собора, где был арестован, а затем осужден на каторжные работы студент А.С.Емельянов (Боголюбов). 13.07.1877 г. по распоряжению Ф.Ф.Трепова он был избит розгами в доме предварительного заключения. 24.01.1878 г. В.Засулич выстрелила в генерала Ф.Ф.Трепова.

Следствие по ее делу велось в быстром темпе и к концу февраля было закончено. Вскоре А.Ф.Кони через А.А.Лопухина⁵ получил распоряжение назначить дело к рассмотрению с участием присяжных заседателей на 31.03. Перед процессом А.Ф.Кони был дважды вызван к министру юстиции, который потребовал от председателя окружного суда вынесения обвинительного приговора. Кони категорически отказался⁶.

Современники А.Ф.Кони, такие как, например, Л.Д.Ляховецкий оценили его поведение на суде как «беспристрастное»⁷. Кони писал, что желал своей речью достичь того, «чтобы разум присяжных возобладал над чувствами и подсказал им решение, в котором признание вины В.Засулич соединилось бы со всеми смягчениями...»⁸.

В.Засулич была оправдана, а для Кони начался период опалы, его обвинили в целом ряде процессуальных нарушений и на годы лишили преподавательской кафедры, назначили членом комиссии для разбора старых архивных дел⁹.

31.03.1878 г. стало знаменательным днем в жизни А.Ф.Кони. Это было великое испытание его судейских и человеческих достоинств, которое им было успешно выдержано. Пропаганда правосудия, проводимая А.Ф.Кони в своих мемуарах, рождала веру в справедливость судебного разбирательства, неподкупность суда, квалификацию следствия. Таких личностей, как А.Ф.Кони, было немало. Именно их деятельность и дала возможность говорить об успехах судебной реформы в целом.

Примечания

- ¹ Джаншиев, Г.А. Сборник статей. — М., 1914. — С. 5.
- ² Ляховецкий, Л.Д. Характеристика известных русских судебных ораторов. — СПб., 1897; Джаншиев, Гр. Эпоха великих реформ. — СПб., 1907. Смолярчук, В.И. А.Ф.Кони. — М. Наука, 1982., Смолярчук В.И. Кони и его окружение. — М.: Юридическая литература, 1990. Леонов Н.И. Общественно-политические взгляды Кони в 60-70-х гг. XIX в. // Проблемы истории СССР. — М., 1973. — с. 213—219.
- ³ Кони, А.Ф. Собрание сочинений. В 8 т. — М., 1966. — Т. 1.
- ⁴ Кони, А.Ф. Нравственный облик Пушкина. Собр. соч. — М., 1968. — Т. 6. — С. 46.
- ⁵ Председатель Петербургского окружного суда в середине 70-х гг. XIX в.
- ⁶ Кони, А.Ф. Воспоминания о деле В.Засулич. Собр.соч. — М., 1966. — Т. 2. — С. 85—86.
- ⁷ Ляховецкий, Л.Д. Характеристика известных русских судебных ораторов. — СПб., 1897. — С. 123.
- ⁸ Воспоминания о деле В.Засулич. — С. 168.
- ⁹ Лейкина-Свирская, В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. — М.: Наука, 1971. — С. 88.

Т.А.Набокина

Челябинский государственный университет

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА КРАЕВЕДЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ (НА ОСНОВЕ «ТРУДОВ ОРЕНБУРГСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ»)

Составной частью историографической традиции Южного Урала во второй половине XIX — начале XX века были публикации региональных историко-краеведческих организаций. Распространение имели краеведческие и топографические описания, отличающиеся многообразием сведений. Большой объем публикаций (по нашим подсчетам около 37%) составляли биографии. Они были представлены очерками, юбилейными поздравительными заметками, посмертными записками, некрологами. Особое место занимал биографический очерк. Будучи построен на документальной основе (конкретность фактов реально

существующих героев, невыдуманные обстоятельства их отношений), очерк облекается в художественную форму с характерными для нее образностью и типизацией.

Основанием для него служили автобиографическая записка, разнообразные по содержанию письма к друзьям и знакомым, учено-литературные труды умершего, прошения, беседы, поучения¹.

Отправной точкой для создания микроисторической модели биографии стало имя собственное. Линии личных связей и отношений, исходящие от данного имени или замыкающиеся на нем, образуют плотную паутину, представляя «графический образ сети отношений, в которую вовлечен исследуемый человек»².

Краеведческая биография заметно отличалась от классических биографий, в первую очередь, стилем написания и характеристиками, на которых заострялось внимание автора. Существовал определенный биографический канон, благодаря которому можно было почерпнуть необходимую о человеке информацию. Так, из некрологов можно узнать о дате и месте рождения покойного, сословном «состоянии», воспитании и образовании, карьерном росте, и, наконец, о заслугах покойного. Мы имеем возможность проследить его жизненные этапы. В биографии-некрологе председателя ОУАК Н.А.Маслаковца, созданной Н.Григоровичем, определяющими были симпатии окружающих к персоне описываемого человека. Итак, Н.А.Маслаковец — всегда желанный гость всех кружков интеллигенции, обладающий «прямым характером, честностью убеждений и взглядов, обширной образцовостью»³. Подобное описание олицетворяет симпатии общества. Герои краеведческих биографий всегда вписаны в контекст общества. Они ему служат.

Особую важность имели веротерпимость и глубокая религиозность описываемого человека. Это «возвеличенное торжество веры православной» В.М.Пупышева, «доброта и верность религии» католика кандидата Зеленко, «терпеливость, верность своим убеждениям и верованиям» В.Н.Витевского, «глубокая вера» И.И.Евфимовского-Мировицкого, «позволившая ему твердо удержать долг служения обществу и поддерживала его в трудные минуты жизни. Он ни разу не изменил христианскому девизу, на нем начертанному: Горе мне, аще не благовестствую».

В конце XIX — начале XX вв. внимание авторов было направлено на пожертвование, великодушие, бескорыстность (на благоустройство Свято-Троицкого собора, на закладку новой церкви, «на благое дело народного образования и др.). Такие качества как энергичность, благотельность, незлобивость души В.М.Пупышева, «занимающийся из интереса исследованием Оренбургского края в свободное от службы время без коммерческой и корыстной цели»; «культурный деятель, лучший русский человек, стремившийся в Оренбургский край не ради наживы, но ради государственной пользы, ради просвещения и изучения населения И.И.Евфимовский-Мировицкий, «скромный наставник, который без шума и рекламы исполняет свое скромное дело.

Особую группу составляют биографии духовных служителей, публикуемые в «Епархиальных ведомостях». Показательно биографическое описание О.Василия, высоко ценимого, весьма влиятельного в епархии. Автор описания показывает его незаносчивую, необыкновенно скромную и деликатную натуру с тонким природным тактом и утонченным чувством, глубоко искреннего и правдивого. Подчеркивается его глубокий патриотизм, любовь к русским людям, к христианскому просвещению, непоколебимая вера истинного христианина и пастыря Христовой церкви. Перед нами скромный, деликатный, с ласковым лицом, доброй улыбкой, не сходившей с его уст, добрыми и смиренными речами человек⁴.

Краеведческая биография возмещает исследователю края отсутствие мемуаров его предшественников. Иначе не представлялось бы возможности познания важных человеческих качеств, а не только фактов его биографии.

Созданная на основе краеведческих биографий база данных позволила составить коллективный портрет исследователей. В большинстве, это выходцы из среды образованного чиновничества и учительства, отчасти из среды духовенства. Среди них было немало представителей из числа казачьей интеллигенции. Они работали в статистических комитетах, состояли членами научных обществ, бескорыстно занимались научными исследованиями и просветительством, создавали музеи и библиотеки. Сложился тип личности историка-краеведа. В силу личной увлеченности, талантливости и многолетних научных исследований ряд из них стал профессиональными исследователями.

Краеведческие биографические очерки представляют жизнь и деятельность, типы поведения личностей, неизвестных отечественной исторической литературе. Подобное свойство позволяет увидеть общество под «микроскопом», придя через малое и частное к лучшему пониманию общих социальных связей и процессов.

Примечания

¹ Цыпляев. Рукописи С.Н.Севастьянова // Труды ОУАК. — Оренбург, 1911. — Т. 23.

² Гордеева, И. Изучение социальной истории России второй половины XIX — начала XX в.: «микроисторический» подход // Образы историографии. — М., 2001. — С. 127—128.

³ Григорович, Н. Памяти Н.А.Маслаковца // Труды ОУАК. — Оренбург, 1911. — Т. 23.

⁴ О. Василий Тимофеевич Тимофеев (некролог) // Оренбургские епархиальные ведомости. — Оренбург, 1897.

⁵ Орлов И.Б. Микроистория: «атомизация» исторической реальности или ее иной образ? // Национальные образы прошлого: Этническая доминанта в историографии и философии истории / Отв. ред. А.В.Малинов. — СПб., 2008. — С. 149—156.

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ: БИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В БОГОСЛОВСКОМ КОНТЕКСТЕ

О роли личности в истории написано много. Разнообразные теории — мистические, идеалистические, материалистические и психоаналитические, а также все прочие, — объединяет мотивационный момент исследования: как и почему это удалось Наполеону (В.И.Ленину, Фиделю Кастро, Лютеру или Уинстону Черчиллю...), а остальным нет; почему он, а не я; и как, в конце концов, заработать на обучении такому лидерству в историческом процессе. В истории науки прослеживается постоянный интерес к выдающимся историческим личностям, но если античные философы были убеждены в божественных истоках их качеств, то Н.Макиавелли исследовал зависимость между процессами, проходящими в обществе, и причинами появления выдающихся людей. Б.Спиноза говорил о выдающихся личностях, как отмеченных «Божественной добродетелью», а Ф.Вольтера и Ж.-Ж. Руссо привлекало их влияние на ход исторического процесса. Н.О.Лосский указывал на связь великих личностей со сверхмировым началом, а марксистская философия акцентировала внимание на влияния объективных условий исторического процесса и воле масс. М.Вебер впервые вводит в научный лексикон термин «харизма», так полюбившийся всем ученым, ибо широкое толкование этого понятия позволяет включить в его определение все многообразие концептуальных подходов. Социологические теории выявляют положительную корреляцию между социальной нестабильностью и активностью харизматической личности. Представители психологических подходов направлены на изучение психических особенностей харизматов.

Однако биографический анализ дает главный вывод: каковы бы ни были психологические и поведенческие особенности личности, а также объективные исторические условия, не они являются основополагающей причиной выдающейся роли личности в истории. Как правило, никаких сверхъестественных или сверхчеловеческих особых свойств, приведших к историческому возвышению личности, в биографии не находится, и, наоборот, люди с выдающимися, необычными, зачастую сверхъестественными, способностями, не сыграли в истории приоритетных ролей (ни известный Вольфганг Мессинг, ни загадочный монах Авель). Скорее прослеживается некая мистическая сила, притягиваемая психологическими свойствами человека, личностной направленностью, и проявляющаяся в исторической ситуации. Под этой силой понимается либо демоническое вмешательство (например, Л.Повель и Ж.Бержье), либо Божья воля или Божие произволение. Оставляя первое конспирологам (как показывает книга Иова даже дьявол испрашивает у Бога разрешение действовать), рассмотрим роль Божественного влияния на место человека в истории.

В Новом Завете слова Христа «без Меня не можете творити ничесоже» (Ин. 15:5) и «у вас же и волосы на голове все сочтены» и ни один из них не упадет на землю без воли Отца Небесного (Мф. 10.30) свидетельствуют о постоянном и неотступном контроле Бога за человеком. Безусловно, личность, для выдающейся роли в истории, должна иметь необходимые в той или иной ситуации психолого-поведенческие качества. В поиске таких качеств преуспел Г.Л.Тулчинский. «Эмпирические факты позволяли выстроить некоторую закономерность. А именно, М.С.Горбачев лыс, а его предшественник — К.У.Черненко, несмотря на болезни и глубоко преклонный возраст, обладал весьма густой шевелюрой. В свою очередь, его предшественник — Ю.В.Андропов обладал глубокой и широкой залысиной, тогда как Л.И.Брежнев был весьма «волосат». И далее — Н.С.Хрущев — лыс. А И.В.Сталин — несмотря на образовавшуюся с возрастом плешь, «в имидже» был при шевелюре. А В.И.Ленин — лыс. А Николай II — волосат. А Александр III — лыс ... Сначала жена обратила мое внимание на то, что все «лысые» лидеры были не то, что западники, а даже, в узком смысле, были англоманами. Тогда как «волосатые» — склонны не то что к славянофильству, а были буквально русофилами-почвенниками. Тут уже я задумался всерьез и обнаружил, что с «лысыми» связаны относительно кратковременные периоды бурления, поисков, реформ и прочих «перестроек», а с «волосатыми» относительно более длительные периоды стабилизации и прочего «застоя»¹.

Однако, если посмотреть на лидерство с позиции гонений на Церковь, то Л.И.Брежнев остановил курс Н.Хрущева на полное уничтожение Церкви. Галина Брежнева писала: «папа с церковью никогда не боролся. Мама молилась, и он ее никогда не осуждал»². И официальная наука полностью игнорирует факт, о котором лет 5 назад в сообщали многочисленные новостные сайты: Наталья Денисовна Брежнева — мама генсека, была верующей, ездила по монастырям, где ей сказали: сын долго продержится у власти, если не будет гнать Церковь.

В Акафисте Архистратигу Божиему Михаилу есть слова, раскрывающие сущность необходимых человеку качеств, привлекающих к себе Божье благоволение: «Радуйся, верных рабов Божиих во время благопотребно на высоту власти предивне поставляй; Радуйся, продерзых и недостойных с высоты силы и славы незримо низлагай». Именно такие качества выдвинули рядового гражданина Козьму Минина и косноязычного Моисея на передовые исторические позиции.

Примечания

¹ Тулчинский, Г.Л. Бэконовско-миллевская индукция, или Лысое англофильство в российской политической истории XX века // Управление: интеллект и субъективность. — СПб.: СПб ГПУ, 2002. — С. 40—43.

² Брежнев, М.А. Леонид Брежнев. Величие и драма. Электронный ресурс: http://www.maximbregnev.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=32:2009-10-14-14-38-16&catid=4:2010-12-01-06-02-21&Itemid=43.

О ПЕРСПЕКТИВАХ ИЗУЧЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

На современном этапе теоретических разработок методологии истории, особый интерес представляет история повседневности. Это отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности в ее историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. В центре внимания истории повседневности — «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного жизненного мира», комплексное исследование этой реальности (жизненного мира) людей разных социальных слоев, их поведения и эмоциональных реакций на события¹.

Как отмечает исследователь А.Н.Сахаров, так называемая история повседневности или историческая антропология «позволяет в известной степени пролить дополнительный свет на глубинные личностно-общественные процессы, протекающие в том или ином обществе», так как «героями» истории становятся «живые», «простые люди» с их обыденными взаимоотношениями, надеждами, разочарованиями, причем на разных ступенях общественной лестницы². Этот подход позволяет, во-первых, сопоставить наблюдения над российской историей с западными аналогами, а, во-вторых, проследить эволюцию жизни «простых людей» и их представлений, традиций в рамках развития самой российской цивилизации. И то, и другое позволяет глубже и совершенно с неожиданной стороны подойти к рассмотрению различных сторон истории России³.

Повседневность различных слоев российского общества представляется одной из наиболее интересных, но малоизученных тем. Особую актуальность эта проблема приобретает при анализе переломных эпох. Именно в такие периоды, когда менялись политические и социально-экономические ориентиры, различным социальным группам приходилось искать свое место в новых для них окружающих реалиях.

Известный интерес в этой связи представляет проблема интеллигенции в истории России конца XIX — начала XX вв. Именно в этот период в условиях модернизации, предопределившей глубинные изменения в социально — экономической и общественно — политической сферах, социальный феномен интеллигенции проявился в ее динамичном росте и общем влиянии в общественной жизни. Однако до настоящего времени в историографии не сложилось четких и единообразных научно — понятийных характеристик и оценок данной социальной группы. Также обращает на себя внимание далеко неоднозначная оценка ее места и роли в судьбах России⁴.

По мнению исследователя Д.В.Чарыкова, в анализе основных подходов к понятию «интеллигенция» наиболее распространенными и общепризнанными в современной исторической науке являются два подхода, которые им обозначены как социально-профессиональный (или формальный, поскольку он строится на соответствующих критериях) и философско-культурологический (неформальный, что обусловлено нечеткой научной верифицируемостью вводимых критериев определения дефиниции «интеллигенция») подходы. У каждого из этих подходов свои слабые и сильные стороны. Так, философско-культурологический (неформальный) подход ориентирован на качественные стороны феномена «интеллигенция». Однако он в высшей степени субъективен, обладает слабой научной верифицируемостью и ограничивает сферу его применимости в конкретно-исторических исследованиях. В свою очередь, социально-профессиональный (формальный) подход обладает более строгими критериями. В историографии эти критерии подвергаются критическому осмыслению и оспариванию, поскольку формальный подход во многом принадлежит прошлому, так как сформировался на ленинских положениях, что накладывает на него определенную идеологическую печать, а так же требует признания того факта, что критерии и постулаты данного подхода устаревают в условиях новой методологической реальности. Именно поэтому, в условиях активного прироста исторического знания, в рамках теории интеллигенции осуществляется поиск новых концептуальных моделей понимания данного феномена. К числу новых теорий интеллигенции, Д.В.Чарыков вполне обоснованно относит концепцию функциональной маргинальности, которая сформулирована в работах Л.Д.Гудкова и Б.В.Дубина, А.Кустарева, синергетическую теорию интеллигенции А.В.Квакина, определение интеллигенции через участие в создании картин мира, представленную в трудах К.Б.Соколова⁵.

В этой связи, на наш взгляд, представляется своевременным и перспективным в исследовании заявленной проблемы использовать опыт теоретико-методологических и методических поисков в области истории повседневности, который позволит взглянуть на социальную роль и участие интеллигенции в общественной, культурной, экономической и пр. жизни России в новых ракурсах, расширив тем самым границы исследования данной проблемы.

Таким образом, в результате смены научной парадигмы в XX веке произошло осознание феномена «размытости» границ гуманитарного знания и отказ от традиционных представлений об обособленности научных дисциплин. В связи с этим тема повседневной жизни человека или определенной социальной группы той или иной эпохи, в данном случае интеллигенции в конце XIX — начале XX века, вполне обоснованно стала предметом изучения и одним из актуальных направлений в современных исследованиях.

Примечания

¹ Пушкарева, Н.Л. Предмет и методы изучения истории повседневности / Режим доступа: <http://www.perspektivy.info> (дата обращения: 02.02.2011); Круглый стол «Большие резервы» малой истории // Отечественная история. — 2001. — № 6; Савельева, И.М., Полетаев, А.В. История и время. В поисках утраченного. — М., 1997; Ревель, Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального / Режим доступа // <http://www.tuad.nsk.ru/history/> (дата обращения: 04.02.2010); Селунская, Н.Б. Методологическое знание и профессионализм историка // Новая и новейшая история. — 2004. — № 4; Орлов, И.Б. История повседневности: смерть или рождение? // Преподавание истории в школе. — 2008. — № 3; Розенберг, Н.В. Аспекты исследования культуры повседневности в отечественном социально-гуманитарном знании / Режим доступа: [http://www // analiculturolog.ru](http://www.analiculturolog.ru) (дата обращения: 04.02.2010).

² Сахаров, А.Н. О новых подходах к истории России // Вопросы истории. — 2002. — № 8. — С. 15.

³ Поляков, Ю.А. Человек повседневности (исторические аспекты) // Отечественная история. — 2000. — № 3. — С. 125.

⁴ Уваров, П.Б. Исторические методы исследования интеллигенции: концептуальные основания и когнитивные возможности: автореф. дис. ... докт. ист. наук. — Челябинск, 2010. — С. 3.

⁵ Чарыков, Д.В. Изучение проблем теории интеллигенции в историографии 90-х гг. XX — начала XXI в. (на материале Урало-Сибирского региона): автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Челябинск, 2009. — С. 17—18.

В.Н.Парамонов

Самарский государственный университет

БИОГРАФИИ ПАРТИЙНЫХ РАБОТНИКОВ КАК ПРЕДМЕТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В последние десятилетия увеличилось количество работ биографического жанра. В большинстве регионов Российской Федерации изданы работы о местных губернаторах, работавших до 1917 г., о современных представителях общероссийской и региональной элиты. К первым же руководителям (партийным, советским) регионов периода 1917—1991 гг. исследовательский интерес проявляется значительно меньше¹.

В рамках подготовки биографического справочника «Коммунистическая партия в портретах ее самарских лидеров. 1917—1991 гг.»² нами были изучены биографии 30 первых секретарей регионального партийного комитета за период 1917—1991 гг. В качестве основного использовался биографический метод изучения жизненного пути персонажа.

Биографический метод является историческим по происхождению, так как пришел в психологию, социологию из исторических наук. Первоначально данный метод развивался в виде биографического жанра, предметом которого является жизнь замечательных людей, история их борьбы, исканий и заблуждений, тесно переплетенная с современностью. В настоящее время биографический метод можно отнести к междисциплинарным методам, поскольку он формируется на стыке психологии, биологии, генетики, истории, социологии и ряда других наук.

Нам близка точка зрения Л.П.Репиной, предлагающей в рамках биографических исследований идти по пути поиска медианного варианта между двумя версиями *personal history* — социальной и экзистенциальной, отмечая при этом, что обе гносеологические стратегии — акцент на взаимосвязи социокультурного и личностно-психологического аспектов в первом случае и приоритет психологических характеристик во втором — ограничены объективными возможностями исторического источника³.

В изучении биографий секретарей партийных комитетов нами ставились задачи *проанализировать* биографию отдельного человека как *типичное* проявление определенных социальных процессов и одновременно *выявить* через степень участия того или иного персонажа в различных событиях масштаб его личности, особенности его характера, ценностных ориентаций, профессионального опыта, образа жизни, т.е. индивидуальнее, уникальные черты.

В качестве информационных источников использовались личные дела, автобиографии, дающие сжатую, но в то же время целостную картину прожитой данным персонажем жизни, анкеты, выписки из различных документов (постановлений пленумов, бюро партийных комитетов), выступления партийных руководителей, воспоминания, дневники.

Критический анализ источников о партийных работниках включал в себя установление подлинности и достоверности содержания имевшихся документов, поиск ответов на такие вопросы, как: каково социальное происхождение персонажа; в каких условиях проходила его социализация (влияние на нее системы образования; общественных событий и пр.); какие личные качества были ему присущи; какие нравственные ценности являлись для него приоритетными; каким было влияние на его биографию опыта старшего поколения (родителей, дедушек и бабушек); каков был «круг общения» изучаемого персонажа; какие события (люди и пр.) вызвали в свое время у него самые сильные переживания и т.д.? Серьезной проблемой в изучении биографий партийных являются ограничения, согласно закону о защите персональных данных. Это не позволяет в полной мере отразить различные стороны жизнедеятельности личности. Самыми молодыми по возрасту на момент избрания секретарями являлись Н.Н.Демченко и Ю.К.Милонов (они были избраны в возрасте 25 лет), а самым зрелым по возрасту стал В.С.Романов (в 53 года). Большинство становились первыми лицами в региональном партийном комитете в возрасте 30—40 лет.

Партийных стаж до февраля 1917 г. имели 14 человек, трое вступили в коммунистическую партию в период революции и гражданской войны. 17 человек имели опыт оппозиционной деятельности до февраля 1917 г., однако активность некоторых персонажей сводилась лишь к участию в забастовке, демонстрациях и митингах. 10 человек подвергались преследованиям со стороны царских властей.

Важной вехой биографии первых секретарей было начало трудового пути. Л.Д.Сокольский, Н.Н. Сперанский начинали трудовой путь учителями; Н.Н.Демченко, уйдя с третьего курса, работал репетитором, конторщиком; М.Н.Ефремов после армии занимался крестьянским трудом; Н.Г.Игнатов первые трудовые навыки получил в качестве плотника; А.А.Казаков — столяра; Б.Г.Магидов — подмастерья золотых дел; Ю.К.Милонов — секретаря больничной кассы рабочих полиграфического производства; В.П.Мяги — наборщика в типографии; М.М.Хатаевич — посыльного на керосиновом складе, М.Я.Канунников — разносчика молока и рабочего трудармии. И.А.Лычев с 10 лет пошел «в люди»: был мальчиком на побегушках в портняжной, переплетной мастерских, в гостинице. А.Х.Митрофанов начал работать в семь лет, пас гусей, убирал сено, а в 15 лет устроился на ткацкую фабрику в Москве. Нужда заставила П.П.Постышева начать работать уже с 9 лет, сначала «мальчиком» в щеточной мастерской, а затем учеником и ткачом на текстильной фабрике. А.С.Мурысев начинал трудовой путь слесарем службы пути и шофером автодрезины на станции Аксаково. Явным фаворитом выглядит группа профессий «простых» рабочих и подмастерьев, крестьян. Мастерами на заводах начинали свою трудовую биографию после окончания вузов В.П.Орлов, В.С.Романов, А.М.Токарев.

Первая работа при всей ее значимости все же была для большинства будущих членов политической элиты региона сравнительно кратковременным явлением, за которым следовало изменение статуса или территориальное перемещение. Вместе с тем реальное знание жизни «рядовых, простых» людей помогало им в принятии решений с учетом интересов различных групп населения (хотя, учитывая классовый, идеологический подход, и не всех). Имевшийся социальный опыт позволял проявлять лидерам парторганизаций различные способности. Характерной, с этой точки зрения, можно считать оценку, данную Самарским губкомом РКП(б) в октябре 1922 г. своему секретарю И.Т.Морозову: «В своей работе, как секретарь губкома тов. Морозов проявляет себя как твердый, тактичный, с инициативой и энергией руководитель парторганизации, пользующийся большим авторитетом. Большой партийный опыт, начитанность в марксистской литературе, большие познания в истории партии дают возможность т. Морозову быстро и легко ориентироваться в сложных и трудных вопросах. Тактичность и известная доля мягкости в характере, умение подойти к людям способствуют т. Морозову в работе и помогают быстро завоевывать симпатии товарищей. Необходимо отметить большую работоспособность и его деятельное участие в журналистике»⁴.

Срок работы в качестве «первого» секретаря партийного комитета (слово «первый» в данном случае взято нами в кавычки не случайно, поскольку эта должность именовалась также как «председатель губкома»⁵, «ответственный секретарь губкома»⁶, «секретарь губкома»⁷) был различен. Дольше всех в качестве первого секретаря работал В.П.Орлов (1967—1979 г.). Наименьший след деятельности в качестве секретаря оставили В.Д.Сокольский (28 мая — 7 июня 1920 г.) и И.И.Минков. Последний летом 1921 г. был направлен в состав Самарского временного бюро ЦК РКП(б) для оказания помощи губернской парторганизации, а 28 сентября того же года на пленуме губернского комитета партии был утвержден ответственным секретарем губкома. Однако уже в октябре 1921 г. ушел в отпуск, а в ноябре 1921 г. находился в Москве по партийным делам, в январе 1922 г. — на лечении, затем из-за болезни был вынужден вернуться Москву⁸.

Первые секретари были обязаны показывать пример убежденности в марксизме-ленинизме и в соблюдении правил советского этикета. В номенклатуре существовали механизмы, ограничивавшие семейственность. По негласной традиции, дети первых секретарей обкомов партии никогда не наследовали те высокие посты, которые занимали их отцы. Это давало возможность продвигаться в первые секретари выходцам из различных слоев общества: интеллигенции, рабочего класса и крестьян. Наиболее типичной была картина с переходом с комсомольской работы на партийную, с партийной на советскую либо хозяйственную и обратно. С точки зрения географической, только три партийных руководителя родились в Самарской губернии (М.Н.Ефремов, М.Т.Ефремов, И.А.Лычев), остальные родились в других регионах. Из 30 первых секретарей 14 на момент избрания прибыли из других местностей, а 16 избирались из числа местных работников и активистов.

Уровень образования тех, кто становился первым секретарем, был различен. Одни получили систематическое образование: Н.Н. Сперанский окончил Петербургский университет и три курса Московского сельскохозяйственного института; Л.Д.Сокольский — духовную семинарию и экономическое отделение Московского коммерческого института; В.Д.Сокольский — православную духовную семинарию и два курса Московского коммерческого института; В.В.Куйбышев — кадетский корпус и начинал учиться в Военно-медицинской академии, позднее в технологическом институте; Ю.К.Милонов — гимназию, а затем начал учиться на юридическом факультете Московского университета; В.П.Шубриков — 2 курса духовного училища, Тифлисскую школу прапорщиков и Коммунистический университет им. Я.М.Свердлова; Н.Н.Демченко проучился более двух курсов в медицинском университете. Среднее образование имел Б.И.Магидов. Техникумы закончил А.М.Пузанов. Высшее специальное образование имели В.Г.Афонин, И.Г.Балясинский, М.Т.Ефремов, В.Г.Жаворонков, М.Я.Канунников, Е.Ф.Муравьев, А.С.Мурысев, В.П.Орлов, В.С.Романов, А.М.Токарев. Остальные

закончили либо церковно-приходские школы, а позднее различные курсы, либо занимались самообразованием.

Три первых секретаря являлись ветеранами-участниками Первой мировой войны, а Герой Советского Союза В.Г.Жаворонков и А.М.Токарев — ветеранами Великой Отечественной войны.

Двое имели опыт жизни в эмиграции. И.А.Лычев после участия в восстании на броненосце «Князь Потемкин-Таврический», опасаясь репрессий (он был приговорен к смертной казни через повешение) эмигрировал в Румынию, а затем в США и Канаду. И.И.Минков находился в эмиграции в Канаде в 1910—1917 гг.

Судьба 6 секретарей сложилась трагически. Н.Н.Демченко, А.А.Казаков, Ю.К.Милонов, П.П.Постышев, М.М.Хатаевич, В.П.Шубриков были репрессированы, из них выжили только А.А.Казаков и Ю.К.Милонов.

Следует выделить общую направленность эволюции региональных лидеров, которая шла от руководителя типа «солдата партии» к «хозяину» региона.

Примечания

¹ См., напр.: Мохов, В.П. Эволюция региональной политической элиты России (1950—1990 гг.). — Пермь, 1998; он же, Советская региональная номенклатура: структура и состав в 1950—1980-е гг. // Россия: идеи и люди. Сб. — М., 1998. — Вып. 3. и др.

² Коммунистическая партия в портретах ее самарских лидеров. 1917—1991 гг. Биографический справочник. — Самара, 2010.

³ См.: Репина, Л.П. Личность и общество, или история в биографиях (Вместо предисловия) // История через личность. Историческая биография сегодня. — М., 2005. — С. 12—16.

⁴ Государственное учреждение Самарской области Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 698. — Л. 147.

⁵ См.: СОГАСПИ. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 2. — Лл. 1,2; Д. 32. — Л. 15; Попов, Ф.Г. 1918 год в Самарской губернии. — Куйбышев, 1972. — С. 82.

⁶ СОГАСПИ. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 444. — Л. 125; Д. 698. — Л. 20.

⁷ СОГАСПИ. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 199. — Л. 16 об.

⁸ См.: СОГАСПИ. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 444. — Лл. 50—52; Д. 460. — Л. 289; Д. 698. Л. 7; Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. — Куйбышев, 1983. — С. 187.

Б.В.Петелин

Череповецкий государственный университет

ЕСТЬ ЛИ «ПРАВДА ИСТОРИИ»?

Телевизионная программа «Суд времени», регулярно шедшая в 2010 г. на 5 канале, вызвала много различных откликов, оценок и суждений. Значительной части российского общества оказались не безразличными дискуссии на исторические

темы как далекого, так и недавнего прошлого. Резонанс оказался столь внушительным, что появились надежды на корректировку нынешней политики с учетом нашей, прежде всего, советской истории. Однако каких-либо последствий, по словам одного из главных участников С.Кургиняна, ожидать не стоит, ибо «власть не интересуется крупными идеологическими событиями. Она их не создает, она на них не реагирует» (Литературная газета, № 2—3, 2011). Выходит, далеко не все желают знать правду о произошедшем, или она, эта «правда», их не устраивает.

Проблема — поисков «правды истории», нам видится в другом — в множатся попытках фальсификации истории, что, кстати, не в последнюю очередь обусловлено пресловутым рынком. Он закрепляет за историей, прежде всего, функцию развлечения публики. Серьезная научная литература явно не вписывается в систему «спроса и предложения». Поэтому отечественную историю продолжают трактовать с разных, нередко прямо противоположных позиций. Тематика передач «Суда времени» лишь подтвердила эту печальную закономерность. Так предлагалось обсудить, точнее, вынести вердикт: «Иван Грозный: кровавый тиран или выдающийся политический деятель?», «Распутин: жертва мифотворчества или разрушитель монархии?», «1941 год: сталинская система провалилась или выстояла?», «Плановая экономика: путь в тупик или эффективный механизм развития?», «Перестройка: выход из тупика или катастрофа?» и т.д., более 70-ти тем.

Что в данном случае будет «правдой истории»: Иван Грозный как тиран, или — выдающийся государственный деятель? Если отталкиваться от фильма «Царь» режиссера Павла Лунгина, то Грозный не более как «никчемная, параноидальная личность», которую с успехом изображает артист Петр Мамонов. Реальная история такова, что Ивану Грозному выпала нелегкая миссия расширить и укрепить наше государство, что он и выполнил. В столь жестокий век политик не мог не быть не жестоким. Но и в этом случае, казней на Руси было куда меньше, чем в европейских государствах.

Факты, конечно, можно выстроить под заданную направленность. На это можно привести высказывание члена-корреспондента РАН В.П.Козлова: «История все больше и больше становится похожей на игральные кости, где автор-сочинитель становится победителем, получив случайно наивысший или большой расклад»¹. Историческое сообщество в целом способно противостоять фальсификации, отделить полновесные зерна от плевел, хотя это сегодня может потребовать колоссальных усилий и затрат. Но при этом необходимо твердо стоять на научной методологии, отбросив постмодернистские концепции.

Разумеется, речь не идет о возрождении «школы Покровского». Историк должен оставаться творческой личностью. Да, он имеет дело уже с «свершившимся», и изменить его не в состоянии. Но даже тогда, когда требуется точное, номотетическое знание: «как это было на самом деле», историк не только

творит, по сути, на естественном языке свою историю, но и сам конструирует предмет своих «штудий» из тех «подробностей», которые и являются историей².

Можно посчитать, что исторический факт — это уже и есть «правда истории». Действительно, любое историческое событие сопряжено с массой различных фактов, позволяющих воссоздать целостную картину. Но какие факты следует знать? Для иллюстрации обратимся к навязанной свыше системе ЕГЭ. Требуют «указать, какое событие произошло раньше, чем другие», причем все они, например, относятся к 1918 г. Что дает знание данного факта? Или студенту (не историку) надо выбрать правильную дату принятия Петром I «Табеля о рангах». Куда лучше было бы, если бы этот студент раскрыл содержание и значение этого указа.

Что дает знание фактов, если нет знания сути событий, логики процесса? Мы не возражаем против того, что понимание исторической реальности не возможно без деталей, частных, подробностей. Но далеко не всегда из частей складывается целое полотно истории. Не случайно, наша и всемирная история подвержена сегодня разделению и раздроблению. Просматривается не только цель лишить народы «правды истории», но и истории вообще

Американский философ Дж.Толсон отмечал: «Релятивистская путаница проникает во все сферы нашей повседневности, от политики до частной жизни, однако проблема лежит глубже и, по сути, является философской: что мы вообще знаем и откуда мы знаем что бы то ни было? Вот ответ, с которым сейчас согласно большинство: всякое знание крайне субъективно, оно зависит от социальных и индивидуальных факторов и выражает наши возможности и желания...»³.

На это суждение есть что возразить. Но оно верно в том смысле, что путь к единственному, верному варианту знания вовсе не лежит на поверхности. В исторической науке «правда истории» может быть «сокрыта за семью печатями». Так, мы не можем восполнить утраченные в веках источники, или смысл многих дошедших трактуется, возможно, превратно. Но это вовсе не означает, что человечество в поисках истины блуждает по истории в потемках. Главное все же заключается в том, принимает ли это общество свою состоявшуюся уже историю, или намерено выбросить из нее неподходящие кому-то в данный момент ее страницы. К сожалению, в России последнее стало уже определенной практикой.

Примечания

¹ Козлов, В.П. От преодоления мифов истории к поискам реалий прошлого // Новая и новейшая история. — 2009. — № 1. — С. 3.

² Троицкий, Ю.Л. Что такое «правда Истории»? (Самопорождение смысла в историческом тексте) // Общественные науки и современность. — 2010. — № 1. — С. 106.

³ См.: Общественные науки и современность. — 2003. — № 6. — С. 98—90.

ПРИРОДНАЯ СРЕДА И ПОЯВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Государство — это системообразующая структура, имеющая особые полномочия. Появлением тех форм социальной организации, которые затем были названы государственными, заканчивается первобытность и начинается эпоха цивилизаций. Переход человечества к цивилизованности осуществлялся на протяжении 4-х тысячелетий. Начавшись в полосе от Северной Африки до тихоокеанских берегов Китая еще в III—II тыс. до н.э., он наиболее интенсивно происходил в I — начале II тыс. н.э., не завершившись кое-где и теперь. Основными причинами различий в темпах и особенностях перехода к государственности является географическое окружение — природная среда.

Многokrатно доказано тормозящее влияние экстремальных природных факторов: экваториальных и полярных. В обоих случаях и жара с буйной растительностью джунглей, и полярный холод заставляли проживавшие в этих условиях популяции все ресурсы тратить на борьбу за существование. Там же, где изначально географические условия были к людям максимально лояльны, как, например, в тихоокеанской Полинезии, где потребности для существования удовлетворялись минимальными усилиями, там общество не получало стимулов к совершенствованию и, следовательно, к развитию. В результате, на обоих полюсах: в условиях наиболее благоприятной и наиболее агрессивной природной среды человеческого сообщества без внешнего воздействия не выходили за рамки первобытности.

Более пригодной для прогресса оказалась полоса северного полушария Евразии между 42° северной широты и Северным тропиком. Там и сложились все древние цивилизации. Мягкий субтропический климат не требовал от населения значительных затрат на обогрев и позволял круглый год добывать продукты питания. Полноводные реки Нил, Тигр и Евфрат, Инд и Ганг, Янцзы и Хуанхэ обеспечивали необходимый для земледелия водный режим. Все это позволило древнейшим земледельцам указанных территорий уже в III—II тыс. до н.э. выйти на такой уровень обеспечения основных жизненных потребностей, который позволил им освободить от повседневного рутинного труда для организационно-управленческих функций своих лидеров. Из родовых и племенных верхов стала формироваться *знать*. Складывалось специфическое разделение труда: от основной массы населения отделялись правящие верхи. Происходило это там, где природные условия благоприятствовали не только успешному хозяйствованию, но и концентрации населения. Последняя на том этапе истории обеспечивала необходимые ресурсы как для хозяйственной деятельности — земледелия, строительного дела, в том числе ирригации, — так и для выполнения военных

и административных функций. При этом ирригация требовала концентрации больших масс людей на обширных территориях, что способствовало и политической консолидации.

Как видно, в основе прогресса лежала благоприятная географическая среда. Но она же в дальнейшем затормозила развитие, ибо по соседству с высокоразвитыми земледельческими цивилизациями располагались обширные степи, на просторах которых основным способом существования оставалось кочевое скотоводство, которое препятствовало созданию необходимой для хозяйственного и общественного прогресса концентрации населения [Колесник]. Потребности же в продуктах ремесла и земледелия кочевники восполняли набегами на земледельцев. Набеги эти были критично опасны для оседлого населения из-за его уязвимости. В отличие от не имевших стабильных баз кочевников, ресурсы оседлого населения отличались доступностью, а их защита требовала существенных затрат на сооружение укреплений. Еще более значительные расходы вызывала необходимость восстановления разрушаемого кочевниками. Особенно это относится к ирригационной системе.

В итоге ирригация и успешная защита от нападений требовали объединения и оказывались под силу лишь тем обществам, в которых формировалась сильная централизованная власть. Консолидация ресурсов подчиняла малые хозяйства общей дисциплине. В таких условиях не только труд организовывался внешними силами — верховной властью, но и источник существования — земля — оказывалась под ее контролем. Поскольку же, как отмечалось, эта власть должна была быть централизованной — возникали монархии. А так как правители оказывались фактическими хозяевами основного жизненного ресурса — земли, они превращались в неограниченных властителей — деспотов.

И лишь западная часть субтропической полосы — Восточное Средиземноморье — имела существенные географические отличия. Она и стала колыбелью античной цивилизации, сформировавшейся на иных хозяйственных и организационно-политических принципах. Рельеф, изрезанное удобными бухтами побережье способствовали поликультурному хозяйству. Недостаток земель для производства зерна стимулировал мореходство и ремесла, а через них — развитый рынок с денежным обращением. Мелкоконтурность земельных угодий, отсутствие потребности в ирригации и опасных соседей-кочевников не создавали стремления у древних греков к консолидации и созданию деспотий. Наоборот, обилие неземледельческого населения с независимыми от земли источниками доходов породили государственную организацию, основанную частных правах, что и создало демократию [Риер].

Природоведы обратили внимание и на роль климата в становлении и развитии древних цивилизаций [Клименко]. Влияние погодных трендов несомненно. Но, представляется, оно вторично и налагалось на общие географические условия, определявшие ранние формы государственности в виде деспотий или демократий.

Литература

1. Клименко, В.В. Высокие культуры: климат и история // Восток. — 1998. — № 4.
2. Колесник, В.И. Экономические возможности кочевых обществ // Вопросы истории. — 2007. — № 4.
3. Риер, Я.Г. Цивилизации средневековой Европы // Вестник Европы. — 2006. — Тт. XIX—XX. — С. 166—168.

Н.А. Сайнаков

Томский государственный университет

ЦАРЬ ИВАН ГРОЗНЫЙ КАК МАРГИНАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ

Современное словоупотребление понятия «маргинал» обозначает в качестве таковых, либо представителей социальных низов общества, таких как бомжи и нищие, либо людей, находящихся на границе социальных страт и культурных миров, например иммигрантов, безработных и т.п.¹ Но, стоит только перейти к более глубокому изучению вопроса и заговорить о «маргинальной личности», как становится ясно, что понятие маргинальность не может опрокидываться на одних только отверженных. Выделение личностных черт маргиналов позволяет говорить о них даже применительно к представителям высших социальных страт, типологизировать подобные явления. И, тем не менее, и для профессионального историка, и для обывателя, словосочетание «царь-маргинал», звучит дико, вызываяще и некомпетентно².

Но резон для такого означивания действительно есть. Цари и иного типа лидеры, уже в силу своего статуса, не могут вполне социализоваться в рамках какой-либо социальной группы. Даже в среде своих родственников и «коллег по цеху» они вынуждены придерживаться скорее политики соперничества, чем солидарности. Отчасти роль психологического стабилизатора выполняет образ «типичного правителя» такого-то сообщества. Образ может иметь традиционную или прецедентную подоплеку. Например, сыновья Писистрата в Афинах, или потомки Козимо Медичи во Флоренции, правили, опираясь на прецедент правления их родственника, нарушившего законный порядок, а английские короли в качестве образца использовали образ Эдуарда Исповедника или иного славного предка, который этот самый порядок олицетворял.

Однако, узурпаторы, и иные нарушители традиций среди правителей, неизбежно сталкивались с сопротивлением. Такое сопротивление не обязательно носит политический характер. Оно может выражаться в противодействии реформам, защите традиционных нравственных образцов и социальных норм. Совершенно не случайна эволюция понятия «тиран» в Греции, от нейтрального к строго негативному. Таким образом, даже среди таких нестандартных, в силу

статуса, фигур, как правители, встречаются те, которые не вписываются в представления общности о «нормальном» правителе, и сами не чувствуют себя таковыми. Обозначение того или иного правителя как «маргинала», позволяет несколько иначе взглянуть на мотивацию и формы его поведения, а значит, лучше понять происшедшее.

Чем же «ненормален» Иван Грозный? Формально он никак не подходит на роль маргинала. Власть его была абсолютно легитимна, никем не оспаривалась и не ставилась под сомнение. В то же время, широко известна ситуация, которая сложилась вокруг трона, когда Иван осиротел. Возможно, что именно боярское правление повлияло на то, что Иван, став царем, не хотел исполнять свои обязанности³. Период, когда у власти оказалась так называемая «Избранная рада», оказался успешным для страны, и, казалось, что царь и общество пребывают в гармонии. Опричнина перечеркнула эту иллюзию. Какие бы мотивы и задачи не приписывались опричному режиму, реальностью стало непонимание подданными поведения царя. Дело в том, что легитимация власти правителя Московского царства строилась не только на идее наследственности, но и на образе «христианского государя», который, применительно к Ивану IV, предполагал, кроме формального благочестия, еще и очень высокие требования нравственного характера⁴. Царь этим требованиям совершенно не соответствовал. По сути, он противопоставил себя не только массе подданных, но и своему ближайшему окружению, провозглашая свое исключительное право вести безнравственный образ жизни, проводить политику неограниченного и ничем необусловленного террора.

Неприятие населением опричнины, пассивное, но упорное сопротивление навязываемому Грозным образу «безнравственного, но богом избранного правителя», предопределило формирование «спутанной», по терминологии Э.Эриксона⁵, идентичности царя. Другими словами, Иван Грозный до конца жизни оставался фигурой маргинальной как в глазах подданных, так и по собственному мироощущению.

Основными личностными чертами маргинала, по Э.Стоунквисту⁶, являются: эгоцентричность, честолюбие и агрессивность, беспокойство, тревожность, внутреннее напряжение, изолированность, отчужденность, непричастность, стесненность, разочарованность, отчаяние, разрушение «жизненной организации», психическая дезорганизация, бессмысленность существования⁷. Большая часть этих характеристик может быть отнесена и к Ивану Грозному.

Если взглянуть на первое русское царя как на маргинала, то мы можем интерпретировать многие его действия не как строго политические, а как акты, мотивированные психологическим грузом, который на него давил. Разумеется, маргинальное поведение царя, например, при участии в «потехах» опричного монастыря, облекалось в формы и образы культуры того времени⁸. Но, это не значит, что они были обусловлены глубокой религиозностью Ивана, как доказывает, например, А.Юрганов⁹.

Применение понятия маргинальности, как нам кажется, может помочь более изящно объяснить поведение «странных» государей, чем объявление их сумасшедшими, или приписывание им изощренных религиозных и политических взглядов.

Примечания

¹ Например, известный специалист по средневековой России, С.О.Шмидт, в 2005 г. в частном разговоре отрицал саму возможность того, что царь может быть маргиналом.

² Маргинальность в современной России. Коллективная монография. Серия «Научные доклады». № 121. — М., 2000. — С. 10.

³ Сайнаков, Н.А. Личность царя в контексте опричного времени: историографические и методологические аспекты исследования. Дисс... канд. ист. наук. — Томск, 2005. — С. 76

⁴ Там же. — С. 58—59

⁵ Эрикссон, Э. Идентичность: юность и кризис. — М., 1996.

⁶ Stonequist, E.V. The Marginal Man. A Study in personality and culture conflict. — New York: Russel & Russel, 1961.

⁷ Маргинальность в современной России. — С. 12.

⁸ О связи смеховой культуры и маргинальности см.: Сайнаков, Н.А. Общекультурологическая концепция смеха и исторический анализ маргинальности (по материалам медиевистики) // Методологические и историографические вопросы исторической науки: Сб. статей / Отв. ред. Б.Г.Могильницкий. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. — Вып. 26. — С. 101—113.

⁹ Юрганов, А.Л. Категории русской средневековой культуры. — М., 1998. — С. 378, 400.

Л.Д.Седова

Томский государственный университет

ПРОБЛЕМА УПОТРЕБЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ДИАЛОГ» В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ (НА ПРИМЕРЕ ИУДЕО-ХРИСТИАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ)

Диалог относится к тем особым социокультурным явлениям, которые, занимая огромное место в жизни человека, будучи обсуждаемыми в специальной литературе и на практическом уровне, еще недостаточно четко осмыслены в своих сущностных и содержательных характеристиках. В самых общих фразах диалог можно определить как разговор, спор, обмен мыслями между двумя или несколькими индивидами, что не может служить сколько-нибудь точным объяснением. Понятие «диалога» употребляется в широком контексте: общение человека с человеком, взаимодействие культуры с культурой, общение с «текстом» и через него со всем миром бытия¹, общение с самим собой, со своей мыслью в

мыслях, как логика мышления — диалогика². При таком широком понимании диалога вырисовывается проблема его определения на конкретном историческом материале. Цель данной работы — на примере иудео-христианских отношений показать сложность использования понятия «диалог».

Зачастую, изучая историю взаимоотношений евреев и христиан, создается впечатление постоянного состояния вражды между ними. Действительно, в иудео-христианских отношениях доминировала форма «полемики» или «дискуссии», подразумевавшая теологические дебаты об истинной вере между двумя религиями — иудаизмом и христианством. Как пример можно привести полемические сочинения или публичные диспуты, нацеленные на доказательство несостоятельности одной религии перед лицом другой. Между тем, ближе к новому времени, в интеллектуальной среде Западной Европы между отдельными христианами и иудеями налаживаются качественно иные отношения, которые некоторые исследователи определяют как диалог³. С XV в. христианские ученые переходят к систематическому изучению иврита и все более интересуются еврейской литературой, т.к. появилась необходимость сверять латинскую версию Библии с еврейским подлинником. Изучались и переводились на европейские языки трактаты по грамматике, комментарии к Библии, каббалистические труды и книги по религиозному законодательству. Евреи преподавали христианским ученым иврит, еврейскую литературу, переводили тексты, доставали и одалживали книги. Пиком этого взаимодействия стало появление христианской каббалы — мистического учения, возникшего изначально в рамках иудаизма. Можно ли данное взаимодействие назвать диалогом?

Диалог — информативное и экзистенциальное взаимодействие между коммуницирующими сторонами, посредством которого происходит понимание⁴. Ключевое слово в этом определении — «понимание». По каким критериям можно судить о возникновении понимания? Очевидно, под пониманием имеется в виду не сведение двух разных мнений в одно, а создание на их основе нового смысла. Примерно об этом пишет Г.Гадамер: «Разговором для нас будет нечто такое, что потом оставит в нас какой-то след... Разговор, если он удался, оставляет что-то нам, он оставляет что-то в нас, и это «что-то» изменяет нас»⁵. В рассматриваемой нами теме, этим «следом» может являться христианская каббала, которая трансформировалась от чисто еврейского явления к европейской культуре, совместившись с христианской теологией, философией, наукой, магией и теургией. С тех пор каббала существует в двух концепциях: как иудейское учение и как компонент христианской культуры.

Это было одно из измерений диалога, которое можно обозначить как результат взаимодействия, т.е. возникновение некоего нового смысла. Диалог — это всегда процесс со-творчества. Другая немаловажная сторона диалога — это специфическая активность его субъектов, восприятие своего собеседника как другого, попытка помыслить как другой, то, что М.М.Бахтин охарактеризовал как вненаходимость. Необходимо вживание в другого, «отнесение пережитого к

другому... и возвращение в себя, на свое место», где мы «оформляем и завершаем материал вживания»⁶. Такова сложная процедура диалога по М.М.Бахтину, без которой в его логике невозможно бытие Я. «Быть — значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, все кончается... Два голоса — минимум жизни, минимум бытия»⁷. Однако такое во многом философское понятие диалога очень сложно применимо к конкретной исторической реальности. Подобный диалог происходит внутри Я и скрыт от посторонних глаз исследователя, который может только догадываться о возможности такового. К примеру, яркая фигура Пико делла Мирандолы, который стремился охватить все самое ценное из духовного опыта народов мира, изучая священные тексты, древние языки и мистические учения. Кстати, он же стоял и у истоков христианской каббалы. Его «900 тезисов по диалектике, морали, физике, математике для публичного обсуждения» содержат переработанные идеи христианства, каббалы, неоплатоников, магии и др. Но едва ли мы можем отследить процедуру диалога в этом.

Таким образом, выделение понятия диалога в исторической работе, ставит перед ее автором ряд трудностей, завязанных на общей проблеме выделения качественных характеристик диалога. Кроме того, тема диалога активно разрабатывается в рамках философии, но далеко не всегда может быть применима в историческом исследовании. Все это заставляет осторожно и более тщательно выбирать понятия при описании исторической действительности.

Примечания

¹ См.: Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. — М., 1979.

² См.: Библер, В.С. От наукоучения к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. — М., 1991.

³ Евреи и христиане. Полемика и взаимовлияние культур. — Кн. 4. — Ч. 6. — Тель-Авив. — С. 71—72.

⁴ Новейший философский словарь. Постмодернизм. — Минск, 2007.

⁵ Гадамер, Г. Актуальность прекрасного. — М., 1991. — С. 87.

⁶ Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. — М., 1979. — С. 24—26.

⁷ Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского. — М., 1972. — С. 434.

В.В.Суворов

Саратовский государственный технический университет

КНЯЗЬ Э.Э.УХТОМСКИЙ О ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ЗНАНИЙ О ВОСТОКЕ

В конце XIX в российской внешней политике и дипломатии, а также в интеллектуальной и духовной жизни наметился поворот к Востоку. Одним из выражений этого поворота стало появление «восточничества», идейной основой которого

было расширение исключительно мирным путем влияния России на Востоке за счет культурно-исторической близости России и Азиатских государств и авторитета российского самодержавия у восточных народов. Главным идеологом этого направления был публицист, редактор-издатель «Санкт-Петербургских ведомостей», приближенный к Николаю II князь Эспер Эсперович Ухтомский. Кроме общественной и государственной деятельности Ухтомский, проявил себя и как этнограф и востоковед, в центре внимания которого были буддизм и буддистская культура. К началу XX века отечественное востоковедение имело заметные успехи, однако, однако многие вопросы оставались не изученными, а для широкой общественности информация была недоступна, либо не воспринималась ей.

Ухтомский в своих работах поднимал вопрос о важности изучения этнографии восточных народов, входящих в состав Российской империи, главным образом бурят и калмыков, указывая на тесную связь культур этих народов с древнейшими цивилизациями Центральной Азии. Высоко оценивая вклад в этнографию таких этнографов, как Н.Н.Миклухо-Маклай, Э.Э.Ухтомский с горечью отмечал, что русские ученые недостаточно занимаются изучением культуры народов российских окраин: «...скоро, пожалуй к стыду нашему, за наглядными сведениями об... инородцах русских окраин придется обращаться за границу»¹, так как «иностранцы путешественники, изучающие наш Восток, несравненно прилежнее, а иногда и осмысленнее чем мы сами, коллекционируют все, что наиболее достойно внимания»².

Осознавая недостаточную осведомленность в российском образованном обществе, Ухтомский постоянно писал о необходимости популяризации исторических знаний о Востоке: «История Сибири до сих пор не написана. Русский народ столь медленно приходит к самосознанию, что почти никому еще не ясна картина нашего коренного единства и последовательного слияния с Востоком»³. В письме к Николаю II в 1895 г. он просил о предоставлении возможности представить «план деятельной популяризации в русском обществе исторических начал востоковедения, ... которые иначе совсем не проникают в сознание высших столичных сфер...»⁴. Этот вопрос также и позднее неоднократно поднимался в письмах к Николаю II: «За границей я имел ныне случай очень близко ознакомиться с постановкой дела азиатской этнографии в тамошних музеях и горячо желал бы, указав на нашу косность в этой области, сжато начертать некоторые соображения, как этому помочь» (2 мая 1900 г.). Развитие знаний о традициях и культуре восточных народов Российской империи должно было также, по мнению Ухтомского, способствовать достижению религиозной и национальной терпимости. Однако, по словам князя, «история наших отношений к Азии и к инородцам... еще не написана и нам самим известна (в осмысленно-правдивом освещении) гораздо меньше прошлого иностранных государств»⁶.

Идея исторической и культурной близости России и Востока очевидная для Ухтомского, была непонятна и неприемлема для широкой общественности.

Кроме незнания этнографии народов российского востока и неуважения к их культуре существовала проблема неосведомленности о Востоке в целом, непонимания российской элитой процессов происходящих в Азии и российских интересов в ней, что очень тревожило Ухтомского. Хотя он и отмечает, что Индия и Восток в целом вызывают «в нас все больший и больший, как бы инстинктивный интерес»⁷, однако «мы и сами пока (как народ и государство) недостаточно понимаем их значения и своих проистекающих от этого обязанностей по отношению к вопросам внутренней и внешней политики на полуневедомых окраинах»⁸. Поэтому, одной из важнейших проблем России является то, что она постоянно упускает свои возможности в Азии: «мы оставались дома с традиционной беспечностью и могучей ленью, пока Тихий океан становился аренной западноевропейского натиска на туземцев»⁹.

Неосведомленность в обществе о Востоке и неясность задач в этом регионе наносили, по мнению Ухтомского, непоправимый урон политике России в Азии: «В результате, Азия страдает, поняв, что между нею и Европой — глубочайшая бездна, тогда как между нашим полным творчества хаоса и ей (этой Азией) нет препон, ибо ее предопределенный покровитель и главарь — несторианская Россия, а между тем, параллельно с ростом и усилением России — мы — от прогрессирующей безличности и некультурности нашего живущего миражами интеллигентского слоя — теряем политическое чутье в восточных делах»¹⁰. На страницах «Санкт-Петербургских ведомостей», издаваемых Ухтомским, в статьях многих авторов также поднимался вопрос о незнании русскими о Востоке и непонимании восточных народов, а многочисленные публикации в газете на эту тему были призваны восполнить существовавшие пробелы.

Таким образом, на необходимости расширения знаний о Востоке Ухтомский неоднократно заострял свое внимание, так как значительная часть Российской империи была в Азии и, по его мнению, необходимо было распространять знания о народах и культурах входящих в состав государства, что было важно для организации внутренней жизни империи, особенно в связи с национальным вопросом. Кроме этого знание о Востоке должно было служить для понимания тех исторических задач, которые, по мнению Ухтомского, стояли перед Россией в Азии.

Примечания

¹ Ухтомский, Э.Э. От Калмыцкой степи до Бухары. — СПб., 1891. — С. 91.

² Там же. — С. 93.

³ Ухтомский, Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890—1891. — Лейпциг, 1895. — Т. II. — Ч. 4. — С. 213.

⁴ ГАРФ. — Ф. 601. — Оп. 1. — Д. 1370. — Л. 22.

⁵ РГИА. — Ф. 1072. — Оп. 2. — Д. 6. — Л. 7.

⁶ Ухтомский, Э.Э. К событиям в Китае. Об отношении Запада и Востока к России. — СПб., 1900. — С. 10.

⁷ Ухтомский, Э.Э. Путешествие на Восток. — Т. II. — Ч. 3. — С. 3.

⁸ Там же. — С. 37.

⁹ Там же. — С. 214.

¹⁰ Там же. — 1897. — Т. III. — Ч. 5. — С. LVIII.

А.В.Сушко

*Военный учебно-научный центр Сухопутных войск
«Общевойсковая академия» Вооруженных Сил
Российской Федерации (филиал, г.Омск)*

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX СТОЛЕТИЯ

Современная историческая наука развивается в условиях методологического многообразия. Соответственно важнейшим принципом исторического исследования стал «методологический синтез», который позволяет применять в историческом исследовании подходы и теории других гуманитарных наук. В 90-е гг. XX в. в отечественной науке появилось множество приверженцев у модернизационного аспекта цивилизационного подхода к истории России. В этой связи, автору кажется уместным высказать свой взгляд на данную проблему, принимая во внимания полиэтнический и поликонфессиональный характер Российской цивилизации. Цель работы — обосновать принципиальную совместимость «на поле российской истории первой четверти XX столетия» цивилизационного и модернизационного подходов, показав, что специфика цивилизационного развития России определяет особенности ее модернизации.

В рамках цивилизационного подхода Россия рассматривается как многонациональная цивилизация — исторически сложившееся сообщество народов, с объективно присущими ему этноинтегрирующими факторами и конфликтогенными противоречиями. Это сообщество обладает собственной оригинальной государственной организацией, которая впитала опыт и традиции государственности присоединенных народов. Не менее важным для интеграции народов оказались прогрессирующие экономические взаимосвязи и взаимовлияния, а также культурное взаимодействие¹.

Цивилизационный подход позволяет рассматривать историю России как целостное явление со своей спецификой во внутреннем развитии. Однако оно происходит не изолированно, а с учетом вызова мировой ситуации. Это нужно учитывать при анализе состояния страны в первой четверти XX века. В тот период своего исторического развития российская цивилизация переживала системную модернизацию всех сфер общественной жизни.

Под модернизацией в современной науке понимается всеобъемлющий процесс инновационных мероприятий при переходе от традиционного к современному обществу, который, в свою очередь, может быть представлен как совокупность процессов: структурной и функциональной дифференциации общества, индустриализации, урбанизации, бюрократизации, профессионализации, рационализации, становление современных мотивационных механизмов и т.д.² Все современные исследователи признают, что модернизационный процесс включает в себя формирование новых социокультурных, политических и социально-экономических институтов и механизмов, позволяющих использовать новые технологии для решения задач общественного развития³.

В гуманитарных науках сложилось представление о том, что понятие модернизации правомерно либо полностью, либо частично отождествлять с вестернизацией. В.Н.Шевелев, например, так пишет о модернизации: «Любая модернизация, кроме собственно западной, неизбежно будет «догоняющей» в силу того, что во-первых, хронологически она будет следовать позже, а во-вторых, что предпринимается она, как правило, в поисках адекватного ответа на предъявляемый самим существованием модернизированного Запада вызов... В той или иной степени любая модернизация может быть названа вестернизацией, поскольку внедряемые технологические нововведения, организационные формы и стереотипы социального действия порождены западной цивилизацией, хотя и сформируются — и зачастую весьма радикально — в процессе переноса на иной культурно-цивилизационный фундамент»⁴.

На наш взгляд, общим для российской и западной цивилизаций являлся технологический аспект модернизации, выразившийся в бурном индустриальном развитии. При этом методологически важное значение имеет тезис о том, что модернизацию России начала XX столетия принципиально некорректно отождествлять с вестернизацией. Понимая модернизацию как осовременивание основных сфер общественной жизни в ответ на вызов, исходивший со стороны индустриально развитой западной цивилизации, подчеркнем, что в ходе революций и Гражданской войны страна искала собственные цивилизационные формы ответа на вызов Запада. Эти формы были альтернативными по отношению к западному устройству общества, и, вне всякого сомнения, они были найдены. Выдающийся английский историк А.Тойнби о модернизации в Советской России писал: «Коммунистическая Россия была, пожалуй, первой незападной страной, признавшей возможность полного отделения сферы промышленного производства, от западной культуры, заменяя ее эффективной социальной идеологией»⁵.

Приведем пример. В результате модернизации на Западе происходило включение широких масс населения в политический процесс, строилось общество, основанное на либеральных ценностях. В западной цивилизации изживалось понятие «национальности», основанной на этнической идентичности. Руководствуясь «правом наций на самоопределение» (под нацией понималась

гражданская общность), Запад строил общество индивидов и социальных групп, придя впоследствии к идее поликультурности. В результате модернизации в России, сопровождавшейся революциями и Гражданской войной, был найден собственный цивилизационный рецепт включения масс в политические процессы. В Советской России была построена достаточно стройная структура советских органов власти, а в основу «права наций на самоопределения» была положена этническая идентичность, основанная на многовековых культурных традициях. Это позволило в условиях успешного становления индустриального общества сберечь народности России, включить их в советскую систему, сохраняя этническое своеобразие. В результате в недавнем прошлом «отсталые инородцы» стали полноправными советскими гражданами, выйдя на качественно новый уровень культурного развития и социально-экономических условий жизни.

Таким образом, в первой четверти XX столетия специфика цивилизационного развития России определяла особенности ее модернизации. Модернизации Российской цивилизации по своей сущности не была вестернизацией, страна искала собственный рецепт осовременивания всех сфер общественной жизни.

Примечания

¹ Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия / Отв. ред. В.В.Трепавлов; Ин-т рос. истории. — М.: Наука, 2003. — С. 372.

² Опыт российских модернизаций. XVIII—XX века. — М.: Наука, 2000. — С. 3.

³ Российская модернизация: проблемы и перспективы (материалы круглого стола) // Вопросы философии. — 1993. — № 7. С. 3—39.

⁴ Шевелев, В.Н. Российская модернизация в контексте опыта XX столетия // Социально-гуманитарное знание. — 2005. — №4. — С. 42.

⁵ Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. — М.: Айрис-пресс, 2003. — С. 51.

А.В.Трофимов

Уральский государственный экономический университет

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА СССР (1945—1991 гг.) В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Два десятилетия назад прекратил свое существование Советский Союз. К настоящему времени сложилось нескольких историографических направлений (традиций), в русле которых происходит осмысление его исторического опыта.

Советская историография послевоенной истории СССР складывалась непосредственно в ходе описания и рефлексии на происходившие события и как проекция теоретических представлений на практику социального строительства нового мира. Реперными точками для исторического анализа служили решения

съездов коммунистической партии, высшего партийно-государственного руководства. В такой ситуации сложилась периодизация на основе политико-идеологических конструкций: «завершение строительства социализма», «полная и окончательная победа социализма», «переход к коммунизму», «развитой социализм». Эти теоретические концепты, имели для времени их создания вполне ясный смысл и значение — они свидетельствовали, подтверждали, легитимизировали советский исторический опыт и фиксировали успешность его распространения в рамках мировой системы социализма.

Во второй половине 1980-х гг. началась ревизия традиционной периодизации послевоенной советской истории, в научный оборот входит понятие «административно-командная система управления». В историческом дискурсе появляются понятия «механизм торможения», «застой», при помощи которых объясняются причины снижения динамизма развития советского общества в 1970-е — 1980-е гг.

С распадом СССР в поисках концептуальной модели, объясняющей завершение советского периода истории, предпочтение значительной части исследователей отдается тоталитарным концепциям. Создается массив литературы, посвященный вычлениению характерных черт советского варианта тоталитаризма.

Появление еще одного историографического направления, по сути, являлось ответом на запрос о необходимости вписать историю СССР в контекст мировых процессов, происходивших в XX веке. Это удалось сделать в русле модернизационных теорий и концепций. В поле их интеллектуального притяжения выстраиваются объяснения сущности советского исторического опыта как одной из субцивилизаций в истории России, одного из возможных незападных вариантов перехода от традиционного к современному обществу.

Разнообразие суждений, трактовок, интерпретаций, исследовательских подходов к цивилизационному, социокультурному феномену СССР и его «следам» («пережиткам социализма») в политике, экономике, сознании ныне живущих поколений затрудняет, и в то же время создает условия для поиска и формулирования неких оснований для историографического синтеза. Ситуация научного плюрализма может рассматриваться одновременно с позиции слабости гуманитарного знания при объяснении столь масштабных и противоречивых феноменов как СССР, и как вполне естественная для ситуации общей неопределенности, в которую вступило человечество в последние десятилетия XX-начале XXI веков своей истории.

Отметим, что в современной историографии дискуссионный потенциал противопоставления концептуальных позиций (наиболее яркий пример отношение к сталинскому периоду и к роли самого И.В.Сталина) реализован достаточно эффективно. Тогда как возможности интеграции научного знания, отход от абсолютизации и стремления к победе одной концепции в пользу снятия «сливок» от каждой историографической традиции для достижения консенсусного взгляда на советское прошлое является сегодня важнейшим условием сохранения

устойчивости, целостности российского социума. В данном контексте понятно некоторое охлаждение исследовательского интереса к макротеоретическим построениям в пользу микроистории. Не следует только противопоставлять два этих подхода к осмыслению и пониманию истории. История, как говорил известный французский историк М.Блок, походит на киноленту, глупо смотреть ее последние кадры, не увидев первые и последующие. Но стоит помнить и том, что любой фильм снимается человеком, или группой людей, отражающих при помощи камеры свое мировосприятие. В настоящее время для профессиональных исследователей существует «открытое окно возможностей» получения уникальных знаний у живущих ныне нескольких поколений, часть жизни проживших в СССР, что актуализирует занятие биографической историей.

В плане поиска уроков и смыслов отечественной истории и лучшего понимания современных проблем и задач, как и способности их решения, в условиях быстро меняющегося мира, вполне уместным и своевременным представляется обращение к историческому опыту второй половины XX столетия. При этом постановка задачи проведения историографического синтеза для поиска и формулирования некоей консенсусной модели восприятия и признания в качестве идентификационной может казаться в равной мере реальной и недостижимой. Но это, скорее характеристика современного состояния общества, для которого стремление к самоидентификации и исторической истине подменяется поиском имитационных моделей, симулякров, заменителей смысла, и обусловлено не стремлением к поиску консенсуса в смысле общественно-значимых оценок и их интенций и коннотаций. Тогда как в исторической перспективе следует признать, что только наличие **общей** истории в ее смысловом содержании и ценностном понимании содействует осознанию себя обществом, народом, нацией и действительно востребует объединяющую **версию недавнего общего прошлого**.

М.З.Хабидуллин

АН Республики Татарстан, Институт Татарской энциклопедии

ВКЛАД П.К.ЖУЗЕ В ИЗУЧЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА И ИСЛАМА В КАЗАНИ В КОНЦЕ XIX — СЕРЕДИНЫ XX вв.

Биография Пантелеймона Крестовича Жузе (1870—1942 гг.), яркого представителя российского востоковедения, исламоведа, арабиста, педагога, общественного деятеля, представляет большой интерес для изучения процессов, происходивших в казанском и бакинском востоковедении в первой половине XX века, научной и образовательной деятельности высших учебных заведений Казани и Баку, культурных и общественных движениях Азербайджана и Палестины,

в истории палестинского и российского народов. Жизнь и деятельность П.К.Жузе была неразрывно связана с двумя государствами — Россией и Палестиной, поэтому на формирование личности Жузе оказывала влияние общественно-политическая и религиозная обстановка в обоих государствах.

События мировой истории первой половины XX столетия имели беспрецедентные последствия для развития всего человечества. Первая мировая война, эпоха революционных потрясений, падение могущественных империй (в том числе Российской и Османской), проникновение марксизма в государственную идеологию России, установление тоталитарных режимов в ряде европейских государств — все эти события определили переломность эпохи, оказали решающее влияние на дальнейший ход исторического развития России и Палестины. В эту переломную эпоху в истории двух государств жил и работал востоковед.

Большую роль в становлении мировоззрения ученого сыграла та окружающая обстановка, в которой родился, и вырос Пантелеймон Жузе. Овладение еще в детстве азами русского языка способствовало появлению интереса к России, ее жизни и культуре. Атмосфера неоднородного в национальном и религиозном отношении Иерусалима — с одной стороны, и православно-христианские взгляды его семьи и полученное духовное христианское образование — с другой, также определили жизненные ориентиры и интересы будущего востоковеда. Сосуществование ислама и христианства на Ближнем Востоке пробудило у него интерес к изучению религии мусульман. Именно этот интерес и привел Жузе в Казань, в город, где ученый прожил два десятилетия своей жизни. Православный христианин, Жузе стал профессионально изучать ислам, на первоначальном этапе своей научной деятельности — в связи с миссионерскими задачами, являвшимися в Казанской духовной академии неотъемлемой частью исламоведческих исследований.

Окончив Казанскую духовную академию, Жузе остается в ней в качестве преподавателя арабского языка, впоследствии совмещая эту должность с лекторством французского языка. В Казанской духовной академии, которая стала для выходца из Палестины местом службы на двадцать лет, Жузе сформировался как яркий исламовед и специалист по истории ближневосточных православных церквей. Именно здесь Жузе смог раскрыться, зарекомендовать себя как серьезный ученый, создать себе имя, которое было известно в научных кругах не только Казани и Санкт-Петербурга, но и Палестины, и на Ближнем Востоке, куда ученый, благодаря содействию руководства академии совершил несколько научных командировок. В академии Жузе проявил себя как опытный педагог, опубликовал в издаваемом при ней «Православном Собеседнике» ряд научных статей и очерков по исламоведению, истории христианства на Ближнем Востоке. Изучение истории ближневосточного христианства находилось в неразрывной связи с поддержкой национально-церковного движения в

ближневосточных православных церквях, участники которого добивались права иметь высших церковных иерархов арабского происхождения.

Работая в Казанской духовной академии, Жузе не мог находиться в стороне от проводимой в Поволжье миссионерской политики РПЦ. Участник Миссионерского съезда в Казани, автор записки-проекта в Предсоборное Присутствие об издании первого в России миссионерско-научного исламоведческого журнала, основным методом миссионерской политики Жузе видел христианское просвещение, а не апологетические беседы с мусульманами. Стремясь к повышению уровня миссионерского образования, он предлагал реорганизовать Казанские миссионерские курсы и основать национальные духовные семинарии. По проекту Жузе, миссионерские курсы должны были стать независимым от Казанской духовной академии среднеспециальным учебным заведением, а открытие нескольких национальных духовных семинарий для нерусских народов Поволжья и Сибири должно было уберечь их воспитанников от нравственного разложения, которое было характерно для многих семинарий России. Для эффективности миссионерского дела признавал необходимым издание нескольких миссионерских периодических изданий на местных нерусских языках, а также открытие печатных органов в Каире и Константинополе.

Миссионерское исламоведение определило специфику работ востоковеда на первоначальном этапе его научной деятельности и в методологическом плане обусловило появление работ, в которых исламовед противопоставлял исламу христианство как истинную и совершенную религию. Ислам получает у Жузе оценку как учение, сформировавшееся в Аравии благодаря деятельности Мухаммада, которого ученый представлял как компилятора идей, изложенных в иудаизме и христианстве. Невысокая оценка ислама как религии тем не менее позволила Жузе создать первую в российской историографии работу по истории мутазилитского движения.

П.К.Жузе предстает перед нами, прежде всего, как арабист, так как подавляющее большинство его работ по различным отраслям востоковедения затрагивали проблемы, связанные с историей, культурой, и религией именно арабского народа. Так, исследуя ислам, Жузе касался главным образом его истории у арабов, не выходя за территориальные рамки Арабского Халифата. Изучая христианство, Жузе затрагивал в основном проблемы Иерусалимской и Антиохийской церквей, основу паствы которых составляли арабы. История Азербайджана и Закавказья рассматривалась Жузе в большинстве случаев в контексте изучения влияния арабов на народы, населяющие данные территории. Объектом филологических исследований ученого был арабский язык. Таким образом, П.К.Жузе можно смело отнести к ведущим российским арабистам последней четверти XIX — первой половины XX вв.

МЕТАФОРА КАК СПОСОБ ПЕРЕДАЧИ МИСТИЧЕСКОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Практически во всех традиционных культурах можно встретить рефлексия по поводу невыразимости мистического опыта: «Дао, выраженное словами — не есть истинное Дао», «благородное молчание» Будды. Тот факт, что мистическое знание открывается только «внутреннему взору» мог породить скептическое отношение к его достоверности. Порой встречается даже нескрываемая ирония: «Однажды Чжуанцзы приснилось, что он — бабочка, весело порхающий мотылек. Он наслаждался от души и не осознавал, что он Чжуанцзы. Но, вдруг проснулся, очень удивился тому, что он — Чжуанцзы и не мог понять: снилось ли Чжуанцзы, что он — бабочка, или бабочке снится, что она — Чжуанцзы?!»¹.

Почему в таком случае мистик принимает за истинное то знание, что обретается им в состоянии транса? С точки зрения классической психологии, человек в измененном состоянии сознания видит как реальные различного рода образы, являющиеся всего на всего отражением его собственного же внутреннего мира. То же самое можно сказать и о человеке находящемся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

Можно предположить, что сила и глубина мистического опыта столь велики, что любые сомнения в его достоверности отпадают сами собой. Правда опыт этот рано или поздно заканчивается. Визионер возвращается в нормальное состояние и уже из его рефлексии по поводу пережитого рождается мистическая философия.

В этой философии практически повсеместно появляется утверждение о некоем невыразимом тождестве между индивидуальной человеческой душой и Абсолютом:

Так откажись от внешнего, умри
Для суеты и оживи внутри,
Уняв смятенье, сам в себе открой
Незамутненный внутренний покой
И в роднике извечной чистоты
С самим собой соединишься ты.

О наконец-то мне постичь дано:
Вещающий и слышащий — одно!
Перед собой склонялся я в мольбе,
Прислушивался молча сам к себе.

Да упадет завеса с глаз моих!
Пусть будет плоть прозрачна, голос тих,
Чтоб вечное расслышать и взглянуть
В самую исчезающую суть
Священную основу всех сердец,
Где я — творение, и я — Творец².

Помимо идеи тождества между индивидуальной душой и Абсолютным Началом во многих мистических традициях, прежде всего в тех, где нет полного отождествления души и Абсолюта, прослеживается идея «любовного» общения между ними:

Чтоб охмелеть, не надо мне вина —
Я напоен сверканьем до пьяна.

Любовь моя, я лишь тобою пьян,
Весь мир расплылся, спрятался в туман,

Я сам исчез, и только ты одна,
Моим глазам, глядящим внутрь, видна.

Так полный солнцем кубок пригубя,
Забыв себя, я нахожу тебя.

Когда ж, опомнясь, вижу вновь черты
Земного мира, — исчезаешь ты³.

А вот как описан схожий опыт в христианской традиции: «Часто Он (Христос) мне говорит: “Отныне Я — твой, и ты — Моя! Эти ласки Бога моего погружают меня в несказанное смущение”». Так описывает Д.С.Мережковский переживания святой Терезы Авильской: «Тереза падает в изнеможении, под этими ласками, закрывает глаза, дышит все чаще, и по всему телу ее пробегает содрогание. “В этом несказанно-блаженном соединении души с Богом и тело немного участвует” признается Тереза, и тотчас прибавляет, чтобы не солгать себе и другим: “Нет, тело в этом очень много участвует”»⁴.

Ничего, кроме метафор, мистикам-визионерам не остается, чтобы перевести на язык обыденной реальности, переживаемый ими опыт трансцендентного. Задача историков — расшифровать этот сложный, порожденный не только бессознательным, но и культурным контекстом эпохи «словарь языка мистика», реконструируя на его основе важнейший срез эпохи. Актуальной проблемой в связи с этим является выработка соответствующей междисциплинарной методологии, опирающейся на достижения современных гуманитарных наук: религиоведения, антропологии, психоистории.

Примечания

- ¹ Чжуан-цзы, Ле-цзы. — М., 1995. — С. 73.
- ² Арабская поэзия средних веков. — М., 1975. — С. 530—536.
- ³ Там же. — С. 520—521.
- ⁴ Мережковский, Д.С. Испанские мистики. — Томск, 1997. — С. 53.

Т.П.Хлынина

*Южный научный центр РАН, Институт социально-экономических
и гуманитарных исследований, г.Ростов-на-Дону*

НОВАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ В ПОИСКАХ ПУТЕЙ ПОНИМАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

О необходимости создания принципиально нового биографического жанра, в пространстве которого нашли бы свое отражение не только главные действующие лица эпохи, но и ее «безмолвствующее большинство» в последние годы уже практически не говорится. Получив свое образовательное оформление на страницах учебных пособий для высшей школы, новая биографическая история, по сути, обрела дисциплинарную прописку и самостоятельную профессиональную жизнь. При этом редкое исследование, выполненное в этом жанре, обходится без пространных сетований на несовершенство биографического метода и фрагментарность источникового материала. «Справедливость» подобного рода претензий не раз становилась предметом серьезных профессиональных дискуссий, стремящихся к выработке оптимальных исследовательских стратегий сопряжения «большого в малом».

Между тем, продолжающийся поиск «адекватных средств познания того исторического социума, в котором жили и творили, радовались и страдали, мыслили и действовали» герои новой биографики посредством «реконструкции их отдельных судеб»¹ свидетельствует не только о проблемах ее дисциплинарного роста, но и практической невозможности достижения декларируемых целей. Выходя за пределы собственных профессиональных «разумений», историческая наука претендует на выявление глубинных взаимосвязей между «индивидуальной физиогномикой общества» (Э.Дюркгейм) и универсальными стратегиями жизнедеятельности его членов. Попытки реализации этого неоднократно возникающего в развитии исторической науки проекта практически всегда оканчивались неутешительно. Создаваемые грандиозные и менее масштабные полотна взаимодействия человека и общества неизбежно грешили чрезмерными увлечениями социальным либо личным началами. В итоге, вплоть до сегодняшнего дня отсутствует не только внятное понимание природы и движущих сил исторического развития, но и надлежащая форма его выражения.

В этом отношении появление новой биографической истории, как раз, и являлось, с одной стороны, продолжением поисков механизма взаимосвязи уникального и типичного в истории, а с другой, — обретением повествовательного жанра, позволявшего реально ощутить на примере жизни отдельного человека или целого общества их «вписанность» в большую историю. За последние десять лет издано немалое количество профессиональных сочинений, на страницах которых воссозданы судьбы людей так называемого «второго плана в истории». Насколько успешными они оказались в отношении разных временных эпох, судить специалистам. Остановлюсь лишь на тех из них, которые тяготеют к советскому времени и непосредственно связаны с моими исследовательскими интересами. Речь пойдет по преимуществу о региональных изысканиях, посвященных наиболее сложному и неоднозначно оцениваемому в отечественной историографии периоду 1920—1930-х гг.

Следует сразу же отметить, что в количественном отношении биографических исследований, жизненная судьба героев которых стала бы предметом самостоятельного изучения, не вкрапленного в более широкие панорамные сюжеты, немного. Исключение, как и прежде, составляют фигуры первого ряда, чье местоположение в истории уже давно и прочно predetermined. Сложившаяся ситуация по большей своей части связана с состоянием и спецификой комплектования архивных фондов. Лишь только в последнее десятилетие региональные архивохранилища активизировали работу по сбору материалов личного происхождения от людей, «просто желающих остаться в истории»². В массиве передаваемых ими документальных свидетельств (за редким исключением) воссоздаются «официально» одобряемые вехи жизненной и профессиональной биографии, сопричастность к судьбе своей малой родины. Их отрывочность и тщательная отобранность не позволяют исследователю не только передать всей полноты жизни отдельного человека, но и проникнуться духом изучаемой эпохи.

Не меньшую трудность в методологическом плане представляют и бытующие в профессиональной среде убеждения в «нерепрезентативности» такого рода биографических историй. По заключению ряда коллег, чужая биография сродни подглядыванию в замочную скважину, ограниченную проемом ключа: и видно не очень хорошо, и наблюдаемые сцены не интригуют воображения. Между тем, как показали исследования советского повседневноья, выполненные, в том числе, и на материалах биографического характера, в карикатурной худольности отдельных жизненных историй как раз и заключается тот плохо различимый механизм взаимодействия с обществом, который был весьма распространен в 1920—1930-е гг.³

Новой биографической истории еще только предстоит ответить на волнующие исследователей раннего советского общества вопросы о том, как происходил процесс его антропологического становления, насколько сковывающими оказались рамки коллективного общежития для развития отдельного человека,

и что, собственно, все-таки произошло со страной в те отчасти ставшими легендой десятилетия. Однако уже сегодня можно с уверенностью констатировать, что благодаря ее усилиям история остается осязаемым прошлым, наполненным реальными людьми с их не всегда прочитываемыми взаимоотношениями с обществом. Возможно, именно в этом и заключается предназначение новой биографии?

Примечания

¹ Репина, Л.П., Зверева, В.В., Парамонова, М.Ю. История исторического знания. — М., 2004. — С. 265.

² Хлынина, Т.П., Гонежук, Ф.З. Личные фонды Национального архива Республики Адыгея: практика комплектования и перспективы использования // Отечественные архивы. — 2010. — № 2. — С. 34—38.

³ Козлова, Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. — М., 1996; Журавлев, С.В., Соколов, А.К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история. — 1997/98. — М., 1998. — С. 287—332.

Л.М.Хуторова

Казанский государственный энергетический университет

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ АРХИВОВ РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

В настоящее время в научном знании обозначилась тенденция, связанная с изучением уникального, индивидуального. В исторической науке возрос интерес к субъективно-личностному фактору, в архивоведении одним из его проявлений стали биографические исследования, посвященные архивным деятелям. Анализ данных работ позволяет выделить их в самостоятельное направление и обозначить термином «архивная биографика»¹. Мы можем обозначить ряд характерных особенностей «архивной биографики» как культурно-исторического жанра. Во-первых, существенное влияние на него оказали методологические изменения, произошедшие в рамках постмодернистских традиции исторической науки в целом. Во-вторых, «архивной биографике» присуще сосредоточение на личности в ракурсе сохранения и предоставления ретроспективной информации, а также ее освоения, особый интерес у исследователей вызывают исторические персонажи, существенно изменившие традиционные архивные схемы или пытавшиеся их изменить, повышенный интерес вызывают также судьбы архивистов, которым выпало жить в переломные эпохи. Можно выделить ряд моделей биографических исследований, различающиеся по функциям, которые призван выполнить историко-биографический портрет архивиста. Условно работы

такого рода можно обозначить как «биография в профессии» или «профессиональная биография». Подобный подход традиционен. Главная его проблема — выбор персонажа, героя «архивной биографики». Анализ изученных материалов позволяет выделить две побудительные причины обращения к судьбе архивистов. Для историко-биографических исследований — это «поиск информации, представляющей интерес для повседневной деятельности современных историков-архивистов»²; для материалов о наших современниках — стремление отметить заслуги и вклад человека в развитие архивного дела. Как правило, материал приурочен к юбилейным датам. Работы такого рода наиболее многочисленны. Часто материал сопровождается введением в научный оборот новых источников, которые призваны заполнить пробелы в изучении жизни и деятельности тех или иных людей³. Еще ряд работ можно обозначить как биографии активных пользователей архивной информации — представителей ученого мира⁴.

Привлечение в биографическое исследование анализа истории архивной мысли дает возможность вести речь о синтезе биографического и историографического жанров, соединении истории личности и истории науки. Это наиболее плодотворно разрабатываемое на сегодняшний день направление⁵. Обратим внимание на работу Т.И.Хорхординой «Российская наука об архивах: история. Теория. Люди». Автор попыталась осмыслить теоретические основы отечественной науки об архивах, базируясь на анализе истории архивоведческой мысли. В качестве рабочей гипотезы она выдвинула положение, что истоки научных знаний об архивах неразрывно связаны со всем процессом самопознания Человека, с конкретно-историческими условиями его существования. Анализируя динамику изменения общественного статуса профессий историка и архивиста, в качестве первоочередной задачи Т.И.Хорхордина выдвинула необходимость самоидентификации данных профессий на основе признания «самоценности» архивного документа. В монографии проанализированы процессы становления и развития архивоведения XVI — начала XX вв., акценты сделаны на биографии архивистов и их вклад в развитие архивной теории и практики.

Анализ изученного нами материала позволяет говорить, что отсутствуют монографические работы, посвященные архивным деятелям второй половины XX в. Этот период занимает важное место в архивной теории и практике, на данном этапе произошли качественные изменения в отечественном архивоведении. Обращение к жизни и деятельности архивистов — современников и непосредственных участников данных событий позволит проникнуть в суть изменений, внести важные штрихи в общую картину жизни советской и постсоветской архивистики. Определенные предпосылки для их появления уже созданы — вышли в свет и готовятся к изданию ряд материалов автобиографического характера⁶.

Таким образом, сегодня происходит накопление необходимого документально-биографического массива источников, которые позволят в ракурсе архивной биографии приступить к освоению истории второй половины XX в.

Примечания

¹ Петровская, И.Ф. Биографика: Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801—1917 годов. — СПб.: Logos, 2003. — С. 9—49.

² Шохин, Л.И. Московский архив Министерства Юстиции и русская историческая мысль: Архивисты и историки во второй половине XIX — начале XX века. — М.: Памятники исторической мысли, 1999. — С. 9.

³ Ковальчук, Н.А. Клавдия Ивановна Рудельсон (К 85-летию со дня рождения) // Отечественные архивы. — 2004. — № 6. — С. 35—44; Пудалов, Б.М. Первые руководители Нижегородской архивной службы (1919-1935 гг.) // Отечественные архивы. — 2003. — № 5. — С. 10—15; Нерозникова, Н.Д. Первые руководители Национального архива Республики Татарстан (1928—1938 гг.) // Отечественные архивы. — 2009. — № 1. — С. 3—10.

⁴ Буганов, В.И., Медушевский, А.Н. С.О.Шмидт — археограф, источниковед, архивовед // Отечественные архивы. — 1995. — № 5. — С. 23—33.

⁵ Козлов, В.П. Колумбы российских древностей. / Отв. ред. В.И.Буганов. — 2-е изд., доп. — М.: Наука, 1985. — 174 с.; Шохин, Л.И. Указ.соч. — 528 с.; Хорхордина, Т.И. Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. — М.: РГГУ, 2003. — 525 с.

⁶ «Историко-архивный институт окончен. В сделанном не раскаиваюсь...» (Студенческие дневники В.В.Цаплина. 1947—1952 гг.) // Отечественные архивы. — 1998. — № 3. — С. 31—57; «Историко-архивный институт стал моим родным домом». Воспоминания Н.А. Ковальчук о годах учебы в институте // Отечественные архивы. — 2003. — № 4. — С. 74—98; № 5. — С. 65—81; «Мы не увидим плоды наших посевов. Но они будут...» (Из воспоминаний А.А.Зиминой) // Отечественные архивы. — 1998. — № 6. — С. 57—85; «Не люблю всякую неточность... и мемуарную». Воспоминания Т.П. Коржихиной // Отечественные архивы. — 1994. — № 7. — С. 72—84; «Тогда в молодые года...». Воспоминания А.В.Елпатьевского // Вестник архивиста. — 2008. — № 2. — [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.vestarchive.ru/content/view/934/55/> (дата обращения 19.03.2010).

Е.А.Шаталин

Омский государственный институт сервиса

СВОБОДА КАК СИМВОЛ

Популярность идеи свободы невозможно понять без феномена Французской революции и того влияния, которое она оказала на общественную и культурную жизнь Европы. «Без Французской революции, — пишет Э.Арбластер, — либеральные ... идеи могли остаться просто идеями, вращавшимися в среде прогрессивной интеллигенции, без всякого существенного влияния на политическую жизнь»¹.

Благодаря событиям во Франции свобода перестает быть предметом исключительно политико-философских рефлексий и становится центральной темой множества литературных, поэтических, музыкальных, живописных и иных произведений европейской культуры. К ней обращались Бетховен, Моцарт, Гете,

Шиллер, Байрон, Шелли, Пушкин, Гейне, Давид, Делакруа, Жерико и бесчисленное количество авторов меньшего калибра.

Любой символ должен быть образен, предметен. Вряд ли свобода в виде «функции владения», как она была представлена у Гоббса, Локка или в раннем британском вигизме, могла претендовать на ту роль, которую ей суждено было сыграть в парадигме новоевропейского мышления. Новую символическую редакцию идея свободы получила благодаря своему метафорическому антиподу — тюрьме.

Штурм Бастилии толпой парижан 14 июля 1789 года произвел огромное впечатление на современников. Это событие стало предметом многочисленных художественных стилизаций, предопределивших чрезвычайно высокий статус свободы в системе европейских ценностей.

Через два года после штурма Бастилии Моцарт создает «Волшебную флейту», исполненную символизма противостояния света (свободы) и тьмы (темницы). Бетховен пишет свою единственную оперу — «Фиделио», в основе которой лежит тюремный сюжет (героиня спасает из тюрьмы мужа и разоблачает заключившего его тирана перед народом). В музыке возникает целое направление, получившее название «опер спасения из тюрьмы». «Свобода-как-разрушение-тюрьмы» становится устойчивым символическим стереотипом, который тиражировался во всех европейских литературах, включая русскую: «Оковы тяжкие падут, / Темницы рухнут — и свобода / Вас примет радостно у входа, / И братья меч вам отдадут». (А.С.Пушкин, «Во глубине сибирских руд...», 1827 г.).

Свобода как невмешательство — это эмпирическая пустота, и ее компенсирующим литературным эквивалентом становится персонаж Дефо. Свобода как разрушение тюрьмы и оков столь же негативна и также требует символической компенсации. Но эта негативность иного рода — разрушающая, революционная, воинственная, поэтому требуется новая персонификация символа. И свобода предстает на этот раз с оружием в руках. Наиболее известным воплощением этого образа становится персонаж картины Делакруа «Свобода, ведущая народ» («Свобода на баррикадах»).

Нет сомнений, что именно героико-романтическая, «французская» версия символа свободы предопределила его широкую популярность. Сам термин «либералы» — это отзвук французских событий. Впервые он появляется в Испании в 1810—11 гг. В Британии он долгое время воспринимался негативно, как внешнее влияние, и первыми, кто попытался внедрить его в английский политический лексикон, были поэты-романтики Байрон, Шелли и Хант (Гент), основавшие в 1822 году журнал «Либерал».

Либерализм многим обязан романтизму. Прежде всего, высоким эстетическим статусом своей основной идеи. Идеология — это продукт массового общества, результат появления на политической авансцене т.н. «публики». Ориентированная на массовую чувственность символично-эстетическая компонента идеологии оказывается решающим условием ее успеха и выживания.

Символ является предусловием прескриптивного дискурса. Любая идеологическая система немислима без символа, который, выступая критерием «должного» и «не-должного, а также способом демаркации «своих» и «чужих», сообщает ей ту предметность, вне которой она оказывается просто грамматической формой повелительного наклонения.

Идеологии как факта массового сознания не существует, если идея не обрела форму символа. Этому есть две причины. Во-первых, в ситуации политической борьбы, в которую вовлечены массы, неизбежный эмоциональный порыв может найти свое адекватное выражение только в форме обращенного к чувственности символа. Концепт, в отличие от последнего, не обладает эмотивно-эстетическим измерением. Более того, он может быть выражен только через нарратив, тогда как символ, помимо речевых и литературных форм подачи, способен обрести бытование в любых выразительных формах. Во-вторых, теории, которые обычно формулируются в понятийных системах различных академических дисциплин, в принципе не могут быть средством массовой политической коммуникации. Они доходят до массового сознания в виде идеологем, т.е. символических конструкций.

Говоря о либерализме, мы, в сущности, имеем дело с двумя феноменами: во-первых, с массивом теоретических текстов, в структуру которых входит определенная риторико-пропагандистская составляющая (феномен, который можно назвать «политической теорией либерализма»), и, во-вторых, с совокупностью разнообразных символических средств воздействия на массовую психологию, т.е. с политической пропагандой, которая не локализована исключительно текстовым массивом, а актуализирована в виде своеобразной ритуально-символической квазиреальности, благодаря которой идеология и становится фактом массового сознания — т.н. «политическим воображаемым».

Примечания

¹ Arblaster A. The Rise and Decline of Western Liberalism. — Oxford: Basil Blackwell, 1984. — P. 204.

О.В.Шепель

Нижевартовский государственный гуманитарный университет

ИСТОРИЯ ПОНЯТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ДИЗАЙНА

Для изучения истории промышленного дизайна необходимо проследить историю вопроса и очертить временные границы понимания этого феномена. Исторически развитие дизайна связано с поступательными изменениями науки и техники совершенствованием социальных культур.

Впервые термин «дизайн» (от итал. designo) возник в эпоху Ренессанса. Он имел несколько значений: изобретать; стремление к цели; лежащие в основе работы идеи¹.

Английское «design», являясь производным от латинского «de+signum» (де-сигнат — знак, обозначение, отсылающее к замещаемому им объекту, детонату)², означает не только чертеж или рисунок, как было первоначально, но и всю область работы художника, за исключением станкового искусства.

Оксфордский словарь прослеживает хронологию возникновения современного понятия «дизайн» (с англ. design). С 1548 г. этот термин означает «цель, интенция», 1593 г. — «план в уме того, что будет сделано», 1638 г. — «план строительства», 1697 г. — «сделать предварительный набросок для конструирования чего-либо»³. С течением времени значение слова «дизайн» меняется от «замысла в уме, намерения» к «материализованной в проекте-эскизе конструкторской идее». В XVII веке слово дизайн стало означать «план строительства, чертеж, набросок для конструирования чего-либо». Однако понятие «дизайн» аккумулировало в себе еще несколько значений: to invent — «изобретать или мысленно формулировать идею или сущностные черты чего-либо», to intend — «намереваться, устремляться к какой-либо цели (отсюда — интенция)», to appoint — «назначать, определять, указывать»⁴.

При множестве частных определений дизайнера, выработанных в западной литературе, наибольшей четкостью отличается определение, принятое в 1964 году международным семинаром по дизайнерскому образованию в Брюгге: «Дизайн — это творческая деятельность, целью которой является определение формальных качеств промышленных изделий. Эти качества включают и внешние черты изделия, но главным образом те структурные и функциональные взаимосвязи, которые превращают изделие в единое целое, как с точки зрения потребителя, так и с точки зрения изготовителя»⁵.

В настоящее время слово «дизайн» означает «замысел; план; цель; намерение; проект; планирование; чертеж; эскиз; конструкция; расчет; рисунок; узор; композиция (картины и т.п.); умысел; схема; образец; конструирование; проектирование»⁶. В узком, профессиональном понимании, дизайн означает проектно-художественную деятельность по разработке промышленных изделий с высокими потребительскими и эстетическими качествами, деятельность по организации комфортной для человека предметной среды — жилой, производственной, социально-культурной⁷.

Е.Н.Лазарев считает, что понятие «дизайн» имеет несколько смысловых рядов. Генетически первичным является ряд определений «декоративного порядка»: узор, орнамент, декор, украшение, убранство. Ко второму ряду относятся «проектно-графические» трактовки: набросок, эскиз, рисунок, собственно проект, чертеж, конструкция. Третий ряд, выходящий за рамки прямого проекта, — понятия «предвосхищающий»: план, предположение, замысел,

намерение. Определения четвертого ряда «драматические»: затея, ухищрение, умысел и даже интрига⁸.

В.Л.Глазычев в книге «О дизайне» считает результатом деятельности дизайнера в целом, дизайна как системы, потребительскую ценность продукции и предлагает следующее определение дизайнера: «Дизайн — форма организованности (служба) художественно-проектной деятельности, производящая потребительскую ценность продуктов материального и духовного массового потребления»⁹. Очень точно вместо «массового производства» В.Л.Глазычев особенностью дизайна считает «массовое потребление», что позволяет, во-первых, развести продукцию дизайнера и изделия декоративно-прикладного искусства, во-вторых, именно к дизайну с полным основанием относится, скажем, видеоклип, пусть в единственном экземпляре или в малом количестве являющийся продуктом массового потребления.

Другую пограничную зону рассматривал в своих трудах Н.В.Воронов, определяя общие точки пересечения между искусством и дизайном в проектировании образа предмета. Он же и разделяет их, вводя необходимые компоненты открытия, изобретения и конструирования в дизайн. Дизайн по Н.В.Воронову — это союз пользы и красоты, в котором главенствует функция и утилитарность¹⁰.

Вопрос о предметных границах промышленного дизайнера актуален в силу неоднозначности терминологии и наличия нескольких близких по смыслу понятий, а именно «дизайн», «индустриальный дизайн» и «индустриальное формообразование».

При этом временные границы индустриального формообразования значительно шире. Его начало восходит к началу промышленной революции XVII—XVIII вв. Под индустриальным формообразованием понимается процесс создания формы в деятельности художника, конструктора, дизайнера в соответствии с общими ценностными установками культуры и теми или иными требованиями, имеющими отношение к эстетической выразительности будущего объекта, его функции, конструкции и используемых материалов, для последующего производства с использованием индустриальных технологий. При этом не оговаривается существование проектной деятельности автора будущего предмета, а значит, понятие индустриального формообразования шире, нежели понятие «индустриальный дизайн» и включает в себя и первичные инженерные поиски индустриальных форм¹¹.

Временные границы «промышленного дизайнера», находятся в пределах XX века, так как он возник в рамках индустриальных технологий производства. Кроме того, формообразование в индустриальном дизайне основывается на методах абстрактного композиционного моделирования. Впервые термин «дизайн» был применен по отношению к образцам изделий, разработанным для промышленного производства, английским художником Джозефом Синелом в 1919 г. Он ввел уточняющее определение «industrial», употребив словосочетание «industrial design» для обозначения исторически новой области художественного

предметного творчества, ориентированной на промышленность с ее развитой машинной техникой, рассчитанной на серийное производство продукции. Этот термин утвердился сначала в США в конце 20-х — начале 30-х гг., а затем получил широкое распространение во всем мире уже со второй половины XX века¹².

Дизайн в различных языках обозначается также как «техническая эстетика», «промышленное искусство», «художественное конструирование» (в русском), «Formgebung» (придание формы) и «Formgestaltung» (образование формы) (в немецком), «wzornictwo przemyslowe» (в польском) и т.д.

В 1959 году на первой генеральной ассамблее ИКСИД (ICSID, International Council of Societies of Industrial Design — Международный совет организаций промышленного дизайна) в качестве основного международного термина был принят термин «industrial design» (в профессиональном сокращении — «design»), как наиболее емкий по своей смысловой структуре¹³. Там же было принято предложенное Томасом Мальдонадо определение индустриального дизайна: «Дизайн — это творческая деятельность, целью которой является определение формальных качеств промышленных изделий. Эти качества включают и внешние черты изделия, но главным образом те структурные и функциональные взаимосвязи, которые превращают изделие в единое целое как с точки зрения потребителя, так и с точки зрения изготовителя. Дизайн стремится охватить все аспекты окружающей человека среды, которая обусловлена промышленным производством»¹⁴.

Индустриальный дизайн охватывает широчайший круг объектов — «от иглы до самолета». Главенствующее место занимает проектирование изделий группы «А» — наиболее наукоемких, технически сложных, определяющих хозяйственно-экономический потенциал государства. Это продукция машиностроения и станкостроения, средства транспорта, вооружение. Наиболее массовый характер имеет дизайн изделий группы «Б» — предметов потребления (бытовая техника, мебель, посуда, одежда и многое другое)¹⁵.

В традиционном понимании к индустриальному дизайну относятся бытовые приборы, аппаратура, инвентарь и пр. Особое место занимает дизайн мебели и оборудования для интерьеров, а также посуда, столовые приборы. Специфические особенности присущи дизайну медицинского оборудования, изделий для инвалидов и пожилых людей, игрушек и т.д.

Одними из последних работ посвященных изучению промышленного дизайна является диссертационные исследования А.С.Михайловой, Л.А.Ермолиной. В диссертационной работе А.С.Михайловой дизайн рассматривается по определению Т.Мальдонадо¹⁶. В диссертационном исследовании Л.А.Ермолина предлагает свое определение промышленного дизайна: «Промышленный дизайн — это межотраслевой вид проектной деятельности человека, в котором в единстве материального и духовного в результатах промышленного производства воплощаются образность, системность и инновационность»¹⁷.

Индустриальный дизайн, тесно связанный с производственными технологиями и промышленной революции с переходом общества в стадию постиндустриального также претерпевает качественные изменения с превращением в постиндустриальный. С одной стороны, происходит своего рода его растворение в смежных областях проектно-художественной деятельности, с другой стороны, он сам начинает их «поглощать», диктуя принципы организации пространства в архитектуре, социальных процессах рекламе и маркетинге. Будучи своеобразным коммуникационным мостом между специалистами разных профессий, собравшимися с общей целью созидания нового, дизайн теряет обособленность как самостоятельная проектная задача в ряде других и начинает играть, с одной стороны, роль обслуживающую и связующую, с другой стороны, превращается в своеобразный фактор, влияющий на изменение социального статуса, психологического состояния человека.

Примечания

¹ Burdek, Bernhard E. Design. Geschichte, Theories und Praxis der Produktgestaltung. — Köln, 2005. — P. 73.

² Рунге, В.Ф. История дизайна, науки и техники. Книга первая. — М., 2006. — С. 11.

³ Oxford School Dictionary // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.oed.com/public/whatis>, свободный.

⁴ Дизайн. Сборник научных трудов. — М., 1996. — Выпуск IV. — С. 26.

⁵ Цит. по: Краткая стенограмма семинара в Брюгге. — М., 1964. — С. 7.

⁶ Большой энциклопедический словарь: в 2-х тт. Гл. редактор Прохоров А.М. — М., 1991.

⁷ Иллюстрированный словарь-справочник под руководством Г.Б.Минервина и В.Т.Шкмо // [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.archizona.ru/disain_illustrirovanniy_slovar_spravochnik.htm, свободный.

⁸ См.: Лазарев, Е.Н. Дизайн машин. — Ленинград, 1988. — С. 56.

⁹ Цит. по Глазычев, В.Л. О дизайне (Очерки по теории и практике дизайна на Западе). — М., 1970. — С. 25.

¹⁰ Воронов, Н.В. Очерки истории отечественного дизайна. — М., 1997.

¹¹ Глазычев, В.Л. О дизайне (Очерки по теории и практике дизайна на Западе). — М., 1970.

¹² Дизайн. Сборник научных трудов. — М., 1996. — Выпуск IV.

¹³ Рунге, В.Ф. История дизайна, науки и техники. Книга первая. — М., 2006.

¹⁴ Аронов, В.Р. Мальдонадо — теоретик дизайна // Техническая эстетика. 1978. — № 7. — С. 23—26.

¹⁵ Луков, В.А., Останин, А.А. Дизайн: тезариусный анализ: Научная монография. — М., 2007.

¹⁶ См.: Михайлова, А.С. Индустриальный дизайн как вид проектно-художественной деятельности в условиях развитого промышленного производства XX века: 1920—1980-е гг.: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.06. — М., 2009. — С. 47.

¹⁷ Цит. по: Ермолина, Л.А. Промышленный дизайн: сущность, содержание, тенденции развития: философский анализ: дис. ... канд. филос. Наук: 09.00.08. — М., 2010. — С. 26.

Содержание

I. Выступления на пленарном заседании и статьи	3
<i>Степанова В.В.</i> Генрих фон Трейчке в немецкой истории.....	3
<i>Калинов В.В.</i> К истокам сотрудничества СССР и Запада в нефтегазовой сфере.....	9
<i>Мауль В.Я.</i> Между честью и жизнью: нравственный выбор провинциальных дворян на фоне русского бунта (по материалам «Капитанской дочки»)	11
<i>Милевский О.А.</i> Софья Львовна Перовская: к вопросу о формировании революционного мировоззрения.....	21
<i>Чореф М.М.</i> Монетное дело византийского Херсона: история изучения и перспективы развития	26
<i>Ерохин В.Н.</i> Вернер Зомбарт об английской культуре.....	36
II. Секция «Проблемы всеобщей истории»	53
<i>Алексеева М.В.</i> Роль Вука Караджича в общественном и культурном развитии Сербии	53
<i>Алексеева М.Н.</i> Австро-британский союз и Аахенский мирный договор (1748 г.).....	55
<i>Артеменков М.Н.</i> Дипломаты на службе Елизаветы I Английской.....	58
<i>Башмакова Е.В.</i> Начало развития системы водоснабжения в средневековом Лондоне	60
<i>Беликов А.П.</i> Причины победы Рима над эллинистическим Востоком.....	62
<i>Бельцер А.А.</i> Прелаты и персонал местного управления в тюдоровскую эпоху	64
<i>Белякин Э.И.</i> Э.К.Стэнтон и Л.Мотт: идея борьбы за права женщин в США	67
<i>Беспалова Л.Н.</i> Идея и практика социальной политики в Германии в 80-е годы XIX века	72
<i>Борисенко В.В.</i> К вопросу о положении черногорских земель в XVII — первой половине XVIII в.....	77
<i>Бородавкина Н.В.</i> «Христианский герой»: Ч.Дж.Гордон	80

<i>Бородина С.Н.</i>	Культе богини Весты в древнем Риме	82
<i>Быковских П.А.</i>	Ханский Совет в Младшем казахском жузе (1797—1824 гг.)	85
<i>Волошин Д.А.</i>	Ромул Августул и конец Римской империи на Западе (личность в контексте всемирно-исторического события)	91
<i>Гайсина Л.Р.</i>	«Русский» и «азиатский» Ташкент: к вопросу о причинах разделения города (вторая треть XIX — начало XX в.)	93
<i>Горбунова С.В.</i>	Концепции российской политики в казахских жузах: В.Ф.Тимковский versus Г.Ф.Генс	97
<i>Гордиенко Д.О.</i>	Преступление и наказание: ржаной заговор и адекватность королевского правосудия в оценке Д.Юма	101
<i>Гусева М.А.</i>	«Книга манориального суда города Ковентри» как источник по локальной истории средневековой Англии	104
<i>Евсеев В.А.</i>	Дисциплина и методы наказания в средневековых английских университетах	107
<i>Жолудов М.В.</i>	Британский парламент в контексте социальной модернизации первой половины XIX века	109
<i>Заблоцкая М.В.</i>	«Западнорусское» направление общественной мысли Беларуси в творчестве А.П.Сапунова	112
<i>Ивонина Л.И.</i>	Карл II Испанский: вырождение династии и европейская политика	114
<i>Ильин Д.В.</i>	Концепция народонаселения английского мыслителя Томаса Мальтуса	116
<i>Коробейников И.Н.</i>	Роберт Гвискар. Завоеватель Южной Италии	118
<i>Королева О.В.</i>	Образ путешественника XVII века на страницах «Писем из Индии» Томаса Кориэта	120
<i>Краснова И.А.</i>	Биографии Веспасиано да Бистиччи как источник для изучения флорентийского общества XV в.	123
<i>Кучер Н.А.</i>	Основные этапы иммиграционной политики США в XIX веке	126

<i>Малкин С.Г.</i>	
«Сам себе ревизор»: генерал Уэйд и «изобретение» Горной Шотландии	128
<i>Науменкова Е.О.</i>	
Дж. Чемберлен и билль о расширении избирательных прав 1884 г. в Великобритании.....	129
<i>Николаенко О.А.</i>	
Женский вопрос в польской общественно-политической мысли второй половины XIX — начала XX вв.	131
<i>Обидина Ю.С.</i>	
Мистерии Элевсина в структуре религиозной жизни древней Греции	134
<i>Панютина М.Н.</i>	
К вопросу трудоустройства выпускников Оксфорда и Кембриджа в XV веке	136
<i>Перфильев А.Л.</i>	
Основные черты межродовых конфликтов казахов в конце XVIII — начале XIX вв.	138
<i>Покудов О.А.</i>	
Политические силы «новой экономической политики» Бисмарка в условиях экономического кризиса	144
<i>Польская С.А.</i>	
Королевская биография в трактатах французских юристов XVI—XVII вв.	151
<i>Праздников А.Г.</i>	
Горожане–«изменники» периода Войн Роз: коллективный биографический портрет	154
<i>Савельева А.В.</i>	
Социально-экономическая политика США в период президентства Р.Хейса (1877—1881).....	157
<i>Савченко Н.М.</i>	
Партократия, клиентелизм и проблема финансирования партий как проявление кризиса первой итальянской республики	165
<i>Сальникова С.А.</i>	
Концепция народной школы Мартина Лютера в Германии.....	168
<i>Свилас С.Ф.</i>	
К.В. Киселев и публикаторская деятельность МИД Белорусской ССР (1953—1964 гг.).....	172
<i>Соколова Т.В.</i>	
Даниэль Дефо о вкладе благотворителей в развитие социальной инфраструктуры Лондона.....	175
<i>Старостина И.Ю.</i>	
«Мужской взгляд» на женщину: отношение к возлюбленной в среде знати (по произведению Чосера «Легенда о хороших женщинах»).....	177

<i>Степанов Г.В.</i>	
На службе у партии: средства массовой информации в ГДР	180
<i>Стрелец М.В.</i>	
Вальтер Ратенау в интерьере реалий Второго рейха и первой германской республики	182
<i>Тебенев К.Г.</i>	
Эволюция восприятия торговцев в литературном дискурсе средневековой Англии.....	184
<i>Федорович М.Ю.</i>	
Правовые взгляды Мартина Лютера.....	187
<i>Фефилатьева Е.А.</i>	
Т.Карлейль — английский историк и его творчество	190
<i>Хисамов Э.И.</i>	
Древнееврейские трактаты как источник права в «конфессиональный век» на примере «Mare Clausum» Джона Селдена.....	194
<i>Чернова Л.Н.</i>	
Замужество в жизненном пространстве горожанки рубежа XIV—XV веков	196
<i>Шмелев Д.В.</i>	
Народно-республиканское движение и Христианская Демократия (из истории взаимоотношений)	199
<i>Шмелева Л.М.</i>	
Рим и Латинский союз при Сервии Туллии (середина VI в. до н.э.).....	201
<i>Якубова Л.А.</i>	
Г.Эспинг-Андерсен о феномене “welfare state”: к вопросу о типологии государства всеобщего благосостояния	203
<i>Якубовская И.В.</i>	
У.Пальмер и англо-русский межконфессиональный диалог в середине XIX в.....	205
<i>Ялдышева Ю.Г.</i>	
К проблеме модернизации Оксфордского и Кембриджского университетов в XIX в.	208
III. Секция «Проблемы отечественной истории».....	211
<i>Артамонова Л.М.</i>	
Т.Г.Масленицкий как деятель народного просвещения конца XVIII века	211
<i>Базанов М.А.</i>	
Д.С.Лихачев о времени создания «Слова о полку Игореве»: из эпистолярного наследия ученого.....	214
<i>Бодрова Е.В.</i>	
О потребности научно-теоретического осмысления государственной научно-технической политики прошедшего двадцатилетия	216

<i>Бренькова А.С.</i>	
Критика идеи демократии Л.А.Тихомировым	218
<i>Будюкин Д.А.</i>	
Князь Л.Д.Вяземский и его семья: восхождение в аристократию	220
<i>Вагазова Р.М.</i>	
Отец Василий Тимофеев: православный миссионер и просветитель кряшен	223
<i>Волобуева М.М.</i>	
Энергетический рабфак в 1936—1937 годах	225
<i>Волошенко К.В.</i>	
Развитие отечественной медицины как историческая проблема	227
<i>Воробьева Н.В.</i>	
Имагология личности Святейшего Патриарха Никона	229
<i>Гасникова С.Ю.</i>	
Русская национальная идея в трудах Н.А.Бердяева	233
<i>Гололобов Е.И.</i>	
Феликс Робертович Штильмарк: «Факты подлинные, оценки же мои сугубо личные» (возможности биографического метода в экологической истории)	235
<i>Григорьев А.Д.</i>	
Г.М.Маленков — несостоявшийся преемник Сталина	237
<i>Давыденко Е.А.</i>	
Национальная политика России в отношении коренных малочисленных народов Обского Севера в 1923—1930-е годы	239
<i>Дубинин В.О.</i>	
Проблема извлечения урока из опыта мобилизационной готовности войск на примере Сибирского военного округа (1865—1906 гг.)	242
<i>Кайда О.А.</i>	
«Серый кардинал» Гинс Г.К. в системе управления Белой Сибири в условиях Гражданской войны (1918—1920 гг.)	244
<i>Каримова И.А.</i>	
Страницы биографии попечителя Казанского учебного округа П.Д.Шестакова	249
<i>Кизыма Е.С.</i>	
Проблемы общественно-церковных отношений в новых политических условиях между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г.	252
<i>Климкина Э.В.</i>	
Некоторые аспекты правительственного курса в области народного просвещения в последние годы правления Александра I	254
<i>Овчинникова Т.К.</i>	
Вклад М.А.Капелюшника в развитие нефтяной отрасли страны	257

<i>Поплетеева Г.А.</i>	
Становление политики регулирования разведки и добычи нефти на государственных землях во второй половине XIX в.....	259
<i>Проскурина Н.В.</i>	
Дмитрий Васильевич Волков — помощник канцлера А.П.Бестужева-Рюмина	261
<i>Седых Е.М.</i>	
Высшее образование России в период глобализации.....	263
<i>Смирнов Ю.Н.</i>	
Ф.Ф.Ушаков как флотоводец и святой воин в памятных датах гражданского и православного календарей	265
<i>Степаненкова З.В.</i>	
В.В.Берви-Флеровский о праве на образование	269
<i>Стрелков А.В.</i>	
Институциональные особенности поиска российской идентичности.....	271
<i>Стрелкова И.А.</i>	
К истории эволюции экономических концепций о роли и месте информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в обществе	273
<i>Судник Т.В.</i>	
Роль Николая Васильевича Варадинова в развитии российского делопроизводства	275
<i>Чирков М.С.</i>	
Военная «фронда» сталинской сельскохозяйственной политике (1946—1950 гг.).....	278
<i>Чумакова Т.В.</i>	
Сакральная топография Петербурга. Юродивые	280
IV. Секция «Теория, методология истории, историография»	283
<i>Баженова К.Е.</i>	
Проблемы взаимодействия власти и российского общества в годы Первой мировой войны в современной зарубежной историографии	283
<i>Досекин Е.С.</i>	
Биографический метод исторического исследования (на примере изучения взглядов и деятельности Е.Н.Трубецкого)	285
<i>Дударев С.Л., Волошин Д.А.</i>	
К биографиям деятелей церкви начала средневековья (новое о Цезарии Арелатском).....	288
<i>Ерохина Н.А.</i>	
Роль и значение геополитики в жизни современного общества.....	292
<i>Жидченко А.В.</i>	
Возможности применения биографического метода при реконструкции городского района.....	295

<i>Закиров А.В.</i>	
Теоретические взгляды немецкого историка Р.Козеллека.....	297
<i>Захарченко О.В., Иванова Т.Н.</i>	
Влияние В.И.Герье на формирование исторического мировоззрения С.А.Котляревского.....	300
<i>Игнатович А.Е.</i>	
Методологический поиск в изучении взаимоотношений мусульманской общины и принимающего общества в Великобритании.....	302
<i>Каратовская В.В.</i>	
Варяжский вопрос в зеркале массового исторического сознания современного российского общества.....	304
<i>Киселев А.А.</i>	
Британский король Георг III в историографии.....	307
<i>Кобылин И.И., Николаи Ф.В.</i>	
Интеллектуальная история М.Джея: наследие и потенциал одного «(не)завершенного» проекта.....	309
<i>Колесникова У.В.</i>	
Виктор Федорович Семенов: жизнь ученого.....	311
<i>Криванкова И.С.</i>	
Историзм и память: через проблему соотношения уникального и универсального в подходах к Шоа.....	314
<i>Кузь В.В.</i>	
Кризис теории мифа в советской историографии раннего христианства.....	316
<i>Линченко А.А.</i>	
Интерпретации исторического сознания в зарубежной социальной философии и исторической науке.....	320
<i>Марьин П.Ю.</i>	
Роль исторической биографии в работах Марка Ферро.....	322
<i>Метель О.В.</i>	
«История происхождения христианства» Э.Ренана: история религий «по-позитивистски»?.....	326
<i>Минаев А.И.</i>	
М.М.Ковалевский — исследователь британского парламентаризма.....	328
<i>Мысляева Н.С.</i>	
Изучение деятельности А.Ф.Кони как опыт реализации мемуарного жанра в историческом исследовании.....	331
<i>Набокина Т.А.</i>	
Жанровая специфика краеведческой биографии (на основе «Трудов Оренбургской Ученой Архивной Комиссии»).....	333
<i>Невельская-Гордеева Е.П.</i>	
Роль личности в истории: биографический анализ в богословском контексте.....	336

<i>Павлова О.С.</i>	
О перспективах изучения российской интеллигенции в контексте истории повседневности	338
<i>Парамонов В.Н.</i>	
Биографии партийных работников как предмет исторического исследования	340
<i>Петелин Б.В.</i>	
Есть ли «правда истории»?	344
<i>Риер Я.Г.</i>	
Природная среда и появление государственности.....	347
<i>Сайнаков Н.А.</i>	
Царь Иван Грозный как маргинальная личность.....	349
<i>Седова Л.Д.</i>	
Проблема употребления понятия «диалог» в историческом исследовании (на примере иудео-христианских отношений)	351
<i>Суворов В.В.</i>	
Князь Э.Э.Ухтомский о популяризации знаний о Востоке.....	353
<i>Сушко А.В.</i>	
К вопросу о сущности модернизации российской цивилизации в первой четверти XX столетия.....	356
<i>Трофимов А.В.</i>	
К проблеме изучения феномена СССР (1945—1991 гг.) в современной историографии.....	358
<i>Хабибуллин М.З.</i>	
Вклад П.К.Жузе в изучение христианства и ислама в Казани в конце XIX — середины XX вв.	360
<i>Хазанов О.В.</i>	
Метафора как способ передачи мистического переживания и проблемы исторического познания	363
<i>Хлынина Т.П.</i>	
Новая биографическая история в поисках путей понимания взаимодействия человека и общества.....	365
<i>Хуторова Л.М.</i>	
Биографический подход в изучении истории архивов России: особенности и основные тенденции развития	367
<i>Шаталин Е.А.</i>	
Свобода как символ	369
<i>Шепель О.В.</i>	
История понятия промышленного дизайна.....	371

Научное издание

ИСТОРИЯ ИДЕЙ И ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВА

Материалы VIII Всероссийской научной конференции

г. Нижневартовск, 14—15 апреля 2011 года

Книга издается в авторской редакции

Художник обложки *А.С.Филатова*
Компьютерная верстка *А.З.Насибуллиной*

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 17.03.2011
Формат 60×84/16. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Arial. Усл. печ. листов 24
Тираж 500 экз. Заказ 1181

*Отпечатано в Издательстве
Нижневартовского государственного гуманитарного университета
628615, Тюменская область, г. Нижневартовск, ул. Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru*